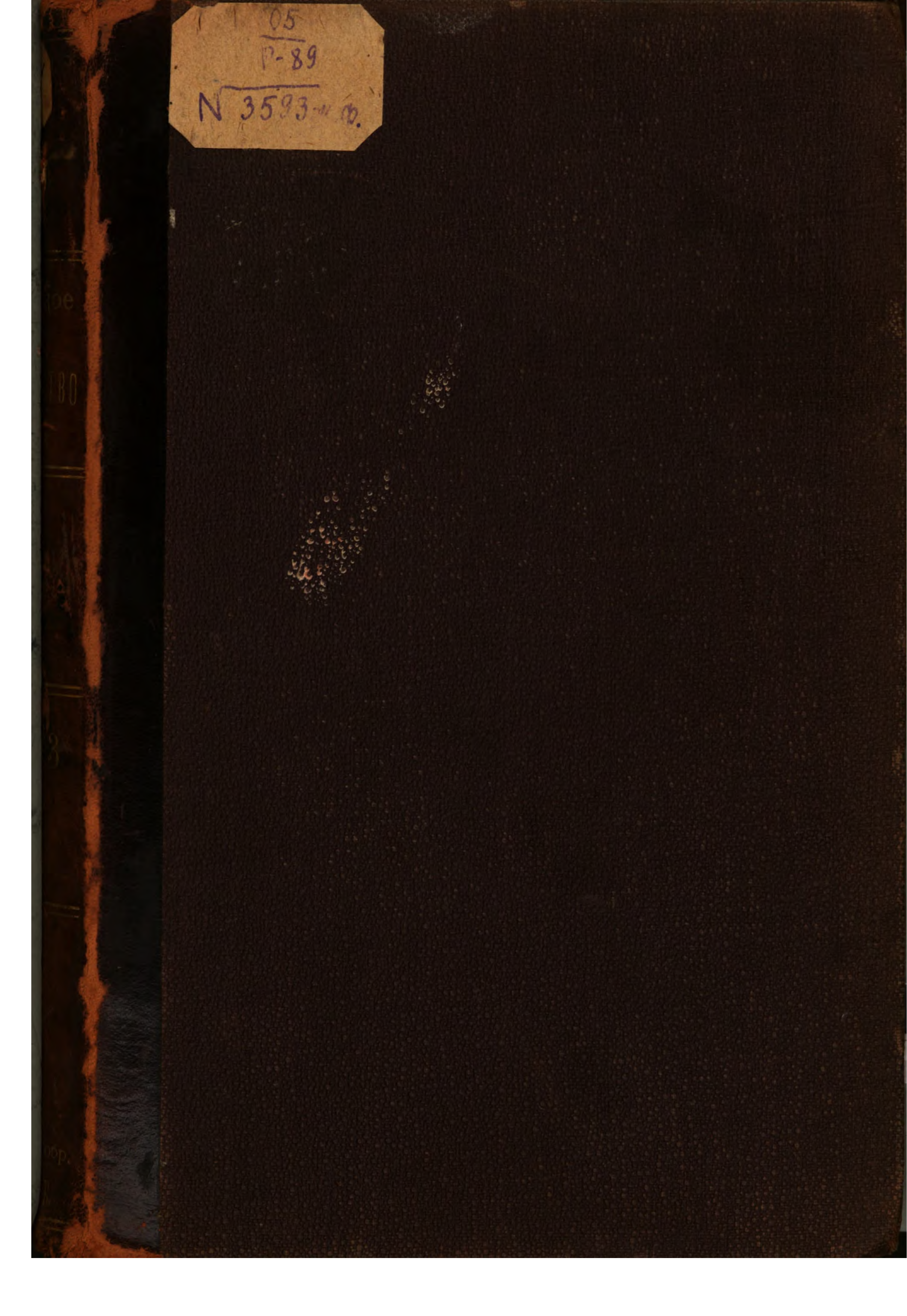

05
P-89
N 3593

1959

„УБЕДИТЕЛЬНАЯ ПРОСЬБА КНИГИ“.

Пожалуйста не трогайте меня грязными руками: мне будет стыдно, если меня возьмут другие читатели.

Не исчеркивайте меня пером и карандашем, — это так некрасиво.

Не ставьте на меня локтей когда читаете, не кладите меня раскрытой на стол лицом вниз, ибо вам самим не понравилось бы, если бы с вами так обращались.

Не кладите в меня ни карандаша, ничего толстого, кроме тоненького листка бумаги, иначе разрывается корешок.

Если вы кончили читать и боитесь потерять место, где вы остановились, то не делайте знака ногтем, а вложите в меня закладку, чтобы я могла удобно и спокойно отдохнуть.

Не забывайте, что после того, как вы прочитали, мне придется побывать у других читателей.

Заворачивайте меня в бумагу в сырую погоду, потому что такая погода мне вредна.

Помогите мне остаться свежей и чистой, а я помогу вам быть счастливыми.

Ваш лучший друг.

7032

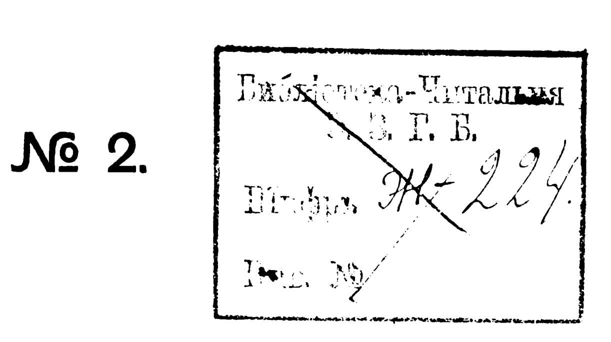
 ФЕВРАЛЬ. 1903.

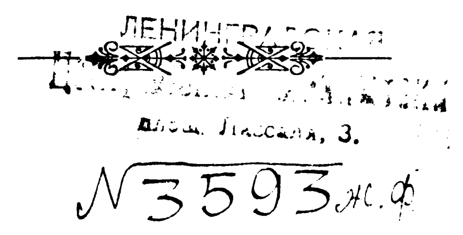
РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.





С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Н. Н. Клобукова, Пряжка, уг. Заводской, д. 1—3.

1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26-го февраля 1903 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

1. **Иванъ Θедоровичъ.** Повѣсть. *О. Н. Ольнемъ.* Окончаніе . . . . 5— 42
2. *** Стихотвореніе *Н. Шрейтера.* 42
3. **Творческая личность Тэна** (Къ десятилѣтію его смерти). *А. Г—да* . . . . 43— 74
4. *** Стихотвореніе *Н. Шрейтера.* 74
5. **Земля.** Романъ. *А. М. Θедорова.* Продолженіе . . 75—108
6. **Очерки по исторіи цензуры.** *Мих. Лемке.* Продолженіе. 109—153
7. **Не страшное** (Изъ записокъ репортера). Этюдъ. *Вл. Короленко* . . . . 154—200
8. **Пепелище.** Романъ. *С. Жеромскаго.* Переводъ съ польскаго Н. Ю. Татарова. Продолженіе . . . . 201—230
9. **Моимъ братьямъ.** Стихотвореніе *М. Соболевой.* . . 231—232
10. **Земля обѣтованная.** Романъ. *В. С. Реймонта.* Переводъ съ польскаго Н. Ю. Татарова. Продолженіе. (Въ приложеніи). . . . . 49— 80
11. **Южные горнопромышленники и потребители.** *Сѣверянина.* 1— 18
12. **Новыя книги:**

Сочиненія А. С. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова.—В. Н. Майковъ. Сочиненія. — Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. — Н. Телешовъ. Повѣсти и разсказы.—Е. Дюрингъ. Высшее женское образованіе и университеты. — В. Вартаньянцъ. Гл. Успенскій и Гоголь и ихъ отношеніе къ крѣпостному строю.—В. М. Дорошевичъ. Сахалинъ (каторга).—Людвигъ Крживицкій. Психологическія расы. — В. В. Къ исторіи общины въ Россіи.—Очеркъ всеобщей исторіи. Составилъ М. Коваленскій.—Русская исторія. Составилъ М. Коваленскій.—Профессоръ Р. Випперъ. Учебникъ древней исторіи.— Промышленность и здоровье. Вѣстникъ профессіональной гигіены, фабричнаго и санитарнаго законодательства.

(См. на оборотѣ).

СТРАН.

Подъ ред. А. В. Погожева. — Новыя книги, поступившія въ редакцію . . . . 18— 54

13. **Къ воспоминаніямъ М. А. Антоновича о Некрасовѣ.** *Ник. Михайловскаго.* . . . . 55— 62

14. **Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ.** *А. Пѣшехонова* . . . . 62— 85

15. **Политика.** Сенатскіе выборы во Франціи.—Борьба политическихъ партій во французскомъ парламентѣ.—Рѣчь Жореса и ея отклики.—Австро-Венгерское соглашеніе (аусглейхъ). *С. Южакова* . . 86—101

16. **Человѣкъ съ причудой.** Письмо изъ Англіи. *Діонео.* 101—130

17. **Наша текущая жизнь.** («Міръ Божій», октябрь 1902—февраль 1903). *В. Г. Подарскаго* . . . . 131—162

18. **Хроника внутренней жизни:** I. Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1903 годъ. — II. Изъ засѣданій губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства.—III. Всеподданнѣйшій рапортъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ т. с. Зиновьева о ревизіи петербургскаго городского самоуправленія. — IV. Правительственныя сообщенія и распоряженія.—V. Административныя распоряженія по дѣламъ печати. *В. А. Мякотина.* 163—201

19. **Отчетъ конторы редакціи** 201

20. **Объявленія.**

Изданіе редакціи журнала „РУССКОЕ БОГАТСТВО“:

(С.-Петербургъ — *Контора редакціи, Баскова ул., 9*; **Москва** — *Отдѣленіе конторы, Никитскія Ворота, д. Гагарина*).

С. А. Ан—скій. Очерки народной литературы. Ц. 80 к.
П. Булыгинъ. Разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
Н. Гаринъ. Дѣтство Темы. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.
„ „ Гимназисты. Изд. *третье.* Ц. 1 р. 25 к.
„ „ Студенты. Ц. 1 р. 25 к.
Діонео. Очерки современной Англіи. Ц. 1 р. 50 к. (*Печатается*).
С. Я. Елпатьевскій. Очерки Сибири. Изд. *третье.* Ц. 1 р.
„ „ „ Очерки и разсказы. Ц. 1 р. 50 к.
Вл. Короленко. Очерки и разсказы. Книга 1-ая. Изданіе *девятое.* Ц. 1 р. 50 к.
„ „ Очерки и разсказы. Книга 2-ая. Изданіе *пятое.* Ц. 1 р. 50 к.
„ „ Очерки и разсказы. Книга 3-ья. Ц. 1 р. 25 к.
„ „ Слѣпой музыкантъ. Изданіе *восьмое.* Ц. 75 к.
„ „ Въ голодный годъ. Изданіе *четвертое.* Ц. 1 р.
„ „ Безъ языка. Разсказъ. Ц. 75 к.
Н. Кудринъ. Очерки современной Франціи. Ц. 2 р.
Ек. Лѣткова. Мертвая зыбь. Разсказы. *Изданіе второе.* Ц. 1 р.
„ „ Отдыхъ. Разсказы. Изд. *второе.* Ц. 1 р.
„ „ Рабъ. Разсказы. Ц. 1 р.
Л. Мельшинъ. Въ мірѣ отверженныхъ.
Томъ I. (*Изданіе второе*). Ц. 1 р. 50 к.
„ „ „ II. „ „ „ 1 „ 50 к.
„ „ Пасынки жизни. Ц. 1 р.
Н. К. Михайловскій. Сочиненія. Томъ I. Ц. 2 р.
„ „ „ „ „ II. „ 2 „
„ „ „ „ „ III. „ 2 „
„ „ „ „ „ IV. „ 2 „
„ „ „ „ „ V. „ 2 „
„ „ „ „ „ VI. „ 2 „
„ „ „ Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ I. Ц. 2 р.
„ „ „ Литературныя воспоминанія и современная смута. Томъ II. Ц. 2 р.
В. А. Мякотинъ. Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и
„ „ очерки. Ц. 2 р.
А. О. Немировскій. Напасть. Повѣсть. Ц. 1 р.
Сборникъ журнала „Русское Богатство“. Беллетристика. Ц. 2 р.
„ „ „ „ Публицистика. „ 1 „
С. Н. Южаковъ. Дважды вокругъ Азіи. Ц. 1 р. 50 к.
П. Я. Стихотворенія. Томъ I-ый. Изд. *пятое.* Ц. 1 р.
„ „ „ Стихотворенія Томъ. II-ой. Изд. *второе.* Ц. 1 р.

Подписчики „Русскаго Богатства“, пріобрѣтающіе эти книги, пользуются уступкой 20% или даровой пересылкой.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ экспедиціи журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ,** по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на городской—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца,** чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи,** обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1901 г. и не востребованныя обратно до 1-го ноября 1902 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

ИВАНЪ ѲЕДОРОВИЧЪ.

(Повѣсть.)

V.

Побѣжали одинъ за другимъ хмурые и тусклые осенніе дни. Холодная осень затянулась, зима никакъ не могла установиться. Наступилъ декабрь, а въ городѣ, по откосамъ гористыхъ садовъ, еще зеленѣла тощая трава. Отовсюду неслись жалобы на туманы, сырость, простуду и эпидеміи. Погода, какъ нельзя болѣе, располагала къ хандрѣ. Много хандрилъ осеннею порою и Иванъ Ѳедоровичъ, хотя по временамъ его обостренная тоска переходила въ хроническую. Минутами ему неудержимо хотѣлось бросить службу, надоѣвшую квартиру, весь этотъ опостылѣвшій Z и безъ оглядки уйти куда-то подальше. Но куда уйти, объ этомъ онъ и не думалъ серьезно. Лишь изрѣдка и то какъ въ сновидѣньи—мечталъ онъ объ одномъ полузабытомъ уголкѣ. Довольно давно, еще на первыхъ порахъ студенчества, онъ жилъ тамъ нѣкоторое время на урокѣ. То была старинная помѣщичья усадьба съ несуразно длиннымъ, безтолково выстроеннымъ домомъ, съ традиціонными липами въ паркѣ, съ густыми зарослями разновиднаго молодняка между симметрично растущими деревьями. Если разбирать строго, въ усадьбѣ не было ничего особенно красиваго, а между тѣмъ отъ всего вѣяло „тургеневскимъ колоритомъ“, еле уловимой прелестью очарованія и поэтичности. Ивану Ѳедоровичу пришлось жить на урокѣ лѣтомъ. Но, гуляя по зеленымъ аллеямъ, онъ съ наслажденіемъ представлялъ себѣ, какъ хорошо и успокоительно должно быть здѣсь зимою, когда вездѣ такъ тихо, и липы стоятъ, опушенныя инеемъ, и кажутся отъ своего серебристаго одѣянія безмѣрно громадными и отчего-то загадочными. Потомъ, чѣмъ сильнѣе и настойчивѣй трепала жизнь его душу и нервы, тѣмъ чаще, отчетливѣй и яснѣе видѣлъ онъ передъ собой эту, несущую умиротво-

реніе, картину. Онъ мечталъ: „вотъ тамъ бы мнѣ легко было, только, чтобы непремѣнно зимою, когда морозно и тихо; забраться бы туда и сидѣть долго... пока не успокоишься“... Чутко безмолвная, окутанная инеемъ аллея рисовалась передъ нимъ, какъ символъ душевнаго покоя и удовлетворенія, и тутъ-же онъ самъ скептически усмѣхался надъ своею прихотью.

А то еще вспоминалось ему, какъ однажды ѣхалъ онъ тоже на лѣтній урокъ на заводъ, въ Екатеринославскую губернію и по дорогѣ засмотрѣлся на промежуточную станцію. Возлѣ станціонныхъ построекъ, не у самаго вокзала, а подальше, тамъ, гдѣ приходился длинный хвостъ поѣзда, цвѣли вишни. Подходилъ вечеръ, солнце было еще теплое и лучезарное. О вагонныя занавѣски то и дѣло ударялись майскіе жуки, а надъ цвѣтущимъ вишнякомъ они гудѣли густыми стаями. Гдѣ-то поодаль влюбленно и мечтательно плакала скрипка. Играли что-то наивно-трогательное, примитивное, но отъ этихъ безхитростныхъ звуковъ возникало безпричинно-сладостное умиленіе.

— Какъ хорошо!—твердилъ Иванъ Θедоровичъ,—остаться бы здѣсь, навсегда остаться... Тутъ, навѣрное, живетъ кто-то счастливый...

Взвизгнулъ свистокъ и поѣздъ помчался дальше. Иванъ Θедоровичъ не примѣтилъ даже названія станціи, но впечатлѣніе навсегда осталось въ памяти и въ часы докучныхъ думъ Ивана Θедоровича тянуло очутиться еще хоть разъ у границъ „счастливаго“ полустанка.

Впрочемъ, все это были мечты, немножко смѣшныя и непримѣнимыя къ жизни. А реальная жизнь текла своимъ чередомъ. Короткіе дни уходили на отправленіе правосудія. За чаемъ и за обѣдомъ Иванъ Θедоровичъ читалъ газеты или разговаривалъ съ матерью, послѣ обѣда отдыхалъ; вечеромъ, если не было Трачевскаго, отправлялся къ Лизѣ.

Лиза почти безвыходно засѣла дома. Походка у нея отяжелѣла, лицо выглядѣло изнуреннымъ. Посвѣтлѣли глаза и на обозначившихся скулахъ чуть-чуть выступила темноватая желтизна. Но въ общемъ Лиза была все же миловидна и бодро переносила свое мучительное положеніе. Только между нею и Иваномъ Θедоровичемъ залегло что-то новое: не то недоразумѣніе, не то затаенная непріязнь, о которой они оба боялись заводить рѣчь. Ивану Θедоровичу казалось, что онъ слишкомъ холоденъ къ Лизѣ, и это его мучило. Онъ упрекалъ себя въ равнодушіи, слѣдилъ за собою, старался относиться помягче и повнимательнѣй, а Лиза обидчиво принимала его старанія, съ прозорливой чуткостью угадывая въ нихъ частицу принужденія. Наединѣ съ Ива-

номъ Ѳедоровичемъ она капризно уходила въ себя, самолюбиво молчала. Если онъ дѣлалъ попытку дружески приласкать ее, она недовѣрчиво уклонялась. Тогда Иванъ Ѳедоровичъ громилъ самого себя; находилъ, что Лиза не можетъ быть иной, потому что онъ говоритъ съ нею нестерпимо антипатичнымъ тономъ. Говоритъ, словно сообщаетъ: „считаю долгомъ обласкать васъ, сударыня"... Больше прежняго томился онъ отъ недовольства собою, но частыя, какъ бы обязательныя поѣздки въ Предмѣстье становились для него обременительно скучными. Взбираясь по деревянному крылечку къ Лизѣ, Иванъ Ѳедоровичъ испытывалъ нѣчто похожее на ту досаду, съ какою онъ ежедневно спускался изъ своей квартиры въ камеру. Хоть и не хочешь, а иди: надо.

И онъ облегченно вздыхалъ, почти радовался, если заставалъ у Лизы Дементьева; онъ самъ уговаривалъ Павла Ивановича почаще навѣщать Лизу, выражалъ ему за это свою благодарность и симпатію.

Съ Дементьевымъ Иванъ Ѳедоровичъ снова сошелся на короткую ногу. Возобновились ихъ отношенія вскорѣ послѣ того, какъ они чуть не повздорили, неожиданно встрѣтившись у Лизы. Спустя дня три, Иванъ Ѳедоровичъ опять засталъ у Лизы Дементьева, который на этотъ разъ былъ искательно-любезенъ и смотрѣлъ виноватыми глазами. Они одновременно простились съ Лизой и вышли на улицу. Извозчики отсутствовали, надо было пройти пѣшкомъ до городской черты.

— Собственно говоря, мнѣ передъ вами извиниться должно,—понуро началъ Дементьевъ.

— Передо мной?—спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ изумленно и сухо.

Дементьевъ не смутился.

— Я плохо думалъ о васъ и думалъ неосновательно. Это бы еще полбѣды... и для васъ печаль небольшая, но... я говорилъ Елизаветѣ Захаровнѣ то, что думалъ. Такъ сказать, вооружалъ противъ васъ.

— Помилуйте, Павелъ Ивановичъ! — застѣнчиво взмолился Иванъ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ, вы позвольте... Не изъ корысти я такъ поступалъ, и не изъ хитрости. Хитрость? Избави меня судьба! Но для Елизаветы Захаровны: для ея же пользы. Вылѣчить думалъ ее морально; подлѣчить хотѣлъ поскорѣе отъ знойныхъ чувствъ. И оказалось, ошибался. Вы оказались не такимъ, какъ я полагалъ. Чему я очень радъ. Съ Елизаветой Захаровной мы уже объяснились, а вы извините, если не крѣпко сердитесь.

— Ахъ, Павелъ Ивановичъ... Къ чему вы... право...

— Извиняете?

Дементьевъ протянулъ руку.

— Отъ всей души, если хотите.

Они обмѣнялись рукопожатіемъ.

Дементьевъ докончилъ:

— Ошибся я на этотъ разъ. И всегда очень доволенъ, если ошибусь такимъ образомъ. Недовѣрчивъ былъ отъ природы, а люди сдѣлали все, отъ нихъ зависящее, чтобъ усилить мое недовѣріе. Много видѣлъ всякой дряни на своемъ вѣку. Теперь къ кому ни подойдешь, отъ каждаго ждешь какой-нибудь гадости. Такъ и мерещится, будто онъ внутри разной мерзостью начиненъ. Просто самому подчасъ противно. За то вы не можете вообразить, какъ пріятно разубѣдиться...

Иванъ Өедоровичъ поспѣшилъ обратить разговоръ въ шутку:

— Очень радъ, если могъ доставить вамъ это удовольствіе.

— Вамъ—что! А вотъ я дѣйствительно радъ: не часто случается. И васъ какъ бы обрѣтаю вторично. Первое-то впечатлѣніе, пожалуй, самое вѣрное. Вѣдь я къ вамъ съ перваго раза расположеніе восчувствовалъ. Вы мнѣ показались хорошимъ малымъ, потомъ ужъ усомнился. А еще и досада на васъ разобрала меня, когда вы вдругъ, безъ всякаго старанія—да сразу въ Фаусты угодили... Оно—не зависть. Но что за Цезарь такой: пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ!

— Эге, да вы мнѣ комплименты говорите!

— Задобрить хочу... Чтобы не серчали впредь.

— И такъ не сержусь ни мало.

Примирившись, они рѣдкій день не встрѣчались у Лизы. Въ присутствіи Дементьева Лиза и къ Ивану Өедоровичу относилась лучше, чѣмъ наединѣ, когда между ними выростало суровое облако молчанія. Едва появлялся Дементьевъ, Лиза начинала принимать участіе въ общемъ разговорѣ, шутила, улыбалась и мало-по-малу смягчалась по отношенію къ Ивану Өедоровичу. Голосъ у нея дѣлался звонкій, заботливо-ласковый, добрый. Тогда Иванъ Өедоровичъ видѣлъ безъ труда, что она привязана къ нему, дорожитъ имъ и сама жестоко мучится отъ холода ихъ взаимнаго отчужденія, а наединѣ веселость исчезала, и Лиза сердито безмолствовала.

Дементьеву безъ малѣйшаго усилія удавалось приноровиться къ требованіямъ и вкусамъ Лизы, а Иванъ Өедоровичъ, не смотря на все желаніе, никакъ не могъ этого достигнуть. Дементьевъ съ полной готовностью забавлялъ скучающую безъ дѣла „Елизавету Захаровну“, всецѣло прони-

каясь тѣмъ или другимъ ея настроеніемъ. Онъ нашелъ себѣ, наконецъ, занятіе по вкусу, и его лѣнивая душа понемногу проявляла склонность къ дѣятельности. Павелъ Ивановичъ и въ дурачки съ Лизой игралъ, и читалъ по цѣлымъ часамъ вслухъ именно такіе романы, которые приходились ей по сердцу. Преимущественно изъ великосвѣтской жизни и съ героями до того добродѣтельными, что Иванъ Ѳедоровичъ рѣшительно отказывался понимать, какимъ образомъ они еще на землѣ, а не взяты живыми на небо. Дементьевъ выпроваживалъ Лизу на прогулки и сопровождалъ ее по улицамъ Предмѣстья, разсказывалъ смѣшныя исторіи и анекдоты, обучалъ опернымъ мотивамъ изъ тѣхъ, что полегче. У Лизы часто возникали прихотливые капризы вкуса. То ей захочется отборной клюквы съ сахарной пудрой, то прожаренныхъ сѣмячекъ изъ тыквъ или жирныхъ керченскихъ сельдей. Павелъ Ивановичъ немедленно раздобудетъ все, что ни потребуется, угоститъ Лизу, самъ отвѣдаетъ замысловатаго лакомства и еще похвалитъ. У Ивана же Ѳедоровича при одномъ взглядѣ на крупную, твердую клюкву пробѣгаетъ по зубамъ непріятная оскомина. Лиза изобрѣла спеціальное блюдо: изъ кислой капусты, соленыхъ огурцовъ, маринованныхъ грибовъ, маслинъ и мелко-нарѣзаннаго луку. Все это смѣшивалось, обильно поливалось прованскимъ масломъ и подавалось на столъ. Дементьевъ, не взирая на свой катарръ желудка, охотно ѣлъ фантастическій винегретъ и расхваливалъ. Иванъ Ѳедоровичъ не переносилъ запаха винегрета, а Дементьевъ привозилъ всякій день изъ города наилучшія маслины, грибы въ банкахъ, прованское масло изъ аптечнаго склада—и лакомое блюдо изготовлялось вновь.

— Какъ вы можете предусматривать до такой степени каждую мелочь?—спрашивалъ у него Иванъ Ѳедоровичъ:—какъ вы помните? Я и желаю, да не умѣю.

— А расположеніе мое къ Елизаветѣ Захаровнѣ ни во что цѣните? Дружескія чувства питаю... Ну, и могу. И не забуду ни о чемъ...

— Кажется, и я ей не врагъ. А не выходитъ.

— Вы—другое дѣло. Вы повелитель и султанъ. Я же—не болѣе, какъ пріятель: „Ахъ, это Зи-ибе-ель!“ и махнетъ рукою... Другими словами: свой братъ Исакій, церемониться съ нимъ нечего, а онъ всячески угождать долженъ.

Съ теченіемъ времени присутствіе Дементьева у Лизы вошло какъ бы въ норму. Это облегчало Ивану Ѳедоровичу его визиты къ Лизѣ, сглаживая недочеты и шероховатости въ ихъ натянутыхъ отношеніяхъ.

. . . .

Незадолго до Новаго года, проснувшись отъ послѣобѣденнаго сна, Иванъ Өедоровичъ только что подумалъ: „къ Лизѣ нужно ѣхать... а не хочется!“ какъ въ кабинетъ къ нему постучался Трачевскій. Иванъ Өедоровичъ вскочилъ съ дивана и, зажигая спичку, подошелъ къ лампѣ.

— Гдѣ вы запропастились, голубчикъ? Четвертый разъ захожу и все нѣтъ дома. Заполонилъ васъ кто-то?

— Почти,—послѣдовалъ шутливый отвѣтъ со вздохомъ.

При свѣтѣ лампы Иванъ Өедоровичъ обратилъ вниманіе, что Трачевскій блѣднѣе обыкновеннаго.

— Ну, здравствуйте, миротворецъ!

Трачевскій улыбался сложной, снисходительно-ироническои улыбкой.

— Здравствуйте, — отвѣтилъ Иванъ Өедоровичъ. — Я и самъ порывался къ вамъ. Скучать безъ васъ началъ...

— Оно и видно. Носа не кажетъ, миротворецъ.

— Что это все: миротворецъ да миротворецъ?

— Какъ же иначе? Сущій миротворецъ. Надняхъ жена моя обратилась ко мнѣ съ романомъ въ прозѣ: большая рукопись автобіографическаго содержанія. Тамъ и на васъ указано, какъ на подстрекателя...

Въ нервномъ голосѣ Трачевскаго звучала неприсущая ему, непріятно-фальшивая нота. Онъ улыбался, а лицо отражало внутреннюю боль.

— На меня?—вспыхивая и смущаясь до послѣдняго предѣла, громко переспросилъ Иванъ Өедоровичъ.

— На васъ, на васъ... Говоритъ, вы подбили литературой заняться. Она къ вамъ обращалась... за посредничествомъ... А вы ее за литературу усадили? Долго, говоритъ, колебалась—и вотъ пишу по его наущенію...

— Алексѣй Петровичъ... Зачѣмъ шутить, когда не хочется? Или совсѣмъ не надо говорить, или... не такимъ тономъ.

— Что—тонъ!—просто возразилъ Трачевскій, и его дѣланная шутливость исчезла.—Дѣло не въ тонѣ. Тонъ—вещь обманчивая; тонъ—въ большинствѣ случаевъ маска. Несчастные люди чаще всего юмористы по тону. Не примѣчали?

— Нѣтъ.

— А я—да. Не разъ наблюдалъ. Оно и понятно: кому охота расписываться въ своемъ неблагополучіи. Вотъ и тонъ. У горя своя иронія.

— Не хочу я этой ироніи для васъ!

— Не хотите и не нужно ея... Но какой-же вы, однако, скрытный. Не ожидалъ. И нехорошо: скрытность—та же скупость... Душевная скупость, даже скаредность. Никогда

ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ не далъ понять, что ему обо мнѣ все до тонкостей извѣстно? Я-то думаю: онъ человѣкъ новый, можетъ и не слыхалъ ничего... А онъ—вонъ какой молчальникъ! Молчальникъ и есть. Въ попы васъ взять бы, чтобы тайны исповѣди сохраняли. Умѣете молчать, другъ мой, умѣете...

— Право, Алексѣй Петровичъ... я и съ Ольгой Владиміровной не хотѣлъ обсуждать...

— А почему? Отъ скупости?

— По моему, если нельзя помочь, лучше не касаться...

— Чтобы не растравить раны?

— И вы такъ думаете?—обрадовался Иванъ Ѳедоровичъ.

— Нѣтъ, я думаю иначе. Оказать помощь коренную, существенную, удается рѣдко. А раны часто встрѣчаются неизлѣчимыя. Что съ ними тогда подѣлаешь? Но убѣгать отъ раненыхъ тоже не резонъ: ихъ, если не вылѣчить, облегчить иногда можно. Разная и помощь бываетъ: есть дѣломъ, есть и словомъ. И слово подчасъ большое подспорье: утѣшеніе, совѣтъ, ободреніе, сочувствіе, если оно отъ сердца... Мало-ли... Вы, напримѣръ, только посовѣтовали Ольгѣ написать мнѣ, и сразу попали въ миротворцы...

— Опять шутите, Алексѣй Петровичъ?

— Нисколько. По моему разумѣнію помощь словомъ—дѣло серьезное. И уклоняться, если ко мнѣ обращаются за нею, не нахожу основаній. Да иной откровеннымъ словомъ такъ тебѣ твою же собственную жизнь освѣтитъ, что ты изъ слѣпого вдругъ въ зрячіе попадешь! Или это не помощь по вашему?

— Безъ сомнѣнія. Какъ не помощь...

— А то случается, кто-нибудь за три версты бѣжитъ помогать кому-то далекому, а дома у него родной человѣкъ изнемогаетъ отъ тяжести. И онъ не подозрѣваетъ, не видитъ, какъ я не видѣлъ. Заблужденіе... Пока живешь, до тѣхъ поръ и заблуждаешься. Всякъ по своему... Но отчего не разсѣять чужое заблужденіе, если есть возможность? А потомъ, смотришь: рана-то хотя и не зажила, но болитъ меньше... Тоже помощь.

— Вы правы. А Ольга Владиміровна? Успокоилась, конечно?

— Пытался я успокоить, а удалось ли—еще не знаю. Поплакали вмѣстѣ, потолковали... Остальное—дѣло времени. Жаль, что такъ мало остается его. А она, какъ нарочно, забрала себѣ въ голову, будто и слабость моя, и увяданіе—все по ея винѣ. Что это она изводитъ меня со свѣту. Разубѣдили бы вы ее, голубчикъ! что? какъ вы на это смотрите? Боитесь задѣть больное мѣсто?

— Нѣтъ, нѣтъ... я всегда готовъ поговорить съ Ольгой Владиміровной, если вы желаете...

— Очень желаю, мой другъ. Ради того и пришелъ сегодня. Мои возраженія не такъ для нея убѣдительны: думаетъ, великодушничаю... А вы отъ себя скажите, что пожилъ я... пора, значитъ, и честь знать. И въ случаѣ умру, то отъ естественныхъ причинъ: отъ прекращенія жизни, а не отъ чего другого. И она,—Ольга Владиміровна,—тутъ ровно ни при чемъ, ибо умирать каждому неминуемо. Аксіома жизни,—скажите. Къ тому-же еще и нервная почва у меня неважная... Какъ разъ пора. Васъ деликатности обучать нечего: и безъ меня разубѣдите въ мягкой формѣ. Вѣдь правда?

— Надѣюсь, Алексѣй Петровичъ.

— И поспѣшить съ этимъ надо. Время не ждетъ... Искорените самую возможность мысли, что она убила меня. Непремѣнно... Оставить ее съ подобнымъ сознаніемъ,—да это верхъ жестокости!

— Все скажу. Хотя Ольга Владиміровна, я увѣренъ, уже спокойна.

— Боюсь, что несовсѣмъ... Она за это время точно прилѣпилась ко мнѣ: опасается потерять вскорѣ. Вчера въ засѣданіе не пустила, до того дошло... Посиди, проситъ, дома, а то я и не вижу тебя. Остался... Вонъ когда лишь спѣлись мы съ нею! Говорятъ, лучше поздно, чѣмъ никогда. Не знаю...

— Во всякомъ случаѣ, завтра я буду у нея.

— Прекрасно. И еще, если бы... со мной дѣйствительно приключилось... Мало-ли? всѣ подъ Богомъ. Такъ вы ужъ не покидайте ее, голубчикъ? И вы, и матушка ваша—славные люди... вамъ и поручаю. Не оставляйте одну, помогите пережить... Хоть на первыхъ порахъ не забывайте. Съ пенсіей тоже, если бы что вышло... хотя тамъ у меня дѣло въ исправности, но формальности разныя... Словомъ, позаботьтесь обо всемъ. Процессіи всякія, чтобы попроще: какъ можно проще... Хлопотливо это, утруждаю я васъ, да кромѣ васъ некому.

— Не каркайте, Алексѣй Петровичъ! Что приключится? Насъ всѣхъ переживете.

— Возможно, возможно... А всетаки... если бы, то на васъ надѣюсь. И слово съ васъ беру. Даете, что ли?

— Не хочу и слова давать, потому что ничего не будетъ. Не хочу.

— Кто можетъ знать? Вѣдь случай? А случая никогда не ждешь. Самъ приходитъ. И со мной, какъ со всякимъ, все можетъ быть. Да я и не имѣю ничего противъ... Лишь

бы сразу, чтобы не жить калѣкой... Или—сохрани Богъ—идіотомъ... Остальное — милости просимъ. Къ концу дня всегда спать хочется, а какъ поживешь подольше... тоже одолѣваетъ усталость...

— Разсказывайте! Пожилые люди хуже юношей боятся смерти. А старики—панически. Привычка къ жизни беретъ свое. Вы оттого такъ говорите, что не скоро еще. Лучшее доказательство, что далеко.

— Одинъ боится, другой нѣтъ... Каждый на свой ладъ и къ смерти относится. Не скоро, такъ не скоро... А мнѣ думается, что не за горами. У меня, словно у старой бабы, примѣты завелись... и въ сны ужъ началъ вѣрить. Какъ истерическая женщина, съ предчувствіями считаюсь. Снится же мнѣ все что-то погребальное: кресты, священники, могилы, церкви какія-то неизвѣстныя, памятники. А одинъ сонъ положительно преслѣдуетъ: чуть не всякую ночь вижу. Лежу, будто, я у себя на диванѣ... долго лежу, не спится мнѣ. И входитъ кто-то высокій, темный, страшный... Это отлично знаю, что страшный, потому что жутко мнѣ дѣлается до дрожи, пока онъ приближается. Невыносимо жутко... Чѣмъ ближе, тѣмъ страшнѣе. Онъ наклоняется ко мнѣ медленно, медленно... вырѣзываетъ большой квадратъ вотъ здѣсь, на груди у меня, приподымаетъ, какъ крышку, и беретъ тамъ, внутри что-то... Сердце беретъ, должно быть, потому что вслѣдъ затѣмъ мнѣ становится чрезвычайно легко. Я вдругъ сознаю: а вѣдь это смерть? И просыпаюсь. Но, проснувшись, начинаю жалѣть, почему во мнѣ не осталось этого облегченія и мира? зачѣмъ я испыталъ ихъ лишь во снѣ?

— Нервы... игра воображенія... Можно-ли вѣрить...

— Да вы не придавайте моимъ словамъ серьезнаго значенія. Не такъ ужъ я ненарушимо снамъ вѣрю... Просто странными кажутся мнѣ нѣкоторыя вещи. И я размышляю о нихъ: а ну, какъ въ самомъ дѣлѣ—есть многое на свѣтѣ, другъ Гораціо, что и не снилось нашимъ мудрецамъ. Только и всего, что размышляю... А слово-то вы даете?

— Какое?

— Не покидать Ольгу и прочее? Дайте слово, Иванъ Ѳедоровичъ. Успокойте стараго чудака.

— Извольте, даю.

— Помните: скоро выполнять придется.

— Воронъ — вѣщая птица, а и та, говорятъ, часто зря каркаетъ.

— Можетъ быть. А за обѣщаніе—спасибо. И еще будетъ вамъ завѣтъ... Останется послѣ меня маленькое наслѣдіе. Дѣвица одна... и при томъ, — не пугайтесь пожалуйста!—легкаго поведенія. Травилась она какъ-то на Предмѣстьи.

Не по своей дорогѣ барышня пошла или по другой причинѣ, — доискиваться неудобно. Но что травилась, несомнѣнно... и не на животъ, а на смерть: едва отходили въ больницѣ. Меня о ней Хацкель поставилъ въ извѣстность. Тотъ, безногій мой: сосѣдка она ему. Съ полиціей, съ документами у барышни теперь все улажено, вызволена на путь добродѣтели. Пока—держится, за трудъ взялась: портниха. Но... не на твердыхъ еще ногахъ она стоитъ. Ее подбодрить время отъ времени надо, не хватаетъ вѣры въ себя, а пуще всего—вѣры въ людей... Опасная нива, на которой выростаетъ уныніе. Такъ вы, въ случаѣ чего, не оставляйте мою протеже безъ призора... Понавѣдайтесь. Вотъ тутъ я вамъ адресъ записалъ и все въ подробностяхъ. Скажете, что отъ моего имени... что я вамъ поручилъ. Согласны?

Иванъ Θедоровичъ взялъ адресъ и дрожащими губами взволнованно произнесъ:

— Согласенъ.

— И за это спасибо. А всѣ прочіе... тѣ ужъ и безъ меня обойдутся: болѣе или менѣе устроены. Эта вотъ—ненадежная... Вы не брезгайте: для самого себя большая отрада. Знаете, когда накопится въ душѣ много собственной горечи, хорошо окунуться въ чужую жизнь! Отвлекаетъ. И для другихъ полезно.

— Алексѣй Петровичъ... я не могу больше!

— Ну, что вы? какъ не стыдно? Эка, слабонервный какой. А меня въ нервозности уличаетъ... Да бросьте... Есть изъ-за чего волноваться? Мужчина тоже... На свиданья постоянно бѣгаетъ, за полы его не изловишь. Не къ чужой хоть женѣ, надѣюсь?

— Нѣтъ... дѣвица.

— То-то... Не трогайте, Иванъ Θедоровичъ, чужого: игра свѣчъ не стоитъ. Или же, если на то пойдетъ, дѣйствуйте открыто. Не тайкомъ: чтобы не воровать довѣрія. Открытый грабежъ все же симпатичнѣе кражи. Опаснѣе, но прямѣе. Исподтишка грязи черезъ край много... Пачкаетъ. Лучше же всего: Христосъ съ нимъ, съ чужимъ... Никогда не находка.

— Да я, кажется, и не покушался ни разу...

— И хорошо дѣлали... Не покушайтесь. А разыщете свое, берегите себя отъ ревности. Не допускайте ревности. Тяжелый недугъ и... унизительный! Перестали довѣрять, уходите прочь; не то истерзаете и себя, и другого. Жестокость развивается звѣриная, ослѣпленіе безнадежное... Тонко, очень тонко, что именно такой добрякъ, какъ Отелло, на смерть душитъ свою Дездемону... Тогда и логика особенная: „Ага? больно? Пусть поболитъ. Отвѣчай: и мнѣ было больно!“ Разъ началось, нѣтъ границы ожесточенію. Упорная гадина! ото-

рвешь одну голову, выростаетъ шесть. Прокрадется къ сердцу, обовьется кольцомъ и сосетъ, сосетъ... Никакъ не вырвешь: приростаетъ. Я то, положимъ, вышвырнулъ ее.., то-есть, почти вышвырнулъ, но чего мнѣ это стоило! А жестокость—такъ и осталась во мнѣ. Жестокость и ослѣпленіе... Потомъ уже все вверхъ ногами видишь, все истолковываешь превратно. Хоть бы и съ Ольгой? Она у меня прощенія проситъ, а я говорю себѣ: это такъ, для соблюденія формальностей... У нея припадки, истерики отъ муки, а я предполагаю: не ко мнѣ ея слезы относятся, а къ иному лицу. Отъ разлуки, думаю, безотрадной... Молчу и предоставляю свободу дѣйствій. А ей свободы-то этой и не нужно! И во всемъ такъ... Вы не ревнивы? Не замѣчали въ себѣ?

— Не знаю. Не случалось испытывать.

— Храни васъ Богъ. А я — испилъ... Полнымъ кубкомъ и безъ остатка. Сейчасъ вотъ Ольга Владиміровна прилѣпилась ко мнѣ. Хоть съ опозданіемъ, а все же... Но не для меня уже это, а для нея понадобилось: ее надо, пока не поздно, примирить съ совѣстью. А было время, когда я за такое ея вниманіе да, можетъ быть, всѣмъ бы своимъ существомъ поступился! Не забывается это... трудно.. Воспоминанія... ихъ не сотрешь. Зачѣмъ они такъ неодолимы? И простишь, и злобы уже нѣтъ; мести—тѣмъ болѣе... а не забываешь. Помню одинъ моментъ: не могу забыть, до конца буду помнить. Вечеръ былъ... Изъ палаты прислали мнѣ нѣсколько дѣлъ для доклада: во-о-о! какой толщины папка... Сижу надъ ними и нудно мнѣ: не то на умѣ. Ревность гложетъ... Догадывался уже кое о чемъ. Въ эту ночь балъ гдѣ-то былъ. Входитъ около полуночи Ольга Владиміровна: розовое платье, декольте, шиповники... Сама — заглядѣніе! „Такъ я, говоритъ, поѣду? до свиданья?“ И понимаю ясно, что зашла она такъ себѣ, лишь бы не было очень неловко. А въ столовой, противъ моихъ дверей, кабалеро Прокофьевъ стоитъ... ждетъ и сорти-де-баль въ рукахъ держитъ. Посмотрѣлъ я на нее и такъ мнѣ захотѣлось взмолиться: „Останься! со мною останься... Что ты ему? предметъ удобства, вещь, мишень для утѣхи тщеславія. Къ чему онъ здѣсь? Подари мнѣ сегодняшній вечеръ! Только сегодня... а завтра, завтра, если понадобится, я могу, пожалуй, и совсѣмъ сойти съ чужой дороги... лишь бы сегодня“... Конечно, я не сказалъ ничего такого. Ольга Владиміровна была интересна и въ новомъ платьѣ... Ей хотѣлось показать всѣмъ поскорѣе и себя, и платье... Да и Прокофьевъ дежурилъ за дверью. Принялъ я невозмутимую мину и спросилъ: „Не опоздаете?“—„Нѣ-ѣтъ“, отвѣчаетъ съ кротостью и глядитъ прямо въ глаза, да такъ глядитъ, что у меня мелькнуло: „Полно, не маніакъ-ли я?

Можетъ, зря подозрѣваю?“ И даже принудилъ себя къ кабалеро выйти. Одобрилъ его зачѣмъ-то... Какъ вамъ фракъ, говорю, къ лицу! жаль, что вашему брату на судѣ выступать въ мундирѣ приходится: во фракѣ вы интереснѣе. И былъ тутъ взглядъ у нихъ... бѣглый, торопливый, безъ насмѣшки, безъ улыбки, но краснорѣчивый. Предостерегающій... безгласно бьющій тревогу: „Держись! слу-у-ушай“... Такими взорами сообщники обмѣниваются при перекрестномъ допросѣ. Этотъ взглядъ я знаю... Кажется, что такое взглядъ? Ничто. Никакимъ кодексомъ не предусмотрѣно, а хуже ножа. Скверные провелъ я часы послѣ того, какъ они уѣхали! И теперь не могу забыть... Змѣй-то, замѣчаете? Силенъ всетаки. Отъ меня самого мало что осталось, а змѣй еще живъ... шевелится...

Трачевскій умолкъ.

Когда онъ опускалъ глаза внизъ, голова его казалась безжизненной. Ивану Федоровичу больно стало за него и страшно за текущую минуту: а вдругъ этого человѣка не станетъ сейчасъ, вотъ въ данное мгновеніе? Ему хотѣлось отвѣтить на откровенность Трачевскаго такой же откровенностью и еще въ большей степени, сообщить исторію съ Лизой, исповѣдаться въ самыхъ сокровенныхъ своихъ мысляхъ и дурныхъ желаніяхъ, спросить совѣта, облегчить и провѣрить самого себя. Но онъ всмотрѣлся въ изможденно-усталое лицо собесѣдника и пожалѣлъ Трачевскаго. Алексѣй Петровичъ неизбѣжно взволнуется, приметъ все къ сердцу, огорчится... И безъ того ему не сладко. Къ чему еще потрясать его измученные нервы чужими душевными болячками?

Исповѣдь не состоялась...

VI.

Зима, какъ и осень, выдалась гнилая. Санная дорога установилась лишь въ февралѣ, да и то снѣгъ лежалъ непрочный: рыхлый и темный.

Лиза перестала выходить на прогулки. Расположеніе духа портилось у нея изо-дня въ день все больше. Она капризничала и раздражалась отъ каждаго пустяка, подозрительно придираясь ко всякому слову Ивана Ѳедоровича. Иванъ Ѳедоровичъ бывалъ у нея ежедневно, а если пропускалъ хоть одинъ вечеръ, раздражительность Лизы усиливалась. Но она всѣми силами старалась замаскировать истину и не показать Ивану Ѳедоровичу, чѣмъ именно онъ возбудилъ неудовольствіе. А онъ, прекрасно понимая истинную причину Лизиной

досады, въ безотрадномъ недоумѣніи задумывался надъ своей жизнью: что же будетъ дальше? И пугливо отвѣчалъ себѣ: не знаю.

Пятнадцатаго февраля Иванъ Ѳедоровичъ пріѣхалъ къ Лизѣ вмѣстѣ съ Дементьевымъ. Лизѣ нездоровилось. Она притихла и имѣла растерянно-испуганный видъ. Дементьевъ замѣтилъ это раньше Ивана Ѳедоровича.

— Что съ вами?—спросилъ онъ у Лизы.

Лиза тревожно пожаловалась:

— Спина болитъ.

И вопросительно взглянувъ на Павла Ивановича, прибавила,—„можетъ, начинается?“

Онъ комически пожалъ плечами, какъ бы говоря: „не смѣю знать“, а Иванъ Ѳедоровичъ несообразительно спросилъ:

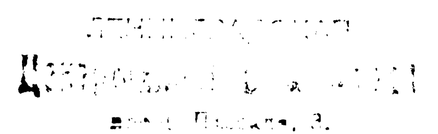
— Что начинается?

— Что-о?—разсердилась Лиза,—ничего!

Онъ догадался и испугался въ свою очередь. Но тревога оказалась ложной. Дементьевъ сталъ изображать въ лицахъ новую въ его репертуарѣ исторію о дальновидности одного хохла. Какъ ѣхалъ хохолъ на возу изъ города до дому, а впереди его другой дядько, тоже на повозкѣ. Запахло дымомъ. Хохолъ и говоритъ: „а слышите, добродію, дымомъ тянетъ?“ „Нѣтъ,—отвѣчаетъ тотъ,—не слышу“. „А я—такъ сейчасъ почую... Такой у меня носъ, ужъ такой заклятый, за семь верстъ все слышитъ!.. По дыму вамъ угадаю, гдѣ и что варится. Пускай то варенуху готовятъ, или пампушки съ чеснокомъ гдѣ-нибудь пекутъ, ужъ я узнаю... И скажу, гдѣ... Вотъ и теперь: вы, добродію, даже дыму совсѣмъ не чуете, а я уже знаю что: или въ Фидоровкѣ кабана смолятъ, или въ Гавронцахъ пироги бабы пекутъ...“ Раздается сильный трескъ и возъ съ проницательнымъ хохломъ летитъ на бокъ. Оказывается, ось подъ возомъ горѣла.

Лизѣ понравилась сценка. Она разсмѣялась, развлеклась и къ концу вечера забыла о своей спинѣ. Гости засидѣлись у нея далеко за полночь. Въ Предмѣстьи не удалось найти извозчика и Дементьевъ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ шли нѣкоторое время пѣшкомъ. Домой Иванъ Ѳедоровичъ попалъ поздно, чуть не передъ разсвѣтомъ. Онъ отперъ парадную дверь, безшумно вошелъ въ прихожую и изумился. У Юліи Сергѣевны еще горѣла лампа. Вслѣдъ затѣмъ Юлія Сергѣевна сама оказалась въ прихожей — не то раздосадованная, не то опечаленная.

— Это ты? Наконецъ-то. И гдѣ пропадаешь по цѣлымъ ночамъ! Присылали отъ Трачевскихъ... два раза. Хотѣли разыскивать по городу, а я не могла указать, гдѣ ты...



Нервная дрожь пронеслась по тѣлу Ивана Өедоровича.

— Что случилось?

— Алексѣй Петровичъ заболѣлъ. Ударъ, кажется.

— О, Господи...

— А тебя не было.

— Сейчасъ иду. Давно присылали?

Видя его тревогу, Юлія Сергѣевна смягчила тонъ:

— Съ вечера. Вскорѣ, какъ ты ушелъ.

— И очень плохо?

— Должно быть, да. Человѣкъ говорилъ: плохо.

— Ужасно...

Иванъ Өедоровичъ дрожалъ въ нервическомъ ознобѣ.

— Что же дѣлать теперь?—спросила Юлія Сергѣевна.

— Сейчасъ—туда...

Онъ выбѣжалъ на улицу, взялъ того же извозчика, на которомъ только что пріѣхалъ, и погналъ его, насколько было возможно. У Трачевскихъ свѣтилось во всѣхъ окнахъ, кромѣ гостиной.

Иванъ Өедоровичъ позвонилъ къ дворнику.

— Что баринъ? Алексѣй Петровичъ?

— Сказывали, помираетъ. Я за вами два раза ѣздилъ.

Иванъ Өедоровичъ пробрался черезъ черный ходъ, чтобы не звонить съ улицы. Въ кухнѣ еще не спали. Кругомъ шла нервная суета, всѣ были ажитированы, разговоры велись шопотомъ.

— Ну, что?—спросилъ Иванъ Өедоровичъ у горничной, указывая на комнаты.

— Плохъ. Уже не понимаетъ.

— Когда случилось?

— Послѣ обѣда. Легъ отдыхать,—не встаетъ и не встаетъ... Барыня къ нему, а онъ готовъ: безъ рукъ, безъ ногъ лежитъ. Что докторовъ было! Всю ночь ѣздили. И сейчасъ при немъ фельдшеръ. А доктора сказали: не будетъ помощи.

— Не будетъ?

— Сперва лопоталъ малость... При мнѣ Ольгѣ Владиміровнѣ говоритъ: „Ну, вотъ... Не плачь только. Не огорчайся“. Распорядился... священника звалъ, васъ спрашивалъ.

— Ооо!

— А тамъ и замолчалъ. Теперь насилу дышетъ.

— Былъ священникъ?

— Былъ. Вечеромъ еще... Да онъ уже не узналъ: наглухо исповѣдали. Два раза ударило его въ середкѣ, за третьимъ разомъ—конецъ.

— Проводите меня, какъ тутъ пройти?

Иванъ Өедоровичъ подошелъ къ кабинету незнакомой дорогой, со стороны корридора. Ольга Владиміровна вышла

къ нему изъ кабинета въ сѣромъ капотѣ, пришибленная и растрепанная.

— Ну, что?—спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ и у нея, еще продолжая неясно уповать на возможность улучшенія.

— Безъ надежды.

Въ ея одеревянѣвшемъ голосѣ звучало отчаянье. Она прислонилась спиной къ стѣнѣ и молчала.

— Ольга Владиміровна,—сочувственно произнесъ Иванъ Федоровичъ.

— Ахъ, нѣтъ... къ чему? что тутъ... что можно сказать? Все сказано. Я знала, что такъ будетъ. Это — возмездіе... мнѣ возмездіе. Понять, оцѣнить... найти его и тогда потерять... Да... такъ оно и должно быть. Я знала.

— Полноте... Какое возмездіе! Всѣмъ умирать надо... А что вы знали, ничего удивительнаго. И я зналъ... и всѣ знали. Вѣдь онъ на глазахъ у всѣхъ таялъ.

— Нѣтъ... Не такъ.

— Мнѣ можно туда? къ нему?

— Пойдемъ.

Трачевскій, полуодѣтый, лежалъ на большомъ диванѣ, который обыкновенно замѣнялъ ему кровать. Голова его глубоко ушла въ подушку, какъ у мертваго. Глаза смотрѣли тупо, безучастно, невидящимъ взоромъ.

Иванъ Ѳедоровичъ приблизился къ дивану, наклонился надъ нимъ и, не понимая зачѣмъ, съ сильно бьющимся сердцемъ, нѣжно позвалъ:

— Алексѣй Петровичъ? Вы слышите меня?

Что-то, напоминающее лучъ сознанія, проскользнуло въ глазахъ Трачевскаго.

— Что съ вами, Алексѣй Петровичъ!?

Изъ груди Трачевскаго вырвались странно-хриплые, одни лишь гласные звуки:

— И-е-о! аа-оу!

И лучъ сознанія снова погасъ.

Ивану Ѳедоровичу показалось, будто Трачевскій хотѣлъ сказать: „Ничего... слава Богу“.

Но онъ не былъ увѣренъ въ этомъ и продолжалъ выжидательно глядѣть въ глаза больному. Глаза оставались незрячими.

Ужасъ охватывалъ Ивана Ѳедоровича.

Ему еще не приходилось терять любимыхъ людей, не случалось видѣть вблизи умирающихъ, хотя-бы и постороннихъ. Онъ зналъ о стихійной неотразимости смерти отвлеченно, какъ по наслышкѣ. На похоронахъ Иванъ Ѳедоровичъ бывалъ неоднократно и на самыхъ разнообразныхъ. Но похороны — не смерть. И хоронить ему доводилось все лицъ болѣе или ме-

нѣе почтенныхъ, но безразличныхъ для его сердца. Одинъ лишь разъ опечалился онъ при обрядѣ погребенія отъ лично ему прискорбной утраты: въ бытность его студентомъ, на похоронахъ популярнаго профессора. Иванъ Ѳедоровичъ ставилъ этого заслуженнаго ученаго на высоту, немного идеализировалъ, относился съ нѣкоторой долей ребяческаго обожанія. Онъ гордился своей духовной связью съ полузнакомымъ учителемъ, чувствовалъ привязанность къ нему. То была привязанность чисто-головная, умственная. Иванъ Ѳедоровичъ цѣнилъ въ профессорѣ его научные труды, выдающуюся глубину и ясность ума, чистоту и стойкость убѣжденій, а не частнаго человѣка, котораго совсѣмъ не зналъ. Похороны профессора огорчили Ивана Ѳедоровича, но это не было горе, потрясающее душу. При томъ же онъ видѣлъ похороны, а не смерть.

А сегодня смерть впервые неосязаемо, но реально представала передъ нимъ, наводя трепетный ужасъ своимъ непостижимымъ могуществомъ. Иванъ Ѳедоровичъ терялъ близкаго, хорошо ему извѣстнаго друга и съ особой напряженностью реагировалъ на скорбныя, доселѣ неиспытанныя впечатлѣнія.

Трачевскій не двигался. Только тяжелое дыханіе медленно, затрудненно и неравномѣрно поднимало и опускало его полуобнаженную грудь. Въ груди кипѣла осложненная, изнурительная борьба. Тамъ что-то свистѣло, клокотало и замирало, словно настойчиво старалось парализовать самую способность дыханія. У Ивана Ѳедоровича не находилось мужества опредѣленно освоиться съ наступившимъ фактомъ.

Все то, что составляло понятіе о Трачевскомъ, что еще такъ недавно, — не далѣе какъ вчера вечеромъ, — было живымъ, искреннимъ, тревожно-думающимъ и чего-то ищущимъ существомъ,—все это теперь безпомощно разрушалось, почти не оставляя за собою слѣда. Въ самомъ актѣ такого разрушенія было нѣчто, хотя и жалкое, но неряшливое, неэстетическое, даже оскорбительное для больного. На лицѣ уже проступило тупое, животное выраженіе, присущее человѣческому тѣлу въ тѣ мгновенія, когда отъ него отлетаетъ духъ. Трачевскій не походилъ больше на прежняго, одухотвореннаго внутренней жизнью, Алексѣя Петровича. Это былъ кто-то новый.

И вдругъ Ивану Ѳедоровичу сдѣлалось мучительно стыдно передъ Трачевскимъ. Но не передъ этимъ полумертвецомъ со скошенными въ сторону мокрыми губами, а передъ тѣмъ, прежнимъ, котораго онъ зналъ, уважалъ и любилъ. Точно онъ, Иванъ Ѳедоровичъ, подкравшись, подсматривалъ какую-то тайну Трачевскаго и вдобавокъ такую тайну, которую

самъ Трачевскій ни за что бы не открылъ ему по доброй волѣ. Ивану Ѳедоровичу совѣстно стало глядѣть на это умираніе невольно-любопытными глазами еще здороваго человѣка. Онъ поторопился отвесть глаза отъ дивана и рѣшилъ:

— Когда *это* случится со мною, надо, чтобы никого... никого не было. Ну, развѣ мать...

Онъ не рѣшился посмотрѣть еще разъ на Трачевскаго и тихо, ни на кого не глядя, вышелъ въ корридоръ.

Подлѣ больного остался фельдшеръ и Ольга Владиміровна.

Сколько времени было проведено въ корридорѣ, Иванъ Ѳедоровичъ впослѣдствіи не могъ возстановить. Ничего онъ не помнилъ, весь застылъ, отошелъ отъ самого себя, лишился желанія думать. Моменты мысленнаго просвѣтлѣнія наступали въ ту ночь рѣдко и были коротки. Кажется, онъ то беззвучно ходилъ по корридору, то подолгу стоялъ у окна. На стѣнѣ горѣла лампа и пламя ея безсильно блѣднѣло, растворяясь въ чемъ-то новомъ, должно быть въ лучахъ дневного свѣта. Раза два Иванъ Ѳедоровичъ навѣдался въ кабинетъ: тамъ было все то же. Ольга Владиміровна сидѣла подлѣ больного; фельдшеръ дремалъ у письменнаго стола въ креслѣ. Иванъ Ѳедоровичъ полусознательно и какъ-то стыдливо избѣгалъ случая взглянуть въ сторону дивана. Не зная для чего, онъ подошелъ къ письменному столу. На столѣ въ морской раковинѣ съ бронзой лежали раздавленные окурки папиросъ, много окурковъ; а рядомъ пенснэ Трачевскаго, недопитый стаканъ съ чаемъ и новенькая книжка безъ переплета, разрѣзанная меньше чѣмъ до половины, съ тонкимъ разрѣзнымъ ножемъ вмѣсто закладки.

— *Онъ* курилъ,—подумалъ Иванъ Ѳедоровичъ, смотря на окурки и подразумѣвая Трачевскаго.

Казалось удивительнымъ, какъ Трачевскій могъ курить, когда онъ въ такомъ ужасномъ видѣ лежитъ на диванѣ? Тутъ же Иванъ Ѳедоровичъ нашелъ страннымъ свое удивленіе и задумался о смерти. Потомъ нагнулся къ книгѣ, посмотрѣлъ и немедленно забылъ названіе. Какъ будто, Соловьева что-то? Философа, Владиміра... Того, что добро оправдывалъ... Среди вещей на столѣ преобладала массивная чернильница художественной работы изъ серебра, и Иванъ Ѳедоровичъ сегодня внимательно замѣтилъ это, а раньше не примѣчалъ. Чернильница была слишкомъ велика и роскошна для скромнаго письменнаго стола. Вѣроятно, товарищеское подношеніе въ какую-нибудь служебную годовщину, потому что на ней, посерединѣ большой матовой доски была поставлена позолоченная фигура богини правосудія, Ѳемиды. Мудрая совѣтница всемогущаго Зевса стояла съ повязкой

на глазахъ и сама, быть можетъ, не знала ничего о тѣхъ вѣсахъ справедливости, которые были у нея въ рукахъ. Иванъ Ѳедоровичъ разсмотрѣлъ Ѳемиду, укоризненно покачалъ головою въ отвѣтъ на какую-то свою, блеснувшую подобно молніи, мысль и опять удалился въ корридоръ. Былъ моментъ, когда ему померещилось: не миражъ ли все это? не во снѣ ли онъ? А вдругъ Алексѣй Петровичъ ушелъ изъ дому и вотъ-вотъ вернется? „Нѣтъ, онъ дома!" —грустно отвѣтилъ себѣ Иванъ Ѳедоровичъ и пересталъ соображать дальше.

На сундукѣ въ корридорѣ догорала забытая кѣмъ-то свѣча въ мѣдномъ подсвѣчникѣ. Стеарина почти не оставалось, выгорѣлъ и фитиль, а пламя все вспыхивало и вспыхивало еле замѣтнымъ синимъ огнемъ, то охватывало чуть не весь подсвѣчникъ, то исчезало совсѣмъ. Въ тѣни за шкафомъ оно принимало до того причудливыя очертанія, что Ивану Ѳедоровичу становилось жутко. Наконецъ, задержавъ шаги возлѣ сундука, онъ погасилъ умирающее пламя, чтобы прервать борьбу безцѣльной агоніи. И вспомнилъ о Трачевскомъ: было большое сходство. Машинально Иванъ Ѳедоровичъ протянулъ руку къ подсвѣчнику, хотѣлъ для чего-то переставить на другое мѣсто, сильно обжегъ пальцы и отнялъ руку. Мысли смѣшались еще разъ и теперь надолго. Но среди этого мысленнаго хаоса одно лишь понималъ Иванъ Ѳедоровичъ вполнѣ явственно: что всѣ въ домѣ, въ томъ числѣ и онъ, покорно ждутъ чего-то...

— А чего?

Ему не хотѣлось выяснять.

. . . .

Солнечный день освѣщалъ закоулки корридора, когда въ затихшемъ кабинетѣ началось движеніе. Сперва поспѣшной походкой пробѣжалъ по направленію къ кухнѣ фельдшеръ и вернулся обратно. Затѣмъ въ кабинетъ прошли люди: дворникъ и съ нимъ другой мужчина. Иванъ Ѳедоровичъ видѣлъ это, но не принималъ къ свѣдѣнію. Спустя немного времени, подлѣ него очутился дворникъ.

— Баринъ... удалить бы барыню?

Иванъ Ѳедоровичъ испугался отъ неожиданности.

— Зачѣмъ?

— Убрать надо...

— Что убрать?

— Покойника.

Слово ударило Ивана Ѳедоровича, какъ молоткомъ. Онъ дрогнулъ и къ нему мгновенно возвратилась способность чувствовать, мыслить, понимать.

— Уже?—вырвалось у него печально-жалобнымъ крикомъ.

— Царство небесное... Отведите барыню.

Онъ, овладѣвъ собою, пошелъ къ Ольгѣ Владиміровнѣ. Она не плакала и все еще сидѣла на прежнемъ мѣстѣ. То, что лежало на диванѣ, было закрыто простыней. Ольга Владиміровна вышла изъ кабинета безпрекословно. Иванъ Ѳедоровичъ затруднился: куда же отвести ее? и повелъ въ столовую. Навстрѣчу имъ шелъ изъ кухни молодой, незнакомый парень: онъ несъ большое цинковое ведро съ водою и еще что-то. Отъ воды чуть поднимался легкій паръ.

Ольга Владиміровна была неестественно спокойна. Только ея обострившіяся черты, ушедшіе глубоко подъ брови глаза и запекшіяся губы краснорѣчиво свидѣтельствовали, какъ много пережила она въ эту длинную ночь.

Она сѣла за обѣденный столъ, облокотилась на руку и молчала.

— Ольга Владиміровна...—началъ было Иванъ Ѳедоровичъ, но она остановила его.

— Не нужно... Что тутъ!

Голосъ у нея принялъ глухой оттѣнокъ и былъ ненатурально спокоенъ, какъ и вся ея внѣшность. Оба умолкли. Такъ они промолчали довольно долго, пока не пришла горничная.

Дальше начались хлопоты.

Ольга Владиміровна вынесла изъ сосѣдней комнаты деньги и отдала Ивану Ѳедоровичу.

— Вотъ... возьмите. И сдѣлайте все... Алексѣй сказалъ, вамъ отдать. А я прошу, чтобы хорошо было... Объявите въ газетахъ... И вообще...

Онъ взялъ деньги, подержалъ въ рукахъ, спряталъ въ бумажникъ и хотѣлъ идти.

Ольга Владиміровна удержала его:

— Погодите. Когда будетъ въ газетахъ, чтобы... безъ душевнаго прискорбія... Прямо: такой-то скончался и довольно. Вѣдь знакомые... они еще трунить начнутъ. Пусть надо мною, а то надъ нимъ!

Въ первую минуту Иванъ Ѳедоровичъ поразился: какъ она можетъ думать о подобныхъ пустякахъ. Затѣмъ его тронуло это мелочное вниманіе: Ольга Владиміровна становилась на стражѣ интересовъ, достоинства и гордости куда-то отошедшаго и теперь беззащитнаго Трачевскаго.

Уходя, Иванъ Ѳедоровичъ сказалъ:

— Сейчасъ пришлю къ вамъ маму...

Ольга Владиміровна, не глядя на него, повидимому равнодушно отвѣтила:

— Пришлите.

Домой онъ заѣхалъ на одну минуту, захватилъ Юлію

Сергѣевну и на обратномъ пути къ Трачевскимъ несвязно повторялъ ей:

— Не оставляй одну... Онъ просилъ, завѣщалъ мнѣ, взялъ слово... И тебя просилъ: я и за тебя обѣщалъ. Тамъ какъ-нибудь... пусть бы она поплакала...

Послѣ того у Ивана Өедоровича пошли разъѣзды по городу. Былъ онъ у доктора, въ полиціи, въ похоронномъ бюро. И вездѣ держалъ себя съ дѣловитой холодностью, говорилъ на первый взглядъ спокойнымъ тономъ, какъ и Ольга Владиміровна. Хотя ему казалось необъяснимо-непонятнымъ, какимъ образомъ Алексѣй Петровичъ умеръ, а все идетъ по старому, и всѣ столь безучастно слушаютъ объ его смерти: и въ полиціи, и у доктора. Въ похоронномъ бюро Ивана Өедоровича разозлили. Когда все было условлено и онъ собирался уходить, завѣдующій бюро освѣдомился:

— И вѣнки прикажете доставить?

— Какіе?

— У насъ есть... запасные!

Иванъ Өедоровичъ вспылилъ отъ обиды за Трачевскаго.

— Нѣтъ, нѣтъ! Какъ можно? Не доставляйте. Слышите: никакихъ вѣнковъ. Запишите, пожалуйста, чтобы не было.

— Не безпокойтесь. И такъ не будетъ.

Теперь и онъ чувствовалъ себя обязаннымъ охранять достоинство и гордость Трачевскаго, ту славную гордость, которой такъ много было въ Алексѣѣ Петровичѣ при жизни.

Въ ближайшей отъ бюро газетной конторѣ Иванъ Өедоровичъ долго не могъ составить объявленія о смерти.

— Безъ прискорбія... безъ прискорбія...—вертѣлось у него на умѣ.—Нельзя же написать: безъ прискорбія? Надо какъ-нибудь иначе...

Въ концѣ концовъ, конторщикъ помогъ ему выполнить задачу. „Прискорбія“ не было.

Въ другой конторѣ объявленіе принимала барышня, малокровная блондинка съ жидкими, старательно подвитыми волосами, въ коричневомъ платьѣ и пуховой пелеринкѣ.

— Это какой Трачевскій?—любезно спросила она.—Членъ судебной палаты?

— Да.

— Ахъ, вотъ какъ.

Иванъ Өедоровичъ, выходя изъ конторы, замѣшкался въ прихожей, надѣвая калоши. Ему слышно было, какъ малокровная барышня подошла къ дверямъ смежной съ конторой комнаты.

— Господа!—раздалось ея любезно-услужливое сопрано,— Трачевскій умеръ, членъ палаты... Можетъ, за некрологомъ пошлете?

А чей-то равнодушно-усталый голосъ отвѣтилъ:

— Не надо. Онъ въ отставкѣ.

— И что написать о немъ?—подхватилъ кто-то третій,— служилъ, вышелъ въ отставку и умеръ?

Иванъ Ѳедоровичъ опрометью выбѣжалъ изъ конторы. Онъ испытывалъ чувство, какъ будто ему лично надавали пощечинъ.

Обратно, въ квартиру Трачевскихъ пріѣхалъ онъ не рано, уже передъ вечеромъ.

Ольга Владиміровна была въ черномъ платьѣ, но еще не плакала. Юлія Сергѣевна распоряжалась въ домѣ, и пальмы полукругомъ стояли въ гостиной, возлѣ длиннаго стола съ парчевой покрышкой. Горѣли свѣчи... Точь въ точь, какъ предсказывала Трачевская нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Съ тою лишь разницей, что не въ кабинетѣ, а въ гостиной.

Иванъ Ѳедоровичъ зашелъ и въ кабинетъ: тамъ все было приведено въ порядокъ, но стало какъ-то пусто, хотя диванъ оставался на своемъ мѣстѣ. Иванъ Ѳедоровичъ при взглядѣ на диванъ вспомнилъ о тяжелой, безсонной ночи и его съ неудержимой силой потянуло ко сну. Но страхъ, — не то суевѣрный, не то чисто-физическій,—не позволилъ ему прилечь на диванѣ.

Онъ опустился въ кресло и заснулъ немедленно.

VII.

На слѣдующій день, къ полуденной панихидѣ явился кое-кто изъ знакомыхъ. Это обрадовало Ивана Ѳедоровича, потому что наканунѣ вечеромъ на панихидѣ было обидное безлюдье. Но вслѣдъ затѣмъ его постигла непріятность: на гробъ возложили вѣнокъ „отъ сослуживцевъ и друзей“. Вѣнокъ былъ крошечный, мизерный, сооруженный, очевидно, изъ любезности, ради приличія, по иниціативѣ чьей-то доброй души и въ складчину, но съ соблюденіемъ разсчетливой экономіи. Одинокій и ненужный вѣнокъ уязвилъ Ивана Ѳедоровича подобно незаслуженной насмѣшкѣ въ неподходящую минуту.

— Или совсѣмъ не надо, или пусть будетъ много, нѣсколько!—рѣшилъ онъ и поѣхалъ заказывать вѣнки: одинъ „отъ жены“, другой—отъ себя съ короткой надписью: „другу“. Оба—огромные, почти роскошные съ широкими бѣлыми лентами.

Когда вѣнки поспѣли во-время, какъ разъ къ выносу въ церковь, Иванъ Ѳедоровичъ ощутилъ нѣкоторое облегченіе, словно выполнилъ безспорно-существенный долгъ. Послѣ

выноса Юлія Сергѣевна опять ночевала у Трачевской, а Иванъ Ѳедоровичъ пошелъ домой и долго томился отъ сознанія незаполнимой пустоты, которая образовалась въ его жизни. Потомъ усталость поборола томленіе; онъ уснулъ и спалъ, какъ убитый, но проснулся снова съ тоскливымъ сознаніемъ невозвратимой потери.

На похоронахъ народу въ церкви было мало, а женскій элементъ отсутствовалъ среди знакомыхъ совершенно. Никого, кромѣ Юліи Сергѣевны. На это, по всей вѣроятности, обратила вниманіе Трачевская: она какъ будто поджидала кого-то и ни на минуту не отходила отъ Юліи Сергѣевны, опасаясь, какъ бы ни очутиться одной въ малочисленной толпѣ, состоящей изъ сослуживцевъ Алексѣя Петровича.

За катафалкомъ сначала шли пѣшкомъ. Въ виду того, что знакомыхъ собралось мало, каждому неудобно было ретироваться и—отчасти нехотя, — но всѣ присутствующіе сопровождали гробъ. На площади, возлѣ зданія судебной палаты, процессія остановилась. Свѣтило солнце, сверкалъ снѣгъ, въ сторонѣ, наискось отъ палаты, искрились золотомъ монастырскіе купола. Маленькій, полный священникъ въ траурной ризѣ съ серебромъ обнажилъ круглую голову и протяжно началъ:

— „Рече Господь ко пришедшимъ къ нему Іудеомъ: аминь аминь глаголю вамъ, яко грядетъ часъ“...

Сорвавшійся вѣтеръ подхватилъ слова Евангелія и отнесъ въ сторону.

— Здравствуйте! — тихо произнесъ кто-то надъ ухомъ Ивана Ѳедоровича.

Онъ обернулся: Дементьевъ.

— Ахъ, и вы пришли? Вотъ хорошо. Пойдете на кладбище? Пойдемъ, прошу васъ...

— Чего ради? Съ нимъ почти-что и знакомъ не былъ. Я васъ ищу... Хотѣлъ сообщить и поздравить...

Иванъ Ѳедоровичъ сдвинулъ брови.

— Поздравить?

— Съ сыномъ, Иванъ Ѳедоровичъ, съ сыномъ! Такой мальчишка хорошій—прелесть... Здоровякъ: весь въ мамашу. Молодецъ Елизавета Захаровна.

— Не теперь. Послѣ... послѣ...—едва выговорилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

Что-то всколыхнулось у него въ груди и горячей волной хлынуло къ головѣ. Онъ забылъ о Трачевскомъ и о похоронахъ, о печальныхъ хлопотахъ и огорченіяхъ послѣднихъ дней. Онъ лишь слышалъ біеніе своего сердца, чувствовалъ, какъ каждый новый сердечный ударъ отзывается

въ вискахъ и во всемъ тѣлѣ, какъ дрожатъ у него ноги, подгибаясь подъ колѣнами.

Вѣтеръ на перекресткѣ капризно измѣнилъ направленіе. Ивану Ѳедоровичу опять сталъ слышенъ умиленно-торжественный голосъ:

. . . „и изыдутъ сотворшіи благая въ воскресеніе живота, а сотворшіи злая—въ воскресеніе суда“ . . .

Священникъ закрылъ книгу и пошелъ съ легкимъ перевальцемъ впередъ.

Дрогнула и заколыхалась драпировка на катафалкѣ, задрожали страусовые уборы на лошадиныхъ головахъ. Остатки того, что было Трачевскимъ, двинулись дальше по направленію къ послѣдней пристани. И сейчасъ-же Иванъ Ѳедоровичъ съ чистосердечной болью уличилъ себя въ измѣнѣ по отношенію къ Трачевскому, въ мимовольномъ охлажденіи къ его памяти. Онъ взялъ Дементьева подъ руку и сказалъ умоляюще:

— Пойдемте со мною на кладбище, прошу васъ! Сдѣлайте мнѣ одолженіе: я васъ прошу...

— Вотъ присталъ человѣкъ. Пойдемъ!.. что ужъ съ вами?

Духовенство и пѣвчіе сопровождали похоронный кортежъ лишь до опредѣленной черты, до Покровской площади. Здѣсь священники сѣли въ траурныя кареты; провожающіе—тоже. Иванъ Ѳедоровичъ усадилъ въ карету Трачевскую и Юлію Сергѣевну, запахнулъ на Трачевской раскрывшуюся ротонду, захлопнулъ каретную дверцу и возвратился къ Дементьеву. Кареты уже были заняты, пришлось взятѣ извозчичьи сани. Ѣхать надо было черезъ Предмѣстье, по отлично знакомой имъ обоимъ дорогѣ. Вскорѣ обогнали катафалкъ, который теперь катилъ быстро, почти рысью, а не уплывалъ впередъ съ величавой пышностью, какъ прежде, на парадныхъ улицахъ города.

— Что Лиза... не сердится?—съ колебаніемъ спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ, рѣшившись, наконецъ, заговорить на эту тему,—не сердилась, что меня не было?

— Она знаетъ: я предупредилъ.

— Благодарю васъ. Ну, а... вообще?

— Мальчишка—великолѣпный. Экземпляръ, хоть на выставку. Что же еще? Меня въ кумовья звали: почтенъ... Но и задали же они мнѣ работы! во всю жизнь не забуду.

— Вчера?

— Позавчера ночью. Вѣрите ли: я во второмъ часу пополуночи къ Мееру ворвался! И привезъ Меера.

— Что вы? этакое свѣтило? и добудились?

— А! Стану я съ нимъ жантильничать. Тутъ Елизавета

Захаровна въ опасности, а онъ, подлый нѣмецъ, высыпаться будетъ?

— Была опасность?

— То-то и есть, что была.

— Серьезно?

— Не шутя. Попервоначалу съ вечера—ничего. Пріѣхалъ я и засталъ у нихъ повитуху: здѣшняя, изъ Предмѣстья. Сообщилъ о смерти Трачевскаго, что вы похоронами завѣдуете, что не будетъ васъ дня три... Слово за слово... Хочу уѣзжать, удерживаютъ. Ну, думаю, значитъ не скоро. Потомъ—какъ схватитъ! и пошелъ бенефисъ... Выбѣгаетъ ко мнѣ мамаша, на самой лица нѣтъ. Доктора, говоритъ, да хорошаго: неблагополучно. Бросился я... На счастье извозчикъ случился. Вези,—кричу ему,—къ акушеру: къ самому, что ни на есть первому! Онъ и привезъ къ Мееру. Я тамъ наскандалилъ немного, чортъ побери...

— Зачѣмъ наскандалили?

— Да какъ же? Лакей будить не хочетъ! А потомъ еще самъ профессоръ ломался. Такъ я ему: и „именемъ закона", и „во всѣхъ газетахъ пропечатаю"... Къ уголовной отвѣтственности тянулъ... Чѣмъ не стращалъ его! Онъ мнѣ—животное этакое—заявляетъ: меньше, молъ, такой-то платы не выѣзжаю на домъ. А я ему: „спасибо, что предупредили, профессоръ: хотѣлъ предложить вамъ больше". Добился коекакъ. Поѣхали. Онъ у меня еле одѣться успѣлъ. Прихватили инструменты и ѣдемъ. Дорогой—опять происшествіе: узналъ, что на Предмѣстье, давай ругаться... Я сижу... молчу... а самъ его, на всякій случай, какъ даму, за талію придерживаю. И душа у меня въ пяткахъ: что, какъ опоздаемъ?

— Спасибо, Павелъ Ивановичъ.

— Не-ечего... Не для васъ старался: Елизавету Захаровну жалѣлъ. Только поспѣли мы аккуратно. Онъ, хоть и животное, а знатокъ. Въ своемъ дѣлѣ художникъ, видно... Не успѣлъ я оглянуться, уже идетъ и потираетъ руки. Ну, я,—говоритъ,—поворотъ сдѣлалъ! и смотритъ съ пытливостью. Случай,—говоритъ,—дѣйствительно серьезный. У меня и вся ярость пропала: залюбовался на него. Артистъ! Что правда, то правда...

Вдали показалась кладбищенская ограда. Разговоръ оборвался самъ собою. Подъѣхали къ массивной аркѣ входныхъ воротъ съ ея немногосложной, но все поглощающей надписью: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы". Повѣяло грустью... Иванъ Ѳедоровичъ вторично призналъ себя измѣнникомъ по отношенію къ Трачевскому.

Возлѣ могилы толпилась кучка знакомыхъ; каменщики

стояли поодаль, чтобы потомъ задѣлать склепъ. Иванъ Ѳедоровичъ раскланялся кое съ кѣмъ изъ судейскихъ и у него промелькнула мысль: а вдругъ кто-нибудь приготовилъ рѣчь? И рѣчь—на подобіе тощаго вѣнка—изъ соблюденія вѣжливости и приличія? Что-нибудь нелѣпое, стереотипное, несправедливое... Вродѣ: „служилъ, вышелъ въ отставку и умеръ“? Его кинуло въ жаръ. Хотѣлъ онъ броситься къ нимъ и закричать: „Только безъ рѣчей... безъ рѣчей, господа. Такова была воля покойнаго“... Но остановился. А если отвѣтятъ: „да никто и не собирается... что вы?..“ Выйдетъ новая неловкость, новая обида. Онъ прибѣгнулъ къ хитрости: отошелъ отъ Дементьева и громко, съ разсчетомъ, чтобы всѣ слышали, крикнулъ:

— Представьте, Павелъ Ивановичъ! Мнѣ лишь сейчасъ сказали... Оказывается, Алексѣй Петровичъ выразилъ желаніе, чтобы никакихъ рѣчей. А я думалъ произнесть... Хорошо, что узналъ во время.

Дементьевъ обернулся къ нему съ удивленіемъ и кивнулъ головою.

Немолодой членъ судебной палаты съ покровительственною строгостью остановилъ Ивана Ѳедоровича:

— Послушайте, батюшка: отчего же это не несутъ орденовъ покойнаго?

— А у него ордена были?—изумился почему-то Иванъ Федоровичъ.

— Какъ-же: и Станиславъ, и Анна.

Мелодичный, серебристо-плачущій перезвонъ встрѣтилъ тѣло Трачевскаго и возвѣстилъ о прибытіи гроба. Снова запѣли пѣвчіе, толпа увеличилась.

Иванъ Ѳедоровичъ схватилъ за руку Дементьева и повелъ его направо, къ большой мавританской часовнѣ. Смутно-ощущаемое, но сильное чувство, близкое къ чувству стыдливости, запрещало ему приблизиться къ могилѣ въ моментъ погребенія. Это отнюдь не было желаніе уберечь себя отъ тяжелаго, удручающаго впечатлѣнія. Нѣтъ, Иваномъ Ѳедоровичемъ овладѣвало то самое настроеніе, которое помѣшало ему глядѣть здоровыми глазами на умирающаго, впавшаго въ безсознательность Трачевскаго. Страшно было, что Трачевскаго опустятъ въ яму, бросятъ на него немного земли и станутъ задѣлывать кирпичи... а онъ,—Иванъ Ѳедоровичъ,—будетъ стоять наверху, смотрѣть внизъ озадаченными глазами и сознавать съ невольнымъ физическимъ удовольствіемъ: а я еще живъ? Сознаніе—почти равносильное тому, если бы онъ произнесъ вслухъ: „А что? Не встанешь? Лежи, братъ, разлагайся, а я домой поѣду“.

Дементьевъ упирался и говорилъ:

— Куда-же вы, чудакъ вы этакій? То тащилъ на похороны, а теперь убѣгаетъ?

— Уйдемъ, уйдемъ... Не надо

Иванъ Ѳедоровичъ убѣгалъ отъ самого себя. Онъ спотыкался въ сугробахъ рыхлаго снѣга, натыкался на рѣшетки густо-наставленныхъ памятниковъ и крестовъ. За мавританской часовней онъ пріостановился: кто-то захлебывался и судорожно плакалъ отрывистыми, хватающими за душу стонами. Спиною къ часовнѣ, подлѣ памятника съ урной стоялъ, быть можетъ, нищій на костыляхъ. У него не было ногъ, издали костыли казались не въ мѣру высокими и тѣло его конвульсивно раскачивалось отъ бурныхъ рыданій.

— Хацкель!—крикнулъ Иванъ Ѳедоровичъ, поспѣшно подходя ближе.

Тотъ взглянулъ сквозь слезы, слегка испуганно.

— Хацкель... Боже мой... какое несчастье...

Иванъ Ѳедоровичъ не помнилъ, что говорилъ.

Хацкель испугался больше прежняго.

— И вы здѣсь, Хацкель? Не бойтесь: я знаю васъ, мнѣ Алексѣй Петровичъ говорилъ. Онъ мой другъ...

Слезы опять потекли изъ воспаленныхъ глазъ Хацкеля, безпорядочно теряясь въ бородѣ.

— Вы... другъ его?—переспросилъ Хацкель, задыхаясь. Онъ мнѣ лучше друга. Я какъ послышалъ, что уже господинъ Трачевскій... что его не стало... О-охъ! Вы знаете, какой онъ человѣкъ былъ? Вы не знаете... Это былъ такой человѣкъ... такой... Другого такого нѣту... У него сердце было... большое... О-охъ, жизнь!

Хацкель ударилъ себя въ грудь и снова задвигался всѣмъ тѣломъ на своихъ высокихъ костыляхъ.

Иванъ Ѳедоровичъ отвернулся.

— Что распускаетесь? возьмите себя въ руки,—сердито сказалъ ему Дементьевъ.

Послѣ совершенія обряда Иванъ Ѳедоровичъ не сразу уѣхалъ съ кладбища. Онъ еще раздавалъ мелочь на чаи, разговаривалъ съ представителемъ отъ похороннаго бюро, одѣлялъ надоѣдливыхъ нищихъ, расплачивался и благодарилъ. Дементьевъ ждалъ его. Они видѣли, какъ рабочій пронесъ къ могилѣ „временный“ бѣлый крестъ съ жестяной дощечкой и надписью прописными буквами: Алексѣй Петровичъ Трачевскій.

— Finis, значитъ,—замѣтилъ Дементьевъ.—Крестъ эмблема окончанія. Ѣдемъ теперь къ Елизаветѣ Захаровнѣ?

— Нѣтъ, я не поѣду.

— Что та-ко-о-е?

— Не могу я. Ей Богу, нельзя... Мнѣ необходимо туда, къ Трачевской. Я и васъ хотѣлъ пригласить...

— Еще чего?

— Одна вѣдь она? Вы же видѣли: почти не подошелъ никто?

— Тамъ при ней старуха какая-то.

— Съ нею моя мать.

— Она... я не разглядѣлъ.

— Право, нельзя... Посудите сами...

— Воля ваша... А только, если и сегодня къ Елизаветѣ Захаровнѣ не явитесь, это ужъ обида. Оскорбленіе и ей и сыну.

— На минутку развѣ? тутъ по дорогѣ, заѣдемъ? Но чтобы ненадолго...

— Насколько хотите, хоть на секунду. А заѣхать обязаны. Хотя... съ Трачевской, въ самомъ дѣлѣ, того... поступлено по свински.

— Ни одной дамы!

— Вредное бабьё. Онѣ, какъ пауки, не терпятъ другъ друга. Ждутъ случая уничтожить... Вотъ оно, ваше хваленое людское благородство! Небось, пока жили Трачевскіе открытымъ домомъ, всѣ лазили. Даже меня разъ Иваненковъ, бывшій предсѣдатель нашъ, затащилъ на именины. Жрали, канальи! веселились, амуры завязывали... А теперь ни духу!

— Такъ ужъ нельзя огуломъ: все-же былъ кое-кто.

— Кто былъ? Одни старики. И то изъ учтивости, а вѣрнѣе, изъ боязни: не пойдешь ты, не пойдутъ и за тобою. Лю-юди!

— Пускай будетъ по вашему. А къ Ольгѣ Владиміровнѣ пойдете со мной?

— Ладно...

Послѣ кладбищенской тишины даже скромное Предмѣстье казалось шумнымъ. Все жило, двигалось и нестройные аккорды жизни разорванно долетали отовсюду. Горланили и ссорились мальчишки; ѣхали отъ конфектной фабрики крытые фургоны съ леденцами; кричалъ о ножахъ и ножницахъ точильщикъ; простуженный пьяный голосъ прославлялъ героиню, павшую жертвой собственнаго темперамента:

Любовію страдала,
Съ любови померла
. . . .
Огонь тушать водою,
Любовь—нельзя ничѣмъ...

VIII.

Лиза не спала, но дремала въ полузабытьи, когда Иванъ Өедоровичъ вошелъ въ комнату. Онъ осторожно приближался къ постели, боясь испугать и безпокойно думая, какъ бы не показаться холоднымъ или безучастнымъ.

На Лизѣ была ночная кофточка съ прошивками и кружевомъ; заплетенные въ одну косу пепельные волосы чуть растрепались около висковъ. Лицо у нея поблѣднѣло и стало спокойно-серьезное, одухотворенное, словно обновленное какимъ-то внутреннимъ свѣтомъ.

Внезапно открывъ глаза, она приподнялась на подушкѣ:

— Иванъ Өедоровичъ?

Онъ бросился къ Лизѣ и торопливо заговорилъ, цѣлуя попеременно ея руки, вытянутыя поверхъ одѣяла.

— Лиза... голубушка Лиза! Я не зналъ... до сегодняшняго дня не зналъ. Павелъ Ивановичъ сказалъ только сегодня: на похоронахъ... И я не могъ... Да и сейчасъ на минутку... на одну минутку! Ты не сердилась? Лиза, милая?

Лиза была растрогана.

— Вотъ еще... чего же? Такое дѣло... конечно... И сама наказывала Павлу Ивановичу не тревожить тебя. Какъ-же можно...

Иванъ Өедоровичъ, что-то сообразивъ, порывистымъ и и рѣзкимъ движеніемъ отступилъ шага на три назадъ. Въ глазахъ Лизы отразился вопросъ. Онъ объяснилъ:

— Вѣдь прямо оттуда... И къ тебѣ? Въ толпѣ, мало ли что... Бродилъ всюду: еще заразу тебѣ принесу?

Поблѣднѣвшія, теперь не яркія, а чуть розовыя губы Лизы усмѣхнулись.

— Ничего. Я не боюсь. Подойди...

Она первая протянула руку.

Не выпуская ея руки, Иванъ Өедоровичъ захватилъ стулъ, придвинулъ вплотную къ кровати и сѣлъ.

— Какъ же? все хорошо?—спросилъ онъ.

— Слава Богу.

— И нужно же, право, чтобы меня какъ разъ тогда не было!

Онъ поцѣловалъ Лизу въ голову.

— А его? — строго напомнила Лиза и указала на диванчикъ сбоку.

Иванъ Өедоровичъ вспомнилъ и о немъ.

„Онъ“ спалъ и былъ плотно обвязанъ свивальникомъ, а сверху укрытъ одѣяломъ. Лицо у него неинтересное, минia-

тюрное, синеватое; на головѣ чепчикъ. Пахло отъ него сухою, прянною травой и еще чѣмъ-то неопредѣленнымъ, какою-то особенной теплотою. Только ради Лизы Иванъ Ѳедоровичъ наклонился къ нему, прикоснулся губами къ мягкой, какъ пухъ, багровой щекѣ и промедлилъ въ этой позѣ одно мгновенье, опять-таки изъ опасенія показаться равнодушнымъ. Затѣмъ еще постоялъ въ раздумьи надъ диванчикомъ, безмолвно спрашивая себя:

— Что же это? Говорятъ, отцовское чувство... Да, полно, есть ли оно? Почему же я къ „нему" ничего не чувствую? Лиза не знала, о чемъ думалъ Иванъ Ѳедоровичъ и ее умилило то вниманіе, которое онъ удѣлилъ сыну.

— Правда, хорошій?—спросила она горделиво.—Всѣ удивляются даже, что такой большой. Надя у меня была. Такъ завидуетъ...

— Прелестный!—воскликнулъ Иванъ Ѳедоровичъ, съ преувеличенной горячностью.

— А у Нади нѣтъ своихъ... И замужемъ, и мужъ молодой, а дѣтей нѣтъ.

Лиза замечталась, и губы ея опять улыбались. Послѣ короткой паузы она сообщила:

— Хочу назвать его Ваней. Какъ тебя...

— Ваней? а можетъ быть...

Иванъ Ѳедоровичъ запнулся.

— Ну?—поторопила Лиза.

— Я хотѣлъ сказать, не лучше ли Алексѣемъ?

Лиза немного подумала.

— Алексѣемъ? Что-жъ, можно и Алексѣемъ: молитвы еще не брали. Теперь и скоро Алексѣя. Семнадцатаго марта: человѣка Божьяго. Теплый Алексѣй...

— Вотъ спасибо. Алексѣй,—значитъ?

— Алешка... Трачевскаго, что-ли, Алексѣемъ звали?

Иванъ Ѳедоровичъ сдѣлалъ утвердительное движеніе.

— Какой ты вымученный!—мягко замѣтила Лиза,—тебѣ его сильно жалко?

— Ахъ, Лиза, какъ жалко! Я такъ его любилъ...

Иванъ Ѳедоровичъ нагнулся къ ея рукѣ, совсѣмъ къ одѣялу и, кажется, плакалъ.

Лиза молчала. Онъ заставилъ себя успокоиться и поднялъ голову.

— Видишь, какой ты, когда любишь кого!—чуточку ревниво и грустно выговорила Лиза.—А если бы я умерла? заплакалъ бы?

— Лиза! глупости какія!—съ испугомъ и отъ души крикнулъ Иванъ Ѳедоровичъ.

По физіономіи Лизы разлилось выраженіе благодарности и удовлетворенія.

— Да не сердись... я—такъ. Будешь любить и Алешку?

Иванъ Өедоровичъ вообразилъ передъ собою этого Алешку взрослымъ и сознательнымъ, похожимъ на Трачевскаго.

— Еще бы!

Въ немъ пробудилось болѣе участливое отношеніе къ Алексѣю. Онъ всталъ и уже по собственной волѣ поцѣловалъ ребенка. И на этотъ разъ поцѣлуй вышелъ менѣе оффиціальнымъ.

Туманная сущность отцовскаго чувства отдаленно и слабо, но начинала проясняться.

— А теперь я поѣду?—спохватился Иванъ Өедоровичъ.— Меня у воротъ Павелъ Ивановичъ ждетъ: спѣшилъ къ Трачевской... Нельзя же... Тамъ и мама моя, и Павелъ Ивановичъ обѣщалъ со мною... Мы вмѣстѣ...

Лиза нахмурилась. Ей не понравилось, къ чему Иванъ Өедоровичъ оправдывается передъ нею? Какъ будто знаетъ, что его можно подозрѣвать въ чемъ-то... А онъ подумалъ, что Лизѣ не нравится, зачѣмъ онъ такъ скоро уходитъ, и не зная какъ поступить, сѣлъ на прежнее мѣсто.

— Иванъ Өедоровичъ! злодѣй вы, душегубецъ! что вы со мною дѣлаете?—съ комическимъ отчаяньемъ заговорилъ Дементьевъ подъ дверью.—Вамъ хорошо тутъ сыномъ утѣшаться, а я чуть не замерзъ въ саняхъ! Ѣдемъ мы или нѣтъ къ Трачевской?

— Ѣдемъ, ѣдемъ... Я и то собирался.

— Войдите, Павелъ Ивановичъ,—дружелюбно позвала Лиза. Дементьевъ отворилъ дверь.

— Не могу; въ пальто и съ мороза. Морозъ беретъ къ вечеру... Батюшки! что же это? Елизавета Захаровна уже возсѣдать изволитъ? А онъ хоть бы что! никакого вниманія... родитель... Вамъ, Елизавета Захаровна, что велѣно было?

Лиза послушно отвѣтила:

— Не буду, не буду,—и, вытянувшись, легла на спину.

— Теперь такъ. А каковъ малецъ, Иванъ Өедоровичъ? Младенецъ-то? Я вамъ говорилъ? Фунтовъ тридцать одного вѣсу будетъ...

— И выдумаетъ!—отозвалась Лиза,—пудъ съ четвертью скажите.

— А можетъ и меньше немножко. На глазъ опредѣлять не умѣю.

— Идемъ, Павелъ Ивановичъ?

— Давно пора. Но еще пару словъ. Угадайте, что я въ санкахъ надумалъ?

— Что?

— Позвали бы вы Трачевскую кумой... а? И ее бы заняло.

— А вѣдь идея!—обрадовался Иванъ Ѳедоровичъ.—Трачевскій говорилъ мнѣ недавно: когда своей горечи много, хорошо окунуться въ чужую жизнь. Отвлекаетъ... Вотъ бы по его рецепту да Ольгу Владиміровну окунуть! Хотя... я не знаю... Какъ Лиза? Лиза, что ты на это скажешь?

— Что-жъ я?—неопредѣленно произнесла Лиза.

— Нѣтъ, ты говори прямо. Есть у тебя кума?

— Мнѣ Надю хотѣлось... Но въ случаѣ нельзя... можно и перемѣнить.

Лиза была недовольна, но не хотѣла показать это.

— Видишь ли... Трачевская такъ убита, такъ одинока... Ее отвлекло бы немного...

— Будто ужъ такъ печалится?

— Словъ нѣтъ, какъ огорчена..

— Хмм!—протянула Лиза, чего-то не понимая, но согласилась.—Хорошо, пусть Трачевская. Только объясните ей что я—оффиціантка. Можетъ и не захочетъ?

— Я объясню, что ты—моя невѣста.

— Еще неизвѣстно, какъ будетъ. Одинъ Богъ все знаетъ.

— Какъ неизвѣстно, Лиза? Рѣшено давно. Помнишь? тогда еще...

— Не рѣшала я безъ поворота.

— Какъ нѣтъ? И ты рѣшала, и я рѣшилъ. За нимъ лишь остановка была. Онъ на лицо теперь.

Иванъ Ѳедоровичъ кивнулъ головой на свертокъ съ Алексѣемъ.

Лиза задумчиво посмотрѣла на него и ничего не отвѣтила. А Павлу Ивановичу, стоящему у порога, всетаки поручила:

— Нѣтъ, вы передайте госпожѣ Трачевской, что я—оффиціантка. Иначе не желаю. Не то—сама скажу: будетъ хуже.

— Передамъ-съ.

По пути въ городъ Дементьевъ предложилъ вопросъ:

— Не ожидали моего проекта? удивлены?

— Я вамъ за него благодаренъ безмѣрно.

— Хорошо... очень хорошо, если Елизавета Захаровна лично встрѣтится съ нею... съ Трачевской. Увидитъ—и кончено. И все развѣется...

— Что развѣется?

— Сомнѣнія всякія... и мысли. Я вамъ не успѣлъ доложить... Въ тотъ вечеръ, когда потомъ бенефисъ тутъ безъ васъ приключился... разсказалъ я, что Трачевскій померъ, а Елизавета Захаровна выслушала и говоритъ: „Значитъ, Трачевская теперь освободится?“ и задумалась... нехорошо задумалась! Весьма полезно, чтобы она своими глазами удо-

стовѣрилась: фантазія рѣдко кого доводитъ до добра. Да еще—женщину. А здѣсь на мнѣ вина лежитъ; большая съ моей стороны ошибка. Я первый поселилъ подозрѣніе, мнѣ его и разрушить надо. И радикально, до основанія.

. . . .

Всѣ спѣшили развлечь Трачевскую, и крестины состоялись скоро,—черезъ недѣлю.

Первыми пріѣхали кумовья: Дементьевъ и Ольга Владиміровна. Ивана Өедоровича еще не было.

— Да она старая совсѣмъ! — чуть не крикнула Лиза, едва завидѣвъ Трачевскую. Лиза не понимала почему, но ей было безотчетно-пріятно и радостно отъ того, что Трачевская казалась старой. А Ольга Владиміровна съ перваго взгляда на Лизу безпристрастно подумала: „какая красивая!"—но ничего не ощутила при этой мысли. Она поцѣловалась съ Лизой и начала разговоръ сразу по-дружески:

— Очень пріятно встрѣтиться съ вами. Эти дни я столько слышала о васъ. Буду рада, если и вы станете относиться ко мнѣ такъ же хорошо, какъ Иванъ Өедоровичъ.

— И я рада,—спокойно и просто сказала Лиза.

— Иванъ Өедоровичъ самый близкій человѣкъ у насъ въ семьѣ. Мужъ мой былъ очень привязанъ къ нему.

— Онъ тоже расположенъ крѣпко къ вашему мужу. Ужъ такъ огорченъ былъ, страхъ! — замѣтила Лиза тѣмъ конфиденціальнымъ и увѣреннымъ тономъ, какимъ говорятъ жены или вообще любящія женщины о своихъ избранникахъ, полагая, будто знаютъ до тончайшихъ изгибовъ всѣ чувства и помышленія отсутствующихъ мужей.

— Ахъ, если бы не онъ, — продолжала Трачевская,— чтобы и дѣлала я въ моемъ горѣ... Такъ ему обязана.

— Ну, какъ же иначе? Кому же, какъ не ему... Онъ долженъ былъ, такой случай...

Лиза какъ будто великодушно уступала Ивана Өедоровича въ распоряженіе Трачевской.

— А вы давно встаете съ постели?—ласково измѣнила разговоръ Ольга Владиміровна.

— Со вчерашняго дня: вчера въ первый разъ.

— И уже въ корсетѣ?

— Я безъ корсета.

Ольга Владиміровна какъ бы удивленно посмотрѣла еще разъ на талію Лизы, при чемъ замѣтила ея фланелевую желтовато-кремовую кофточку съ крошечными „алмазными" пуговками и брошку въ видѣ сердца, пронзеннаго стрѣлой.

— А маленькій вашъ? здоровъ?

— Благодарю. Здоровый.

— Сами кормите?

— Пока—сама.

— Пока? А потомъ?

— Нн-неизвѣстно еще.

— Вы?.. простите, не знаю имени...

— Елизавета Захаровна, — подсказалъ молчаливо-усѣвшійся въ сторонкѣ Дементьевъ.

— Вы не полька, Елизавета Захаровна?

Трачевская уже успѣла уловить не русское произношеніе Лизы.

Лиза по привычкѣ усмѣхнулась, выражая улыбкой признательность за комплиментъ.

— Нѣтъ, я—русская. Что это Иванъ Ѳедоровичъ не ѣдетъ? Пора бы ему...

— Вѣрно Юлія Сергѣевна не готова,—предположила Трачевская.—Онъ говорилъ, съ матерью пріѣдетъ.

Лиза покраснѣла тѣмъ своимъ яркимъ румянцемъ, который дѣлалъ ея лицо изъ розоваго—малиновымъ. Она нетерпѣливо обратилась къ Дементьеву:

— Такъ онъ и матери разсказалъ?

— О чемъ? — непонятливо спросилъ Дементьевъ, недовольный оборотомъ бесѣды: къ чему, думалъ онъ, Лиза собирается въ присутствіи Трачевской говорить о домашнихъ дѣлахъ.

— Да обо мнѣ.

— Разумѣется, сказалъ.

— А она что?

— Относительно чего?

— Да про меня!

— Я не знаю.

Лиза вдругъ поняла свою оплошность и сконфузилась: не слѣдовало бы заводить рѣчь при чужихъ. Не годится такъ...

Трачевская предупредительно выручила Лизу и сама заговорила на правахъ домашняго человѣка:

— А я знаю, что думаетъ о васъ Юлія Сергѣевна... Она сказала Ивану Ѳедоровичу: коли для тебя хороша, такъ и для меня хороша будетъ.

Лиза глазами поблагодарила Ольгу Владиміровну, а та добавила:

— И Юлія Сергѣевна первая выразила желаніе пріѣхать сюда сегодня. Посмотрѣть васъ, видно, хочетъ.

— Пусть смотритъ,—позволила Лиза.

Подоспѣлъ Иванъ Ѳедоровичъ съ матерью.

Юлія Сергѣевна такъ же, какъ и Трачевская, поцѣловала Лизу. Но разговоръ теперь не клеился. На лицѣ у Юліи

Сергѣевны застыло выраженіе покорности передъ судьбою. Она словно собиралась сказать:

— Что же дѣлать? Если надо, то надо.

Лиза, глядя на нее, мысленно отмѣтила:

— И мать у него такая же, какъ онъ: похожи. Только онъ добрый, а она злюка, должно быть: недаромъ однѣ кости.

Не смотря на поцѣлуй, смиреніе и мягкость рѣчи, немного-суровые глаза Юліи Сергѣевны упорно вонзались въ Лизу, анализируя ее. Лизѣ становилось не по себѣ отъ этого остраго взгляда. Она сбилась съ тона, начала отвѣчать невпопадъ, не слышала обращаемыхъ къ ней вопросовъ.

Трачевская съ обостренной впечатлительностью страдающаго существа поняла ощущенія Лизы и снова попыталась придти къ ней на помощь.

— Какая ваша невѣста красавица! — сказала она Ивану Ѳедоровичу.—Точно богиня, а не женщина.

— Я же вамъ говорилъ, — напомнилъ Трачевской Дементьевъ.

Лиза сдѣлала движеніе, какъ будто хотѣла опровергнуть что-то, но, встрѣтивъ пристальный, останавливающій взглядъ Ивана Ѳедоровича, смолчала. Волнуясь, она все еще не могла схватить и усвоить подходящій къ случаю тонъ.

Овладѣла Лиза ролью хозяйки дома лишь тогда, когда появилась ея подруга, оффиціантка Надя, тоненькая брюнетка въ прекрасно-сшитомъ свѣтло-сѣромъ платьѣ. Надя пріѣхала вмѣстѣ съ мужемъ, молодымъ, довольно красивымъ мужчиной, у котораго были распушенные по модѣ свѣтлые усы и прическа съ проборомъ. Одѣтъ онъ былъ такъ же, какъ и жена, очень заботливо и модно—въ плотно-застегнутый, длинный до колѣнъ сюртукъ съ муаровыми отворотами.

Лиза поцѣловалась съ Надей и уже съ полной непринужденностью представила гостей другъ другу. Трачевская и Юлія Сергѣевна здоровались съ оффиціантомъ, какъ съ равнымъ, а тотъ раскланивался съ отмѣнной утонченностью, безподобно копируя обѣднѣвшаго графа, Теофила Высоковича, постояннаго посѣтителя Биржевой кофейни.

Едва успѣли перезнакомиться, какъ явился священникъ. Лиза ушла въ свою комнату, чтобы не присутствовать при крещеніи сына. Иванъ Ѳедоровичъ, не зная обычая, оставался. Тогда Надя поспѣшно выбѣжала къ Лизѣ:

— Вызови ты своего судью, на милость Бога... Чего торчитъ? Не знаетъ развѣ?

— Пускай...

— Богушка тебѣ кланялась. Спрашивала, когда въ Краковскую придешь? Ждетъ...

— Не дождется, крашеное чучело.

— Сама провѣдать тебя хочетъ. Съ сыномъ, говоритъ, поздравлю кохану Лизуню: óна тàка пшіемна... Гости всякій разъ къ Богушкѣ: „Гдзѣ панна Элиза?“ — „Цо съ паненкой?“ — „Шкода, шкода!“ А она говоритъ: „къ бабушкѣ уѣхала, вернется скоро“.

— Подождешь малость. Ишь ты: съ бабушкой еще! Дьяволъ... И какъ про сына узнала?

— Стрючекъ сказалъ.

— Не называй его, Надя, стрючкомъ: онъ мнѣ пріятель, Павелъ Ивановичъ его зовутъ.

— Сама же прозвала первая?

— То прежде было. Не знала его тогда, а онъ вонъ что... Одно слово, душа золотая. Кабы не онъ, можетъ, меня уже и на свѣтѣ бы не было. А что Алешкѣ—капутъ, непремѣнно Навѣрняка—пропащій.

— Я знаю. Ну только и неаккуратный же онъ... ужъ такой грязнуха, не приведи Богъ.

— И теперь тоже... кормилицу мнѣ нашелъ въ конторѣ. Самъ къ доктору возилъ. Въ Варшавскую кофейню я его посылала, онъ узналъ все, разспросилъ, разнюхалъ. Тамъ меня обѣими руками берутъ. Не то берутъ, хватаютъ.

— Идешь?

— Какъ шесть недѣль кончится, такъ и пойду. Боюсь раньше: бѣготни много. А къ Богушкѣ и за тысячу рублей не хочу. Прогадала, старая крыса... Покуражиться надо мною хотѣла? Пофинтить? Форсъ показать? Считала: потерянная уже Элизка, не нужна она больше? Уйдетъ, всѣ и забудутъ сейчасъ? А не тутъ-то было... Подожди: еще не вечеръ. Я отъ тебя еще половину гостей отважу. Ужъ мнѣ Павелъ Иванычъ поможетъ.

— Тотъ постарается... Это, что говорить, правда.

— Поляки всѣ за меня станутъ!

— Алешку не будешь сама кормить?

— Мамку наняла.

— А что дружокъ? судья-то твой?

— Онъ все свое: хоть сію минутку вѣнчаться. Еще не знаетъ, что на должность иду.

— Ну? Тогда зачѣмъ тебѣ въ Варшавскую?

— Хочу такъ.

— И не пойдешь за него?

— Посмотрю. Какъ Богъ дастъ. Хоть и пойду, то не скоро: до года не выйду. Коли онъ въ самомъ дѣлѣ мой—и черезъ годъ мой останется... А нѣтъ, не надо. Съ Богомъ на всѣ стороны: не повѣшусь, не бойся... И замужемъ, пригожая моя, разно бываетъ. Окрутиться недолго, а тогда—расхлебывай.

— Чего тамъ! Ужъ видно, что человѣкъ хорошъ: мировой судья—и на оффиціанткѣ женится. Тоже не всякій на то пойдетъ... Ухаживать они всѣ мастера, а жениться—не очень. Поднадуть многіе рады... А этотъ, видишь? И мать привезъ. Всетаки дама — и пріѣхала. Опять же, мировой судья...

— Мировой судья... мировой судья... Да мнѣ, можетъ, наплевать, что онъ судья... Видали мы ихъ много, мировыхъ судей...

— Эй, Лизка, не форси! Чего человѣку голову зря крутишь? Иди, пока беретъ: потомъ жалѣть будешь.

— Тебя не заставлю плакать. Мои слезы... не чужія.

— И Алешку пристроишь. При отцѣ былъ бы...

— Алешка и такъ пристроенъ. При матери.

— Не разберу я, что у тебя на умѣ. Ты, матушка, не смотри, что ты въ польскомъ вкусѣ, на это не надѣйся... Они—лукавые. Хоть и выйдетъ что,—невелика утѣха: съ ними только свяжись, наплачешься... Пашу-то помнишь? Съ тѣмъ съ усатымъ, ушла? Какъ собаченку, колотилъ послѣ... А ужъ какой былъ масляный!

— Пашка — дура. Чего она стоитъ, ежели у нея ни на грошъ своей амбиціи нѣту... Мразь, а не баба.

— И съ амбиціей, милая, хвосты поджимаютъ.

— Ого! ударилъ бы онъ меня... Я бы ему показала, какъ синяки растутъ.

— Такъ про поляка какого-то думаешь?

— Пх-хе! Не видала добра...

— Чудно что-то... Не понимаю.

— Не понимаешь, а хочешь учить?

— Объясни лучше, отчего тебѣ за судью не выдти?

— Ахъ!—испугалась Лиза,—ну и подкрался!

Къ ней неожиданно подошелъ Иванъ Өедоровичъ. Онъ все время стоялъ у порога, а Лиза и Надя, увлекшись разговоромъ, не замѣчали его.

— Оттого, скажи Лиза,—началъ Иванъ Өедоровичъ,—что я капризничаю. Сама не знаю своихъ требованій. Вотъ отчего.

— Можетъ кто другой не знаетъ, а я знаю.

— Чего же тебѣ? — крикнула ей въ лицо Надя, разсердившись.

— То мое дѣло.

— Съ тобою говорить, какъ воду носить рѣшетомъ!

— Не говори.

Надя, обернувшись, спросила у Ивана Өедоровича:

— Крестятъ еще Алешу?

— Не могу вамъ сказать: меня передъ началомъ выпроводили.

— И слѣдовало, отцу нельзя... А я то заболталась! Пойти взглянуть...

Надя ушла. Иванъ Ѳедоровичъ спросилъ:

— Что же это такое, Лиза? Какъ это понимать? Ты поступаешь въ кофейню?

— Поступаю.

— А потомъ?

— Потомъ видно будетъ.

— Но почему? Не довѣряешь мнѣ?

— Не недовѣряю... а кто тебя разберетъ, если ты жениться сгоряча хочешь? Какъ бы ради царствія небеснаго... Нѣтъ развѣ? Неправду говорю?

Иванъ Ѳедоровичъ не выдержалъ ея взгляда и опустилъ глаза.

— Что? Самому стыдно? Совѣсть-то есть всетаки... Женишься вотъ такъ, а тамъ и начнешь забѣгать въ сторону... Или встрѣтишь кого...

— Не можетъ этого быть, Лиза, разъ я женюсь.

— А ты думаешь, мнѣ большая радость, чтобы мужъ сидѣлъ около меня да думалъ: „Эхъ, кабы на ея мѣстѣ да другая!“ Ему на меня смотрѣть не хочется, а онъ черезъ силу за мою юбку держится... Счастье, нечего сказать... Я бы его приколотила такого. Такъ бы, что подъ рукой, то и запустить ему въ голову: не притворяйся! Мнѣ надо, чтобы онъ любилъ меня. И не какъ нибудь, а по настоящему.

— А я не люблю по твоему?

— Не очень то.

— Ошибаешься, Лиза...

— Ну, дальше? что-жъ остановился? Разскажи-ка про любовь свою. Погляжу, какъ врать умѣешь.

Вопросъ былъ поставленъ черезчуръ прямолинейно. Иванъ Ѳедоровичъ растерялся.

— Право, Лиза... видишь ли?.. Зачѣмъ преувеличивать? Вѣдь я... то есть, ты... А все же... Чѣмъ дальше, тѣмъ я лучше къ тебѣ отношусь. Сказать правду, еще недавно... вотъ съ мѣсяцъ тому назадъ, проснусь утромъ и говорю себѣ: „надо вечеромъ къ Лизѣ поѣхать“... Понимаешь: надо? А теперь встаю и думаю: скорѣй бы вечеръ, Алешку съ Лизой увижу.

Глаза Лизы блеснули радостью.

— И сама примѣчаю, что сталъ эти дни потеплѣе.

— Такъ какъ же быть теперь?

— Обождать съ годъ времени. Посмотрю дальше. А вдругъ

опять сгоряча? Не желаю я такъ... Отъ судьбы не уйдешь, и если судьба... если увижу, что по настоящему... Ну, тогда— я понимаю.

Иванъ Θедоровичъ нерѣшительно взглянулъ на нее и согласился.

О. Н. Ольнемъ.

---

* * *

Вокругъ плыветъ бездонный мракъ ночной
И льется въ грудь холодною волной...
А мы идемъ. Лишь свѣтъ мечты свободной
Мерцаетъ намъ звѣздою путеводной!

Но пусть разсвѣта не увидимъ мы—
Увидитъ міръ... Долины и холмы
Услышатъ зовъ, невѣдомый дотолѣ,
Услышатъ пѣснь о правдѣ, счастьи, волѣ...
И оживетъ подлунная страна!

— Впередъ, впередъ!.. Глухая ночь темна,
Но вѣтерокъ бѣжитъ, рѣзвясь, съ востока,
И плескъ слышнѣй нагорнаго потока!..

Н. Шрейтеръ.

Творческая личность Тэна.

Къ десятилѣтію его смерти (21 февраля 1893 года).

Послѣднимъ и, быть можетъ, наиболѣе цѣннымъ пріобрѣтеніемъ обширной литературы о Тэнѣ, накопившейся за десятилѣтіе, отдѣляющее насъ отъ смерти французскаго мыслителя, является обширное собраніе его писемъ *) въ связи съ данными его біографіи,—и обзоръ этихъ важныхъ матеріаловъ былъ бы особенно умѣстенъ въ дни этой печальной годовщины. Но изъ этой любопытной переписки вышелъ въ свѣтъ лишь первый томъ, обнимающій, правда, болѣе интересный періодъ (1847—1853)—молодые годы развивающагося писателя; она издается въ хронологическомъ порядкѣ, и ее, во избѣжаніе слишкомъ возможныхъ ошибокъ въ выводахъ, желательно обозрѣть уже въ цѣломъ. Вмѣсто этого мы предлагаемъ читателямъ познакомиться съ цѣльной и содержательной книгой о Тэнѣ, гдѣ къ изученію замѣчательнаго создателя положительнаго критическаго метода приложены тѣ пріемы, которые онъ самъ считалъ единственно возможными и плодотворными въ историко-литературномъ изслѣдованіи. Первый очеркъ работы Виктора Жиро, профессора фрейбургскаго (швейцарскаго) университета, „Essai sur Taine, son oeuvre, son influence“, былъ сдѣланъ за годъ до смерти Тэна—и удостоился его одобренія. „Портретъ польщенъ,—писалъ Тэнъ, получивъ работу своего умѣлаго ученика,—и не мнѣ на это жаловаться. Я былъ бы очень счастливъ, если бы оказалось, что мои книги въ самомъ дѣлѣ имѣли на молодежь то вліяніе, которое мнѣ здѣсь приписывается; для чего же мы работаемъ, какъ не для этого? Но мы подобны вышивальщикамъ Гоблэновъ, сидя за своимъ полотномъ и никогда не имѣя возможности удовлетвориться въ точности, поняли-ли и даже взглянули-ли на картину зрители, которые толпятся по ту сторону ковра и громко толкуютъ о немъ“.

Послѣ многолѣтней работы удачный эскизъ разросся въ обширный портретъ.

---

*) H. Taine, sa vie et sa correspondance. Paris, Hachette. 1902.

Нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ автору не удалось избѣжать—быть можетъ, въ связи съ самой постановкой задачи. Онъ ограничилъ ее тамъ, гдѣ она—безъ значительнаго ущерба для выводовъ—ограниченію не поддавалась. Это придало его изслѣдованію нѣкоторый формальный характеръ. Вѣдь личность не исчерпывается творческой мыслью; творчество не исчерпывается книгами. А у Жиро рѣчь идетъ только о книгахъ, объ ихъ формѣ, объ ихъ идеяхъ. Согласимся, что это главная—вѣрнѣе, наиболѣе видная и ясная—сторона Тэна; но невозможно утверждать, что въ этомъ весь Тэнъ.

Самъ авторъ, однако, не считаетъ свой трудъ ни законченнымъ, ни окончательнымъ. Онъ, конечно, лучше всѣхъ понимаетъ, что Тэнъ — изъ тѣхъ крупныхъ историческихъ явленій, на которыя никогда не будетъ установлена заключительная и единая точка зрѣнія *ne varietur*. Но кому нибудь надо начать, и едва ли многіе имѣли на это больше права, чѣмъ Жиро; одинъ обзоръ данныхъ для работы, сдѣланный въ предисловіи, указываетъ, какъ прочно основаніе, на которомъ добросовѣстный ученикъ предполагаетъ воздвигнуть изваяніе своего почитаемаго—безъ всякой слѣпоты—учителя. Этими предварительными знаніями дѣло не ограничилось, и они получили въ книгѣ Жиро цѣнную обработку. Съ его основными взглядами можно—и довольно часто—не соглашаться; но болѣе солиднаго опыта изучить Тэна въ его развитіи, въ основныхъ чертахъ его творчества, въ его вліяніи мы не только не имѣемъ, но, вѣроятно, въ близкомъ будущемъ и имѣть не будемъ.

Жиро не первый приложилъ къ Тэну его методъ, не первый попытался опредѣлить его „господствующую способность“ въ связи съ вліяніями „расы“, „среды“ и „момента“ и этими данными освѣтить и объяснить его личность и творчество. Но въ примѣненіи къ Тэну онъ внесъ — не только въ теоріи, но и на дѣлѣ—одну значительную поправку. Тэнъ, по его мнѣнію, грѣшилъ однимъ: въ его критикѣ—и, кажется, не въ одной критикѣ—царила статическая — анти-историческая—точка зрѣнія. „Чтобы объяснить факты,—замѣтилъ Сорель,—Тэнъ связываетъ ихъ; чтобы изложить ихъ, онъ ихъ останавливаетъ“. Ученикъ Гегеля, онъ однако, не знаетъ изслѣдованія предмета im Werden; онъ сжимаетъ въ одинъ моментъ явленіе, развивавшееся послѣдовательно и многообразно, и изученіе этой абстракціи выдаетъ за изученіе жизни; между тѣмъ „движеніе, будущее, быть можетъ, даже сама жизнь ускользаютъ отъ него“.

Во избѣжаніе этой вредной „кристаллизаціи“, Жиро началъ свое изслѣдованіе съ изученія духовнаго развитія Тэна, съ его психологической біографіи. Эта исторія духовнаго роста Тэна изображена авторомъ—поскольку ему позволяли его средства—полно и послѣдовательно, а главное—въ возможномъ согласіи съ

тѣми требованіями, какія мы предъявляемъ теперь къ жизнеописанію. Всякое критическое или историческое произведеніе было для Тэна „психологической проблемой", и онъ не разъ говорилъ, что въ продолженіе всей своей дѣятельности не занимался ничѣмъ, кромѣ психологіи чистой или прикладной. Чтобы приложить къ нему его методъ, необходимо было опредѣлить и выдѣлить условія „расы", „среды" и „момента", для того чтобы за этими нивеллирующими элементами найти его индивидуальную „господствующую способность".

I.

Жиро сдѣлалъ все возможное, чтобы опредѣлить эти элементы. Онъ цитируетъ (изъ Мишлэ) характеристику сосредоточеннаго и серьезнаго арденнскаго населенія и даже приводитъ геологическое описаніе арденнской области, уже близкой по характеру къ прирейнской Германіи. „Если гдѣ нибудь во Франціи мы имѣемъ смѣсь и сліяніе народностей, то это здѣсь, на границѣ, открытой нашествіямъ и внѣшнимъ вліяніямъ, такъ что не удивительно, что мысль ея обитателей, оставаясь по существу французской, въ извѣстной степени напоминаетъ мысль сѣверныхъ народовъ, менѣе гибкую, болѣе крайнюю". Способность къ широкимъ обобщеніямъ и въ тоже время любовь къ терпѣливому, усидчивому изученію предмета, непобѣдимое стремленіе къ поэзіи, фантазіи и даже къ мистицизму и въ тоже время тревожный культъ силы и даже насилія—не таковы ли выдающіеся признаки нѣмецкаго духа, и не напоминаютъ ли они во многомъ мысль Тэна? Онъ самъ считалъ форму своего ума французской и латинской по преимуществу; но не была ли таковой одна форма? Не случайно одинъ изъ его критиковъ опредѣлялъ мысль Тэна, какъ „нѣмецкое воображеніе, руководимое и утилизируемое французскимъ умомъ".

Въ этой области его предки не были пришлыми: мелкіе чиновники и горожане, это были коренные обыватели страны, трудолюбивые и упорные, простые и спокойные. При всемъ презрѣніи къ банальной и условной жизни французской провинціи, Тэнъ сохранилъ уваженіе къ жизни этихъ людей, и его идеалъ существованія — мирнаго, скромнаго, рабочаго — носилъ слѣды воззрѣній, среди которыхъ онъ выросъ. Онъ рано потерялъ отца—немножко поэта, пѣсни котораго еще не забыты въ его странѣ, но вспоминалъ о его урокахъ, о молчаливыхъ и долгихъ прогулкахъ съ нимъ по лѣсу. Въ началѣ сороковыхъ годовъ онъ—ученикъ коллежа, живетъ съ матерью вдовой въ Парижѣ. Это время авторъ по праву называетъ „возрожденіемъ вольтерьянства". Эклектизмъ, слишкомъ двусмысленный по отношенію

къ религіи и слишкомъ чуждый научному движенію, падаетъ. Нѣмецкій идеализмъ, спинозистскій пантеизмъ, гегельянскій монизмъ вытѣсняютъ его. Съ ними сталкиваются возрождающіяся доктрины французскаго XVIII вѣка: въ лицеѣ, гдѣ учился Тэнъ, излагали философію Кондильяка. Но мѣсто всѣхъ былыхъ идоловъ занимаетъ въ духовной жизни новое божество: идея *науки* становится огненнымъ столпомъ человѣческой мысли. Она занимаетъ то мѣсто, которое въ средніе вѣка принадлежало идеѣ религіи, въ XVI вѣкѣ—идеѣ искусства, въ XVII—идеѣ нормы, въ XVIII—идеѣ разума. Измѣняется „герой нашего времени", modèle régnant, по выраженію Тэна: это уже не „порядочный человѣкъ" XVII столѣтія, не „философъ" эпохи просвѣщенія, не недавній непонятый меланхоликъ, не Оберманъ и Рене, но „ученый", „человѣкъ науки". И недалеко то время, когда Ренанъ, въ своей любопытной книгѣ, увидѣвшей свѣтъ лишь черезъ полъ вѣка, объявитъ новую формулу: „Наука есть религія", и многіе современники—среди нихъ Тэнъ первый—повторятъ съ восторгомъ эту формулу. Научному движенію соотвѣтствуетъ поворотъ въ литературѣ, и—послѣ безсильной вспышки классицизма—романтизмъ окончательно стушевывается предъ реализмомъ.

Къ этому времени относится, несомнѣнно, одинъ изъ наиболѣе интересныхъ моментовъ духовнаго роста Тэна—моментъ „религіознаго кризиса". Вопросъ сложный, но неизбѣжный: какъ онъ прошелъ въ чуткомъ и глубокомъ юношѣ, чѣмъ былъ вызванъ, чѣмъ разрѣшился?

Вообще,—замѣчаетъ авторъ, свободомыслящій католикъ,—вопросамъ этого рода удѣляютъ слишкомъ мало вниманія. „Забываютъ, что въ жизни мыслителя нѣтъ ничего болѣе значительнаго и что сообразно съ возрастомъ и условіями, въ которыхъ предстаетъ вопросъ вѣры, сообразно съ натурой и свойствами души человѣка, сообразно съ увлеченіемъ, съ которымъ она къ нему относится, сообразно съ рѣшеніемъ, которое она находитъ въ себѣ или принимаетъ отъ другихъ,—этимъ опредѣляется и регулируется не только внутренняя жизнь человѣка, но и его мысль, его будущее творчество... Не могу представить всѣхъ доказательствъ, которыя убѣждаютъ меня въ томъ, что кризисъ въ Тэнѣ былъ если не продолжительнѣе, то болѣзненнѣе, чѣмъ въ Ренанѣ. Но если когда либо о немъ узнаютъ все то, что должно о немъ знать, то не будетъ никакого сомнѣнія, что душа человѣка, умѣвшаго такъ хорошо говорить о Маркѣ-Аврелiѣ и Рембрандтѣ, была ближе къ душѣ Паскаля, чѣмъ къ душѣ Беранже". И новый біографъ Тэна рѣшительно отказывается присоединиться къ воззрѣнію Фагэ: „Тэнъ былъ чистый позитивистъ, позитивистъ безъ мистицизма... Не было человѣка, менѣе религіознаго, чѣмъ онъ".

Также смотрѣлъ на себя и самъ молодой Тэнъ. Слишкомъ крѣпкій и рѣшительный, чтобы завязнуть въ половинчатомъ скептицизмѣ („Сомнѣніе—если, впрочемъ, это не Паскалевское сомнѣніе—трусость“, писалъ онъ своему пріятелю),—онъ чувствовалъ, что находитъ по истинѣ религію въ своихъ положительныхъ воззрѣніяхъ: „Съ моимъ благоговѣйнымъ преклоненіемъ предъ истинами разума и съ моимъ обсолютнымъ довѣріемъ къ мощи ума, я похожъ на католика, который только и говоритъ, что о церкви и о вѣрѣ“. И новое письмо къ тому же другу юности—Прево Парадолю—съ полной ясностью указываетъ, какъ глубоко переживалъ Тэнъ эту драму душевнаго перелома: „Вмѣстѣ со мною—пишетъ онъ—ты спускался въ нѣдра скептицизма; мы вынесли оттуда каплю яда, который губитъ всѣ наши вѣрованія и можетъ найти противоядіе лишь въ положительной наукѣ. Ты не хочешь исцѣленія: клянусь, болѣзнь не покинетъ тебя, и сколько бы ты ни бился, она тебя придушитъ... Ты помнишь—мы дошли въ сомнѣніи до крайнихъ предѣловъ, мы отрицали все: отечество, долгъ, мысль, счастье, и мы торжествовали въ дѣлѣ разрушенія! Такая пища не проходитъ даромъ. Говорю тебѣ: скептицизмъ засѣлъ въ твоемъ сердцѣ, и ты не отдѣлаешься отъ этого безпокойнаго гостя, пока не соблаговолишь дѣлать по моему... И почему ты обвиняешь меня, будто я метафизикъ и мечтатель? Ты думаешь, что я собираюсь посвятить всю мою жизнь чистому познанію? Нѣтъ, придетъ время и для дѣятельности,—когда я буду знать, какъ дѣйствовать. Соціальная философія будетъ для меня комментаріемъ и поправкой къ философіи исторіи и метафизикѣ. Знаешь ли ты, что г. Прудонъ, извѣстный соціалистъ, началъ съ того-же и что его *Banque du peuple* есть лишь научный выводъ?

„Еще слово: ты страдалъ, слыша, какъ твой юный другъ сказалъ: „Кто знаетъ, быть можетъ, умирая, и я обращусь къ священнику“. Но при твоихъ сомнѣніяхъ и колебаніяхъ—увѣренъ ли ты, что не сдѣлаешь того же? Не смѣйся. Г. Гратри, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Политехнической школы, получившій на конкурсѣ награду за философію, давній и страстный поклонникъ Сенъ-Симона, сдѣлался католическимъ священникомъ; теперь онъ нашъ духовникъ. Страшно подумать, да? Посмѣешь ли ты теперь отвергнуть философію и не искать ея доказательствъ? Пока на твоемъ столѣ не будетъ царить этотъ непобѣдимый молитвенникъ, то есть геометрія явленій, я не ручаюсь ни за тебя, ни за себя. Наука—вотъ якорь, на которомъ держится человѣкъ; кто лишенъ его, можетъ разбиться о скалы, о которыхъ онъ совсѣмъ не думаетъ“.

Самый терминъ „géomètrie des choses“ указываетъ на вліяніе, подъ которымъ въ это время находится Тэнъ. Метафизическій геній автора „Этики“, спокойное мужество его мысли, намѣрен-

ная скудость и безвѣстность существованія того, кого и значительно позже Тэнъ называлъ „нашъ дорогой и чтимый Спиноза", не могли не оказать дѣйствія на сродную душу молодаго мыслителя. Къ воздѣйствію Спинозы восходитъ въ значительной мѣрѣ „безграничная склонность Тэна къ классификаціямъ, абстракціямъ и формуламъ"; даже о сонатѣ Бетховена онъ говорилъ: „это красиво, какъ силлогизмъ". Невозможно отрицать также нѣкоторое вліяніе эклектизма. Конечно, здѣсь слишкомъ легко обмануться случайнымъ совпаденіемъ: какое міровоззрѣніе не имѣетъ точекъ соприкосновенія съ философской системой, въ которой есть все! Но особое предпочтеніе, которое Кузенъ отдавалъ всегда психологіи предъ всѣми прочими философскими дисциплинами, его всегдашнее желаніе возвести философію въ рангъ науки, постоянное стремленіе связать и даже отожествить „науки моральныя" съ „науками физическими", все это приближаетъ создателя эклектической философіи къ Тэну, который не разъ оказывается болѣе вѣрнымъ его старымъ богамъ, чѣмъ самъ Викторъ Кузенъ.

Преобладающимъ интересомъ Тэна въ это время были запросы чистаго мышленія, и событія сорокъ восьмого года лишь утвердили его въ этой философской замкнутости. И какъ разъ въ это время онъ нашелъ для нея подходящую обстановку — въ Ecole Normale, ученикомъ которой онъ сдѣлался въ 1848 году—вмѣстѣ съ Сарсэ, Прево-Парадолемъ, Фюстель де Куланжемъ и другими выдающимися молодыми людьми. Эта „духовная родина" имѣла для развитія Тэна значеніе, которое трудно преувеличить. Любопытно, что воспитательный духъ ея сказывался помимо учителей. Онъ вынесъ отсюда—отмѣтимъ прежде всего недостатки словами Сентъ-Бева — „нѣкоторую грубость или нѣкоторую умственную заносчивость, чрезмѣрное довѣріе къ книгамъ, къ писанному слову". Школа далека отъ жизни и слишкомъ легко внушаетъ убѣжденіе, что людьми и міромъ руководятъ абстрактныя идеи. И Тэнъ говорилъ впослѣдствіи: „Надо войти въ школу, но надо изъ нея выйти" — словечко, конечно, подходящее не только къ Ecole Normale.

Призваніе Тэна опредѣлилось для него тотчасъ же по вступленіи въ школу—и опредѣлило кругъ его занятій. „Я хочу быть философомъ",—писалъ онъ другу, а чтобы быть достойнымъ этого имени, онъ считалъ необходимымъ стать „спеціалистомъ во всемъ". Философія и богословіе, литература и исторія должны были заполнить пребываніе въ школѣ; общественныя и естественныя науки являлись предметомъ дальнѣйшихъ занятій. Эта программа была выполнена съ педантической полнотой.

Опредѣлить съ точностью значеніе преподавателей Нормальной Школы въ развитіи Тэна едва-ли возможно. За немногими исключеніями, оно было не значительно. Во всякомъ случаѣ здѣсь

онъ передвинулся отъ своего „апріоризма“ къ стремленію тщательно изучать данныя дѣйствительности. Это было всеобъемлющимъ направленіемъ не столько среди учителей, сколько среди учениковъ школы. Наблюденіе во всемъ—въ философіи, въ морали, въ исторіи, въ литературѣ—было господствующей страстью. „Съ жадностью поглащались статьи Сентъ-Бева,—говоритъ наблюдатель.—Бальзакъ возбуждалъ энтузіазмъ; съ тѣмъ же вдумчивымъ вниманіемъ слѣдили за открытіями въ химіи и въ естественной исторіи, за прогрессомъ въ физіологіи... зачитывались моднымъ нѣмецкимъ физіологомъ, проф. Бурдахомъ“. Въ это время Тэнъ подходитъ къ Гегелю и Гете и, увлеченный величіемъ поэта, „отца современной культуры“, погружается въ изученіе нѣмецкаго языка. Изящная литература интересуетъ его чрезвычайно; осторожные пріемы, позитивизмъ въ методѣ и реализмъ въ выполненіи, склонность къ психологіи такихъ мастеровъ, какъ Бэйль и Сентъ-Бевъ, Бальзакъ и отчасти Жоржъ-Зандъ, воспитываютъ его родственную мысль. Черезъ много лѣтъ въ одномъ частномъ письмѣ онъ говоритъ о двухъ первыхъ: „Это наши учителя въ критикѣ, и я не разъ мечталъ о работѣ, посвященной обоимъ; это былъ бы обзоръ всей современной психологіи; одинъ создавалъ группы, расы, эпохи—психологію общую, другой — индивидовъ, психологію біографическую... Это два основателя психологической критики и естественной исторіи человѣка“.

Но какъ ни глубоки были эти вліянія, они были слишкомъ широки, чтобы говорить объ особенностяхъ мысли молодого Тэна. На кого въ это время не вліяли Бальзакъ и Бэйль? Но мы имѣемъ возможность отмѣтить другія симпатіи Тэна, болѣе индивидуальныя и болѣе любопытныя. Вспомнимъ, какъ охотно и съ какимъ восторгомъ говорилъ Тэнъ о своемъ любимомъ поэтѣ Мюссе и о своемъ учителѣ жизни Маркѣ Авреліѣ. „Въ одномъ я нахожу всѣ скорби, въ другомъ полное исцѣленіе... Это мой катехизисъ, это мы сами“...

И знакомые съ внѣшними обстоятельствами жизни Тэна знаютъ, въ какой степени нужна была ему именно теперь кроткая и сосредоточенная нравственная философія римскаго императора. Личныя неудачи преслѣдовали его; вмѣсто каѳедры въ Парижѣ онъ долженъ былъ удовлетвориться мѣстомъ провинціальнаго преподавателя—и жизнь въ провинціи не вызывала въ немъ ничего, кромѣ безконечнаго презрѣнія къ ней. Грубый режимъ только что водворившейся второй имперіи, „въ союзѣ съ католической церковью, душившей всякій самостоятельной характеръ, всякую свободную мысль“, могъ на первыхъ порахъ только усилить его общественное безразличіе и жажду уйти отъ всего туда, гдѣ онъ чувствовалъ себя безгранично свободнымъ. „Будемъ молчать, покоримся,—писалъ онъ пріятелю черезъ недѣлю послѣ 2 декабря,—будемъ жить въ наукѣ“.

Какъ разъ въ это время познаніе міра,—которымъ онъ соби-

рался замѣнить жизнь въ мірѣ, предстало предъ нимъ въ формѣ, настолько яркой и многообъемлющей, что не трудно было увлечься. „Въ теченіе цѣлаго года,—писалъ онъ нѣсколько позже,—я читалъ Гегеля ежедневно. Вѣроятно, мнѣ не суждено испытать еще ощущенія, равныя тѣмъ, которыя я получилъ отъ него. Нѣтъ философа, который поднялся на такую же высоту, геній котораго такъ приблизился бы къ безконечности. Это Спиноза, умноженный на Аристотеля и покоющійся на всей пирамидѣ знаній, собранныхъ за три вѣка новой наукой". Въ смѣломъ и грандіозномъ построеніи Гегеля соединились всѣ воззрѣнія, до сихъ поръ выработанныя и накопленныя молодымъ мыслителемъ; сюда влились всѣ теченія его мысли, здѣсь сошлись всѣ его учителя отъ Спинозы до Кондильяка, отъ Марка-Аврелія до Бурдаха. Здѣсь же онъ нашелъ руководящую нить своихъ научныхъ пріемовъ: стремленіе къ психологическому объясненію явленій. „Прилагая ее,—говорилъ онъ о гегелевской философіи нѣсколько позже,—къ природѣ, мы начинаемъ видѣть во вселенной нѣкоторую лѣстницу формъ и какъ бы смѣну состояній,... составляющихъ въ совокупности недѣлимое цѣлое,... гармоніей и великолѣпіемъ напоминающее нѣкоторое Божество, всемогущее и безсмертное. Прилагая ее къ человѣку, мы увидимъ въ его чувствахъ и мысляхъ какъ бы естественные и необходимые продукты, связанные между собою, какъ связаны различныя переходныя состоянія одного животнаго или одного растенія: что заставляетъ усматривать въ религіяхъ, философіяхъ, литературахъ, во всѣхъ человѣческихъ представленіяхъ и чувствованіяхъ лишь *необходимыя слѣдствія извѣстнаго состоянія духа*, который увлекаетъ ихъ за собою, развиваясь, и задерживаетъ, останавливаясь, и который—если мы имѣемъ возможность воспроизвести его,—даетъ намъ также возможность воспроизвести и ихъ".

Здѣсь вмѣстѣ съ пріемами Тэна опредѣляется и область его изученій. Она будетъ чрезвычайно широка: къ какому бы предмету онъ ни обратился, онъ, психологъ, будетъ вездѣ хозяиномъ положенія, ибо все будетъ для него лишь средствомъ для опредѣленія исторіи души. „Въ томъ, что эта наука о человѣкѣ, подобно наукѣ о природѣ, приведетъ къ непоколебимымъ выводамъ, онъ не сомнѣвался ни на мгновеніе, ибо и она основана на всеобъемлющемъ детерминизмѣ. И въ ожиданіи того дня, когда она дастъ всему человѣчеству „новую религію, новую мораль, новую политику", она умиротворяетъ умъ мыслителя, изгоняетъ изъ него сомнѣніе и даетъ ему благородное и удовлетворяющее его дѣло жизни".

Таковъ былъ Тэнъ, начиная свою литературную дѣятельность. „Умъ необыкновенно гибкій и чуткій къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, одаренный невѣроятной способностью воспріятія и усвоенія и въ тоже время поразительно устойчивый и вѣрный себѣ,

онъ не претерпѣлъ пассивно, но активно воспринялъ всѣ вліянія, проходившія надъ нимъ; не жертвуя ничѣмъ изъ своего существа, онъ обратилъ ихъ въ свою плоть и кровь, обогативъ ими свою мысль, выковавъ изъ нихъ твердый и искристый металлъ своего стиля". Другіе въ эти годы начинаютъ думать; онъ былъ сложившимся мыслителемъ.

II.

Тэнъ выступилъ на писательское поприще опытомъ литературной критики—своей диссертаціей „Essai sur les fables de Lafontaine". Онъ, собственно, представилъ Сорбоннѣ ранѣе работу объ ощущеніяхъ, но его строгіе патентованные судьи нашли здѣсь слишкомъ много ереси. Но опытъ о Лафонтенѣ—лишь по виду трудъ критическій, на самомъ дѣлѣ это эстетико-философское произведеніе, весьма обязанное выраженными въ немъ воззрѣніями „Эстетикѣ" Гегеля. Самъ авторъ предупреждалъ читателя, что онъ предполагаетъ „сдѣлать изъ литературной критики психологическое изслѣдованіе" и дать, вмѣсто опыта о басняхъ, „этюдъ о красотѣ". Еще болѣе виденъ ученикъ Гегеля въ слѣдующемъ его трудѣ—на данную Академіей тэму—о Титѣ Ливіѣ, эта тема была для него лишь давно жданнымъ предлогомъ изложить по-французски воззрѣнія нѣмцевъ. „Всѣ идеи, выработанныя за послѣдніе полъ вѣка въ Германіи—писалъ онъ нѣсколько позже—сводятся къ одной—къ идеѣ развитія; сущность ея въ томъ, что всѣ элементы группы представляются едиными и восполняющими другъ друга, такъ что, объединенныя, онѣ своей послѣдовательностью и противоположностью проявляютъ нѣкоторое *внутреннее свойство*, связующее и производящее ихъ". Другими словами: „въ насъ есть *господствующая способность*, единообразное дѣйствіе которой оказываетъ различное вліяніе на наши разнообразные органы, сообщая нашей машинѣ предопредѣленную систему необходимыхъ движеній". Такъ полно и ясно была выражена любимая идея Тэна въ его раннемъ трудѣ. Она, впрочемъ, не была оригинальна: понятіе das vorherrschende und überwiegende Seelen-Vermögen мы находимъ въ „Философіи исторіи" Фр. Шлегеля, французскій переводчикъ которой (1836 г.) передалъ это понятіе выраженіемъ faculté souveraine; едва ли оно многимъ отличается отъ faculte maîtresse Тэна; Жиро находитъ его прообразъ даже въ мимоходомъ брошенномъ словечкѣ Паскаля: „talent principal, qui regle tous les autres".

Рядъ научныхъ работъ и разнообразныя волненія жизни утомили Тэна, и онъ искалъ отдыха въ Пиринеяхъ. Эта поѣздка, гдѣ Тэнъ впервые столкнулся съ вопросомъ объ отношеніи человѣка къ окружающей его обстановкѣ, была очевиднымъ толчкомъ

къ формулированію знаменитой „теоріи среды“. И эта идея высказана тутъ же со всею пылкостью пытливой молодости не въ солидномъ ученомъ трудѣ, а въ живой „Поѣздкѣ на Пиренейскія воды“. Стоитъ раскрыть эту книгу, „столь же странную и разнообразную, столь же причудливую и могучую, столь же оригинальную и неожиданную, какъ и Пиренеи“, чтобы чуть не на каждой страницѣ замѣтить выраженіе новой творческой идеи, обрѣтенной молодымъ мыслителемъ. „Не былъ ли я правъ? восклицаетъ онъ.—Возможно ли что либо, не гармонирующее съ цѣлымъ и не опредѣляемое солнцемъ, климатомъ, почвой!“ Въ другомъ мѣстѣ: „Такимъ образомъ, непрерывныя впечатлѣнія, испытываемыя душою и тѣломъ, въ концѣ концовъ формируютъ душу и тѣло; раса формируетъ личность; страна формируетъ расу. Движеніе теплоты воздуха и уклонъ поверхности вотъ первопричина нашихъ способностей и страстей“. И, наконецъ: „Почва, свѣтъ, растительность, животныя, человѣкъ—это книги, въ которыхъ природа разными письменами пишетъ одну и ту-же мысль“. Смутныя догадки, подсказанныя Монтескье и Стендалемъ, облачились въ плоть и кровь, къ формулѣ расы присоединилась данная Контомъ формула среды.

На первыхъ порахъ естественно связаннымъ съ этой теоріей явился—монографическій методъ. Позитивные пріемы изслѣдованія, стремленіе исходить изъ строго провѣренныхъ фактовъ и вездѣ прежде всего искать „господствующей способности“, должны были возложить на изслѣдователя самостоятельное изученіе подробностей. Не имѣя возможности сразу охватить историческую жизнь въ ея руководящихъ идеяхъ, онъ своими критическими эскурсами какъ бы пробивалъ въ нее развѣдочные колодцы. Его критическая теорія достаточно извѣстна, чтобы отсутствіе ея изложенія здѣсь могло кому-либо показаться пробѣломъ. Первымъ значительнымъ ея приложеніемъ была боевая работа о „Классическихъ философахъ XIX вѣка“—первый громкій успѣхъ Тэна, сдѣлавшій изъ молодого борца противъ оффиціальной философіи эклектизма популярнаго писателя и учителя молодежи. Его смѣлый умъ и рѣшительные пріемы сливались съ нравственнымъ характеромъ его дѣятельности. Его замкнутость лишала его обаятельности, но онъ уже имѣлъ нѣчто высшее: авторитетъ. Высшее, — потому, что онъ имѣлъ на него право, а ему было всего тридцать лѣтъ.

Отъ разрозненныхъ опытовъ онъ, естественно, долженъ былъ обратиться къ обширному труду, основная идея котораго была ясна для него. Это обычный ходъ его работы. Формула: „господствующей идеи“, найденная интуитивно, охватывала его съ такой силой, что все послѣдующее изслѣдованіе служило только къ ея подкрѣпленію; въ этомъ была трагедія этого позивитиста: фактовъ, противорѣчащихъ предвзятой идеѣ, онъ просто не за-

мѣчалъ. Этотъ обширный трудъ долженъ былъ быть посвященъ философіи, но нѣкоторыя обстоятельства обратили вниманіе Тэна на другую область, столь же близкую ему. Его издатель Гашеттъ предложилъ ему написать книгу объ англійской литературѣ, и онъ согласился съ тѣмъ большей охотой, что ему казалось необходимымъ составить себѣ имя въ большой публикѣ, прежде чѣмъ онъ выступитъ съ мало доступнымъ философскимъ трудомъ. „Благодарю Прево,—писалъ онъ въ 1856 г. пріятелю—за его статью. Похвалы или неодобреніе—мнѣ все равно. Главное—немножко шума... Моя единственная цѣль — пріобрѣсти авторитетъ. Я хотѣлъ бы, чтобы, когда я напишу мою психологію, часть публики говорила себѣ: есть двуногое животное съ перомъ въ рукахъ, съ идеями такой-то окраски и стилемъ такого-то сорта; быть можетъ, сіе двуногое сообщитъ о семъ предметѣ нѣчто ясное и новое. Почитаемъ“. Но и работая надъ исторіей англійской литературы, онъ, среди ея конкретныхъ образовъ, мечталъ объ отвлеченіяхъ философіи. „Какъ много времени потратилъ я на эту книгу, — восклицалъ онъ послѣ семилѣтней упорной работы (1856—1863)—хорошо-ли я сдѣлалъ? Я узналъ многое по исторіи, но лучше бы это была философія: я возвращусь къ ней“

Обширный историко-литературный трудъ не можетъ не быть результатомъ разнообразныхъ вліяній; но мы не займемся здѣсь тѣми предшественниками Тэна, трудами которыхъ онъ пользовался для выясненія того или иного вопроса въ исторіи англійской литературы. Важны лишь тѣ вліянія, которыя отражались не на одномъ трудѣ, но на творческой личности, на руководящихъ идеяхъ. Идея *расы*, положенная Тэномъ въ основаніе его работы, шла отъ Отфрида Мюллера, впервые—по словамъ Тэна—понявшаго, „что всякій народъ, какъ и всякій человѣкъ, есть индивидъ, опредѣленная личность, и что истинная исторія занимается измѣненіемъ и слѣдствіями его характера на протяженіи вѣковъ“, и отъ Тьерри, „искавшаго причинъ великихъ событій въ разнообразіи расъ“. Но знакомство съ Англіей сблизило Тэна съ ея великими умами, и вліяніе ихъ было многосторонне и устойчиво; это были мыслители столь между собою несходные, какъ Карлейль и Бокль, Маколей и Милль. Маколея онъ считалъ главнымъ посредствующимъ звеномъ между духомъ германскимъ и латинскимъ, мистика Карлейля—лучшимъ выразителемъ германскаго духа, англійскимъ гегеліанцемъ; у Бокля, книга котораго появилась только что, онъ нашелъ строгость метода и вниманіе къ мелкимъ, но выразительнымъ фактамъ. Но настоящимъ его учителемъ былъ въ этотъ моментъ Д. С. Милль—тотъ, кто сдѣлалъ его истиннымъ позитивистомъ, о комъ онъ съ благоговѣніемъ писалъ въ предисловіи къ „Positivisme anglais“ (1864): „Разъ въ полвѣка, а то и въ вѣкъ или два вѣка является

человѣкъ, который *мыслитъ*... Въ данный моментъ сцена Европы свободна... Въ этой мертвой тишинѣ, среди однообразныхъ статистовъ—предъ нами является учитель. Со временъ Гегеля не было ничего подобнаго“. Тэнъ не сразу станетъ ученикомъ Милля; еще проникнутый духомъ нѣмецкой метафизики, онъ пошлетъ сперва англійскому мыслителю упрекъ въ пренебреженіи къ абстракціи, въ непониманіи идеи причинности. Но именно у него Тэнъ почерпнетъ то, чему могъ научиться у своего великаго соотечественника,—и не сдѣлалъ этого. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ писалъ о „прозаической грубости г. Конта“ и пришелъ къ Конту лишь черезъ Милля. Но черезъ три года онъ сообщалъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него „Курсомъ позитивной философіи“. „Здѣсь впервые,—говорилъ онъ—человѣкъ изслѣдовалъ, что такое наука не вообще, не съ точки зрѣнія спекулятивной идеи, и такъ сказать, въ воздухѣ, подобно инымъ философамъ, но на основаніи существующихъ знаній... Это—вопросы первостепенной важности, ибо зарожденіе и развитіе положительныхъ наукъ есть важнѣйшее историческое событіе за послѣдніе три вѣка. Ни одно человѣческое твореніе, ни государство, ни религія, ни литература не могутъ считаться вѣчными... Наоборотъ, развитіе наукъ безконечно... Можно уже предвидѣть время, когда онѣ будутъ царить всевластно надъ всею областью мысли, равно какъ надъ всякимъ дѣйствіемъ человѣка, не оставивъ своимъ соперницамъ ничего, кромѣ зачаточнаго существованія, подобнаго прозябанію тѣхъ незамѣтныхъ органовъ, которые исчезаютъ въ растеніи или животномъ, поглощенныя могучимъ ростомъ ихъ сосѣдей“.

Кромѣ этого — почти религіознаго—догмата всеобъемлющей науки Тэнъ вынесъ изъ Конта ясную формулу теоріи *среды*.

Подъ этими воздѣйствіями выросла книга Тэна; работы надъ нею, въ свою очередь, отразились на немъ. Англійскія симпатіи были живы и раньше въ этомъ индивидуалистѣ. Знакомство съ Англіей внушило ему почтеніе къ ея укладу, и отнынѣ его идеалъ политическій, религіозный, общественный носитъ яркіе черты этихъ англійскихъ вліяній: свободнаго протестантизма, широкаго мѣстнаго самоуправленія, объединеннаго въ представительномъ центрѣ; онъ самъ сознавался въ этомъ.

„Жизнь Христа“ Ренана и „Древняя община“ Фюстель де-Куланжа появились почти одновременно съ „Англійской литературой“. „Наука идетъ,—писалъ ея авторъ въ это время, — и приближается къ человѣку; она оставляетъ за собою видимый и осязаемый міръ звѣздъ, камней, растеній — міръ, которымъ ее презрительно ограничивали; съ точными и глубоко проникающими орудіями изслѣдованія, пригодность и непогрѣшимость которыхъ доказана тремя вѣками изслѣдованія, она подходитъ къ душѣ человѣка“.

Но на ряду съ этимъ торжествомъ и упоеніемъ знанія— католикъ Жиро охотно отмѣчаетъ это — чувствуется легкій налетъ иного настроенія. Сближеніе съ глубокой, не только догматической, но самобытной, внутренней, по истинѣ индивидуалистической религіозностью англичанъ — особенно Карлейля— произвело на Тэна впечатлѣніе, и въ сознаніи начинающейся двойственности, онъ уже съ грустью говорилъ о своемъ поколѣніи: „Мы достигнемъ истины, но не достигнемъ покоя“.

По выходѣ „Англійской литературы“ сбылась завѣтная мечта Тэна: онъ получилъ каѳедру эстетики и исторіи искусства въ Академіи Искусствъ. Онъ любилъ преподаваніе; ему нравилась эта возможность оплодотворять знаніемъ молодыя души, продолжать свою мысль въ ихъ мысли, грѣться у ихъ огня; ему нравилась отвѣтственность, связанная съ этимъ дѣломъ; это назначеніе было „одной изъ величайшихъ радостей его жизни“, смягчившей горечь противъ Французской Академіи, отказавшейся увѣнчать его книгу преміей.

На самостоятельности своего эстетическаго курса, объединеннаго впослѣдствіи подъ извѣстнымъ заглавіемъ „Философіи искусства“, Тэнъ не настаивалъ; онъ предполагалъ лишь представить слушателямъ результаты своего знакомства съ спеціальной нѣмецкой литературой, — въ которой Гегель по прежнему занималъ для него первое мѣсто. Но на ряду съ этими заимствованными — однако, передуманными и пережитыми—воззрѣніями, въ книгахъ Тэна по теоріи и исторіи художественнаго творчества есть еще нѣчто высоко цѣнное своей самобытностью: многочисленныя и яркія впечатлѣнія его личнаго знакомства съ произведеніями искусства. Онъ учился не только по книгамъ,—онъ жадно всматривался въ безконечное разнообразіе жизни, и отголоски этого порывистаго стремленія зачерпнуть полной рукой изъ сокровищницы человѣческой жизни мы находимъ въ рядѣ его произведеній, которыя Жиро объединилъ подъ общей кличкой *экзотерическихъ* — въ его замѣткахъ о французской провинціи и о Парижѣ, о Бельгіи, Италіи, Англіи. Это какъ бы этюды, спѣшно набросанные тонкимъ наблюдателемъ, чтобы воспользоваться ими впослѣдствіи для большихъ картинъ. Быть можетъ, ни одно изъ его законченныхъ и строгихъ научныхъ произведеній не дастъ болѣе благодарныхъ и достовѣрныхъ данныхъ для его характеристики, чѣмъ эти бѣглые наброски, легкіе и насмѣшливые, проницательные и поверхностные, пытливые и грустные — грустные прежде всего. И тотъ, кто хотѣлъ бы найти и здѣсь неизмѣннаго ученика Спинозы съ его девизомъ „не плакать, не смѣяться, но понимать“, тотъ не всегда узнаетъ здѣсь знакомаго ему Тэна, а познакомившись съ „Грэндоржемъ“ и его замѣтками о парижской жизни, не удивится, что первая часть лекцій объ искусствѣ носитъ названіе „Объ идеалѣ въ

искусствѣ". Взявъ это названіе у Гегеля, Тэнъ убѣжденъ, что остался объективнымъ натуралистомъ, но онъ заблуждается. Онъ какъ будто создаетъ теорію чисто научной критики, но онъ дѣлаетъ оговорки, по слѣдамъ которыхъ требованія морали проскальзываютъ въ его эстетику. „Произведенія искусства равноцѣнны, но произведеніе, воплощающее благотворный характеръ, выше произведенія, воплощающаго характеръ злотворный": „Поліэвктъ" выше „Макбета". Незамѣтно для себя Тэнъ переноситъ свою эстетику отъ области „Критики силы сужденія" ближе къ области „Критики практическаго разума" — дальше отъ теоріи „искусства для искусства".

Но и эти многочисленныя и блестящія попытки „зондировать" историко-психологическую почву не удовлетворяли Тэна, продолжавшаго думать о трудѣ общаго, обобщающаго характера. Онъ набрасывалъ планъ книги „О законахъ исторіи", но затѣмъ остановился на обширной переработкѣ своихъ раннихъ психологическихъ трудовъ. Результатомъ этой переработки и была его книга „Объ умѣ и познаніи", по существу являющаяся заключительнымъ обобщающимъ выводомъ изъ всѣхъ сочиненій Тэна— философскихъ, критическихъ, историческихъ; онъ самъ сказалъ въ предисловіи: „въ теченіе пятнадцати лѣтъ я занимался частной психологіей; теперь я приступаю къ психологіи общей".

Извѣстно, что пріемы изслѣдованія и общія идеи въ „Intelligence" опредѣляются, по преимуществу, англійскими вліяніями; существеннымъ кромѣ нихъ было развѣ вліяніе Кондильяка, отъ котораго исходитъ одна изъ основныхъ мыслей системы Тэна о томъ, что „всѣ наши общія идеи сводятся къ символамъ". Напрасно было бы, однако, думать, что подъ вліяніемъ позитивистовъ Тэнъ окончательно пересталъ быть вѣрнымъ ученикомъ Спинозы и Гегеля. Авторъ „Intelligence", правда, писалъ, что „чистая философская спекуляція занимаетъ здѣсь всего пять-шесть страницъ", но это заявленіе могло вызвать лишь усмѣшку у Милля. Въ дѣйствительности, вся книга со всей массой фактовъ, въ ней изложенныхъ и изслѣдованныхъ, со всѣмъ блескомъ діалектики, въ ней проявленной, направлена къ уясненію и прославленію идеи природы и науки — идей, внушенныхъ Гегелемъ и Спинозой. Таково мнѣніе Жиро; онъ идетъ дальше—и приближаетъ научное міровоззрѣніе Тэна къ своему больше, чѣмъ слѣдовало бы. „Этотъ „отважный разрушитель идеаловъ оффиціальной метафизики" былъ, — говоритъ онъ,—менѣе всего тѣмъ почтительнымъ и безусловнымъ позитивистомъ, какимъ его воображали и до сихъ поръ иногда воображаютъ. Какъ бы это ни было ему желательно, онъ никогда не могъ замкнуться въ томъ, что принято называть реальнымъ. И — точно чувствуя, что раціональное и „научное" знаніе — не единственное, на которое человѣкъ способенъ, что оно неспособно „отвѣтить всѣмъ на-

шимъ потребностямъ“ и можетъ дать намъ временное удовлетвореніе, лишь нѣкоторымъ образомъ исчерпывая самое себя и честно признавая свои предѣлы и пробѣлы, его мысль, вѣчно жадная въ исканіи „общихъ взглядовъ на суть вещей“, могучимъ взмахомъ крыльевъ подымается вдругъ надъ предѣлами естественнаго „порядка“ вплоть до вершины, откуда предъ ней открываются обширныя и безконечныя перспективы „порядковъ“ эстетическаго и моральнаго“. Это положеніе, слишкомъ важное, чтобы быть столь мало опредѣленнымъ, пусть останется на отвѣтственности автора.

Вслѣдъ за выходомъ „Intelligence“ и успѣхомъ книги въ философской критикѣ и публикѣ, окончательно упрочившимъ извѣстность Тэна, его философское спокойствіе было нарушено жестокимъ ударомъ: его любимая и уважаемая Германія, втянутая своими и французскими шовинистами въ войну, била его родину безпощадно, грубо и безсмысленно. Какъ и всякая сильная общественная встряска, эта расправа разнуздала страсти, но она вернула къ дѣйствительности всѣхъ, кто сознательно или незамѣтно для себя забылъ о живой жизни въ тиши своего кабинета. Наряду съ другими былыми жрецами искусства для искусства—вродѣ Банвиля и Леконтъ де Лиля—и науки для науки—вродѣ Ренана и Фюстель де Куланжа,—Тэнъ, удрученный и жестокостью Германіи, и братоубійственной усобицей, былъ потрясенъ этой новой и неожиданной страницей европейской исторіи. Ужасы коммуны довершили эту встряску; подобно всѣмъ тѣмъ, кто, изучая человѣка по книгамъ, съ изумленіемъ узнаетъ его въ жизни, онъ былъ вырванъ изъ своего сна,—точно не онъ, а кто другой—авторъ пессимистическаго „Грэндоржа“. Настоящимъ глубокимъ, но исключительно соціальнымъ пессимистомъ онъ сталъ на время теперь—когда человѣкъ въ минуты неизбѣжной общественной борьбы показался ему лишь „злобной и похотливой гориллой“.

Къ этому присоединились иныя вліянія, способствовавшія укрѣпленію его индивидуализма и консерватизма. Ему было за сорокъ; въ этомъ возрастѣ легко теряютъ юношескую вѣру. Не смотря на то, что онъ охотно изображалъ себя — другимъ и себѣ—одинокимъ, онъ былъ уже женатъ и имѣлъ дѣтей. Отвлеченная мысль была чистымъ источникомъ прежнихъ воззрѣній; замутила или прояснила жизнь этотъ источникъ,—она, во всякомъ случаѣ, измѣнила его содержаніе. Быть можетъ, болѣе чуткій, болѣе воспріимчивый, онъ былъ первой жертвой идейной реакціи, уже четвертый десятокъ лѣтъ гнетущей европейскую мысль и общественную жизнь.

Въ этомъ настроеніи было задумано „Происхожденіе современной Франціи“. „Чтобы понять революцію 1789 года,—писалъ онъ въ „Intelligence“,—необходимо представить себѣ психологію

якобинца“. Эта психологическая проблемма занимала его и теперь болѣе всего; обстоятельствамъ было угодно, чтобы на эту важнѣйшую часть своей обширной задачи онъ отвѣтилъ—историческимъ памфлетомъ. Но въ общемъ задача была поставлена со всей широтой, подобающей ученику Гизо и Маколея, ищущему законовъ историческаго развитія не только для изученія прошлаго, но и, для предвидѣнія будущаго. Онъ говорилъ, что написалъ свою книгу, не имѣя опредѣленныхъ политическихъ принциповъ; лишь желая найти ихъ, онъ предпринялъ свое изслѣдованіе, — и въ этомъ есть извѣстная истина. Изъ знакомства съ духовной и общественной жизнью Англіи, онъ вынесъ глубокое убѣжденіе, что, „политика не есть кабинетная теорія, всегда, цѣликомъ и тотчасъ же приложимая къ жизни, но дѣло такта, гдѣ можно дѣйствовать лишь путемъ уступокъ, соглашеній, компромиссовъ.“ Въ тонѣ этого воззрѣнія создана оцѣнка великаго историческаго перелома, составляющая центръ книги Тэна. Уже и ранѣе Жиро отличалъ значеніе, которое имѣли предвзятыя идеи въ трудахъ этого „позитивиста“. Здѣсь онъ прямо отказывается говорить объ „источникахъ сочиненія Тэна—не столько вслѣдствіе ихъ многочисленности и разнообразія, сколько по той причинѣ, что Тэнъ искалъ въ нихъ—и умѣлъ находить—лишь подтвержденія тѣхъ общихъ идей, которыя руководили его изслѣдованіями и внушили ему его выводы“; „и если бы онъ не работалъ въ архивахъ и не читалъ Морриса, Малле дю Пана или г-жу Ремюза, его произведеніе осталось бы почти тѣмъ же, что оно представляетъ собою теперь.“ Жиро отмѣчаетъ лишь немногихъ предшественниковъ автора „Origines“—Бэрка, Карлейля, Токвиля, Ле Плэ.

Задуманное подъ опредѣленной точкой зрѣнія изслѣдованіе въ свою очередь оказало вліяніе на мысль Тэна. Быть можетъ, не безъ доли воздѣйствія со стороны Ренана, былой позитивистъ сталъ съ меньшимъ отчужденіемъ говорить о томъ, что онъ называлъ „прекрасной поэмой, принимаемой за истину“. Несомнѣнно, новыя работы, о которыхъ, едва закончивъ свой капитальный историческій трудъ, уже мечталъ неутомимый мыслитель,—подтвердили или опровергли бы предположенія Жиро. Но ни трактатъ о волѣ, ни книга о Сентъ-Бевѣ не увидѣли свѣта; онъ отказался отъ мысли о работѣ, чувствуя, что болѣзнь лишаетъ его силъ, и въ исходѣ зимы 1893 года—черезъ пять мѣсяцевъ послѣ Ренана—онъ скончался. По его желанію, его похоронили скромно, по протестантскому обряду; онъ всегда думалъ, что истинное христіанство, которому діаметрально противоположенъ римскій католицизмъ, находитъ нѣкоторое выраженіе въ протестантствѣ. На могилѣ его—латинская надпись, съ обычнымъ блескомъ французскаго лапидарнаго стиля сжимающая въ короткую эпитафію исчерпывающую характеристику, гласитъ: „Сан-

sas rerum altissimas candido et constanti animo in philosophia historia, litteris perscrutatus, veritatem unice dilexit":

„Душою чистою и твердой устремленный къ познанію первыхъ причинъ вещей въ философіи, исторіи, поэзіи, возлюбилъ единую истину."

III.

Эта всеобъемлющая любовь къ истинѣ не была „господствующей способностью" Тэна, но она была господствующей чертой его характера. „Тэнъ жилъ, чтобы мыслить,"—замѣчаетъ его ученикъ. „Я имѣю потребность въ мышленіи, какъ мой желудокъ имѣетъ потребность къ ѣдѣ"—писалъ онъ въ частномъ письмѣ. И въ самомъ дѣлѣ, не много найдется умовъ, которые больше наслаждались идеями, которымъ доставляло большее удовольствіе находить ихъ, перебирать, связывать, слѣдить ихъ ходъ, комбинировать ихъ въ сложныя и могучія группы. Но, въ противоположность нѣкоторымъ другимъ, онъ видѣлъ въ этой игрѣ не только благороднѣйшее употребленіе человѣческой мысли, но и самое полезное для ближнихъ и для самого себя. Онъ былъ антиподомъ скептика или диллетанта. Онъ буквально имѣлъ душу вѣрующаго. „Чтобы понять произведеніе искусства,—писалъ онъ какъ то,—необходимо въ него *увѣровать*." Вотъ почему и самъ онъ вѣрилъ въ *науку*, въ ея абсолютную компетенцію, въ безграничную мощь, вѣрилъ съ ясностью и мистическимъ пыломъ, воистинѣ трогательнымъ въ этомъ умѣ, гордомъ и твердомъ. „А потомъ?"—спрашиваетъ одинъ изъ героевъ Бурже, человѣкъ глубокой и простой вѣры, у диллетанта, который излагаетъ ему свое міровоззрѣніе и свою страсть все передумать и понять.— „Потомъ?—отвѣчаетъ тотъ,—у мысли нѣтъ никакихъ „потомъ": это прихоть, какъ всякая другая; у меня такая прихоть." Къ чести Тэна надо сказать, что это своеобразное настроеніе было ему всегда и въ высшей степени чуждо и было бы для него просто отвратительно.

Но какъ ни глубока была эта жажда истины, она недостаточно индивидуальна и не ею, конечно, опредѣляется исчерпывающимъ образомъ творческая индивидуальность Тэна. Между тѣмъ книга о Тэнѣ, написанная его настоящимъ ученикомъ и поклонникомъ его критическаго метода, разумѣется, основана на томъ базисѣ, который представлялся Тэну первоисточникомъ и вѣнцомъ историческаго изслѣдованія: на опредѣленіи его „господствующей способности". Въ своей давней статьѣ объ авторѣ „Intelligence", осторожный Сентъ Бевъ отступалъ предъ требованіемъ замкнуть богатство цѣлой творческой личности въ узкую формулу. „Опредѣлить въ одномъ послѣднемъ словѣ цѣлаго мыслителя—если бы мнѣ даже удалосъ объединить исчерпывающія

біографическія свѣдѣнія о его расѣ и семьѣ, о его воспитаніи и развитіи, схватить его личность въ рѣшающіе моменты и кризисы духовнаго роста, прослѣдить его во всѣхъ измѣненіяхъ вплоть до заключенія его жизненнаго поприща, ознакомиться со всѣми его произведеніями—даже въ такомъ случаѣ я лишь искалъ бы этого послѣдняго слова, скорѣе, чѣмъ рѣшиться высказать его, я предоставилъ бы читателю найти его". Продѣлавъ, быть можетъ, съ полнымъ успѣхомъ, всю ту работу, о которой говорилъ Сентъ-Бевъ, Жиро считаетъ себя въ правѣ дать формулу—или то, что онъ считаетъ таковою—духовной дѣятельности Тэна. Вслѣдъ за Леметромъ онъ называетъ его *поэтомъ-логикомъ* и распредѣляетъ свою характеристику сообразно двумъ элементамъ этого названія. Конечно, это только названіе, только указаніе на сочетаніе двухъ свойствъ мысли, которыя мы привыкли раздѣлять; видѣть въ этомъ сочетаніи опредѣляющее начало творческой личности Тэна, исчерпывающимъ образомъ охватывающее все остальное, едва ли возможно. Но оно характерно для Тэна, и многіе указывали на него. На другой день послѣ смерти Тэна, Вогюэ характеризовалъ его какъ „мысль Спинозы, прошедшую черезъ воображеніе Шекспира", давая этимъ образное — и преувеличенное — выраженіе мысли Леметра. Несомнѣнно,—говоритъ Жиро, — если когда-нибудь поэтъ обладалъ врожденной, но бережно поддерживаемой и развиваемой способностью „мыслить въ образахъ", видѣть весь внѣшній міръ и міръ душевный сквозь вѣчно вздымающуюся и безконечную волну символовъ, выливать въ слова эти образы и символы, проникая ихъ волнующимъ трепетомъ внутренняго чувства,—то это, конечно, авторъ столь многихъ восхитительныхъ страницъ о Шекспирѣ и Спенсерѣ, о Рубенсѣ и Бетховенѣ. Но воображеніемъ не исчерпываются средства его мысли. Ибо Тэнъ— въ противоположность многимъ другимъ поэтамъ—отвѣчалъ на внѣшнія впечатлѣнія не однимъ воображеніемъ, но и мыслью. Воображеніе было связано съ глубинами его существа; не замѣчая этого, онъ придавалъ свой видъ вещамъ, которыя хотѣлъ изобразить или объяснить; онъ отражался въ мірѣ, чтобы дать его образъ. Но,—даръ удивительный и почти единственный въ своемъ родѣ—онъ способенъ былъ также къ абстрактному мышленію, какъ и къ конкретному воображенію; самопроизвольно и естественно идея расцвѣтала здѣсь въ образъ, образъ превращался въ идею. Отсюда эта внѣшняя двойственность его твореній, полныхъ пламенныхъ метафоръ и сверкающихъ поэтическихъ образовъ, но построенныхъ на строгой послѣдовательности идей. Отсюда эта философія, проникающая его произведенія и видящая въ мірѣ матеріальномъ отраженіе міра нравственнаго.

Итакъ,—„логикъ" прежде всего, строгій абстрактный мыслитель, создатель или хотя носитель и выразитель теоретической системы. Изъ какихъ элементовъ она состояла?

Самое слово „система“, „доктрина“ было ему непріятно въ примѣненіи къ его трудамъ. „Сказать правду,—писалъ онъ незадолго до смерти,—я всегда чувствовалъ слабость если не къ метафизикѣ въ собственномъ смыслѣ, то, по крайней мѣрѣ, къ философіи, то есть къ проникновенію въ общія начала и корень вещей. Но исходной точкой моихъ работъ никогда не служила апріорная идея, гипотеза о сущности природы; совершенно очевидно, что все *отвлеченное есть извлеченное*,—вырванное, добытое изъ конкретнаго явленія, въ которомъ оно заключено; изъ чего слѣдуетъ, что для того, чтобы найти его, надо его наблюдать въ этомъ явленіи, которое представляетъ его естественную обстановку. А это приводитъ насъ къ монографическому изслѣдованію, къ исканію отдѣльныхъ примѣровъ, къ изученію обобщающаго начала на одномъ или многихъ индивидуальныхъ случаяхъ, умѣло выбранныхъ и какъ можно болѣе выразительныхъ.—Доктрина—если у меня есть таковая—явилась впослѣдствіи; ей предшествовалъ методъ“. Это вѣрно, однако, съ большими оговорками. Не говоря ужъ о томъ, что методъ предполагаетъ въ общихъ чертахъ нѣкоторую доктрину, мы застаемъ ужъ въ молодомъ Тэнѣ опредѣленное міровоззрѣніе, которое едва ли терпѣло впослѣдствіи значительныя измѣненія.

Итакъ, онъ прежде всего безусловный детерминистъ, безъ ограниченій и оговорокъ, съ нѣкоторымъ мистическимъ пыломъ и непримиримой ясностью. Когда онъ разстался съ своими религіозными вѣрованіями, детерминизмъ былъ его первымъ философскимъ убѣжденіемъ, съ которымъ онъ ужъ не разставался, несмотря ни на какіе противные аргументы. Ни въ природѣ, ни въ человѣкѣ онъ не видѣлъ ничего кромѣ явленій, подчиненныхъ непреложнымъ законамъ, связаннымъ цѣпью взаимодѣйствія, опредѣляемаго непреоборимой необходимостью. Свобода воли была для него словомъ, лишеннымъ смысла, или произвольнымъ способомъ ввести въ умствованіе о мірѣ физическомъ или духовномъ понятіе сверхъестественнаго, чуда. Но „нравственная отвѣтственность,—писалъ онъ незадолго до смерти, — не только не устраняется детерминизмомъ, но основывается на немъ; по моему разумѣнію, видимыя трудности вопроса чисто словесныя“. „Можно быть детерминистомъ вмѣстѣ съ Лейбницомъ — и вмѣстѣ съ Лейбницомъ признавать отвѣтственность человѣка... Безусловный детерминизмъ и полная отвѣтственность: эта старая доктрина стоиковъ принята теперь двумя діаметрально-противоположными и самыми глубокими мыслителями Англіи: Миллемъ и Карлейлемъ. Я присоединяюсь къ ней“. Мораль безъ традиціонной санкціи получала у него иныя основы. „Нѣтъ ничего проще дедукціи нравственныхъ истинъ,—говорилъ онъ.—Чтобы раскрыть ихъ, достаточно примѣнить методъ, сводящій идеи къ первоисточнику и общія формулы къ частнымъ случаямъ“. — „Благо суще-

ства есть группа основныхъ фактовъ, его образующихъ. Дѣйствіе, имѣющее мотивомъ эту всеобщую истину или одно изъ ея общихъ слѣдствій, добродѣтельно".

Общность метода, примѣнимаго къ міру нравственному въ такой же мѣрѣ, какъ къ міру физическому, основывалась на единствѣ силъ, правящихъ этими мірами: на единствѣ міра, сводимаго къ неразложимой и непостижимой первопричинѣ, „первичной аксіомѣ" *). Вдохновенная страница изъ его перваго крупнаго труда раскрываетъ основы его міровоззрѣнія. „Іерархія необходимостей,—говоритъ онъ въ „Philosophes classiques",—дѣлаетъ міръ единымъ, недѣлимымъ существомъ; всѣ существа—его члены. На вершинѣ явленій, на предѣлѣ сіяющаго и недосягаемаго эѳира возглашается вѣчная аксіома; и неисчерпаемое море отзвуковъ этой зиждительной формулы образуетъ своими безконечными волнами неизмѣримость вселенной. Всякая форма, всякое измѣненіе, всякое движеніе—это ея проявленія. Она творитъ все и не ограничена ничѣмъ. Матерія и мысль, планета и человѣкъ, солнечныя пятна и трепетъ букашки, жизнь и смерть, горе и радость—нѣтъ ничего, что бы ее не выражало; нѣтъ ничего, что выражало бы ее цѣликомъ. Она заполняетъ время и пространство и витаетъ за предѣлами времени и пространства. Она не опредѣляется ими—они исходятъ отъ нея. Всякая жизнь есть одинъ изъ ея моментовъ, всякое бытіе—одна изъ ея формъ; и ряды явленій нисходятъ отъ нея, связанные божественными звеньями ея золотой цѣпи. Безразличная, неподвижная, всемогущая, вѣчная, создательница—ни одно названіе не исчерпываетъ ея—и нѣтъ человѣка, который не палъ бы ницъ, преклоненный восторгомъ и ужасомъ, когда она открываетъ свой ясный, величавый ликъ. Въ этотъ моментъ духъ его раскрывается; онъ забываетъ свою бренность и ничтожество; онъ становится причастенъ безконечности, которую мыслитъ, и раздѣляетъ ея величіе".

Вотъ,—по мнѣнію автора,—корень всей теоретической системы Тэна: его детерминизмъ, его методъ, его мораль, его теорія науки, однимъ словомъ, всѣ постулаты его доктрины подсказаны ему его *пантеизмомъ*.

Вотъ—возразили бы мы—тезисъ, который слѣдовало бы дока-

---

*) Здѣсь авторъ съ удовольствіемъ противополагаетъ механическому міросозерцанію Тэна болѣе близкія ему воззрѣнія Клода Бернара, для котораго законы, правящіе жизнью, несводимы къ порядку законовъ физики и химіи. Тэнъ обвинялъ поэтому Клада Бернара въ введеніи метафизики въ область раціональной науки. Очевидно, Митя Карамазовъ былъ не вполнѣ правъ, когда бранилъ матеріалиста Ракитина «Бернаръ презрѣнный». Очевидно также, что переходъ отъ «подвиньтесь, ваше преподобіе, химія идетъ» къ «все позволено» не такъ ужъ необходимъ и обязателенъ, какъ казалось Митѣ.

зать, уяснивъ на подробностяхъ системы единство исходной точки зрѣнія. Жиро не сдѣлалъ этого; лишь изрѣдка онъ связываетъ детали ученія Тэна съ тѣмъ, что считалъ ихъ корнемъ.

Онъ начинаетъ съ критики—въ томъ обширномъ смыслѣ, который придаютъ этому слову французы. Вкладъ Тэна въ теорію критики достаточно общеизвѣстенъ, чтобы не слѣдить за изложеніемъ его изслѣдователя. „Не такъ давно критика была разсказомъ о впечатлѣніяхъ человѣка со вкусомъ. Въ рукахъ Сентъ-Бева она сдѣлалась изученіемъ не только произведенія, но и автора, не только автора, но и человѣка, въ которомъ авторъ составляетъ лишь частицу. Найдены способы опредѣлять его чувства по его произведенію, выяснять его способности и стремленія, ихъ порядокъ, соотношеніе и степень; сопоставивъ его поступки и его жизнь, воздѣйствіе его времени и его страны, удалось возсоздать въ области прошедшаго живые образы съ ихъ безчисленными особенностями, съ характерными и выдающимися чертами, отличающими индивидовъ, вѣка, расы, такъ что вся наука исторіи находится въ процессѣ пересозданія". Къ чему сводится теперь основная задача всякаго—историческаго или критическаго—изслѣдованія? Даны „личность, литература, эпоха, цивилизація,—словомъ, группа явленій человѣческой жизни". Понять ихъ значитъ прежде всего опредѣлить ихъ причину; для этого ихъ должно разложить на основные элементы. Въ результатѣ этого анализа мы непремѣнно найдемъ, что одинъ изъ этихъ элементовъ господствуетъ надъ остальными, опредѣляетъ ихъ, является ихъ причиной; всѣ они созданы одной „господствующей способностью", въ изысканіи которой наша задача. Найдя ее, должно обратиться къ синтезу—должно раскрыть скобку всеопредѣляющей причины и показать ея частныя приложенія. Какъ въ математикѣ изъ опредѣленія можно вывести рядъ теоремъ, такъ и въ наукахъ нравственныхъ изъ опредѣленія данной человѣческой души можно more geometrico конструировать всѣ возможныя ея движенія, чувства, мысли.

Мы не остановимся на существенныхъ поправкахъ, съ которыми принята теорія „господствующей способности"; важно отмѣтить, что и самъ Тэнъ отказался отъ мысли видѣть въ ней предѣлъ анализа; онъ увидѣлъ за нею категоріи болѣе первообразныя и менѣе общія. „Состоянія и движенія внутренняго невидимаго человѣка имѣютъ источникомъ извѣстные общіе способы мыслить и чувствовать. Три различные источника соединяются въ созданіи этого первичнаго нравственнаго состоянія—раса, среда, моментъ. Изучивъ эти три элемента, то есть внутреннія причины, внѣшнія вліянія и данный импульсъ, мы исчерпали не только всѣ дѣйствительныя, но и всѣ возможныя причины движенія".

Извѣстно, что полнаго исчерпывающаго приложенія эта теорія

не получила—по мнѣнію Жиро, потому, что человѣкъ не есть „ходячая теорема“ и изученіе его не поддается пріемамъ, взятымъ изъ наблюденія надъ міромъ физическимъ; вѣрнѣе—потому, что средства нашего анализа человѣческой личности еще слишкомъ ничтожны *). Такъ или иначе, „геометрическій умъ“ не оказался полновластнымъ господиномъ въ критическихъ изученіяхъ Тэна: онъ былъ человѣкомъ и художникомъ тамъ, гдѣ обязанъ былъ быть только мыслительной машиной. „Правда въ безчисленныхъ психологическихъ портретахъ, разсѣянныхъ по его произведеніямъ, онъ не отказывается отъ своихъ философскихъ или научныхъ требованій: онъ старается доказывать, опредѣлять, формулировать, выводить; и для того, чтобы связать съ „господствующей способностью“, для которой, по его мнѣнію, онъ нашелъ формулу, безконечное разнообразіе характерныхъ чертъ и оттѣнковъ, подмѣченныхъ его тонкимъ чутьемъ въ нравственныхъ явленіяхъ и раскрытыхъ его критической честностью, онъ проявляетъ такія богатства ловкости и діалектической тонкости, его логика такъ убѣдительна и увлекательна, что онъ захватываетъ побѣждаетъ, овладѣваетъ; по первому впечатлѣнію уже склоняешься признать во всей полнотѣ это пламенное и настойчивое убѣжденіе, едва не признавая за Тэномъ заслугу раскрытія тайны и созданія окончательной формулы душъ и дарованій, съ такимъ блескомъ возсозданныхъ предъ нами“. Но это только первое впечатлѣніе этого „научнаго“ метода.

Обѣщаннаго холоднаго разсудка мы не найдемъ также въ другомъ элементѣ построеній Тэна. Предполагалось „не плакать, не смѣяться, но понимать“, не судить, не осуждать, все понять и потому все простить. Ничего этого нѣтъ: критика Тэна, какъ и всякая другая, судитъ и осуждаетъ, имѣетъ своихъ

---

*) Во всякомъ случаѣ за Тэномъ должно признать заслугу выясненія пріемовъ изслѣдованія; критики Тэна, доказывая несостоятельность или, по крайней мѣрѣ, недостаточность его метода «расы—среды—момента», отмѣчаютъ прежде всего то, что самое точное изслѣдованіе этихъ трехъ элементовъ не даетъ намъ представленія о творцѣ. «Вотъ два брата: Пьеръ и Томасъ Корнели; та же раса, та же среда, тотъ же моментъ. Почему одинъ—авторъ *Поліэвкта*, другой—авторъ *Тимократа*? На это нѣтъ другого отвѣта, какъ: потому, что Пьеръ былъ геній, а Томасъ нѣтъ. Почему же Пьеръ былъ геній? Вопросъ неразрѣшимый—и не подвинутый ни на шагъ теоріей расы—среды—момента» (Жиро). Развѣ ни на шагъ? Самъ Жиро только что сказалъ: «эта теорія даетъ мнѣ понятіе о томъ, что̀ въ Расинѣ не есть Расинъ, что̀ въ немъ не принадлежитъ генію оригинальному, особенному, единственному, неразложимой монадѣ, которая называется Расинъ». Развѣ этого мало? Вѣдь это уже первый и необходимый шагъ изслѣдованія: опредѣленіе его предмета, выдѣленіе netto индивидуальности. Вся она опредѣляется взаимодѣйствіемъ условій, дѣйствующихъ на группы; если есть неразложимый остатокъ, то анализъ отодвигаетъ его все дальше и дальше. И надо взять шире понятія расы, среды и момента—тогда едва-ли возможно будетъ сказать, что эти три условія совпадали для обоихъ Корнелей.

любимцевъ и пасынковъ. „Она не знала предѣла въ ироніи къ „ораторскому разуму“ и „классическому духу“; она не была справедлива ни къ среднимъ вѣкамъ, ни къ революціи, она не хотѣла видѣть слабости Сенъ-Симона и Бальзака; она сдѣлала изъ бѣдняги Стендаля „возвышенный духъ“ и изъ Гектора Мало почти великаго романиста; она была жестока къ Попу и сурова къ Расину“. Надо читать въ приложеніи къ книгѣ Жиро тѣ восторженные панегирики, которыми Тэнъ отзывался на всякое произведеніе гейневской la Mouche Камиллы Сельдея, чтобы видѣть, какъ необходимы и не случайны заблужденія системы, считавшей себя огражденной отъ субъективныхъ увлеченій. „Научной критики не будетъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ найдено способа избѣгать или устранять въ нравственныхъ наукахъ то, что естествоиспытатели называютъ личнымъ уравненіемъ“. Автору кажется, что Тэнъ самъ чувствовалъ это; во всякомъ случаѣ, не смягчая ригоризма системы, онъ понижалъ требованія въ ея практическихъ приложеніяхъ. „Ваше дарованіе разрушаетъ вашу систему—и спасаетъ васъ“—говоритъ, обращаясь къ нему въ рѣчи, Гизо.

IV.

Жизненная философія, органически вытекавшая изъ этой суровой системы, была также двойственна: въ кажущемся разногласіи съ системой, въ глубокомъ сплетеніи съ нею. Въ началѣ детерминизмъ былъ для Тэна неразрывно связанъ съ пессимизмомъ; и тѣ, которые называли его доктрину „философіей отчаянія“, находили достаточно вѣскія подтвержденія своего воззрѣнія въ лирическихъ страницахъ „Путешествія въ Пиренеи“, „Грендоржа“, „Стараго режима“. Но здѣсь больше лирики, чѣмъ системы. Уже въ статьѣ о Маркѣ-Авреліѣ мы встрѣчаемъ такія одушевленныя строки: „Все хорошо, все прекрасно... Кто не чувствуетъ себя исполненнымъ радости и восхищенія при видѣ этой скрытой живой воли, которая поддерживаетъ и преобразуетъ существа, которая торжествуетъ въ ихъ обновленіи, какъ и въ ихъ постоянствѣ, всѣ движенія которой суть проявленія всемірнаго разума“. У Тэна были причины для личной грусти, можетъ быть, даже для раздраженія, но онъ оберегалъ отъ нихъ свою доктрину—и имѣлъ право назвать Шопенгауэра: „мизантропъ и разрушитель рода человѣческаго“. Благодаря автора своей характеристики за то, что онъ—въ противоположность Бурже—не сдѣлалъ изъ него пессимиста, Тэнъ—въ обычномъ заблужденіи—прибавлялъ: „Быть пессимистомъ или оптимистомъ позволено поэтамъ и художникамъ, но не людямъ научнаго духа“. Самая вѣра Тэна въ науку, въ ея всемогущество и объемъ, вѣра страстная и неистребимая, была лучшимъ выраженіемъ его опти-

мизма. Ограниченныя ничтожнымъ временемъ и пространствомъ однодневки, краткій срокъ существованія которыхъ будетъ, быть можетъ, завтра оборванъ какимъ-нибудь взрывомъ или случайностью, мы имѣемъ силу раскрывать законы и охватить мыслью совокупность нашей жизни. „Уже изъ-за этого стоило бы жить; въ безконечномъ хаосѣ смертныхъ судебъ мы не самые обиженные", — говоритъ онъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ; а черезъ нѣсколько лѣтъ, исправляя статью для отдѣльнаго изданія, онъ измѣнилъ послѣднюю фразу: „изъ-за этого *стоитъ* жить, — уже прямо говоритъ онъ,—природа *хорошо* обошлась съ нами". Еще позже онъ посвящаетъ работникамъ знанія такую оптимистическую характеристику: „они трудятся въ сознаніи, что не воспользуются плодами своихъ трудовъ. Но какъ ни сильно порицаніе окружающихъ, они вѣрятъ въ истину. Они убѣждены, что чѣмъ больше ростутъ знанія человѣка, тѣмъ онъ способнѣе улучшать свое положеніе и свое поведеніе; они знаютъ, что и въ мірѣ духовномъ, какъ въ мірѣ физическомъ, обиліе и точность свѣдѣній приводятъ къ вѣрному сужденію и надлежащему образу дѣйствій... Они позволяютъ себѣ, наконецъ, утверждать, что уже теперь, при еле сносномъ состояніи нашихъ знаній, среди столькихъ пробѣловъ и поверхностныхъ очерковъ, ни противорѣчія наблюденій, ни путаница доктринъ не ведутъ здоровый умъ ни къ отчаянію, ни къ скептицизму". Эти слова объясняютъ жизнь Тэна и дополняютъ его доктрину. Незадолго до смерти онъ,— какъ передаетъ очевидецъ, — говорилъ одному изъ своихъ учениковъ: „Я твердо вѣрю, что міръ идетъ къ лучшему, что добро есть реальность, и потому я со всею искренностью могу присоединиться къ словамъ смиренной молитвы: Adveniat regnum tuum!" И, быть можетъ, въ томъ панегирикѣ, который онъ на склонѣ лѣтъ посвятилъ памяти одного изъ своихъ друзей, надо видѣть какъ бы его нравственное завѣщаніе. „Долго,—говоритъ онъ о товарищахъ покойнаго Бертэна по „Journal des Debats",— долго еще будетъ вставать въ ихъ памяти это лицо, крѣпкое, мужественное, поблекшее, но сохранившее улыбку; не разъ они вернутся въ мысли къ его пониманію жизни. Оно почти совпадаетъ съ тѣмъ, котораго держался и былъ несравненнымъ учителемъ Гете: замыкать свое честолюбіе въ предѣлы своей личности и видѣть во внѣшнемъ успѣхѣ случайность; неустанно расширять размахъ своего взгляда и горизонтъ своей мысли; въ виду этого — не бросаться по диллетантски на разные пути, не плыть по волѣ случайности, но избрать свой путь, уравнять его, упорствовать въ немъ, подвигаться на немъ каждый день, трудясь изо всѣхъ силъ, и все же никогда имъ однимъ не ограничиваться: наоборотъ, бросать взгляды въ сторону, совершать экскурсіи въ сосѣдніе предѣлы, умножать и разнообразить свои точки зрѣнія, сохранять до конца величайшую любознательность, при-

соединять къ своему уму все, что можно почерпнуть въ другихъ умахъ; съ самаго начала—знать свои границы и принимать ихъ, быть довольнымъ тѣмъ, что могъ наблюдать и мыслить, — вѣрить, что ради этого стоитъ жить. Рѣшенія болѣе рѣзкія болѣе привлекательны и соблазнительны; это, болѣе сообразное съ человѣческой природой и обычнымъ теченіемъ вещей, — быть можетъ, лучшее".

„Быть можетъ,—прибавляетъ Жиро,—если бы здѣсь не было обойдено „Misereor super turbam". Такъ или иначе такое міровоззрѣніе не могло имѣть въ основѣ одни разсудочные элементы; оно не исчерпывается даже сложностью теоретическаго разума; оно предполагаетъ мысль образную, художественную. Этотъ элементъ былъ, по мнѣнію Жиро, даже господствующимъ въ творчествѣ Тэна.

V.

„Онъ былъ философъ, но онъ былъ и поэтъ, то есть создатель живыхъ формъ". Это замѣчаніе Тэна о Платонѣ можетъ быть во всей полнотѣ отнесено къ автору „Философіи искусства". Подобно Платону, Тэнъ не писалъ поэтическихъ произведеній—если не считать дюжины изданныхъ послѣ его смерти очень милыхъ юмористическихъ сонетовъ „Къ моимъ кошкамъ" —но, подобно автору „Федона", онъ былъ поэтомъ, хотя не „создателемъ живыхъ формъ". Историкъ и психологъ, онъ часто давалъ изображенія живыхъ лицъ, но это не яркіе портреты, а глубокія абстракціи; онъ объяснялъ ихъ превосходно, но живого воспроизведенія не давалъ; его теоретической мысли хватало на анализъ—его поэтическое искусство не дошло до синтеза. Оно выразилось не въ созданіи человѣческихъ фигуръ, но въ безчисленныхъ мелочахъ стиля, на характеристикѣ котораго съ полнымъ правомъ останавливается авторъ. Не безъ основанія онъ часто и охотно примѣняетъ къ Тэну характеристики, данныя великимъ мастеромъ анализа людей—и здѣсь у мѣста цитируетъ одну такую характеристику, столь же пригодную для ея автора, какъ для ея предмета. „Онъ избѣгаетъ маленькихъ обрывистыхъ и задыхающихся фразъ,—говорилъ Тэнъ о Поль де Сенъ-Викторѣ,—онъ не подвигается впередъ короткими неожиданными скачками, неправильными и рѣзкими движеніями, подобно истиннымъ романтикамъ и ясновидцамъ германской расы, но длинными переходами, всѣ члены которыхъ связаны, которые непрерывной нитью тянутся къ заключенію. Онъ связываетъ свои мысли, онъ усиливаетъ выраженія, онъ разсчитываетъ и удлиняетъ свои crescendo; онъ безъ намѣренія достигаетъ ритма и полноты; онъ ораторъ въ истинномъ и благородномъ смыслѣ слова, ибо онъ доказываетъ и объясняетъ, и, хотя его часто считаютъ умомъ насквозь современнымъ и насквозь колористомъ, я рѣшаюсь утвер-

ждать, что по естественной логичности, по послѣдовательности изложенія, по непроизвольной симметріи его идей и его стиля— это латинянинъ, итальянецъ, если угодно—французъ, во всякомъ случаѣ приверженецъ и безсознательный поклонникъ великой школы риторики и краснорѣчія, рожденной въ Аѳинахъ и Римѣ и перенесенной къ намъ чрезъ XVII вѣкъ".

Въ стилѣ Тэнъ былъ, дѣйствительно, классикомъ; онъ объяснялъ свои пріемы—спокойную послѣдовательность изложенія, нагроможденіе синонимическихъ эпитетовъ повторенія—особенностями читателя, лѣниваго и непонятливаго. „Публика не понимаетъ и не хочетъ понимать; ей надо сказать шесть разъ, чтобы она поняла одинъ разъ. Истина входитъ въ ея мысль силою... Писатель долженъ сказать въ началѣ: любезный читатель, я объясню вамъ то-то и то-то. А въ концѣ: любезный читатель, я доказалъ вамъ то-то и то-то". Но не слѣдуетъ считать обстоятельность Тэна только пріемомъ изложенія—это движеніе его мысли. Онъ не украшаетъ свою фразу—онъ развиваетъ свою идею; онъ повторяетъ ее шесть разъ, но всякій разъ съ инымъ оттѣнкомъ содержанія; онъ выясняетъ ее повтореніями не только для читателя, но и для себя. Его „веризмъ" нашелъ лучшее выраженіе въ его опредѣленіяхъ и характеристикахъ, всегда доводящихъ индивидуализацію предмета до предѣла въ данныхъ условіяхъ возможнаго. Литературный и художественный реализмъ его времени имѣлъ въ немъ не только поборника, но и сподвижника—и сходство его стилистическихъ пріемовъ съ манерой Гонкуровъ никакъ не можетъ считаться случайнымъ. Двойственность творческой натуры отражалась на его тереотическихъ взглядахъ. Оoъ говорилъ: „надо смѣло высказать, что метафорическій стиль есть стиль не точный", но также категорично настаивалъ на томъ, что обиліе образовъ указываетъ на внутренній взрывъ поэтическаго вдохновенія". Онъ самъ былъ лучшимъ доказательствомъ послѣдняго; авторъ приводитъ рядъ удачныхъ примѣровъ его поэтической чуткости, указываетъ и на дурныя стороны его образности—ея чрезмѣрную пестроту, иногда крикливость и грубость. Здѣсь была естественная, почти стихійная сила—нѣчто исключающее намѣренность, вялую и сильную развѣ своей умѣренностью.

Жиро выводитъ поэтическій стиль Тэна изъ самыхъ глубинъ его творческой мысли. „Вообразимъ себѣ—говоритъ онъ—поэта, не насквозь сенсуалиста, но, на оборотъ, одареннаго рѣдкой силой абстрактной мысли, имѣющаго задачей воплощеніе не однихъ только чувствъ, но и идей. Идеи могутъ имѣть столь же личный характеръ, какъ и чувства. Зародившись въ душѣ глубокой и чувствующей, онѣ скоро перерождаются въ настоящія страсти. И интеллектуальныя страсти—подобно инымъ—могутъ быть источникомъ поэзіи. Среди философскихъ системъ—вплоть до самыхъ сухихъ и крайнихъ—нѣтъ такихъ, которыя не говорили

бы воображенію и сердцу. Всякая обширная система есть поэма. Сквозь силлогизмы „Этики“ и „Критики чистаго разума“ слышится какъ-бы страстный напѣвъ и пламенныя изліянія, и съ крутыхъ вершинъ, на которыя ведутъ насъ Кантъ и Спиноза, ослѣпленному глазу представляются безконечныя и грандіозныя перспективы возвышенной и захватывающей поэзіи“.

Такова поэзія, отличающая произведенія Тэна. Отъ первой до послѣдней его книги всякая идея, имъ высказанная, облечена въ конкретную форму живого образа; подъ неустаннымъ и суровымъ контролемъ теоретическаго разума брызжетъ этотъ блестящій каскадъ метафоръ, всегда яркихъ, ясныхъ и полныхъ идейнаго содержанія.

Чѣмъ были для Тэна эти поэтическіе образы—привлекательнымъ одѣяніемъ мысли или способомъ найти ее? Были они искусственнымъ пріемомъ или насущною потребностью мысли? Мнѣнія дѣлятся. Стиль Тэна называли „чудомъ воли“; онъ сплошь—предвзятая манера; стиль Тэна не Тэнъ, но нѣчто прямо противоположное Тэну. Такъ думаетъ, напримѣръ, Фагэ.

Жиро горячо отстаиваетъ противоположную точку зрѣнія. Это нѣсколько трудно, такъ какъ образность возрастаетъ въ произведеніяхъ Тэна, и люди, знавшіе его смолоду, напримѣръ, Сарсэ, утверждаютъ, что въ школѣ онъ былъ прозаикомъ по преимуществу; въ университетѣ—онъ не имѣлъ стиля: онъ писалъ ясно, но языкъ былъ для него системой алгебраическихъ знаковъ для выраженія мыслей. Позже онъ почувствовалъ настоятельную потребность имѣть стиль, ибо понялъ, что только посредствомъ стиля дѣйствуютъ на души и зажигаютъ воображеніе. Онъ колебался между стилемъ Вольтера и тѣмъ, который усвоилъ себѣ впослѣдствіи. Жиро склоненъ считать искусственной именно эту первоначальную прозаичность. Сдержанно-стыдливый и замкнутый, но чутко-поэтичный юноша могъ скрывать свои художественные порывы предъ профессорами, которые „не любятъ метафоръ и не считаютъ себя призванными создавать поэтовъ.“ Затѣмъ Тэнъ пережилъ знакомое всѣмъ намъ настроеніе побѣды разсудка, когда человѣкъ отказывается—по его глубокому убѣжденію, на вѣки—слушаться сердца и воображенія и думаетъ, что охватилъ несомнѣнными абстракціями всю полноту и разнообразіе міра. Но позже, чувствуя, что многообразіе и сложность его идей не исчерпывается разсудочными формулами, онъ далъ волю своему образному мышленію прорываться наружу въ образномъ, пестромъ—иногда слишкомъ пестромъ—красочномъ слогѣ. Нельзя сомнѣваться въ естественности. „Прошу прощенія за эти метафоры,—говоритъ онъ въ „Voyage aux Pyrénées“,—съ виду какъ будто подбираешь фразы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ изображаешь свои подлинныя ощущенія.“ Но двойственность его мысли давала себя знать: абстрактный мыслитель бережно скрывалъ

свою личность, которую волей-неволей разоблачалъ поэтъ. Его метафоры ярки, но холодны; онѣ удачно иллюстрируютъ формулу, но не живутъ самостоятельной жизнью.

И все же, не смотря на это, не смотря на неспособность Тэна давать живые образы человѣческой индивидуальности,—онъ кажется своему біографу—„по стремленію проникнуть идеей смыслъ всего, по инстинктивной потребности извлекать отовсюду образы и символы, по совершенно классическому искусству располагать и развивать ихъ—поэтомъ первокласнымъ, достойнымъ мѣста среди эллиновъ, которыхъ онъ такъ любилъ. Эта поэтическая способность опредѣляетъ для Жиро даже научныя теоріи и методъ Тэна, такъ что непонятно, почему нашъ авторъ не возвелъ ее въ рангъ единой faculté maîtresse: вѣроятно, впрочемъ, потому, что въ этомъ ужъ не было бы и тѣни той оригинальности, которую на чей-нибудь взглядъ можетъ представить формула „поэтъ-мыслитель".

Итакъ, мыслитель былъ условленъ поэтомъ. „Мишле—поэтъ, и потому онъ философъ"—говорилъ Тэнъ; тоже слѣдуетъ сказать о немъ самомъ. Автору кажется, что иначе и быть не могло, и онъ старается—безъ чрезмѣрнаго успѣха—сдѣлать этотъ выводъ неизбѣжнымъ для всѣхъ. „Вообразите,—говоритъ онъ,—умъ, устроенный такимъ образомъ, что всякій разъ, какъ передъ нимъ является группа фактовъ, непобѣдимая сила влечетъ его отыскать въ нихъ внутренній смыслъ, общій законъ,—словомъ, свести ихъ къ абстрактной идеѣ; и наоборотъ, всѣ идеи, ему присущія, зародились ли онѣ въ немъ, или внушены ему міромъ или книгами, онъ имѣетъ непреодолимую потребность переводить на конкретный языкъ, овеществлять ихъ въ группахъ фактовъ, переносить ихъ въ образы и ощущенія. Понемногу, переходя отъ группы къ группѣ, онъ доходитъ до обширнѣйшихъ и простѣйшихъ общихъ идей: сведя ихъ воедино,—онъ станетъ ихъ олицетворять." Слова Тэна пояснятъ сущность такого мыслителя: „Онъ будетъ въ нихъ видѣть уже не абстрактныя формулы, но живыя силы, проникающія собою явленія, вездѣсущія, повсюду дѣйствующія, истинныя божества человѣческаго міра, протягивающія руку внизъ къ инымъ силамъ, отпрыскамъ той же расы, чтобы въ единеніи образовать невидимый хоръ, о которомъ говорятъ старые поэты, который пронизываетъ всѣ существа и сущностью котораго живетъ вѣчная вселенная." Ясно, какимъ путемъ пойдетъ его мысль. „Чѣмъ больше абстрактное обобщеніе, общая формула поддается персонификаціи этого рода, тѣмъ дороже она будетъ поэту—логику, тѣмъ легче онъ приметъ ее, тѣмъ болѣе почетное мѣсто отведетъ ей въ своей системѣ."

И это объясняетъ для автора, если не происхожденіе важнѣйшихъ теорій, связанныхъ съ именемъ Тэна, то во всякомъ случаѣ

выдающееся мѣсто, занятое ими въ его системѣ. И до Тэна говорили о „господствующей способности“, о „расѣ“, „средѣ“, „моментѣ“,—но лишь поэтъ понялъ ихъ философскую сторону. Всякій замѣтитъ, что Титъ Ливій краснорѣчивъ, а у Шекспира много воображенія. Но для обыкновеннаго читателя это мѣтки, которыми онъ обозначаетъ свои бѣглыя впечатлѣнія; онъ вкладываетъ въ нихъ столько же конкретнаго содержанія, сколько въ слова: существо, пространство, число. Для Тэна это не „абстракціи“—это настоящія „живыя силы“; онъ пропитанъ этими представленіями настолько, что, читая Тита Ливія, онъ не видитъ ничего, кромѣ оратора, у Шекспира замѣчаетъ только воображеніе; отсюда одинъ шагъ къ тому, чтобы все ихъ творчество объяснить этими ихъ свойствами—и Тэнъ дѣлаетъ это. Онъ идетъ дальше, вдумываясь въ эти—и имъ подобныя—свойства, онъ и за ними видитъ „божества“, „живыя силы“, ихъ опредѣляющія, смутныя, могучія, силы, игравшія такую роль въ представленіи древняго поэта-мыслителя: расу, время, среду.

Все это, конечно, говоритъ только о движеніи обобщающей мысли Тэна. О томъ, какое значеніе принадлежало здѣсь абстракціямъ, что достигалось конкретными поэтическими образами, мы не узнаемъ отъ Жиро, который, очевидно, не чувствуетъ, какую отвѣтственность возлагаютъ на него задачи, кажущіяся ему рѣшенными. Онъ и не приступалъ къ ихъ рѣшенію—и прямо утверждаетъ, что въ поэтической стихіи коренилась вся сила и все *вліяніе* Тэна. Это требуетъ доказательства и изслѣдованія, котораго еще долго ждать.

VI.

Разъ заговоривъ о вліяніи Тэна, необходимо остановиться на немъ. Оно признано, но это не даетъ основанія ограничиться этимъ общимъ неопредѣленнымъ признаніемъ. Жиро старается разобраться въ немъ, доказать его фактами и цифрами, измѣрить его, отдѣлить отъ смежныхъ теченій, опредѣлить его не только смутными и личными впечатлѣніями, но и объективными данными. Трудно сказать, что это удалось ему, но кой-что онъ уясняетъ.

Прежде всего онъ,—по примѣру, какъ-то данному самимъ Тэномъ,—пробуетъ установить приблизительно число его читателей. Полагая по двадцати читателей на каждый экземпляръ какой-нибудь книги Тэна—этихъ экземпляровъ больше четверти милліона,—онъ считаетъ, что было не менѣе одиннадцати милліоновъ человѣкъ, читавшихъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ сорока томовъ полной коллекціи его трудовъ и не менѣе двухъ милліоновъ, читавшихъ нѣсколько томовъ изъ этого собранія. „Исторія англійской литературы“ выдержала десять изданій, „Происхо-

жденіе современной Франціи“ (тридцать три тысячи экземпляровъ „Стараго режима“) шестнадцать, „Объ умѣ и познаніи“—восемь (двѣнадцать тысячъ экземпляровъ). Надо помнить, что Жиро не принимаетъ въ разсчетъ переводовъ.

Но эти гипотетическія цифры не могутъ удовлетворить изслѣдователя; книги расходятся—значитъ ли это, что онѣ читаются? И если онѣ читаются, значитъ ли это, что онѣ находятъ пониманіе и оказываютъ вліяніе? Лоти и Мопассанъ разошлись въ еще большемъ количествѣ экземпляровъ; достаточно ли этого критерія для измѣренія ихъ вліянія?

И Жиро прибѣгаетъ къ инымъ способамъ, менѣе оригинальнымъ, но болѣе испытаннымъ; онъ ссылается на результаты разспросовъ, произведенныхъ въ свое время редакціей Revue Blanche. Разнообразнѣйшіе ученые и мыслители—Габріэль Моно и Ломброзо, Тардъ и Вогюэ, Анатоль Франсъ и Поль Леруа-Болье, Фагэ и Барресъ признали глубокое вліяніе, которое оказали на нихъ идеи и пріемы Тэна.

Когда появились первыя книги Тэна, романтизмъ доживалъ свои дни; между его упорными представителями и читателемъ, утомленнымъ его неопредѣленностью, риторикою и крикливымъ индивидуализмомъ, разросталась пропасть. Ни для Ламартина, ни для Мюссе Тэнъ, можно сказать, не существовалъ. Но среди романтиковъ были болѣе жизнеспособные—и они умѣли нестись на живой волнѣ общественныхъ настроеній къ новымъ берегамъ. Здѣсь надо имѣть въ виду не столько Жоржъ Зандъ и Гюго, сколько болѣе опредѣленныхъ провозвѣстниковъ новаго литературнаго теченія, какъ Мериме и, разумѣется, Сентъ Бевъ. Отношеніе послѣдняго къ Тэну особенно любопытно: его можно было бы назвать учителемъ Тэна, если бы онъ не былъ также его ученикомъ. Онъ дѣлалъ серьезныя оговорки къ системѣ, слишкомъ упрощенной для его сложнаго ума. Ея статическій характеръ былъ чуждъ писателю, выбравшему для своихъ произведеній эпиграфомъ слова „Nous sommes mobiles“; его пугалъ суровый детерминизмъ; ему казалось, что нивеллирующія опредѣленія „расы—среды—момента“ упускаютъ изъ виду индивидуальный характеръ генія; самая формулировка метода едва ли казалась нужной критику, который примѣнялъ, но не формулировалъ пріема своего анализа. Однако, даже въ этомъ отношеніи онъ сдѣлалъ послѣ Тэна уступку, пытаясь дать и теоретическія указанія; эстетическій интересъ уступаетъ въ его работахъ психологическому.

Эпигоновъ романтизма смѣнило новое литературное поколѣніе; восклицаніе чуткаго Сентъ Бева по поводу „Мадамъ Бовари“ хорошо опредѣляетъ новый духъ литературы: „Сынъ и братъ извѣстныхъ врачей, г. Флоберъ работаетъ перомъ, какъ другіе

скальпелемъ. *Повсюду нахожу васъ, анатомы и физіологи!*". Первыми учителями этого поколѣнія—Флобера и Прюдома, Ожье и Леконтъ де-Лиля, Дюма сына и Бодлэра — были тѣ, кого можно назвать перебѣжчиками романтизма: Бальзакъ и Стендаль, Готье и Сентъ-Бевъ. Вскорѣ Тэнъ и Ренанъ—сверстники „первые между равныхъ"—смѣнили ихъ. Выдѣлить вліяніе Тэна здѣсь очень трудно: онъ учился столько-же, сколько училъ. Гораздо яснѣе его рѣшающее воздѣйствіе на болѣе позднихъ реалистовъ, получившихъ названіе „натуралистовъ", на литературное поколѣніе, начавшее свою дѣятельность въ шестидесятыхъ годахъ. Лучше всѣхъ опредѣляетъ это вліяніе Анатоль Франсъ, дебютировавшій критическимъ этюдомъ въ 1868 году. „Тэнъ былъ детерминистомъ. Онъ былъ имъ насквозь—и съ такимъ обиліемъ доводовъ, съ такимъ богатствомъ поясненій, что впечатлѣніе, произведенное имъ на интеллигентную молодежь конца второй имперіи даже трудно себѣ теперь представить. Мысль этого сильнаго ума воспитала въ насъ къ началу семидесятыхъ годовъ пламенный энтузіазмъ, родъ религіи, нѣчто, что я хотѣлъ бы назвать динамическимъ культомъ жизни. Что несъ онъ намъ? Методъ и наблюденіе, фактъ и идею, исторію и философію, словомъ—науку. Отъ чего онъ насъ освобождалъ? Отъ ненавистнаго школьнаго спиритуализма, отъ гнуснаго Кузэна и его гнусной школы, отъ лицемѣрнаго умствованія. Въ это время весь Латинскій кварталъ пылалъ страстью къ силамъ природы; книги Тэна сообщили намъ это настроеніе. Теорія среды приводила насъ въ восторгъ... Вліяніе Тэна на литературу и искусство этого времени очень велико".

Надо ли говорить о значеніи, которое Тэнъ имѣлъ въ теоріи „экспериментальнаго романа". Ея творецъ говорилъ объ этомъ достаточно часто; онъ плохо понялъ Тэна и сдѣлалъ изъ него выводы, которыхъ не принялъ бы Тэнъ, но на его могучемъ художественномъ дарованіи лежитъ печать Тэновскаго метода, также какъ на Мопассанѣ и на Додэ.

Еще явственнѣе запечатлѣлось это воздѣйствіе на прямыхъ ученикахъ Тэна—на той блестящей плеядѣ историковъ, критиковъ, психологовъ, которые выдвинулись въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія. Лависсъ и Сорель, Брюнетьеръ, Вогюэ и Фагэ, Рибо и Пьеръ Жанэ—и, наконецъ, Поль Бурже, столь громко возглашавшій, что обязанъ Тэну „наиболѣе существенными изъ своихъ идей и лучшимъ въ своемъ методѣ",—вотъ нѣсколько изъ наиболѣе извѣстныхъ именъ, къ которымъ можно-бы прибавить еще многія. Не слѣдуетъ искать подтвержденіе вліянія въ сходствѣ воззрѣній; многихъ изъ несомнѣнныхъ учениковъ Тэна движеніе мысли и общественная жизнь отбросили далеко отъ воззрѣній учителя, но онъ оттого не потерялъ права на это по-

четное названіе. Волны его вліянія расходятся, становясь все шире и незамѣтнѣе; онѣ бьются о противоположные берега. Но такова судьба всякой самостоятельной мысли; она даетъ толчокъ и рождаетъ движеніе, а куда оно приведетъ, не могутъ предсказать и болѣе сильные, чѣмъ Тэнъ.

А. Г—дъ.

---

* * *

Пробился лучъ изъ облаковъ густыхъ,—
Блеснулъ, исчезъ... какъ счастья свѣтъ минутный...
И вновь волной нахлынулъ сумракъ мутный...
Шумитъ прибой у скалъ береговыхъ.
Природу лѣнь тяжелая объемлетъ,—
Сѣдой туманъ унесъ послѣдній свѣтъ.
И чудится, что въ небѣ солнца нѣтъ,
Что грустный міръ теперь на вѣкъ задремлетъ!
Томится все подъ мрачной властью сна,
Все отдалось безсильному забвенью...
И лишь прибой воюетъ съ сонной лѣнью,—
Привѣтъ тебѣ, тревожная волна!..

Н. Шрейтеръ.

ЗЕМЛЯ.

(Романъ).

II.

Часть пути Останковъ съ Данилинымъ сдѣлали по желѣзной дорогѣ. Другую часть приходилось ѣхать на лошадяхъ.

Дорогой Останковъ успѣлъ узнать Данилина довольно хорошо. Это былъ человѣкъ добрый, безукоризненно честный, съ прямымъ мягкимъ характеромъ, но съ энергіей, позволявшей ему не спать во время работы по трое, по четверо сутокъ. Была въ немъ какая-то тишина, грусть, умиротворяюще дѣйствовавшая на душу. Онъ говорилъ, не торопясь, не волнуясь, называя Останкова „голубчикъ“, „родной“.

— Я радъ, родной, что вы не сразу попадете въ свой адъ, а такъ сказать, съ сѣнями, съ подготовкой. Во-первыхъ, больныхъ отъ голода вы увидите здѣсь, въ Б—ѣ. А это не такъ страшно, какъ дальше, — предупредилъ онъ его при въѣздѣ въ жалкій захолустный городишко, единственнымъ украшеніемъ котораго была кривая пожарная каланча.

День былъ холодный, вѣтряный, и оттаявшій было отъ продолжительной оттепели снѣгъ покрылся жесткой корой, непріятно скрипѣвшей и провалившейся подъ полозьями. Былъ какой-то праздникъ и въ воздухѣ пахло грибами и дымомъ.

Сани остановились передъ маленькимъ деревяннымъ домикомъ, отличавшимся отъ другихъ мѣщанскихъ деревянныхъ домишекъ развѣ только тѣмъ, что къ нему вела хорошо утоптанная и укатанная дорога, да синій флагъ съ краснымъ крестомъ развѣвался на березовой палкѣ, прикрученной съ боку веревкой.

Домишко былъ о двухъ половинахъ, принаровленный для временнаго помѣщенія туда цынготныхъ, привозимыхъ больше изъ окрестныхъ деревень.

— Конечно, голубчикъ, эта больница очень мало напоминаетъ даже самыя неблагоустроенныя городскія больницы, но все-же—одна изъ лучшихъ,—объявилъ ему Данилинъ.— Земская больница даже бѣлье сюда на время отпустила.

Онъ открылъ обитую войлокомъ дверь, и на Останкова сразу пахнулъ совсѣмъ особенный „мертвый“ воздухъ, какого онъ никогда и нигдѣ не ощущалъ: это зловонное дыханіе цынготныхъ больныхъ заражало атмосферу. Останковъ невольно зажалъ въ первую минуту носъ, но тотчасъ-же устыдился.

— Ничего не подѣлаешь, дорогой! — замѣтилъ Данилинъ.—Даже въ хорошо вентелируемомъ помѣщеніи не избѣгнешь этого зловонія. Скверно голодъ пахнетъ.

Они вошли изъ сѣней въ простую небольшую комнату съ деревянными нарами вдоль стѣнъ. На этихъ нарахъ, на холщевыхъ мѣшкахъ, набитыхъ соломой, лежали и сидѣли цынготные.

Въ первую минуту картина эта не поразила Останкова. Онъ ожидалъ худшаго, но тотчасъ, при мысли, что эти люди всѣ больны отъ голода, „отъ того, что у нихъ даже не было куска хлѣба“,—какъ съ страшной простотой сказала Ольга,— сердце его содрогнулось. Хотѣлось невольно закрыть глаза и броситься вонъ.

Изсиня блѣдныя опухшія лица съ тупою неподвижностью глядѣли на вошедшихъ заплывшими глазами. Иные глаза были съ багровыми кровоподтеками, точно подбитыя. Опухшія губы съ трудомъ шевелились.

Однако Останковъ собрался съ духомъ и подошелъ къ одному изъ больныхъ, молодому парню, которому цынга сдѣлала у челюстей туго набитые защечные мѣшки съ саломъ. Прежде, чѣмъ Останковъ что нибудь сказалъ, больной, увидя, доктора, неожиданно обнажилъ губы, черныя отъ прижиганія ляписомъ, съ распухшими деснами, на которыхъ вздулись кровавые нарывы, превращая весь ротъ въ какой-то цынготный гранатъ. Зубы качались даже тогда, когда ихъ касался языкъ больного и, очевидно, при слабомъ усиліи могли выпасть изъ десенъ.

Изъ этого рта страшно „пахло голодомъ“ и цынга глядѣла оттуда, какъ изъ своего краснаго гнѣзда.

Затѣмъ, не дожидаясь отъ Останкова приглашенія, онъ обнажилъ передъ нимъ свои ноги, опухшія, одервенѣвшія, покрытыя кровоподтеками. Онъ даже не могъ разогнуть ихъ, и, въ случаѣ нужды, его выносили на рукахъ. Останковъ коснулся его ноги пальцемъ, и палецъ оставилъ на тѣлѣ слѣдъ, какъ на кускѣ тѣста.

— Знакомьтесь, знакомьтесь, это довольно тяжелая форма,—поощрялъ его Дмитрій Дмитріевичъ.

Лежащій рядомъ старикъ, съ изможденнымъ лицомъ и маленькими слезящимися глазами, съ усиліемъ двигая руками, спѣшилъ также снять повязку съ ноги, чтобы показать тѣ-же опухли, тѣ-же кровоподтеки и язвы. Мало того, раскрывъ ротъ, онъ всталъ на больныя ноги передъ начальствомъ, напрягая всѣ силы, чтобы удержаться въ такомъ положеніи.

— Сядь... сядь...—уговаривалъ его Данилинъ.

— Нель-зя... солдатъ... суббор...—пробовалъ онъ выговорить трудное слово опухшими губами и языкомъ.

Тогда сестра милосердія, прибѣжавшая сюда изъ другого отдѣленія, веснущатая, съ широкимъ добрымъ лицомъ, положила старику руку на плечо, и онъ сѣлъ.

— Это очень тяжелая форма цынги,—поздоровавшись съ посѣтителями, пояснила сестра,—но ему теперь лучше.

— Лучше, лучше...—прошамкалъ старикъ, и ротъ его пробовалъ сложиться въ улыбку, отъ которой морозъ подиралъ по кожѣ.

Съ печки тянулась какая-то скрюченная фигура, а влѣво, на нарахъ, лежалъ кто-то маленькій. Видны были только тонкія, какъ лучинки, ноги съ напряженными жилами и скрюченными болѣзнью пальцами. Когда Останковъ и Данилинъ приблизились, фигура зашевелилась, и Останковъ, вдругъ, къ своему удивленію, увидѣлъ, что это не мальчикъ, а мужикъ, маленькаго роста, почти карликъ, съ рѣдкими клочками грязноватого цвѣта бороды, съ испуганными глазами, которые, кажется, также испуганно взглянули и въ первый разъ при появленіи на свѣтъ Божій, увидѣвъ въ будущемъ всю свою страшную судьбу.

— Теперь, дорогой, пойдемте въ женское отдѣленіе.

Крошечная комнатка набита была также цынготными женщинами, лежавшими по лавкамъ.

При появленіи посѣтителей, онѣ всѣ сдѣлали попытку встать, но это немногимъ удалось. Остальныя только шевелили руками и головою, но подняться не могли.

— Не надо, не надо, лежите...—спѣшилъ успокоить ихъ Данилинъ.

Воздухъ здѣсь былъ еще ужаснѣе, зловоннѣе. Да оно и понятно. Возлѣ многихъ изъ женщинъ, какъ маленькіе слѣпыя котята, шевелились грудные младенцы; нѣкоторые изъ нихъ пищали и тянулись къ материнской груди. Около другихъ были дѣти постарше, и имъ Данилинъ давалъ конфекты.

— Не пропадаетъ отъ цынги молоко? — спросилъ онъ сестру.

— Пропадать не пропадаетъ, да какое уже у нихъ молоко. Кормимъ съ рожка,—отвѣтила сестра.

Останкову всѣ онѣ казались старухами. Нужда смяла и исцарапала имъ кожу преждевременными морщинами, а большинству не было и тридцати лѣтъ. Рядомъ съ одной изъ этихъ молодыхъ старухъ съ коричневымъ лицомъ, сидѣлъ годовалый ребенокъ съ большой головой. Онъ совсѣмъ не двигался, выставивъ тонкія, какъ прутики, ноги и опустивъ такія-же тонкія руки.

Тихіе, сѣрые неподвижные глаза кротко глядѣли на свѣтлыя пуговицы Останкова, и ему на мгновеніе показалось, что это не живой ребенокъ, а восковая фигура и при томъ—плохо сдѣланная. На ноги и на руки какъ-будто не хватило воска, и оттого онѣ были такъ тонки.

— Боленъ мальчикъ?—съ участіемъ спросилъ Данилинъ мать, суя ему въ руку конфекту, которую тотъ машинально взялъ.

— Нѣтъ... Зачѣмъ!.. здоровъ... слава Богу... —послышался глухой и тихій отвѣтъ матери.

А сѣрые неподвижные глаза, какъ неживые, попрежнему безучастно глядѣли на пуговицу Останкова, въ которой уродливо отражалось дѣтское лицо.

Въ этой палатѣ было какъ-то больше движенія, чѣмъ въ мужской. Слышались голоса, молящіе, стонущіе, робкіе, и Останкову казалось,—эти голоса звучали не внѣ его, а въ немъ самомъ, и передъ глазами его опять стали обнажаться кровавыя десны съ черными и желтыми зубами, голыя ноги и руки, пораженныя цынгой.

— Должно быть, здѣсь совсѣмъ не провѣтривается палата?—спросилъ Данилинъ.

— Да все бабы,—отвѣтила сестра,—боятся дѣтей простудить.

Бабы, точно по командѣ, испуганно взглянули на своихъ младенцевъ.

Обезображенныя цынгой, заживо разлагающіяся, онѣ все-таки думали о дѣтяхъ, объ этихъ крошечныхъ безкровныхъ кусочкахъ мяса, которыхъ ждетъ, вѣроятно, та-же судьба, что и матерей.

— Тоже... матери... — добавила сестра.—Что съ ними подѣлаешь. Жалко.

И на ея широкомъ веснущатомъ лицѣ съ крупными чертами занялась улыбка сожалѣнія и ласки.

— Боже мой!—вырвалось у Останкова.—Боже мой!

— Ну, на первый разъ съ васъ довольно, голубчикъ! — глядя въ его поблѣднѣвшее лицо, сказалъ спутникъ.—Голодъ отрекомендовался вамъ.

— Какой ужасъ! Какой ужасъ!

— Ну, это еще цвѣтики, а ягодки будутъ впереди,—говорилъ Данилинъ съ напускной бодростью, въ которой, однако, сквозило совсѣмъ иное чувство.—Тутъ больной какъ у Христа за пазухой, а вы вотъ увидите ихъ въ деревняхъ, во всей натуральности. Картина!

— Да, тутъ имъ благодать!—подтвердила сестра. —И помѣщеніе хорошее, и одежда и лѣкарство и пища прекрасная. Не угодно-ли попробовать, докторъ?

Она большими шагами пошла впередъ, размахивая на ходу руками, и привела ихъ въ кухню. Толстая стряпуха съ краснымъ потнымъ лицомъ и маленькимъ носомъ суетилась около большого котла съ варевомъ, отъ котораго поднимался паръ.

— Чувстуете вы, какъ вкусно пахнетъ!—съ торжествомъ весело воскликнула сестра.

Но Останковъ уже не чувствовалъ больше никакого запаха, кромѣ цынготнаго, точно этотъ запахъ забилъ ему носъ и даже ощущался во рту; тѣмъ не менѣе, онъ машинально поднесъ ко рту поданную ему ложку и обжегъ ротъ.

— Очень вкусно...

— Еще бы не скусно!—недовольнымъ крикливымъ голосомъ подхватила стряпуха.—По полфунта харча на кажнаго.

— Ого, это черезчуръ. Какъ-же такъ сестра?..—сказалъ Данилинъ, не глядя, однако, на сестру. — По нашей нормѣ, вѣдь вы знаете, полагается только четверть фунта. Это ужъ перерасходъ. Вообще, какъ я вижу, меню слишкомъ обширное. Тутъ и жареная картошка, и даже кисель... Три кушанья, не считая чая... Такъ нельзя, дорогая. Это мы отъ другихъ отнимаемъ.

— Цынготные очень тяжелые есть, Дмитрій Дмитріевичъ, — виновато оправдывалась сестра.—Имъ нужно усиленное питаніе.

— Да, но это слишкомъ. Роскошь. Дорого стоитъ...

— Копѣйки на полторы больше нормы.

— Ну, вотъ видите. При томъ-же, зачѣмъ именно для нихъ дѣлать исключеніе? Имъ и такъ лучше, чѣмъ другимъ.

— А у кружковыхъ всегда такое питаніе,—робко вставила сестра.

— У кружковыхъ, у кружковыхъ...—недовольно заворчалъ Данилинъ.—Вотъ тутъ Николай Павловичъ правъ съ одной стороны. Тѣмъ и не хороша эта разъединенность. Неловко какъ-то... А мы развѣ виноваты? — повысивъ голосъ, обратился онъ къ Останкову.—И то средствъ не хватаетъ.

— Кромѣ того, нынче праздникъ, Дмитрій Дмитричъ.

— А-а... Развѣ только... — поддался Данилинъ, выходя наружу и съ хмурымъ лицомъ усаживаясь въ сани.

Вслѣдъ за нимъ сѣлъ Останковъ.

Сестра вышла ихъ проводить въ одномъ платьѣ. Отъ холоднаго вѣтра лицо ея и руки сразу посинѣли.

— Идите, сестра... Простудитесь!—обратился къ ней Данилинъ.

— Ну, вотъ еще, нѣжности! — засмѣялась сестра, скрѣстивъ руки на груди.

Флажекъ безпомощно трепыхался въ воздухѣ и окна больнички, заиндевѣвшія и маленькія глядѣли такъ же безучастно на уѣзжающихъ, какъ и глаза больныхъ, лежавшихъ за этими окнами.

Лошади тронули, и колокольчики затрепетали и зазвенѣли. Откуда-то вырвалась собака и съ лаемъ бросилась подъ ноги лошадямъ. Кибитка покатилась.

Останковъ сидѣлъ, забившись въ уголъ и закутавшись въ шубу отъ холоднаго вѣтра, который забирался снизу.

Странное состояніе безпокойства, смутнаго раздраженія и недоумѣнія охватило его. Онъ напрягалъ свою мысль, не то стараясь что-то вспомнить, не то объяснить. Этотъ народъ, которымъ онъ до сихъ поръ такъ мало интересовался, вставалъ передъ нимъ огромнымъ и мучительнымъ вопросомъ. Ему теперь хотѣлось знать все, что касалось этого народа, и онъ даже ощущалъ неловкость отъ своего незнанія, какъ человѣкъ, который явился въ незнакомую, большую семью, чтобы помогать ей, и вдругъ самъ почувствовалъ свое жалкое безсиліе.

А лошади везли его все дальше и дальше по снѣжной степи, въ самое сердце голоднаго края, и каждый шагъ впередъ огромной бездной отдѣлялъ его отъ того міра, въ которомъ онъ жилъ до сихъ поръ.

Колокольчики, какъ всегда, отвѣчали настроенію и гудѣли также тоскливо и недовольно. Кибитка неровно скользила по ухабамъ испорченной оттепелями дороги. Холодно и непривѣтливо, какъ стальной круглый щитъ, со всѣхъ сторонъ бѣлѣла степь, на которой кое-гдѣ уже желтѣли воронками вымоины отъ дыханія земли, недавно прорывавшагося изъ-подъ снѣга наружу.

Ямщикъ, мужикъ лѣтъ сорока, съ худымъ, растеряннымъ лицомъ и жидкою, грязноватаго цвѣта бородою, какъ то криво согнувшись, ежившись отъ холода, сидѣлъ на облучкѣ и имѣлъ, вообще, совсѣмъ не веселый видъ.

— Ты здѣшній?—обратился къ мужику Данилинъ.

— Здѣшній,— отозвался тотъ, слегка поворачиваясь на облучкѣ.

— Земля есть?
— Быдто есть.
— Семейный?
— Знамо.
— Дѣти есть?
— Быдто есть.
— Самъ на землѣ работаешь?
— Нѣтъ, не работаемъ мы!—съ досадою отвѣтилъ мужикъ.
— Почему?
— Обдѣленный я.

Данилину надоѣло спрашивать и онъ замолчалъ, уйдя вплоть до носа въ шубу. Но Останковъ заинтересовался, что значитъ обдѣленный и кто его обдѣлилъ. Ему, въ концѣ-концовъ, удалось расшевелить ямщика. Тотъ совсѣмъ обернулся къ сѣдокамъ, сѣвъ на облучкѣ верхомъ, и, показывая ногу, запутанную тряпками для тепла, началъ изливать свою душу.

— Какая-же мнѣ теперь работа, коли обдѣленный я! Раздѣлъ нынче у насъ съ старшимъ братаномъ вышелъ. Братанъ-отъ, значитъ, женился на молодухѣ. Ему-то за пятьдесятъ, а ей, стало-ть, девятнадцать. Женился. Тѣсно, говоритъ, намъ. Раздѣлимся, говоритъ... И сталъ дѣлиться.

— Ну?

— Ну, и обдѣлилъ меня въ конецъ. Все, какъ есть, себѣ забралъ, а мнѣ рухлядь досталась, да еще мать старуху на мою шею взвалилъ, а себѣ, небось, сестру работницу-дѣвку оставилъ, хоть она и хотѣла ко мнѣ идти.

Останковъ въ первый разъ слышалъ такія рѣчи о деревенскомъ раздѣлѣ и для него какъ-то особенно дико звучали эти слова о матери старухѣ, взваленной на шею обиженнаго, и о сестрѣ „взятой“ себѣ.

— Какъ-же это такъ! Зачѣмъ-же сестра у него осталась? Почему-же она не ушла къ тебѣ?

— Вона!—Почему?—фыркнулъ мужикъ.—Сходъ, значитъ, такъ предназначилъ. Онъ сходу-то четвертуху поднесъ, вотъ и предназначилъ сходъ, а мать, стало-ть, мнѣ.

— Поймите, съ бабами при деревенскомъ раздѣлѣ обращаются также, какъ съ хозяйственнымъ инвентаремъ: имъ ничего не полагается, — нетерпѣливо проворчалъ Данилинъ и опять спряталъ лицо въ шубу.

— Но вѣдь это беззаконіе!—воскликнулъ Останковъ.

— Какой еще законъ! — горько промолвилъ мужикъ. — Какъ вѣтеръ подуетъ, такъ тому и будетъ. Нынче у насъ какая волость-то! Настоящаго мужика туда и калачемъ не заманишь. Это въ прежнее время—волость-то нашей совѣстью была, съ Богомъ въ мужицкихъ дѣлахъ только со-

вѣтовалась, передъ Богомъ только отвѣтъ держала, а теперь вмѣсто Бога-то передъ земскимъ ей надо отчитываться, да что передъ земскимъ!—передъ писаремъ! У писаря въ кулакѣ не токмо старшина и староста, но и весь волостной судъ. Писарь захочетъ—саму правду опорочитъ. Вотъ оно какъ! Душу изъ деревни взяли!—закончилъ онъ.

— Все же слѣдовало бы пожаловаться земскому?—отозвался Данилинъ снова.

— На міръ-то! Да онъ меня заѣстъ, міръ-то! Окромя того самъ же земскій приговоръ утвердилъ.

— Хорошъ! — осудилъ земскаго Останковъ. Спутникъ объяснилъ ему, что земскій тутъ почти не при чемъ: ему невозможно самому вникать въ такія мелочи. Старшина доложилъ ему дѣло въ такомъ видѣ, онъ и подмахнулъ приговоръ. Пріѣдетъ къ нему обиженный жаловаться,—ему надо будетъ противъ себя же идти: таково одно изъ неудобствъ совмѣщенія административной и судебной власти, лежащей на земскомъ начальникѣ; оно нерѣдко ставитъ въ безнадежное положеніе даже добросовѣстнѣйшихъ и усерднѣйшихъ изъ нихъ.

— Это онъ правду сказалъ. Душу изъ деревни взяли, а закона не дали,—подтвердилъ Данилинъ,—есть только обычаи, на которыхъ деревня и стоитъ, какъ земля на трехъ китахъ, а обычаи можно повернуть какъ угодно.

— Начальства много, а закона нѣтъ!—заключилъ его рѣчь ямщикъ.—Не жисть, а тина.

Онъ тронулъ вожжами замѣшкавшихся лошадей и снова скорчился на облучкѣ.

— Куда ни кинь, все клинъ...—помолчавъ, пробормоталъ спутникъ Останкова.—Вы, родной мой, видно, въ первый разъ въ деревнѣ и мало ее знаете.

— Мало. Я совсѣмъ, признаться, не интересовался деревней до сихъ поръ.

— И-и, голубчикъ, кто-же у насъ интересуется деревней!—съ тяжелой ироніей произнесъ Данилинъ.—Кому какое дѣло до нея, матушки! Въ такихъ тьмахъ, въ такихъ дебряхъ живетъ, что только вотъ голодъ и открываетъ ее нашему брату, да и то краешкомъ, и стоимъ мы за то въ ней, когда попадаемъ, какъ въ дремучемъ лѣсу, и совсѣмъ-то, совсѣмъ мы ей чужіе! Вонъ она!—кивнулъ онъ головою впередъ, на темнѣвшую вдали деревню.—Одинокая, горькая!

Останковъ взглянулъ впередъ и увидѣлъ, прежде всего, крылья вѣтряковъ, безпомощно растопыренныя въ воздухѣ, а затѣмъ—шпиль мечети и церковную колокольню, мирно уживающіяся вмѣстѣ... За ними чернѣли въ снѣгу избы деревни.

Тихо и мрачно встрѣтила деревня пріѣзжихъ. Даже лая не было слышно.

— Всѣ собаки-то отъ голода подохли, — проворчалъ ямщикъ.

Останковъ съ жуткимъ чувствомъ вглядывался въ избы, точно скорчившіяся отъ голода и холода. Тесовыхъ избъ было мало. Большинство — крытыя соломой, а на иныхъ и соломы не было; онѣ стояли подъ открытомъ небомъ, какъ будто съ непокрытыми сѣдыми головами.

— На скотину солома-то съ крышъ пошла, — пояснилъ ямщикъ.—Да безъ толку: солома-то наскрозь прогнившая, не больно полезна для скотины. Почитай, вся скотина-то подохла, а не подохла,—за грошъ продали.

Кибитка подъѣхала къ больничкѣ, простой избѣ съ соломенной крышей и съ флажкомъ надъ нею. На крыльцо вышла сутоловатая блѣдная сестра, живая, съ быстрой и сокрушенной рѣчью.

— Ахъ, какъ мы ужъ васъ ждали, Дмитрій Дмитричъ!.. Всего-то у насъ недостача, какъ есть всего, а больныхъ больше и больше... Вся деревня почти больна, а только сорокъ пять въ больничкахъ. Остальные—по домамъ валяются.

— И очень тяжелые есть?

— Есть. Привезли вы намъ?..

— Привезъ, привезъ кое-что. Идите, идите въ избу—простудитесь.

Въ маленькой избѣ, на деревянныхъ нарахъ около двухъ стѣнъ лежали вплотную цынготныя женщины, опухшія, обезображенныя болѣзнью. Головы ихъ были повязаны рваными тряпицами. Лохмотья висѣли на тѣлѣ, и на лохмотьяхъ-же валялись онѣ. Около нихъ копошились также грудныя дѣти. Нѣкоторыя изъ дѣтей были совершенно голы и прикрывались только материнскимъ тряпьемъ. На другихъ висѣли полуистлѣвшіе лоскутки. Малютки, какъ неоперившіяся птички, разѣвали свои беззубые ротики и слезящими глазками смотрѣли на матерей, шевеля слабыми ручонками, точно ища чего-то. Одинъ изъ маленькихъ пискнулъ, и мать поспѣшила его ткнуть къ своей груди подъ лохмотья.

Рядомъ съ нарами висѣла на веревкѣ зыбка. Въ ней также валялся ребенокъ. Отъ зыбки была протянута веревка къ нарамъ, прицѣпленная къ ногѣ матери, которая не могла подняться. Мать шевелила больной, опухшей и покрытой кровоподтеками ногой и, такимъ образомъ, убаюкивала сына.

Зыбка тихо поскрипывала, качаясь взадъ-впередъ, точно жалуясь на судьбу.

Воздухъ здѣсь былъ такъ невыносимо зловоненъ, что становилось тошно.

— Что подѣлаешь!—жаловалась сестра.—Моемъ каждую недѣлю, да это не помогаетъ. Помѣщеніе черезчуръ мало, а народа много. Главное же—отъ лохмотьевъ запахъ скверный. Больше того, что теперь на нихъ, ни у кого ничего нѣтъ, такъ что смѣнить нечѣмъ, а и то ухитряемся перемыть иногда.

— А въ баню онѣ ходятъ?—спросилъ Данилинъ.

— Да. Ихъ водятъ и носятъ... каждую недѣлю. Пожалуйста, похлопочите, нельзя-ли хоть какого-нибудь бѣлья, или матеріи достать, чтобы мало-мальски одѣть ихъ. Вонъ у кружковыхъ одѣваютъ народъ.

Данилинъ нахмурился.

— Холста тоже на мѣшки у насъ нѣтъ. Спать многимъ не на чемъ. О подушкахъ ужъ, конечно, и напоминать нечего.

— Неужели-же и подушекъ у нихъ нѣтъ своихъ?

— Какъ видите... только у нѣкоторыхъ. Остальныя—проѣли. Ничего не осталось.

— Нисява, нисява...—поймавъ послѣднюю фразу, завздыхала и зашамкала старуха-татарка съ глазами, пораженными трахомой.—Вся консялъ. Лошадка консялъ, оветька консялъ...

И изъ ея больныхъ, полуослѣпшихъ глазъ покатились слезы.

— Надо совсѣмъ консялъ... Зіяратъ *) надо...—глухо добавила другая, съ лицомъ, раздутымъ, какъ пузырь съ саломъ.—Вотъ...

И кривыми, черными, какъ сухія стручья, пальцами она открыла сморщенныя губы и показала тѣ-же кроваво-вспухшія десны.

Другія стали также поднимать и развертывать лохмотья, обнажая свои одеревенѣвшіе члены, со стономъ и охая.

— Тутъ много тяжело больныхъ,—осмотрѣвъ кое-кого изъ женщинъ, сказалъ Останковъ.—Должно быть, плохо поправляются?

— Да... Иныя мѣсяца по два лежатъ...

— Отчего-же это такъ?—спросилъ Данилинъ.

— Повидимому, у нѣкоторыхъ цынга осложнена другими болѣзнями...—отозвался Останковъ.

Сестра потупилась. Потомъ подняла голову и рѣшительно взглянула въ лицо Данилина.

— Докторъ правъ съ одной стороны, а главное—лѣкарствъ

---

*) Кладбище.

недостаетъ, да и ослаблены они ужъ очень. Нужно бы питаніе усилить. Организмы надорванные въ конецъ... Дѣти еще изъ нихъ послѣдніе соки высасываютъ.

— А вы бы дѣтей молокомъ кормили.

— Да молока-то на деревнѣ мало. Пали почти всѣ коровы. Кашей пробовали,—не перевариваютъ. А приказать матерямъ не кормить младенцевъ или меньше кормить — нельзя, да все равно и не послушаютъ онѣ: очень ужъ дѣтей любятъ.

Когда они вышли на свѣжій воздухъ, у Останкова кружилась голова. Тутъ къ нимъ подошелъ, хромая на обѣ ноги, татаринъ и, снявъ шапку, залопоталъ:

— Бери баба—больнисъ, пожалста. Бульно плохъ баба, ашать нѣтъ...

— У него жена въ цынгѣ,—пояснила сестра.—Самъ онъ цынготный и ходитъ кормиться въ столовую. Четверо дѣтей также поражены цынгой.

— Почему-же вы не примете его жену въ больницу?

— Да мѣста нѣтъ. Сами видѣли, почти одна на другой валяются. Вѣдь у насъ двѣсти человѣкъ только зарегистрованныхъ, а насъ всего двѣ.

— Надо новую больничку открыть. Что-же вы до сихъ поръ медлили?

— Да какъ-же мы сами-то... У насъ нѣтъ этого. Вонъ кружковыя—тѣ могутъ сами открывать.

Данилинъ съ досадой пожалъ плечами.

— Непремѣнно откройте... Я вамъ ящикъ лѣкарствъ дамъ.

— И холста нельзя-ли, Дмитрій Дмитріевичъ?

— Хорошо... Хотя въ Белебеѣ весь холстъ вышелъ... въ Самарѣ и то мало.

— Нельзя-ли фельдшерицу еще намъ въ помощь, а то двумъ очень трудно справиться.

— Нѣтъ фельдшерицъ! Нѣтъ!—съ отчаяніемъ воскликнулъ Данилинъ.—Монахиню могу исхлопотать вамъ.

— Есть у насъ одна, но монахини не подготовлены. Трудно съ ними.

— А фельдшерицъ нѣтъ и нѣтъ... Радъ-бы радешенекъ. Какъ нибудь постарайтесь справиться, голубушка.

Изъ женской больнички перешли въ мужскую. Тамъ другая сестра, молоденькая, краснощекая и веселая, смазывала больнымъ рты ляписомъ, приговаривая при этомъ добрымъ голосомъ, отъ котораго больные улыбались.

— Ну, ну, ну... Ничего... До свадьбы заживетъ... Вотъ такъ... кушай на здоровье.

— Здравствуйте, Дмитрій Дмитричъ,—обернулась она къ

Данилину. — Не хотите-ли за одно смажу и вамъ... рука разошлась.

Данилинъ улыбнулся, а сестра весело разсмѣялась и, подавая ему кисть руки, занятой склянкой и кисточкой для смазыванія, кланяясь Останкову, спросила: — А вы не къ намъ-ли, докторъ?

— Нѣтъ, не къ вамъ, — отвѣтилъ за него Данилинъ. — Вамъ и безъ него, повидимому, весело.

— Скучать не время, тосковать не удовольствіе. И безъ меня тутъ горя много,—на этотъ разъ серьезно отвѣтила сестра и продолжала свое дѣло.

Невысокій, истомленный цынготный мужикъ съ какимъ-то умиленнымъ лицомъ, обращаясь то къ Останкову, то къ его спутнику, заговорилъ томящимъ голосомъ, ворочая съ трудомъ въ израненномъ рту языкомъ.

— Ваше благородіе, скоро-ли мнѣ на волю? Скоро-ли мнѣ легче-то, значитъ, будетъ? Нѣтъ ужъ больше моченьки моей... Вотъ ужъ три недѣли тутъ...

— Еще недолго придется пробыть... какъ Богъ дастъ...— только и нашлась отвѣтить сестра.—Поправься сначала.

— То-то вотъ,—съ томительными придыханіями заговорилъ мужикъ. — На ноги бы мнѣ поскорѣе, а то какъ-же мнѣ быть-то! Пахать вѣдь скоро... На землицу бы мнѣ, матушку! Ноги бѣда моя... Ноги бы только подправить... въ нихъ хворь вся. А то, какъ на землицу встану, сразу полегчаетъ, а за сохой пойду, всю хворь выгонитъ. Дай только ты мнѣ такого лѣкарства, чтобы въ ноги пошло. Землица-то она, матушка, совсѣмъ тогда подыметъ. Въ ей главная сила... Добро.

И онъ бодро тряхнулъ головою и улыбнулся наивной и трогательной улыбкой, гордо вѣруя въ могущество и доброту матушки-землицы, которая довела его до настоящаго безпомощнаго положенія и, очевидно, всю жизнь мотала отъ голода къ надеждамъ и отъ надеждъ къ голоду. По крайней мѣрѣ, вся исторія этого суроваго мотанья отражалась въ его сморщенномъ въ кулакъ лицѣ, въ его низенькой, хотя и коренастой отъ природы, фигурѣ, наконецъ, въ его странной по своему происхожденію болѣзни.

— А у тебя лошадь-то есть? — спросилъ его Данилинъ.

— Нѣтъ, лошади-то нѣтъ. О-о-охъ, горе мое! Пала лошадь-то, а другой не досталось. Да я у шабра, чай, выпрошу. Отработаю ему за лошадь-то. А то какъ-же будетъ безъ меня земля-то!

— А ты бы ужъ, коли такъ, въ аренду землю сдалъ,— сказалъ Данилинъ.

Мужикъ такъ испуганно взглянулъ на него при этихъ

словахъ дѣтскими слезящимися глазами, мигавшими изъ-подъ шершавыхъ бровей, что Данилину стало неловко.

— Нѣтъ, ужъ это что-же... — отвѣтилъ онъ упавшимъ голосомъ.—Какъ-же безъ меня земля-то будетъ? Этого намъ никакъ нельзя. Нѣтъ, ужъ вылѣчи ты меня, сдѣлай милость, поскорѣе. Вѣдь пустая хворь-то, бабья хворь... Только бы, значитъ, на ноги, а ужъ землица-матушка подыметъ.

— Ладно, ладно!—успокоила его сестра.—Ты ужъ больно разговорился. Ложись...

— Аблакатъ! — хрипло отозвался его сосѣдъ и сердито повернулся къ нему спиной.

Мужикъ тяжело вздохнулъ и, снова повалившись навзничъ, безпомощно закрылъ глаза.

— Пойдемте! — позвалъ Останкова Дмитрій Дмитричъ, направляясь къ выходу. Останковъ замѣшкался на минуту и, обратясь къ бойкой сестрѣ, которая тоже готовилась проводить гостей, торопливо и неловко сунулъ ей въ руку двадцать пять рублей.

— Вотъ... Пожалуйста... когда этотъ мужикъ выздоровѣетъ, дайте ему эти деньги... на лошадь.

Сестра растерялась, разглядывая бумажку, а Останковъ юркнулъ въ дверь, едва не ударившись о притолоку.

Сестра радостно вернулась къ нарамъ и дернула за руку мужика.

Онъ испуганно открылъ глаза.

— Ну, братъ, аблакатъ, вотъ твоя лошадь!—торжественно заявила она, показывая мужику четвертную.—Молись Богу за доктора. Это тебя не хуже лѣкарствъ подниметъ. Деньги у меня будутъ въ сохранности.

Отъ дурного воздуха, отъ всѣхъ этихъ картинъ у Останкова кружилась голова и стучало сердце. Ему хотѣлось тутъ-же броситься въ снѣгъ, зарыться въ него и такъ лежать долго, пока не выйдутъ, какъ чадъ, изъ головы эти страшныя картины, не умолкнутъ эти стоны и голоса.

Выбѣжавшая вслѣдъ за нимъ изъ больнички сестра въ накинутой на плечи кофточкѣ звонко окрикнула его:

— Докторъ!

Останковъ обернулся и подождалъ ее, хотя ему непріятно было думать, что она станетъ говорить объ этихъ двадцати пяти рубляхъ.

Но сестра даже не намекнула на это, а просто сказала:

— Я хотѣла пройтись съ вами. На живое лицо посмотрѣть. Вы сейчасъ, небось, по избамъ пойдете?

— Да, куда Димитрій Дмитріевичъ.

— А послѣ приходите ко мнѣ чай пить, а я покуда съ своими дѣлами справлюсь.—Она весело сверкнула Останкову карими блестящими глазами и пустилась по снѣгу назадъ.

Останковъ нагналъ Данилина съ сестрой, и они остановились около первой попавшейся избы.

Съ окошками, мѣстами заткнутыми тряпками, сама точно разваливающаяся отъ какой-то ужасной болѣзни, эта изба мало походила на жилье человѣка. Останковъ входилъ въ нее съ содраганіемъ и страхомъ, къ которому примѣшивалось невольное чувство брезгливости.

Въ мрачной нетопленной конурѣ, съ землянымъ поломъ, съ развалившейся печью, на нарахъ валялся какой-то грязный узелъ тряпья. При входѣ гостей, узелъ зашевелился, и изъ него выглянуло сморщенное, какъ печеное яблоко, лицо, совсѣмъ какъ будто безъ глазъ, съ заострившимся, какъ клювъ птицы, носомъ. Изъ этого узла раздавались тихіе стоны и, мало-по-малу, голое тѣло стало выступать изъ тряпья, тѣло съ судоржно сведенными членами, съ деснами, покрытыми кровавыми вздутіями, которыя старуха тотчасъ-же обнажила передъ докторомъ, чтобы такимъ образомъ заявить свое право на больницу.

— Очень сильная форма цынги при сильной анеміи, — опредѣлилъ Останковъ.—Къ тому-же она слѣпая.

Глаза, почти совершенно закрытые и тусклые, какъ два старыхъ гроша, зашевелились.

— Здѣсь много слѣпыхъ... особенно среди татаръ,—говорила сестра.—Трахома, катаракты. Отъ грязи все. А новокрещеные такъ сами выщипываютъ себѣ для красоты брови и даже рѣсницы.

— Это что за новокрещеные?

— А татары, крещенные при Іоаннѣ Грозномъ или при Николаѣ Павловичѣ. Ихъ крестили вмѣсто наказанія... Они по вѣрѣ православные, даже въ церковь русскую ходятъ, а говорятъ досель по-татарски и даже обычаи у нихъ всѣ татарскіе... Только форма, что православные. И священникъ у нихъ татаринъ бывшій.

— Давно ослѣпла?—спросилъ Данилинъ старуху.

— Семь лѣтъ... Семь лѣтъ! — простонала старуха.—Отъ лома... Какъ теперь. Семь лѣтъ... семь лѣтъ...—Сестра объяснила ея жалобы:

— Говоритъ, что семь лѣтъ тому назадъ отъ такой же болѣзни ослѣпла.

— Значитъ, цынга здѣсь уже не первый разъ!—вырвалось у Останкова.

— Э, батюшка мой.. Что тутъ рыться въ прошломъ! Слава Богу, хоть теперь извѣстно стало, да и то не сразу,

не безъ препятствій!..—онъ обернулся къ сестрѣ.—Какъ откроете новую больничку, сейчасъ же перевезите ее туда.

Они пошли по другимъ избамъ, и Останкову, каждый разъ, какъ онъ переступалъ порогъ, представлялось, что онъ падаетъ въ какую-то глубокую яму, гдѣ копошится въ разныхъ видахъ чудовище-голодъ. Онъ чувствовалъ себя разбитымъ, уничтоженнымъ этимъ безобразнымъ чудовищемъ и оскорбленнымъ до того, что ему хотѣлось крикнуть „довольно!“ или просить Данилина не водить больше по этимъ мытарствамъ.

— Непремѣнно, непремѣнно откройте одну или даже двѣ больнички человѣкъ на двадцать...—говорилъ сестрѣ Данилинъ.

— Фельдшерицу намъ дайте! Фельдшерицу!—настаивала сестра.—Вѣдь кромѣ цынги много еще и другихъ болѣзней: дизентерія, болѣзни сердца, болѣзни почекъ. Возможности нѣтъ...

— Нѣтъ, ужъ вы оставьте эти болѣзни. Наше дѣло цынга... Голодныя болѣзни.

— Да если хотите, Дмитрій Дмитричъ, здѣсь всѣ болѣзни голодныя. Пожалуйста, дайте фельдшерицу, если врача невозможно. Сами видите.

— Вижу, вижу, да гдѣ взять-то, родная!—остановившись передъ сестрой, развелъ руками Данилинъ. — Дайте сто, двѣсти, пятьсотъ... всѣмъ мѣсто найдется... Вы поймите, вѣдь у насъ, на весь Милетинскій уѣздъ, на двадцать тысячъ больныхъ отъ голода—всего три врача, шесть студентовъ медиковъ, девять университетскихъ, три фельдшерицы и двадцать одна сестра. А вѣдь голодныхъ ртовъ на нашемъ попеченіи тысячъ сто будетъ. Что тутъ подѣлаешь! Нѣтъ, вы ужъ какъ нибудь терпите и не осложняйте своихъ обязанностей.

Сестра тяжело вздохнула.

По деревнѣ разнесся слухъ о пріѣздѣ начальства, и изъ конуръ своихъ полѣзли несчастные, протягивавшіе къ Останкову и Данилину руки, молившія о помощи.

Голодъ и болѣзнь разлились, какъ вода въ половодье, и люди захлебывались и безпомощно поднимали руки для спасенія.

— Вотъ, откроемъ больницу, тогда возьмемъ,—успокаивалъ Данилинъ, а Останковъ украдкой совалъ деньги то въ тѣ, то въ другія руки, откупаясь, такимъ образомъ, и убѣгая такъ же, какъ его спутникъ, въ концѣ концовъ осторожно замѣтившій Останкову по поводу его щедрости:

— Этого не надо дѣлать, голубчикъ... Всетаки вѣдь это милостыня и дурно на нихъ повліяетъ...

Но тотчасъ-же, самъ понявъ всю несостоятельность этого

замѣчанія, махнулъ рукой и направился искать спасенія къ больницѣ.

Но тамъ, у воротъ, ждала новая картина: стояла лошадь, тощая, съ выдавшимися подъ облѣзлой шкурой ребрами, впряженная въ телѣгу, на которой валялись двѣ фигуры, покрытыя тряпьемъ и казавшіяся одной, съ двумя головами. Ихъ привезъ малайка лѣтъ четырнадцати, который, при появленіи господъ, быстро забормоталъ, вертя въ рукахъ малахай съ рванымъ мѣхомъ и кивая головой въ тюбютейкѣ на телѣгу:

— Бери больныхъ, хазретъ*). Совсѣмъ консялъ базаръ здѣсь будетъ бабай. Совсѣмъ аурта**).

Въ больницу привезъ малайка дѣда съ бабой еще утромъ, и вотъ, съ тѣхъ поръ стоитъ у воротъ и не уходитъ.

— Тебѣ вѣдь сказала я, что мѣстъ нѣтъ!—строго обратилась къ парнишкѣ сестра.

Тотъ испуганно замигалъ глазами и что-то забормоталъ по-татарски.

— Что онъ бормочетъ?—спросилъ Данилинъ.

— Говоритъ, ему некуда ихъ везти. Жили они у шабра въ сосѣдней деревнѣ на квартирѣ, а теперь тотъ ихъ не хочетъ держать. Говоритъ,—умрутъ, пожалуй, ему хоронить ихъ придется... Вотъ онъ и послалъ... мальчишку, наказалъ не возвращаться.

Жалобные, молящіе стоны раздавались изъ телѣги.

— Вези ихъ домой!—строго приказалъ малайкѣ Данилинъ.

— Скажи, завтра или послѣзавтра возьмемъ въ больницу.

И, повернувшись, пошелъ въ цынготную.

Но когда они минутъ черезъ десять снова выходили изъ цынготной, понурая, заиндѣвѣвшая лошадь, съ валявшимися въ телѣгѣ двумя старыми, безпомощными тѣлами и растеряннымъ татарченкомъ безъ шапки все еще стояла у воротъ.

Данилинъ не выдержалъ и обратился къ сестрѣ:

— Ну, что-же съ ними тутъ дѣлать! Не замерзать-же имъ! Возьмите ихъ, положите куда нибудь. А избу снимите сейчасъ-же и откройте новую больничку. Вамъ, небось, ѣсть хочется?—обратился онъ къ Останкову и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:—пойдемте къ сестрамъ. Тамъ закусимъ, выпьемъ чаю и въ путь.

Когда они вышли отъ сестеръ, солнце заходило совсѣмъ какъ будто близко, такъ что красный шаръ его былъ виденъ удивительно ясно въ сѣверной дали, окрашенной розовымъ сіяніемъ, мало-по малу переходившимъ въ фіолетовый тонъ.

---

*) Господинъ.

**) Больной.

Данилинъ рѣшилъ ночевать ужъ въ Санчелѣевѣ и, записавъ на прощанье съ сестрами все, что нужно было прислать имъ, усѣлся въ сани. Лишь только лошади отъѣхали отъ деревни, онъ заговорилъ огорченно:

— Вотъ видите, нѣтъ и нѣтъ людей... На каждые пятьсотъ больныхъ и сто голодающихъ если одинъ человѣкъ придется, надо Бога благодарить.—Останковъ молчалъ, подавленный. Спутникъ его продолжалъ:

— Весь уѣздъ—лазаретъ настоящій... Какое—лазаретъ! Поле кровавое, по которому прошли два врага: цынга и голодъ. Все опустошили, всѣхъ перекалѣчили. И вездѣ—одно и то-же... Въ Ставропольскомъ уѣздѣ почти двѣсти пятьдесятъ тысячъ человѣкъ на 9,700 кв. верстъ. Изъ нихъ процентовъ двадцать только имѣютъ въ настоящее время хлѣбъ насущный, а остальные поумирали бы съ голода, если бы не пришло на помощь земство съ своимъ тридцати-пяти фунтовымъ пайкомъ и общество—съ благотворительными средствами. Но тутъ временною благотворительностью дѣла не поправишь... Не поправишь, голубчикъ!—убѣжденно воскликнулъ онъ, точно Останковъ ему противорѣчилъ.

— А что-же дѣлать? Какъ помочь?

Данилинъ ничего не отвѣтилъ и махнулъ рукой.

Молчаливая, холодная степь лежала со всѣхъ сторонъ, потускнѣвшая и мертвенная, и наводила еще большее уныніе и безнадежность.

Тутъ ямщикъ обернулся и спросилъ:

— Извините, ваше благородіе, а никакого снисхожденія на счетъ пайка намъ не будетъ?

— Какого снисхожденія?—очнувшись, отозвался Данилинъ.

— Да посудите сами. Ржаной хлѣбъ нонче доходитъ до цѣлковаго пудъ. Мы такъ и паекъ получали изъ земства. А если, Богъ дастъ, теперь хорошій урожай будетъ, цѣна копѣекъ до двадцати упадетъ. Разсудите, сколько-же долженъ крестьянинъ хлѣба продать, чтобы ссуду покрыть!

— Въ пять разъ больше, чѣмъ взялъ.

— То-то я и говорю. Такъ не будетъ-ли, молъ, на этотъ счетъ какого ни на есть снисхожденія, а то вѣдь не въ моготу придется. Раззоръ одинъ. Все одно, не соберутъ недоимки.

— А общественныя запашки на что? Земство не глупѣе васъ.

— То-то, что мужики отказываться отъ нея стали. А въ Сенчелѣевской волости такая штука вышла, что богатые мужики предложили себя обчеству какъ бы вродѣ земства.

Мы, бать, на тѣхъ же условіяхъ будемъ хлѣбъ вамъ давать, что и земство.

— Ну?

— Чудно вышло.

— Почему чудно?

Ямщикъ подмигнулъ и засмѣялся дребезжащимъ смѣхомъ:

— А какъ стали ихъ нагрѣвать, хлѣба то у нихъ и не хватило. Отказываться нельзя... Взялся за гужъ, не говори—не дюжъ, поручались. Раззоръ для нихъ большой изъ того вышелъ. Вотъ она, жадность-то къ чему приводитъ!

— Покроютъ.

— Знамо, покроютъ, да только наше хозяйство крестьянское, что зипунъ. Одну дыру сдѣлаешь, весь зипунъ испортишь, потому и дальше пойдетъ отъ этой дыры рвань.

Вечеръ тускнѣлъ и погасалъ. Небо сѣяло сумракъ надъ степью. Звѣзды замигали золотыми рѣсницами. Воздухъ какъ-то сразу потеплѣлъ. Въ степи стало еще тише и, не смотря на темноту, она казалась совсѣмъ безъ конца и края.

Бубенцы пѣли безконечную унылую пѣсню, да лошади похрапывали иногда, какъ заколдованныя, труся по дорогѣ, и Останкову казалось, что они топчутся все на одномъ мѣстѣ и никогда никуда не пріѣдутъ. Ему становилось неловко сидѣть, и ноги его затекали.

Данилинъ тоже ворочался то и дѣло, желая принять поудобнѣе позу.

— Скоро?—обратился онъ къ ямщику.

— Версты двѣ, чай, а то меньше, — отвѣтилъ тотъ.— Эка бѣда-то какая...

— Что еще?

— Да никакъ шлея у коренного оборвалась...

Онъ остановилъ лошадей и слѣзъ бормоча возлѣ нихъ:

— Такъ и есть... Вотъ еще не было, да случилось...

Видно было, какъ въ темнотѣ онъ возился около лошадей, похлопывая ихъ по бокамъ и сокрушенно бормоча что-то себѣ подъ носъ.

— Знаете что, — предложилъ Данилинъ спутнику.—Пойдемте пѣшкомъ до Сенчелѣева... Вонъ огонекъ. Это оно. Разомнемся кстати, а то ноги и тѣло все гудѣть начинаютъ.

Останковъ съ удовольствіемъ принялъ это предложеніе и вылѣзъ изъ саней.

— Вы ужъ простите, ваше благородіе... Вѣдь этакая напасть... Да сейчасъ свяжу,—бормоталъ ямщикъ.

— Ничего... ничего... Поѣзжай за нами тогда. Мы пѣшкомъ пройдемся.

„Ничего, ничего...“ насмѣшливо позвякивали бубенцы.

Путники зашагали по дорогѣ по направленію къ маячившимъ вдали огонькамъ.

Силуэты лошадей съ возившимся около нихъ ямщикомъ закутывались сизымъ мракомъ, и бубенцы звенѣли все сдержаннѣе.

Нѣкоторое время оба шли молча, и Останкову какъ-то странно было сознавать себя здѣсь ночью, въ глухой, печальной степи, за тысячи верстъ отъ близкихъ и знакомыхъ людей, отъ суетливой, городской жизни, въ которой онъ еще кипѣлъ, кажется, вчера.

А теперь вокругъ — люди, измученные голодомъ и цынгой.

— Удивительно, куда судьба забрасываетъ человѣка, — задумчиво замѣтилъ, наконецъ, Данилинъ, повидимому, переживавшій тоже, что и Останковъ — Да... Удивительно... Странная штука жизнь, — продолжалъ онъ думать свою думу.— Я, впрочемъ, куда ни шло. Я солдатъ... казакъ... А вотъ что еще удивительнѣе: здѣсь-же, въ этой степи, недалеко отъ насъ теперь, работаетъ сестра милосердія Дивѣева, еще не такъ давно танцовавшая на придворныхъ балахъ. Кормитъ голодныхъ, возится съ цынготными, копошится въ гніющихъ ртахъ цынготныхъ своими пальцами, привыкшими къ перчаткамъ, пальцами, къ которымъ за честь считали прикасаться губами петербургскіе франты... Да и она-ли одна здѣсь изъ высшаго общества!.. А сестры Корсунцевы, а княгиня Бонне... Онѣ призваны по своему рожденію и воспитанію—рядиться и веселиться, а тутъ пьютъ горькую чашу вмѣстѣ съ этими несчастными.

— Мало все это... Мало... И не то...

— Такъ-то такъ, но, какъ хотите, а это знаменательное явленіе... Я не философъ, родной, но все-же надо надѣяться на лучшее будущее для людей.

Тихія, задумчивыя звѣзды мерцали надъ степью, и мѣсяцъ, похожій на согнутый лукъ, серебрился среди нихъ одиноко и печально.

Звонъ бубенчиковъ совсѣмъ затихъ позади, точно ночь ослабляла его мягкимъ сумракомъ. Но за то впереди слышались чьи-то тихіе голоса. Кто-то шелъ навстрѣчу и разговаривалъ, и въ тишинѣ степной пустынной ночи странно было слышать человѣческіе голоса. Ухо чутко прислушивалось къ нимъ и представляло необыкновенныхъ существъ. Но изъ мрака какъ-то вдругъ выплыли лошади, медленно шагавшія по дорогѣ съ нагруженными возами. Рядомъ шли мужики, разговаривая лѣниво и вяло.

— Здравствуйте, братцы!—обратился къ нимъ Данилинъ.

— Здравствуйте!—отозвались сдержанные голоса, и разговоръ замолкъ.

— Муку везете?

— Муку. Изъ Горбатовки...

— Съ Богомъ...

— А вы голодоморы что-ли? — замѣтивъ свѣтлые пуговицы Останкова, спросилъ одинъ.

— Голодоморы.

— Помогай вамъ Богъ.

Возы, поскрипывая, стали удаляться и такъ же сразу пропали во мракѣ, какъ видѣніе, вмѣстѣ съ голосами.

На смѣну имъ опять послышался звонъ бубенчиковъ... Ближе, ближе... Лошадей все еще трудно было разглядѣть, но, наконецъ, они настигли путниковъ.

— Поѣзжай, братецъ, на взъѣзжую. Мы придемъ,—сказалъ ямщику Данилинъ.

Лошади сразу взяли, и бубенцы залились, какъ сумашедшіе, убѣгая все дальше и дальше.

Путники продолжали свою бесѣду, идя на огонекъ, какъ вдругъ онъ исчезъ. Передъ ними огромнымъ, таинственнымъ призракомъ рисовалась вѣтряная мельница, а за нею вокругъ—мракъи тишина надъ черными избами. Они остановились, не зная куда идти, и направились по деревнѣ наугадъ, надѣясь кого-нибудь спросить, но имъ никто не попадался. Они напрягали зрѣніе, чтобы разглядѣть кругъ на палкѣ — знакъ взъѣзжей, но едва-едва различали самыя избы... Бубенцы прозвенѣли гдѣ-то въ сторонѣ и замолкли. Путники побрели туда, но ничего не нашли. Тогда Останковъ, чувствовавшій сильную усталость, рѣшилъ войти въ первую попавшуюся избу, чтобы попросить тамъ указать взъѣзжую. Нащупавъ дверь, онъ отворилъ ее, и на него сразу пахнуло знакомымъ смраднымъ воздухомъ, дыханіемъ голода.

Но ничего не было видно.

Тогда онъ чиркнулъ спичкой. Вспыхнуло пламя, и Останковъ вздрогнулъ и ахнулъ, пораженный. Ему показалось, что онъ попалъ въ мертвецкую. Изба полна была голыми, совсѣмъ голыми тѣлами, валявшимися въ повалку на нарахъ. Изба была совсѣмъ маленькая, съ покоробленными стѣнами, съ кривымъ потолкомъ, но казалось, что тѣлъ въ ней ужасно много...

И вдругъ, одно изъ тѣлъ приподнялось, костлявое, длинное. Спичка въ рукѣ Останкова погасла въ это время, и онъ бросился вонъ, не притворивъ даже двери. Сердце его колотилось въ груди. Ему казалось, что все это бредъ.

Данилинъ едва могъ добиться отъ него объясненія.

— У, да какой вы нервный, голубчикъ. Дѣло очень простое. Это наша больничка. Ночью стираютъ ихъ лохмотья, а

такъ-какъ одѣть имъ нечего, закрыться тоже нечѣмъ, ихъ и оставляютъ нагими.

Но это объясненіе мало успокоило Останкова и, сидя вскорѣ въ грязной взъѣжей, освѣщенной тусклой, пахнущей сквернымъ керосиномъ лампой, онъ вспоминалъ Смирнова и ему страшно становилось за себя. На войнѣ, среди израненныхъ людей, конечно, онъ не испытывалъ-бы ничего подобнаго. Здѣсь было страшнѣе войны.

Останкову весь этотъ день представлялся безконечно длиннымъ, похожимъ на кошмаръ, который онъ никогда не забудетъ, отъ котораго никогда не освободится.

О снѣ нечего было и думать.

Чтобы какъ нибудь занять себя, онъ хотѣлъ было приняться за письмо къ Ольгѣ, но писать было непріятно. Что тутъ напишешь!

Множество таракановъ бѣгали по стѣнамъ, оклееннымъ прорванной газетной бумагой, и шуршали за лубочными портретами какихъ-то генераловъ съ перекошенными физіономіями, невѣроятно выпученными глазами и мундирами, украшенными такимъ количествомъ орденовъ, какое не могутъ дать всѣ страны свѣта.

Данилинъ мужественно спалъ на лавкѣ, не смотря на клоповъ, которые со всѣхъ сторонъ подбирались къ нему по грязной стѣнѣ.

За стѣною тяжело и глухо храпѣли хозяева и порою раздавался чей-то долгій сонный вздохъ: „охъ Господи-батюшка... Господи...“ невнятное бормотанье и опять тотъ-же храпъ.

По временамъ храпъ какъ-то сразу прекращался, точно всѣ притаились. Тогда опять слышалось шуршанье таракановъ и непонятные, тяжелые звуки ночи. Нервы напрягались. Становилось поневолѣ какъ-то жутко.

Вдругъ, по бумагѣ, приготовленной Останковымъ для письма, что-то стукнуло.

Онъ такъ вздрогнулъ, что даже привскочилъ на мѣстѣ.

На бумагу упалъ съ потолка тараканъ. Ошеломленный паденіемъ, онъ притаился на листкѣ и пугливо, быстро поводилъ усиками, а потомъ проворно юркнулъ подъ самоваръ.

Останковъ посмотрѣлъ на часы. Четыре часа. Скоро разсвѣтъ.

Съ непривычки, отъ запаха овчины, кислаго хлѣба и дыханья спящихъ людей, ему стало душно. Хотѣлось хоть на минуту освѣжиться. Накинувъ на плечи пальто, Останковъ вышелъ на крыльцо. Свѣжій воздухъ хлынулъ ему въ лицо и въ грудь. Передъ разсвѣтомъ ночь была еще темнѣе и молчаливѣе.

Онъ долго стоялъ въ оцѣпенѣніи и глядѣлъ на звѣзды, которыя внимательно и чутко старались разглядѣть что-то на землѣ.

Наконецъ, онъ прозябъ, вернулся въ избу и легъ на скамью, подложивъ подъ голову шинель и накрывшись чапаномъ.

Тараканы продолжали шуршать вокругъ него, но онъ поборолъ къ нимъ отвращеніе и закрылъ глаза.

Передъ нимъ все еще носились цѣликомъ и обрывками картины и лица, которыя онъ видѣлъ въ этотъ день, огромный и сложный, какъ цѣлая новая жизнь.

Его какъ будто сразу перенесли въ новый міръ, на другую планету, гдѣ все было не такъ, какъ онъ привыкъ видѣть: условія жизни и даже самые люди. Но все это было настоящее, а то, что онъ зналъ, видѣлъ и переживалъ раньше, поддѣльное и недоброкачественное, существующее какъ-то случайно и почти преступно.

Но эти мысли и чувства были у Останкова смутны и неопредѣленны, больше похожи на образы, чѣмъ на чувства и мысли, образы, страшные и все еще чужіе ему, съ которыми онъ никакъ не могъ слиться и ощутить одну съ ними душу. Ему было жаль всѣхъ этихъ страдальцевъ, но совсѣмъ не той жалостью, которою жалѣютъ близкаго человѣка и даже просто существо, подобное себѣ.

Передъ нимъ то возникала эта груда голыхъ тѣлъ, освѣщенная на мгновеніе вспыхнувшей спичкой, то глаза матери съ ребенкомъ на рукахъ, то раскрытый, какъ двѣ половинки граната, изъявленный цынгою ротъ.

Наконецъ, на всѣ эти мысли и образы стало спускаться сѣрое облако. Оно ловило и закрывало ихъ, и они напрасно пытались выбиться изъ-подъ него наружу. Скоро облако стало тяжелѣть отъ нихъ, опускаться на глаза Останкова, на все его тѣло, кутая его мягкимъ, проникающимъ до самаго сердца, волокномъ.

Останковъ терялся и растворялся въ немъ и, наконецъ, исчезъ совсѣмъ и ему стало холодно.

Онъ понялъ, что это — не облако, а степь, покрытая снѣгомъ. Она забрала его къ себѣ и теперь уже не отпуститъ.

Но какой онъ маленькій и жалкій въ этой степи!

Онъ идетъ, самъ не зная куда, и остановиться не можетъ. Кто-то преслѣдуетъ его, но кто—нельзя разобрать.

Звѣзды безумно несутся куда-то подъ нимъ, какъ снѣжинки, гонимыя бурей, или искры изъ мчащагося паровоза, несутся и звенятъ, звенятъ, какъ будто это не звѣзды, а несчислимые бубенчики. Этотъ звонъ такъ же преслѣдуетъ его, какъ живые голоса, которые онъ понимаетъ и узнаетъ.

„Зачѣмъ! Здоровенькій...“ слышитъ онъ тихій голосъ и видитъ мать, которая силится костлявой коричневой рукой потрепать по спинѣ ребенка, того самаго, на ручки и ножки котораго не хватило воска. Останковъ видитъ, что это—сама смерть треплетъ ребенка по спинѣ. Да не самъ-ли это онъ? Онъ хочетъ разсмѣяться надъ этой мыслью, но уже чувствуетъ, какъ та-же костлявая рука взяла его и положила въ зыбку, которую качаетъ раздутая цынгою нога.

Все сильнѣе и сильнѣе раскачивается зыбка. Размахи ея становятся необъятны. Со степи она поднимается до самыхъ звѣздъ, шевелящихъ золотыми усиками, какъ тараканы. Дыханіе захватываетъ отъ этой качки... Зыбку кто-то хочетъ поймать и остановить... Онъ видитъ знакомую фигуру, протягивающую руки. Фигура, то выростая, поднимается вмѣстѣ съ зыбкой, то опускается, но не можетъ поймать ея, и голосъ Ольги безпомощно говоритъ.

„О дѣткахъ-то, о дѣткахъ позаботься“...

„Позаботься, позаботься, позаботься!..“ безъ конца повторяютъ звѣзды, подплясывая въ вышинѣ, а изъ желтыхъ воронкообразныхъ вымоинъ въ снѣгу, на этотъ звонъ выходятъ бѣлые опухшіе люди, которые вытягиваются въ длину и протягиваютъ свои костлявыя руки къ Останкову.

Останковъ хотѣлъ закричать, убѣжать отъ нихъ... Сдѣлалъ усиліе и проснулся.

Чадила лампа, въ которой уже выгорѣлъ керосинъ. Тараканы шуршали за ободранными обоями и портретами генераловъ. За стѣной тяжело и глухо храпѣли хозяева, и чье-то невнятное сонное бормотанье и вздохи пугали тишину.

— Охъ, батюшки, Господи, батюшка мой...

Нелѣпый сонъ какъ-то удивительно шелъ къ этой обстановкѣ, точно онъ жилъ здѣсь вмѣстѣ съ этими тараканами и генералами, вздохами и соннымъ бормотаньемъ.

Останковъ ничего не могъ вспомнить изъ этого сна, но у него осталось только впечатлѣніе одиночества и того, что онъ чувствуетъ себя ужасно маленькимъ и жалкимъ.

То, что Останковъ видѣлъ на своемъ пути на слѣдующій день, мало чѣмъ отличалось отъ всего, видѣннаго имъ наканунѣ. Вся разница заключалась только въ размѣрахъ и частностяхъ, да кое-какихъ мѣстныхъ условіяхъ деревенской жизни, съ которыми онъ жадно знакомился. Но чѣмъ больше онъ узнавалъ разныя новости, касающіяся деревни, тѣмъ больше за ними скрывалось мелочей и нитей, а въ нихъ то, повидимому, была вся суть. Не смотря на всю свою кажущуюся простоту, деревенская жизнь была соткана изъ тысячи паутинокъ и каждая паутинка имѣла чуть ли не ро-

ковое значеніе для крестьянъ. Оборвись одна, и все начинало рваться. Недаромъ ямщикъ сравнивалъ деревенское благополучіе съ зипуномъ, въ которомъ достаточно одной прорѣхи, чтобы онъ расползся весь.

Чѣмъ дальше, тѣмъ мучительнѣе становилось его недоумѣніе...

Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Ольгѣ, Останковъ, между прочимъ, писалъ:

„Помнишь, какъ мы съ тобою слушали на обрывѣ шумъ города и шумъ моря. Теперь это воспоминаніе все чаще и чаще возникаетъ у меня въ памяти. Вѣроятно, тому есть причины, въ которыхъ пока трудно еще разобраться мнѣ. Одно несомнѣнно: народная жизнь такъ же непонятна мнѣ—да и мнѣ-ли одному!—какъ тогда — шумъ стихіи, и я поневолѣ задаю себѣ вопросъ: да ужъ не стихія-ли и эта жизнь; стихія, которая носитъ на себѣ всю нашу культуру, наши корабли, нагруженные часто Богъ знаетъ чѣмъ!“

Эти строки вырвались у него въ состояніи раздраженія, овладѣвшаго имъ, наконецъ, при видѣ безпомощности окружающаго его страданья. Онъ отказывался понять, какъ разумные люди могутъ выносить эти страданія и во имя чего?

III.

Языковская волость, гдѣ работалъ умершій отъ тифа Рылѣевъ, заключала въ себѣ всего двадцать семь деревень. Тутъ были и русскіе, и татары, и мордва, и чуваши. На четырнадцать тысячъ народа цынготныхъ числилось болѣе трехъ тысячъ. Больничекъ было всего пять, столовыхъ—восемьдесятъ одна, а ѣдоковъ—болѣе пяти тысячъ.

Все эти свѣдѣнія Останковъ получилъ при отъѣздѣ отъ Данилина, который расцѣловалъ и даже благословилъ его на прощанье, напутствуя отеческими наставленіями:

— Берегите себя, голубчикъ. Ради Бога, берегите. Помните Рылѣева, да и за сестрами слѣдите, чтобы не лѣзли на рожонъ и были осторожнѣе. Если найдете нужнымъ открыть больничку, или тамъ столовую,—дѣйствуйте; конечно, соображайтесь только съ обстоятельствами, и все такое... Ну, храни васъ Богъ... Не забудьте передать Курган...

Бубенцы задрожали, сливъ со своимъ звономъ послѣдній звукъ, и кибитка покатилась, ныряя по ухабамъ.

Съ нимъ ѣхала еще монахиня изъ мѣстнаго монастыря, которую надо было по пути завести въ Самаровку, верстъ за тридцать отъ Милетинска.

Монахиня все время какъ-то жалась въ уголокъ, не вы-

пуская изъ рукъ небольшого узелка, мѣшавшаго и ей, и Останкову.

— Да вы отдайте его ямщику въ ноги,—посовѣтовалъ ей Останковъ.

— Какъ можно! Спаси Богъ!—испугалась та.—Упадетъ... пропадетъ. Охъ, Матушка-Владычица...

Она крестилась на каждомъ ухабѣ и все чего-то боялась, качала головой и вздыхала.

— Васъ монастырь посылаетъ?—освѣдомился Останковъ.

— Да, матушка-игуменья. Развѣ поѣдешь своей охотой.. Охъ, охъ... Грѣхъ! Говорятъ, тамъ все больше татары басурманской вѣры и даже язычники, идоламъ поклоняющіе.

— Что-жъ изъ того! Надо помочь народу въ бѣдѣ. Ѣсть одинаково хочется и татарамъ, и русскимъ.

— Не привычны мы къ этому!

— Къ чему?

— Да вотъ къ этому дѣлу-то. Чтобы кормить, или тамъ за больными ходить. Наше дѣло тихое, молитвенное, спасительное.

— Это тоже спасительное. Порадѣть надо. Вамъ зачтется...

— Подлинно. *Тамъ* все зачтется... И пятнадцать рублей тоже, конечно, деньги. Жертвы нынче скудныя. Ежели по сбору идти, пожалуй, и не соберешь въ мѣсяцъ.

— Какіе пятнадцать рублей?

— Да вотъ, что нашему монастырю начальство ваше ежемѣсячно платитъ за каждую монахиню. Пять сестеръ—восемьдесятъ рублей. Иконостасъ позолотить можно.

Останковъ согласился съ этимъ и затѣмъ всю дорогу не проронилъ съ ней почти ни слова, чтобы не безпокоить ее, такъ какъ на каждый вопросъ она отвѣчала съ какимъ-то испугомъ.

При первой остановкѣ, когда перепрягали лошадей, она едва не умерла отъ испуга: узелокъ ея, на минуту оставленный въ взъѣзжей, вдругъ исчезъ.

— Охъ, похитили! Охъ, тати похитили!—стонала и металась она во всѣ стороны.

— Да найдется, — успокоивалъ ее Останковъ. — Кому взять...

— Какъ кому! Народъ голодный. Похитить—за грѣхъ не сочтетъ. Ищи съ него.

— Да что у васъ тамъ такое?

— Да разное тамъ... — уклонилась она отъ отвѣта.—Охъ, горе мое, горе!

Узелокъ, однако, тотчасъ-же нашли. Его перенесли въ кибитку вмѣстѣ съ вещами Останкова, но и найдя его, она

долго не могла успокоиться, отошла въ уголъ, закрылась своимъ чернымъ платьемъ и долго рылась въ узелкѣ, вздыхая и творя молитву и то и дѣло обводя пальцемъ свои распускавшіеся, какъ на сборочкахъ, губы.

Дальше Останковъ ѣхалъ одинъ, всецѣло отдавшись своимъ думамъ.

Ему все хотѣлось сосредоточиться на ожидающей его дѣятельности, но въ голову лѣзли постороннія мысли, воспоминанія, обрывки впечатлѣній, совсѣмъ не идущихъ къ дѣлу. Только звонъ бубенчиковъ настойчиво говорилъ объ одномъ и томъ же и, въ концѣ концовъ, подчинилъ его своему внушенію.

Сознаніе, что онъ ѣдетъ на мѣсто товарища, погибшаго отъ тифа, уже одно, помимо всего прочаго, было достаточно серьезно, чтобы заставить задуматься. Но Останковъ съ гордостью чувствовалъ, что у него нѣтъ никакого страха при этомъ. Опасность придавала еще больше значенія ожидающимъ его обязанностямъ и поднимала въ Останковѣ молодую энергію. Онъ и самъ достаточно видѣлъ въ пути, какъ работали люди въ его положеніи, сколько подвижничества нерѣдко сказывалось въ ихъ тяжеломъ, мучительномъ трудѣ, и самъ онъ готовъ былъ работать не меньше ихъ, не останавливаясь ни передъ какими жертвами съ своей стороны, хотя бы вопросъ шелъ о жизни.

Онъ почему-то, впрочемъ, увѣренъ былъ, что не погибнетъ, какъ погибъ его предшественникъ, и, тѣмъ не менѣе, рисовалъ себѣ въ этомъ родѣ картины одна другой печальнѣе. Онъ уже почти видѣлъ себя умирающимъ отъ тифа и воображалъ, какъ будетъ поражена Ольга, узнавъ только изъ напечатанныхъ въ газетѣ телеграммъ о его смерти. Но еще болѣе будетъ пораженъ Кургановъ, которому придется покраснѣть за свое обидное отношеніе къ нему.

„Пойметъ тогда, что такое Останковъ!“ съ горечью и торжествомъ твердилъ онъ самъ себѣ. Кургановъ все чаще и чаще вспоминался ему, и это еще болѣе подливало масла въ огонь. Какую бы силу и дѣятельность ни проявлялъ въ своемъ участкѣ Кургановъ, Останковъ рѣшилъ заранѣе не только не уступать, а превзойти его. Никогда еще онъ не ощущалъ такъ много силъ въ себѣ и такого искренняго и жаднаго желанія работать. Ему, какъ новичку, дали покуда всего одну волость съ двадцатью семью деревнями, между тѣмъ, какъ у другихъ было даже по семидесяти деревень, а у Курганова — тридцать, но онъ рѣшилъ самъ на свои средства открыть столовыя или больничку тамъ, гдѣ Красный Крестъ могъ почему бы то ни было отказать.

У него уже не было сомнѣній, бывшихъ еще наканунѣ,

касательно того, выдержитъ ли онъ все, что его ожидаетъ. И не потому не было ихъ, что первая жгучая острота впечатлѣній пережита, а потому, что состраданіе пересиливало слабость и ему хотѣлось искренно помочь, насколько хватитъ силъ.

А лошади все везли, да везли его впередъ, минуя все такія же несчастныя деревни, какихъ онъ уже видѣлъ достаточно. Рѣдко, рѣдко онъ видѣлъ около этихъ деревень помѣщичью усадьбу. Чаще всего встрѣчались державшіяся, какъ-то особнякомъ, „экономіи" съ казарменными постройками, окрашенныя въ одинъ и тотъ же цвѣтъ — краснобурый, клопиный, и деревни около этихъ экономій имѣли особенно жалкій видъ: точно экономіи высосали изъ нихъ всю кровь и соки и отползли въ сторону.

Кое-гдѣ въ деревняхъ трепыхались на избахъ флаги Краснаго Креста или кружковые, и въ этомъ печальномъ снѣжномъ океанѣ, гдѣ люди задыхались отъ голода, флаги эти были чѣмъ-то вродѣ знаковъ спасательныхъ маяковъ. Этимъ чернымъ, похожимъ на гробы избамъ, не было никакого дѣла ни до какихъ вопросовъ, кромѣ вопроса о хлѣбѣ насущномъ, и каждый разъ, при видѣ ихъ, Останковъ забывалъ о томъ, что кому-то что-то докажетъ и только болѣлъ душою за людей, осужденныхъ на такую долю.

— Филипповка!—возвѣстилъ ямщикъ, указывая на чернѣвшія впереди избы:—здѣсь лошадей покормить надо, да и самимъ перекусить.

Это уже былъ участокъ Курганова.

Данилинъ называлъ Филипповку деревенской академіей, такъ какъ тутъ обучались у Курганова уходу за цынготными семь крестьянскихъ дѣвушекъ, выбранныхъ крестьянами по предложенію Курганова изъ самыхъ способныхъ въ волости. Здѣсь же была открыта первая больничка Краснаго Креста.

Одна изъ этихъ дѣвушекъ уже была переведена въ сосѣднюю деревню въ помощницы сестрѣ милосердія, а двѣ и теперь работали въ Филипповкѣ.

Сестра встрѣтила въ Филипповкѣ Останкова привѣтливо и угостила его щами изъ консервовъ, пахнувшими плѣсенью, и чаемъ съ хлѣбомъ.

Она не могла нахвалиться своими помощницами:

— И вѣдь такъ скоро Илья Матвѣичъ образовалъ ихъ. Замѣчательно, какія оказались понятливыя и усердныя! Да вотъ вы сейчасъ одну изъ нихъ увидите въ больницѣ, Дуняшей ее зовутъ.

Правда, высокая, стройная, съ умнымъ, спокойнымъ лицомъ и неторопливыми, дѣловитыми движеніями, дѣвушка производила необыкновенно симпатичное впечатлѣніе.

— Какъ вы себя чувствуете на новомъ мѣстѣ?—спросилъ ее Останковъ.

— Хорошо,—отвѣтила она.—Какъ могу, помогаю сестрамъ. Думаю и сама приписаться къ общинѣ, если примутъ.

— Что такъ?

— Дѣло святое, да и сирота я. Никого нѣтъ у меня.

— Но вѣдь это почти то же, что монашество. Вы должны отречься отъ личнаго счастья.

— Какое у насъ счастье! Да и не надо мнѣ мірского счастья. Суета одна. Христосъ сказалъ: „Нѣтъ выше счастья, какъ отдать жизнь свою за други своя“.

Голосъ ея звучалъ такъ трогательно, искренно и просто, что Останковъ съ чувствомъ глубокаго уваженія взглянулъ въ открытое и ясное лицо этой дѣвушки, мѣрными и твердыми шагами шедшей рядомъ съ сестрой милосердія.

И у ней и у этой сестры, обутой въ высокіе мужицкіе сапоги, было что-то общее въ лицахъ, съ тою только разницею, что сестра давно уже стояла у тихой пристани, хотя была еще очень молода.

— Я съ отрочества посвятила себя общинѣ,—говорила сестра.—Вотъ вы говорите о личномъ счастьи... А развѣ можетъ быть счастливъ человѣкъ, когда вокругъ него—горе и страданіе! Звѣремъ быть надо.

— Но все же, я думаю, тяжело обрекать себя на зрѣлище постоянныхъ человѣческихъ страданій?

— Тяжело,—согласилась она съ глубокимъ вздохомъ.—Но только... не могу я это выразить вамъ, какъ надо... а только свѣтло и мирно становится на душѣ отъ этой тяготы... Радостно сознавать, что дѣлаешь доброе дѣло... Только молишь Господа, чтобы силъ далъ.

Останковъ понялъ, почему большинство сестеръ, которыхъ онъ встрѣчалъ на пути по голодающимъ деревнямъ, были бодры и ясны духомъ.

Они вошли въ больницу, и сестра показала ему мужика, неподвижно лежавшаго на спинѣ и тяжело дышавшаго.

— Его привезли сюда почти мертвецомъ. Распухъ такъ, что похожъ былъ на утопленника, а теперь выздоравливаетъ. Развѣ это не отрада! Какъ ты себя чувствуешь?—обратилась сестра къ больному.

— Спасибо. Отдышался теперь...

— Спасибо! Спасибо! — раздалось со всѣхъ сторонъ изъ устъ больныхъ.

— Дай Богъ тебѣ чинъ большой! — крикнулъ сестрѣ одинъ изъ больныхъ.

— Умирали бы безъ васъ совсѣмъ!—подхватилъ другой.

—Ѣсть нечего. Злой годъ для насъ!—подтвердилъ третій.—Спасибо, лѣчишь, кормишь насъ!

— Больно хороша сестра.

— Больно добра! Бога за нее будемъ молить! Вѣчно будемъ помнить.

— Вѣчный память тебѣ, сестричка!—подхватилъ какой-то не въ мѣру растроганный чувашинъ.—Для Богъ добрый дѣла! Вѣчная память!

Даже больные не выдержали и разсмѣялись.

— Ну, мнѣ еще рано вѣчную память-то говорить!—весело улыбаясь, отвѣтила сестра.

— Чувашинъ онъ. Не понимаетъ, что говоритъ,—оправдывали оплошавшаго сосѣди и тотчасъ объяснили ему ошибку.

— А что чуваши православные?—спросилъ Останковъ сестру по дорогѣ въ женскую больничку.

— Больше по названію православные, а то—язычники. Въ каждой почти избѣ у нихъ — идолы, которыхъ они показываютъ, когда почувствуютъ къ вамъ довѣріе. У нихъ неподалеку здѣсь даже роща была священная, гдѣ они приносили свои жертвы. Какого только народа здѣсь нѣтъ. Ну, да Богъ-то у всѣхъ одинъ!—замѣтила она.—У насъ тутъ всѣ другъ съ другомъ бокъ-о-бокъ уживаются. Да что! Часто въ одной и той-же семьѣ всѣ по разной вѣрѣ, и это нисколько дружной жизни не мѣшаетъ.

Въ женской цынготной больничкѣ сестеръ и Останкова встрѣтили, кажется, еще привѣтливѣе, хотя было нѣсколько ужасныхъ формъ цынги.

Молодая женщина, съ глазами, буквально налитыми кровью, такъ что вмѣстѣ съ бѣлками они производили впечатлѣніе огромныхъ кровавыхъ рубиновъ, въ углу наръ прижимала къ груди ребенка съ безкровнымъ лицомъ и что-то тихо и ласково ему шептала.

Сестра заговорила съ ней, и та отвѣчала такимъ-же шопотомъ.

Останковъ посмотрѣлъ ея ротъ и покачалъ головой: помимо цынги у ней была ужасная, разрушительная болѣзнь.

— И она кормитъ ребенка?!—вырвалось у Останкова.

— Все равно, онъ зараженъ наслѣдственно, докторъ.

Эта печальная группа: мать, съ большими, красными глазами и тонкими чертами худого лица, кормящая младенца, отравленнымъ молокомъ, производила тяжелое впечатлѣніе. Оба были заживо осуждены на гибель, на гніеніе, такъ какъ о правильномъ лѣченіи не могло быть и рѣчи. Приходилось только заботиться о томъ, чтобы вылѣчить ее отъ цынги и оградить другихъ отъ зараженія.

Но, не смотря на всѣ ужасы цынги, на всю смрадность, неизбѣжную въ цынготной, на всю нищету больныхъ,—здѣсь почему-то чувствовалось легче, чѣмъ во многихъ другихъ больничкахъ: очевидно, филипповскія сестры умѣли внести въ настроеніе больныхъ нѣкоторую бодрость и ясность своимъ внимательнымъ и любовнымъ отношеніемъ къ нимъ.

Останковъ не удержался, чтобы не высказать этого впечатлѣнія. Сестра улыбнулась и покраснѣла.

— Унывать-то некогда, да у насъ и Илья Матвѣевичъ такой ужъ.

— Какой?

— Бодрый! Всегда съ нами и съ больными веселъ... шутитъ... А каковъ попъ, таковъ и приходъ. Его ужасъ какъ всѣ любятъ!

Останковъ былъ нѣсколько изумленъ этимъ извѣстіемъ о Кургановѣ. „Веселъ... шутитъ“. Онъ сталъ разспрашивать, много-ли работаетъ Кургановъ? Какъ справляется? Давно-ли былъ здѣсь?

— У насъ-то онъ теперь рѣдко бываетъ,—отвѣтила сестра,—потому что живетъ всего въ пятнадцати верстахъ отсюда, въ Качаловкѣ. Ежели что надо, всегда можно найти, а работать, какъ не работаетъ! Всѣ много работаютъ, а онъ, чай, больше всѣхъ, особливо теперь, послѣ смерти Рылѣева.

Останкова тянуло поскорѣе свидѣться съ Кургановымъ, и онъ отправился въ Качаловку, которая была ему по пути, но, не доѣзжая до Качаловки верстъ пять, встрѣтилъ товарища на дорогѣ.

Кургановъ ѣхалъ верхомъ, въ коротенькомъ тулупчикѣ, въ высокихъ сапогахъ, первый увидѣлъ Останкова и закричалъ ямщику:

— Стой!

Ямщикъ сдержалъ лошадей.

— Останковъ! Вотъ, признаться, не ожидалъ такъ скоро увидѣть. Ну, здравствуй, здравствуй... Да не вылѣзай изъ кибитки. Мы послѣ пожмемъ другъ другу руки,—говорилъ онъ съ насмѣшливой улыбкой.—Ты ко мнѣ?

— То-есть, собственно, не къ тебѣ. Я ѣду на мѣсто Рылѣева,—поспѣшилъ заявить Останковъ.—Но хотѣлъ заѣхать къ тебѣ. Мнѣ къ тому-же необходимо передать тебѣ ящикъ медикаментовъ и принять отъ тебя участокъ.

— Да? Отлично! Отлично! Ловко тебя назначили. Сразу на боевой пунктъ.

— Меня не назначили. Я самъ попросился сюда,—не выдержалъ онъ, чтобы не сказать и это.

— О-о!—иронически подхватилъ Кургановъ.—Ну, что-жъ, отлично! Отлично... Тификъ порядочный. Я только нынче

оттуда. Одинъ паціентъ Рылѣева послѣдовалъ за нимъ, такъ я ему паспортъ, на тотъ свѣтъ выдалъ. Теперь твой чередъ... То-есть, не на тотъ свѣтъ отправляться, а возиться съ ними.

Останкову не понравился Кургановскій тонъ и его многословіе. Навѣрное, ни съ кѣмъ другимъ онъ не говорилъ такимъ образомъ. И послѣдняя шутка его показалась Останкову плоской и неестественной.

— Что-же, мы ѣдемъ?—сухо предложилъ ему Останковъ

— Айда! Я было Филипповку хотѣлъ провѣдать, да не уйдетъ. Пошелъ!—приказалъ онъ ямщику и снова обратился къ Останкову.—Ты какъ будто генералъ, а я вродѣ твоего адъютанта. Совѣтую и тебѣ впослѣдствіи воспользоваться этимъ способомъ передвиженія. Я совсѣмъ кавалеристомъ сдѣлался.

Онъ щелкнулъ языкомъ и тронулъ лошадь.

Черезъ нѣсколько минутъ они сидѣли въ простой деревенской избѣ, заставленной склянками и бутылями лѣкарствъ, коробками и разными ящиками. Тутъ, присматриваясь къ лицу Курганова, Останковъ замѣтилъ, какъ тотъ похудѣлъ и обросъ бородою, а въ его небольшихъ, пронзительныхъ глазахъ мелькалъ тревожный огонекъ, плохо вязавшійся съ насмѣшливою рѣчью и улыбкой.

— Будемъ чай пить?—предложилъ онъ Останкову.

— Пожалуй.

— Съ коньякомъ. Говорятъ, это противъ тифозной заразы хорошо. Есть и лимоны. Изъ Одессы ящиковъ сто прислали для цынготныхъ... Хлѣбъ... Ну, а ужъ больше, извини, никакихъ деликатессовъ нѣтъ... А это что у тебя?—неожиданно кивнулъ онъ головой на небольшой ящичекъ, который Останковъ внесъ съ собою.—Не фотографія-ли?

— Нѣтъ, не фотографія. Хирургическіе инструменты. Захватилъ на всякій случай.

— Жаль, что не фотографія. Здѣсь такія картины попадаются... Совсѣмъ изъ Дантовскаго „Ада“. У насъ тутъ одинъ все время фотографіи снимаетъ!—потирая руки, какъ-то на ходу отхлебывая чай и быстро взглядывая на Останкова, говорилъ Кургановъ.

Останковъ ничего не отвѣтилъ, и Кургановъ вдругъ поднялся на цыпочки передъ нимъ и съ кривою усмѣшкою прибавилъ, уставясь на него:

— Будетъ потомъ этими фотографіями высшій свѣтъ пугать.

— Я тоже жалѣю, что не захватилъ аппаратъ,—холодно отвѣтилъ Останковъ на его вызывающія насмѣшки.—Не затѣмъ, чтобы картины Дантовскаго Ада снимать, а...

— Для науки,—докончилъ за него Кургановъ.—Да, тутъ

экземпляры любопытные попадаются. Иной ученый за нихъ свой парикъ бы отдалъ. Такую клинику можно составить, что пальчики оближешь.

Кургановъ точно спѣшилъ излить передъ Останковымъ накипѣвшее въ немъ раздраженіе, и въ тонѣ его слышалась горечь и оттого онъ искалъ, къ чему бы еще привязаться.

„Хорошо веселъ". Вспомнилъ Останковъ, но у него самого не было противъ товарища ни злобы, ни иного дурного чувства. Наоборотъ, ему хотѣлось поговорить по душѣ. Только самолюбіе и гордость удерживали его отъ теплаго порыва, который Кургановъ могъ встрѣтить насмѣшкой. Да и время для этого еще не настало, но онъ вѣрилъ, что заставитъ, въ концѣ концовъ, Курганова самого пойти навстрѣчу этому чувству.

Чтобы повернуть бесѣду въ другую сторону, онъ спросилъ Курганова:

— Много тифозныхъ въ моемъ участкѣ?

— Двѣнадцать человѣкъ.

— А въ твоемъ тоже есть сыпной тифъ?

— Нѣтъ, сыпной не пожаловалъ. Брюшной всегда имѣется. У насъ тутъ рѣченка вытекаетъ изъ болота, такъ изъ нея брали воду для питья. И лихорадка болотная тоже въ ходу по этой причинѣ. Теперь немножко уменьшается... А, да ерунда все это!—повысивъ голосъ, сердито воскликнулъ Кургановъ.— Комедія одна! Тоже воображаютъ люди, что какое-то дѣло дѣлаютъ... Лѣчутъ отъ тифа, а болото все стоитъ. И куда ни повернись, во всемъ такъ. Герои! Кому нужно это геройство! Броситься съ колокольни—тоже геройство!? Бабья черта. Тѣхъ хлѣбомъ не корми, только героиней позволь быть. Воображаютъ, что все дѣло въ томъ, чтобы идти туда, гдѣ опасности больше, а не работы.

— Если ты это по моему адресу, такъ напрасно,—спокойно замѣтилъ Останковъ.—Я не боюсь работы.

Кургановъ почувствовалъ, что хватилъ черезъ край, закусилъ губы и сощурилъ глаза, глядя въ одну точку. Но, вмѣсто того, чтобы оправдываться или смягчить тонъ, помолчавъ немного, продолжалъ:

— Какой смыслъ во всемъ этомъ! Развѣ отсюда надо начинать? Пришли чужіе люди, налетѣли съ вѣтромъ и чуть-ли не считаютъ себя благодѣтелями... Такъ же, какъ и общество, откупающееся подачками отъ своей совѣсти. Столѣтніе дубы падаютъ, потому что черви грызутъ ихъ корни, а они думаютъ, что все дѣло въ томъ, что дождичка нѣтъ и что если побрызгать на нихъ нѣсколько минутъ водою, они опять расцвѣтутъ...

Онъ зло усмѣхнулся и потомъ, стиснувъ злобно кулаки,

закачалъ головой точно отъ зубной боли и съ несдержаннымъ негодованіемъ воскликнулъ, грозя кому-то:

— Ну, хорошо!.. Подождите... Вспомните вы все и очнетесь, да будетъ поздно. Лицемѣріе, умывающее руки! Слѣпота, не видящая своей гибели! Кого они обманутъ этой комедіей насыщенія пятью хлѣбами?! Народъ? Какъ-бы не такъ!

— Но безъ этого было бы еще хуже,—возразилъ Останковъ.

— А, что тамъ хуже! Какъ это измѣришь—хуже,—лучше!.. Вотъ на дняхъ у меня былъ случай. У одной бабы дѣти скарлатиной заболѣли: двое. Третій здоровъ. Я ей говорю, чтобъ она его въ отдѣльности держала, иначе заразиться можетъ. Прихожу на другой день и вижу: онъ на печкѣ рядомъ съ больными лежитъ. Она его нарочно положила: „Лучше,—говоритъ,—пусть и его Богъ возьметъ, чѣмъ всю жизнь глядѣть на него, какъ онъ, вотъ, подобно тѣмъ, мается“... Погибаетъ деревня! Деревня! Интересно, что будутъ безъ нея дѣлать тамъ?!

Онъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ рукою и, тряхнувъ головой, оборвалъ самого себя:

— Ну, да оставимъ эти іереміады! Ты получилъ всѣ необходимыя инструкціи? Знаешь, какъ и что надо?

— Да, приблизительно знаю.

— Если встрѣтятся какія-нибудь затрудненія, я къ твоимъ услугамъ... Впрочемъ, въ твоемъ участкѣ земскій славный малый... Не то, что у меня. А теперь, если хочешь, я сейчасъ-же вручу тебѣ всѣ бумаги и обстоятельно познакомлю съ положеніемъ дѣла.

— Пожалуйста.

Однако Кургановъ прошелся еще раза два по комнатѣ, и, когда къ нему вернулось обычное его спокойствіе и ироническая улыбка, онъ занялся съ Останковымъ дѣломъ и вручилъ ему необходимыя бумаги.

— Машина не хитрая, какъ видишь. Знай разъѣзжай себѣ изъ деревни въ деревню. Веселое занятіе! Ну, а теперь мнѣ пора. Извини, что не церемонюсь.

— Полно тебѣ!

— Вмѣсто Филипповки поѣду въ Чубаевку къ Чулкову муку покупать, ты, братъ, съ этими господами держи ухо востро: такъ и норовятъ объжулить.

Останковъ сталъ собираться уѣзжать. Но ему все еще казалось, что между ними осталось что-то недоговоренное, и жаль было, что первая встрѣча вдали вышла такой натянутой.

На порогѣ Кургановъ остановился въ нерѣшительности, какъ будто вспоминая что-то...

— О чемъ это я хотѣлъ тебя спросить? — задалъ онъ самъ себѣ вопросъ, не рѣшаясь взглянуть прямо въ глаза товарищу.

Тотъ понялъ его сразу и сказалъ, какъ-бы спохватившись:

— Ахъ, да! Прости... Я забылъ передать тебѣ поклонъ отъ Ольги Васильевны.

Кургановъ поднялъ губы, криво ухмыльнулся и, покраснѣвъ, какъ отъ подачки, съ дѣланною небрежностью отвѣтилъ, глядя на этотъ разъ прямо ему въ глаза:

— Ну, положимъ, это ты выдумалъ сію минуту и не весьма удачно.

— Почему ты думаешь?—покраснѣвъ въ свою очередь, спросилъ Останковъ.

— Она съ тобой не станетъ посылать мнѣ поклонъ,— отчеканилъ Кургановъ и, не давъ опомниться товарищу отъ этого неожиданнаго отвѣта, добавилъ:

— А не собирается-ли она пріѣхать сюда?

— Нѣтъ. У нея отецъ боленъ.

— Жаль. Ей эта ванна была бы полезна.

Останковъ вспыхнулъ, но не нашелся что ему отвѣтить, и оба вышли на улицу.

Лошади Останкова уже стояли у крыльца, позвякивая бубенчиками. Вечерѣло. На деревнѣ было тихо и только нѣсколько мальчишекъ, одѣтыхъ кто во что, дѣлали изъ снѣга бабу, да гдѣ-то былъ слышенъ стукъ топора. Въ небѣ, синева котораго уже смутно свѣтилась обѣщаніемъ скорой весны, замерли, отдѣлившись другъ отъ друга, облака, точно поссорившіяся дѣти. Солнце было янтарнаго цвѣта на западѣ, точно восковое, и снѣгъ отъ него сталъ палевымъ и мягкимъ.

Кургановъ пожалъ довольно холодно руку Останкову, прибавивъ на прощанье:

— Ну, будь здоровъ. Намъ въ разныя стороны.

И, вспрыгнувъ въ сѣдло, тронулъ ногами лошадь и повернулъ ее вправо.

А. М. Өедоровъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Очерки по исторіи цензуры.

(Комитетъ 2 апрѣля 1848 г. и его предтеча).

VII.

Дѣятельность комитета 2 апрѣля въ 1848 г. выразилась прежде всего въ выговорѣ цензору, пропустившему статью С. М. Соловьева о смутномъ времени въ первомъ номерѣ „Современника". По предложенію Бутурлина, графъ Уваровъ предписывалъ председателю петербургскаго цензурнаго комитета:

„Не входя въ критическій разборъ самой статьи и не встрѣчая въ ней ничего предосудительнаго по духу ея изложенія, нельзя, однако, не остановиться на слѣдующихъ помѣщенныхъ въ ней цитатахъ.

„Мы видѣли, какой былъ характеръ возстанія сѣверной страны и кто стоялъ подъ знаменами Болотникова; пришедши подъ Москву, Болотниковъ тотчасъ объявилъ цѣль и характеръ своего возстанія; въ столицѣ явились отъ него листы съ воззваніями къ самому низшему слою народонаселенія: „*И велятъ*,—пишетъ московское духовенство къ областному,—*боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ и жены ихъ, и вотчины и помѣстья ихъ сулятъ; и шпынямъ и безыменнымъ ворамъ велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити; и призываютъ ихъ, воровъ, къ себѣ и хотятъ имъ давать боярство и воеводство, и окольничество, и дьячество*". Далѣе: „Послѣ этого успѣха самозванецъ и Лисовскій пошли далѣе, приближаясь къ столицѣ, и вездѣ находили союзниковъ: они находили ихъ въ черни, *объявивъ крестьянамъ, что они вольны захватывать земли господъ своихъ, служившихъ Шуйскому, вольны даже жениться на дочеряхъ господскихъ*". Подобныя подробности, составляя достояніе исторіи, могутъ, конечно, въ такомъ смыслѣ входить въ составъ спеціальныхъ трудовъ по сей части, имѣющихъ свой особый кругъ читателей, но помѣщеніе ихъ въ журналѣ, расходящемся въ большомъ количествѣ и во всѣхъ классахъ народа, нельзя не признать ни полезнымъ, ни соотвѣтствующимъ цѣли подобныхъ изда-

ній. Въ исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету Высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу ваше пр—во сдѣлать пропустившему означенную статью цензору соотвѣтственное вразумленіе“ *).

Гораздо интереснѣе и многообразнѣе дѣло Ю. Ѳ. Самарина. Служа въ Ригѣ при губернаторѣ А. А. Аракчеевѣ, Самаринъ былъ очень недоволенъ его „нѣмецкой политикой“ и вотъ въ результатѣ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, написалъ и пустилъ въ обращеніе съ рукъ на руки свои „Рижскія письма“, вошедшія въ VII томъ его сочиненій, изд. 1889 г. Горячо и довольно рѣзко въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выраженныя, мысли его, какъ и слѣдовало ожидать, произвели фуроръ. „Письма“ шибко ходили въ высшемъ кругу и, конечно, не избѣгли комитета 2 апрѣля. Въ результатѣ Самаринъ 5 марта сидѣлъ уже въ Петропавловской крѣпости, сначала даже въ казематѣ. Вотъ что пишетъ его братъ, Д. Ѳ., въ предисловіи къ VII тому:

„17-го марта, въ 9 часовъ вечера, явился въ крѣпость фельдъегерь и повезъ Ю. Ѳ. прямо къ Государю въ Зимній дворецъ. Императоръ Николай принялъ его наединѣ въ своемъ кабинетѣ. Въ тотъ же вечеръ, вернувшись домой, Ю. Ѳ. записалъ слова, сказанныя ему Государемъ. Приводимъ ихъ въ точности, согласно собственноручной его записи: „Государь: Понимаете-ли вы ваше положеніе?—Сознаю, Государь, что я виноватъ.—Въ такомъ случаѣ, по русской пословицѣ, повинной головы и мечъ не сѣчетъ. Я былъ всегда другомъ вашихъ родителей и васъ хотѣлъ не казнить, а спасти; теперь садитесь. Понимаете-ли вы, въ чемъ вы виноваты? Вы были посланы съ порученіемъ отъ вашего начальника и вы исполнили его, какъ я хочу думать, добросовѣстно; но рядомъ съ этимъ вы вели записки и вносили въ нихъ свои сужденія о предметахъ, которые до васъ не касались. Въ этомъ еще нѣтъ грѣха; что человѣкъ думаетъ и пишетъ про себя, тому судья одинъ Богъ. Но вы пошли далѣе: вы составили изъ своихъ записокъ книгу и сообщили ее своимъ близкимъ знакомымъ, какъ вы писали въ первомъ своемъ рапортѣ, а во второмъ вы высчитали 13 человѣкъ. Удивляюсь, что у васъ столько друзей. Я живу дольше васъ и нашелъ ихъ не болѣе трехъ, которымъ я могу говорить все отъ души. Нѣкоторые изъ вашихъ друзей оказались недостойными вашей довѣренности. Это уже было преступленіе противъ служебныхъ обязанностей вашихъ, и вы сами знаете законы лучше меня; вы знаете, чему это васъ подвергало. Но я хочу думать, что вы увлеклись авторскимъ самолюбіемъ, желаніемъ блеснуть ученостью и умомъ, которымъ васъ одарилъ Богъ; но сообразили-ли вы, къ чему велъ вашъ поступокъ? Вы не давали, говорите вы, копій съ вашихъ писемъ, но вы не запрещали

*) «Сбор. постановл.», 256—257.

брать ихъ, и ваша книга разошлась по рукамъ, такъ что теперь и я ее остановить не могу. Обращаюсь къ содержанію ея (Государь взялъ книгу въ руки). Не говоря уже о томъ, что многое въ томъ, что вы пишете, невѣрно и лживо, что я могъ бы доказать однимъ словомъ *), вы, очевидно, возбуждали вражду нѣмцевъ противъ русскихъ, вы ссорили ихъ, тогда какъ слѣдуетъ ихъ сближать; вы укоряете цѣлыя сословія, которыя служили вѣрно; начиная съ Палена, я могъ бы высчитать до 150 генераловъ. Вы хотите принужденіемъ, силою сдѣлать изъ нѣмцевъ русскихъ, съ мечомъ въ рукахъ, какъ Магометъ; но мы этого не должны, именно потому, что мы христіане. Вы писали подъ вліяніемъ страсти; я хочу думать, что она была раздражена личными непріятностями и оскорбленіями. Но вы нападали и на правительство и на меня, ибо чтó правительство, чтó я — все одно,— хотя я и слышалъ, что вы отдѣляете меня отъ правительства, но я этого не признаю. Какъ вы можете судить правительство? Правительство многое знаетъ, чего оно не высказываетъ до времени и держитъ про себя. Вы пишете: „если мы не будемъ господами у нихъ“ и т. д., т. е. если нѣмцы не сдѣлаются русскими, русскіе сдѣлаются нѣмцами; это писано было въ какомъ-то бреду; русскіе не могутъ сдѣлаться нѣмцами; но мы должны любовью и кротостью привлечь къ себѣ нѣмцевъ. Вы прямо мѣтили на правительство: вы хотѣли сказать, что со времени императора Петра I и до меня, мы всѣ окружены нѣмцами и потому сами нѣмцы. Понимаете, къ чему вы пришли: вы поднимали общественное мнѣніе противъ правительства; это готовилось повтореніе 14 декабря.—Я перебилъ увѣреніемъ, что никогда не имѣлъ такого намѣренія.—Вѣрю, что вы намѣренія не имѣли, но вотъ къ чему вы шли **). Васъ слѣдовало отдать подъ судъ и васъ судили бы, какъ преступника противъ служебныхъ обязанностей вашихъ, противъ присяги, вами данной, противъ правительства. Вы сами знаете, что вы бы сгинули навсегда. Много есть молодыхъ людей, которые пострадали за то же, которыхъ я лично не знаю и не могу знать; но я васъ зналъ; я зналъ про ваши способности, зналъ, что вы были воспитаны вашими родителями въ твердыхъ правилахъ, и думалъ, что у васъ доброе сердце, и

---

*) «Осенью 1875 г., при чтеніи этой записки своему брату, Ю. Ѳ., дойдя до этого мѣста, сказалъ: «тутъ я прервалъ Государя, сказавши: я могу, Государь, ошибаться, но сознательной и намѣренной лжи въ моей книгѣ нѣтъ»
Д. Самаринъ.

**) «Въ 1875 г. Ю. Ѳ. добавилъ на словахъ, что Государь при этомъ высказалъ, что его книга ведетъ къ худшему, чѣмъ 14 декабря, такъ какъ она стремится подорвать довѣріе къ правительству и связь его съ народомъ, обвиняя правительство въ томъ, что оно національные интересы русскаго народа приноситъ въ жертву нѣмцамъ».
Д. С.

потому я васъ не хотѣлъ погубить. Я отослалъ васъ въ крѣпость, чтобы вы имѣли время наединѣ одуматься; я васъ не предалъ суду, а посадилъ въ крѣпость, желая васъ спасти. Я сдѣлалъ это тою деспотическую властью, противъ которой, вѣроятно, и вы не разъ же возставали. Вы стояли на краю пропасти. Случай далъ мнѣ возможность узнать человѣка достойнаго *), котораго я глубоко уважаю; самъ Богъ вложилъ мнѣ въ сердце мысль послать его къ вамъ, чтобы испытать васъ; я хотѣлъ узнать, не ожесточились-ли вы. Онъ мнѣ засвидѣтельствовалъ, что вы приняли наказаніе какъ должно, что у васъ доброе сердце; я не ошибся. Теперь вы должны совершенно перемѣниться, служить, какъ вы присягали, вѣрою и правдою, а не нападать на правительство. Мы всѣ должны такъ служить; я самъ служу не себѣ, а вамъ всѣмъ; и я обязанъ наводить заблуждающихся на путь истины; но я никому не позволю забываться; я не долженъ этого по той же самой присягѣ, которой и я вѣренъ. Теперь это дѣло конченное. Помиримся и обнимемся. Вотъ ваша книга; вы видите, что она у меня и остается здѣсь.—Государь, въ продолженіе всей жизни я буду стараться заслужить эту минуту.—Поѣзжайте теперь въ Москву и успокойте вашихъ родителей; поѣзжайте завтра, если соберетесь; ступайте сейчасъ къ министру внутреннихъ дѣлъ и скажите ему, что я васъ отпускаю. Въ Москвѣ мы, я надѣюсь, увидимся, и тамъ вы узнаете, какой родъ службы я вамъ предназначилъ. Вы будете служить въ Москвѣ, въ глазахъ вашихъ родителей; это для васъ лучше, чѣмъ здѣсь, гдѣ вы можете подвергнуться непріятностямъ и дурнымъ вліяніямъ" **).

Какъ разъ въ тотъ день, когда Николай I бесѣдовалъ съ Самаринымъ, надъ головой графа Уварова разразилась небывалая гроза, послѣдствіемъ которой и былъ скорый его уходъ съ министерскаго поста. Этотъ инцидентъ настолько интересенъ и характеренъ, что я остановлюсь на немъ съ соотвѣтственной подробностью.

Начало 1849 г. совпало съ такими ужасными слухами, которые приводили въ трепетъ людей самыхъ разнообразныхъ: предполагалось, какъ говорили всюду, совершенное закрытіе университетовъ и всѣхъ вообще высшихъ учебныхъ заведеній. Никитенко, всегда стоявшій въ курсѣ великосвѣтской молвы, подъ 7 января записалъ: „Въ городѣ невѣроятные слухи о закрытіи университетовъ. Проектъ этотъ приписываютъ Ростовцеву, который, будто-бы, подалъ Государю записку о преобразованіи всего воспитанія, образованія и самой науки въ Россіи, и гдѣ онъ предполагаетъ на мѣсто университетовъ учредить въ Петербургѣ и Москвѣ два большіе высшіе корпуса, гдѣ наука преподавалась бы спеціально

*) Духовникъ Государя, протопресвитеръ Бажановъ. *Д. С.*

**) „Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина", изд. 1889 г. т. VII, XC—XCIII.

только людямъ высшаго сословія, готовящимся къ службѣ" *). Надо-ли говорить, какъ встрѣчалась эта надвигавшаяся реформа?.. Гр. Уваровъ, никогда не бывшій врагомъ образованія, лишь бы оно получалось нормальными, по его мнѣнію, путями и способами—видѣлъ въ подобномъ проектѣ несомнѣнное зло, не говоря уже о недовѣріи къ своей дѣятельности. Но что было дѣлать? Въ концѣ концовъ, въ мартовской книжкѣ „Современника" появляется никѣмъ не подписанная статья „О назначеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи". Авторомъ ея былъ И. И. Давыдовъ, директоръ педагогическаго института, вѣрный слуга тянувшаго его министра, постоянный его апологетъ. Редакторомъ же статьи и цензоромъ былъ самъ Уваровъ.

Не имѣя возможности, да, пожалуй, и надобности приводить ее въ болѣе или менѣе полномъ видѣ, я ознакомлю читателей лишь съ вступленіемъ и заключеніемъ, изъ которыхъ будетъ ясна и вся статья, особенно, если вникнуть въ дальнѣйшіе фазисы этого дѣла.

„Съ недавняго времени въ обществѣ начали обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго просвѣщенія, въ особенности университетовъ. На западѣ страсть къ преобразованіямъ, недовольство своимъ состояніемъ, пренебреженіе къ преданіямъ—общій недугъ людей безъ прошедшаго и будущаго, живущихъ для одного настоящаго. Для такихъ людей не существуетъ ни вѣра, ни законъ, ни права, ни обязанности: они пользуются смутами, въ чаду властолюбія и своекорыстія. Но въ православной и боголюбимой Руси благоговѣніе къ Провидѣнію, преданность Государю, любовь къ Россіи—эти святыя чувствованія никогда не переставали питать всѣхъ и каждаго; ими спасены мы въ годины бѣдствій; ими возвышены на степень могущественнѣйшей державы, какой не было въ мірѣ историческомъ. Въ благодарственномъ умиленіи къ Подателю всѣхъ благъ и Самодержцу намъ остается лишь только наслаждаться этими благами. Ложныя лишь только понятія о томъ, что совершается въ нашихъ глазахъ, производятъ недовольство существующимъ и несбыточныя мечты о нововведеніяхъ. Достаточно показать *назначеніе* и благотворное *участіе русскихъ университетовъ въ общественномъ образованіи*, чтобы обнаружить легкомысліе поверхностныхъ мечтателей и уличить ихъ въ несправедливости. За правое дѣло будутъ говорить исторія и статистика."

Заканчивалась статья слѣдующими словами: „Итакъ,—мысли объ университетахъ, пускаемыя въ общественное обращеніе людьми поверхностными, уничтожаются историческими доводами и статистическими выводами. Разливать благотворный свѣтъ современной

*) «Записки и дневникъ», I, 502—503.

науки, немеркнущій въ вѣкахъ и народахъ, хранить во всей чистотѣ и богатить отечественный языкъ, органъ нашего православія и самодержавія, содѣйствовать развитію народной самобытной словесности, этого самопознанія нашего и цвѣта жизни, передавать юному поколѣнію сокровища мудрости, освященной любовью къ вѣрѣ и престолу,—вотъ *назначеніе русскихъ университетовъ и участіе ихъ въ общественномъ образованіи*. Они, какъ міръ Божій, которому служатъ зерцаломъ, никогда не старѣютъ, а лишь только обновляются и совершенствуются. Подъ ихъ сѣнію воспитываются и ученые, и писатели, и мужи государственные. Отъ каѳедръ университетскихъ разливается свѣтъ народнаго образованія въ училища всѣхъ вѣдомствъ. Отсюда образованные, благородные юноши ежегодно исходятъ на вѣрное служеніе обожаемому Монарху" *).

По отзывамъ современниковъ, статья произвела сильное впечатлѣніе; журналъ ходилъ изъ рукъ въ руки. Но вотъ черезъ нѣсколько дней, а именно 17 марта, Бутурлинъ писалъ гр. Уварову:

„При обозрѣніи нашей журналистики за текущій мартъ, комитетъ, Высочайше учрежденный во 2-й день апрѣля 1848 года, остановился на помѣщенной въ „Современникѣ", никѣмъ не подписанной статьѣ: „О значеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи". Въ статьѣ сей авторъ, исходя отъ того, что „съ недавняго времени въ обществѣ начали обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго образованія, въ особенности университетовъ",—выставляетъ себя поборникомъ сихъ высшихъ учебныхъ заведеній и старается, защитивъ ихъ отъ мнимыхъ ложныхъ толковъ въ публикѣ, доказать необходимость сохраненія оныхъ. Статья сія, по *внѣшнему ея изложенію* **), не имѣетъ ничего предосудительнаго. Напротивъ, вездѣ говорится въ ней о приверженности и благодарности къ правительству, о преданности Государю, о любви къ Россіи и пр. Но если вникнуть во *внутренній ея смыслъ* ***), то ясно, что здѣсь есть неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства и, сверхъ того, подъ благовидною оболочкою сокрыта такая тайная мысль, выраженія которой отнюдь не надлежало допускать въ печати. Всѣмъ въ Петербургѣ извѣстенъ разнесшійся съ недавняго времени слухъ, что правительство имѣетъ въ виду преобразовать университеты. Справедливъ ли сей слухъ, или нѣтъ, но вдругъ, среди этого общаго говора, является въ печати, передъ большою массою журнальныхъ читателей, статья, гдѣ—какъ-бы въ отвѣтъ на приписываемое правительству намѣреніе—университеты защищаются про-

*) «Современникъ», XIV, 37—46.
**) Курсивъ подлинника.
***) Тоже.

тивъ порицаній, пускаемыхъ „въ общественное мнѣніе“ людьми *поверхностными* *), гдѣ частное лицо принимаетъ на себя разбирать и опредѣлять, тономъ законодателя, сравнительную пользу учрежденій государственныхъ, каковы университеты и другія учебныя заведенія; гдѣ оно впередъ уже вопіетъ противъ всякихъ преобразованій и всякаго къ нимъ прикосновенія; гдѣ, наконецъ, въ числѣ оправданій противъ выведенныхъ имъ же самимъ порицаній, то же частное лицо дозволяетъ себѣ разныя странныя неприличія, напримѣръ, приведеніе—въ видѣ факта, относящагося къ похвалѣ университетовъ,—что въ нихъ значительно уменьшилось нынѣ число учениковъ изъ духовнаго званія, какъ бы званіе сіе было разсадникомъ людей зловредныхъ. Комитетъ не оспариваетъ, что сіи разсужденія могли бы быть представлены отъ автора на благоусмотрѣніе высшаго начальства въ видѣ скромныхъ желаній человѣка, почитающаго себя близко знакомымъ съ этимъ дѣломъ. Но то, что при семъ направленіи могло бы быть признано въ нихъ благонамѣреннымъ, принимаетъ совсѣмъ иной видъ, являясь въ печати, въ журналѣ. Такое преданіе вопроса правительственнаго на судъ публики, такой призывъ къ общественному мнѣнію, представляютъ явленіе столь же новое, сколько и нетерпимое въ общественномъ нашемъ устройствѣ. Если допускать подобныя статьи, то не будетъ предначертаній правительства, которыя, сдѣлавшись какъ-либо извѣстными публикѣ, не могли бы быть опровергаемы въ видѣ возраженій противъ мнимыхъ *частныхъ***) мнѣній, а тогда журналы поставятъ себя судьями вопросовъ государственныхъ и вмѣсто того, чтобы—какъ въ сей же статьѣ сказано—„за правое дѣло стояла исторія“, за свое дѣло будетъ проповѣдывать журналистика. Въ этомъ точно смыслѣ, какъ дошло до свѣдѣнія членовъ комитета, статья сія понята и оцѣнена уже и многими въ нашей публикѣ, обратившей на нее особенное вниманіе именно по связи съ вышеупомянутыми слухами. Вслѣдствіе сего комитетъ полагалъ предоставить вашему сіятельству, съ одной стороны, привести въ извѣстность сочинителя означенной статьи, а съ другой, поставивъ въ виду редакторамъ всѣхъ вообще журналовъ и „Современника“ въ особенности, а также и цензорамъ, что правительство съ неудовольствіемъ видѣло появленіе сей статьи въ печати, внушить имъ, чтобы впредь ничего подобнаго не было допускаемо. Таковое заключеніе комитета Государь Императоръ, собственноручною на журналѣ онаго резолюціею, изволилъ 16-го сего марта утвердить, изъявивъ съ симъ вмѣстѣ Высочайшую волю „*знать, какъ сіе могло быть пропущено* ***)“.

*) Тоже.
**) Тоже.
***) Тоже.

„Сообщая о сей Высочайшей волѣ вашему сіятельству для зависящаго исполненія, покорнѣйше васъ, милостивый государь, прошу почтить меня увѣдомленіемъ, какъ объ имени сочинителя статьи, такъ и по содержанію сдѣланнаго Государемъ Императоромъ вопроса *).

Гр. Уваровъ понялъ, что̀ несетъ за собой удовлетвореніе требованій Бутурлина; не могъ онъ не сознавать и того исключительнаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ всей этой исторіей. Очевидно, надо было дѣйствовать рѣшительно. Комитетъ 2 апрѣля за свое годичное существованіе доставилъ ему не одну горькую минуту и значительно отдалилъ его отъ Государя. Рѣшеніе подсказывалось само собою: нужно было бороться аналогичными средствами: причинить непріятность комитету, ставъ ближе къ его верховному предсѣдателю. И вотъ въ головѣ министра быстро созрѣваетъ планъ: открыть глаза Государя на образъ дѣйствій комитета, выяснить настоящій смыслъ статьи. 21 марта Уваровъ обратился письменно къ Николаю I.

„Дѣйствительный тайный совѣтникъ Бутурлинъ сообщилъ мнѣ заключеніе комитета, Высочайше учрежденнаго 2 апрѣля 1848 г., о статьѣ, которая напечатана въ „Современникѣ“, подъ названіемъ: „О значеніи русскихъ университетовъ и участіи ихъ въ общественномъ образованіи“. Къ этому онъ присовокупилъ, что вмѣстѣ съ утвержденіемъ положенія комитета, Вашему Императорскому Величеству благоугодно было изъявить Высочайшую волю: *Знать, какъ сіе могло быть пропущено*. Поводомъ къ обвиняемой статьѣ, какъ сказано въ самомъ ея началѣ, было то, что въ столичномъ *обществѣ* начали *обращаться мысли о преобразованіяхъ по части народнаго просвѣщенія*, въ особенности университетовъ. Комитетъ 2 апрѣля, съ своей стороны, утверждаетъ, что „всѣмъ въ Петербургѣ извѣстенъ разнесшійся съ недавняго времени *слухъ, что правительство имѣетъ въ виду* преобразовать университеты“. Дѣйствительно, съ нѣкотораго времени были распространяемы въ здѣшней столицѣ подобные нелѣпые слухи, и я смѣю сказать, что отъ этого обстоятельства, отъ такой молвы нельзя было ожидать ничего благопріятнаго. Однако я считалъ не заслуживающими серьезнаго вниманія всѣ толки людей, незнакомыхъ съ сущностью учебнаго устройства: ибо мнѣ должно было быть извѣстно, что въ кругу государственнаго управленія, правительственная власть заключается единственно въ повелѣніяхъ Вашего Императорскаго Величества и въ исполнителяхъ священной воли вашей. Ваше Императорское Величество не изволили изъявлять мнѣ Августѣйшей мысли объ уничтоженіи или преобразованіи нашихъ высшихъ учебныхъ учрежденій; напротивъ того, всегда благодушно ободряемый снисходительнымъ вниманіемъ Вашимъ къ устройству

*) *Барсуковъ*. X, 530—532.

учебныхъ заведеній министерства, я еще недавно удостоился слышать изъявленіе столь драгоцѣннаго для меня удовольствія Вашего Величества на счетъ похвальнаго общаго духа и порядка, сохранившихся и въ сіе тяжкое время между обучающимся юношествомъ министерства народнаго просвѣщенія. Я позволилъ себѣ сказать, что ходившіе по городу ложные слухи не могли произвесть дѣйствіе благопріятное, и мнѣ извѣстно, что они уже проникли во внутреннія губерніи имперіи; что они успѣли нѣкоторымъ образомъ потревожить тамъ умы жителей; что родители опасаются за дальнѣйшее существованіе высшихъ учебныхъ заведеній, а съ тѣмъ вмѣстѣ и за средства къ окончательному образованію дѣтей своихъ. Эти не безвредные толки не ограничивались, однако, молвою о столичномъ говорѣ; они нашли себѣ опору и подкрѣпленіе въ подробной *Запискѣ*, которая также стала ходить по рукамъ, которая направлена прямо противъ общей системы народнаго образованія, принятой русскимъ правительствомъ со временъ Петра Великаго, и въ особенности противъ нашихъ университетовъ, противъ ихъ существованія и пользы, которая, наконецъ, требуетъ уничтоженія всѣхъ русскихъ университетовъ, оставляя только одинъ дерптскій неприкосновеннымъ. Не утруждая Ваше Императорское Величество представленіемъ, которое въ нѣкоторыхъ видахъ могло бы показаться доносомъ, я и тутъ счелъ достаточнымъ ограничиться словеснымъ объясненіемъ по этому предмету съ генералъ-адъютантомъ гр. Орловымъ. Въ это время была мнѣ представлена статья, появившаяся потомъ въ „Современникѣ“,—статья, *въ которой не находится ни малѣйшаго намека ни на эти толки, ни на слухи о намѣреніяхъ правительства*, о коихъ говоритъ комитетъ,—статья, написанная съ благонамѣренностію, съ нелицемѣрною преданностью правительству, съ знаніемъ предмета и настоящаго положенія учебной части, наконецъ, съ любовью къ просвѣщенію истинному и благотворному. Общественное мнѣніе учащихъ и учащихся нуждалось въ скромной повѣркѣ и поясненіи—и я, не обинуясь, призналъ, что эта статья можетъ содѣйствовать косвенно къ исправленію возбужденныхъ въ публикѣ превратныхъ толковъ и ошибочныхъ понятій. Комитетъ 2 апрѣля самъ принужденъ сказать и говоритъ, „что статья эта, по внѣшнему ея изложенію, не имѣетъ ничего предосудительнаго, что, напротивъ, вездѣ говорится въ ней о приверженности и благодарности къ правительству, о преданности Государю, о любви къ Россіи и проч.“ При всемъ томъ комитетъ, *вникнувъ*, какъ сказано въ отношеніи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, *во внутренній смыслъ ея*, видитъ въ ней „неумѣстное для частнаго лица вмѣшательство въ дѣло правительства“.—Какой цензоръ или критикъ можетъ присвоить себѣ даръ, не доставшійся въ удѣлъ смертному — даръ всевидѣнія и проницанія внутрь природы и человѣка, — даръ въ выраженіяхъ

преданности и благодарности открывать смыслъ совершенно тому противоположный? — Я вижу себя принужденнымъ откровенно замѣтить на это, что стремленіе, не довольствуясь видимымъ смысломъ, прямыми словами и честно высказанными мыслями, доискиваться какого-то внутренняго смысла, видѣть въ нихъ одну лживую оболочку, подозрѣвать тайное значеніе, — что это стремленіе неизбѣжно ведетъ къ произволу и неправеднымъ обвиненіямъ въ такихъ намѣреніяхъ, которыя обвиняемому и на мысль не приходили. Такимъ образомъ, статью, написанную въ чистѣйшемъ духѣ, можно представить „*вмѣшательствомъ частнаго лица въ дѣло правительства*". Писателя благонамѣреннаго, опровергающаго порицанія, пускаемыя въ общество людьми поверхностными объ одномъ изъ вопросовъ народнаго образованія и обученія, можно обвинить „*въ принятіи тона законодателя, разбирающаго пользу государственныхъ учрежденій*". Если писатель скромно и съ убѣжденіемъ человѣка знающаго дѣло исчисляетъ пользу русскихъ университетовъ и показываетъ, въ какой мѣрѣ устройство, данное имъ правительствомъ, соотвѣтствуетъ благой ихъ цѣли, то можно сказать про него, „*что частный человѣкъ впередъ уже вопіетъ противъ всякихъ преобразованій и всякаго къ нимъ прикосновенія*". Когда *духовное юношество* удерживается въ предѣлахъ *духовныхъ учебныхъ заведеній*, какъ отъ того, что заботливостію ихъ начальства они поставлены нынѣ на высшую степень совершенства, такъ и отъ увеличившейся потребности въ молодыхъ людяхъ, основательно обученныхъ, для опредѣленія на мѣста священниковъ, то даже этотъ фактъ неоспоримый, значительно уменьшившій число университетскихъ студентовъ изъ духовнаго званія, можно взять за основаніе, чтобы наперекоръ очевидности взвести на автора „будто онъ *духовное званіе выдаетъ за разсадникъ людей зловредныхъ*". Комитетъ 2 апрѣля признаетъ снова, „что сіи разсужденія могли быть представлены на усмотрѣніе высшаго начальства; что при семъ направленіи они могли быть признаны благонамѣренными". Потомъ, вопреки мнѣнію своему, представляетъ эти благонамѣренныя разсужденія въ печати, какъ будто „*преданіемъ вопроса правительственнаго на судъ публики*". Опять нахожусь въ необходимости сказать откровенно, что статья благонамѣренная,—и комитетъ самъ двукратно призналъ ее такою,—не можетъ отъ того только, что она напечатана, сдѣлаться внезапно столь преступною, какою потомъ она выставляется. Въ заключеніе всего комитетъ полагаетъ поставить редакторамъ *всѣхъ журналовъ* на видъ, что „*правительство съ неудовольствіемъ видѣло появленіе сей статьи въ печати*". За появленіе статьи въ печати отвѣтствуетъ цензура, если ею пропущено, чего пропускать не слѣдовало бы, то взысканіе должно дѣлаться въ кругу ея начальства. Но выставлять замѣчаніе, дѣлаемое цензурѣ, на видъ *всѣмъ редакторамъ журналовъ*, которыхъ

она должна удерживать въ предѣлахъ цензурныхъ постановленій, не значитъ ли унижать передъ ними ея достоинство и отнимать у нея спасительную власть надъ ними? Ежели напечатаніе въ журналѣ скромныхъ разсужденій, которыя могли быть представлены начальству, выдается *„за поставленіе журналовъ въ судьи вопросовъ государственныхъ“*, то какъ назвать это осужденіе установленной отъ правительства власти, *которое ставитъ ее на правежъ предъ газетчиками и журналистами?*

„Государь! Статья въ „Современникѣ“ была представлена мнѣ и мною одобрена. Если за нее кто-либо долженъ подлежать отвѣтственности, то эта отвѣтственность, по совѣсти и закону, должна единственно пасть на меня. Въ такомъ положеніи вещей, когда, съ одной стороны, министерство, руководствуясь своими узаконеніями и указаніями начальства, носящаго открыто и законную отвѣтственность, дѣйствуетъ въ опредѣленномъ кругу, а съ другой—комитетъ, состоящій внѣ министерства, и безъ сношенія съ онымъ, не требуя никакихъ предварительныхъ объясненій, и не имѣющій въ виду никакихъ справокъ, дѣлаетъ свои заключенія, кои по Высочайшемъ одобреніи принимаютъ силу закона,—недоумѣнія и столкновенія были и будутъ неизбѣжны. Въ теченіе цѣлаго года я употребилъ всевозможныя старанія, чтобы предупредить подобныя столкновенія, и смиренно ожидая послѣдствій этого положенія вещей на опытѣ, не утруждалъ Ваше Императорское Величество преждевременными домогательствами. Эти усилія согласить по возможности два различныя направленія и двѣ власти въ дѣлѣ, по себѣ уже трудномъ и гадательномъ, остались, за силою вещей, тщетными. Нынѣ съ полнымъ убѣжденіемъ и съ чистосердечіемъ, коимъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ я всегда руководствовался предъ Вашимъ Величествомъ, осмѣливаюсь всеподданѣйше представить, не благоугодно ли будетъ, дабы дать цензурному дѣлу одно постоянное теченіе и прекратить столкновенія, неизбѣжныя въ настоящихъ обстоятельствахъ, отдѣлить отъ министерства народнаго просвѣщенія всю цензуру вообще, или, по крайней мѣрѣ, повелѣть передать комитету, состоящему подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Бутурлина, хотя *цензуру журналовъ и газетъ*, если первое окажется неудобнымъ. Такимъ образомъ, и сообразно съ требованіемъ времени, власть, наблюдающая за ходомъ періодической литературы, будетъ и давать ей направленіе, и непосредственно отвѣтствовать за собственныя свои распоряженія. Единство, необходимое для охраненія служебнаго порядка и однообразнаго дѣйствія, будетъ опять возстановлено. Исполнители Вашей воли не будутъ находиться въ тяжкой неизбѣжности утруждать Ваше Императорское Величество разнородными своими взглядами на одинъ и тотъ же предметъ, по существу коего можно въ одно время и съ равною благонамѣренностью смотрѣть

съ разныхъ точекъ не столько въ разсужденіи началъ, сколько въ ежедневномъ приложеніи оныхъ къ суетливому и часто мелочному дѣлу.

„Повергая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества съ полною откровенностью плодъ годичныхъ наблюденій и опытовъ, смѣю прибавить, что, съ своей стороны, я почту за особое благоволеніе, если излагаемое предположеніе удостоится Высочайшаго соизволенія: оно тѣмъ болѣе можетъ безъ затрудненія быть приведено въ дѣйствіе, что дѣло объ образованіи цензуры, внесенное въ государственный совѣтъ, еще не подлежало разсмотрѣнію.—По оффиціальной безгласности комитета можно бы, смѣю думать, передать цензуру журналовъ и газетъ, частными лицами издаваемыхъ, въ III отдѣленіе собственной канцеляріи Вашего Величества, откуда и поступитъ она въ комитетъ 2 апрѣля 1848 г., если на сіе воспослѣдуетъ Высочайшее соизволеніе.

„Наконецъ, смѣю выразить, что таковымъ или подобнымъ распоряженіемъ Ваше Величество изволите даровать мнѣ новыя силы и новую возможность посвятить болѣе времени существенной части Высочайше ввѣреннаго мнѣ министерства, обращая сугубое вниманіе на охраненіе въ устройствѣ и тишинѣ многочисленныя учебныя заведенія, составляющія главную заботу министерства и требующія и неусыпнаго попеченія, и спокойствія духа“.

На этой, единственной въ своемъ родѣ жалобѣ на комитетъ 2 апрѣля за все его восьмилѣтнее существованіе Николай I положилъ разолюцію:

„Не вижу никакой уважительной причины измѣнять существующій нынѣ порядокъ; нахожу статью, пропущенную въ „Современникѣ“, неприличною, ибо ни хвалить, ни бранить наши правительственныя учрежденія, для отвѣта на пустые толки, не согласно ни съ достоинствомъ правительства, ни порядкомъ у насъ, къ счастію, существующимъ. Должно повиноваться, а разсужденія свои держать про себя. Объявить цензорамъ, чтобы впредь подобнаго не пропускали, а въ случаяхъ недоумѣній спрашивали разрѣшенія. Вамъ же путь ко мнѣ всегда доступенъ“ *). Черезъ два дня, 24 марта, было повелѣно: „впредь не должно быть допускаемо ничего на счетъ нашихъ правительственныхъ учрежденій, а въ случаяхъ недоумѣній должно быть испрашиваемо разрѣшеніе“.

Черезъ полгода, 20 октября Уваровъ вышелъ въ отставку...

16 марта предписано: „никакое произведеніе книгопечатанія, въ какомъ бы объемѣ и съ какою бы цѣлью оно ни появлялось, не должно быть дозволяемо къ выпуску изъ типографій безъ

---

*) Тамъ же, 532—538.

означенія на немъ мѣста и года напечатанія и дозволенія цензора; само собою разумѣется, что сіе не должно распространяться на пригласительныя записки, частныя повѣстки, визитныя карточки и т. п. частныя повѣщенія“ *).

Въ апрѣлѣ Уваровъ ѣздилъ въ Москву осматривать университетъ. Погодинъ, традиціонно воспѣвавшій каждый его шагъ, и теперь помѣстилъ по этому поводу въ „Москвитянинѣ“ статью, разумѣется, самую благонамѣренную. Бутурлинъ не могъ забыть такъ скоро киваній Уварова и потому 18 апрѣля писалъ ему: „Въ вышедшемъ недавно седьмомъ нумерѣ „Москвитянина“, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Почетный гость на лекціяхъ университета“, напечатано: „Въ то время, когда праздные люди толкуютъ о какомъ-то преобразованіи университетовъ, и *становится необходимымъ стать за нихъ во имя просвѣщенія*, членамъ московскаго университета пріятно видѣть, что государственные сановники, успѣвшіе въ жизни своей соединить постоянную вѣрность началамъ русскимъ съ высокою степенью европейскаго просвѣщенія, обнаруживаютъ къ университетамъ самое искреннее участіе и смотрятъ на нихъ, какъ на вѣрные разсадники русскаго просвѣщенія“. Усматривая изъ сего, что вопреки удостоенному Высочайшаго утвержденія заключенію комитета 2 апрѣля 1848 г., въ повременныхъ изданіяхъ нашихъ все еще продолжаются подобные прежнимъ толки на счетъ университетовъ, комитетъ не могъ не остановиться особенно на употребленной въ помянутой статьѣ фразѣ: „становится необходимымъ *стать за университетъ во имя просвѣщенія*“, фразѣ неумѣстной, если авторъ намекаетъ ею на частныхъ людей, какъ не имѣющихъ у насъ голоса въ дѣлѣ общественныхъ преобразованій, и болѣе нежели дерзкой, если онъ хотѣлъ намекнуть симъ на преднамѣренія правительства. Вслѣдствіе чего комитетъ доводилъ до Высочайшаго свѣдѣнія и о сей статьѣ „Москвитянина“. Государь Императоръ въ 17-ый день текущаго апрѣля изволилъ на семъ послѣднемъ представленіи комитета собственноручно написать: „Министру народнаго просвѣщенія подтвердить, что я рѣшительно *запрещаю* всѣ подобныя статьи въ журналахъ *за* и *противъ* университетовъ“ **). 21 апрѣля соотвѣтствующее рапоряженіе было сдѣлано.

Въ маѣ попали „Отечественныя Записки“. Вотъ предложеніе министра предсѣдателю цензурнаго комитета, бывшее, какъ и всѣ мною приводимыя, результатомъ воздѣйствія комитета 2 апрѣля.

„Въ майской книжкѣ журнала „Отечественныхъ Записокъ“, хотя и не находится ничего прямо противнаго цензурнымъ пра-

---

*) „Сборн. постановленій“, 257—258.

**) *Барсуковъ*, X, 145—146.

виламъ, однако, нельзя не обратить вниманія на нижеслѣдующія мѣста.

„Въ критической статьѣ о литературной дѣятельности Богдановича встрѣчаются слѣдующіе афоризмы: „Человѣкъ, нерѣдко жадный къ фантастическимъ утѣшеніямъ и надеждамъ, богатъ надеждой истинной, утѣшеніемъ несомнѣннымъ. Хоть онъ часто и затворяетъ слухъ на ихъ воззваніе, но сила истины беретъ свое. Не зная ближайшихъ или отдаленнѣйшихъ причинъ бѣдствій, онъ вооруженъ врожденною ему властію уничтожать зло. Постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ физическихъ и нравственныхъ, неизмѣнное совершенствованіе— вотъ его обязанность и величіе".

„Очевидно, что это мѣсто напоминаетъ духъ прежней туманной философіи и, если позволено такъ выразиться, напыщенной галиматьи сего журнала, дававшей преднамѣренною неясностью идей и наборомъ словъ широкое поле къ произвольнымъ разсужденіямъ и примѣненіямъ. Фразы, напримѣръ: „человѣкъ вооруженъ врожденною ему властію уничтожать зло", или „постепенное устраненіе своей природы отъ всѣхъ невзгодъ, физическихъ и нравственныхъ; вотъ его обязанность и величіе!" Фразы сіи не могутъ ли въ рукахъ людей неблагонамѣренныхъ или въ понятіяхъ неопытныхъ юношей сдѣлаться поводомъ къ самымъ двусмысленнымъ, превратнымъ и даже преступнымъ толкованіямъ?

„При разборѣ дѣтской книжки „Колокольчикъ" критикъ разсуждаетъ объ отношеніяхъ родителей къ дѣтямъ и къ сему приводитъ мѣсто изъ другой книги, гдѣ сочинителемъ, г. Булгаринымъ, описывается, какъ, пріѣзжая съ родителями своими къ старой бабушкѣ, они должны были преклонить передъ нею колѣни, цѣловать ей ноги, садиться не иначе, какъ по ея приказанію, и пр.; затѣмъ критикъ пишетъ: „Неужели чувство должно выражаться подобнымъ поклоненіемъ? Неужели самое вліяніе родителей, имѣющихъ на своей сторонѣ опытъ и власть, должно выражаться какимъ-то чванствомъ передъ сыномъ?.. Согласны, что при этихъ отношеніяхъ довѣренности быть не можетъ, какъ со стороны родителей, такъ и со стороны дѣтей: первые будутъ представляться чѣмъ-то недоступнымъ для послѣднихъ, а послѣднія непремѣнно будутъ лукавить и обманывать первыхъ; вмѣсто того, чтобы чтить память ихъ, дѣти и по смерти родителей будутъ, не стѣсняясь ничѣмъ, не краснѣя, разсказывать о нихъ вещи, о которыхъ внутреннее чувство должно было бы заставить ихъ молчать. И все оттого, что сами родители болѣе всего обращали вниманіе на соблюденіе внѣшняго уваженія къ нимъ, на форму, а форма ничего не значитъ, если одушевляющее ее чувство утрачено".

„Эту выходку трудно признать приличною. Во 1-хъ, при

патріархальномъ образѣ мыслей и дѣйствій, господствующемъ еще во многихъ у насъ семействахъ, подобныя разсужденія всѣми получаемаго журнала, попавъ въ руки молодыхъ читателей, могутъ внушить имъ такія новыя понятія, которыя послѣ легко поведутъ къ разстройству мира семейнаго. Во 2-хъ, возстаніе въ неопредѣленыхъ выраженіяхъ вообще противъ внѣшней формы легко также можетъ способствовать къ отнесенію сего понятія и на другой кругъ вещей, который при нашемъ общественомъ устройствѣ долженъ быть неприкосновененъ частнымъ разсужденіямъ. Въ предметахъ сего рода двусмысленность нерѣдко столько же опасна, какъ и прямо выраженная предосудительная мысль, иногда даже и болѣе, потому что прямо вредному не даетъ мѣста цензура.

„Въ исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету Высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу ваше пр—во поставить цензорамъ, разсматривающимъ журналъ „Отеч. Записки", въ обязанность дѣйствовать, при пропускѣ статей въономъ, съ самою величайшею осмотрительностью, не допуская ничего двусмысленнаго, а тѣмъ болѣе могущаго имѣть смыслъ предосудительный" *).

Проф. Куторга пропустилъ нѣмецкіе стихи, въ которыхъ Бутурлинскій комитетъ усмотрѣлъ „мистическія изображенія и неблаговидные намеки, несогласные съ нашею народностью". Не пропустили и того, что книга состояла изъ двухъ частей: „первая пропущена въ Дерптѣ профессоромъ Неемъ, имя котораго и выставлено на книгѣ, а имя Куторги умолчено. Изъ этого Бутурлинъ съ Корфомъ и Дегаемъ заключили, что Куторга учинилъ подлогъ, съ намѣреніемъ не выставилъ своего имени на печатномъ экземплярѣ, чтобы всю отвѣтственность свалить на Нея. Вотъ почему и рѣшено посадить Куторгу на десять дней на гауптвахту, внести это въ его послужной списокъ и спросить у министра народнаго просвѣщенія, считаетъ-ли тотъ возможнымъ послѣ этого терпѣть Куторгу на службѣ? Все это было сдѣлано безъ всякаго разслѣдованія, безъ сношенія съ министромъ, безъ запроса Куторгѣ. А послѣдній уже лѣтъ 15 какъ извѣстенъ и въ публикѣ, и на службѣ за полезнаго, талантливаго ученаго и благороднаго человѣка. Между тѣмъ, оказалось, что имя Куторги напечатано на всѣхъ экземплярахъ, находящихся въ продажѣ, но по типографской опечаткѣ или недосмотру, не выставлено на двухъ или трехъ экземплярахъ. О подлогѣ значитъ и помину нѣтъ, а о цензурномъ проступкѣ даже самъ Государь отозвался, что считаетъ его неважнымъ. Куторгу освободили на пятый день" **).

*) «Сборн. постановл.». 259—261.

**) *Никитенко*, «Записки и дневникъ», I, 510.

Въ другомъ мѣстѣ у Никитенка находимъ яркую черточку къ общей физіономіи комитета 2 апрѣля. „Я заходилъ въ цензурный комитетъ. Чудныя дѣла дѣлаются тамъ. Напримѣръ, цензоръ Мехелинъ вымарываетъ изъ древней исторіи имена всѣхъ великихъ людей, которые сражались за свободу отечества или были республиканскаго образа мыслей—въ республикахъ Греціи и Рима. Вымарываются не разсужденія, а просто имена и факты. Такой ужасъ навелъ на цензоровъ Бутурлинъ съ братіей, т. е. съ Корфомъ и Дегаемъ" *),

19 января 1849 г. гр. Уваровъ внесъ въ государственный совѣтъ проектъ новаго цензурнаго устава и соотвѣтствующую объяснительную записку. Департаментъ законовъ, подъ вліяніемъ отзыва бар. Корфа — члена государственнаго совѣта и члена же комитета 2 апрѣля—нашелъ необходимымъ передать всѣ бумаги гр. Уварова комитету для внесенія имъ въ совѣтъ своихъ по этому поводу соображеній. Николай I утвердилъ это положеніе. Для иллюстраціи Уваровскаго проекта приведу лишь двѣ—три статьи изъ совершенно новыхъ, его собственнаго измышленія. Такъ, „право изданія въ свѣтъ всякаго журнала или газеты можетъ быть предоставлено только человѣку, извѣстному на поприщѣ словесности, показавшему сочиненіями хорошій образъ мыслей и благонамѣренность". „При помѣщеніи въ періодическихъ сочиненіяхъ, издаваемыхъ частными людьми, разбора книгъ или журнальныхъ статей, наблюдается, чтобъ рецензенты въ сужденіяхъ своихъ не касались личныхъ и нравственныхъ качествъ сочинителей, и чтобъ, разсматривая подлежащую критикѣ книгу или статью, не дозволяли себѣ порицать другихъ писателей, которыхъ произведенія не составляютъ прямо и непосредственно предмета разбора. Сочинитель, котораго книга, по его мнѣнію, будетъ разобрана неосновательно въ одномъ изъ періодическихъ изданій, имѣетъ право помѣстить въ томъ же самомъ изданіи возраженіе свое, буде оно не противно цензурнымъ правиламъ"... Вошли въ проектъ и всѣ Высочайшія повелѣнія, объявленныя Уварову по начало января 1849 г. кн. Меншиковымъ и Бутурлинымъ, а также гр. Бенкендорфомъ. Рекомендовалось, между прочимъ, учрежденіе особаго цензурнаго департамента, замѣняющаго оба петербургскіе цензурные комитета, уничтоженіе главнаго управленія цензуры и замѣна его совѣтомъ министра народнаго просвѣщенія. Изъ этого уже ясно, что реформа предлагалась вполнѣ въ духѣ комитета 2 апрѣля, которому, повидимому, оставалось только подписаться подъ нимъ обѣими руками. На дѣлѣ, однако, вышло совершенно обратное: личное нерасположеніе къ Уварову Бутурлина и его товарищей подсказывало „провалить" проектъ, хотя бы для этого пришлось

*) Тамъ же, 508.

стать вдругъ на болѣе либеральную точку зрѣнія. Такъ и вышло. Громадный по размѣрамъ журналъ комитета 2 апрѣля *) пестритъ довольно рѣзкими указаніями на излишнія со стороны проекта стѣсненія печати, на полную необоснованность желанія репрессировать и т. п. Не имѣя возможности, по недостатку мѣста, привести всѣ сколько-нибудь характерныя возраженія комитета, я ограничусь лишь его окончательнымъ заключеніемъ:

„Нѣкоторыя изъ сихъ перемѣнъ и прибавокъ излишни, другія не удовлетворяютъ своему назначенію, иныя же невозможны въ исполненіи, и всѣ вообще отнюдь не доказываютъ и не подтверждаютъ собою необходимости въ изданіи новаго устава. Уставъ 1828 г. можетъ имѣть свои недостатки, но они и неважны, и немногосложны. Въ доказательство тому довольно сослаться на наблюденія комитета, Высочайше учрежденнаго во 2 день апрѣля 1848 г. Слѣдя со всѣмъ тщаніемъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ **) за движеніемъ нашего книгопечатанія во всѣхъ его отрасляхъ, имѣвъ при семъ, естественно, случаи къ самымъ многостороннимъ примѣненіямъ, комитетъ сдѣлалъ, конечно, множество замѣчаній, но почти всѣ относились лишь къ дѣйствіямъ писателей и цензоровъ въ нарушеніе или въ противность существующаго устава, а самыя правила его оказались, съ весьма немногими и незначущими изъятіями, болѣе или менѣе достаточными для достиженія цѣли, которую имѣетъ здѣсь правительство: не вредя успѣхамъ истиннаго просвѣщенія и не останавливая его развитія, обуздывать печатное выраженіе всякой мысли неблагонамѣренной или неосторожной. Посему, если и могутъ востребоваться нѣкоторыя исправленія частныя, то измѣнять самый духъ цензурныхъ нашихъ постановленій, или, для нѣсколькихъ параграфовъ, издавать опять цѣлый новый уставъ, третій, въ продолженіе 23 лѣтъ, не представляется, по убѣжденію комитета, ни надобности, ни удобства".

Надо ли говорить, что государственный совѣтъ послѣ такого заключенія комитета проектъ цѣликомъ не одобрилъ. Государь утвердилъ мнѣніе большинства; уставъ 1828 г. существовалъ и дальше, а комитетъ ежедневно дѣлалъ къ нему всевозможныя дополненія... Печать не выигрывала и не проигрывала ровно ничего, гр. же Уваровъ еще разъ испыталъ тяжесть положенія „блюстителя литературы."

Въ концѣ года комитетъ 2 апрѣля понесъ двѣ утраты: умерли Бутурлинъ и Дегай. Сейчасъ изъ „Записокъ" Корфа мы увидимъ, кѣмъ былъ замѣненъ первый, но, кто замѣнилъ второго, я нигдѣ не могъ найти.

---

*) Матеріалы для пересмотра дѣйств. постановл. о цензурѣ и печати, ч. I, стр. 300—319.

**) Журналъ составленъ въ октябрѣ 1849 г.

„Въ воскресенье (9 октября), послѣ обѣдни, Государь, подойдя ко мнѣ въ залѣ передъ церковью, сказалъ:

— Слышалъ ты? Бѣдный Бутурлинъ! я считаю его смерть истинною потерею и сердечно о немъ горюю. Это большая бѣда и для вашего комитета. Вѣдь васъ теперь всего двое (т. е. Дегай и я) и рѣшительно не знаю, кого вамъ дать третьяго. Въ двадцать четыре года я столько растерялъ близкихъ мнѣ людей, что теперь всегда нахожусь въ величайшемъ затрудненіи, когда надо замѣстить довѣренное мѣсто. Не знаешь ли ты кого?

„Я сдѣлалъ, въ молчаніи, отрицательное движеніе.

— Есть человѣкъ, который и въ нашихъ правилахъ, и смотритъ на вещи съ нашей точки: это твой товарищъ по совѣту,— Анненковъ, но у него есть тоже свои занятія, и не знаю, могъ ли бы онъ соединить все вмѣстѣ.

„Какъ эта фраза была произнесена тоже въ тонѣ вопросительномъ, то я счелъ себя въ правѣ отвѣчать:

— Въ комитетѣ, Государь, очень много дѣла; мы теперь, къ счастію, рѣдко имѣемъ случай Васъ утруждать, но для того, чтобъ изрѣдка представить Вамъ нѣсколько строкъ, должны постоянно прочитывать цѣлыя кипы.

— Знаю, знаю, что у васъ попрежнему пропасть дѣла, хоть до меня нынче, благодаря Бога, доходитъ мало.

„Тутъ подошла императрица, и нашъ разговоръ былъ прерванъ.

„Спустя нѣсколько дней, Анненковъ дѣйствительно былъ опредѣленъ членомъ комитета 2 апрѣля“ *).

По всей вѣроятности, бар. Корфъ ошибся, назвавъ Н. Н. Анненкова членомъ—по остальнымъ источникамъ, онъ былъ предсѣдателемъ. Новый предсѣдатель былъ генералъ-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта — вотъ все, что о немъ можно сказать.

VIII.

Итакъ, къ 1850 г. дѣйствующія лица цензурнаго вѣдомства измѣнились: Уварова замѣстилъ его товарищъ — кн. Ширинскій-Шихматовъ, Бутурлина—Анненковъ, Дегая не стало.

По словамъ оффиціальнаго составителя „Историч. свѣдѣній о цензурѣ въ Россіи“, новый министръ народнаго просвѣщенія откровенно подалъ руку комитету 2 апрѣля и указанія его принималъ не какъ посягательство на свою самостоятельность, но какъ дружелюбную помощь и содѣйствіе для достиженія общей цѣли—сообщенія литературѣ болѣе удовлетворительнаго направленія **).

*) «Рус. Старина», 1900 г., V, 274.
**) Стр. 71—72.

Почти въ самомъ началѣ года вниманіе комитета 2 апрѣля было обращено на 45-й номеръ газеты „Rigasche Stadtblätter" съ статьею, заимствованною изъ гамбургскихъ газетъ и посвященною обзору дѣятельности тамошняго библейскаго общества.

„Хотя по видимой цѣли и намѣренію,—писалъ товарищъ министра народнаго просвѣщенія въ своемъ отношеніи къ предсѣдателю с.-петербургскаго цензурнаго комитета, — не находится ничего неблагонамѣреннаго со стороны издателей газеты, но во всякомъ случаѣ осторожнѣе и соотвѣтственнѣе слабости природы человѣческой, людей, незнакомыхъ со зломъ, оставлять въ прежнемъ о немъ невѣдѣніи, нежели знакомить съ онымъ, даже посредствомъ порицаній и опроверженій. Напечатаніе означенной статьи представляется неумѣстнымъ потому еще болѣе, что она помѣщена въ такой газетѣ, которая, по самой формѣ и дешевизнѣ ея изданія, какъ будто бы назначена предпочтительно для низшаго сословія, болѣе податливаго по невѣжеству къ воспріятію соблазнительныхъ мыслей и правилъ, нежели способнаго понимать нравственные доводы и убѣжденія.

„Во исполненіе послѣдовавшаго по сему предмету Высочайшаго повелѣнія, покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить с.-петербургскому цензурному комитету о должномъ наблюденіи, чтобы впредь въ перепечатываніи извлеченій изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ и вообще въ статьяхъ подобнаго рода цензура поступала со всевозможною осмотрительностью, дабы въ печать не могло прорываться ничего могущаго имѣть даже косвеннымъ образомъ вредное вліяніе на общественную нравственность" *).

Около того же времени, обращенъ былъ взоръ и на „Труды Импер. Вольнаго Экономическаго общества". „Журналъ этотъ въ 1850 году былъ отданъ въ аренду Бурнашеву съ субсидіей въ 3,000 р. ежегодно. Бурнашеву повезло, и въ февралѣ уже число подписчиковъ простиралось до 6,500. Враги Бурнашева (между прочимъ, Булгаринъ) исполнились зависти и начали интриговать. Въ это время нѣкто Сердюковъ, хохолъ, приподнесъ кн. В. В. Долгорукову описаніе своего витебскаго имѣнія, усовершенствовавшагося посредствомъ перевода туда изъ черниговскаго хутора украинскихъ бугаевъ, рѣшетиловскихъ барановъ, нѣжинскихъ кабановъ, битюгскихъ жеребцовъ и, наконецъ, нѣсколькихъ душъ крестьянъ. Князь такъ былъ очарованъ лестью Сердюкова, что настоялъ, чтобы статья была напечатана въ февральской книжкѣ. Сердюковъ получилъ 100 экземпляровъ оттисковъ и развозилъ ихъ вельможамъ при рекомендательныхъ письмахъ князя, который былъ въ восторгѣ отъ статьи и повсюду ее расхваливалъ. Булгаринъ, прочтя статью, нашелъ, что въ ней бугаи, кабаны, ба-

*) «Сбор. постанов.», 261—262.

раны, жеребцы и „крѣпостные“ мужчины-малороссы, были сопоставлены въ такой близкой между собою связи, что, очевидно, авторъ статьи, писавшій, и редакторъ—помѣстившій ее, того мнѣнія, что въ Россіи „крѣпостной человѣкъ“ есть не что иное, какъ „быдло“. Проведеніе такой идеи въ народъ посредствомъ двухрублеваго журнала вольнаго экономическаго общества ясно доказываетъ, что они, т. е. авторъ, редакторъ и даже цензоръ, очевидно, революціонеры, имѣющіе злое намѣреніе произвести въ русскомъ народѣ чувство самой жестокой горечи противъ помѣщиковъ и правительства, показавъ вмѣстѣ съ тѣмъ иностранцамъ (которые непремѣнно переведутъ эту книгу на языки французскій, нѣмецкій, англійскій), до какой степени оскотиненія дошло любезное наше отечество. Доносъ этотъ подѣйствовалъ, и комитетъ составилъ всеподданнѣйшій докладъ съ проектомъ слѣдующей резолюціи: 1) автору Сердюкову воспретить личное управленіе имѣніемъ, отдавъ оное въ опеку, и подвергнуть личность его полицейскому надзору съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы и обязавъ подпискою ни въ какія періодическія изданія статей не отдавать, о чемъ и поставить въ извѣстность всѣ цензурные комитеты; 2) цензора исключить изъ службы и впредь никуда не принимать; 3) редактору воспретить всякое изданіе, редактированіе и писаніе, взявъ его личность подъ строжайшій надзоръ полиціи; 4) вольному же экономическому обществу поставить на видъ, чтобы оно органомъ своей гласности, пользующимся отъ правительства правомъ безвозмездной почтовой пересылки, болѣе дорожило и не допускало въ свои члены и редакторы людей неблагонадежныхъ и явно стремящихся къ ниспроверженію общественнаго благоустройства и спокойствія.

„Но Государь значительно смягчилъ этотъ грозный приговоръ и далъ другую резолюцію, сущность которой заключалась въ томъ, что въ статьѣ Сердюкова онъ „никакого злого умысла не усматриваетъ, а находитъ лишь нѣкоторую неловкость въ самомъ изложеніи факта, самого по себѣ, впрочемъ, интереснаго, о чемъ сообщить вольному экономическому обществу, редакторъ коего, какъ лицо подначальственное, собственно за эту статью, напечатанную имъ по распоряженію вице-президента общества, отвѣтственности ни въ какомъ случаѣ подлежать бы не могъ“ *).

Въ это время въ Москвѣ замѣчалось нѣкоторое оживленіе: вышла въ продажу ходившая довольно долго по рукамъ комедія Островскаго „Свои люди—сочтемся“, вышла, правда, не безъ коекакихъ купюръ, пройдя чрезъ разныя мытарства. Этого было достаточно, чтобы комитетъ 2 апрѣля, „въ тѣхъ высшихъ видахъ, въ которыхъ ввѣренъ комитету надзоръ за нашимъ книго-

---

*) „Биржев. Вѣд.“ 1872 г., 355; цитирую по *Скабичевскому*. „Очерки исторіи рус. цензуры“, 362—363.

печатаніемъ, въ той нравственной, такъ сказать, цензурѣ, которая на него возложена“, не могъ не обратить вниманія на эту піесу и заключеніе свое сообщилъ министру народнаго просвѣщенія. Въ свою очередь, министръ предписалъ попечителю московскаго округа пригласить къ себѣ автора комедіи и „вразумить его, что благородная и полезная цѣль таланта, должна состоять не только въ живомъ изображеніи смѣшного и дурного, но и въ справедливомъ его порицаніи, не только въ карикатурѣ, но и въ распространеніи высшаго нравственнаго чувства: слѣдовательно, въ противопоставленіи пороку добродѣтели, а картинамъ смѣшного и преступнаго такихъ помысловъ и дѣяній, которыя возвышаютъ душу; наконецъ, въ утвержденіи того, столь важнаго для жизни общественной и частной вѣрованія, что злодѣянія находятъ достойную кару *еще на землѣ*“ *). Островскій былъ, вѣроятно, крайне удивленъ такой лекціей эстетики и морали...

Еще Бутурлинъ обратилъ вниманіе на „полный произволъ“, который царилъ въ народной картинѣ. Тогда же, по его докладу, Государь приказалъ серьезно заняться вопросомъ и преградить въ народъ свободный дотолѣ доступъ лубочной картины. 23 мая 1850 г. Ширинскій-Шихматовъ вошелъ въ государственный совѣтъ съ слѣдующимъ представленіемъ:

„Листки, извѣстные въ нашей промышленности подъ названіемъ *лубочныхъ картинъ*, являются обыкновенно безъ соблюденія цензурныхъ правилъ, установленныхъ для произведеній искуствъ, какъ-то: эстамповъ, рисунковъ и пр. Доселѣ нѣтъ никакихъ постановленій о цензурованіи собственно этихъ низшихъ произведеній художества и литературы; почему они и поступаютъ въ продажу безъ всякаго просмотра и надзора. Въ тѣхъ же самыхъ видахъ, для которыхъ вообще установлена цензура, необходимо подвергать содержаніе лубочныхъ картинъ предварительному разсмотрѣнію, которое могло бы быть возложено на мѣстныя полицейскія начальства, по примѣру афишъ и малыхъ объявленій.

„Сіи соображенія были представлены покойнымъ д. т. с. Бутурлинымъ Его Императорскому Величеству и, вслѣдствіе Высочайшей резолюціи, онъ увѣдомилъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія гр. Уварова, что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ предоставить министру народнаго просвѣщенія снестись съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и потомъ войти съ подробнѣйшимъ представленіемъ въ государственный совѣтъ.

„На сдѣланное къ министру внутреннихъ дѣлъ отношеніе онъ отвѣчалъ, что, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ о необходимости подвергать лубочныя картины предварительному просмотру,

---

*) *Барсуковъ*, XI, 77.

онъ находитъ, что такой просмотръ безъ неудобства можетъ быть возложенъ на мѣстныя полицейскія начальства, по примѣру афишъ и мелкихъ объявленій. Для того гр. Перовскій предполагалъ существующія правила цензурованія афишъ и мелкихъ объявленій распространить и на лубочныя картины; но къ сему присовокупилъ, что, по содержанію своему, онѣ нерѣдко касаются предметовъ духовныхъ, подлежащихъ, на основаніи св. зак. т. XIV уст. о пред. и пресѣч. преступленій, ст. 147 и 176, особой духовной цензурѣ.

„Посему въ проектѣ измѣненнаго устава о цензурѣ, внесенномъ въ государственный совѣтъ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія, послѣ пункта *м* § 23 устава о цензурѣ (свода зак. тома XIV уст. о пред. и пресѣч. преступленій, прил. къ ст. 147), въ которомъ узаконено: „разсмотрѣніе всякаго рода афишъ и мелкихъ объявленій возлагается на мѣстныя полицейскія начальства, подъ главнымъ надзоромъ министерства внутреннихъ дѣлъ“ предполагалось постановить слѣдующее:

„Сему же правилу подлежатъ всѣ вообще лубочныя картины съ такимъ ограниченіемъ, что если онѣ касаются предметовъ духовныхъ, въ такомъ случаѣ мѣстныя полицейскія начальства передаютъ ихъ на разсмотрѣніе духовной цензуры или епархіальныхъ вѣдомствъ и руководствуются ихъ заключеніемъ“.

„Такъ какъ государственный совѣтъ Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ своимъ призналъ изданіе измѣненнаго устава о цензурѣ ненужнымъ: то, въ исполненіе объявленнаго покойнымъ д. т. с. Бутурлинымъ Высочайшаго повелѣнія, имѣю честь представить совѣту о постановленіи выше изложеннаго правила на счетъ цензуры лубочныхъ картинъ *)“.

25 мая, черезъ два дня, департаментъ законовъ далъ слѣдующее заключеніе, утвержденное затѣмъ и общимъ собраніемъ государственнаго совѣта: „департаментъ законовъ, по разсмотрѣніи сего дѣла, находитъ, что въ немъ предполагается изданіе закона совершенно новаго и требующаго внимательнаго соображенія о средствахъ и порядкѣ его исполненія. Повсемѣстное употребленіе, такъ называемыхъ, лубочныхъ картинъ, коихъ продажа по городамъ и деревнямъ составляетъ особый родъ промышленности, глубоко вкоренилось въ нравы русскаго народа; значительная часть сихъ картинъ, касаясь предметовъ духовнаго содержанія, заключаетъ въ себѣ разныя толкованія, которыя, если картины писаны людьми, принадлежащими къ раскольническимъ сектамъ, могутъ имѣть тогда и вредное вліяніе, въ особенности на необразованныхъ сельскихъ обывателей. При установленіи цензурнаго надзора за лубочными картинами, нужно

---

*) *Д. Ровинскій*, «Рус. народ. картины» («Сбор. отд. рус. языка и словесности Им. Ак. Наукъ», т. XXVII, 345—347.

опредѣлить съ точностью не только обязанности полицейскихъ мѣстъ, но и степень участія, какое должно быть предоставлено духовному начальству безъ излишняго затрудненія онаго въ разсмотрѣніи означенныхъ картинъ. Можетъ быть представится полезнымъ издать по сему предмету и особыя правила, которыя, по мнѣнію департамента, могли бы съ большею удобностью быть составлены во II отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами. Посему департаментъ законовъ полагаетъ: испросить Высочайшее соизволеніе на передачу настоящаго дѣла главноуправляющаго II отд. собственной Его Величества канцеляріи, для внесенія онаго, съ его заключеніемъ, на разсмотрѣніе государственнаго совѣта въ установленномъ порядкѣ." Въ слѣдующемъ (1851) году главноуправляющій II отд. гр. Блудовъ далъ заключеніе: „вновь гравируемыя картины, прежде выпуска ихъ въ свѣтъ, должны быть разсматриваемы въ цензурныхъ комитетахъ и чрезъ отдѣльныхъ цензоровъ на общемъ основаніи; не издавая новыхъ о семъ предметѣ правилъ, слѣдуетъ предписать только: что если между обращающимися уже въ народѣ лубочными картинами встрѣтятся, по содержанію своему, принадлежащія къ числу тѣхъ, о коихъ упоминается въ ст. 134 улож. о наказ., то полиціи обязаны представить о томъ, чрезъ начальниковъ губерній, министерству внутреннихъ дѣлъ для принятія мѣръ къ ихъ уничтоженію *)". Государственный совѣтъ 12 февраля 1851 г. утвердилъ заключеніе департамента законовъ, сводящееся къ полному согласію съ Блудовымъ. 12 апрѣля были уже повсемѣстно разосланы указы. Въ Москвѣ Высочайше утвержденное мнѣніе совѣта было приведено въ исполненіе весьма оригинальнымъ и сокращеннымъ порядкомъ: по приказанію московскаго генералъ-губернатора Закревскаго, всѣ старыя мѣдныя доски были вытребованы отъ заводчиковъ, изрублены въ куски и затѣмъ возвращены имъ въ видѣ мелкаго лома, поступившаго потомъ въ колокольный рядъ...

Такъ Бутурлинъ прекратилъ существованіе нашего безцензурнаго народнаго балагурства. А съ этимъ вмѣстѣ въ Россіи не оставалось уже буквально ни одной черточки, которая бы не ощущала всѣхъ мытарствъ и мученій...

Но и теперь еще раздавались голоса о „поблажкахъ", будто бы дѣлаемыхъ печати, и теперь еще требовали большей „системы", большаго надзора и „неослабнаго блюденія". Скоро они реализировались въ „запискѣ" бар. Медема, признававшаго несостоятельность цензуры. Впрочемъ, онъ „не отчаявался, однако-жъ, придать ей болѣе силы и дѣйствительнаго значенія; средство же, которымъ онъ надѣялся этого достигнуть, состояло въ

*) Тамъ-же.

томъ, чтобъ снабдить какъ редакторовъ, такъ и цензоровъ весьма подробными инструкціями относительно ихъ обязанностей, и поручить вторымъ не только откидывать тѣ выраженія и мысли, которыя признаны неудобными къ печати, но измѣнять ихъ и замѣнять своими собственными мыслями, приводя въ представляемыхъ имъ статьяхъ взгляды и понятія, согласныя съ видами правительства". Комитетъ 2 апрѣля очень былъ радъ такому проекту и препроводилъ его на заключеніе бывшаго канцлера. Гр. Нессельроде, касаясь лишь политическаго отдѣла, отозвался съ похвалою о стремленіяхъ бар. Медема, но выразилъ сомнѣніе въ ихъ осуществимости. „Для успѣха этого предположенія надо,— замѣтилъ онъ,—чтобъ редакторы и ихъ ближайшіе сотрудники проникнуты были духомъ самого автора записки; чтобъ всѣ они смотрѣли на политическія событія съ одной и той же точки зрѣнія; чтобъ они имѣли самыя полныя понятія о государственныхъ формахъ, законахъ, управленіяхъ, какъ у насъ, такъ и въ чужихъ краяхъ; наконецъ, чтобъ они могли все это объяснить не только съ совершеннымъ знаніемъ предмета, но еще съ краснорѣчивымъ убѣжденіемъ. Если всѣ эти условія окажутся соединенными въ поименованныхъ лицахъ, въ такомъ случаѣ—но только въ такомъ—вновь составленныя инструкціи будутъ соблюдены въ совершенной точности и въ ихъ настоящемъ духѣ. Я предоставляю комитету судить, легко ли достигнуть сочетанія этихъ условій и можно ли даже требовать и ожидать его иначе, какъ отъ людей государственныхъ и вмѣстѣ первостепенныхъ писателей". Не болѣе успѣха канцлеръ ожидалъ и отъ непосредственнаго участія цензоровъ въ редактированіи или направленіи статей. „Указать редактору газеты, какъ надо передѣлать политическую статью, какое ей надо дать направленіе, на что въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе, чтобы окончательно сдѣлать полезное заключеніе, и все это въ виду основныхъ началъ нашего государственнаго управленія и общественнаго мнѣнія,—все это требуетъ зрѣлости, вѣрной точки зрѣнія, наконецъ, истинной опытности - достоинствъ, которыя весьма трудно найти въ одномъ лицѣ... Передѣлывать, по предположенію автора записки, статьи было бы такъ же трудно, какъ написать новыя, а статьи подобнаго рода не могутъ и не должны быть написаны посредственно: надо, чтобы критика, даже словесная, не могла ихъ оспорить и опровергнуть. Иначе онѣ не только не принесутъ пользы, но будутъ рѣшительно вредны. Весьма понятно, что на эти статьи и у насъ, и въ чужихъ краяхъ будутъ смотрѣть, какъ на выраженіе мнѣній правительства, отчего и въ отношеніи дипломатическомъ могутъ возникнуть разныя затрудненія". По всему этому гр. Нессельроде совѣтовалъ ограничиться, по крайней мѣрѣ, относительно политическихъ отдѣловъ, тѣмъ, чтобы обязать редакторовъ „разсказывать событія просто, избѣгая, если

возможно, всякихъ разсужденій", но сопровождая иногда эти извѣстія „выраженіями одобренія, сочувствія или же негодованія и насмѣшки, на подобіе, какъ то дѣлаетъ иногда „Сѣверная Пчела", вовсе или почти не упоминать о представительныхъ собраніяхъ второстепенныхъ европейскихъ государствъ, объ ихъ конституціяхъ, выборахъ, утверждаемыхъ законахъ, депутатахъ: однимъ словомъ, не обращать на нихъ никакого вниманія. Избѣгать говорить о народной волѣ, о требованіяхъ и нуждахъ рабочихъ классовъ, о безпорядкахъ, производимыхъ иногда своеволіемъ студентовъ, о поданіи голосовъ солдатами и пр." *) Судьба записки бар. Медема не сложна—она была сдана въ архивъ.

Между тѣмъ, какъ разъ во время всѣхъ этихъ проектовъ, множество всевозможныхъ шлагбаумовъ мысли и слова стало поразительно велико. Когда былъ учрежденъ еще новый цензурный комитетъ для разсмотрѣнія учебныхъ книгъ и пособій, Никитенко записываетъ: „Итакъ, вотъ сколько у насъ нынѣ цензуръ: общая при министерствѣ народнаго просвѣщенія, главное управленіе цензуры, верховный негласный комитетъ, духовная цензура, военная, цензура при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, театральная при министерствѣ императорскаго двора, газетная при почтовомъ департаментѣ, цензура при III отдѣленіи собств. Е. В. канцеляріи и новая, педагогическая. Итого, десять цензурныхъ вѣдомствъ. Если сосчитать всѣхъ лицъ, завѣдывающихъ цензурою, ихъ окажется больше, чѣмъ книгъ, печатаемыхъ въ теченіе года. Я ошибся: больше. Еще цензура по части сочиненій юридическихъ при II отдѣленіи собств. канцеляріи и цензура иностранныхъ книгъ—всего двѣнадцать" **).

Но и Никитенко далъ не полное число. Въ „Историч. свѣд." мы находимъ указанія еще болѣе поразительныя: „Въ 1851 г. представлена была рукопись подъ названіемъ „Хозяйственное обозрѣніе Оренбургской губ.," которая изъ петербургскаго цензурнаго комитета поступила въ главное управленіе цензуры, а оттуда поочередно въ министерства: внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, въ вѣдомства: удѣловъ, государственныхъ имуществъ, почтовое, путей сообщенія, военно-учебныхъ заведеній и къ оберъ-прокурору св. синода". Изъ мнѣнія, поданнаго въ числѣ прочихъ при пересмотрѣ устава 1828 года цензоромъ Лебедевымъ, въ 1862 г., узнаемъ, что въ интересующее насъ время существовали 22 спеціальныхъ цензуры!

5 іюня 1850 г. объявлено: „редакторы газетъ, въ коихъ помѣщаются частныя объявленія, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда присылаемыя для напечатанія частныя извѣстія заключать будутъ

*) «Истор. свѣд»., 73—75.
**) «Записки и дневникъ», I, 518—519.

въ себѣ что-либо сомнительное, должны останавливаться напечатаніемъ оныхъ, представляя о томъ на разрѣшеніе непосредственнаго своего начальства" *).

Вскорѣ Николай I обратилъ вниманіе на недостатокъ простонародныхъ книгъ, „соотвѣтствующихъ цѣли" и замѣтилъ это кн. Ширинскому-Шихматову. Министръ немедленно представилъ всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ подробно разсматривалъ цѣль, которую должны имѣть въ виду подобныя сочиненія и склонялся къ тому мнѣнію, что въ нихъ долженъ быть употребляемъ церковно-славянскій шрифтъ. „Дѣло, однако-жъ, на тамъ и остановилось. По крайней мѣрѣ, когда черезъ два года потомъ, ген.-ад. Анненковъ спрашивалъ у кн. Шихматова, какія именно книги одобрены министерствомъ, то онъ отвѣчалъ ему, что книги для народнаго чтенія составлять очень трудно и что потому, не взирая на всѣ поощренія, которыхъ въ правѣ ожидать литераторы, посвятившіе себя на этотъ предметъ, онъ не можетъ еще указать ни на одинъ удачный опытъ подобнаго сочиненія" **). Вслѣдъ за этимъ докладомъ были утверждены слѣдующія правила, которыми должны были руководиться цензора при разсмотрѣніи книгъ для чтенія „простого народа": „1) Разсматривая книги, назначаемыя для чтенія простого народа, цензоръ наблюдаетъ съ особенною строгостью, чтобы въ нихъ не было не только никакого неблагопріятнаго, но даже и неосторожнаго прикосновенія къ православной церкви и установленіямъ ея, къ правительству и ко всѣмъ постановленнымъ отъ него властямъ и законамъ. Онъ не дозволяетъ также соблазнительныхъ разсказовъ и неблагопристойныхъ выраженій, допуская, впрочемъ, соотвѣтствующія обычаямъ и образу жизни читателей, хотя и грубыя, но невинныя шутки. 2) Цензоръ не долженъ дозволять описанія особенныхъ бѣдствій или нуждъ того состоянія, къ которому принадлежитъ многочисленный классъ читателей этого рода книгъ, ни современныхъ происшествій, сильно дѣйствующихъ на простонародье съ невыгодной стороны. Здѣсь онъ обязанъ мысленно ставить себя на мѣсто читателя и, примѣняясь къ его понятіямъ, опредѣлять, какое впечатлѣніе будетъ на него сдѣлано не только господствующимъ въ сочиненіи мнѣніемъ или чувствомъ, но и каждою отдѣльною мыслью и, такъ сказать, каждымъ словомъ. 3) Охраняя семейственное согласіе, какъ залогъ общественнаго благополучія, цензоръ ни подъ какимъ видомъ не пропускаетъ ничего, что бы могло ослабить въ мнѣніи простолюдиновъ уваженіе къ святости браковъ и повиновеніе власти родительской. 4) Сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются

*) «Сбор. постанов.», 266.
**) «Истор. свѣд.», 72.

злоупотребленія помѣщиковъ или доказывается, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначаемыхъ для чтенія простого народа" *).

Разсказъ о цензурныхъ событіяхъ 1850 г. закончу словами Никитенка: „Кажется, наша литература въ послѣднее время ужъ очень скромна, такъ скромна, что люди образованные, начавшіе было почитывать по-русски, теперь опять вынуждены обращаться къ иностраннымъ, особенно французскимъ книгамъ. Однако, Анненковъ, въ какихъ-то книжкахъ и журнальныхъ статьяхъ, набралъ шестнадцать обвинительныхъ пунктовъ противъ нея — разумѣется, все изъ отдѣльныхъ фразъ, и приготовилъ докладъ. М. А. Корфъ успѣлъ доказать нелѣпость этихъ придирокъ, но принужденъ былъ уступить въ двухъ пунктахъ. Корфъ говорилъ своему брату, что все, что дѣлается въ негласномъ комитетѣ, приводитъ его въ омерзеніе**), и что онъ давно бѣжалъ бы оттуда, если бъ не надежда иногда что-нибудь устраивать въ пользу преслѣдуемыхъ. Сегодня я былъ у попечителя, который тоже поразсказалъ мнѣ много страннаго и просто непостижимаго въ дѣйствіяхъ комитета". Въ другомъ мѣстѣ находимъ: „Отъ Фрейганга я услышалъ дивныя вещи о цензурѣ: о томъ, какъ Елагинъ не пропускалъ въ физикѣ выраженія: „силы природы"; о шпіонствѣ разныхъ прислужниковъ, о тысячѣ притѣсненій, какимъ подвергаются всѣ, кому приходится имѣть дѣло съ цензурою. Фрейгангъ въ мое время считался однимъ изъ самыхъ мнительныхъ цензоровъ, теперь же слыветъ за самаго снисходительнаго" ***).

Поневолѣ воскликнешь вмѣстѣ съ цензоромъ-литераторомъ: „Общество быстро погружается въ варварство. Спасай, кто можетъ, свою душу!" ****).

IX.

31 января 1851 г. было объявлено распоряженіе: „въ помѣщаемыхъ въ нашихъ изданіяхъ отзывахъ о публичныхъ установленіяхъ и сословіяхъ, не должны быть допускаемы неприличныя выраженія, могущія нарушить въ читателяхъ должное къ правительственнымъ учрежденіямъ уваженіе" *****).

Майковъ не рѣшался печатать свои стихотворенія и черезъ Плетнева просилъ заступничества у Жуковскаго. Даль писалъ Погодину: „У меня лежитъ до сотни повѣстушекъ, но пусть гніютъ.

*) «Сборн. постанов.», 264—265.
**) Даже Корфа! —прибавили бы мы.
***) «Записки и дневникъ», I, 537.
****) Тамъ же., 519.
*****) «Сборн. постановл.», 270.

спокойно спать: и не соблазняйте... Времена шатки, береги шапки!" *).

Не могу не остановиться еще на одномъ эпизодѣ изъ жизни комитета 2 апрѣля за 1851 годъ.

Театральный сезонъ этого года Москва, вѣрнѣе — ея beau monde, проводила необыкновенно экспансивно. Въ бѣлокаменную столицу пріѣхала на гастроли извѣстная танцовщица Фанни Эльснеръ, еще въ 1839 г. взбудоражившая нервы такой сухой корки, какимъ былъ Погодинъ. Петербургъ отдалъ ей дань такую обильную, что торжества и оваціи изящной балеринѣ искренно возмущали Николая I. Москва рѣшила побить рекордъ и, дѣйствительно, побила...

По словамъ г. Барсукова,—„поклонники Фанни Эльснеръ, не довольствуясь расточеніемъ ей цвѣтовъ, брилліантовъ, однажды, послѣ даннаго съ ея участіемъ балета „Эсмеральда", запряглись въ ея карету, и если бы не помѣшалъ графъ Закревскій, то и довезли бы балетчицу до гостиницы. На козлахъ же помѣстился редакторъ „Московскихъ Вѣдомостей" Владиміръ Хлоповъ" **). Больше—при прощаніи съ Фанни къ ея ногамъ были положены браслетъ и букеты съ надписью „Москва"!..

Но это восходила звѣзда Каткова... Лишенный въ серединѣ 1850 года каѳедры психологіи въ московскомъ университетѣ, благодаря постановленію о замѣщеніи ея профессоромъ духовнаго сана, Катковъ былъ назначенъ совершенно неожиданно редакторомъ „Московскихъ Вѣдомостей" взамѣнъ удаленнаго съ этой должности ревностнаго поклонника Фанни Эльснеръ—Владиміра Хлопова...

Петербургъ уже слышалъ отголоски московскихъ событій, но послѣднія были сильно подчеркнуты и для многихъ совсѣмъ неожиданно. Въ „Сѣверной Пчелѣ" появляется вдругъ стихотвореніе „Отрывокъ изъ московской жизни на сырной недѣлѣ 1851 года" ***).

Вотъ его буквальное содержаніе.

„Несмѣтное множество экипажей и пѣшихъ, съ букетами, вѣнками и разными драгоцѣнными коврами, неистово стремятся къ театральной площади.

Прохожій говоритъ:

Куда народъ нашъ православный
Стремится съ радостью такой?
Не торжество ль побѣды славной
Россіи-матушки святой?
Куда несутъ дары златые,

---

*) *Барсуковъ*, XI. 365.
**) Барсуковъ, XI, 29.
***) 1851 г. № 64.

Алмазы, яхонты, цвѣты
И жемчугъ, и парчи драгіе
Весь причетъ міра суеты?
Зачѣмъ народъ нашъ православный
На сырной вдругъ затѣялъ пиръ?
Аль прибылъ къ намъ нашъ Царь Державный
Нашъ Европейскій Богатырь?
Скажи мнѣ, старичекъ почтенный,
Скажи, пожалуй, наконецъ,
Ужъ не въ Москвѣ ли нашъ безцѣнный,
Нашъ ненаглядный Царь-Отецъ?

Старикъ.

Эхъ, батюшка, вѣдь, молвить стыдно
(Старикъ невольно отвѣчалъ),
Бѣгутъ зачѣмъ, ей-ей обидно,
Народъ дурить ужъ очень сталъ.
Какой тутъ Царь! А лишь приманкой
Въ кіатеръ сатана завлекъ,
Прельстить насъ хочетъ басурманкой,
Что ноги мечетъ въ потолокъ.

Прохожій.

Такъ вотъ причина восхищенья
Въ столицѣ-матушкѣ Руси.
Спаси насъ Богъ отъ посрамленья,
И паче отъ грѣховъ спаси.
Знать нѣтъ грѣхамъ твоимъ и счету —
О, грѣховодница Москва!
Что ты бѣсовскому причету
Готовишь нынѣ торжества».

Это нескладное произведеніе доморощенной музы хватило московскій beau monde какъ обухомъ по головѣ. Всѣ всполошились, обидѣлись...

Но не было оно спокойно принято и въ Петербургѣ.

Временному предсѣдателю комитета 2 апрѣля, бар. Корфу, стихи эти „представились почти столько же неумѣстными, какъ и сама московская восторженность“...

„Въ городѣ говорили,—пишетъ онъ въ своихъ „Запискахъ“,— что эти стихи напечатаны по Высочайшему повелѣнію; но какъ высшему нашему цензурному комитету (2 апрѣля 1848 г.) ничего не было дано о томъ знать, то я и счелъ, по обязанности его предсѣдателя *), противнымъ долгу нашего призванія удержаться отъ представленія Государю замѣчаній о неприличіи сихъ стиховъ. Въ комитетѣ, по предложенію моему, состоялся слѣдующій журналъ.

„Комитетъ, по разсмотрѣнію напечатанныхъ въ „Сѣверной Пчелѣ“ стиховъ, подъ заглавіемъ „Отрывокъ изъ московской жизни“, нашелъ, что, содержа въ себѣ, можетъ статься, и спра-

*) Временно, за отсутствіемъ Анненкова.

ведливое, но весьма, однако же, рѣзкое порицаніе всего московскаго населенія, по случаю преувеличеннаго чествованія Фанни Эльснеръ, они едва-ли могутъ быть признаны въ томъ отношеніи, что сравниваютъ и какъ бы ставятъ въ параллель преходящія похвалы нѣсколькихъ восторженныхъ лицъ съ тѣми общими священными чувствами вѣрноподданнической любви и преданности, за которыя вся Москва удостоивалась всегда изъявленій монаршаго благоволенія. Считая, что включеніе въ напечатанные для публики стихи подобнаго сравненія не можетъ не быть огорчительно для самой большой части московскихъ жителей, не участвовавшихъ въ этихъ смѣшныхъ изліяніяхъ восторга, и потому неумѣстно, комитетъ долгомъ признаетъ такое заключеніе свое повергнуть на Высочайшее воззрѣніе".

„Слухи городскіе оказались справедливыми. Журналъ нашъ возвратился съ слѣдующей надписью Государя, не показывавшею, впрочемъ, никакого неудовольствія на комитетъ: „Напечатано съ моего дозволенія, какъ полезный урокъ за дурачества части московскихъ тунеядцевъ".

„На другой день, графъ Орловъ, по докладу котораго разрѣшено было напечатать стихи, разсказывалъ мнѣ, что Государь пенялъ ему за непредвареніе нашего комитета, что они будутъ напечатаны по его волѣ.

„— За то, — прибавилъ Государь — комитетъ порядкомъ погонялъ меня!" *)

Вотъ и все, что въ имѣющихся у меня матеріалахъ рисуетъ 1851 г.

Слѣдующій годъ начался „народной литературой", съ рецептами для которой читатели уже знакомы. Въ Москвѣ сотымъ изданіемъ вышла книга „Магазинъ всѣхъ увеселеній, или полный и подробнѣйшій оракулъ и чародѣй". При отсутствіи „соотвѣтствующей цѣли" литературы эта макулатура имѣла широкое распространеніе, что уже видно изъ сотаго ея изданія. Но не удовлетворила эта книга и комитетъ 2 апрѣля. „Нынѣ,—читаемъ въ конфиденціальномъ предложеніи министра народнаго просвѣщенія отъ 5 января,—по дошедшимъ до Государя Императора свѣдѣніямъ о новомъ изданіи означенной книги, въ которомъ замѣчены отчасти тѣ же самыя неисправности, какъ и въ прежнемъ, и по случаю представленія на Высочайшее усмотрѣніе соображенія о мѣрахъ къ ограниченію, на будущее время, изданія вздорныхъ и питающихъ суевѣріе книгъ, подобныхъ вышеозначенной, въ 30 день декабря минувшаго года послѣдовала собственноручная резолюція Его Императорскаго Величества: „не вижу препятствія подобныя сочиненія впредь вовсе запрещать". Увѣдомляя о сей Высочайшей волѣ, покорнѣйше прошу

*) «Рус. Стар», 1900 г. VII, 35.

ваше пр—ство предложить петербургскому цензурному комитету, чтобы книга „Магазинъ всѣхъ увеселеній“ и подобныя ей гадательныя книги, не были впредь разрѣшаемы къ печатанію“ *).

Послѣ смерти Жуковскаго, Никитенко написалъ о немъ статью, не прошедшую въ цѣлости черезъ руки цензора Фрейганга. „Кончилъ съ Фрейгангомъ... Я, впрочемъ, почти не спорилъ, сознавая, что иначе и нельзя по той системѣ, которой держатся нынѣ благоразумнѣйшіе цензора, вродѣ Фрейганга. Объ остальныхъ и говорить нечего: тѣ не держатся никакой системы и слѣдуютъ только внушеніямъ страха. Система же первыхъ въ томъ, чтобы угадывать, какъ могутъ истолковать данную статью враги литературы и просвѣщенія. Фрейгангъ откровенно мнѣ въ томъ сознался. Можно себѣ представить, каковы должны быть заключенія цензуры, которая руководится такими догадками, а не прямымъ смысломъ статьи, не постановленіями, ни даже своимъ личнымъ убѣжденіямъ. Все, значитъ, зависитъ отъ толкованія невѣждъ и недоброжелателей, которые готовы въ каждой мысли видѣть преступленіе“ **).

Крупнымъ дѣломъ этого года была исторія съ „Московскимъ Сборникомъ“ и славянофилами. 21 апрѣля вышелъ первый томъ, изъ предполагавшихся четырехъ, „Сборника“. 4 іюня Анненковъ писалъ Ширинскому-Шихматову, еще раньше обратившему вниманіе на „зловредный альманахъ“: „Главная задача этой статьи ***) заключается въ томъ, чтобы доказать, что въ древней Руси совсѣмъ не было выводимаго нѣкоторыми изъ иностранныхъ, а за ними и русскими писателями, *родового* начала, и что въ ней, напротивъ, преобладалъ бытъ *семейный* и *общинный*.

„Извлекая свои данныя изъ разныхъ изданій археографической коммиссіи и другихъ отечественныхъ источниковъ, входя при семъ и въ историческія, неразрывныя съ предметомъ, изысканія касательно древняго государственнаго устройства Руси и вліянія, которымъ пользовался народъ, — авторъ всѣ частные свои выводы заключаетъ слѣдующимъ общимъ: „Русская земля была *изначала* наименѣе патріархальная, наиболѣе семейная и наиболѣе общественная,—именно общинная“.

„Комитетъ 2 апрѣля 1848 года остановился сперва на формѣ сей статьи, и, съ одной стороны, отдавая всю справедливость ученымъ изслѣдованіямъ автора, а съ другой — не имѣя отнюдь повода, не позволяя себѣ даже и мысли предполагать въ такомъ возобновленіи въ памяти исконнаго устройства Руси какую-нибудь предосудительную цѣль, замѣтилъ, однако, что подобное

*) «Сборн. постановл.», 279—280.

**) «Записки и дневникъ», I, 539.

***) Рѣчь идетъ о статьѣ К. С. Аксакова «О древнемъ бытѣ у славянъ вообще и у русскихъ въ особенности (по поводу мнѣній о родовомъ бытѣ)».

разсужденіе, приличное, въ томъ или иномъ видѣ, среди трудовъ ученыхъ и археологическихъ, къ которымъ правительство само у насъ вызываетъ открытіемъ всѣхъ способовъ и поощреніями, ни въ какомъ случаѣ не должно было найти себѣ мѣсто въ „Сборникѣ“ литературномъ, назначенномъ для легкаго чтенія и обращающемся въ массѣ *всей* публики; такъ какъ въ составѣ сей послѣдней всегда есть люди легкомысленные, поверхностные или недоброжелательные, готовые истолковать все имъ предлагаемое, при малѣйшемъ призракѣ двусмысленности, въ дурную сторону. Переходя отъ сего къ сущности вопроса, разобраннаго Аксаковымъ, комитетъ находилъ, что открытіе исторической истины тогда только получаетъ практическую свою пользу и перестаетъ быть одною суетною игрою ума, когда вмѣстѣ съ этою истиною открываются и ея послѣдствія... но если неоспоримо, что до татарскаго періода въ устройствѣ славянскихъ общинъ господствовали нѣкоторыя начала народнаго правленія и, напримѣръ, въ удѣлахъ нерѣдко народъ призывалъ князей къ себѣ на княженіе и даже изгонялъ ихъ, слѣдовательно, изысканія автора въ семъ отношеніи не отклоняются отъ исторической истины: то неоспоримо, однако же, и то, что по сверженіи монгольскаго ига, указавшаго горькимъ опытомъ, какихъ послѣдствій ожидать должно отъ своевольства и безначалія, въ жизни русскаго народа постепенно возникало совсѣмъ другое начало, именно, начало единовластія и неограниченнаго самодержавія, утвержденное потомъ могучею рукою Петра Великаго на началахъ европейской государственной жизни. Слѣдственно, Аксакову надлежало указать, съ тѣмъ же неоспоримымъ его талантомъ, и всѣ помянутые перевороты, приведшіе насъ къ нынѣшнему порядку вещей—единственной основѣ покоя и благоденствія Россіи. Но онъ не дорисовалъ своей картины и, остановясь на однихъ явленіяхъ, показывающихъ въ глубокой древности существованіе между нашими предками демократическихъ началъ, тѣмъ самымъ далъ поводъ къ тому виду двусмысленности, о которомъ выше упомянуто... Безъ объясненія перехода обновленной Россіи къ другимъ понятіямъ и къ другимъ формамъ, статья Аксакова, по мнѣнію комитета, не слѣдовала быть допущена къ напечатанію не только въ литературномъ сборникѣ, но даже въ изданіи спеціально посвященномъ ученой цѣли“ *).

Если бы я поставилъ своей задачей выясненіе роли и III отдѣленія собств. Е. И. В. канцеляріи въ исторіи русской цензуры взятаго періода, то, разумѣется, очень подробно бы остановился на длинной и поучительной эпопеѣ „Московскаго Сборника“ и славянофиловъ; теперь же только для сохраненія цѣльности впечатлѣнія читателя скажу, что въ результатѣ, въ концѣ

*) *Барсуковъ*, XII, 119—120.

февраля 1853 г. III отдѣленіемъ было приказано: 1) второй томъ „Моск. Сборника“ вполнѣ запретить, 2) прекратить вообще изданіе „Сборника“, 3) редактора Ивана Аксакова лишить права быть редакторомъ какихъ бы то ни было изданій, 4) Ивану Аксакову, Константину Аксакову, Хомякову, Ив. Кирѣевскому и князю Черкасскому, сдѣлавъ наистрожайшее внушеніе за желаніе распространять нелѣпыя и вредныя понятія, приказать представлять свои рукописи впредь прямо въ главное управленіе цензуры, 5) всѣхъ сихъ, какъ людей *открыто неблагонамѣренныхъ*, подвергнуть не секретному, но явному полицейскому надзору.

17 октября было объявлено приказаніе: „проповѣди, слова и рѣчи, сочиненныя духовными лицами, не должны быть печатаемы въ губернскихъ вѣдомостяхъ безъ особыхъ на то разрѣшеній духовныхъ цензурныхъ комитетовъ“ *). Въ сущности, оно было подтвержденіемъ прежняго опредѣленія св. синода о томъ же самомъ съ присовокупленіемъ, чтобы духовные цензурные комитеты „при разсматриваніи проповѣдей, словъ и рѣчей, сочиненныхъ духовными лицами и представляемыхъ для пропуска къ печатанію, усугубляли свое вниманіе къ тому, дабы въ нихъ не были допускаемы разсужденія, которыя по отвлеченности и неудобопонятности могутъ порождать въ читателяхъ превратныя мысли и толки **).

Около 1852 г. изъ вѣдѣнія комитета изъяты сначала всѣ сочиненія духовнаго содержанія, а затѣмъ вскорѣ и всѣ, выходящія на восточныхъ и еврейскомъ языкахъ. Къ сожалѣнію, единственный источникъ, откуда удалось извлечь это указаніе, не даетъ точнаго срока такихъ изъятій ***).

Въ 1853 г. прежде всего было обращено вниманіе на № 11 „Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, въ неоффиціальной части котораго была напечатана XII статья матеріаловъ подъ заглавіемъ: „Народныя игры, загадки, анекдоты и присловья жителей Суджанскаго и Рыльскаго уѣздовъ“.

„Собраніе и обнародованіе подобныхъ матеріаловъ—писалъ товарищъ министра А. С. Норовъ предсѣдателю петербургскаго комитета,—живыхъ памятниковъ старины и преданій—весьма полезно и достойно всякаго поощренія, такъ какъ, кромѣ занимательности своей, они иногда объясняютъ обычаи, нравы и нерѣдко самыя историческія событія, но при всемъ томъ едва ли слѣдуетъ допускать печатаніе безъ разбора, а тѣмъ болѣе въ губернскихъ вѣдомостяхъ всего, что сохранилось въ изустномъ преданіи, въ особенности же, если имъ нарушаются добрые нравы и можетъ быть данъ поводъ къ легкомысленному или превратному сужденію о предметахъ священныхъ.

*) «Сборн. постановл.», 284.
**) «Сборникъ законоположеній и распоряженій по духовной цензурѣ», 132.
***) «Проектъ устава о книгопечатаніи», 1862 г. т. I, 51.

„Въ сихъ видахъ, при чтеніи вышеупомянутой статьи вниманіе остановилось на слѣдующихъ загадкахъ:

1. Родился—не крестился;
Умеръ—не спасъ,
Богоносцемъ былъ (оселъ).

2. На свѣтѣ жилъ
И Богу служилъ,
А умеръ ни въ святыхъ, ни въ грѣшныхъ (тоже).

3. Вышелъ дѣдъ,
Семьдесятъ лѣтъ,
Вынесъ внучатъ старше себя (Евангеліе).

„Хотя эти загадки дѣйствительно въ народѣ существуютъ и собираются съ полезною цѣлью; но, по неприличію ихъ, въ 15 день сего апрѣля послѣдовало Высочайшее повелѣніе: принять зависящія мѣры къ отклоненію на будущее время пропуска цензурою преданій подобнаго рода, которыхъ, конечно, нѣтъ никакой пользы сохранять въ народной памяти чрезъ печать. Вслѣдствіе сего, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство предложить какъ цензирующимъ неоффиціальную часть губернскихъ вѣдомостей ввѣреннаго вамъ, м. г., округа, такъ и петербургскому цензурному комитету, чтобы при допущеніи къ печати народныхъ преданій они руководствовались вышеизложенными соображеніями“ *).

Я, кажется, забылъ упомянуть, что подобнаго рода предписанія министра, приводимыя мною въ обращеніи къ попечителю петербургскаго учебнаго округа, посылались, разумѣется, всѣмъ остальнымъ попечителямъ, въ „Сборникѣ“ же помѣщены только, адресованныя къ петербургскому.

Въ приводимомъ уже мною „Проектѣ устава о книгопечатаніи“ есть очень цѣнное указаніе на расширеніе власти комитета, но безъ всякой даты; по нѣкоторымъ даннымъ можно думать, что оно относится къ 1853 г. А именно: „Высочайше повелѣно единогласныя заключенія комитета приводить въ дѣйствіе собственною его властью, повергая на Высочайшее воззрѣніе лишь случаи особенно важные и законодательные вопросы“ **). Отсюда ясно, что установившійся съ самаго начала порядокъ сношеній комитета съ министромъ народнаго просвѣщенія и другими высокопоставленными лицами каждый разъ лишь послѣ резолюціи Государя, значительно упрощался. Комитетъ бралъ силу.

5 мая умеръ кн. Ширинскій-Шихматовъ, министерство перешло къ А. С. Норову, автору „По Святымъ мѣстамъ“. Отношеніе его къ комитету 2 апрѣля было и предупредительно, и очень

*) «Сборникъ постановленій» 288—289.
**) «Проектъ», 51.

осторожно. Столкновеній тоже не случалось. Впрочемъ, комитетъ какъ-то стихалъ и дѣятельность его въ эти годы не занимаетъ большого мѣста. Несомнѣнно, немалымъ утишающимъ его средствомъ была Восточная война, сильно волновавшая умы государственныхъ дѣятелей.

Извѣстенъ только инцидентъ съ „Библіотекой для Чтенія". Она напечатала рецензію на „Пропилеи" Леонтьева, гдѣ была далеко нелестная аттестація статьѣ Авдѣева о храмѣ св. Петра въ Римѣ. Тамъ было напечатано: „Жаль, очень жаль, что „Пропилеи" издаются не на французскомъ языкѣ; такого вздору не посмѣлъ бы господинъ Авдѣевъ написать на языкѣ академіи надписей и г. Леонтьевъ (издатель „Пропилей") навѣрно не рѣшился бы напечатать для назиданія всей Европы того, что счелъ за довольно хорошее для насъ. Удивительно, что даже и въ русскомъ изданіи, въ которомъ можно пороть дичь безнаказанно, г. Леонтьевъ не употребилъ своей издательской власти на устраненіе, по крайней мѣрѣ, этой наглой нелѣпости". „Плоско и неприлично!—замѣчаетъ Никитенко. Но комитетъ 2 апрѣля, или негласный, вмѣсто литературнаго безвкусія, увидѣлъ здѣсь цѣлое преступленіе, а именно нашелъ, что тутъ „оскорблены русская литература и русское сужденіе". Велѣно было сдѣлать строгій выговоръ цензору и строжайшій Сенковскому съ внушеніемъ, „что такія статьи не только не приносятъ пользы литературѣ, но, напротивъ, вредятъ ей" *).

Въ началѣ 1854 г. въ Кіевѣ была издана книга „О числѣ", мысль Порфирія Гоствило-Корниловича. Св. синодъ нашелъ, что въ ней „мистико-философическія размышленія о числахъ касаются иногда и религіозныхъ понятій. Она, на основаніи устава о цензурѣ, одобрена была кіевскимъ цензурнымъ комитетомъ, безъ сношенія съ цензурою духовною; но какъ въ ней оказались многія разсужденія, очевидно, касающіяся догматовъ вѣры, то она впослѣдствіи подвергнута была разсмотрѣнію духовной цензуры, которая и нашла въ книгѣ нѣкоторыя мѣста, по правиламъ сей цензуры, не заслуживающія одобренія къ напечатанію" **). Это опредѣленіе св. синода было сообщено комитету 2 апрѣля, и, по его распоряженію, 31 марта было объявлено: „свѣтская цензура должна входить въ сношеніе съ цензурою духовною всякій разъ, когда можетъ возникнуть сомнѣніе, не подлежитъ-ли книга, въ цѣлости или отчасти, разсмотрѣнію той цензуры, хотя бы по прямому закону, какъ въ настоящемъ случаѣ, она и должна была поступить на разсмотрѣніе одной свѣтской цензуры" ***).

Это распоряженіе послѣдовало уже при новомъ предсѣдателѣ

*) *Никитенко*, „Зап. и днев.", I, 559—560.
**) „Сбор. законопол. по духов. цензурѣ", 82.
***) „Сборникъ постанов.", 293.

комитета, которымъ былъ назначенъ бар. М. А. Корфъ: 20 марта ген.-ад. Анненковъ занялъ постъ генералъ-губернатора новороссійскаго и бессарабскаго.

Въ этомъ году въ число членовъ комитета назначенъ и министръ народнаго просвѣщенія *). Это нельзя назвать побѣдой устраняемаго раньше „цензурнаго стража", потому что она врядъ-ли была завоевана; вѣрнѣе—это милость самого комитета къ безмолвному министру.

Въ „Москвитянинѣ" М. А. Дмитріевъ напечаталъ „Мелочи изъ запаса моей памяти". На нихъ было обращено вниманіе комитета 2 апрѣля. Баронъ Корфъ писалъ Норову: „Въ напечатанныхъ въ 6-мъ нумерѣ „Москвитянина" — „Мелочахъ изъ запаса моей памяти", М. Дмитріева, находится, между прочимъ, слѣдующее мѣсто: „Вотъ какъ послѣдовало паденіе Сперанскаго. Онъ въ опредѣленный часъ былъ у Государя съ докладомъ. Передъ кабинетомъ, въ такъ называемой секретарской комнатѣ, дожидались окончанія доклада И. И. Дмитріевъ и кн. А. П. Голицынъ. Сперанскій вышелъ съ заплаканными глазами, оторопѣлый, и, не обращая на нихъ вниманія, оборотясь къ нимъ спиною, началъ укладывать въ портфель свои бумаги. Вышедъ уже за двери, онъ опомнился и сказалъ изъ дверей: Прощайте, князь Александръ Николаевичъ; прощайте, Иванъ Ивановичъ!—Когда онъ воротился домой, онъ нашелъ уже у себя министра полиціи, А. Д. Балашева, который именемъ Государя потребовалъ отъ него бумаги и объявилъ ему отсылку на житье въ одну изъ отдаленныхъ губерній. Сперанскій попросилъ его передать Государю одну бумагу въ особомъ запечатанномъ пакетѣ, что тотъ и исполнилъ. И. И. Дмитріевъ ничего не зналъ объ этомъ. Пріѣхавши на другой день въ госуд. совѣтъ и сидя черезъ одинъ стулъ отъ Балашева, онъ спросилъ его объ одномъ его чиновникѣ: Александръ Дмитріевичъ, гдѣ у васъ Ельчаниновъ?—Тотъ отвѣчалъ, и потомъ спросилъ его: Иванъ Ивановичъ, а гдѣ у васъ Михайла Михайловичъ?

— Какой Михайла Михайловичъ? — Сперанскій! — Я думаю, онъ сейчасъ будетъ сюда. — Нѣтъ, не будетъ, — отвѣчалъ Балашевъ;—онъ уже далеко отсюда!"

„Изъ дѣлъ комитета 2 апрѣля видно, что въ 1848 г., по случаю включенныхъ въ „Воспоминанія" Булгарина разсказовъ о покойномъ гр. Сперанскомъ, замѣчена уже была неумѣстность въ печати намековъ на его удаленіе и вообще на подробности такого дѣла, которое, бывъ правительствомъ донынѣ всегда оставляемо подъ покровомъ тайны, слишкомъ еще близко къ нашей эпохѣ, чтобы частное лицо дерзало безъ особаго призванія и, вѣроятно, безъ достаточныхъ къ тому свѣдѣній, приподнимать всенародно край этого покрова.

*) «Проектъ устава о книгопечатаніи», 51.

„Основываясь и нынѣ на тѣхъ же самыхъ соображеніяхъ, комитетъ находилъ, что если изложенныя теперь въ „Москвитянинѣ“ подробности и представляютъ одинъ, такъ сказать, фактическій разсказъ, то, однако же, и въ сей формѣ неприлично и не должно допускать оглашенія, черезъ печать, такихъ и столь близкихъ къ намъ событій, коихъ причины или побужденія правительство, съ своей стороны, признало за благо оставить въ тайнѣ.

„Вслѣдствіе сего, комитетъ полагалъ предоставить вашему пр-ву сдѣлать соотвѣтственное въ семъ смыслѣ по цензурѣ вразумленіе, для общаго на будущее время руководства“.

„На подлинномъ журналѣ комитета послѣдовала въ 11-й день сего апрѣля собственноручная Государя Императора резолюція: *Совершенно справедливо*“ *).

Въ „Саратов. Губ. Вѣдомостяхъ“ были помѣщены народныя пѣсни; комитетъ 2 апрѣля нашелъ въ нихъ колебаніе нравственности. Велѣно: губернатору сдѣлать выговоръ, цензировавшаго газету директора гимназіи выдержать мѣсяцъ на гауптвахтѣ и спросить министра: „благонадеженъ-ли онъ продолжать дальше службу?“ Но по ходатайству Норова директоръ былъ прощенъ. Ему велѣно было одновременно объявить мѣсячный арестъ и помилованіе **).

Вообще этнографія не пользовалась симпатіей комитета 2 апрѣля. 27 мая министръ писалъ о книгѣ Ѳ. Буслаева „Русскія пословицы и поговорки“:

„Въ этомъ, впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ любопытномъ и достойномъ уваженія трудѣ найдены, однако же, совершенно неумѣстными въ печати слѣдующія пословицы: Дѣти отца бьютъ— въ запасъ пасутъ. Мила жена, какъ къ вѣнцу ведутъ да какъ вонъ несутъ. Слава Богу! батюшку съ матушкой схоронилъ, какъ съ поля убралъ.

„Во исполненіе объявленнаго мнѣ по этому случаю Высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго въ 20-й день сего мая, я покорнѣйше прошу ваше превосходительство вмѣнить въ обязанность цензорамъ ввѣреннаго вамъ, м. г., учебнаго округа, чтобы впредь они не пропускали въ печать подобныхъ поговорокъ, которыя, едва ли имѣя какое-нибудь общее въ народѣ распространеніе, столь противны общему патріархальному чувству нашего народа, и которыя, если онѣ и существуютъ дѣйствительно въ какой-нибудь мѣстности, не можетъ, конечно, быть полезно оглашать и вводить чрезъ печать какъ бы въ общее употребленіе“ ***). 5-го августа министръ снова подтвердилъ „о строгомъ исполненіи

*) *Барсуковъ*, XIII, 239—240.
**) *Никитенко*, „Записки и дневникъ“, I, 570.
***) „Сборн. постанов.“, 294—295.

вышеозначеннаго Высочайшаго повелѣнія, въ особенности же при разсмотрѣніи повременныхъ популярныхъ изданій, съ изъясненіемъ при этомъ, что подобные вышеозначеннымъ *наговоры и волшебныя заклятія,* какъ остатки вреднаго суевѣрія, не имѣющіе и въ ученомъ отношеніи никакого значенія, вовсе не должны быть допускаемы къ печати не только въ періодическихъ изданіяхъ, доступныхъ большому и разнообразному кругу читателей, но даже и въ сборникахъ и книгахъ, составляемыхъ съ ученою цѣлью и предназначенныхъ для образованнаго класса публики" *).

Но, по всей вѣроятности, эти два распоряженія исполнялись недостаточно точно и строго, потому что 24-го сентября, по распоряженію комитета 2-го апрѣля, министромъ было приказано: „Народныя пѣсни, предаваемыя печати, должны быть подвергаемы столь же осмотрительной цензурѣ, какъ и всѣ другія произведенія словесности; не должны быть допускаемы такія, въ которыхъ воспѣвается развратъ, позорящій и разрушающій семейный бытъ, ибо желательно, чтобы подобныя пѣсни, если онѣ точно живутъ въ народѣ, искоренялись даже въ самыхъ его преданіяхъ, а не поддерживались и обновлялись въ памяти появленіемъ ихъ въ печати, въ особенности въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ" **)".

Это распоряженіе министра является послѣднимъ, изданнымъ имъ по распоряженію комитета 2-го апрѣля—по крайней мѣрѣ, въ „Сборникѣ постановленій" позднѣйшихъ уже не встрѣчается.

22-го іюля было приказано: „во всѣхъ случаяхъ, когда въ какомъ-либо сочиненіи, издаваемомъ въ Имперіи и Царствѣ Польскомъ, дѣлаются выписки мѣстъ или текстовъ изъ св. книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта, на какомъ бы то языкѣ ни было, должно быть означаемо подъ каждою такою выпискою указаніе на книгу, главу и стихъ, откуда она заимствована" ***).

Н. С. Тихонравовъ помѣстилъ въ „Отеч. Запискахъ" статью о гр. Ѳ. В. Растопчинѣ. Погодинъ увидѣлъ въ ней кражу своихъ архивныхъ документовъ и написалъ объ этомъ въ своемъ „Москвитянинѣ". Полемика послужила поводомъ для письма Корфа Норову, набросаннаго собственноручно карандашемъ: „Въ іюльской книжкѣ „Москвитянина" напечатаны „Два слова о письмахъ гр. Ѳ. В. Ростопчина, помѣщенныхъ въ статьѣ (въ „Отеч. Запискахъ") г. Тихонравова". Въ сихъ „Двухъ словахъ", подписанныхъ М. П., т. е. Михаиломъ Погодинымъ, издателемъ „Москвитянина", разсказывается, что онъ, т. е. г. Погодинъ, эти самыя письма получилъ года три тому назадъ отъ сына гр. Растопчина и приготовилъ ихъ къ печати съ своимъ предисловіемъ,

*) Тамъ же, 296.
**) Тамъ же, 297.
***) Тамъ же, 295.

но не могъ ихъ издать, и они остались въ его бумагахъ. За симъ г. Погодинъ продолжаетъ: г. Тихонравовъ, которому я сообщилъ и прочее. Я не вхожу и не считаю себѣ вправѣ входить въ разсмотрѣніе справедливости дѣлаемыхъ здѣсь г. Тихонравову упрековъ, по степени основанія, какое имѣлъ г. Погодинъ назвать его поступокъ *англійскимъ* маневромъ (при принятомъ нынѣ понятіи этого выраженія), хорошимъ *призомъ* и пр. Но по кругу дѣйствія, возложенному Высочайшимъ довѣріемъ на комитетъ 2-го апрѣля, я нахожу прямою своею обязанностью замѣтить, что эти упреки, выходящіе изъ предѣловъ того, что принадлежитъ собственно къ дозволенной литературной критикѣ и полемикѣ, бывъ сдѣланы гласно, черезъ печать и передъ всею публикою, не могутъ и по сущности ихъ, и по формѣ не быть почтены за оскорбленіе г. Тихонравова, а въ семъ отношеніи законы наши совершенно положительны: цензурный уставъ запрещаетъ пропускать въ печать такія сочиненія, въ которыхъ оскорбляется честь какого-либо лица непристойными выраженіями, а узаконеніе 1845 г. (ст. 1308 и 2020) подвергаетъ извѣстнымъ, соразмѣрнымъ степени виновности наказаніямъ, какъ цензора, нарушившаго сіе правило, такъ и того, кто составилъ и распространилъ, хотя и не заключающее въ себѣ прямой клеветы, но ругательное или явно оскорбительное для чести частнаго лица сочиненіе. Вслѣдствіе того, я полагалъ бы, обративъ на помѣщенную въ „Москвитянинѣ" статью г. Погодина вниманіе министра народнаго просвѣщенія, предоставить дѣло сіе, въ дальнѣйшемъ онаго ходѣ, его дѣйствію и распоряженію".

Очевидно, третировать Норова карандашомъ писанными бумагами — что, особенно по тогдашнимъ канцелярскимъ нравамъ, было явною невѣжливостью — Корфу предоставляла возможность его сильная позиція. Норовъ въ тотъ же день отвѣчалъ ему: „Вслѣдствіе предварительнаго объясненія моего съ вами, считаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства, что я предложилъ г. управляющему московскимъ учебнымъ округомъ сдѣлать замѣчаніе цензору Раевскому за одобреніе къ напечатанію въ „Москвитянинѣ" статьи г. Погодина: „Два слова о письмахъ гр. Растопчина", содержащей въ себѣ выраженія, оскорбительныя для г. Тихонравова" *).

Правой рукой Норова скоро сдѣлался Никитенко. Человѣкъ этотъ, вовсе не склонный совершенно освободить печать отъ цензуры, много хлопоталъ, чтобы такъ или иначе ее обезвредить, и нельзя не сказать, чтобы не успѣлъ повліять на министра. Послѣдній поручалъ ему составлять болѣе важные доклады. Нѣкоторые изъ нихъ были отвезены Государю. „...Другой докладъ весьма важенъ для нашей литературы: испрошено соизволеніе

---

*) *Барсуковъ*, XIII, 263—265.

Государя представлять ему каждую треть года вѣдомость о лучшихъ русскихъ сочиненіяхъ и даже переводныхъ, съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія и съ указаніемъ ихъ достоинствъ, чтобы Государь видѣлъ, что въ нашемъ умственномъ мірѣ не однѣ гадости творятся, какъ ему постоянно доноситъ пресловутый комитетъ 2-го апрѣля. Государь это принялъ благосклонно" *).

Но книжный рынокъ того времени былъ крайне бѣденъ. Тотъ же современникъ и свидѣтель происходившаго записываетъ: „вовсе не выходитъ никакихъ книгъ, а какъ и сборники запрещены, то литература наша въ полномъ застоѣ. Только и есть журналы: „Отеч. Записки", „Современникъ", „Библіотека для чтенія", „Москвитянинъ" и „Пантеонъ" .... „Составилъ и отдалъ въ канцелярію для переписки докладъ Государю и списокъ о лучшихъ произведеніяхъ нашей учено-литературной дѣятельности съ января по октябрь. *Набралось 16 сочиненій*" **).

XI.

Еще въ послѣдніе мѣсяцы жизни Николая I, Никитенко подбилъ Норова составить докладъ о цензурѣ и не мало за нимъ просидѣлъ. Государь принялъ его отъ министра и сказалъ: „Дай мнѣ это самому прочесть и обдумать". Подъ 20-е марта 1855 г., уже при Александрѣ II, находимъ въ „Дневникѣ" слѣдующую запись:

„Былъ по утру у министра. Говорилъ о дѣлахъ. Онъ сказалъ, что меня ожидаютъ нѣсколько важныхъ дѣлъ. Я представилъ ему, что прежде всего надо заняться цензурою, ибо можетъ случиться, что Государь самъ объ этомъ вспомнитъ, такъ чтобы у насъ все было готово. Авраамъ Сергѣевичъ съ жаромъ ухватился за эту мысль и просилъ меня заняться теперь исключительно инструкціей цензорамъ. Итакъ, надо всего себя погрузить въ это дѣло. Предметъ важный. Настаетъ пора положить предѣлъ этому страшному попеченію мысли, этому произволу невѣждъ, которые дѣлали изъ цензуры съѣзжую и обращались съ мыслями, какъ съ ворами и съ пьяницами..." Подъ 3-го апрѣля записано: „Авраамъ Сергѣевичъ вдругъ заспѣшилъ съ проектомъ цензурной инструкціи, а дѣло такое, что его и въ мѣсяцъ усидчивой работы не сдѣлаешь. А я началъ еще недавно. Впрочемъ, сегодня я прочелъ ему уже все сдѣланное—около половины цѣлаго. Пришелъ въ восторгъ, обнималъ: „я многого ожидалъ отъ васъ,—сказалъ онъ,—но это превзошло мои ожиданія". Отлично, —подумалъ я,—но прочно-ли? Положено представить Государю сначала какъ бы

*) «Записки и дневникъ», I, 563—564.

**) Тамъ же, 570—572.

вступительную записку о цензурѣ и о необходимости дать ей болѣе разумное направленіе, а затѣмъ и инструкцію.

— Одна только бѣда,—замѣтилъ Авр. Сергѣевичъ,—что нынѣшніе цензора не въ состояніи будутъ слѣдовать правиламъ, которыя вы имъ предлагаете.

— Неужели же,—отвѣчалъ я—вы думаете ихъ оставить на службѣ? Съ ними, конечно, ничего не пойдетъ. Если улучшать цензуру, то необходимо и отставить нынѣшнихъ цензоровъ, по совершенной ихъ неспособности, а замѣнить ихъ лучшими людьми. На эти мѣста болѣе, чѣмъ на другія, необходимо сажать умныхъ людей. Надо рѣшительно принять за правило, что неимѣющій какой-нибудь, хотя кандидатской степени, не можетъ быть цензоромъ.

„Рѣшено: какъ скоро Государь утвердитъ инструкцію, отставить нынѣшнихъ цензоровъ и опредѣлить новыхъ. Въ этомъ случаѣ я позволяю себѣ дѣйствовать на пользу общую со вредомъ для нѣкоторыхъ. Да и надо сказать, въ самомъ дѣлѣ, кто велѣлъ этимъ господамъ принимать на себя бремя не по силамъ? Жалованье, вотъ, хорошее. А вѣдь сколько надѣлано гадостей, глупостей и, что хуже всего, подлостей! Иногда доходитъ до того, что не чувствуешь ни малѣйшаго сожалѣнія ко всѣмъ этимъ Елагинымъ, Ахматовымъ, Пейкерамъ, Шидловскимъ. Ихъ набрали Шихматовъ и Мусинъ-Пушкинъ. Елагинъ завѣдывалъ конюшнею у Шихматова. Ахматовъ, казанскій помѣщикъ, сдѣланъ цензоромъ потому, что его начальникъ ему долженъ...“ Подъ 6 апрѣля:— „отдалъ записку о цензурѣ для представленія при личномъ докладѣ министра Государю Императору. Одобрена.“ А подъ 13 апрѣля—„сейчасъ отъ министра. У него былъ личный докладъ Государю. Не знаю, почему Авр. Сергѣевичъ далъ направленіе дѣлу о цензурѣ не то, какое мы съ нимъ порѣшили послѣ нашего совѣщанія. Вмѣсто того, чтобы прочесть Государю заготовленную записку, онъ на словахъ объяснилъ ему дѣло: вышло не то, что могло и чему слѣдовало выдти. Министръ налегъ на комитетъ 2 апрѣля, но не выразилъ основаній его зловредности, которыя были изложены въ запискѣ. Государь отвѣчалъ, что такъ какъ онъ, министръ, теперь самъ членъ этого комитета, то послѣдній уже не можетъ быть такъ вреденъ *)“.

Но, очевидно, до Государя доходили неоднократно жалобы на произволъ цензуры вообще, комитета 2 апрѣля—въ особенности. Закончившаяся совершенно неожиданно севастопольская кампанія многихъ вывела изъ потемокъ, многимъ вдругъ стало понятно все, ихъ окружавшее. Даже такіе люди, какъ М. А. Дмитріевъ и кн. Вяземскій уже не мирились явно съ существовавшимъ надъ печатью гнетомъ. Вотъ что писалъ первый изъ нихъ

*) «Записки и дневникъ», II, 3—9.

Погодину: „Ко мнѣ пишутъ, что хотятъ пересмотрѣть цензурный уставъ. Этого мало! Надобно сдѣлать, чтобы не было министерскихъ предписаній, которыми одними руководствуются цензоры, оставляя уставъ безгласнымъ. Надобно кому-нибудь открыть Государю, что въ прошедшее царствованіе предписаніе, подписанное министромъ, было выше устава, подписанннаго Государемъ“... *) Читатели знаютъ то, что не зналъ Дмитріевъ и многіе его современники, знаютъ источникъ министерскихъ предписаній, всегда слово въ слово повторявшихъ распоряженія комитета 2 апрѣля, а передъ тѣмъ—Меншиковскаго.

Однимъ изъ первыхъ (хронологически, разумѣется) выразителей поворота въ общественномъ мнѣніи былъ гр. П. А. Валуевъ, обратившій вниманіе главнаго представителя прогрессивныхъ вѣяній, великаго князя Константина Николаевича, на свои „Думы русскаго“. „Вездѣ преобладаетъ у насъ,—писалъ онъ,—стремленіе сѣять добро силою. Вездѣ пренебреженіе и нелюбовь къ мысли, движущейся безъ особаго на то приказанія. Вездѣ опека надъ малолѣтними **)“... „Многочисленность формъ подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую оффиціальную ложь—находимъ въ приказѣ августѣйшаго генералъ-адмирала, отданномъ въ 1855 г.***).“ „Что у насъ теперь прежде всего желательно?“ спрашиваетъ авторъ „Думъ“ въ „Дневникѣ“ своемъ отъ 20 октября 1855 г. и отвѣчаетъ—„преобразованіе цензуры“. Въ другомъ мѣстѣ „Дневника“ находимъ: „каждый министръ выражаетъ полное сочувствіе печатному слову, но проситъ только изъять свое вѣдомство“.

Не остались безъ перемѣны и убѣжденія бар. Корфа. Присмотрѣвшись къ новымъ вѣяніямъ, понявъ дальность разстоянія до пережитой эпохи, онъ вдругъ представилъ молодому Государю записку о.... закрытіи комитета.

Во всеподданнѣйшемъ своемъ докладѣ, между прочимъ, объяснялъ:

„Въ настоящее время, послѣ восьмилѣтняго почти существованія комитета, дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ:

„1) Въ писателяхъ и цензорахъ окончательно водворена та весьма дѣйствительная увѣренность, что надъ ними всегда, неусыпно, неослабно дѣйствуетъ глазъ правительства.

„2) Цензурныя постановленія приведены въ должную опредѣлительность и средства цензуры усилились и обезпечены въ полную соотвѣтственность кругу ея дѣйствій.

„3) Во главѣ министерства народнаго просвѣщенія находится лицо, пользующееся монаршимъ довѣріемъ. При семъ новомъ

*) *Барсуковъ*, XIV, 12.
**) «Рус. Стар.», 1891 г., V, 357.
***) «Рус. Стар.», 1891 г., V, 359.

высшемъ управленіи, цензура, въ настоящемъ ея устройствѣ, дѣйствуетъ и безъ всякаго сторонняго вліянія съ такою бдительностію, что вмѣсто сотенъ прежнихъ замѣчаній, въ нынѣшнемъ году былъ комитету поводъ всего лишь къ двумъ и то по предметамъ маловажной неосмотрительности, на которые, одновременно съ комитетомъ, было обращено вниманіе и со стороны министерства.

„Въ семъ положеніи не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что комитетъ 2-го апрѣля, существовавшій всегда лишь въ видѣ *изъятія* *) изъ общаго порядка, окончательно совершилъ свое назначеніе, и съ минованіемъ вызвавшихъ оный чрезвычайныхъ обстоятельствъ, становится отнынѣ совершенно излишнимъ въ цензурной администраціи звеномъ. Словомъ, что дѣло, по выраженію блаженныя памяти Государя Императора, *устроилось иначе* **). Осмѣлюсь сказать еще болѣе: комитетъ въ настоящее время не только пересталъ быть *полезнымъ*, но и сдѣлался *вреднымъ*. Его вмѣшательство въ дѣла, долженствующія имѣть свой законный ходъ; его посредничество между министерствомъ и верховною властью, *которому нѣтъ примѣра ни въ какой другой части управленія*; этотъ видъ сторонняго надзора и контроля, при несуществованіи болѣе прежнихъ къ тому побужденій,—все сіе вмѣстѣ *вредитъ единству дѣйствія* и власти министра и даже, можетъ быть, иногда усиливаетъ свыше мѣры строгость цензуры, что, конечно, не менѣе противно Высочайшимъ видамъ Вашего Императорскаго Величества, чѣмъ и предосудительная ея слабость. Во всѣхъ законодательствахъ принято за основаніе, что представленіе авторомъ книги въ цензуру избавляетъ его отъ всякаго личнаго преслѣдованія; опасеніе же авторовъ, что они, не смотря на пропускъ цензора, могутъ подвергнуться взысканію *безъ истребованія отъ нихъ сперва* объясненій, доводитъ иногда до цѣли совершенно противоположной: распространяется *рукописная* литература, гораздо болѣе опасная, ибо она читается съ жадностью, и противъ нея безсильны всѣ полицейскія мѣры“ ***).

Въ „Запискахъ“ же Корфа находимъ тоже небезынтересныя строки:

„Если въ эпоху своего учрежденія, когда министерствомъ народнаго просвѣщенія управлялъ еще графъ Уваровъ, цѣль и надобность особаго тайнаго надзора оправдывались тѣмъ, что министръ утратилъ прежнее къ нему довѣріе Государя и если, въ началѣ своего существованія, комитетъ нашъ, по глубокому

*) Курсивъ здѣсь и дальше не мой.

**) При личномъ представленіи членовъ только что учрежденнаго комитета 2 апрѣля, Николай I сказалъ имъ, что какъ ему «нельзя самому читать всего выходящаго у насъ въ печати, то они, члены, будутъ его глазами, *пока это дѣло иначе устроится*»». («Проектъ», 49).

***) «Проектъ», 53.

моему убѣжденію, принесъ большую и существенную пользу, то дальнѣйшее продолженіе этого внѣшняго, посторонняго надзора, при преемникахъ Уварова, когда все постепенно вошло въ законные предѣлы, сдѣлалось уже совершенною аномаліею и только парализовало дѣйствія и власть самого министерства, вредя, косвенно, всякому полезному развитію и успѣхамъ отечественной письменности“ *).

Плохо, конечно, вѣрится искренности послѣдняго предсѣдателя комитета: или онъ поневолѣ влачилъ на своихъ раменахъ это званіе, или не по собственной иниціативѣ составилъ указанный докладъ. На первое указаній нигдѣ не встрѣчается...

Какъ бы то ни было, 6 декабря 1855 года, комитетъ 2 апрѣля былъ Высочайше упраздненъ.

Съ прекращеніемъ его надзора, цензура, разумѣется, сразу почувствовала отсутствіе Дамоклова меча и, въ извѣстной мѣрѣ, поддалась, безсознательно и невольно, духу новыхъ вѣяній. Тѣ времена, когда К. С. Аксаковъ, оканчивая грамматику и ожидая сдачи ея въ цензуру, боялся, что цензоръ не пропуститъ родительнаго падежа, скажетъ: неприлично! — сдѣлались прошлымъ. Чувствовалось, что прошлое это кануло въ вѣчность. Въ этомъ, къ сожалѣнію, ошиблись, но что скоро, по крайней мѣрѣ, такой именно комитетъ не могъ возродиться—это было ясно.

Никитенко замѣчательно мѣтко схватилъ общее настроеніе общества во время существованія цензурнаго тріумвирата. „Вы всѣ люди вредные, потому что мыслите и печатаете свои мысли“— вотъ, по его мнѣнію, девизъ Бутурлинскаго комитета.

„Не мудрено, если въ понятіяхъ водворяется хаосъ. Молодое поколѣніе, не находя благородной цѣли своимъ стремленіямъ, удаляется отъ науки, отъ искусствъ, спутываетъ всѣ основныя понятія о жизни, о значеніи человѣка и общества. Въ обществѣ нѣтъ точки опоры; всѣ бродятъ, какъ шалые или пьяные. Одни воры и мошенники бодры и трезвы. Одни они сохраняютъ присутствіе духа и видятъ ясно цѣль своей жизни — въ стяжаніи. Злоупотребленія повсюду выступаютъ открыто и нагло, даже не боясь наказанія, которое случайно падаетъ изъ сильной руки, а не изъ нѣдръ закона. Безнравственность быстро распространяется и поражаетъ даже души простыя и не лишенныя чувства чести, но не находящія безопасности въ честныхъ убѣжденіяхъ и поступкахъ“ **). Такимъ представлялось сдавленное общество человѣку, далеко не склонному дать печати полную свободу, даже рекомендовавшему правительству принять въ отношеніи ея „направляющую политику“.

Я позволю себѣ надѣяться, что читатели схватили общее впе-

*) «Рус. Старина», 1900 г., III, 574.

**) «Записки и дневникъ», I, 509.

чатлѣніе восьмилѣтней дѣятельности комитета 2 апрѣля, но считаю небезполезнымъ резюмировать ее указаніями оффиціальнаго источника.

„Единственный успѣхъ, на который могло указать министерство, заключался въ увеличившейся строгости цензуры, и точно, она сдѣлалась до того подозрительною, что одинъ цензурный комитетъ вступилъ въ ходатайство о назначеніи въ его составъ музыканта для разсмотрѣнія нотъ, ибо, представлялъ онъ, необходимо бываетъ опредѣлить, „дѣйствительно-ли представляемыя ноты содержатъ въ себѣ музыкальную пьесу, а не какое-либо безнравственное и вредное сочиненіе, написанное въ видѣ нотъ, знаками, составленными по извѣстному ключу“. Одинъ цензоръ, имѣя, безъ сомнѣнія, въ виду выговоръ, сдѣланный за пропущеніе въ словарѣ неблагопристойныхъ словъ, просматривая словарь Рейфа, подвергъ исключенію многія иностранныя слова: одни по причинѣ ихъ неблагопристойнаго смысла, другія по причинѣ ихъ созвучія съ русскими неблагопристойными словами, третьи — по разнымъ своимъ соображеніямъ; такъ, между прочимъ, замѣтивъ, что нѣмецкое слово Litanej было переведено словами: „литія, молебенъ, скучный разсказъ“, онъ вычеркнулъ послѣднее. Издатель словаря, жалуясь главному управленію, объяснялъ, что хуже будетъ, если русскій ученикъ, встрѣтивъ на нѣмецкомъ языкѣ это слово въ смыслѣ „скучнаго разсказа“, станетъ переводить его словами „литія, молебенъ“... „Господство надъ цензурою комитета 2 апрѣля было крайнимъ напряженіемъ системы запрещенія и предупрежденія. Время это получило въ литературныхъ кругахъ наименованіе „эпохи цензурнаго террора“. Но, какъ всякій терроръ, онъ не могъ быть слишкомъ продолжителенъ и пророчилъ поворотъ идей въ другую сторону. Въ самомъ дѣлѣ, новое направленіе, обнаружившееся черезъ нѣсколько лѣтъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, не замедлило коснуться и цензуры, а оживленіе общественной мысли отразилось и на литературѣ. Цензурный терроръ миновалъ; но не оставилъ-ли онъ по себѣ слѣда? Есть люди, которые увѣрены, что продолжительное стремленіе цензуры подчинить себѣ литературу и вести ее на помочахъ произвело ту недовѣрчивость со стороны послѣдней ко всякому сближенію съ правительствомъ, которая въ ней замѣчается въ настоящее время“ *).

На этомъ я и закончу свою работу объ одномъ изъ самыхъ памятныхъ періодовъ въ двухсотлѣтней исторіи нашей періодической печати.

Мих. Лемке.

---

*) «Историческія свѣдѣнія», 72—73, 76—77. Подъ «настоящимъ временемъ» подразумѣвается 1862 г.—время изданія этого обзора.

НЕ СТРАШНОЕ.

(Изъ записокъ репортера. Этюдъ).

I.

„Будьте въ N-скѣ двадцатому. Выѣздная сессія окружнаго суда, подробности письмомъ“.

Получивъ эту телеграмму редактора въ номерѣ плохонькой губернской гостиницы, я прежде всего посмотрѣлъ въ путеводитель, потомъ на часы. У меня была надежда, что я уже не попаду къ ночному поѣзду на станцію желѣзной дороги, расположенную верстахъ въ 10 отъ города. Въ умѣ уже мелькалъ лаконически-дѣловой отвѣтъ: „телеграмма запоздала, двадцатому не могу“. Къ сожалѣнію, однако, путеводитель и часы говорили другое: у меня было три часа на сборы нехитраго багажа и на путь до станціи. Этого было довольно, даже слишкомъ.

Около 11 часовъ теплаго лѣтняго вечера сонный извозчикъ на сонной клячѣ доставилъ меня къ загородному вокзалу, свѣтившему издалека своими огнями. Я пріѣхалъ какъ разъ во время и, уже стоя на платформѣ, могъ видѣть, какъ, замедляя ходъ, добѣгалъ къ станціи освѣщенный пассажирскій поѣздъ.

Прямо противъ меня остановился ярко освѣщенный вагонъ, въ открытое окно котораго виднѣлась какая-то компанія за маленькимъ столикомъ. Я хотѣлъ было войти туда, но инстинктивно остановился: что-то подсказало мнѣ, что эти господа безъ сюртуковъ и съ картами въ рукахъ, которыхъ я видѣлъ въ окно—принадлежатъ къ составу N-скаго окружнаго суда, ѣдущаго на выѣздную сессію... Я подумалъ, что съ меня будетъ еще довольно «выѣздной сессіи» и пошелъ къ хвосту поѣзда. Пока я шелъ по платформѣ, прозвенѣлъ второй звонокъ, затѣмъ третій. Поѣздъ, вздрагивая и скрипя тормазами, уже трогался, когда, со своимъ скромнымъ багажемъ странствующаго репортера, я вошелъ въ купэ вто-

раго класса, занятое двумя пассажирами. Одна изъ верхнихъ подъемныхъ скамеекъ была, къ счастью, свободна, и я взгромоздился туда. Мнѣ хотѣлось поскорѣе забыться, чтобы за ночь очистить голову отъ „послѣднихъ мѣропріятій администраціи“ по части помощи погорѣльцамъ и приготовиться на завтра къ воспріятію впечатлѣній выѣздной сессіи...

Но мнѣ не спалось... Поѣздъ успѣлъ разойтись полнымъ ходомъ, въ открытое окно вѣяло свѣжестью лунной ночи, и мнѣ была видна часть пути: концы шпалъ, откосы, кое-гдѣ гудящій мостокъ, ручей, часть луга,—все это, залитое бѣлымъ свѣтомъ луны, неслось мимо, точно уносимое какимъ-то бѣшено струящимся потокомъ... И я думалъ съ невольной грустью, что такъ-же быстро бѣжитъ моя жизнь отъ мостка къ мостку, отъ станціи къ станціи, отъ города къ городу, отъ пожара къ выѣздной сессіи... и что объ этомъ никоимъ образомъ нельзя написать въ газетномъ отчетѣ, котораго ждетъ отъ меня редакція...

Такъ, въ полузабытьи, я пролежалъ нѣкоторое время. Между тѣмъ, мои сосѣди по купэ продолжали начатый ранѣе разговоръ, который понемногу сталъ проникать въ мое сознаніе.

— Да, пустяки это все,—говорилъ одинъ изъ нихъ, сидѣвшій противъ меня внизу и глядѣвшій въ окно. — Выдохлось...

— Ну, не скажите,—отвѣтилъ его собесѣдникъ, слегка зѣвая. (Мнѣ были видны только его ноги въ клѣтчатыхъ брюкахъ).—А по моему всетаки страшно... столъ—существительное, такъ сказать, неодушевленное и вдругъ... начинаетъ обнаруживать смыслъ... слова выстукиваетъ... Или вотъ это самое, что напечатано въ газетѣ...

— Ну, что жъ, въ газетѣ... Такое же суевѣріе... И при томъ... явись дѣйствительно фигура эта... съ рогами тамъ и хвостомъ... огонь, что-ли, изо рта—непремѣнно сцена изъ балета припомнится...

Нѣкоторое время собесѣдники помолчали, потомъ сидѣвшій у окна сказалъ:

— Нѣтъ, въ наше время страшно не это... Помните у Толстого въ Аннѣ Карениной: мужикъ, обыкновенный мастеровой человѣкъ работаетъ въ желѣзѣ и говоритъ что-то по французски... Конечно, тутъ немного странно: почему именно по французски... Вѣдь всетаки—мужикъ и вдругъ на иностранномъ діалектѣ... Но всетаки—какъ будто ничего особеннаго... А вотъ въ данной-то комбинаціи житейскихъ обстоятельствъ отъ этой натуральной, такъ сказать, запутанности и вѣетъ настоящимъ ужасомъ. Или вотъ... у Достоевскаго въ братьяхъ Карамазовыхъ... Помните?..

— Что именно? Я вѣдь не учитель словесности, я, батюшка Павелъ Семеновичъ, математикъ.

— Да, извините... Я напомню. У него тоже, если хотите, чортъ, то есть своего рода галлюцинація. Но, такъ сказать, безъ всѣхъ этихъ атрибутовъ. Это, говоритъ, былъ какой-то господинъ или, лучше сказать, извѣстнаго сорта русскій джентльмэнъ лѣтъ уже не молодыхъ, съ просѣдью тамъ, что-ли, въ волосахъ и въ стриженой бородкѣ клиномъ... Бѣлье, длинный галстукъ въ видѣ шарфа, все, говоритъ, было такъ, какъ и у всѣхъ шиковатыхъ джентльмэновъ, но только бѣлье грязновато, а галстукъ потертъ. Словомъ, „видъ порядочности при весьма слабыхъ карманныхъ средствахъ".

— Ну, какой же это чортъ? Просто проходимецъ какой нибудь,—сказалъ, засмѣявшись, математикъ.

— То-то вотъ и есть. Самый зауряднѣйшій проходимецъ, именно. А между тѣмъ, отъ этой-то обыкновенности дрожь и идетъ. И именно потому, что обыкновенно все до мельчайшихъ подробностей. И галстукъ, и манишка, и сюртучокъ. Посмотришь: Господи ты Боже мой! Да вѣдь всѣ мы, приблизительно, вотъ этакіе-же.

— Ну, это что-то... философія,—сказалъ опять математикъ.

На нѣкоторое время водворилось молчаніе. Поѣздъ бѣжалъ, все, такъ же ровно громыхая. Господинъ, котораго упрекнули въ философіи, молча наклонился къ окну и сталъ пускать дымъ на воздухъ. Теперь мнѣ было ясно видно его лицо, освѣщенное луной: широкое, съ ординарными чертами, въ общемъ довольно безцвѣтное. Обращали вниманіе только глаза, глубокіе и задумчивые, и голосъ: въ немъ какъ будто звучала какая-то мысль, безпокоящая, какъ заноза, и все требующая разрѣшенія. Казалось, этотъ человѣкъ прислушивается къ чему-то въ собственной рѣчи или въ глубинѣ своего настроенія.

— Да,—сказалъ онъ послѣ короткаго молчанія.—Я, знаете, на одной изъ станцій подошелъ къ локомотиву. Машинистъ человѣкъ отчасти знакомый... Хронически, доложу вамъ, сонный субъектъ, даже глаза опухшіе.

— Да?—спросилъ собесѣдникъ равнодушно.

— Положительно-съ. Теперь представьте себѣ, такъ сказать, картину. Мы вотъ всѣ заснемъ. Поѣздъ несется на всѣхъ парахъ, а управляетъ имъ и все, такъ сказать, держитъ въ рукахъ человѣкъ нѣкоторымъ образомъ совершенно осовѣлый.

Собесѣдникъ завозился на своемъ мѣстѣ и сказалъ съ признаками безпокойства:

— Да... вы это вотъ съ какой стороны? Дѣйствительно, чортъ возьми... Положеніе!

— Вотъ видите. А вѣдь тоже какъ просто выходитъ и какъ обыкновенно. Въ Петербургѣ тамъ или гдѣ... вообще въ какомъ-нибудь управленіи сидитъ человѣкъ и передъ нимъ—таблицы. Въ извѣстной графѣ—машинистовъ столько то. Жалованья имъ, замѣтьте, столько-то, а поверстныхъ столько-то. Ну, поверстныя-то эти, это пробѣгъ, соотвѣтственно потребности. Цифра, такъ сказать, полезная, доходная. А вотъ жалованье людямъ величина уже перемѣнная, непрочная. Если взять меньше машинистовъ—меньше жалованья... Понимаете: простая, такъ сказать, математика, свободная игра цифръ, чернильный значокъ въ вѣдомости. Чего проще! А отъ этого по полямъ и равнинамъ вотъ въ этакія лунныя ночи мчатся вотъ этакіе-же поѣзда, и съ машинъ тускло глядятъ впередъ полусонные запухшіе глаза... Минута какая-нибудь... естественное дѣйствіе сна... И вотъ-съ, можетъ быть, надъ нами уже, такъ сказать, виситъ то, что всего таинственнѣе и неразгаданнѣе на свѣтѣ... Толчокъ какой нибудь, трескотня, все кувыркомъ, стоны эти... крики тамъ...

— Ну васъ, ей Богу, съ вашимъ карканьемъ,—сказалъ собесѣдникъ и, приподнявшись съ подушки, сѣлъ на скамьѣ.

— Да нѣтъ, я вѣдь это такъ... для поясненія, такъ сказать, своей мысли,—съ оттѣнкомъ невольной досады сказалъ первый.—Я не о физическомъ страхѣ говорю... Дастъ Богъ, доѣдемъ благополучно... Я это къ нашему разговору: и тутъ, вѣдь все вполнѣ обыкновенно. Въ концѣ-то вѣдь, если сказать по чистой совѣсти, непремѣнно простой значекъ на бумагѣ, сдѣланный гдѣ-нибудь въ Петербургѣ какимъ-нибудь господиномъ. И господинъ-то опять самый обыкновенный: и сюртучокъ, и галстучекъ, и видъ порядочности... И дѣточекъ любитъ, и женѣ сувенирчики, разумѣется, даритъ...

II.

Онъ замолчалъ. Господинъ въ клѣтчатыхъ брюкахъ въ свою очередь какъ-то нервно закурилъ папиросу и сказалъ:

— Тьфу! Напугали вы меня, Павелъ Семеновичъ, право. Вѣдь, дѣйствительно, чортъ его знаетъ: заснетъ, каналья, и какъ разъ наскочитъ на что нибудь... Скоты эти желѣзнодорожники! Теперь уже не заснешь. Давайте о чемъ-нибудь другомъ... Вы все еще въ Тиходолѣ процвѣтаете?

Павелъ Семеновичъ бросилъ окурокъ папиросы и отвѣтилъ

— Да, въ Тиходолѣ. Знаете,—такой ужъ городокъ не-

счастный... Точно въ яму какую проваливаешься. Учитель, судебный слѣдователь, акцизный... Какъ попалъ сюда, такъ, будто, и забыли про тебя и изъ списковъ живущихъ вычеркнули... Французъ Лампи и пенсію тутъ выслужилъ, и состарѣлся, и внучатъ успѣлъ въ ту-же гимназію опредѣлить...

— Да, помню,—сказалъ Илья Петровичъ.—Я вотъ, какъ видите, вырвался. Дѣйствительно, городъ, чортъ его знаетъ... Даже клуба нѣтъ...

— Клубъ теперь есть, а городъ всетаки безжизненный и грязный... Я живу, положимъ, на самой окраинѣ... Такъ ужъ вышло: квартиры дешевле, и потомъ природа ближе какъ-то. Отъ гимназіи, правда, далеко, но и въ этомъ есть хорошая сторона: моціонъ. Ну, и квартирка оказалась удобная. Можетъ быть, вы, Илья Петровичъ, помните: на Пустынной улицѣ, въ домѣ Будникова...

— Какъ-же, какъ-же, помню,—отозвался Илья Петровичъ, повидимому, довольный тѣмъ, что разговоръ принялъ болѣе спокойное теченіе.—И Семена Николаевича знавалъ... Человѣкъ образованный и цвѣтущаго здоровья...

— Да,—задумчиво отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ,—человѣкъ былъ вполнѣ, такъ сказать, благополучный, хотя тоже съ нѣкоторыми странностями.

— Ничего, кажется, особеннаго.

— Вотъ именно. Особеннаго ничего, а странности всетаки были. Такъ, небольшія... Онъ былъ довольно богатъ, и когда умеръ, то часть денегъ и цѣнныя бумаги нашли, напримѣръ, въ тюфякѣ... Согласитесь, это всетаки немного эксцентрично: образованный человѣкъ и вдругъ... деньги въ тюфякѣ. Когда отдать на храненіе въ банкъ или казначейство стоитъ сущіе пустяки. Наконецъ, несгораемые шкафы...

— Ну, положимъ, шкафы эти сгораютъ отлично... Но, все таки, я согласенъ: дѣйствительно, нѣсколько странно.

— Вотъ именно. А въ остальномъ, пожалуй, и ничего особеннаго. Только жилъ въ одной комнаткѣ, обходился почти безъ прислуги, готовилъ себѣ обѣдъ на керосинкѣ... Былъ у него, правда, не то дворникъ, не то кучеръ Гаврило.

— Помню, кажется, помню и этого. Такое изумительно добродушное лицо. На биржу выѣзжалъ. Случалось и мнѣ съ нимъ ѣздить... Что онъ, живъ-здоровъ?

— Д-да... здоровъ-то здоровъ... Именно, какъ вы сказали, существо изумительно добродушное, а впрочемъ, тоже обыкновенное. Семенъ Николаевичъ Будниковъ человѣкъ былъ, какъ вы изволили сказать, довольно образованный. Былъ даже когда-то въ университетѣ, да не кончилъ. Говорили, будто помѣшала какая-то исторія, чуть не политическая, но это, кажется, невѣрно. Самъ онъ передавалъ мнѣ какъ-то,

что влюбился несчастливо. „Сердце, говоритъ, у меня было разбито". Съ другой стороны, мнѣ извѣстно, что онъ долго переписывался съ какимъ-то пріятелемъ въ мѣстахъ весьма отдаленныхъ. Ну, однимъ словомъ, въ точности этого не знаю, но только было гдѣ-то тамъ позади что-то этакое... идейное. А тутъ умеръ отецъ, наслѣдство осталось, дѣла были нѣсколько, видно, запутанныя. Дома тамъ, земля, тяжба какая-то, долгосрочные контракты. Пріѣхалъ онъ все это устраивать, да какъ-то и втянулся. Еще домъ выстроилъ. Молодость-то ухлопалъ во все это, когда, знаете, порывы эти, такъ сказать, вдаль манятъ, а тамъ и обжился. Многіе еще помнили въ нашемъ городѣ, какъ онъ говаривалъ въ началѣ: только бы дѣла устроить, да вотъ тяжбу съ этими подлецами кончить, а тамъ... Къ тому-же, говоритъ, въ наше время безъ денегъ нельзя сдѣлать ничего истинно великаго... Разумѣется, мнѣ, говоритъ, не самыя деньги нужны, а средство, такъ сказать"... Ну, однимъ словомъ, исторія обычная: всѣ мы вступаемъ на жизненное поприще съ этими планами. Учитель у насъ одинъ, зоологъ, поступая къ намъ въ гимназію, такъ прямо и говорилъ: только бы, говоритъ, диссертацію написать, и вонъ изъ этого болота!

— А, это Каллистовъ! Ну, что-же?..—спросилъ живо математикъ. Разсказчикъ только махнулъ рукой.

— До сихъ поръ все пишетъ. Женился. Третьимъ Богъ благословляетъ... Ну, вотъ такъ-же и Семенъ Николаевичъ Будниковъ—все свою, такъ сказать, жизненную диссертацію писалъ. Я его узналъ уже дороднымъ, благополучнымъ, пожилымъ холостякомъ, съ румянымъ, вполнѣ добродушнымъ лицомъ и пріятной этакой, знаете, спокойной, солидной и сочной рѣчью. Онъ приходилъ иногда ко мнѣ, главнымъ образомъ, въ сроки уплаты за квартиру... Мы эти сроки пригнали къ 20-му. Ну, значитъ, двадцатаго онъ и приходилъ и выпивалъ у меня два стакана чаю съ ромомъ. Никогда болѣе и никогда менѣе! Въ каждый стаканъ по двѣ ложечки рому и по сухарю. Я привыкъ смотрѣть на это, какъ бы на нѣкоторую прибавку къ квартирной платѣ. И у другихъ квартирантовъ бывало тоже, у кого съ ромомъ, у кого безъ рому. Сроки найма были все различные, квартиръ въ четырехъ его домахъ (одинъ въ городѣ былъ двухъ-этажный) было около 20-ти... Итого, 40 стакановъ чаю... Впослѣдствіи оказалось, что это входило въ его бюджетъ и вписывалось въ особыя книги... Иной разъ такъ и стояло: „не засталъ NN, деньги онъ принесъ самъ на слѣдующій день. Въ расходъ сверхъ смѣты два стакана чаю"...

— Неужели? — засмѣялся Илья Петровичъ.—Вотъ не думалъ никакъ! Откуда же вы узнали?

— Да такъ... пришлось по одному очень непріятному для г-на Будникова случаю... Всѣ его бумаги и книги эти я читалъ; это, конечно, тоже немного странно, то-есть эта черта его характера. Но, впрочемъ, опять-таки ничего необыкновеннаго. Просто, говорили, что Семенъ Николаевъ Будниковъ нѣсколько скупъ и разсчетливъ...

...Работникъ Гаврило исполнялъ у него разныя функціи. Онъ былъ, во-первыхъ, дворникъ того дома, гдѣ была моя квартира и еще двѣ-три, въ томъ числѣ и самого домохозяина. Во-вторыхъ—онъ былъ камердинеромъ Будникова, чистилъ платье, ставилъ самоваръ, бѣгалъ на побѣгушкахъ и еще...— право, ужъ не знаю, какъ онъ это ухитрялся...— Будниковъ держалъ лошадь, на которой самъ ѣздилъ два раза въ недѣлю въ имѣніе за городомъ, а въ остальное время онъ посылалъ Гаврилу, какъ и вы упомянули,—на биржу. Такимъ образомъ, г. Будниковъ окупалъ себѣ содержаніе лошади, а, можетъ быть, и кучера. Значитъ, дворникъ и камердинеръ приходились ему даромъ. Человѣкъ былъ, дѣйствительно, разсчетливый и благоразумный. И при томъ съ большимъ, можно даже сказать—съ огромнымъ характеромъ... Гаврило этотъ, повидимому, нимало не роптaлъ и видѣлъ въ непрестанномъ трудѣ, такъ сказать, все свое назначеніе. Есть, знаете-ли, своего рода геніальность на все, въ томъ числѣ и въ области физическаго труда, и мнѣ всегда казалось, что этотъ Гаврило—одинъ изъ такихъ геніевъ. Ни ропота, ни утомленія... Повѣрите,—иногда ночью выглянешь въ окно,—мететъ мой Гаврило улицу или тамъ канавки подчищаетъ... Это значитъ— легъ онъ, знаете-ли, спать, а совѣсть-то и не даетъ: не успѣлъ за другими дѣлами подмести, убрать или почистить... Однимъ словомъ—своего рода символъ вѣчнаго движенія. Роста былъ небольшого, на видъ не особенно какъ будто сильный, но положительно неутомимый... Кромѣ него была еще у г-на Будникова экономка... молодая, красивая этакая женщина... Звали Еленой...

— А, вотъ что!—сказалъ слушатель.—Это уже, значитъ, безъ меня.. Ну-съ, и что-же дальше?.. Красивая?

— Да, пожалуй, довольно красивая, полная... съ плавными этакими движеніями и особенными глазами... покорными, что-ли... Вообще говорили, что она была глупа... Да оно, пожалуй, но только глупость эта женская бываетъ, по моему мнѣнію, тоже особенная... сложная... Тутъ и наивность, и непосредственность, и какая-то дремлющая, такъ сказать, невинность души... Всѣ болѣе или менѣе знали, что Будниковъ... что отношенія ихъ были небезгрѣшныя... Положеніе для женщины, такъ сказать, некрасивое... И тѣмъ не менѣе, когда случалось мнѣ, знаете-ли, встрѣчаться съ этими красивыми,

голубыми глазами, то, положительно, изъ нихъ глядѣла такая, какъ бы сказать... покорность, что...

— Что и ваше сердце не осталось равнодушнымъ...

Павелъ Семеновичъ посмотрѣлъ на своего собесѣдника нѣсколько удивленнымъ взглядомъ...

— Вы что это?.. Нѣтъ... совсѣмъ не то... И я не понимаю, какъ вы можете...

— Ну, полно! Ха-ха! Я вѣдь шутя... Обыкновенно вѣдь въ этихъ исторіяхъ самое занимательное... cherchez la femme, ну, и прочее, соотвѣтственно съ этимъ.

— Позвольте... я не обѣщалъ никакой занимательной исторіи, и если вы строите, такъ сказать, предположенія... Ничего подобнаго я не имѣлъ въ виду...

— Ну, ну, не сердитесь... Я пошутилъ, извините. Мнѣ просто интересно узнать. Такъ вы говорите всетаки,—глупа, но красива? Женился онъ на ней?

— Нѣтъ, не женился. Кажется, одно время г. Будниковъ пытался учить ее чему-то, или, какъ это говорится—развивать, что-ли... Потомъ бросилъ... вмѣстѣ съ разговорами о томъ, что деньги—средство для какихъ-то тамъ цѣлей...

Когда я поселился въ этомъ домѣ, Будниковъ частью уже выработался, частью продолжалъ вырабатываться въ того очень цѣльнаго субъекта, какимъ я его и зналъ до конца: вставалъ онъ ровно въ 7 часовъ, обходилъ свое „хозяйство“, разбросанное въ городѣ, дѣлалъ иногда вѣжливыя замѣчанія жильцамъ за изломанный палисадникъ или обитую дѣтскими мячами штукатурку, ходилъ по квартирантамъ въ извѣстные дни и часы, въ извѣстные часы работалъ съ лопатой во дворѣ или палисадникѣ... Гаврило не поспѣвалъ за всѣмъ, а Будниковъ считалъ себя одно время немного не то толстовцемъ, не то вообще... какъ говорится—опростившимся... по крайней мѣрѣ, если иногда еще заговаривалъ объ отвлеченныхъ вопросахъ, то это было о ненормальности нашей жизни вообще, такъ сказать, съ извѣстной высоты, съ птичьяго полета и въ частности о необходимости для ея исправленія физической работы... Мнѣ казалось, что этимъ образомъ жизни объяснялся необыкновенно пріятный цвѣтъ лица его—румянецъ съ легкимъ загаромъ, этакой ровный, неизмѣнный, прямо завидный, а также и выраженіе: спокойное, уравновѣшенное, тоже завидное. Человѣкъ зналъ, ложась спать, что именно ему предстоитъ сдѣлать завтра, дѣлалъ это и... совѣсть у него была спокойна. Настолько, знаете, спокойна и чиста, что иногда онъ не прочь былъ преподать даже уроки нравственности. Когда у него на улицѣ нищіе просили милостыни, онъ порой приводилъ ихъ къ себѣ, бралъ самъ лопату или заступъ, давалъ другой какому-нибудь эта-

кому попрошайкѣ и заставлялъ его работать вмѣстѣ съ собой на дворѣ или на огородѣ... По большей части, разумѣется, это не удавалось, попрошайка постыдно уклонялся съ половины заданнаго урока и въ награду получалъ лишь нѣсколько сентенцій... За то у г. Будникова послѣ этого на лицѣ разливалось даже какое-то сіяніе: онъ чувствовалъ свое превосходство, такъ сказать, труженика передъ дармоѣдомъ... Иногда это самодовольное чувство доходило до такой экспансивности, что онъ заходилъ съ заступомъ въ рукѣ въ клѣтушку Гаврилы и, смѣясь, говорилъ:

— Эхъ, Гаврилушко. Я ныньче что-то заработался, не поспѣю приготовить свой обѣдъ, дай-ка мнѣ твоихъ щецъ да ломтикъ хлѣба.

Гаврило давалъ, улыбаясь прихоти ласковаго барина, а я не разъ смотрѣлъ изъ окна и любовался этой идилліей. Конечно, я не могъ не видѣть, что и тутъ есть странности, но небольшія и, такъ сказать, довольно на видъ пріятныя... И ничего этого... трагическаго, что-ли, страшнаго...

— То есть, позвольте...—сказалъ Илья Петровичъ,—что же тутъ страшнаго?

— Я и говорю ничего, — дѣло самое обыкновенное: пріѣхалъ въ глухой городишко человѣкъ, который говоритъ о томъ, что деньги—только средство, что жизнь наша ненормальна, что онъ будетъ работать для достиженія какихъ-то цѣлей, ну и прочее тамъ, въ этомъ родѣ... И понемногу превращается въ Семена Николаевича Будникова...

— Ну, мало-ли кто что говоритъ,—сказалъ Илья Петровичъ.—Болтовня и только.

Павелъ Семеновичъ посмотрѣлъ на него своими задумчивыми глазами и сказалъ, послѣ нѣкотораго молчанія:

— То есть... вы думаете, что... такъ сказать, всегда одна болтовня... Нѣтъ, это вы напрасно... Былъ у меня, скажу вамъ, товарищъ, нѣкто Калугинъ, Петръ Петровичъ. Тоже былъ захваченъ временемъ этимъ, и тоже, какъ Будниковъ, рѣшилъ, что деньги архимедовъ рычагъ, даже, такъ сказать, въ мірѣ идеаловъ. А человѣкъ былъ съ характеромъ: рѣшилъ и отрѣзалъ. И вотъ, пока тамъ другіе суетились, устраивали и разстраивали, пытаясь, какъ говорится, повернуть колесо исторіи, онъ сказалъ себѣ: нечего и приниматься безъ ста тысячъ. И поступилъ въ одно учрежденіе на Волгѣ. Не то, знаете-ли, банкъ, не то касса ссудъ. Почище немного ссудной кассы, погрязнѣе банка. Если отъ ссудной кассы посмотрѣть—прогрессъ, если посмотрѣть отъ банка—грязновато, но въ концѣ концовъ довольно солидно. Петръ Петровичъ этотъ былъ человѣкъ съ головой; оцѣнили его, платили хорошо—тысячъ по шести. Тогда онъ опять сказалъ себѣ: пятью

двадцать—сто! По пяти тысячъ въ годъ—сто тысячъ черезъ двадцать лѣтъ. И что вы думаете: добился! Правда, нуженъ былъ характеръ—дьявольскій! Во-первыхъ, во избѣжаніе всякихъ случайностей,—отгородился отъ прежнихъ товарищей, которые, знаете-ли, безъ ста-то тысячъ голыми руками за колеса исторіи хватаются. Нѣ-ѣтъ, дескать, я въ своемъ великомъ дѣлѣ случайностей не допускаю: неблагонадежность тамъ и прочее—сдѣлайте одолженіе, проходите мимо. Поговоримъ послѣ. Вставалъ ежедневно не то что въ 7 часовъ, какъ г. Будниковъ, а въ 7 часовъ безъ 13 минутъ. Секунда въ секунду,—такъ себя вымуштровалъ. Отъ личной жизни совершенно отказался. Было у него до этого времени нѣкоторое увлеченіе. Сошелся съ дѣвушкой одной. Оба были безъ предразсудковъ и рѣшили другъ друга не связывать. Ну, а ребеночекъ-то, знаете, и безъ предразсудковъ явился. Увидѣлъ онъ, что эта непріятная случайность можетъ повториться, и говоритъ: такъ какъ мы никакихъ обязательствъ не принимали,—то, давай, разойдемся. Я, разумѣется, на ребеночка... такую-то сумму... Конечно, вычетъ изъ великой цѣли, но, какъ честный человѣкъ... Она отъ денегъ отказалась, взяла своего ребеночка и ушла. Но онъ всякій годъ аккуратно откладывалъ ассигнованную сумму и наращалъ ее процентами... А затѣмъ уже безъ помѣхи отдался весь этому накопленію для великой цѣли. И вотъ, знаете, послѣ разныхъ удачъ, а отчасти и неудачъ на этомъ поприщѣ, лѣтъ черезъ 20 или 25, проснувшись въ 7 часовъ безъ 13 минутъ въ одно прекрасное утро, онъ подсчиталъ свои рессурсы... Сто тысячъ, копѣйка въ копѣйку и даже съ излишкомъ на внезапномъ повышеніи курса. Явился онъ къ своимъ принципаламъ и говоритъ: прощайте. Тѣ туда-сюда... Что такое? Почему? Возможно-ли? Можетъ быть, жалованья прибавить?—Нѣтъ,—опять какъ отрѣзалъ: ухожу. Свободенъ! Получилъ свои сто тысячъ и опять на прежнюю жизненную точку—въ Москву, откуда лѣтъ двадцать пять назадъ выѣхалъ со своимъ упрямымъ намѣреніемъ. Оглянулся, а ужъ тамъ, знаете-ли, все—другое! Прежнія-то цѣли замѣнились другими, а эти тоже бѣгутъ мимо, мѣняются... Попробовалъ схватиться за одну, за другую... Куда тутъ! Жизнь-то, знаете-ли, какъ поѣздъ на всѣхъ парахъ: катитъ мимо, гремитъ, мелькаетъ... Не вскочишь... Деньги-то куда нибудь забросить можно, да вѣдь ему и самому хочется въ поѣздѣ пристроиться... душу, стремленія, жертвы эти... Понимаете,—вѣдь трагедія! Къ тому-же, чувствуетъ, что и деньги уже приросли какъ-то... отдать ихъ всѣ такъ, беззавѣтно, очертя голову, уже и не въ силахъ. Свое-то ужъ онъ совершилъ; всю эту силу сосредоточенную вложилъ въ подвигъ

накопленія... А теперь... „Я, говоритъ, думалъ на проценты“...

— Ну, такъ что-же?—просто спросилъ Илья Петровичъ.

— Да, конечно... ничего особеннаго,—отвѣтилъ Павелъ Семеновичъ.—Только—несоотвѣтствіе нѣкоторое: великое дѣло и вдругъ... на проценты!.. А между тѣмъ,—человѣкъ былъ искренній, хорошій и не безъ героизма. Только все это ухлопалъ на „средство“... И тоже многіе говорили: болтовня-съ! И даже довольно пріятная-съ: въ результатѣ сто тысячъ. А вскорѣ оказалось, что Калугинъ этотъ найденъ въ своемъ одинокомъ номерѣ, въ меблированныхъ комнатахъ—застрѣлившимся. И деньгами распорядиться не счелъ нужнымъ. Такъ и осталась вся сумма. А вѣдь еще наканунѣ я его видѣлъ въ обществѣ. И никто ничего особеннаго не замѣчалъ, всѣ говорили только: почтенный, право, человѣкъ и съ большимъ характеромъ. Только, Боже мой, какой скучный!..

— Гмъ, да, интересно,—сказалъ Илья Петровичъ.—Но только, къ чему-же вы это относите?

— А къ тому и отношу, что нельзя такъ легко смотрѣть на это... Сложное дѣло. Вотъ и Будниковъ... Вы говорите: слова! А я вамъ скажу: напрасно. Я вотъ нисколько не сомнѣваюсь, что говорилъ онъ это все въ свое время искренно, и вѣрилъ себѣ, и былъ искренно молодъ, и къ чему-то стремился, и дѣйствительно ставилъ себѣ какія-то цѣли... Я вотъ впослѣдствіи старую переписку его съ этимъ пріятелемъ отдаленнымъ просматривалъ. Такъ вѣдь, повѣрите,—представить себѣ не могъ, что это тотъ-же человѣкъ писалъ... А потомъ... какъ бы это выразить яснѣе?.. Понемногу стало все это отвлеченностью... Цѣль-то жизни, мечта эта молодая отдѣлилась отъ самой жизни, отодвинулась куда-то, а въ будняхъ остались одни... средства: квартиранты тамъ, штукатурка, плата, осмотръ дворовъ, потомъ наростающія накопленія... Ну, и затопляетъ... затопляетъ это всѣ, понимаете, уголки души... И остается человѣкъ, какъ-бы сказать... Ну, однимъ словомъ, безъ святыни... Вотъ...

III.

Павелъ Семенычъ остановился съ признаками нѣкотораго волненія и сталъ свертывать новую папиросу. Между собесѣдниками водворилось молчаніе, въ которомъ чувствовалась, какъ будто, неловкость.

— А вы—все такой же чудакъ,—сказалъ черезъ нѣкоторое время Илья Петровичъ, съ оттѣнкомъ чуть замѣтнаго

неудовольствія.—Ну, и что тутъ такое, особенное случилось?.. Живетъ себѣ человѣкъ по своему хорошо... Ну, грѣшитъ тамъ разными пріятными грѣхами, и все это идетъ ему въ пользу... Сами говорите: румянецъ, спокойствіе духа, здоровая жизнь, обезпеченность. Ну, конечно, небольшія странности... У кого ихъ нѣтъ. А ужъ вы и Богъ вѣсть что... И волнуетесь, и слова такія... Святыня!.. При чемъ тутъ святыня, скажите, пожалуйста?.. Не понимаю, какая связь?..

Подъ конецъ этой рѣчи неудовольствіе говорившаго значительно усилилось. Повидимому, это былъ человѣкъ здравомыслящій, и упоминаніе о святынѣ считалъ неловкимъ и даже, какъ будто, „совѣстнымъ“. Павелъ Семеновичъ посмотрѣлъ на него, какъ мнѣ показалось, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но потомъ, занятый своею мыслью, продолжалъ:

— Конечно, все это, дѣйствительно... обыкновенно и, такъ сказать, въ порядкѣ вещей... Господинъ Будниковъ сначала, знаете, казался всѣмъ загадочнымъ, даже внушалъ недовѣріе и опасеніе... Потомъ къ нему пригладѣлись, и сталъ онъ явленіемъ, такъ сказать, бытовымъ: порядочный человѣкъ съ нѣкоторыми странностями, никого, однако, не безпокоящими. А потомъ откуда-то появились и стали ходить уже злорадные слухи. Говорили именно, будто этотъ Семенъ Николаевичъ какимъ-то тамъ образомъ ограбилъ Елену на какую-то значительную сумму...

— Ну, пустяки, я думаю!—сказалъ Илья Петровичъ.—Не похожъ былъ на грабителя!

— Именно! Какой грабитель... То есть, даже никакого сходства. Есть у обывателей, знаете-ли, этотъ романтизмъ, что-ли... Люди сколько нибудь непонятные кажутся непремѣнно не то героями, не то уже непремѣнно злодѣями.

— Какое-же всетаки основаніе?

— Основаніе, если хотите, нѣкоторое было. Грабежъ не грабежъ, вообще не злодѣйство какое-нибудь, а такъ... именно нѣкоторая житейская запутанность, что-ли, съ довольно, такъ сказать, неопредѣленными очертаніями. Видите-ли... Когда вышло у него это съ Еленой... Можетъ быть, были какія-нибудь обѣщанія. Я этого не знаю. Но, повидимому, г-нъ Будниковъ, какъ и многіе порядочные люди въ такихъ обстоятельствахъ, считалъ себя обязаннымъ сдѣлать что-нибудь... И онъ не нашелъ ничего лучше, какъ подарить ей билетъ внутренняго займа... Для него это, конечно, всетаки была жертва... Призвалъ ее однажды, вынулъ три билета, разложилъ на столѣ, разгладилъ рукой и говоритъ: смотри. Вотъ на каждую эту бумагу можно выиграть 200 тысячъ. Одну, говоритъ, я дарю тебѣ. Которую хочешь? Возьми своей рукой, на счастье... Она не беретъ, жмется... „Хорошо,—гово-

ритъ Будниковъ,—пусть вотъ эта будетъ твоя". Взялъ одинъ билетъ и провелъ двѣ черты карандашомъ, рѣзко этакъ, съ нажимомъ. Видно, что намѣреніе было у человѣка твердое... Отдалъ безповоротно, со всѣми, такъ сказать, послѣдствіями.— „Видишь,—говоритъ,—это вотъ твоя бумага, и если выиграешь 200 тысячъ,—тоже твои будутъ"... И положилъ опять въ столъ... И нужно-же было случиться несчастью... Работаетъ тамъ эта машина въ Петербургѣ, выкидываетъ, знаете, номеръ за номеромъ... И одинъ изъ этихъ трехъ билетовъ выигрываетъ семьдесять пять тысячъ.

— Странное несчастье,—улыбнувшись, сказалъ Илья Петровичъ.

— Да, конечно, съ обычной, такъ сказать, точки зрѣнія, болѣе похоже на счастье... Но, если-бы кто произвелъ спеціальное, такъ сказать, изслѣдованіе объ этихъ случаяхъ и прослѣдилъ бы дальнѣйшую біографію счастливцевъ этихъ, я думаю, книга могла бы выйти поучительная... Какъ бы то ни было, одинъ изъ билетовъ выигралъ, и хотя дѣло это очень запутанное, но я всетаки увѣренъ, что происходило это все приблизительно слѣдующимъ образомъ. Въ одинъ, какъ говорится, прекрасный день Будниковъ смотритъ тиражную таблицу и видитъ — крупный выигрышъ стоитъ противъ его номера. Нуль, нуль, шестьсотъ восемнадцать!.. Отлично! У него именно 617, 618 и 619... И вдругъ вспоминаетъ онъ, что одинъ билетъ онъ подарилъ Еленѣ. Конечно, шестьсотъ семнадцатый. Онъ хорошо помнитъ, что намѣтилъ для нея первый по порядку. Значитъ 617-й. Добываетъ билеты, смотритъ: двѣ черты стоятъ на 618-томъ.

— Ахъ, чортъ возьми!—вырвалось у Ильи Петровича.— Вотъ это штука!

— Да, именно: штука... И даже штука очень глупая. Теперь спрашивается: почему черты попали на этотъ номеръ, когда онъ думалъ, можетъ быть, о другомъ? Ошибка, механическій промахъ руки, пустая случайность... И отъ этой случайности Елена, глупая женщина, которая ничего не понимаетъ и не сумѣетъ даже распорядиться деньгами, возьметъ у него... поймите: вѣдь именно у него, у г-на Будникова, возьметъ, отыметъ, такъ сказать, крупную сумму! Вѣдь это нелѣпость, не правда-ли? У него и образованіе, и цѣли, или тамъ были когда-то цѣли... Ну, и опять могутъ быть. Онъ эти деньги, можетъ быть, на добрыя дѣла назначитъ. Или, если не всю сумму, то хоть проценты... Опять напишетъ своему этому пріятелю, попроситъ у него совѣта... А она—что такое? Животное съ огругленными формами и красивыми глазами, въ которыхъ даже и не разберешь хорошенько, что въ нихъ: глупость теленка или невинность мла-

денца, еще, такъ сказать, не проснувшагося къ сознательной жизни? Однимъ словомъ, можетъ быть я и ошибаюсь, но ставлю себя на мѣстѣ г-на Будникова и, извините, поставьте вы себя... Непремѣнно должны были придти въ голову всѣ эти или имъ подобныя мысли...

Со стороны Ильи Петровича послышался какой-то не совсѣмъ внятный звукъ, который можно было истолковать, какъ протестъ.

— Извините,— сказалъ разсказчикъ.—Конечно, можетъ быть я и ошибаюсь... Говорю о себѣ... Мысли такія у меня были-бы, потому что мысль, или, скажемъ, желаніе, или еще лучше—поползновеніе—это такой, знаете-ли, гадъ неусыпущій... Вонъ почитайте житія: на что ужъ святые угодники—спасаются, отъ жизни бѣгутъ, плоть умерщвляютъ, ангеловъ видятъ, а подъ всѣмъ этимъ, знаете-ли, осіяніемъ, гдѣ-то въ темной глубинѣ, на днѣ на самомъ, такъ сказать, въ тѣни душевной—шевелится, шевелится... и вдругъ выскочитъ. И нужно, знаете-ли... простите, я немножко опять волнуюсь.. Нуженъ, я говорю, нѣкоторый пламень, или, лучше сказать, полетъ или подъемъ...

— Ну, какой тамъ еще, Павелъ Семеновичъ, полетъ!—возразилъ опять Илья Петровичъ съ досадой.—Ну, взялъ и отдалъ, чортъ съ ней. Вѣдь сами говорите, человѣкъ не бѣдный.

— Представьте, именно такъ вотъ г. Будниковъ и поступилъ въ первую минуту. Не надѣялся ли онъ на себя и боялся этого соблазна, или, если съ другой стороны взглянуть, слишкомъ на себя понадѣялся, только призвалъ онъ тогда-же эту Елену и все ей разсказалъ. Сердито этакъ, знаете, разсказалъ все, какъ будто жаловался ей: вотъ, дескать, глупая баба, что изъ-за тебя вышло, чепуха какая. Не хотѣла тогда сама выбрать. А теперь порядочный человѣкъ какой суммы лишился! Такъ я, по крайней мѣрѣ, себѣ представляю по разсказу Елены. Все, говоритъ, бѣгалъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ да сердился...

— Ну, а она что же?

— Ну, а она, говоритъ, спужалась очень. „Ударила, видите-ли, изъ нея, глупой, „слеза“, такъ и льется... Онъ сердится, а она плачетъ. И потомъ, когда мнѣ разсказывала, то, какъ дошла до этого мѣста, такъ, знаете-ли, взглянула на меня этими не понимающими, птичьими красивыми глазами, и опять вся всколыхнулась отъ слезъ: внутри все въ бабѣ плачетъ, да и только. Даже какъ-то странно...

— Дѣйствительно, дура!—замѣтилъ Илья Петровичъ.

— Д-да, конечно, не умна. Я уже и самъ говорилъ. Но всетаки... Опять вопросъ тутъ сложнѣе. Вамъ, можетъ быть,

покажется странно, а я вотъ какъ вспомню эти глаза... Глупость-то, можетъ быть, и глупость... То есть, нѣтъ этой ясности сознанія, пониманія точнаго нѣтъ, это вѣрно. Да и что такое — слезы, какая польза? А всетаки, по-моему, въ глубинѣ этихъ ея голубыхъ глазъ, глупыхъ и плачущихъ, далеко, чуть замѣтно мерцалъ инстинктъ, правильный, только дремлющій, не освѣщенный сознаніемъ, не вполнѣ разбуженный. И теперь, когда я вспоминаю все это: и ея простодушный, лишенный пониманія разсказъ, и эти безпомощные, какъ бы умоляющіе о чемъ-то глаза, просящіе объясненія и освѣщенія всей этой запутанности... то мнѣ вотъ и кажется, что глупость — слово слишкомъ грубое и что... ну, однимъ словомъ,—что эти ея глупыя слезы были, можетъ быть, единственнымъ настоящимъ, правильнымъ, пожалуй, я позволю себѣ сказать — самымъ умнымъ во всей этой исторіи. Конечно, она не отдавала себѣ отчета, и никто изъ нихъ не понималъ, что вотъ тутъ-то, гдѣ-то, можетъ быть, недалеко, за темнымъ чувствомъ, вызвавшимъ эти слезы, скрывается настоящій выходъ, дверка какая-то потайная, невидная и заколоченная... Только нужно еще сумѣть открыть ее... А она, глупая, не умѣетъ...

IV.

— Окончательно, Павелъ Семеновичъ, туманно... — сказалъ Илья Петровичъ, закуривая зажатую во рту папиросу.

— Да? Ну, извините... Я дѣйствительно, бываю иногда непонятенъ... Но только въ данномъ случаѣ... Вѣдь она всетаки любила г-на Будникова

— Ну, ужъ и любила.

— Да, положительно, по крайней мѣрѣ одно время. Тѣмъ болѣе, что у этихъ непосредственныхъ женскихъ натуръ не существуетъ раздѣленія, такъ сказать, чувства и факта... Съ какого конца ни затронь, весь этотъ комплексъ дѣйствуетъ нераздѣльно... Впослѣдствіи она мнѣ сказала какъ-то, что г. Будниковъ надъ нею насмѣялся... То есть, она-то, понимаете, смотрѣла серьезно, а онъ вмѣсто этого—билетъ... Я думаю, отсюда ея слезы и испугъ, и это непризнаніе...

— Ну, слишкомъ это тонко...

— Н... не знаю... Такъ же вотъ думалъ и г. Будниковъ Семенъ Николаевичъ. Онъ именно остановился, долго смотрѣлъ на нее съ нѣкоторымъ даже удивленіемъ и въ концѣ концовъ сказалъ только: дура! И опять заперъ билеты въ столъ. И послѣ этого уже не заводилъ съ нею рѣчи объ этомъ предметѣ...

— И она не требовала?

— Гдѣ ей требовать. Говорю вамъ, испугалась: „точно вотъ, говоритъ, гора какая-то валится, а уйти не могу“... И вотъ тутъ-то, пожалуй, дѣйствительное, такъ сказать, преступленіе глупости...

— То-есть—въ чемъ?

— Да вотъ въ пассивности этой... Чувство-то правильное, а сознанія нѣтъ. А вѣдь только сознаніе закрѣпляетъ, такъ сказать, и придаетъ форму... Ну, скажи прямо: не хочу знать твоего сквернаго подарка и права не признаю, основаннаго на глупыхъ чертахъ карандашомъ. Или уже, наоборотъ: мое, отдай, не хорошо! И отдалъ бы, навѣрное! Вѣдь говорю вамъ—не грабитель былъ... И много времени послѣ этого денегъ этихъ выигранныхъ не взялъ и даже двухъ черточекъ этихъ не стеръ. А вѣдь долго ли было: резиночкой и все тутъ. Но стереть — значитъ признаться окончательно... передъ самимъ собою... Отдать—силы не хватаетъ. На мертвой точкѣ человѣкъ... Нуженъ былъ толчокъ, граница, опредѣленіе... А тутъ туманъ... Кажется, однако, станція... Вы хотѣли выйти?

— Нѣтъ... Я уже на слѣдующей... Ну, и что же? Какъ это все разрѣшилось, любопытно...

— Такъ пока и осталось... то есть въ туманѣ. И двѣ черты остались — на бумагѣ и въ душѣ у обоихъ. А тутъ, знаете, и третій человѣкъ подъ тѣ же двѣ глупыя черты подвернулся. Именно дворникъ Гаврила... Я уже говорилъ о немъ: субъектъ замѣчательный и тоже цѣльный вполнѣ. Иной разъ, глядя на него, отдыхаешь, бывало, душою. Всегда доволенъ, добръ, благорасположеніе какое-то ко всѣмъ. Труженикъ — неутомимый и даже, такъ сказать, радостный. И какъ-то все это красиво, легко, пріятно: какъ-будто играетъ человѣкъ, съ полнымъ удовольствіемъ выполняя жизненное назначеніе. Иной разъ представлялся онъ мнѣ даже... какъ бы сказать... простымъ собраніемъ мускуловъ... только сознающихъ свое несложное бытіе. Все слажено хорошо, гармонично, правильно, все въ дѣйствіи... И при этомъ два добрыхъ человѣческихъ глаза смотрятъ на весь міръ съ точки зрѣнія своего физическаго равновѣсія. И порой въ этихъ глазахъ свѣтится что-то... Даже превосходство какое-то... Онъ, напримѣръ, какъ-будто понималъ г-на Будникова и иной разъ улыбался, какъ надъ ребенкомъ. Пожалуй, понималъ и то, что г. Будниковъ его безсовѣстно эксплуатируетъ, но... считалъ это такъ... простымъ свойствомъ человѣка, нравственно, такъ сказать, безразличнымъ. А такъ какъ и у другихъ свойства тѣ же, и, можетъ быть, самъ онъ поступалъ бы такъ же на мѣстѣ Будникова, то... понимаете:

онъ расходовалъ на него за гроши свою мускульную силу и относился къ этому, какъ къ факту, безъ гнѣва и раздраженія.

...Такъ вотъ и жилъ себѣ... работая и глядя своими добрыми глазами на деревья, на тучи, на г-на Будникова... пока эти глаза не стали часто останавливаться на Еленѣ. Оно, знаете, понятно: оба бездомовники, живутъ рядомъ, встрѣчаются часто. Она красивая, онъ свободенъ... Связь же эта у Елены съ Будниковымъ была, такъ сказать, случайность. Полуобѣщанія эти съ его стороны, она, по глупости, повѣрила... Ошибку свою считала „грѣхомъ" и несла этотъ грѣхъ съ пассивной покорностью и печалью. А натура была чистая... „Законъ" и очищеніе закономъ считала, кажется, чѣмъ-то потеряннымъ навѣки. А тутъ вдругъ Гаврило...

Кажется, сначала и онъ смотрѣлъ на это дѣло довольно легко. Все равно, дескать—„потерянная". Но первые-же его, какъ бы сказать, несложныя эти деклараціи на нее произвели дѣйствіе просто потрясающее... Ходитъ баба, какъ потерянная, глаза наплаканы, просится у Будникова отпустить ее нивѣсть куда. Гаврилу тщательно избѣгаетъ. Ну, и онъ тоже въ этомъ случаѣ нѣсколько призадумался. Захватило его глубже, за работой устаетъ, похудѣлъ. Наконецъ, однажды, наступила и развязка. И пришлось мнѣ случайно быть свидѣтелемъ...

Безсонница у меня была. Весной... Усталъ отъ экзаменовъ, отъ гимназіи... отъ пустоты этой... Чуть, бывало, задремлешь,—точно толкнетъ кто-то. Сна какъ не бывало. Ну, встанешь, выйдешь на крыльцо... смотришь, какъ улица спитъ еще, деревья чуть трепыхаются, сонный извозчикъ проѣдетъ... И завидуешь... Извозчику завидуешь, даже деревьямъ... Потомъ въ садъ пойдешь... А около сада,—даже одной стѣной въ самый садъ выходила—конюшня. Гаврило тутъ и спалъ въ каморочкѣ въ теплое время. Вотъ однимъ утромъ, гуляю я отъ безсонницы по аллейкѣ, потомъ присѣлъ на скамеечкѣ, задумался... И вдругъ,—слышу: разговоръ. Гаврило разговариваетъ съ Еленой.

Мнѣ бы, конечно, встать и уйти... Исторія, такъ сказать, обыкновенная и не особенно привлекательная... Но вдругъ долетѣли до меня изъ ихъ разговора два-три слова, которыя меня остановили. Не то, чтобы подслушивать тамъ, а слова и тонъ, какими они были сказаны, показались мнѣ какъ-то неожиданно хорошими... Человѣкъ-то, знаете, существо всетаки очень сложное, пестрое, такъ сказать. И дурное въ немъ, и хорошее—все рядомъ. И то, и другое—правда, такъ сказать, самая реальная. Но иной разъ жадно хочется хорошей правды, примиряющей, такъ сказать, со всей жизнью... Ну,

я и остался невольно. И уже сталъ прислушиваться къ ихъ разговору.

— Вотъ и пришла,—говоритъ Елена...—Что вамъ?

И потомъ вдругъ, съ глубокой такой, ну, просто захватывающей тоской прибавила:

— Измучилъ ты меня...

И такъ она это сказала... съ такимъ искреннимъ душевнымъ стономъ. И на ты... Прежде всегда, да и послѣ—все вы ему говорила, а тутъ... вся изболѣвшая стыдомъ и любовью женская душа зазвучала — просто, безъ условностей, беззавѣтно...

— И вы меня, Елена Петровна, измучили, — отвѣтилъ Гаврило. — Мочи моей нѣтъ. Сохну. Не работается, куска, говоритъ, не съѣмъ...

— Что-жъ теперь,—говоритъ Елена,—будетъ?

— Да, что!—говоритъ—жениться на тебѣ, видно.

На нѣкоторое время оба они замолчали, а затѣмъ, показалось мнѣ, что она сказала тихо:

— Потерянная я...

— Что-жъ, Елена Петровна,—отвѣтилъ Гаврило съ какой то, какъ бы сказать,—угрюмою, что-ли, лаской.—Не посмотрю я на это. Все одно... Не житье мнѣ... Постыло все... Кусокъ въ ротъ не идетъ. Силы нѣтъ...

Елена заплакала, сначала тихо, потомъ сильнѣе... Плачъ былъ тоже хорошій... Мнѣ казалось—болящій, но исцѣляющій. Гаврило сказалъ строго:

— Ну, что ужъ... будетъ... Пойдешь, что-ли?..

Елена видимо сдѣлала усиліе, сдержала свои бабьи слезы и, на повторенный вопросъ, отвѣтила:

— А Бога вы, Гаврило Степанычъ, побоитесь?

— Чего это?—говоритъ Гаврило.

— Попрекать не станете?

— Нѣтъ,—говоритъ.—Попрекать не стану. И другимъ въ обиду не дамъ. А ты, вотъ, сама побожись, что баловство бросишь... Навсегда... Я тебѣ повѣрю...

Я не слышалъ, что отвѣтила Елена, представляю себѣ только, что она, должно быть, повернулась на востокъ, а можетъ, и иконка въ каморкѣ была... И перекрестилась... Послѣ этого,—тоже представляю себѣ, — она вдругъ обхватила его голову руками, и я услышалъ поцѣлуй... захватывающе страстный, но хорошею, чистою страстью... И тотчасъ-же Елена выбѣжала изъ каморки, метнулась было къ дому г-на Будникова, но потомъ вдругъ остановилась. Не захотѣлось, видно, въ эту минуту возвращаться туда. Открыла калитку и вошла въ садъ...

И тутъ увидѣла меня... Но это ее нисколько не смутило.

Она подошла ко мнѣ, остановилась, посмотрѣла на меня счастливыми глазами и сказала:

— А ты все гуляешь по зорямъ... Эхъ-ты, баринъ... Миляга...

И вдругъ, знаете, переполненная вся этимъ своимъ чувствомъ, подошла ко мнѣ, взяла руками за плечи, посмотрѣла въ глаза и засмѣялась... И такъ это просто вышло. Она не могла не знать, что я все слышалъ и ничего въ этомъ не видѣла дурного... И Гаврило тоже... Вышелъ съ метлой, поклонился и поздоровался. И всѣ мы понимали, что всѣ знаемъ что-то радостное и чистое, и что это насъ сближаетъ... Послѣ этого Елена побѣжала къ себѣ, а Гаврило принялся за работу. А я посмотрѣлъ на него, на его движенія, на всю эту музыку мускуловъ, здоровыхъ и свободныхъ,—а затѣмъ пошелъ къ себѣ и легъ... И представьте—заснулъ, какъ убитый... Есть что-то въ человѣческомъ счастьи,—въ хорошемъ человѣческомъ счастьи,—исцѣляющее и выпрямляющее душу... И мнѣ, знаете,—все кажется, что люди, собственно говоря, обязаны быть счастливыми, потому что атмосфера хорошаго счастья... Кто это сказалъ,—что мы, такъ сказать, открыты со всѣхъ сторонъ. Въ насъ входятъ и мы входимъ въ другихъ, даже не замѣчая этого... И вотъ почему нужно, чтобы во всемъ, во всей, такъ сказать, жизни водворилась правда и чистота... Впрочемъ — извините...

V.

— Съ этого дня они все уже порѣшили, ждали только окончанія поста. Сказалъ объ этомъ Гаврило и Будникову... на дворѣ, въ перерывѣ между работой. Сказалъ серьезно и просто. Тотъ сначала оторопѣлъ. Огорчился.... Ну, тамъ—привычка у него была, можетъ и что другое, поглубже, только не сознавалъ ясно. Слишкомъ ужъ просто смотрѣлъ. Сначала сердился, кажется, приписалъ людской неблагодарности... Потомъ примирился и оставилъ Гаврилу у себя. Конечно, на мѣстѣ Гаврилы человѣкъ интеллигентный непремѣнно бы ушелъ, но тутъ оказалось, что г. Будниковъ не отпустилъ. Не задолго передъ этимъ онъ заключилъ съ Гаврилой условіе еще на годъ. Грѣшный человѣкъ,—я не поручусь, что тутъ у него не было нѣкоторыхъ, такъ сказать, заднихъ мыслей. Однако, вскорѣ пришлось убѣдиться, что это дѣло уже конченное навсегда, и что онъ потерялъ эту преданную женскую душу. Кажется, было это ему тяжелѣе, чѣмъ онъ самъ могъ думать, и грустилъ онъ, кажется, искренно... Пожалуй, даже пришло позднее раскаяніе, что такъ,

между прочимъ, смотрѣлъ онъ на это существо... какъ на случайное удобство... Но потомъ вошелъ въ колею: опять сталъ ѣздить два раза въ недѣлю въ свое имѣніе, ходилъ въ опредѣленные дни по квартирантамъ, работалъ около дома... Обѣдъ онъ сталъ готовить себѣ самъ, на керосинкѣ, бухгалтерія отразила новое упрощеніе жизни: исчезъ расходъ на Елену и одновременно—на цвѣточные горшки и грядки. Прежде это у нихъ было общее. Оба они ходили за цвѣтами, и г-нъ Будниковъ при этомъ не забывалъ аккуратно вести „счетъ цвѣточнымъ грядкамъ". *Расходъ*: лейка, ремонтъ лопаты, погашеніе стоимости насоса, 25 часовъ работы Гаврилы, 20 часовъ собственной работы... разорваны брюки на мотыку... рублей, копѣекъ... итого" .. А разставшись съ Еленой, г-нъ Будниковъ оборвалъ круто и самую рубрику въ книгѣ похерилъ. Цвѣты частью распродалъ, частью же они увяли и посохли отъ недостатка ухода. Палисадничекъ передъ окнами опустѣлъ, самыя окна вдругъ какъ будто ослѣпли, когда съ нихъ исчезъ послѣдній цвѣтокъ... А во флигелькѣ у Гаврилы зацвѣло и распустилось... Да, бываютъ въ жизни символы этакіе, изумительно краснорѣчивые и многозначительные. Просто—бьютъ въ глаза. Однажды—видѣлъ я: шелъ г-нъ Будниковъ своимъ обычнымъ, спокойно размѣреннымъ шагомъ мимо флигеля и вдругъ остановился, пораженный этимъ сопоставленіемъ... И потомъ, когда онъ двинулся далѣе, то даже походка его потеряла свою прежнюю увѣренность... Какъ будто понялъ, что эта маленькая цвѣточная драма указываетъ на что-то... На какую-то эволюцію въ его собственной душѣ: какъ будто въ ней тоже исчезаетъ какая-то цвѣточная грядка, понемногу, незамѣтно и неизмѣнно...

— Ну, это опять... философія,—сказалъ Илья Петровичъ. —И изъ-за какой-то тамъ Елены...

— Нѣтъ, извините, вы меня не поняли,—съ нѣкоторой живостью возразилъ Павелъ Семеновичъ.—Я вообще... Процессъ этотъ съ тысячами, такъ сказать... И въ нашей жизни идетъ онъ удивительно быстро. Сначала идеи эти, стремленья... сколько молодежи... А глядишь—три-четыре года... ну, десять лѣтъ... И глохнетъ все, облетаютъ эти лепестки, въ душѣ пустѣетъ... И входитъ туда, знаете-ли, этотъ шиковатый господинъ, на которомъ все такъ обыкновенно... Душа-то мечется, какъ бѣлка въ колесѣ, переходя отъ одной ненужности къ другой, и никуда въ сущности не двигаясь... И заростаетъ этими пустяками...

— Ну, хорошо, что-же дальше?..

— Такъ и шло... Всѣ эти приходо-расходы окончательно, такъ сказать, заполонили душу... Подъ конецъ-то, какъ я узналъ впослѣдствіи, онъ и ходилъ уже не иначе, какъ счи-

тая шаги. Вычислялъ, на сколько именно верстъ могутъ служить подметки. И заносилъ эти соображенія въ книгу... По странному противорѣчію въ послѣдніе годы онъ сталъ очень набоженъ: посѣщалъ каждую службу и даже ставилъ свѣчи, и послѣ каждой свѣчки въ книгахъ стояло: свѣча такому-то святому—столько-то копѣекъ... Это въ немъ, кажется, кристаллизовалось что-то прежнее. Все это, знаете-ли: и разговоры о высокой цѣли, и „деньги—средство", и переписка съ пострадавшимъ другомъ... Однимъ словомъ, все, что подъ видимымъ спокойствіемъ еще тревожно напоминало о чемъ-то... бывшемъ... И послѣ этого именно и наступило это полное душевное равновѣсіе—и эти наставленія нищимъ, и это пріятное осіяніе какое-то въ лицѣ. И даже въ голосѣ явилась какая-то сочность... Помню одинъ разговоръ... Вечеръ былъ этакой, знаете-ли, лунный, свѣтлый, мерцающій... На небѣ звѣзды будто шевелятся этакъ и шепчутъ... Далеко... Густыя тѣни отъ деревьевъ, просто черно... Городокъ у насъ, знаете сами—тихій, и весь въ зелени. Выйдешь, бывало, вечеркомъ и сядешь на крылечкѣ у себя. И у другихъ домовъ, вдоль улицы, кто на скамеечкѣ у воротъ, кто на завалинкѣ, кто просто на травкѣ... Шепчутся гдѣ-то люди о чемъ-то, деревья тоже шелестятъ, шорохъ этотъ идетъ, живой какъ будто, а невнятный... А изъ-за черной листвы—стѣны пятнами этакими свѣтятся, фосфорическими... Ну, и задумаешься... И начнешь перебирать свою жизнь... Что было и что осталось, куда пришелъ, и что еще будетъ дальше? И зачѣмъ все... и какой, знаете-ли, смыслъ твоей жизни въ общей, такъ сказать, экономіи природы, въ безконечности-то этой, гдѣ эти звѣзды утопаютъ, безъ числа, безъ предѣла... горятъ и свѣтятся... и говорятъ что-то душѣ... Ну, иной разъ и тяжело. Со всякимъ, я думаю, бываетъ: покажется вдругъ, какъ будто не туда направляешься, куда надо, по закону какому-то высшему... И всѣ не туда... вся жизнь... Разумѣется, непріятное состояніе, и вечеръ отравленъ. И хочешь убѣжать отъ этой укоряющей красоты, отъ этого великаго покоя со своимъ смятеніемъ. А уйти некуда... Войдешь въ кабинетъ, посмотришь при лампѣ на эту свою обстановку... учебники... тетрадки съ ученическими письменными отвѣтами... И опять вопросъ: есть-ли тутъ живое-то... Гдѣ оно?

Илья Петровичъ проворчалъ что-то не вполнѣ внятно, но видимо съ неодобреніемъ.

— Вотъ разъ, въ этакомъ-же вотъ состояніи,—продолжалъ разсказчикъ,—сижу я на крылечкѣ, а онъ подходитъ ко мнѣ съ улицы. Лицо спокойное. „Здравствуйте!"—Здравствуйте. Ну, тамъ, какъ обыкновенно—вопросы и отвѣты: „Какъ поживаете?

гдѣ были?"—У отца, говоритъ, Николая былъ, чай пили, бесѣдовали. Достойнѣйшій пастырь и образованный... Ну, а вы что?

— А я вотъ, говорю, сижу, смотрю на небо и вотъ что думаю.

Такъ какъ-то, знаете-ли, откровенность на меня нашла. Душа-то, подъ вліяніемъ вечера этого и шороха, и тихихъ этихъ говорковъ, и собственной, знаете, печали—раскрываться начала. Отчего-же, думаю, не сказать этому спокойному человѣку, что у тебя на душѣ, какой сумракъ... Тѣмъ болѣе, что... думалъ-же и онъ когда-то, и значитъ... тоже томился, а вотъ теперь—спокоенъ...

Присѣлъ онъ рядомъ со мною на ступенькѣ, покачалъ этакъ головою, съ соболѣзнованіемъ, и говоритъ:

— Все это, извините меня, гордыня ума. Все человѣку свой собственный путь нуженъ...

— Какъ-же, говорю, Николай Семеновичъ, иначе? Надо знать, куда идешь... Можетъ быть, не туда, куда слѣдуетъ...

— Вотъ это, говоритъ, и есть гордость... Есть общій путь... Стоитъ, говоритъ, слиться, прикоснуться, такъ сказать, устами къ общей чашѣ... Перестать осуждать основанія жизни... Ну, и такъ далѣе...

И знаете-ли, такъ это онъ тогда сказалъ какъ-то. То-есть, во-первыхъ, самое слово хорошее: слиться!.. Очень соблазнительное слово... И голосъ этотъ сочный, журчащій какой-то, даже, скажу вамъ, проникновенный... А главное—всему этому, знаете, концерту-то природы и маленькаго городка, всей этой непосредственности, что-ли—какъ разъ въ тонъ... Говорю вамъ искренно,—я даже позавидовалъ въ ту минуту этой душевной цѣльности. Вижу: дѣйствительно кругомъ какъ будто тишина и благодать, и человѣкъ „слился" съ нею, и никакихъ уже этихъ трещинъ въ душѣ, ничего этого разъѣдающаго... Вздохнулъ я даже и чуть было не излилъ свою душу, чуть не исповѣдался передъ г-мъ Будниковымъ... Да ужъ такъ—постыдился, правду сказать, этого счастливаго и добродѣтельнаго человѣка... Что-же, думаю себѣ... Человѣкъ, конечно, со странностями небольшими (о бухгалтеріи его я, замѣтьте, въ то время еще не зналъ),—но простодушный и хорошій. И на чемъ-бы ни нашелъ для себя эту душевную ясность,—зачѣмъ-же я стану омрачать ее своими тамъ разными несообразностями и душевнымъ безпорядкомъ! А въ глубинѣ души всетаки даже уваженіе къ нему почувствовалъ. Повѣрите-ли... показалось мнѣ въ это время, что ужъ онъ мой-то путь, такъ сказать, прошелъ весь и поднялся выше... И будто этому отчасти способствовало огорченіе по поводу Елены, съ которымъ онъ примирился...

И даже замѣтное, всетаки, скопидомство его пробовалъ я себѣ объяснить по иному. Кто знаетъ,—думалъ я тогда,—можетъ, подъ всей этой неказистой наружностью и дѣйствительно кроется какое-нибудь почтенное дѣло, цѣль тамъ какая-нибудь высшая... о которой я и не догадываюсь. Потемки чужая-то душа, истинно вѣдь потемки... А тутъ вдругъ эти слухи и пошли...

— Кто ужъ это, откуда и какимъ образомъ вынесъ ихъ на свѣтъ Божій—истинно и теперь я не понимаю. Бываютъ въ обывательской тихой жизни такія своего рода таинственности. Зналъ объ этомъ деликатномъ обстоятельствѣ Будниковъ да Елена... Будникову, само собою разумѣется, разглашать было не зачѣмъ, развѣ что на духу. Елена впослѣдствіи клялась всякими клятвами, что она ни Гаврилѣ и никому не говорила объ этомъ ни слова. А при всемъ томъ, выскочили эти двѣ черты изъ запертаго наглухо стола и пошли, знаете, разгуливать вмѣстѣ съ этими шорохами-то идиллическими... И когда мы съ г. Будниковымъ теплымъ весеннимъ вечеромъ говорили о сліяніи, ужъ въ этомъ, знаете-ли, озаренномъ и неясномъ сумракѣ, въ этой кротчайшей тишинѣ, на этихъ завалиночкахъ у воротъ, у калитокъ шопоткомъ-то именно и передавалось извѣстіе объ ограбленіи умнымъ Будниковымъ глупой Елены...

V.

— Теперь я долженъ вамъ разсказать еще объ одномъ субъектѣ, уже въ совершенно другомъ, можно даже сказать, противоположномъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ родѣ...

Былъ у насъ въ городѣ нѣкто Роговъ, человѣкъ молодой, сирота. Отецъ его былъ злодѣй стараго закала, гонимый новыми временами, какъ волкъ охотниками. Типъ, такъ сказать, запоздалый. Не приспособился... Пріемы, понимаете, грубые, а времена подошли потоньше. Онъ только и зналъ волчью хватку, а ужъ это перестало быть терпимо. И коротать онъ свои послѣдніе годы среди всякаго рода гоненій, нищеты и пьянства. Фигура была грязная, мрачная и злобная. Помнилъ, что при немъ люди устраивали свои дѣла тѣми же способами и жили, и умирали въ почетѣ и, такъ сказать, среди признанной добродѣтели. А онъ за это самое—грязенъ, голоденъ и гонимъ. Это, знаете—такой источникъ душевнаго яда, что истинно за человѣка страшно. И вдругъ у этакого субъекта—семья, жена и сынишка.

Жена — безотвѣтное этакое созданіе, забитое, загнанное, уничтоженное въ полномъ смыслѣ слова... Но когда дѣло

касалось сына,—въ этой, какъ будто совсѣмъ опустошенной, душѣ открывалась какая-то дверка, точно не сдавшаяся, знаете-ли, цитадель въ занятомъ непріятелями городѣ, и оттуда выступала вдругъ такая фаланга этого женскаго героизма, что старый буянъ и пьяница поджималъ хвостъ. Такимъ образомъ, Богъ ужъ ее знаетъ какой цѣной, но ей удалось всетаки дать сыну образованіе. Поступивъ въ Тиходолъ учителемъ, я засталъ этого юношу въ послѣднихъ классахъ. Мальчикъ былъ застѣнчивый, скромный на видъ, поведенія тихаго. Только въ глазахъ было что-то такое, странно-сдержанное, возбуждавшее, пожалуй, нѣкоторое опасеніе. Блескъ какой-то, безпокойное горѣніе внутреннее. Худощавый, тонкое лицо всегда блѣдное, и копна буйныхъ волосъ надъ крутымъ лбомъ. Учился отлично, съ товарищами знался мало, отца, кажется, ненавидѣлъ, мать обожалъ почти болѣзненно...

Теперь... извините... Придется мнѣ нѣсколько словъ сказать о себѣ... Иначе—останется многое непонятно въ дальнѣйшемъ... Я тогда учительствовалъ еще первые годы и переживалъ особенное настроеніе. Свѣжо это все было во мнѣ, на призваніе свое смотрѣлъ возвышенно и, такъ сказать, идеально. Товарищи представлялись мнѣ какой-то священной ратью, ну тамъ... гимназія эта—чуть не храмъ... А молодежь вѣдь это чувствуетъ и цѣнитъ... И бѣжитъ на этотъ огонекъ со всей непосредственностью и со всѣми запросами... А это и есть живая душа нашего дѣла... Что толку, если онъ придетъ къ тебѣ, застегнувши на всѣ пуговицы душу вмѣстѣ съ мундиромъ. Нѣтъ, съ заблужденіями-то онъ мнѣ, учителю, нужнѣе... Только нужно честное отношеніе къ его запросамъ, къ сомнѣніямъ и... къ истинѣ! Довѣріе нужно взаимное, а тогда—бери ихъ руками. Любовь, уваженіе, обожаніе почти страстное, и... связь на всю жизнь, при всѣхъ тамъ, впослѣдствіи, частныхъ разногласіяхъ.

Разсказчикъ помолчалъ и продолжалъ тихо:

— И было это у меня когда то... то есть, начиналось... Сблизился я тогда крѣпко съ нѣсколькими мальчиками своихъ классовъ, въ томъ числѣ съ Роговымъ этимъ... Книги свои давалъ, сходились ко мнѣ. Ну, тамъ, за самоварчикомъ, запросто, задушевно, понимаете... читаемъ, бывало, что-нибудь... Журналъ иной разъ свѣжій откроешь, толки, разсужденія, споры. Слушаю,—бывало, не вмѣшиваясь, какъ они колобродятъ тутъ, путаются, потомъ разъяснишь—осторожно, чтобы, знаете, не обезкуражить авторитетомъ... А тамъ, глядишь, иной разъ родилась мысленка уже не твоя... Подлетаетъ, подлетаетъ, и ужъ тебя съ твоими поученіями—царапнетъ, да иной разъ и остро... И уже видишь: надо бе-

речься, надо вооружаться лучше. Надо самому въ себѣ кое-что поосвѣжить...

Недолго только шло это у насъ. Какъ-то разъ призываетъ меня директоръ для конфиденціальной бесѣды... Ну, знаете сами,—„внѣклассныя“ эти вліянія покровительствомъ не пользуются. А ужъ журналы!.. Директоръ, знаете, деликатный человѣкъ, только намекнулъ на нихъ и затѣмъ сдѣлалъ видъ, что ему это, въ сущности, навѣрное неизвѣстно... Я было погорячился, сначала даже отказался подчиниться, апеллируя къ высшему пониманію своихъ обязанностей. А потомъ... вижу, что ничего не подѣлаешь. Главное— не обо мнѣ одномъ и рѣчь-то идетъ: на мальчикахъ отражается... Трудно было и тяжело, а главное — стыдно, вотъ что всего хуже. Что я имъ могъ сказать? Чѣмъ объяснить? Исполняю приказаніе, явно безсмысленное, и только! Это былъ для меня первый ударъ жизни, и я тогда не замѣтилъ, что ударъ-то... пожалуй... былъ смертельный...

Подчинился я и прекратилъ свои вечернія бесѣды. Ну, молодежь-то, знаете, не такъ легко подчиняется въ этихъ случаяхъ и не все въ нихъ понимаетъ. Однажды вечеромъ—шасть ко мнѣ этотъ Роговъ съ товарищемъ. Тайнымъ образомъ. Лица возбужденныя, глаза горятъ и какъ-то этакъ, знаете-ли, глядятъ особенно... Ну, я этотъ способъ сношеній отклонилъ. — „Нѣтъ, говорю, господа, лучше это оставить“. Вижу, что мальчики вспыхнули оба... Роговъ этотъ заговорилъ что-то, да только спазма схватила горло, а глаза стали вдругъ злые... Но я нашелъ себѣ оправданіе: дѣйствительно, боялся я за нихъ, особенно за Рогова и за мать его. Вѣдь если бы открылись эти конспираціи, тогда вся его карьера и весь этотъ героизмъ материнскій — на смарку. Такъ я и отступилъ тогда... въ первый разъ...

Старался за то — на урокахъ восполнить. Вечера эти у меня свободные остались... Скучно. Привыкать вѣдь уже началъ къ своему молодому кружку. А тутъ — пусто. Ну, я за книги. Работалъ, какъ волъ, и все въ воображеніи представляешь себѣ: вотъ это должно ихъ заинтересовать, вотъ это будетъ ново, а это отвѣтитъ на такіе-то запросы... Читаю, роюсь въ книгахъ, коллекціонирую все интересное, оживляющее, раздвигающее казенныя стѣны и казенную сушь учебниковъ... И все съ живой мыслью о живыхъ моихъ собесѣдникахъ недавнихъ... И, кажется — выходило что-то... Помню, что классъ весь иной разъ притаивался, замиралъ, умы вспыхивали... Но и это — тоже прошло... Сталъ директоръ ходить на уроки. Придетъ, сядетъ, слушаетъ, молчитъ... Знаете сами, какъ это дѣлается. Какъ-будто и ничего, а вѣдь и классъ, и самъ я чувствую, что

это уже не урокъ идетъ, а своего рода дознаніе производится. Потомъ — вопросы: вотъ это, собственно, откуда? Изъ какого учебника? И въ какой мѣрѣ соотвѣтствуетъ программѣ?

Не стану распространяться... Такъ, однимъ словомъ, огонь этотъ понемногу угасалъ... Классъ сталъ именно классомъ: лица-то живыя все дальше, въ туманѣ какомъ-то... прикосновеніе умственное утратилось. Отмѣтки... планы... перечисленіе стилистическихъ красотъ живого произведенія. Въ данномъ произведеніи 12 красотъ. Красота первая, красота вторая... Ну, и такъ далѣе... Соотвѣтственно требованіямъ программы... Та-же будниковская бухгалтерія.

Какъ бы тамъ ни было, кончилъ этотъ юноша курсъ гимназіи и уѣхалъ въ столицу, въ университетъ. Однако — поступить сразу не удалось. Это было уже время этихъ секретныхъ аттестацій... Можетъ, и мои чтенія тутъ были въ игрѣ. Однимъ словомъ — годъ у него пропалъ. Матери-то онъ написалъ, что поступилъ и даже — что получаетъ стипендію, а въ дѣйствительности перебивался... кое-какъ, бѣдствовалъ и вѣроятно озлоблялся... Потомъ какъ-то всетаки добился, сталъ на дорогу. А тутъ вдругъ и настигни его горе: мать-то и умри. Таяла все... съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сынъ уѣхалъ. Исчезла, такъ сказать, съ горизонта путеводная-то звѣзда всей жизни, ну, и сила сопротивленія тоже исчезла. Такъ какъ-то исчахла, знаете-ли, быстро, даже съ какимъ-то удовольствіемъ. „Я, говоритъ, Ванѣ теперь уже не нужна, на дорогу, слава тебѣ Господи, вывела. Теперь и самъ пойдетъ". Сказала: „нынѣ отпущаеши" — и умерла. А вскорѣ послѣ этого и почтеннаго родителя въ канавѣ нашли... И остался мой Роговъ круглымъ сиротой.

Ну, только старушка-то, видно, дала маху, поторопилась: теперь-то она, можетъ, всего нужнѣе была сыну. Учился онъ, правда, хорошо и даже какъ-то страстно, такъ сказать, безъ оглядки, будто торопился къ чему-то. А какъ получилъ извѣстіе о смерти матери,—въ душѣ-то, знаете, сразу, видно, оборвалось что-то... Можетъ быть, она у него, въ свою очередь, была, такъ сказать, единственной мечтой въ жизни: вотъ, дескать, кончу, стану на ноги и возстановлю нарушенную справедливость: мать, наконецъ, узнаетъ, что есть еще благость Господня и любовь, и благодарность... хоть на закатѣ, знаете-ли, этотъ лучъ-то согрѣетъ... Хоть годъ, хоть мѣсяцъ, хоть недѣлю... Да что: пусть хоть мигъ одинъ, да чтобъ всетаки увидѣла, чтобъ сердце радостно вспыхнуло... чтобъ оттаяло отъ луча этой справедливости. А тутъ вдругъ—вмѣсто всего—могила... Обрывъ—и кончено! И никакой уже благодарности не надо, и ничего уже ни вернуть, ни исправить

нельзя... Это вѣдь, знаете,—испытаніе, и чтобы это выдержать безъ надлома, нужна сила... вѣра нужна въ общій смыслъ жизни... помимо этой вотъ... случайности.

Ну, онъ и не выдержалъ. Опоры не было... Какъ эта единственная подъ нимъ провалилась, такъ онъ и ухнулъ весь... Въ душѣ оборвалось что-то, да еще, видно, наслѣдственность, сдержанная другими вліяніями, свои права тоже предъявила... Какъ бы то ни было, оступился, закрутилъ, чувство это ѣдкое сталъ виномъ заливать... А тамъ и пошло. Экзамены бросилъ,—дескать, теперь не для кого аттестаты эти добывать... И стало его, знаете-ли, нести теченіями случайными, какъ вотъ лодку, брошенную по рѣчкѣ. И какимъ-то образомъ заявился опять въ нашемъ городѣ... Можетъ быть, думалъ зачалиться какъ нибудь за могилку-то за эту, материнскую... Да вѣдь что тутъ могила поможетъ... Если бы въ ней смыслъ какой нибудь... тогда, конечно, другое дѣло... Взялъ въ судѣ свидѣтельство „на право хожденія“ по дѣламъ. Вступилъ на отцовскую дорожку. Жизнь тоже повелъ самую безпутную, время проводилъ въ кабакахъ, съ голытьбой, и бралъ дѣла самаго рискованнаго, такъ сказать, свойства. Однимъ словомъ, выработался въ пьянаго и дерзкаго буяна, анфанътерибля всего нашего городка и всѣхъ мирныхъ гражданъ. И откуда-то, чортъ его знаетъ, въ этомъ застѣнчивомъ юношѣ объявилась вдругъ наглость, а съ нею и остроуміе просто дьявольское: всѣ въ городѣ его боялись... Замѣчательно, что рѣдкій городокъ на Руси обходится безъ такого Рогова. Своего рода должность, полагающаяся по штату. Тихо это всюду, дремота этакая мирная, спокойствіе идиллическое, г. Будниковъ по улицамъ ходитъ, прямой, величавый, собственные шаги считаетъ, по вечерамъ—шорохи эти поэтическіе, а тутъ гдѣ-нибудь ухаетъ этакой кабакъ, какъ у насъ, „на Ярахъ“, и бурлитъ какая-нибудь безобразная, изболѣвшая и одичавшая душа... А около нея—своего рода сателлиты. Это уже, такъ сказать, въ порядкѣ вещей,—необходимый аксессуаръ жизни...

Первое время послѣ своего появленія Роговъ этотъ иногда встрѣчался со мною... Какъ-то этакъ, знаете-ли, робко поклонится и отойдетъ къ сторонѣ, особенно, когда пьянъ. Разъ, встрѣтившись, я заговорилъ съ нимъ и пригласилъ его къ себѣ. Пришелъ... трезвый, серьезный, даже застѣнчивый... по старой памяти, что-ли... Только—какъ-то у насъ не склеилось. Встало что-то между нами,—воспоминаніе это: я—молодой учитель со свѣжею вѣрой въ свое призваніе, съ живымъ чувствомъ и словомъ. Онъ—юноша, еще чистый, благоговѣющій передъ моимъ нравственнымъ авторитетомъ... Теперь онъ—Ванька Роговъ, тиходольскій дебоширъ и хо-

датай по сомнительнымъ дѣламъ... А я... Ну, однимъ словомъ—точно стѣна какая-то—стоитъ и разъединяетъ: о главномъ-то, о самомъваж номъ не говоримъ. Чувствую,что надо бы разрушить эту перегородку, сказать ему что-то такое, что проникло бы въ эту душу и взяло-бы ее, какъ когда-то... И видимо, самъ онъ ждетъ со страхомъ какимъ-то: вдругъ ты за это, за больное-то всетаки схватишь... Въ глазахъ и боль, и ожиданіе... А у меня силы то и нѣтъ уже. Оборвалась... еще тогда, давно, когда со стыдомъ пришлось объявить о своемъ отступленіи... А потомъ уже точно изъ трещины... все эта утечка и усышка продолжалась.

Такъ и пришлось наблюдать только, въ качествѣ, такъ сказать, благороднаго свидѣтеля, какъ опускался онъ на глазахъ, пошлѣлъ, спивался, грязнѣлъ... обнаглѣлъ, стыдъ сталъ терять, потомъ уже слышу: вымогаетъ и попрошайничаетъ по мелочамъ. Дѣла беретъ всякія и все ходитъ по самой, такъ сказать, границѣ между просто предосудительнымъ и уголовнымъ. Да ходитъ ловко, какъ акробатъ, и надъ всѣми смѣется. Года въ два-три уже совершенно, такъ сказать, опредѣлился. Фигура мрачная, грязноватая и весьма непріятная.

Ко мнѣ тоже иной разъ, уже и выпивши, сталъ заходить. И вотъ что, скажу вамъ, странно: въ этомъ видѣ мнѣ съ нимъ стало, какъ будто, легче... То есть задача, что-ли, упростилась, легче стало взять тонъ этотъ дидактическій, поучительный... Помню, какъ-то послѣ одной выходки, до очевидности скверной, говорю ему:

„Такъ и такъ, Роговъ, нехорошо вѣдь". Онъ опять сжался-было, глаза этакъ отвелъ, какъ-бы боясь удара, что-ли, нравственнаго, а послѣ тряхнулъ лохмами и посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза, видимо, знаете-ли, призывая эту свою наглость на помощь:

— „Почему-бы, говоритъ, Павелъ Семеновичъ нехорошо?

— „Нечестно, говорю.

— „Ну, знаете-ли, говоритъ, это вѣдь только замѣна одного спорнаго термина другимъ, не менѣе спорнымъ. А у меня, говоритъ, на этотъ счетъ своя, такъ сказать, теорія выработалась. Честность тамъ и другое тому подобное есть не что иное, какъ только дессертъ въ жизни. Дессертъ-же, какъ всякому извѣстно, подается послѣ обѣда. А если нѣтъ обѣда,—какая-же, говоритъ, надобность въ дессертѣ?..

— „Ну, положимъ, говорю.—Припомните, однако, отчего у васъ нѣтъ обѣда, не по своей-ли винѣ? Учились вы хорошо, были уже на дорогѣ и, вдругъ, произвольно уклонились, такъ сказать, съ пути...

Самому мнѣ въ эту минуту показалось это соображеніе

не только убѣдительнымъ, но даже неопровержимымъ... А онъ посмотрѣлъ на меня, засмѣялся и говоритъ:

— „Вы, говоритъ, въ послѣднее время, кажется, на билліардѣ стали иногда вечерами поигрывать?

— „Ну, что-жъ, говорю, играю... для отдыха.

— „Клапштосъ, говоритъ, знаете?

— „И клапштосъ знаю“. — А клапштосъ, вамъ извѣстно: ударъ этакой особенный, парадоксальный, внизъ шара. Отъ этого удара шаръ сначала идетъ впередъ, а потомъ вдругъ какъ бы произвольно поворачиваетъ назадъ... На первый взглядъ непонятно и какъ бы противно законамъ движенія...

— „Ну, такъ вотъ, по вашему, говоритъ, это что-же: шаръ свою волю обнаруживаетъ?

— „Конечно, говорю, нѣтъ: вращательное движеніе отъ первоначальнаго удара остается дольше, чѣмъ поступательное, и шаръ, остановившись, откатывается вращеніемъ...

— „Замѣчательно, говоритъ, вѣрное объясненіе. Ну, такъ, видите-ли, говоритъ,—мамаша моя шла всю жизнь прямымъ путемъ, а папаша, какъ вамъ хорошо извѣстно — все вертѣлся. Вотъ и я сначала слѣдовалъ прямо, пока хватало мамашиныхъ импульсовъ... А потомъ... Какъ-то, знаете, и самъ хорошенько оглянуться не успѣлъ... Эге-ге! А меня уже вертитъ... Папашино-то вращеніе назадъ потянуло... Вотъ вамъ и вся моя біографія въ краткихъ терминахъ“...

У меня, знаете-ли, на сердцѣ даже заскребло что-то, такъ онъ это сказалъ... искренно какъ-то и безнадежно. Вижу, что человѣку тяжко. Опустилъ, знаете-ли, голову, закрылъ лицо лохмами своими... потомъ посмотрѣлъ на меня, и опять мнѣ стало жутко. Боль въ глазахъ. Видали вы когда-нибудь у животныхъ, когда очень имъ больно, выраженіе это особенное?.. Собака,—на что ласковая тварь,—а и та въ это время даже хозяина укусить готова. Не отъ злобы даже, отъ боли... или отъ больной злобы...

— „Что-же, говоритъ... Кто тутъ виноватъ?

— „Не знаю, говорю, Роговъ. Думаю, что и вы виноваты, но я вамъ не судья, да и не въ виновности дѣло.

— „Да, вотъ то-то. Именно не судья. А по моему, тотъ и виноватъ, кто меня клапштосомъ въ жизнь пустилъ... Значитъ, и судить некому. Невѣрный ударъ... Ежели, говоритъ, клапштосъ по обстоятельствамъ игры не требовался... зачѣмъ-же было неловкій ударъ дѣлать... А если нуженъ... Ну, вотъ я двигаюсь клапштосомъ по жизненному полю... Исполняю волю пославшаго... Такъ-то вотъ, говоритъ, голубчикъ Павелъ Семеновичъ... Не найдется-ли у васъ около двугривеннаго этакъ серебромъ?.. Тоска палитъ, залить, что-ли, надо...

Это онъ еще въ первый разъ у меня двугривенный попросилъ... И я почувствовалъ сразу, что... въ нашихъ отношеніяхъ какъ будто кончилось что-то, оскорбилъ онъ меня сразу этой просьбой, и уже я его сталъ немного бояться... Придетъ и унизитъ...

Ну, вотъ, теперь вамъ, можетъ быть, понятно, что это былъ за человѣкъ, съ какимъ, такъ сказать, мрачнымъ содержаніемъ... И какой опасный. Вотъ разъ передъ вечеромъ какъ-то, сумерками, сижу у себя на крылечкѣ. И опять это настроеніе, знаете, о которомъ я уже говорилъ. Печаль на душѣ, мысли смутныя... Задумался, гляжу,—а онъ тутъ-же сидитъ, рядомъ, подошелъ какъ-то незамѣтно. Тоже печальный и тихій, выпивши только чуть-чуть... А можетъ, съ похмѣлья...

— „Позволите, говоритъ, посидѣть?

— „Посидите, говорю, Роговъ.

— „Ну, говоритъ, а чтобы уже сразу покончить съ дѣловой, такъ сказать, стороной: около двугривеннаго найдется?

Вынулъ я двугривенный молча и отдалъ. Увидѣлъ онъ, вѣроятно, что непріятенъ мнѣ тонъ этотъ, и говоритъ:

— „Не думайте, говоритъ, Павелъ Семеновичъ, что это я къ вамъ только за двугривенными и хожу... Нѣтъ... Посидишь съ вами... все будто минусъ какъ-то изъ обычнаго безобразія. Хоть часъ одинъ...

— „Спасибо,—говорю,—и на этомъ...

— „Не на чемъ, — отвѣчаетъ. — Думалъ-было я много больше отъ васъ получить, да нѣтъ... не выходитъ.

— „А что-же именно? — спрашиваю: если хотите, — скажите.

— „Сказать, говоритъ... Отчего-же и не сказать, а только, все равно, не выйдетъ... Клапштосъ—и кончено...

— „Извините, говорю, Роговъ. Вы положительно злоупотребляете этимъ билліарднымъ сравненіемъ. Вѣдь вы не костяной шаръ, а живой человѣкъ“.

— „И поэтому, говоритъ, чувствую... Шаръ-то,—куда его ни загони,—въ лузу-ли, въ лужу-ли, ему, костяному дураку, все равно... А человѣку, почтеннѣйшій Павелъ Семеновичъ, въ лужѣ тяжело... Вы думаете, кто-нибудь сознательно и по доброй волѣ выберетъ это житейское меню... т. е. безъ дессерта. Нѣтъ... Тяжело это вообще, а мнѣ въ частности... Человѣкъ я, какъ говорится, съ рефлексомъ. Вижу и обсуждаю эту свою траекторію до конца... Теперь еще умишко есть, воюю тамъ... съ вами вотъ посижу, поговоримъ... А вѣдь не долго—стану свинья свиньей и уже, такъ сказать, безпросвѣтно... Вотъ, порой, и думается: а вѣдь можетъ быть... какъ нибудь... точка опоры, что-ли... вѣдь вотъ порой задѣ-

ваетъ еще что-то... настоящее... И есть оно гдѣ-то навѣрное... настоящее-то?.. Есть вѣдь, Павелъ Семеновичъ?

— „Есть, говорю, конечно, есть“.

— „Ну, вотъ, говоритъ, какъ вы это искренно сказали. Да, должно быть, есть... Такъ гдѣ-же оно? Ну, извините, я вамъ не хочу ловушки ставить... Не знаете вы этого хорошенько и сами. Искали когда-то, да бросили... Вотъ поэтому-то я только двугривенный у васъ и прошу. Да, впрочемъ, иногда, спасибо, посижу, будто у огонька... Человѣкъ вы всетаки съ душой... Иной, можетъ быть, сумѣлъ-бы и больше взять у васъ“...

— „Такъ что-же, послушайте, говорю я ему. Придумайте: не могу-ли быть вамъ дѣйствительно полезенъ“.—И чувствую: подается въ немъ что-то, вотъ-вотъ уступитъ... Растроганность какая-то, наглости нѣтъ... Да онъ только рукой махнулъ.

— „Нѣтъ, говоритъ, не выйдетъ. И не вы, голубчикъ, виноваты. А потому, что... я да и всѣ такіе, какъ я... очень требовательны. Сами, какъ свиньи, въ грязи валяемся, а съ другихъ требуемъ, чтобы тотъ-то, кто руку протянуть хочетъ, самъ былъ чище снѣга, чтобы въ бѣленькихъ перчаткахъ, и на одеждахъ — чтобы ни пятнушка!.. Чортъ его знаетъ, отчего это? А, можетъ быть, и оттого, говоритъ, что... чувствуемъ мы... Много надо силы и чистоты, чтобы насъ-то, грязныхъ, вытаскивать. Много, голубчикъ, такъ много, что... пожалуй, и не подъ силу... Буря этакая нужна, понимаете-ли... Чтобы дохнуло на всѣхъ огнемъ очищающимъ... дыханіе правды во всемъ, во всей жизни... Ну, тогда и чудеса бываютъ... А вы... Вы на меня не сердитесь?..

— „Что-же, говорю, на что сердиться?

Замолчали мы оба. Разговоръ этотъ, какъ я уже сказалъ, передъ вечеромъ происходилъ, на крылечкѣ... Помню, какъ разъ къ вечернѣ ударили. И черезъ короткое время выходитъ изъ воротъ г. Будниковъ. Щеголеватый, знаете-ли, такой, прямой, какъ всегда, и во всей фигурѣ довольство... Такъ, знаете-ли, отъ него и разитъ этимъ—сознаніемъ исполняемаго нетруднаго долга.

Помню, что на меня какъ-то его появленіе подѣйствовало непріятно, а у Рогова даже лицо вдругъ измѣнилось... Схватился съ мѣста, сталъ въ театральную позу, шляпу съ головы снялъ и говоритъ:

— „Господину Будникову, Семену Николаевичу, къ вечернѣ шествующу—отъ Ваньки Рогова нижайшее почтеніе“.

И потомъ отвелъ шляпу широкимъ этакимъ жестомъ и запѣлъ изъ этого... ну, извѣстнаго романса:

«Самъ не въ си-лахъ я боль-ше моли-и-иться...
«Пам-мались, милай друкъ, за м-миня...

Передернуло меня это гаерство какъ-то рѣзко... Только что такой разговоръ... а тутъ при мнѣ-же оскорбляетъ человѣка и при томъ въ такомъ чувствѣ, которое во всякомъ случаѣ и со всякой точки зрѣнія заслуживаетъ полнаго уваженія. Да и передъ Будниковымъ неловко...

А тутъ вскорѣ изъ калитки вышла и Елена и тоже въ церковь идетъ. Онъ и къ ней:

«Офелія! О, нимфа! Помяни
«Меня въ твоихъ святыхъ молитвахъ».

Это меня уже окончательно разсердило. Ну, тамъ Будниковъ—всетаки человѣкъ, такъ сказать, со странностями. И при томъ мужчина. А тутъ Елена — существо, такъ сказать, беззащитное и безпомощное. Сжалась вся, подъ наглымъ взглядомъ и наглыми, хоть и непонятными ей словами, опустила голову и скоро-скоро пошла къ церкви.

— „Послушайте, говорю, Роговъ. Какъ вамъ не стыдно! И при томъ долженъ вамъ сказать... если хотите ко мнѣ ходить, то, попрошу васъ покорно, вести себя приличнѣе“...

Повернулся онъ ко мнѣ... и вижу, въ глазахъ это особенное выраженіе—злой боли: уже и меня укусить собирается...

Захотѣлось мнѣ нѣсколько смягчить эту свою рѣзкость. И говорю:

— „Вѣдь вотъ вы, Роговъ, не знаете ни этихъ людей, ни ихъ отношеній, а позволяете себѣ оскорблять“...

Онъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливо и говоритъ:

— „Это вы не насчетъ-ли идилліи? Добродѣтельный г-нъ Будниковъ устраиваетъ счастье двухъ сердецъ. А вотъ, кстати, и Гаврюшенька.

А, дѣйствительно, Гаврило какъ разъ вышелъ со двора и сталъ у воротъ, смотритъ на удаляющуюся Елену. Роговъ какъ-то противно подмигнулъ ему и хлопнулъ по плечу.

— „Поздравляю, говоритъ, Гаврюшенька... съ барскими отопочками... Умница! Знаешь, видно, гдѣ раки зимуютъ... Смотри, не прозѣвай барскую барыню... А въ случаѣ чего, говоритъ,—можешь разсчитывать на мои юридическія познанія...

Да, удивительное дѣло, какъ эти циники бываютъ иной разъ проницательны... одного только не могутъ разглядѣть въ человѣческой природѣ, а за то на все остальное, на всю грязную, такъ сказать, сторону настоящій взглядъ кошки въ сумеркахъ. Повидимому, Роговъ уже зналъ все... можетъ быть, даже зналъ уже тогда о билетахъ и заподозрилъ Гаврилу въ корыстныхъ видахъ...

Подошелъ къ нему и хлопнулъ по плечу... Тотъ, знаете,

добродушный человѣкъ, все таки, видно, почувствовалъ это презрѣніе... Озлился вдругъ и сильно оттолкнулъ Рогова. Тотъ чуть не упалъ, засмѣялся и съ преувеличенной развязностью пошелъ по панели. Поровнявшись со мной, онъ остановился и говоритъ:

— „Вотъ что, почтеннѣйшій Павелъ Семеновичъ... Давно хотѣлъ у васъ спросить: не читали-ли вы... есть у Ксенофонта... разговоръ Алкивіада съ Перикломъ... Если не читали,—положительно рекомендую. Хоть и на мертвомъ языкѣ, а поучительно.

И пошелъ, напѣвая какую то скверную пѣсенку. А я черезъ нѣкоторое время разыскалъ этотъ діалогъ. Что, думаю, такое?

Тяжелая, знаете-ли штука, но сильная. Дѣло, собственно, приблизительно вотъ въ чемъ. Приходитъ какъ-то къ Периклу Алкивіадъ. Периклъ, представьте себѣ, къ этому времени уже пожилой человѣкъ, окруженный всеобщимъ почетомъ согражданъ, ну тамъ... прошлыя заслуги и, какъ бы сказать,—ореолъ добродѣтели, что-ли. И пожалуй, знаете, уже и брюшко, и прочее. Ну, а Алкивіадъ—повѣса, безобразникъ, кутила, съ дѣвочками тамъ аѳинскими, ну, тамъ скандалы всякіе, собакамъ, какъ извѣстно, хвосты рубилъ... И насчетъ добродѣтели человѣкъ мало разборчивый. Ну, такъ вотъ, приходитъ къ добродѣтельному Периклу этотъ порочный молодой человѣкъ—и говоритъ:—Послушай, Периклъ. Вотъ ты человѣкъ полный, можно сказать, добродѣтели до самыхъ макушекъ. А я вотъ путаюсь, такъ сказать, безъ дороги и отъ бездѣлья даже вотъ столбы выворачиваю. Сограждане недовольны. Научи ты меня добродѣтели и разрѣши сомнѣнія. Я буду спрашивать, а ты, говоритъ, разъясняй. Ну, Периклъ, разумѣется согласенъ, даже, пожалуй, радъ: отчего не разъяснить молодому человѣку? Можетъ быть, и остепенится.—Хорошо, говоритъ, спрашивай. Тотъ и спрашиваетъ: что такое, говоритъ, добродѣтель? И какъ ее себѣ получить?—Периклъ, конечно, только усмѣхнулся: чти, говоритъ, боговъ, исполняй, говоритъ, законы и вся недолга. Вѣдь у нихъ, въ его время, это, знаете-ли, было незыблемо: законъ—и кончено!—Конечно, говоритъ, безъ малѣйшаго, говоритъ, сомнѣнія—законы соблюдать это первѣйшая обязанность гражданина и человѣка.—Ну, вотъ, отлично, отвѣчаетъ ему этотъ юноша. Теперь скажи только, какіе-же законы долженъ я исполнять: дурные или хорошіе? Тотъ, знаете-ли, немного даже обидѣлся. Да вѣдь законъ, — значитъ, дескать, хорошъ. Что-же тутъ толковать.—Нѣтъ, говоритъ Алкивіадъ, постой, не сердись... А ужъ у нихъ, знаете-ли, въ это время всѣ эти, такъ сказать, основоначала замутились нѣсколько...

партіи, борьба, одни другихъ грабятъ, высылаютъ... остракизмы эти, своего рода административнымъ порядкомъ... узурпаторы пошли; временщики тамъ... чуть замутилось, ужъ онъ, знаете-ли, выскочилъ и свой законъ написалъ для собственнаго употребленія или тамъ для кумовей и пріятелей. Боги старые сконфузились, бормочутъ ни вѣсть что, совсѣмъ не къ дѣлу. Однимъ словомъ, ясное-то въ жизни стало ужъ неясно: равновѣсія этого уже нѣтъ, всѣми признанная правда затерялась... Обновленіе нужно. Тучи, такъ сказать, заволокли небо и путеводныя звѣзды, Богъ ихъ знаетъ, гдѣ онѣ?... Такъ вотъ Алкивіадъ и спрашиваетъ: какіе же, говоритъ, законы надо исполнять: которые предписываютъ хорошее или дурное?—Конечно, говоритъ, хорошее.—Ну, а почему-же мнѣ, говоритъ, узнать, какіе хорошіе? По какому, такъ сказать, признаку.—А ты, говоритъ, исполняй всякіе; законъ, говоритъ, на то и пишется...—Значитъ и тѣ, какія введены насиліемъ тирановъ? — Ну, этихъ, пожалуй, и не надо, ну, а только, говоритъ, законные, такъ сказать, законы.—Ну, хорошо. Если, напримѣръ, меньшинство насилуетъ большинство въ свою явную пользу, такихъ законовъ не надо?— Пожалуй, не надо.—А если большинство явно насилуетъ меньшинство, противно, такъ сказать, правдѣ?.. Видите, куда онъ гнетъ: внѣшнихъ признаковъ ему не надо, а покажи такъ, чтобы душой почувствовать правду эту общественную, высшую, такъ сказать, правду жизни, святыню... Ну, а Периклъ-то ужъ и не того. И не то, что Периклъ,—весь строй жизни стоитъ на рабствѣ, на сознанной неправдѣ... религія выдохлась, святыня-то, освящающая каждый шагъ, каждое движеніе, весь строй, всѣ людскія отношенія—ужъ ея не чувствуютъ люди... Ну, Периклъ туда-сюда... самому-то, знаете-ли, передъ собой не хочется признать, что уже ихніе законные-законы того... фюить... Онъ этакъ снисходительно потрепалъ безпутнаго юношу по плечу и говоритъ:—Да, да!— говоритъ, ты, говоритъ, того... конечно... мальчикъ съ головой... Мы, говоритъ, и сами въ прежнее-то время этакіе вопросы разрѣшали... Ну, Алкивіадъ видитъ, что ужъ Периклъ— авторитетъ, такъ сказать, признанный,—одни пустяки говоритъ, что ужъ живого-то въ немъ эти противорѣчія не задѣваютъ, души уже не шевелятъ,—и махнулъ рукой.—Жалко, говоритъ, что я съ тобой не былъ знакомъ въ то время... А теперь пойду, говоритъ, отъ скуки опять столбы выворачивать...

. . . .

VI.

Разсказчикъ остановился. Поѣздъ замедлялъ ходъ, подходя къ какой-то станціи. Илья Петровичъ протянулъ руку и, снявъ съ крючка синюю фуражку съ кокардой, сказалъ:

— Пойти въ буфетъ... Признаться, почтеннѣйшій Павелъ Семеновичъ, не понимаю я, къ чему все это клонитъ... Это, извините, даже и не философія, а Богъ знаетъ къ чему. Начали про Будникова. Ну, это пожалуй: человѣкъ всетаки знакомый... Потомъ этотъ, чортъ его знаетъ, Роговъ, прохвостъ какой-то отпѣтый, а тутъ уже, не угодно-ли, и Ксенофонтъ, и Алкивіадъ... хвосты собакамъ рубитъ... Чортъ знаетъ что: какое мнѣ, позвольте спросить, до всего этого дѣло?.. Нѣтъ, какъ хотите... Извините меня, а я пойду водку пить...

Онъ надѣлъ фуражку и, придерживаясь руками отъ толчковъ останавливающагося поѣзда, вышелъ изъ вагона. Павелъ Семеновичъ остался на мѣстѣ съ выраженіемъ нѣкоторой грустной разсѣянности. Теперь мнѣ было ясно видно, при свѣтѣ станціоннаго электрическаго фонаря,—его лицо съ крутымъ лбомъ и широко разставленными глазами. Онъ сидѣлъ, не мѣняя позы, и по выраженію лица было замѣтно, что онъ обдумываетъ что-то, какую-то крѣпко засѣвшую въ головѣ мысль, которую не успѣлъ выяснить передъ собесѣдникомъ.

Въ это время на другой верхней скамейкѣ зашевелился четвертый пассажиръ. Онъ лежалъ въ тѣни, повременамъ курилъ и проявлялъ признаки вниманія къ разсказу. Теперь онъ сошелъ съ своей скамьи и, сѣвъ рядомъ съ Павломъ Семеновичемъ, сказалъ:

— Извините, не имѣю чести быть знакомымъ, но... я слышалъ поневолѣ вашъ разсказъ, и мнѣ было-бы интересно... Такъ что, если вы ничего не имѣете противъ...

Павелъ Семеновичъ нѣсколько растерянно посмотрѣлъ въ лицо новаго собесѣдника. Это былъ культурный человѣкъ, одѣтый аккуратно, съ умными глазами, твердо глядѣвшими изъ-подъ золотыхъ очковъ, которые онъ прилаживалъ теперь обѣими руками...

— Да?—сказалъ Павелъ Семеновичъ... Вы, значитъ, слышали...

— Да, слышалъ. И меня интересуетъ продолженіе...

— То есть... самая, такъ сказать, фабула?.. Или?..

— И фабула, но особенно ваша точка зрѣнія, которая, признаюсь, мнѣ не вполнѣ ясна...

— Да?.. Дѣйствительно, можетъ быть, я не вполнѣ ясно это... Я хотѣлъ сказать... что въ сущности все такъ связано... И эта взаимная связь...

— Налагаетъ общую отвѣтственность?

Въ лицѣ Павла Семеновича блеснуло радостное оживленіе.

— Вотъ! Вы, значитъ, поняли? Именно—общую... Не передъ Иваномъ или Петромъ... Все, такъ сказать, переплетается... Одинъ по неаккуратности броситъ апельсинную корку... другой споткнулся и, глядишь, - сломалъ ногу.

Новый собесѣдникъ слушалъ съ спокойнымъ вниманіемъ. Но въ это время въ вагонъ вошелъ опять Илья Петровичъ и, окинувъ обоихъ нѣсколько ироническимъ взглядомъ, сказалъ, вѣшая на крючокъ фуражку:

— Ну, вотъ, теперь—не угодно-ли—корка!

— Нѣтъ, Илья Петровичъ,—сказалъ Павелъ Семеновичъ серьезно.—Вы это напрасно такъ... Тутъ, конечно, вопросъ, такъ сказать...

— У васъ, я знаю, все вопросы, въ самыхъ простыхъ вещахъ...—сказалъ Илья Петровичъ съ добродушной усмѣшкой человѣка, успѣшно выпившаго рюмку водки.—А я, вотъ, прилягу. Ничего, пожалуйста, вы мнѣ не мѣшаете... Валяйте, Павелъ Семеновичъ, дальше. Я все равно засну...

— Да, пожалуйста,—подтвердилъ и господинъ въ золотыхъ очкахъ.

— Извольте... Я охотно, тѣмъ болѣе, что все это не даетъ мнѣ, такъ сказать, покоя... На чемъ, бишь, я остановился?

— Вы остановились,—насмѣшливо помогъ ему Илья Петровичъ,—на Алкивіадѣ... Исторія, такъ сказать, древняя. Теперь послѣдуютъ средніе вѣка...

Павелъ Семеновичъ не обратилъ вниманія на соль этой тирады и обратился къ новому собесѣднику:

— Да, такъ видите ли. Дѣло находится въ такомъ положеніи: Гаврило женился, живетъ себѣ... въ столѣ у г-на Будникова лежитъ билетъ съ двумя чертами... ходятъ объ этомъ нехорошіе слухи, и какъ всегда, въ преувеличенномъ видѣ. И не знаетъ объ нихъ одинъ только Гаврило,—работаетъ себѣ попрежнему, лѣзетъ, такъ сказать, изъ кожи, старается... Мускульная эта симфонія въ полномъ ходу, глаза такъ и лучатся, знаете, общимъ довольствомъ и благорасположеніемъ.

И вдругъ, однажды, натыкается на него въ этакую минуту Роговъ. Шелъ по панели мимо двора, остановился, подумалъ о чемъ-то и подзываетъ Гаврилу.

Ну, тотъ русскій человѣкъ, извѣстно, добродушный... Не

такъ давно дрался, а тутъ уже и забылъ. Чего, говоритъ, тебѣ?—Иди, дѣло до тебя. Спасибо скажешь.

Признаться, что-то толкнуло меня. Хотѣлъ подозвать къ себѣ этого Рогова и, чувствуя, что затѣваетъ онъ скверность,—остановить его. Но было это все уже послѣ Алкивіада... вообще, не надѣялся я уже на себя. Такъ и остался у своего окна. Гляжу,—оставилъ Гаврило лопату, подошелъ и сталъ слушать. Сначала въ лицѣ его видно было только недоумѣніе, отчасти даже пренебреженіе. Но потомъ все съ тѣмъ-же видомъ колебанія онъ развязалъ фартукъ, пошелъ къ себѣ во флигелекъ, надѣлъ картузъ и вышелъ къ Рогову. И потомъ они вмѣстѣ пошли по улицѣ и свернули къ береговому откосу... А черезъ минуту вышла къ воротамъ Елена, стала у калитки и долго смотрѣла вслѣдъ двумъ этимъ удалявшимся фигурамъ... И въ глазахъ, знаете, печаль какая-то и испугъ...

Очевидно, предчувствовала. И, дѣйствительно, съ этого самаго дня характеръ у Гаврилы круто какъ-то измѣнился. Вернулся онъ нѣсколько, какъ будто, пьяный... Можетъ быть, отъ водки, а можетъ быть, и отъ огромности непосильнаго, такъ сказать, бремени, которое вдругъ навалилъ на него Роговъ... Во первыхъ, и сумма совершенно подавляющая: гора денегъ, превышающая самую его способность счета. И потомъ—источникъ этого богатства, возвращающій невольно мысли къ прошлому Елены. Наконецъ, недоумѣніе, почему Елена ему ничего объ этомъ не сказала, и отсюда, можетъ быть, нехорошія подозрѣнія... Въ общемъ, разумѣется, полный душевный сумбуръ... Двѣ-то эти черточки, которыя г-нъ Будниковъ провелъ на билетахъ,—по душѣ Гаврилы этого прошли, знаете-ли, всего глубже и больнѣе... Ну, и разумѣется, соскочилъ тоже со своего центра. Вся эта симфонія непосредственности и труда внезапно оборвалась, и человѣкъ заметался безпорядочно и безъ всякаго смысла...

И начало его нѣкоторымъ образомъ ломать... Сначала ходилъ угрюмый, съ потемнѣвшимъ лицомъ. Работа у него стала валиться изъ рукъ: то топоръ, знаете-ли, швырнетъ, то лопату сломаетъ... Совершенно какъ хорошо пущенная машина, въ которую вдругъ сунули бревно... Когда-же г-нъ Будниковъ удивленно и кротко сталъ дѣлать ему вполнѣ резонныя замѣчанія, что вѣдь вотъ лопата стоитъ денегъ, и что онъ вынужденъ будетъ вычесть у Гаврилы изъ жалованья,—то этотъ, кроткій прежде человѣкъ, отвѣчалъ невнятными и нерезонными грубостями... А у Елены глаза все заплаканные...

Потомъ Гаврила уже формально запилъ, сталъ пропадать и преимущественно, такъ сказать, мѣстопребываніемъ

его сталъ довольно грязный вертепъ „Яры“, на берегу, на пескахъ, недалеко отъ пристани... Домишко этакой небольшой, деревянный, съ мезониномъ, темный, покосившійся въ одну сторону и подпертый бревнами. Съ откоса берегового можно было видѣть его: все, бывало, по вечерамъ два оконца и дверь открытая свѣтятся, какой-то бубенъ ухалъ—должно быть, что-то въ родѣ музыки для увеселенія... и по временамъ крики смѣшанные—не то пѣсни, не то драка и караулъ. Вообще—безпокойство какое-то и даже какъ будто угроза. Антитеза, такъ сказать, этой мирной обывательской жизни... Бурлаки съ нашей скромной и по большей части бездѣйствующей пристани, рабочіе съ кирпичныхъ заводовъ, какъ кроты копавшіеся въ мокрой глинѣ, профессіональные нищіе... однимъ словомъ, народъ бездомный, несчастный, безпутный и злой. Даже и пролетаріатъ-то, такъ сказать, попорядочнѣе, избѣгалъ этого кабака. И представьте, что въ него-то именно и втянулъ Роговъ Гаврилу. А за нимъ узнала дорогу въ „Яры“ и Елена. То есть, собственно, для того, чтобы мужа оттуда вытаскивать, пьянаго...

Дѣлала она это какъ-то удивительно: покорно, безропотно и, право... какъ бы это сказать,—красиво. Разъ иду съ уроковъ, вхожу въ калитку, она навстрѣчу, наскоро платокъ на головѣ повязываетъ.

— Куда это вы, говорю, Елена?

— Не видали-вы,—спрашиваетъ:—Гаврило Степанычъ въ ту сторону пошли?..

— Кажется, говорю, пошелъ... Да вамъ-то бы ужъ туда вовсе не дорога.

Хотѣлъ я удержать ее, признаться. Пользы-то вѣдь отъ этой бабьей покорной заботливости никакой не бываетъ, а только куражатся эти пьяницы еще больше... Но она метнулась мимо, сердито какъ-то и, кажется, съ нѣкоторою гордостью кинувъ на ходу, что дескать „они“, Гаврило-то свѣтъ Степанычъ,—ей мужъ, а она ему жена законная... А черезъ полчаса гляжу,—ведетъ своего Гаврилу Степаныча подъ руку. Тотъ упирается, но идетъ и только смотритъ передъ собой тусклымъ, оловяннымъ, почти остановившимся и не понимающимъ взглядомъ. И всетаки идетъ. У самой калитки уперся вдругъ ногами, оттолкнулъ ея руку и уставился въ нее... Лицо темное, и въ оловянныхъ глазахъ злая рѣшимость...

— Ты, говоритъ, кто?.. Говори: кто-ты!.. А?

Она стоитъ, опустивши руки, точно удара ждетъ. Вспомнилось мнѣ это утро весеннее и эти ихъ взаимныя клятвы: „А вы, Гаврило Степанычъ, Бога не забудете—дескать“. И знаете, мнѣ тоже стало какъ-то страшно: забудетъ, думаю,

негодяй пьяный. Вотъ сейчасъ... сію минуту и забудетъ... Но вдругъ лучъ нѣкотораго сознанія мелькнулъ въ безсмысленномъ лицѣ, и онъ какъ будто проглотилъ что-то. Не сказалъ ни слова и молча пошелъ къ себѣ... И она пошла за нимъ, испуганная, почтительная и покорная...

И все такъ бывало: мигнетъ Роговъ Гаврилѣ, онъ исчезнетъ со двора и забурлитъ. Власть какую-то пріобрѣлъ этотъ человѣкъ надъ Гаврилой, а Елена ее оспаривала... покорно, почтительно, робко, но настойчиво. Вѣроятно, считала всю эту исторію посланнымъ ей наказаніемъ, для искупленія „грѣха“. Осунулась, полнота эта пріятная исчезла, глаза запали, но за то, глядя на нихъ теперь, я бы никакъ не рѣшился назвать ихъ глупыми. Страданіе, знаете-ли, вѣдь оно удивительно умное всегда, даже у птицы... Въ вертепы является, мужа пьянаго выводитъ, смѣются надъ ними на улицѣ,— у нея за себя стыда, видимо, ни капли... Только иной разъ скажетъ шопоткомъ этакъ: „не хорошо, Гаврило Степанычъ, люди на васъ смотрятъ“...

Однажды, при этакомъ же вотъ случаѣ, когда она привела его изъ „Яровъ“, онъ вырвался изъ ея рукъ, кинулся къ дверямъ Будникова и сталъ ожесточенно колотить въ нихъ ногой. Елена какъ-то вся помертвѣла и, будто не въ силахъ подойти къ нему, глядѣла только, какъ человѣкъ въ кошмарѣ, когда къ нему приближается что-то давно ожидаемое и страшное, противъ чего нельзя уже и бороться... Но тутъ вдругъ дверь открылась, и на порогѣ появился г-нъ Будниковъ... Спокойный, знаете-ли, такой, даже величавый, съ чувствомъ, такъ сказать, полнаго своего превосходства. Я даже, правду сказать, нѣсколько удивился... Какъ бы то ни было, всетаки, согласитесь, положеніе щекотливое. Ну тамъ, я подробностей не зналъ, но всетаки... чувствовалось что-то... да просто даже — толки эти, сомнѣнія. Ну, наконецъ, зналъ же онъ самъ-то, что есть тутъ нѣкоторая... нечистота и неаккуратность... И вдругъ, знаете-ли, эта ясность взгляда, спокойствіе, полное достоинство. И не то, чтобы притворство. Нѣтъ,—замѣтно это было-бы... Просто—невозмутимость полная.

— Что, говоритъ, тебѣ нужно? Зачѣмъ стучишь ногой? Не знаешь, какъ надо позвонить... Вотъ, видишь: звонокъ...

И показываетъ ручку звонка. Гаврило, знаете-ли, посмотрѣлъ на ручку, и видимо потерялся... Дѣйствительно, дескать, ручка и, значитъ, ногой совершенно таки не зачѣмъ... А г. Будниковъ съ верхней ступеньки крыльца фиксируетъ его, такъ сказать, своимъ спокойнымъ взглядомъ.

— И вообще, говоритъ, что ты о себѣ думаешь и что тебѣ, поте-рян-ному (съ удареніемъ этакимъ презрительнымъ) человѣку отъ меня нужно. Говори: что, я обидѣлъ тебя, по-

ступалъ съ тобой неправильно, жалованье у тебя хоть на день одинъ задержалъ? Говори прямо, неблагодарный ты субъектъ. Ну, вотъ ты стучалъ ногой... видишь,—краска исцарапана... Ну, вотъ, я вышелъ къ тебѣ... Говори! зачѣмъ стучалъ?

Гаврило—ни слова и, такъ сказать, уничтожается.

— Что?—говоритъ г. Будниковъ,—видно, нечего сказать... Стыдно всетаки? Ну, такъ вотъ я тебѣ скажу съ своей стороны: лопата опять сломана, панель не подметена, лошадь не напоилъ до сихъ поръ... Понимаешь ты: лошадь-то... она вѣдь безсловесная, ничего сказать не можетъ... она, бѣдная, молчитъ... но при всемъ томъ, она тоже живая тварь и чувствуетъ... ржетъ вотъ...

Этотъ аргументъ подавилъ Гаврилу до такой степени, что онъ, весь въ стыдѣ, побѣжденный, такъ сказать, совершенно и окончательно, повернулся и... представьте себѣ, отправился прямо въ конюшню и черезъ минуту, даже какъ будто не пьяный, повелъ въ поводу лошадь къ водопою... А г. Будниковъ, все такой-же величавый и спокойный, заперъ ключомъ свою дверь и пошелъ со двора. Проходя мимо моего палисадника и догадываясь, что я все видѣлъ, онъ остановился и, грустно покачавъ головой, сказалъ:

— Да вотъ, толкуютъ: народъ, народъ... устои... не угодно-ли полюбоваться...

VII.

— Странно,—сказалъ Илья Петровичъ, очевидно, всетаки не заснувшій,—почему-же онъ не прогналъ этого Гаврилу...

— Да, представьте. Я и самъ сначала удивлялся этому тѣмъ болѣе, что скандалы эти стали уже обращать вниманіе Заговорили въ городѣ. Судили, конечно, разно. Одни стояли за Будникова.—Ну, тамъ, ничего вѣдь, въ сущности, не доказано. Какіе-то, съ одной стороны, глухіе толки, а съ другой—явные скандалы и нарушеніе общественной тишины.. Но было, знаете, и другое мнѣніе. Люди, такъ сказать, низшаго званія сочувствовали Гаврилѣ. Должно быть, представлялось имъ, что г-нъ Будниковъ умный и сильный, похитилъ у Гаврилы какое-то право въ родѣ талисмана, что-ли, и теперь колдуетъ надъ нимъ какимъ-то образомъ, чтобы этотъ талисманъ потерялъ свою силу... И вотъ, знаете-ли, сотни глазъ поворачиваются къ окнамъ г-на Будникова, и сотни глазъ смотрятъ на него, когда онъ проходитъ, прямой и спокойный, какъ будто не замѣчая, что за нимъ тянется это облако... недоумѣнія, подозрѣнія, осужденія, вопроса... вообще, грѣха какого-то. И въ каждомъ взглядѣ отражается

нехорошая мысль, и въ каждомъ сердцѣ шевельнется нехорошее чувство... Понимаете вы меня?.. Это вѣдь, своего рода, сила, и ее мало цѣнятъ. Сотни одинаковыхъ душевныхъ движеній, спутанныхъ, неясныхъ, но злыхъ... И всѣ направляются, такъ сказать, къ одному центру...

А человѣкъ, надо замѣтить, былъ до извѣстной степени популярный, выдѣлявшійся изъ ряда. Толки эти прежніе, когда онъ только еще появился, не сливаясь съ общимъ фономъ жизни... нѣкоторая эта опрощенность... Наконецъ, эти поученія нищимъ, соперничество въ трудѣ и тому подобное,— все это привлекало отчасти юмористическое, но все-же благосклонное до извѣстной степени вниманіе. Попрошайки эти, попадавшіе въ ловушку будниковской добродѣтели,—только, бывало, пожимаются, признавая себя, такъ сказать, переклюканными господиномъ Будниковымъ въ честномъ всетаки бою... Даже Роговъ, когда случалось ему проходить мимо нашего двора, завидя г-на Будникова съ лопатой или граблями, остановится, бывало, и скажетъ:

— Господинъ Будниковъ, Семенъ Николаевичъ, труждается... Трудивыйся да ястъ.

Или:

— Господинъ Будниковъ помогаетъ ближнему дворнику трудами рукъ своихъ. Похвально!

И пройдетъ дальше, какъ мимо явленія, такъ сказать, безразличнаго или даже пріятно развлекающаго...

А тутъ все это окрасилось уже иначе... У меня даже, физическое ощущеніе какое-то являлось... въ родѣ кошмара. Какъ будто, знаете-ли, эти двѣ черты или что-то въ личности г-на Будникова проникли собою всю атмосферу... Даже, представьте, почти до галлюцинаціи... Идешь въ гимназію или изъ гимназіи, а въ головѣ впечатлѣнія эти: двойку тамъ ученику поставилъ. А прежде была тройка... въ четверти выйдетъ столько-то съ дробью... И покажется вдругъ, что это господинъ Будниковъ идетъ за тебя этимъ размѣреннымъ шагомъ, довольный отъ сознанія исполненнаго долга... Или задаешь урокъ и слышишь, ну вотъ просто таки слышишь эти будниковскія нотки въ голосѣ... когда онъ нищимъ внушаетъ трудовыя правила или читаетъ Гаврилѣ мораль по поводу сломанной лопаты, или мнѣ самому говоритъ спокойнымъ этимъ сочнымъ голосомъ: „отбросьте гордыню, смиритесь"...

Да, есть, знаете-ли, въ этомъ обыденномъ, въ этой смиренной и спокойной на видъ жизни благодатныхъ уголковъ свой ужасъ... специфическій, такъ сказать, не сразу замѣтный, сѣрый... Гдѣ тутъ, собственно, злодѣи, гдѣ жертвы, гдѣ правая сторона, гдѣ неправая?.. И такъ, знаете-ли, хочется,

чтобы проникъ въ этотъ туманъ хоть лучъ правды живой, безотносительной, не на чертахъ карандашомъ основанной, дѣйствительно разрѣшающей всю эту путаницу... настоящей, о которой догадывается даже Роговъ... Вы меня понимаете?

— Кажется, понимаю,—серьезно сказалъ господинъ въ очкахъ.

— Г. Будниковъ тоже, кажется... не то, что понималъ, а началъ, какъ будто, ощущать, что около него... неладно это все... И заметался, но, какъ это часто бываетъ, метнулся не туда, гдѣ настоящій выходъ... Пришелъ разъ ко мнѣ, въ обычный срокъ, двадцатаго. Ну, разумѣется, я какъ всегда, два стакана чаю... Выпилъ, по положенію, рому не забылъ налить, два сухаря... Все какъ обыкновенно, только видъ не совсѣмъ обыкновенный. Не то грустный, не то торжественный. То, знаете-ли, величавость эта напускная, то какъ будто искренняя печаль. Кончилъ съ дѣловою цѣлью визитъ, деньги тщательно уложилъ въ книжечку, отмѣтилъ,—и все не уходитъ... Началъ говорить обиняками... вообще о ненормальности жизни, въ частности о своемъ одиночествѣ, о какой-то ошибкѣ, происшедшей отъ предразсудка и гордости... Потомъ свелъ на Елену и Гаврилу. Гаврила оказался полнымъ негодяемъ, а Елена глубоко несчастна... И онъ чувствуетъ себя виновнымъ, что выдалъ ее, но исправить это нелегко... и деньгами всего труднѣе... Что значатъ деньги въ рукахъ пьяницы?.. И такъ далѣе, все, знаете, обиняками, изъ которыхъ, однако, подъ конецъ мнѣ стало ясно, что г-нъ Будниковъ желаетъ повернуть всю эту запутанность къ исходному, такъ сказать, пункту, то есть развести Елену съ Гаврилой и жениться на ней самому... Понимаете: тогда двѣ черты сами собой уничтожаются и исчезаютъ... Повидимому, онъ уже успѣлъ посовѣтоваться объ этомъ кое съ кѣмъ и въ томъ числѣ съ о. Николаемъ...

— „Для этой, говоритъ, цѣли никакихъ, говоритъ, расходовъ не пожалѣю... Съ сумой, говоритъ, пойду и прочее, но обязанность свою исполню... Сухая, говоритъ, корка... шалашъ какой-нибудь, но чистая совѣсть"...

— А что-же,—говорю,—Елену вы объ этомъ спросили?

— „Нѣтъ-съ, говоритъ, не спрашивалъ, то есть прямо... Я къ ней, можетъ быть, вы изволили, говоритъ, замѣтить, даже не подхожу, чтобы не было, такъ сказать, поводовъ... Жена, говоритъ, цезаря, извѣстно вамъ, по поговоркѣ Но я лучше знаю, что ей нужно... Даже въ писаніи, какъ извѣстно, сказано: аще хощу и аще не хощу... Ну, при всемъ томъ, не имѣю основаній и сомнѣваться въ ея согласіи"...

— А что вы думаете,—сказалъ, потягиваясь, Илья Петровичъ.—Вѣдь остроумно.

— Да,—какъ-то печально подтвердилъ Павелъ Семеновичъ.—Именно остроумно... Попробовалъ я представить противъ этого остроумія нѣкоторыя соображенія, но г-нъ Будниковъ не сталъ слушать... Говоритъ, горячится, пальцемъ себя въ грудь тычетъ... Потомъ быстро попрощался и ушелъ... Какъ будто, знаете, опасаясь за цѣльность этой своей системы дѣйствій...

А черезъ нѣкоторое время, замѣчаю, начинаютъ, въ отсутствіе Гаврилы, шастать къ Еленѣ какія-то старушки съ погоста, а къ Будникову какіе-то консисторскіе субъекты. Раза два, подъ вечеръ, гляжу: идетъ отъ Будникова и Роговъ... Вотъ оно, думаю, что: молодой-то мой человѣкъ дошелъ уже до своего предѣла, и теперь понятно, зачѣмъ онъ спаиваетъ Гаврилу: нужную для г-на Будникова обстановочку подготовляетъ...

И показалось мнѣ все это, въ цѣломъ, до такой степени, вотъ какъ Илья Петровичъ говоритъ—остроумнымъ, и благоразумнымъ, и... въ сущности безвыходнымъ, что я задумалъ перемѣнить квартиру, чтобы уйти отъ этого всего... Безсонница замучила... Опять по саду шатаюсь. И однажды, знаете, застаю въ немъ Елену. Лежитъ на скамейкѣ, на той самой, гдѣ я сидѣлъ въ то утро, весной... А теперь осень... Умирало это все, обнажалось... Если бы я былъ художникъ, описалъ бы, знаете: съ одной стороны—весна, утро это росистое, почки на деревьяхъ, обѣщанія природы... И эти счастливые люди, и ихъ взаимныя обѣщанія. А тутъ осень... А вѣдь осень, знаете, тоже большой циникъ: обнажаетъ все, всѣ эти украшенія—долой! Вѣтеръ треплетъ опавшія листья, смѣется... Лежатъ они на грязной, мокрой землѣ. А на мокрой скамейкѣ лежитъ эта женщина лицомъ книзу и плачетъ... такъ и бьетъ всю плачемъ этимъ нутрянымъ. Извѣстно—глупая. Впослѣдствіи-то я узналъ: комбинація г-на Будникова была окончательно неосуществима. Услыхавъ объ этомъ предположеніи, она только всплеснула руками: „пусть, говоритъ, подо мной земля провалится, пусть высохну, какъ щепка“,—ну и такъ далѣе... „Лучше, говоритъ, заройте меня живую въ землю вмѣстѣ съ Гаврилой Степановичемъ“... А Гаврило Степанычъ въ кабакѣ. И дома не ночевалъ. А тутъ г-нъ Будниковъ что-то колдуетъ, опутываетъ ее сѣтью этой. Угасаетъ это недавнее, чистое счастье, а она не знаетъ, въ чемъ тутъ дѣло, и не умѣетъ себя отстоять. Билетъ, двѣ черты, кумушки съ паперти, Роговъ. А она глупа и покорна, и боится, что надъ ней сдѣлаютъ что-то безъ ея воли...

Подошелъ было я къ ней... хотѣлъ утѣшить. Но, когда дотронулся до нея, и подъ рукой затрепетало это бабье тѣло...

такимъ оно мнѣ показалось тогда глупымъ животнымъ, что я даже содрогнулся, точно отъ холода...

И ушелъ... Цинизмъ этотъ въ меня проникъ. Забылъ, окончательно, знаете, забылъ ту-то, другую, весеннюю правду... И захотѣлось мнѣ только отгородиться отъ всего. Идетъ мимо господинъ Будниковъ... Пусть идетъ... Роговъ дѣлаетъ гадости, пусть дѣлаетъ! Глупая Елена пьянаго мужа ведетъ... Пусть ведетъ, мнѣ какое дѣло? И кому попадетъ билетъ съ двумя чертами, и кому эти глупыя черты даютъ умное право... не все ли равно?.. Все разрознено, случайно, безсвязно, безсмысленно и гнусно... . . . .

. . . .

VIII.

Павелъ Семеновичъ остановился и сталъ глядѣть въ окно, какъ будто забылъ о разсказѣ...

— Ну, что-же, чѣмъ же всетаки кончилось?—спросилъ Илья Петровичъ.

— Кончилось?..—очнулся расказчикъ. — Да... кончилось довольно на первый взглядъ неожиданно... Но, въ сущности...

Однажды, вскорѣ послѣ этого, ночью... звонокъ ко мнѣ. Рѣзкій, знаете, такой, тревожный, нервный... Вскочилъ я въ испугѣ, туфли ищу... выхожу на крыльцо... никого. Только показалось мнѣ, что Роговъ за угломъ мелькнулъ. Ну, думаю: шелъ пьяный и злой, можетъ быть, отъ Будникова и захотѣлъ лишній разъ досадить мнѣ... Напомнить, что вотъ я сплю, а онъ на улицѣ дебоширитъ и хочетъ, чтобы я зналъ объ этомъ. Заперъ я дверь, легъ опять, засыпать началъ. Вдругъ—опять звонокъ. Я уже не встаю. Пускай, думаю... Только звонокъ еще, въ другой разъ, въ третій... Нѣтъ, думаю, тутъ, видно, что-то другое. Накинулъ опять пальто... Отворяю дверь. Стоитъ ночной сторожъ. Борода въ инеѣ. „Пожалуйте", говоритъ.

— Куда, говорю, что-ты, братецъ?

— Къ Семену Николаевичу, говоритъ, къ г-ну Будникову... У нихъ... непріятность...

Я какъ-то такъ, не понимая ничего, машинально, одѣлся, иду. Ночь свѣтлая, холодно, поздно... У г-на Будникова въ окнахъ огни, на улицѣ гдѣ-то свистки... ночное движеніе... Подымаюсь по лѣсенкѣ, вхожу. И первое, знаете-ли, что мнѣ кинулось въ глаза—было лицо г-на Будникова, Семена Николаевича... Только не прежняго, а другого. Лежитъ, знаете-ли, на подушкѣ и смотритъ куда-то, въ какое-то пространство

невѣдомое... Странно такъ... Остановился я на порогѣ и, помню, подумалъ: „какъ-же это? Такой былъ знакомый человѣкъ и такой аккуратный“... А тутъ не тотъ совсѣмъ... то есть совсѣмъ, понимаете, не тотъ, который приходилъ разъ въ мѣсяцъ и выпивалъ два стакана чаю. И не тотъ, который хлопоталъ о разводѣ Елены, а совершенно другой. Лежитъ неподвижно, важный такой, и на насъ ни на кого глядѣть не хочетъ, и насъ уже не видитъ, а видитъ, какъ будто, совсѣмъ другое... И никого не боится, и всѣхъ судитъ: и себя, т. е. прежняго Семена Николаевича, и Гаврилу, и Елену, и Рогова, и... положительно... меня тоже... И такъ это, понимаете, ясно мнѣ въ ту минуту представилось...

А вторымъ я увидѣлъ Гаврилу. Стоитъ у окна, въ углу, жалкій какой-то, но спокойный. И такъ какъ я многое въ ту минуту понималъ какъ-то сразу, то я подошелъ къ нему и говорю:

— Ты это сдѣлалъ?

— Такъ точно, говоритъ, Павелъ Семенычъ.—Я-съ.

— Какъ же это, говорю?

— Не знаю, Павелъ Семенычъ...

Потомъ уже я замѣтилъ доктора, который сказалъ мнѣ, что всякая помощь безполезна... Потомъ приходили, пріѣзжали, входили, сидѣли и писали протоколы... И такъ мнѣ показалось тогда странно, что молодой слѣдователь, такой аккуратный человѣкъ и такой увѣренный, распорядился не отпускать Гаврилу и Елену и производить еще розыски... И помню, какъ онъ усмѣхнулся, когда я спросилъ: зачѣмъ это?.. Вопросъ, конечно, странный, но тогда ясно мнѣ было что-то такое другое... И все казалось, что нужно не это... И когда стали уводить Гаврилу и Елену, я какъ-то невольно поднялся съ своего мѣста и спрашиваю: „И меня тоже?“ Послѣ говорили, будто, знаете, у меня не все въ порядкѣ. Но это невѣрно. Никогда такъ ясно не было въ головѣ... Слѣдователь удивился. — „Помилуйте, говоритъ, Павелъ Семеновичъ. Если смѣю посовѣтовать, то — вамъ надо воды выпить и успокоиться“.—„А какъ же, говорю — Елену?“ — Будемъ, говоритъ, надѣяться, что все разъяснится въ благопріятномъ для нея смыслѣ, но теперь... при первоначальномъ дознаніи... печальная обязанность... — Нѣтъ, я говорю, все не то...

Увели ихъ, а я пошелъ къ себѣ, но не въ комнату, а сѣлъ на крыльцѣ, хотя было холодно... Ночь была ясная, осенняя, спокойная, съ инеемъ бѣлымъ и чистымъ повсюду... Въ небѣ звѣзды эти мерцаютъ все и шепчутъ. А небо бездонное... И такъ много во всемъ выраженія какого-то особеннаго и смысла неразгаданнаго еще... просто бездна...

И во всемъ чувствуется участіе какое-то къ тому, что тутъ у насъ сдѣлалось...

И я какъ-то вовсе не удивился, когда ко мнѣ тихонько подошелъ Роговъ и робко сѣлъ рядомъ. И когда онъ началъ говорить, то мнѣ казалось, что я все это знаю... То есть, что онъ тоже виноватъ, но что развязка для него была неожиданна. Что онъ хотѣлъ только по своему „выиграть у г-на Будникова дѣло Елены“. Для этого, конечно, нужно было овладѣть билетомъ, на которомъ, какъ онъ полагалъ, была передаточная надпись... И ему нравилась эта остроумная комбинація: овладѣть незаконными путями доказательствомъ законнаго права. Для этого онъ втерся къ Будникову въ довѣренность по бракоразводному дѣлу, развѣдалъ все въ квартирѣ и послалъ одного изъ своихъ послушныхъ кліентовъ, изъ „Яровъ“ этихъ, съ приказомъ захватить намѣченную шкатулку. А Гаврило долженъ былъ открыть дверь г-на Будникова вторымъ ключомъ, котораго, по странной оплошности, Будниковъ у него не отнялъ. Но Гаврило, вмѣсто того, чтобы остаться у дверей, пошелъ сразу наверхъ. И мнѣ казалось, что я самъ видѣлъ, какъ онъ шелъ тяжелой походкой, съ омраченной головой, съ темною враждой въ душѣ... И какъ онъ всталъ на порогѣ, и какъ г-нъ Будниковъ проснулся и, кажется, даже не испугался, увидѣвъ его, а началъ читать какое-то поученіе...

Да, странно. Я, какъ-будто, зналъ все это, и рядомъ въ головѣ тѣснилось многое другое изъ прошлаго и настоящаго. И особенно ясно—тотъ моментъ, когда въ мою квартиру такой же свѣтлой ночью прибѣжали два гимназиста, а я стоялъ передъ ними, охваченный стыдомъ собственнаго отступленія... И какъ у одного впервые вспыхнулъ въ глазахъ огонь... злой и насмѣшливый...

И показалось мнѣ, что я сейчасъ разгадаю что-то такое, что должно объединить все это: и эти высокія мерцающія звѣзды, и этотъ живой шорохъ вѣтра въ вѣтвяхъ, и мои воспоминанія, и то, что случилось... Въ юности это ощущеніе бывало у меня часто... Когда свѣжій умъ искалъ разгадки этихъ всѣхъ вопросовъ и этой большой правды. И когда казалось иной разъ, что вотъ-вотъ уже стоишь у порога, и что все становится ясно... А потомъ все исчезаетъ.

Всталъ я, повернулся къ Рогову и говорю:

— „Вотъ, что, Роговъ... Не знаю я еще... что тутъ нужно... Но пока, кажется мнѣ, вамъ надо идти туда, гдѣ теперь Гаврило и Елена“.

Онъ всталъ и говоритъ: „да, нужно... я и самъ“... Но не идетъ, ждетъ чего-то. Такъ какъ, говорю многое понималъ я тогда яснѣе, чѣмъ обыкновенно, то и тутъ понялъ, что онъ

ждетъ, чтобы я протянулъ ему руку. Я протянулъ, и онъ вдругъ припалъ къ ней, страстно и долго...

А потомъ оторвался и пошелъ... прямо по улицѣ. А я смотрѣлъ ему вслѣдъ, пока была видна его тонкая фигура.

. . . .

Нѣкоторое время, въ купэ стояло молчаніе, нарушаемое только клокотаніемъ поѣзда, сквозь которое доносился протяжный свистокъ. Хлопнула дверь, по корридору прошелъ кондукторъ, объявляя на ходу:

— Станція N—скъ. Десять минутъ.

Павелъ Семеновичъ торопливо всталъ, взялъ въ руки небольшой чемоданчикъ и, кивнувъ съ какою то грустною лаской своимъ собесѣдникамъ,—вышелъ изъ вагона на площадку. Я тоже сталъ собираться къ выходу, такъ же, какъ и господинъ въ золотыхъ очкахъ. Илья Петровичъ оставался одинъ. Посмотрѣвъ вслѣдъ Павлу Семеновичу, когда за нимъ закрылась дверь, онъ улыбнулся господину въ золотыхъ очкахъ, покачалъ головой и, помотавъ пальцемъ около своего лба, сказалъ:

— Всегда былъ чудакъ... А послѣ этого дѣла, положительно... не всѣ дома. Службу, представьте, бросилъ. Бѣгаетъ по частнымъ урокамъ...

Господинъ въ золотыхъ очкахъ пристально посмотрѣлъ на него, но ничего не сказалъ, и мы вышли.

Дѣло съ точки зрѣнія репортажа оказалось малоинте реснымъ. Присяжные оправдали Гаврилу (Елену не судили), а Рогова признали виновнымъ въ подстрекательствѣ, но заслуживающимъ снисхожденія. Предсѣдателю много разъ пришлось останавливать свидѣтеля Павла Семеновича Падорина, бывшаго учителя, то и дѣло уклонявшагося отъ фактическихъ показаній въ сторону отвлеченныхъ разсужденій о какой-то общей отвѣтственности.

Вл. Короленко.

ПЕПЕЛИЩЕ.

Романъ *Ст. Жеромскаго.*

Переводъ съ польскаго **Н. Ю. Татарова.**

Кулигъ *).

Изъ окрестностей Опатова, по направленію къ Копшивницѣ и полямъ привислянскихъ побережій, черезъ единственное, въ своемъ родѣ, Сандомірское плоскогорье мчался „кулигъ“. Цѣпь изъ нѣсколькихъ десятковъ саней будила все вокругъ радостнымъ звономъ колокольчиковъ, лаемъ собакъ, щелканьемъ бичей, звуками барабановъ, дудокъ, пѣснями и музыкой. Нѣсколько гайдуковъ, держа въ рукахъ факелы, неслись за саночками арлекина въ черной маскѣ и въ огромной медвѣжьей шубѣ. Блескъ огней, разрывавшихъ мракъ ночи, видимый на разстояніи нѣсколькихъ верстъ по равнинѣ, освѣщалъ передъ глазами овраги и снѣжные холмы, указывая проторенную между ними дорогу.

Ночь стала лунной, холодной.

Обильный снѣгъ, окрѣпшій отъ мороза, лежалъ волнистыми сугробами. Кое-гдѣ онъ до краевъ наполнилъ овраги, которыхъ такъ много въ тѣхъ мѣстахъ, занесъ плетни, а иногда и цѣлыя деревушки. Неясными группами и ярко вздрагивавшими огоньками выдѣлялись усадьбы на краяхъ овраговъ. Лошади по брюхо проваливались въ крѣпкій снѣгъ, разбивали въ куски самые большіе сугробы, которые едва только отмѣтили своими полозьями саночки арлекина. Кулигъ не зналъ препятствій: огромной лавиной неслись самыя разнообразныя сани. Однѣ—рѣзной работы, золоченныя, посеребренныя, временъ Станислава, въ видѣ лебедей съ длинными шеями, грифовъ и орловъ, запряженныя четверками

---

*) Кулигъ —нѣчто вродѣ зимняго пикника. Отправляясь куда-нибудь въ гости, шляхтичъ въ старину захватывалъ по дорогѣ сосѣдей, и, такимъ образомъ, получалась цѣлая верница саней.

лошадей съ перьями и султанами; другія—совсѣмъ простыя, кое-какъ покрашенныя доморощеннымъ плотникомъ и запряженныя деревенскими разномастными конягами. И великолѣпныя, выѣзженныя лошади, и клячи—съ одинаковой стремительностью бросались въ сугробы, точно лодки въ волны.

Веселье било ключомъ.

Оркестръ, набранный изъ климонтовскихъ еврейчиковъ, съ жаромъ разыгрывалъ мазурки, оберки, кряковяки и драбанты. По временамъ захватывающая мелодія совсѣмъ замирала, будто отъ восторга, спиравшаго дыханіе, и точно изъ-подъ снѣга доносилась до ушей и сердецъ. Съ одной стороны слышались нѣжныя женскія сопрано:

Да, дубочекъ срубленъ, ужъ не зеленѣетъ.
Обѣщалась парню,—все теперь имѣетъ!

А съ другой—подсмѣивались сильные мужскіе басы:

Я сама не знаю, что тутъ за причина:
Любъ брюнетъ мнѣ,—нѣтъ, вздыхаю по блондину.

И тотчасъ же отвѣчалъ женскій хоръ:

Въ темно-синемъ фракѣ, въ сапожкахъ подъ глянцемъ,
Крутитъ головы молодчикъ, какъ задорнымъ танцемъ.

И потомъ снова, все заглушая, неслись звуки скрипокъ, контробасовъ и флейтъ.

Рафаилъ, какъ и большинство юныхъ кавалеровъ, ѣхалъ верхомъ. Сегодня первый разъ онъ получилъ разрѣшеніе сѣсть на свою любимую трехлѣтку „Басю", собственнаго завода. Съ маленькой прелестной головкой, съ сѣрой шелковистой шерстью, вѣтренная, игривая Бася вмѣстѣ съ тѣмъ была необыкновенная умница. Она шалила, какъ человѣкъ: то смѣло прыгала, то, насторожившии уши и раздувая съ храпомъ ноздри, слушала музыку или шла рѣзвыми лансадами подъ ея звуки. Рафаилъ былъ безконечно счастливъ. Рюмка стараго венгерскаго, выпитаго гдѣ-то въ одной изъ послѣднихъ усадебъ, въ Горкахъ, Оссолинѣ или Неславицахъ, точно окрылила его. Лошадь несла его среди сугробовъ, морозное дыханіе которыхъ такъ любовно охлаждало лицо... А въ саняхъ, мчавшихся передъ нимъ, сидѣли двѣ женщины... Одна замужняя или вдова; другая—молоденькая дѣвушка. При свѣтѣ луны онъ видѣлъ ихъ головы и шапочки; у одной—старинную соболью, съ хохолкомъ между бриліантами; у другой — круглую изъ дорогихъ горностаевъ.

Особенно привлекала старшая, въ салопѣ золотого цвѣта на пушистомъ мѣху. Рафаилъ танцовалъ съ нею краковякъ и перекинулся нѣсколькими словами. Передъ нимъ стояла чудная красота этой женщины, ея восхитительные глаза, которые, казалось, совсѣмъ не замѣчали его, и улыбка, съ какою она подшучивала надъ нимъ. Даже когда онъ, Рафаилъ Ольбромскій, на яву и трезвый смотрѣлъ на нее, закутанную въ салопъ, онъ видѣлъ ее въ глубинѣ своей души—такой, какъ въ танцахъ: въ греческомъ платьѣ пурпуроваго цвѣта, прелестно облегавшемъ ея станъ и грудь, съ длиннымъ треномъ и обшивкой изъ золотой парчи.

Онъ помнилъ красивыя руки въ пышныхъ рукавахъ изъ скользкаго атласа, которыя протягивались къ нему во время танца, ея греческую прическу. Онъ пришпоривалъ лошадь, и, когда догонялъ сани, брилліанты на шапочкѣ, обращенные въ его сторону, искрились при блескѣ мѣсяца. Глазъ не было видно, но Рафаилъ былъ увѣренъ, что они не глядятъ. Какъ волшебно, какъ дивно мигали переливы драгоцѣнныхъ камней!

И вопреки разсудку, Рафаилу чудилось, что ея скрытая, гордая улыбка, наиболѣе дорогая, чѣмъ все на свѣтѣ, пробивалась къ нему сквозь темноту ночи. Стараясь уловить ее, онъ нагибался поправить стремя или уздечку, но напрасно.

Самъ онъ былъ одѣтъ въ крестьянскій, краковскій нарядъ: темно-синій жупанъ съ кармазиннымъ воротникомъ, обшитый серебряными позументами, и рогатую кармазинную шапку съ павлиньимъ перомъ. На немъ побрякивалъ поясъ съ колечками, а стальныя подковки стучали о стремя.

Ежеминутно поворачивалась къ нему и другая женская головка. Дѣвушка не скрывала своихъ взглядовъ: Рафаилъ видѣлъ ея полуоткрытыя алыя губы, чувствовалъ вѣявшій даже надъ санями, въ чистомъ воздухѣ, запахъ l'eau de la reine d'Hongrie, которую простодушно называли въ обиходѣ „ляредогрой". И бывали минуты, когда онъ, прикованный, точно во снѣ, самъ не зная почему, всматривался въ эти глаза, такъ задушевно улыбавшіеся ему.

Нѣтъ такого края, нѣтъ той стороны,
Гдѣ бы парни не любили и чужой жены.

—вырвалось вдругъ изъ послѣднихъ санокъ. Какъ огненныя стрѣлы, поразили эти слова Рафаила и взволновали его до глубины души. Онъ прильнулъ къ шеѣ лошади и едва удержался, чтобы не обнять ее и не прижаться горячими губами къ волнистой гривѣ.

Мужской голосъ, дрожавшій отъ силы и веселья, пѣлъ среди ночи:

Не стану жениться, не буду поспѣшать...

— Еще бы!—крикнулъ другой.

Буду любоваться, дѣвокъ утѣшать...

—продолжалъ первый съ такой искренней правдивостью въ каждомъ звукѣ, что во всѣхъ саняхъ послышался взрывъ радостнаго смѣха. Это былъ какъ будто заключительный аккордъ общаго согласія, подтвержденіе истины.

Съ переднихъ саней неслась другая пѣсня:

— А я вотъ стану птичкой живою,
Глубже закроюсь въ чащѣ листвою...
Но не хочу быть твоей!..
— Есть у плотника пилы, топоръ,
Вырубятъ чащу и боръ...
Будешь ты, будешь моей!

Эти слова, какъ вѣтеръ, подхватили душу Рафаила: его руки уже сжимали огромный топоръ и поднимались рубить эту „чащу и боръ". Онъ видѣлъ ихъ, эти безбрежныя чащи, дикую свентокржискую дубраву. На него повѣяло печалью и тоской...

— Такъ-то вацьпанъ занимаешь насъ, мости кавалеръ,— проговорила вдругъ старшая изъ дамъ.

— Ахъ, я... какъ разъ... только что... — сконфуженно заикался Рафаилъ, не находя отвѣта.

— Ни прекрасныхъ пѣсенъ намъ не поете, ни любезной бесѣдой не развлекаете. Вацьпанъ нѣмъ, какъ мѣховой мѣшокъ, въ которомъ спрятаны наши ноги. Такъ же ѣдешь съ нами, какъ и онъ...

— Я не умѣю пѣть. И потому именно...

— Да вѣдь это кулигъ, а не похороны. Вацьпанъ слѣдуетъ за нашими санями, какъ за гробомъ.

Рафаилъ горѣлъ отъ стыда, но въ тонѣ словъ прекрасной дамы не чувствовалось ни гнѣва, ни непріязни.

Подъ вліяніемъ внезапной рѣшимости онъ соскочилъ съ лошади и сталъ позади санокъ. Одно мгновенье Рафаилу казалось, что за этотъ шагъ придется понести суровую кару, но ему было уже все равно.

— О, вы не заслужили, чтобы мы везли васъ! Правда, Елена?

— Я постараюсь непремѣнно исправиться,— прошепталъ онъ.

— Ну, постарайтесь, не то плохо будетъ...

Гамъ впереди возрасталъ все больше. Ближе и громче слышались два оркестра. Факелы горѣли гдѣ-то внизу.

— Чтó за шумъ? Почему?—спрашивала красивая дама.

Рафаилъ поднялъ голову и увидѣлъ, что цѣлый рядъ саней быстро спускается съ крутого берега въ долину рѣки Копшивянки.

„Бася“ неохотно шла за санями. Рафаилъ долженъ былъ тянуть ее за узду; сѣсть въ сѣдло уже не могъ: онъ точно приросъ къ мѣсту. Его окружалъ волшебный ароматъ и свѣтъ женщинъ, которыя были передъ нимъ. Теперь онъ уже видѣлъ улыбки обращенныхъ къ нему лицъ...

— Гдѣ же домъ вашихъ родителей? — спросила старшая дама.

— На той сторонѣ, за рѣкой.

— Онъ уже виденъ?

— Чуть-чуть. Вонъ горятъ огоньки.

— Гдѣ?

Рафаилъ низко наклонился, показывая рукой. Соболья шубка коснулась его лица.

— Ахъ, такъ это тамъ Тарнины? — быстро проговорила панна Елена, неопредѣленно обращаясь не то къ подругѣ, не то къ Рафаилу.

Онъ чувствовалъ, какъ она покраснѣла, и самъ вспыхнулъ огнемъ. Нѣжный, мелодичный голосъ звучалъ въ его ушахъ, въ головѣ, въ груди: эти чудныя губы назвали по имени его родную деревню...

— Да, это Тарнины...—отвѣтилъ онъ съ внѣшнимъ спокойствіемъ.

— Нужно туда заѣхать... — сказала старшая дама: — перевернемъ тамъ все вверхъ ногами. Правда, Елена?

— Я самъ буду помогать, потому что домъ нашъ старый, низкій, некрасивый. Родитель долженъ бы построить новый...

Произнесъ онъ это довольно храбро, но невольно оглянулся: не слышитъ ли отецъ.

Кучеръ привсталъ и остановилъ четверку. Сытыя лошади, покрытыя леопардовыми шкурами, въ сбруѣ, увѣшанной множествомъ бубенчиковъ, съ султанами алыхъ перьевъ на головѣ, стояли въ лунномъ освѣщеніи на краю оврага, точно видѣніе. Немного погодя, кучеръ тряхнулъ возжами, и онѣ спустились внизъ и побѣжали сначала рысью, затѣмъ галопомъ. „Бася“ не пожелала слѣдовать за ними, и юноша, чтобы не выпустить изъ рукъ узды, долженъ былъ спрыгнуть на землю. Провалившись въ снѣгъ, онъ едва удержалъ поводъ, но черезъ минуту нащупалъ стремя, вскочилъ въ сѣдло и помчался за санями.

Внизу, на берегу рѣки, сбилось въ кучу множество экипажей. Мостовъ въ этихъ мѣстахъ не полагалось. Испоконъ вѣка лѣтомъ ѣздили въ бродъ, зимой — по льду. Первыя сани, при переѣздѣ, выломали большую льдину и едва-едва выбрались изъ воды.

Крутой берегъ рѣчки обледенѣлъ и взобраться на него не было возможности, такъ какъ единственное, сколько-нибудь удобное мѣсто было испорчено. Ждали мужиковъ изъ сосѣдней деревни. Между тѣмъ, саней съѣзжалось все больше. Соединились два оркестра и съ увлеченіемъ разыгрывали молодецкій мазуръ. Въ переднихъ саняхъ ѣхалъ „торунь", или „щелкунъ", — мужикъ въ маскѣ съ длинной, какъ у жирафы, шеей и подвижными челюстями, оклеенными краснымъ сукномъ. Колокольчики, лай собакъ, восклицанія, пѣніе, музыка,—слились на берегу Копшивянки въ одинъ взрывъ веселья. „Торунь" медленно бродилъ между экипажей, щелкая челюстями и наклоняясь то въ одну, то въ другую сторону. Рафаилъ, при видѣ этого страшилища, этой отвратительной химеры, почувствовалъ дрожь. Въ тотъ же моментъ панна Елена, подлѣ которой онъ стоялъ, увидѣвъ „торуня", вдругъ вскрикнула, бросилась въ сторону и схватила Рафаила за руку. Онъ инстинктивно подвинулся къ ней... Такъ они стояли въ испугѣ нѣсколько мгновеній, пока щелкунъ наклонялся къ ихъ лицамъ, широко раскрывъ свою лошадиную пасть. Вслѣдъ затѣмъ они расхохотались, сразу сблизившись.

— Вацьпанна боится „торуня"?—спросилъ тихо Рафаилъ.

— Ахъ, нѣтъ... Что вы! Но онъ такъ защелкалъ...

— Я прежде боялся. Ужасно, боялся! Онъ снился мнѣ по ночамъ со своимъ краснымъ языкомъ. Однажды, послѣ Рождества Христова, „торунь" пришелъ къ намъ въ Тарнины. Я былъ тогда еще маленькій и боленъ. Дверь открылась, и показалась морда... Знаете, такая ужасная, безъ глазъ...

— Охъ, знаю! Какъ во снѣ или изъ темной комнаты что-то такое выползаетъ... Знаете?

— Иногда еще и теперь, хоть это смѣшно, мнѣ кажется, что онъ стоитъ у окна, подъ дождемъ и вѣтромъ, и щелкаетъ. Страшно поднять глаза... Ни за что, кажется, не взглянешь... Правда?

— Ни за что! А это только вѣтеръ воетъ въ темную ночь, осенью... Просто тополи стонутъ, скрипятъ, или гудитъ старая липа. Прошелъ мигъ—и все стихло...

Крестьяне, созванные нарочными, принялись за работу. Сперва попробовали перевести лошадей въ другомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ, но опять ледъ не выдержалъ. Тогда стали совѣтоваться, что̀ дѣлать. Одни утверждали, что придется

объѣзжать Копшивницу; другіе думали, что лучше вернуться вверхъ по рѣкѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ назадъ былъ легкій мостикъ.

— Хлопцы!—крикнулъ вдругъ кто-то изъ толпы шляхтичей:—а зачѣмъ мостъ? Кто возьмется перенести сани вмѣстѣ съ дамами на тотъ берегъ, получитъ сейчасъ же по червонцу на брата.

— Вода холодная, ясный пане!—сказалъ первый съ краю мужикъ.

— А я иду!—крикнулъ другой, стаскивая съ плечъ полушубокъ.

Немного погодя, уже нѣсколько разутыхъ и полуодѣтыхъ человѣкъ, вскидывали на спины переднія сани. Кучера сѣли верхомъ на распряженныхъ лошадей и въ другомъ мѣстѣ переѣзжали въ бродъ. Послышался крикъ дамъ, смѣхъ и апплодисменты собравшихся на берегу. Переноска тянулась долго. Взбаламученная вода плескалась, когда мужики подлѣзали подъ сани.

— Холодно!—говорили они.

— Валяй! по червонцу на человѣка...—поощрялъ иниціаторъ.

— Оркестръ! давайте намъ сюда оркестръ! — требовала молодежь:—зачѣмъ сидѣть намъ безъ дѣла!..

— Факеловъ!—кричали дамы.

— Эй, мужички! — воскликнулъ чей-то юный голосъ: — возьмите-ка лопаты, утрамбуйте тутъ снѣгъ, чтобъ былъ ровный и твердый!..

— Жиды, играть мазура!

— Пейсатые жиды, нашего!

— Кулигъ! — выкрикнулъ арлекинъ, котораго молодежь подняла на воздухъ.

Еврейчики заиграли.

Скоро снѣгъ былъ утоптанъ и выровненъ, какъ самый лучшій полъ. Ожидая переправы остальныхъ, молодежь пустилась въ плясъ, танцовали мазурку, какой еще свѣтъ не видалъ.

Матроны и старики расположились внѣ круга, хлопали въ ладоши. Молодежь веселилась до упаду. Скоро шубы, плащи, бекеши полетѣли въ сани. Гайдуки высоко поднимали факелы, и яркій, мерцающій свѣтъ озарялъ все пространство. Блестѣли колечки на поясахъ, цвѣтные, вышитые корсеты, бѣлые рукава рубахъ.

Рафаилъ танцовалъ съ Еленой. Нарядный и веселый, онъ лихо постукивалъ каблуками.

— Ольбромщакъ...—одобрительно приговаривали вокругъ, похлопывая въ ладоши.

— Чистокровный...

— Сразу видно, что молодецъ!

— Весь въ отца, въ стараго чесьника. Тоже былъ когда-то танцоръ и хорошій товарищъ, хотя теперь только величайшій скряга.

— Посмотрите-ка!.. Что за пылъ!

— Вотъ такъ танецъ!

— Чертовски хорошо!

Елена сбросила шубку. На ней было синее платье съ короткимъ лифомъ, съ полосатымъ фартукомъ, безъ всякихъ украшеній. Она не приколола даже цвѣтка къ волосамъ, начесаннымъ на лобъ. Когда отъ мазурки зарумянились ея щеки, а глаза какъ будто усвоили себѣ мерцающій блескъ факеловъ, Рафаилъ не могъ отвести отъ нея взглядъ, забылъ все на свѣтѣ. Танецъ сдѣлался для него уже не развлеченіемъ, а взрывомъ радости, пляской счастья. Взоры его, слившись съ взорами прекрасной дѣвушки, были полны восторга и начали высказывать то, что, повидимому, лежало въ глубинѣ души мертвымъ пластомъ. Теперь эта душа наполнилась свѣтомъ. Въ то время, какъ онъ съ величайшимъ наслажденіемъ вдыхалъ волшебный ароматъ любви, въ толпѣ раздался голосъ отца. Старый чесьникъ говорилъ:

— Кто, мость добродѣи, ступитъ на мою землю ногою, того я уже не выпускаю за границы имѣнія: такое ужъ у меня стародавнее правило...

— Мы и танцуемъ, сосѣдъ добродѣй, на вашей землѣ такъ, что по всей округѣ гулъ идетъ...—отвѣтилъ кто-то.

— Не наше это дѣло, мость добродѣи, sub divo гулять!

— Почему, пане брате?..

— Потому что не пристало шляхтѣ, мость добродѣи. Хоть у меня съ соломенной крышей домишки, хоть, говорю, не для танца, но, милостивыя пани и любезные сосѣди, Богъ видитъ, какъ говорится...

Рафаилъ пересталъ танцовать и смѣшался съ толпой. Онъ совсѣмъ не хотѣлъ лѣзть на глаза родителю. Старикъ, между тѣмъ, уже замѣтилъ его и окинулъ суровымъ взглядомъ.

— Не откажите же, — продолжалъ онъ, — не откажите, сосѣди, панове и братья... удостоить...

Хотя это былъ согбенный, лысый старикъ съ короткими бѣлыми усами и широкими бровями, но глаза его были выразительны.

Въ кругъ танцоровъ въѣхали саночки арлекина, и черная его маска сильно выдѣлялись при свѣтѣ.

— Въ Тарнины, кто живъ!—громко кричалъ онъ, разсыпая вокругъ удары своей розгой.—Въ Тарнины!.. чего стоите здѣсь, увальни?

Всѣ двинулись къ своимъ санямъ. Началась толкотня, шумъ, поиски разбросанныхъ шубъ и бурокъ.

Сыпались взрывы смѣха, смѣлыя шутки, мелькали то здѣсь, то тамъ украдкой поцѣлуи въ руку, затуманенныя, минутной обидой улыбки, прелесть и радость которыхъ заботливо защищаетъ глубина ночи. Когда Рафаилъ добрался до своей лошади и хотѣлъ вскочить уже въ сѣдло, онъ увидѣлъ возлѣ себя отца. Чесьникъ незамѣтно пощупалъ рукой спину „Баси“: не очень ли она вспотѣла, и что-то пробормоталъ сквозь зубы. Рафаилу было извѣстно, что отъ такихъ пробъ добра не жди, но онъ только сдвинулъ на бекрень свою шапку. Что будетъ, то будетъ... Лошадь сама остановилась возлѣ саней, въ которыхъ сидѣли знакомыя дамы. Нѣкоторое время пришлось ждать, пока огромная вереница саней двинулась съ мѣста и снова замелькала ярко-пестрой цѣпью. Огни, восклицанія, пѣсни—опять наполнили долину.

Вдали, на возвышеніи, между деревьями, свѣтились окна старой усадьбы. Когда, наконецъ, тронулись и сани Елены, Рафаилъ услышалъ голосъ отца, который усаживался въ маленькія саночки:

— Скачи въ карьеръ домой и встрѣчай на крыльцѣ!

Юноша ударилъ коня, перегнулся въ сѣдлѣ и, обогнавъ всѣхъ, помчался въ карьеръ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ на крыльцѣ. Первыя сани уже подъѣхали, и мать въ драгетовомъ кунтушѣ, съ сестрами, одѣтыми по праздничному, привѣтствовала гостей, прося почтить ихъ скромное жилище. Рафаилъ, ставъ рядомъ съ матерью, кланялся, снималъ шубы, вводилъ въ домъ, подавалъ стулья. Скоро появился и отецъ. Никто не могъ узнать старика-домосѣда. Сегодня Ольбромскій перемѣнилъ шкуру. Въ прекрасномъ кунтушѣ, помнящемъ Богъ вѣсть какія времена, въ дорогомъ жупанѣ, онъ изгибался въ поклонахъ, поглаживалъ усы, какъ въ старыя, пьяныя времена, улыбался, говорилъ комплименты и остроты. Когда на крыльцо взошла одна изъ наиболѣе уважаемыхъ матронъ, старый чесьникъ предложилъ ей руку и съ щегольскими выкрутасами, отбрасывая откидные рукава, торжественно провелъ ее сквозь толпу, собравшуюся не только въ гостиной, во всѣхъ комнатахъ, въ тѣсной, низкой людской, но даже въ сѣняхъ и на крыльцѣ.

Рафаилъ старался достойно принять своихъ дамъ. Онъ подалъ руку пани стольниковой и ввелъ ее въ домъ Онъ самъ не зналъ, откуда у него взялась такая увѣренность, смѣлость движеній, поклоновъ и любезныхъ словъ. Пани стольникова держала за руку свою подругу Елену и весело смѣялась. Они остановились на порогѣ гостиной, какъ разъ въ тотъ

моментъ, когда чесьникъ извинялся передъ гостями и умолялъ ихъ веселиться.

— Лучинки только пусть сосѣдъ добродѣй намъ не пожалѣетъ,—говорилъ кто-то изъ толпы.—Мы выйдемъ на дворъ и, какъ на берегу, погуляемъ!

Лукаво посмѣиваясь, старикъ отвѣтилъ съ элегантнымъ поклономъ:

— Домъ мой тѣсенъ, клянусь Богомъ, тѣсенъ, мость-добродѣи! Я самъ вижу это и страдаю, но уже не разъ въ доброе старое время плясали подъ этой крышей. Позоръ былъ бы для меня, если бы теперь на дворѣ такіе знатные гости...

— Что жъ, если тѣсно, дорогой нашъ сосѣдъ!..

— Тѣсно? не тѣсно!—крикнулъ другой.—Въ шляхетскомъ домѣ мѣста для танцевъ всегда хватало! Какъ-нибудь размѣстимся...

— Мость добродѣи!—громко восклицалъ чесьникъ, откидывая назадъ рукава стараго кунтуша, — стѣны прикажу вынуть изъ прадѣдовскихъ угловъ!..

— Богъ съ вами! Мѣста—гибель!

Оркестръ, находившійся за окномъ, заигралъ краковякъ, и нѣсколько паръ пустились въ плясъ. Для нетанцующихъ мѣста уже не было, и всѣ ходили изъ комнаты въ комнату.

Челядь, одѣтая, по случаю торжества, въ ливрейные костюмы, разносила на подносахъ вино и домашнія пирожныя. Говоръ наполнилъ весь домъ, вплоть до сѣней, выходившихъ куда-то на огороды. Было весело, но всѣ чувствовали, что о танцахъ не можетъ быть и рѣчи, и начали уже шептать потихоньку, чтобы еще немного побыть изъ вѣжливости и двинуться дальше на поиски большей усадьбы.

Въ спальнѣ, гдѣ висѣлъ большой образъ Сулиславской Божьей матери въ почернѣвшей, отъ старости, рамѣ, въ спальнѣ, въ которой прошла не одна жизнь отъ колыбели до могилы, староста и старостиха „кулига" держали длинную рѣчь къ хозяйкѣ дома, преподнося ей доску, въ видѣ пшеничнаго сандомірскаго коржика.

Среди, звуковъ музыки слышались обрывки медоточивыхъ рѣчей.

— Скорѣе жадное время перегрызетъ своимъ зубомъ гигантскіе кедры, скорѣе завянутъ цвѣтущіе лавры, нежели расцвѣтшая въ палисадникѣ сердца дружба...

Молодежь танцовала, толпясь на одномъ мѣстѣ. Приближалась рѣшительная минута: всѣ посматривали на арлекина, чтобъ онъ далъ знакъ къ отъѣзду. Дѣйствительно, арлекинъ пробивался уже черезъ толпу, стегая своей розгой

все—мебель, стѣны, гостей. Онъ остановился, задержалъ танцующихъ и крикнулъ:

— Эй кулигъ, кулигъ!

Старикъ Ольбромскій опять съ граціей подалъ руку своей дамѣ. Оркестръ замолкъ и неожиданно заигралъ великолѣпный полонезъ. Всѣ съ удивленіемъ ждали, что будетъ дальше. Чесьникъ выступалъ съ необыкновенной помпой. Миновавъ одну комнату, другую, какія-то перегородки, дѣвичью, сѣни, онъ, наконецъ, остановился передъ плотно запертой дверью, закинулъ свои рукава, погладилъ усъ и хлопнулъ въ ладоши. Во мгновеніе ока дверь раскрылась настежь. Передъ глазами гостей предстала большая, прекрасно освѣщенная зала. Арлекинъ выскочилъ впередъ и, подпрыгивая, пробѣжалъ черезъ нее съ крикомъ:

— Кулигъ, кулигъ!

Вошли пары. Оркестръ, помѣстившійся въ противоположныхъ дверяхъ, заигралъ краковякъ, и вся толпа съ восклицаніями радости пустилась въ плясъ. Не скоро замѣтили, что большая зала—просто старая кухня съ пекарней для челяди, пристроенная сзади двора. Чесьникъ, предвидя пріѣздъ кулига, велѣлъ очистить ее, сдѣлать новый полъ и натереть его воскомъ. Стѣны увѣшали гирляндами изъ еловыхъ вѣтокъ, громадную плиту и печь загородили пихтовыми деревьями, образовавъ изъ нихъ что-то вродѣ бесѣдки. Восковыя свѣчи въ деревянныхъ стѣнныхъ канделябрахъ бросали яркій свѣтъ.

— Вотъ это штука!—кричали со всѣхъ сторонъ.

— Это по нашему!

— Это мы любимъ!

— На „ура“ хозяина! Вотъ сюрпризъ!

— Это намъ и нужно!

Только теперь началось настоящее веселье. Всѣ помоложе очутились въ залѣ и начали танцовать. Были тутъ и модные фраки, и стародавнихъ фасоновъ шитые кунтуши. У большинства барышень оказались платья съ открытыми лифами и локоны на лбу, но не мало было и дѣвицъ, одѣтыхъ въ старомодные костюмы, съ короткими рукавами, съ бахромой изъ кружевъ. Все это смѣшивалось со множествомъ крестьянскихъ опашней, краковскихъ „сукъ“, корсетовъ и бѣлыхъ рукавовъ съ буфами. Вначалѣ болѣе бѣдные жались по угламъ, но скоро всеобщая радость увлекла и самыхъ робкихъ. По временамъ эта разыгравшаяся молодежь производила впечатлѣніе здороваго стада, которое носится изъ конца въ конецъ по лугу. Новый полъ гудѣлъ, какъ барабанъ, пламя свѣчъ колыхалось, гирлянды покачивались въ тактъ,

и вся комната дрожала. Веселье клокотало въ ней, какъ кипящая вода...

Открыли двери, такъ какъ было душно даже и тутъ. Кто-то попробовалъ отворитьокна, а когда оказалось, что они заколочены гвоздями,—выбили ихъ вмѣстѣ съ рамами. Тотчасъ же изъ двухъ черныхъ отверстій хлынули бѣловатыя облака, и сквозь нихъ выступили многочисленныя головы челяди, которая съ раскрытыми ртами неподвижно смотрѣла со двора на панскую „игру“.

Натѣшившись восторгомъ молодежи, потоптавшись на одномъ мѣстѣ и повздыхавши о быломъ, старики расползлись по всѣмъ комнатамъ усадьбы. Даже свѣтелки и низенькія пристройки съ выкрашенными известкой балками наполнились шумомъ и смѣхомъ. Въ каждой былъ свой, хотя бы маленькій столъ и кругъ собесѣдниковъ. Ѣли на фарфорѣ, цинкѣ, голландскомъ фаянсѣ, на всякой посудѣ, какая только оказалась въ домѣ. Выпили въ круговую данцигской водки, обнесли кушанья, и струей полилось венгерское.

Большинство и такъ пріѣхало подъ хмѣлькомъ. Хозяинъ, хозяйка, двѣ ихъ дочери и Рафаилъ прислуживали гостямъ. Рафаилъ, обходя столы съ кувшиномъ вина, невольно слышалъ разговоры, хотя они велись шопотомъ.

— Бочку венгерскаго привезъ изъ Кракова старый скряга,—слышали?

— Чудеса, чудеса!..

— Старшая дочь прокисла у нихъ, какъ уксусъ, такъ теперь попробовали для младшей начать другую бочку.

— Филей козы! Видите сосѣдъ?.. Клянусь Богомъ, дикая коза!

— Филей, но только бараній.

— Разсказывайте это кому-нибудь другому, а не мнѣ! Я узнаю запахъ козы, когда она еще на сковородѣ, а тѣмъ болѣе на блюдѣ...

Въ другомъ мѣстѣ говорили еще тише:

— Танцы въ кухнѣ, а пріемъ въ чуланахъ.

— По Пястовскому обычаю...

— Свинопасы въ ливреяхъ съ галунами.

Рафаилъ сгоралъ со стыда.

Какъ только являлась возможность, онъ пробирался въ гостиную, ища глазами голубую паненку. Печаль сжимала его сердце, если онъ видѣлъ, что, танцуя съ другими, она была весела и оживленна. Но стоило ей замѣтить его, какъ ея глаза начинали смѣяться, и на одно мгновеніе ихъ взгляды сливались. Они поминутно оборачивались другъ къ другу... Даже во время „драбантовъ“ и „англезовъ“, которые пыталась устроить болѣе блестящая и свѣтская молодежь, Елена

поворачивала голову по тому направленію, гдѣ находился ея кавалеръ. Когда въ перерывахъ она прогуливалась съ подругами, Рафаилъ присоединялся къ ней. Онъ прямо не въ силахъ былъ оторвать глазъ при видѣ ея искренней дѣтской улыбки...

Они не находили, что сказать другъ другу, но взгляды ихъ говорили то, что не могъ выразить языкъ. Бывали мгновенья, когда они шли рядомъ, обмѣниваясь взорами, очарованные улыбками, опьяненные счастьемъ. Ея голубые глаза, какъ въ лѣтній день далекіе лѣса, вдругъ становились темными и пріобрѣтали силу быстро вспыхивающаго пламени. На одинъ мигъ въ нихъ искрился какъ-будто гнѣвъ, дрожали какія-то желанія, откуда-то взявшаяся тоска... Безсознательное волненіе, дѣтски-невинное и наивно-чувственное быстро проносилось по лицу и внезапно гасло во взрывахъ неожиданнаго смѣха. Они начинали какой-нибудь разговоръ и, неизвѣстно почему, вели его вполголоса,—обо всемъ и ни о чемъ, о небѣ и землѣ, о фракахъ и самыхъ красивыхъ именахъ, о латинскомъ языкѣ и глубокомъ снѣгѣ... Но его постоянно отрывали или мать, или отецъ, или сестры. Онъ раздавалъ тогда тумаки слугамъ и, угощая болѣе знатныхъ гостей, даже подавалъ чубуки и зажигалъ трубки. Онъ кланялся, говорилъ безчисленное количество любезныхъ словъ, едва-едва понимая, что говоритъ. Это состояніе усиливалось еще постояннымъ чоканьемъ... Первый разъ въ жизни Рафаилъ пилъ безъ запрета, да еще старое венгерское. И его голосъ дѣлался все громче, рѣчь смѣлѣе, цвѣтистѣе.

Подъ утро, послѣ отдыха, музыка опять заиграла. Молодой хозяинъ выпилъ еще нѣсколько рюмокъ съ однимъ изъ сосѣдей, такимъ же, какъ онъ, юнцомъ, и вдругъ почувствовалъ къ нему такую любовь, что увелъ его въ сосѣднюю комнату и со слезами началъ открывать свою душу. Во время этой исповѣди онъ замѣтилъ, что рядомъ въ сѣняхъ мелькнула дѣвушка, какъ голубое облачко. Рафаилъ поспѣшилъ туда, желая услужить, если что-нибудь ей понадобится. Онъ пробился сквозь толпу шляхтичей и быстро вошелъ въ дамскую уборную. Тамъ было пусто. Восковыя свѣчи слабо горѣли передъ старымъ почернѣвшимъ зеркаломъ. Елена, стоя на колѣняхъ, прилаживала оборвавшуюся оборку. Рафаилъ увидѣлъ ее неожиданно. Увидѣлъ, какъ будто первый разъ въ жизни, ея бѣлоснѣжный матовый лобъ, вспышку румянца, свѣтлые пушистые волосы... Замѣтивъ Рафаила, она выпрямилась и устремила на него встревоженные, опьяняющіе глаза...

Онъ что-то сказалъ, приблизился къ ней... Она сдѣлала шагъ, чтобы выдти. Тогда безсознательнымъ движеніемъ онъ

схватилъ ея руки и коснулся губами ея свѣтлыхъ волосъ. Нѣсколько мгновеній продолжался этотъ жгучій, страстный поцѣлуй. У Елены вырвалось тихое восклицаніе. Она съ недоумѣніемъ отстранилась и вышла. Рафаилъ остался стоять опершись спиной о стѣну... Въ его головѣ, въ груди, въ ушахъ, въ сердцѣ разливались отдаленные, трогательные, страстные звуки мазурки.

Рафаилъ громко засмѣялся и твердымъ шагомъ вышелъ изъ уборной. Ему казалось, что отъ радости онъ съ ума сойдетъ. Онъ растопчетъ ногами и въ дребезги разнесетъ весь домъ, вызоветъ здѣсь всѣхъ на поединокъ и побѣдитъ... Будетъ съ каждымъ драться на смерть, если кто только посмѣетъ... Въ такомъ настроеніи юноша наткнулся на толстобрюхаго шляхтича, который сразу и безъ всякой причины началъ душить его въ объятіяхъ и колоть его лицо бритой бородой. Рафаилъ выпилъ съ нимъ за дружбу на вѣчныя времена и, проливая отъ счастья слезы, пошелъ дальше.

Въ сосѣдней комнатѣ онъ увидѣлъ отца въ объятіяхъ ксендза-декана, который случайно запутался въ кулигѣ. Толстый деканъ держалъ стараго чесьника за плечи, а тотъ его за бока, и оба, стараясь попасть въ тактъ, прыгали на одномъ мѣстѣ, въ тѣсномъ углу между столомъ и шкафомъ, распѣвая дикими голосами:

— Эй, трамъ-тамъ! Эй, трамъ-тамъ!

Никто не обращалъ на нихъ вниманія. За столомъ сидѣло нѣсколько пьяницъ, разстегнувшихъ кунтуши. Одинъ что-то кричалъ охрипшимъ голосомъ, другой поднималъ чубукъ, толстый, какъ дубина, невѣдомо кому угрожая. Третій, блѣдный, завядшій шляхтичъ, громко выкрикивалъ:

— Ага, говорю, значитъ, такъ! Погоди же, голубчикъ... трахъ его въ морду, трахъ съ другой стороны, и при томъ arte. Только тогда глотка у него размякла... Повалился въ ноги. „Вельможный пане, говоритъ, все, какъ на исповѣди"...

Кто-то спалъ, подложивъ подъ голову руку и всѣмъ тѣломъ навалившись на столъ. Окна были открыты, и яркій свѣтъ луны смѣнялся слабымъ блескомъ восходящаго солнца.

Изъ залы долетало пѣніе краковяка, такое бодрое, счастливое и радостное, что ноги не стояли на мѣстѣ:

Какъ въ Краковѣ, въ залѣ
Нѣмцы танцовали...
Полякъ усомъ двинулъ—
Всѣ поудирали.

Кругомъ раздались рукоплесканія, а изъ угла послышался чей-то пьяный, хриплый голосъ:

— Правда ли только это?..

Но его сейчасъ же сурово заглушилъ всеобщій окрикъ:

— Нашелся философъ!.. Ужъ вы бы, васць, сидѣли и пили то, что стоитъ у васъ передъ носомъ.

Рафаилъ вошелъ въ залу, оперся спиной о стѣну и горящими глазами слѣдилъ за каждымъ движеніемъ панны Елены. Одна изъ барышень, танцовавшихъ мазурку, выбрала его. Онъ подалъ ей руку и прошелъ черезъ всю залу не вполнѣ увѣренными шагами. Какъ вдругъ очнулся: съ нимъ была Елена. Кровь сбѣжала съ его лица. Совершенно чужой голосъ проговорилъ устами Рафаила, но такъ тихо, что только она одна могла разслышать тѣ страшныя слова, которыя раздирали его сердце:

— Я пріѣду въ Дерславицы... Ночью. Верхомъ. Жди меня у окна, выходящаго въ садъ. Я постучу три раза въ тотъ ставень, гдѣ вырѣзано сердце. У окна жди... Слышишь?

Елена взглянула на его дикіе, помутившіеся глаза, на жилы, выступившія на красномъ лбу, на растрепанные волосы, и фыркнула такимъ безконечно искреннимъ смѣхомъ, что всѣ оглянулись и, не зная, въ чемъ дѣло, начали вторить.

Услышавъ всеобщій смѣхъ, Рафаилъ наклонилъ голову, какъ будто хотѣлъ ударить ею въ толпу. Онъ не понималъ только, почему исчезаетъ изъ глазъ эта толпа. Ноги его гнулись словно безъ костей. Вдругъ надъ его ухомъ прозвучалъ ласковый шопотъ матери:

— Рафаилъ, Рафаилъ! Пойдемъ со мной, умоляю тебя: отецъ увидитъ!

Слово „отецъ“ вывело его изъ забытья.

— Пріѣду верхомъ... Слышишь? Постучу три раза... въ сердце...—шепнулъ онъ матери тѣмъ-же демоническимъ голосомъ.

— Пріѣдешь, пріѣдешь, только иди поскорѣе... отецъ...

Рафаилъ ринулся впередъ, но не въ томъ направленіи, куда слѣдовало, и мать должна была поддержать его, чтобы вытащить изъ дома. Когда онъ очутился на морозѣ, ноги его подкосились, и онъ упалъ на землю, какъ колода. Нѣсколько парней отнесли его въ такъ называемый бельведеръ. Это было прадѣдовское гнѣздо въ глубинѣ сада. Отъ старости домъ вросъ въ землю, стѣны погнулись; крыша почти касалась земли, а дикіе кустарники, заслонившіе окна, достигали почти верхушки крыши. Здѣсь находились комнаты для гостей, кладовыя и чуланы. Въ самой большой стояли приготовленныя кровати, а на полу, во всю ширину комнаты, была приготовлена постель изъ соломы. Нѣсколько человѣкъ изъ шляхты, съ болѣе слабыми головами, уже храпѣли дружнымъ хоромъ. Печь была хорошо натоплена, а старый домъ

помнившій еще короля Яна, хорошо сохранялъ тепло, и спалось тамъ недурно. Рафаилъ, собственноручно раздѣтый матерью, заснулъ, какъ убитый.

Онъ проснулся днемъ очень поздно. Кругомъ, на полу и на кроватяхъ, храпѣли сосѣди. Рафаилъ не могъ понять, гдѣ онъ и что съ нимъ. Голова трещала отъ боли и въ глазахъ мутилось. Онъ видѣлъ спящихъ, но никого не узнавалъ. Онъ дрожалъ при мысли, что одинъ одинешенекъ въ какомъ-то проклятомъ мѣстѣ. Рафаилъ видѣлъ головы, раскинутыя руки и ноги, раскрытые рты, наконецъ, замѣтилъ блескъ свѣчи, горѣвшей въ углу, на столѣ... Онъ уставился глазами туда и послѣ продолжительнаго напряженія съ облегченіемъ и удовольствіемъ замѣтилъ живого человѣка. И даже узналъ его. Это былъ Вицусь Яврышъ, бѣдный шляхтичъ изъ подъ Вишневой, дубина огромнаго роста, сильный и очень дикаго нрава. Вицусь сидѣлъ на соломѣ и пожиралъ мазурки, пирожное и струцели, вытаскивая все это изъ-подъ подушки. Когда попадалась большая мазурка, онъ разламывалъ ее на двѣ части и уничтожалъ нѣсколькими движеніями могучихъ челюстей. Рафаилъ долго, въ недоумѣніи, всматривался въ его работу.

Когда все уже было съѣдено, Яврышъ отправился на цыпочкахъ въ сосѣднюю кладовую, двери которой были открыты настежъ, и принесъ оттуда новую груду, которую снова спряталъ подъ подушкой и, сѣвъ на корточки, съ удвоенной энергіей принялся за дѣло. Рафаилъ догадался, наконецъ, гдѣ онъ. Ему вспомнилось что-то пріятное, но онъ не понималъ, что слѣдуетъ дѣлать. Онъ грохнулся навзничь и, прежде чѣмъ голова коснулась подушки, захрапѣлъ опять.

Свѣча догорѣла и потухла.

Слабый лучъ свѣта проникъ сквозь отверстіе въ ставнѣ. Издалека, со стороны главнаго дома, доносились звуки музыки, игравшей безъ умолку.

Проснувшись вторично, Рафаилъ сѣлъ и тотчасъ вспомнилъ Елену. Онъ началъ поспѣшно одѣваться. Онъ нащупалъ въ темнотѣ сапоги, надѣлъ ихъ и сталъ натягивать на ноги другую необходимую часть туалета. Его удивило, почему такое простое дѣло отнимаетъ столько времени. Онъ бѣсился,—вѣдь надо было спѣшить,—а неизбѣжная принадлежность одежды лишь зловѣще трещала. Долго трудился онъ такимъ образомъ, не будучи въ состояніи ничего подѣлать. Потомъ долго искалъ остальныя вещи, чтобы какъ слѣдуетъ предстать передъ Еленой. Онъ былъ увѣренъ, что уже все нашелъ, какъ вдругъ имъ опять овладѣло безсиліе, и онъ свалился, какъ камень.

Около полудня на другой день его нашли спящаго на

полу, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ кровати, при чемъ лѣвая нога его была втиснута въ рукавъ новаго фрака, который онъ изорвалъ и измялъ, но все же успѣлъ натянуть до колѣна.

Такова была странная судьба одного изъ великолѣпнѣйшихъ синихъ фраковъ сосѣда Тарговицкаго изъ-подъ Завихоста.

Poetica.

Рафаилъ сидѣлъ на стулѣ, поджавъ подъ себя ноги, запустивъ пальцы въ волосы и, на подобіе меламеда, выкрикивалъ латинскія фразы.

Потомъ на минуту замолкъ, лукаво посматривая на товарища и своего кузена Крыштофа Цедру.

Кузенъ Крысь въ отвѣтъ скандировалъ на распѣвъ, какъ пономарь:

— Truditur, dies die...

— Lydia, die per omnes...—перебилъ Рафаилъ:

— Лидія, Лидія, Лидія...—шепталъ Крысь, зажмуривая глаза.

— Убирайся ко всѣмъ Аристофанамъ!

— „О, Лидія, почему, скажи, ты хочешь изъ-за любви погубить вотъ этого гражданина сибарита? Почему къ полю Марса почувствовалъ онъ отвращеніе,—онъ, такъ легко выносившій когда-то и пыль, и зной солнца“.

— Уходи, говорю, ибо смертью погибнешь!

— Прочти-ка, сибаритъ, внимательно и съ благоговѣніемъ сочиненіе стараго адвоката Марка Туллія Цицерона: „De consobatione“.

— Кончишь ли ты сегодня?!

Съ глубокой грустью, вздыхая, какъ будто произнося проповѣдь, наперекоръ радостнымъ звукамъ весенней пѣсенки Горація, Рафаилъ провозгласилъ:

—„Nunc decet aut viridi nitidum caput impedire myrto...

И какъ будто продолжая ту же цитату, проскандировалъ гробовымъ голосомъ:

«Не стану жениться, не буду поспѣшать,
Буду любоваться, дѣвокъ утѣшать».

Рафаилъ подперъ подбородокъ кулаками и уставился въ окно. Громадная, широко разлившаяся Висла терялась въ дождѣ и туманѣ. Утопавшія въ водѣ вербы блѣдно сѣрѣли. Луга вдоль праваго берега, поросшаго ивнякомъ, съ его мѣстечками, рядами деревень и краями лѣсовъ казались отраженіемъ тучъ. Напрасно глаза искали домовъ Надбжезя, Тшесни и пустыхъ, подобно лѣсу, разросшихся парковъ Дзикова. Эти виды будили какую-то особенную тревогу. Какъ

темная дождевая туча безъ опредѣленныхъ очертаній плыветъ по небу, такъ по тѣлу пробиралась жажда таинственныхъ, великихъ, возбуждающихъ чувствъ. Она пробиралась тихо, безмолвно, украдкой. То это была какъ-будто скука, то острое ощущеніе, поражавшее, какъ лязгъ желѣза.

Но она прошла, пронеслась...

Вслѣдъ потянулись чарующія думы,—безграничныя, мечтательныя воспоминанія о вещахъ, которыхъ не было никогда и нигдѣ, тоска, полная слезъ и порывовъ къ счастью, скрытому въ туманѣ. Зарождалась въ мозгу слабая нить мысли и терялась въ видѣніяхъ.

На дворѣ была лунная ночь,полная бѣлаго свѣта...

Въ воздухѣ носится какой-то туманъ. Рафаилъ врывается въ этотъ туманъ верхомъ, слегка придерживаясь въ стременахъ носками сапогъ. Чудно пахнетъ скошенная трава, сырое, холодное осеннее сѣно. Со стороны Вислы несется прохлада. Кажется, будто то мѣсто, по которому онъ ѣдетъ одинъ, ночью, — какое-то иное, чуждое, незнакомое и страшное мѣсто! Роса и паутина бѣлѣютъ въ лунномъ освѣщеніи. Тихо въ глубокихъ оврагахъ. Что-то несется по оврагу и по землѣ вслѣдъ за скачущей лошадью. Паутина какъ-будто тянется, и если остановиться и вслушаться, — что-то замираетъ; оглянешься назадъ,—ничего не видно, только серебристая роса спитъ подъ покровомъ ночныхъ тумановъ...

Дождь то совсѣмъ закрывалъ горизонтъ мутными, тягучими волнами, то разсѣивался. Въ такія минуты показывались бурыя воды рѣки, и, какъ трупъ, сѣрѣлъ холодный ледоходъ.

Когда нѣсколько прояснилось, Рафаилъ громче началъ выкрикивать стихи Горація, съ напряженнымъ вниманіемъ смотря вдаль.

— Рыбакъ Бобжикъ причаливаетъ къ берегу!—радостно шепнулъ онъ товарищу: — Господи, какъ онъ гребетъ! Видишь ты? видишь? Вотъ такъ гребецъ!

— Въ томъ-то и дѣло, что ничего не вижу...—съ отчаяніемъ отвѣтилъ Крысь, напрасно впиваясь близорукими глазами въ замазанныя стекла.

— Весла гнутся, какъ перья. Ахъ, Господи... Какъ ѣдетъ! Крысь, готовься...

Въ сосѣдней комнатѣ послышались громкіе голоса, и товарищи снова начали повторять свои уроки.

Крысь запечалился. Нижняя губа его красиваго рта вытянулась, и блѣдные, тихіе глаза подернулись грустью.

Единственный сынъ очень богатаго шляхтича, Крысь, вмѣстѣ со своимъ кузеномъ Рафаиломъ, жилъ на квартирѣ у учителя Завадскаго, въ домикѣ, стоявшемъ посреди садовъ,

недалеко отъ развалинъ костела св. Петра. Цедра былъ худой, блѣдный и довольно слабосильный юноша. Учился онъ прекрасно, хотя не всегда съ одинаковымъ рвеніемъ. Онъ преклонялся предъ Рафаиломъ за его силу, мужество и очень часто выполнялъ за него школьныя работы.

По вечерамъ оба пансіонера выходили гулять въ садъ, спускавшійся къ Вислѣ. Тамъ въ сумерки они гонялись другъ за другомъ, перебрасываясь снѣжками, а иногда бросали ими въ проходящихъ израильтянъ и католиковъ.

Особенную ненависть въ нихъ, ученикахъ австрійской гимназіи, возбуждали воспитанники военной школы, которая помѣщалась въ томъ-же зданіи, принадлежавшемъ раньше іезуитамъ. Какъ только за стѣной сада появлялся мальчуганъ изъ этой школы, въ него тотчасъ же летѣло безчисленное количество снѣжковъ, заранѣе смоченныхъ и замороженныхъ.

Въ этотъ разъ, очутившись въ саду, они быстро сбѣжали по оврагу въ долину Вислы. Надвигалась уже холодная и торопливая тьма.

Рафаилъ оглядѣлся: кругомъ не было ни души. Передъ ними въ нѣсколькихъ шагахъ виднѣлся берегъ рѣки. Отъ бурыхъ волнъ доносился холодъ и пронизывающее шипѣніе ледохода; льдины плотной массой качались на волнахъ. Юноши, крадучись, шли по направленію къ Золотому Самборцу. Во весь духъ промчались они черезъ Ягеллонскую дорогу и, шлепая по грязи, остановились у рѣки. Сумерки надвигались, громадными волнами опускаясь на землю.

Внизъ по теченію образовался заторъ.

Кто-то говорилъ о немъ за обѣдомъ, какъ о чемъ-то ужасномъ. И вотъ они шли, чтобы убѣдиться собственными глазами, дѣйствительно-ли это такъ.

Рафаилъ нашелъ лодку, которую видѣлъ, когда она причаливала къ берегу.

Сандоміръ на горѣ сверкалъ огнями предмѣстья „Рыбитвы".

Рафаилъ отвязалъ лодку, разыскалъ въ валежникѣ весла и прыгнулъ первый. Крысь вошелъ за нимъ.

Лодка была плоская и мелкая, залитая водой. Не успѣли они схватиться за весла, какъ теченіе рвануло и унесло ее отъ берега. Изо всей силы начали они грести. Носъ лодки тяжело, съ усиліемъ повернулся въ сторону Тшесни.

— Разъ, два!—командовалъ зачинщикъ необычнымъ, суровымъ голосомъ.

Обломки льда плыли быстро, точно плиты потрескавшихся стѣнъ храма. Сидѣвшимъ въ лодкѣ казалось, что несется какая-то разоренная земля, взрытая и замороженная зимними мятелями. Бывали мгновенія, когда на нихъ надвигалась, точно

потолокъ большой залы, огромная льдина и острыми краями предательски врѣзывалась въ бортъ лодки.

Рафаилъ торопливо поднималъ весло и отталкивалъ ее. Грозная плита покорно уплывала въ сторону. Нѣкоторыя съ одного удара разсыпались, какъ труха. При угасающемъ свѣтѣ дня можно было разглядѣть въ трещинахъ льда темнозеленыя полосы наслоеній. Вокругъ слышалось тихое шипѣніе. Изъ глубины вырывались водовороты, какъ громадные ключи. Лодка вздрагивала отъ ударовъ и зловѣще трещала. Ежеминутно весла захватывали изъ пѣнистой воды груды сала, которое съ громкимъ шуршаніемъ соскальзывало съ нихъ. Иногда какая-нибудь толстая глыба мчалась по быстрому теченію середины русла, и лодка, подъ напоромъ веселъ, отклонялась въ сторону.

Свѣтъ въ одномъ изъ оконъ на горѣ преслѣдовалъ ихъ, ломаясь и колеблясь въ зыбкой волнѣ. Въ этой полоскѣ свѣта они въ первый разъ увидѣли страшную громаду, несшуюся къ нимъ съ глухимъ гуломъ.

Глубокій мракъ охватилъ ихъ сердца, и тѣмъ не менѣе юноши испытывали наслажденіе отъ безумно быстраго движенія въ колыбели бездны.

— Разъ, два!—кричалъ Рафаилъ съ бѣшенствомъ и съ страстнымъ увлеченіемъ.

Весла выгибались, какъ прутья, и лодка, могуче разсѣкая теченіе, шла вкось по рѣкѣ. Мелькающая игла свѣта исчезла, и все погрузилось въ могильную ночь. Руки ослабѣвали. Потъ катился со лба. Кровь ударяла въ виски.

Лодка мчалась. Они не могли уже направить ее по своему желанію. Вдругъ она сдѣлала быстрый поворотъ и замедлила ходъ.

Гдѣ-то впереди слышался пронзительный шумъ. Рѣка бурлила, какъ водопадъ, рвущійся изъ громадныхъ тѣснинъ.

— Рафаилъ, гдѣ мы?—тихо спросилъ Крыштофъ.

— У тебя бываютъ замѣчательные вопросы! Почемъ же я могу знать, гдѣ мы?

— Что это такъ шумитъ?

— Вода.

— Смотри, а это что?

Ироническій отвѣтъ, готовый сорваться съ губъ Рафаила, смѣнился тревогой. Что-то вродѣ влажныхъ когтей громадной лапы коснулось его лица, груди и рукъ. Юноши шарахнулись назадъ и выхватили изъ воды весла. Лодка медленно двигалась. Они поняли, что наткнулись на верхушку высокаго дерева, вырваннаго изъ земли водой. На вѣтвяхъ и тонкихъ, безлистныхъ прутьяхъ висѣли клочья гнилой травы и сѣна, которые сразу облѣпили ихъ лица, окутали шеи.

Они оттолкнулись веслами, и лодка медленно, точно баржа съ хлѣбомъ, поплыла туда, куда ее направили, слегка относимая теченіемъ. Теперь она попала въ сонно плывущее сало. Рафаилъ поднялся и началъ раскачивать лодку. Крысь понималъ, что онъ хочетъ предохранить ее отъ затора, но ему жутко было при неизвѣстности - куда они попали.

Они долго такъ плыли.

Гулъ грохочущихъ волнъ, которыя неслись куда-то съ ужасающимъ шумомъ, приближался къ нимъ.

Вдругъ оба почувствовали, что ихъ опять захватываетъ среднее теченіе. Вода рвалась влѣво, толкая льдины, которыя быстро громоздились другъ на друга. Только съ помощью огромнаго напряженія успѣли они оттолкнуть ихъ веслами. Лодка снова направилась въ болѣе тихое теченіе. Инстинктивно чуя главное теченіе Вислы, они стали грести изо всей силы въ сторону отъ него. Ихъ весла мѣсили сало, разгребали его, пока, наконецъ, корма не стукнулась обо что-то неподвижное и твердое.

— Берегъ?—спросилъ Крысь.

Рафаилъ попробовалъ весломъ и рѣшилъ, что тутъ закраины. Съ одной стороны передъ ними была бездна воды, съ другой—громада льда.

Они устали, насквозь промокли, окоченѣли. Широко раскрытые глаза впивались въ бездонную ночь, но ничего не могли разсмотрѣть.

— Встань, — распорядился Рафаилъ, — я выйду и посмотрю, далеко ли берегъ. Здѣсь именно должна быть запруда. Въ такомъ случаѣ мы у цѣли.

Крысь покорно исполнилъ приказаніе. Онъ почувствовалъ, какъ лодка качнулась, когда Рафаилъ спрыгнулъ, услышалъ звонкій, точно по стеклу, стукъ его шаговъ и самоувѣренный голосъ:

— Иди, ледъ твердый... Я уже не могу грести...

Крысь повиновался.

Вокругъ слышалось шуршаніе сала, плескъ и шорохъ отраженныхъ волнъ. Дождь хлесталъ, не переставая.

— Вытащимъ лодку на берегъ и оставимъ ее здѣсь, — сказалъ Ольбромскій,—а сами пойдемъ пѣшкомъ. Это лѣвый берегъ...

— Лодка не наша!—рѣшительно замѣтилъ Крыштофъ.— Мы должны доставить ее на мѣсто.

— Ну и доставь. Вполнѣ одобряю...

— Мы могли бы дотащить ее...

— Можешь и это сдѣлать... безъ моей помощи.

— Что же дѣлать?

— Въ томъ-то и дѣло! Бросимъ тутъ, а завтра утромъ передъ уроками скажемъ Бобрику, дадимъ ему на чай...

— Я ему заплачу! Ты правъ. Я дамъ столько, что онъ останется доволенъ.

— Конечно, дашь. Я тоже такъ думалъ.

— Ну, такъ вытащимъ ее только на берегъ...

— Сейчасъ. Мнѣ нужно прежде посмотрѣть, гдѣ этотъ берегъ.

Онъ отправился, шлепая по водѣ, которая тонкимъ слоемъ разлилась по льдинѣ, разсыпчатой и мокрой отъ продолжительныхъ дождей. Когда Рафаилъ вернулся съ извѣстіемъ, что до берега нѣсколько десятковъ шаговъ, оба схватились за цѣпь и начали изо всѣхъ силъ тащить лодку на ледъ. Это было трудно, но въ концѣ-концовъ удалось.

Вдругъ Рафаилъ замѣтилъ, что ноги его погружаются въ воду. Отъ ужаса волосы у него встали дыбомъ: вся льдина подгибалась подъ ними, опускаясь на дно.

— Крысь, бѣжимъ!—закричалъ Рафаилъ и хотѣлъ схватить его, но обнялъ только пустое пространство.

Вздувшаяся волна ударила ему въ грудь и куда-то отбросила. Цедра вскрикнулъ и что-то забормоталъ, захлебываясь. Рафаилъ вплавь, наудачу, бросился къ нему, схватилъ Цедру руками за волосы и толкнулъ его впередъ, какъ бревно.

Рафаилъ окунулся весь, съ головой. Онъ чувствовалъ, какъ осколки льда облипаютъ его со всѣхъ сторонъ, притискиваютъ къ его горлу острія своихъ краевъ и лѣзутъ въ ротъ. Плывя среди густой массы, онъ ударился плечомъ объ лодку и, уцѣпившись лѣвой рукой за бортъ, дотащилъ Крыся до твердаго мѣста. Потомъ выбрался самъ и, лежа на животѣ, поползъ по зыбкой, погрузившейся въ воду льдинѣ. Цедра очнулся со стономъ и началъ барахтаться... Они видѣли, что гибнутъ, такъ какъ снова шли ко дну, но въ это время Рафаилъ схватился руками за вѣтви прибрежнаго ивняка. Вытащивъ Крыся изъ воды, онъ облегченно вздохнулъ. Потъ катился съ него градомъ. Толстая зимняя одежда промокла до нитки, ноги громко хлябали въ сапогахъ.

— Цедра, холодно тебѣ?

— Холодно.

— Нужно бѣжать, не то погибнемъ. Бѣжимъ!

Они бросились въ кусты и стали проваливаться выше колѣнъ въ липкую грязь. Вѣтви хлестали ихъ по лицу, пеньки подвертывались подъ ноги, острыя палки съ колючками раздирали руки. Наконецъ, послѣ долгихъ мученій они почувствовали, что низкій берегъ становится все тверже.

Рафаилъ услышалъ, что Крысь щелкаетъ зубами, и, тро-

нувъ его рукой, почувствовалъ, какъ тотъ дрожитъ. Самъ онъ тоже съ трудомъ удерживалъ ужасную дрожь.

Рафаиломъ овладѣло смертельное отчаяніе.

Онъ не зналъ, въ какую сторону идти,—потерялъ всякое представленіе о направленіи. Сколько онъ ни настораживалъ уши, онъ слышалъ только бѣшеный, ужасающій шумъ воды,—шумъ смерти.

— Ты не соображаешь, гдѣ Сандоміръ?

— Нѣтъ.

— Можешь идти?

— Нѣтъ.

— Крысь!

— Холодно мнѣ, холодно, холодно... — застоналъ Цедра, какъ маленькій ребенокъ, и сѣлъ на землю.

Коченѣющими руками Рафаилъ обхватилъ его и началъ тащить куда-то впередъ, но черезъ нѣсколько шаговъ споткнулся и упалъ. Съ минуту лежалъ онъ безъ силъ, уткнувшись лицомъ въ снѣгъ, апатично размышляя, что уже нѣтъ спасенія...

Безсознательнымъ движеніемъ, въ слѣпомъ порывѣ безконечнаго отчаянія, началъ онъ срывать съ себя мокрый, обмерзшій „кубракъ", который охватывалъ его ужаснымъ холодомъ. Онъ сорвалъ съ себя рубаху, штаны и началъ снимать промокшіе сапоги, но они какъ будто приросли къ его ногамъ. Голенищи казались кожей его тѣла. Они тянулись, какъ резина. Послѣ мучительныхъ усилій онъ все снялъ съ себя, остался голымъ и началъ раздѣвать Цедру. Онъ изорвалъ на немъ платье въ клочья, но всетаки стащилъ его.

Цедра лежалъ безъ силъ на мягкой землѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ. Рафаилъ принялся колотить его кулаками, дергать за плечи, бить по ногамъ и заставилъ бороться. Они основательно дрались кулаками, какъ вдругъ Рафаилъ крикнулъ, что нужно бѣжать во весь духъ,—иначе они оба погибнутъ. Онъ нашелъ въ темнотѣ руку Цедры и потащилъ его. Сначала Крысь едва плелся, падая на каждомъ шагу, потомъ пошелъ быстрѣе и, наконецъ, побѣжалъ... Какъ безумные, мчались они по невѣдомымъ полямъ, перелѣзали черезъ плетни, барахтались въ оврагахъ, прорывались черезъ заросли, кусты. Имъ было все теплѣе, и съ каждымъ шагомъ возрастали ихъ силы. Оленьими прыжками перескакивали они черезъ рвы, не обращая вниманія на то, куда попадетъ нога. Такъ летѣли они взапуски и выбѣжали на болѣе твердое мѣсто; теперь стало ясно, что они на сандомірскомъ плоскогоріи. Рафаилъ тихо засмѣялся.

Теперь онъ ужъ не боялся: такъ хорошо было мчаться

во весь духъ, нырять въ страшную ночную тьму, распаляться, какъ конь на бѣгу.

Вдругъ они услышали позади отдаленный звонъ. То били часы на соборной башнѣ. Они бросились въ ту сторону и сразу почуяли запахъ дыма.

Сандоміръ!

Достигнувъ городскихъ садовъ, они побѣжали вдоль заборовъ, бѣгомъ взобрались на гору и остановились передъ своей квартирой. Теперь только имъ сталъ понятенъ весь ужасъ ихъ положенія.

Рафаилъ немного задумался и слегка приналегъ на дверь, которая вела въ сѣни. Къ его большому удивленію, дверь подалась. Они вошли тихо, какъ привидѣнія, и пробрались вдоль стѣнъ, по хорошо знакомымъ половицамъ. Изъ сѣней былъ входъ въ помѣщеніе учителя. Приходилось проходить черезъ него.

Отворивъ дверь, они почувствовали теплое дыханіе жилья и, какъ тѣни, подвигались впередъ. Слышалось только біеніе сердца...

Вдругъ Крысь наткнулся на стулъ и грохнулся съ нимъ вмѣстѣ.

Тотчасъ же весь домъ пришелъ въ движеніе. Въ сосѣдней комнатѣ блеснулъ свѣтъ — кто-то зажегъ свѣчу, и прежде, чѣмъ они успѣли достигнуть двери, загородилъ имъ дорогу. Ихъ учитель, менторъ и хозяинъ, стоялъ передъ ними въ одномъ бѣльѣ, высоко держа сальную свѣчу. Замѣтивъ двѣ совершенно голыя, выпачканныя въ грязи фигуры, онъ открылъ ротъ и долго всматривался въ нихъ. Его брови хмурились, ночной колпакъ вздрагивалъ, какъ въ лихорадкѣ. Виновные сохраняли циничное молчаніе, упорно всматриваясь въ его тощія икры. Наконецъ, съ губъ латиниста сорвалось:

— Ольбромскій!.. это ты, голубчикъ! Это твое дѣльце...

— Господинъ учитель!—воскликнулъ Цедра, протягивая къ нему покрытую грязью руку:—клянусь, я виноватъ!

— Въ чемъ ты виноватъ, голубчикъ?

— Я одинъ!.. Я убѣдилъ Рафаила, я придумалъ...

— Молчи! Нечего меня оправдывать, строить изъ себя героя..—произнесъ Рафаилъ съ презрѣніемъ, направленнымъ не противъ товарища по несчастію.

— Ольбромскій!—проговорилъ сквозь зубы педагогъ, дрожа отъ холода и бѣшенства:—ты за это отвѣтишь мнѣ завтра. О, Боже! Голые бродили по городу ночью, зимой. Мы все это выяснимъ!

— О, выясните, несомнѣнно! Все на свѣтѣ можетъ быть спорнымъ, но это дѣло разъяснится.

Глаза Рафаила зловѣще сверкнули и загорѣлись ироніей.

— Пошелъ спать! За мной!—крикнулъ учитель повелительно Крысю и величественнымъ шагомъ, оставляя на идеально вымытомъ полу слѣды своихъ пятокъ, направился къ постели!

Съ какимъ наслажденіемъ почувствовали они себя подъ одѣялами.

Рафаилъ, уткнувшись головой въ подушку, началъ размышлять о положеніи вещей. Онъ зналъ, что хорошаго ждать нельзя. Съ учителями у него давно были нелады: Рафаилъ учился не блестяще и былъ первый сорви-голова, хотя уже съ растительностью на лицѣ. Онъ зналъ, что на другой день ему предстоитъ представить доказательства своего героизма, который удивитъ всю школу, даже весь городъ и на долго останется въ памяти товарищей. Въ воображеніи рисовались Тарнины... и отецъ. При этомъ воспоминаніи имъ овладѣвала дрожь сильнѣе, чѣмъ на рѣкѣ. Онъ старался уснуть, закрывалъ глаза... Но сонъ бѣжалъ отъ него. Ночь тянулась безъ конца. Рафаилъ слышалъ, какъ Крысь мечется во снѣ, бормочетъ, просыпается и снова засыпаетъ. Онъ слышалъ его прерывистое дыханіе, быстрое, тяжелое, какъ будто они все еще бѣгутъ по полямъ...

Въ воспаленной головѣ среди ночной тишины начали вставать и разростаться до колоссальныхъ размѣровъ видѣнія. Они выходили изъ мрака, приближались, были почти дѣйствительностью, изъ темноты выступали лица, звучали слова, крики, взрывы стоновъ. Точно свѣтъ, проникающій въ подземную пещеру сквозь узкую щель, его вдругъ озаряло воспоминаніе о какомъ-нибудь проступкѣ... Рафаилъ только теперь понялъ, что онъ сдѣлалъ. Что будетъ ему за то, что онъ взялъ чужую лодку, плавалъ въ ней поздней ночью, потерялъ эту лодку, чуть-чуть не утопилъ Цедру и — о ужасъ!—явился голый въ домъ педагога?.. Только теперь стало выплывать передъ нимъ истинное значеніе такого факта, какъ путешествіе нагишомъ по городу. Его бросало въ жаръ, при воспоминаніи о разсказахъ по поводу подобныхъ, но чуть-чуть только подобныхъ случаевъ, — разсказахъ, повторяемыхъ шопотомъ съ ужасомъ. Какое-же ждетъ его наказаніе? Кто знаетъ,—можетъ быть, это величайшее изъ всѣхъ преступленій? Если-бъ кто-нибудь могъ ему выразить однимъ словомъ размѣръ его поступка! Дѣйствительно-ли это преступленіе? Преступленіе! Онъ напрягалъ свой мозгъ и какъ будто съ новымъ чувствомъ изслѣдовалъ невѣдомую область, освѣщалъ вновь открывшійся передъ нимъ путь, по которому теперь суждено ему идти.

Онъ слышалъ неровное, горячее дыханіе Крыштофа и

мало по малу спускался въ глубину ужаса: Крысь умереть...

Мысленно онъ поднимался по лѣстницѣ гимназіи и наверху ея видѣлъ проректора Кубешевскаго, всѣхъ Миносовъ и Радамантовъ, а прежде всего... педелей. Новый холодный силлогизмъ выгонялъ капли пота на его лобъ: будутъ сѣчь. Онъ извивался и чувствовалъ бѣшеное, безконечно болѣзненное, до глубины души терзающее униженіе.

Но прежде всего, ярче всего, онъ видѣлъ гдѣ-то далеко взглядъ отца... и холодѣлъ, какъ трупъ. Силою воли онъ отталкивалъ это видѣніе, прогонялъ его, пользуясь сознательно ложными оправданіями, возносилъ тихія мольбы къ кому-то, кто долженъ спасти. И опять, какъ дыханіе горячки, рѣяли призраки, мысли, предчувствія.

Но рядомъ съ упадкомъ духа, въ глубинѣ души было что-то, въ чемъ онъ самъ не хотѣлъ сознаться: онъ ощущалъ, что тамъ кроется смѣлость, гордость, молодое счастье, которое бьется, кипитъ и громко, безбожно хохочетъ. За вздохомъ молитвы, которая рвалась изъ сердца, скрывался раскатистый смѣхъ силы...

Въ борьбѣ этихъ разнообразныхъ, такъ непохожихъ одно на другое, какъ свѣтъ на тьму, чувствъ, проходила ночь Рафаила. Приближался уже разсвѣтъ. Все разрѣшится, такъ или иначе, но скоро...

Свернувшись въ клубокъ на постели, онъ разжигалъ въ себѣ мужество, предвидѣлъ вопросы и заучивалъ отвѣты, невольно сжимая кулаки и напрягая мускулы рукъ.

Безконечная тишина зимней ночи поглощала всѣ эти ощущенія... Вдругъ среди этой тишины, точно въ небесахъ, прозвучалъ звонъ часовъ на башнѣ. Ударилъ разъ, два.

Волосы встали дыбомъ на головѣ Рафаила.

— Только два...—прошепталъ онъ почти громко.

Имъ овладѣлъ такой страхъ, какого онъ никогда еще не испытывалъ. Его охватили злыя мысли, всѣ ужаснѣйшія совпаденія, всѣ темныя предчувствія... Однажды онъ видѣлъ, какъ полевой сторожъ въ Тарнинахъ ловилъ на скошенномъ лугу ядовитую змѣю. Видѣлъ, какъ, прижавъ къ землѣ ея шейку раздвоеннымъ концомъ березовой вѣтки, мужикъ взялъ змѣю за голову и открылъ ей пасть... Змѣя обвилась вокругъ руки. Тогда онъ концомъ палочки выжалъ ядъ изъ пузырьковъ подъ ея зубами. Рафаилъ вспомнилъ этотъ моментъ и почувствовалъ такую дрожь въ тѣлѣ, какъ будто змѣя обвила его самого и собирается впиться въ него острыми зубами.

Съежившись такъ, что колѣни касались носа, дрожа, словно въ лихорадкѣ, онъ дремалъ, просыпаясь при каждомъ звукѣ часовъ. Наконецъ, блѣдный разсвѣтъ освободилъ отъ

темноты стѣны, и скоро въ домѣ началосе ь обычнодвиженіе. Семья учителя, его говорливая жена, сестры и даже дочери занялись больнымъ Крысемъ. Послали за докторомъ. Рафаилу доставались только холодные взгляды этихъ особъ. Онъ самъ чувствовалъ себя виноватымъ. Выпивъ обычную кружку горячаго молока съ такой поспѣшностью, что едва не обжегъ губы, онъ, прежде чѣмъ позвонилъ школьный колоколъ, съ кипой тетрадей направился въ классъ. Рафаилъ взошелъ на лѣстницу, которую видѣлъ, какъ во снѣ, и первый усѣлся въ пустой залѣ. Обстановка комнаты, гдѣ еще вчера было такъ весело, теперь имѣла зловѣщій видъ. Высокая каѳедра съ деревяннымъ балдахиномъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь, дышала суровымъ ужасомъ конфессіонала; въ черныхъ скамьяхъ таилась угрюмая тишина могильныхъ плитъ. Въ классъ вбѣжалъ одинъ изъ школьниковъ, за нимъ другой, третій; вскорѣ большая комната наполнилась шумомъ, говоромъ, смѣхомъ. Рафаилъ сидѣлъ задумчиво, уставившись глазами въ дверь. Точно сквозь сонъ, видѣлъ онъ, какъ его товарищи составляютъ заговоръ противъ латиниста, укрѣпляя между рѣзными орнаментами балдахина каѳедры хорошо сбитый комъ снѣга. Блѣдная улыбка скользнула по его лицу при мысли, что этотъ снѣгъ начнетъ таять, и капли будутъ падать на лысый черепъ скучнаго классика...

Дрожь трясла его тѣло, а въ головѣ стоялъ туманъ. Веселье товарищей, ихъ вопросы, остроты и восклицанія усиливали страданіе, еще болѣе погружали въ темную пропасть отчаянія. По временамъ имъ овладѣвала внезапная и смѣлая рѣшимость—бѣжать. Бѣжать! Бѣжать... домой. Но какой-нибудь одинъ звукъ, шорохъ, одно слово — снова мѣняли настроеніе.

Между тѣмъ, собрались учителя: Щепанскій, Завадзкій, Орловскій, ксендзъ Козубскій и проректоръ Кубашевскій. Въ кабинетѣ этого послѣдняго происходило совѣщаніе. Кромѣ Рафаила, никто не обратилъ на это вниманія, онъ-же, стиснувъ зубы, считалъ секунды.

Вдругъ ему бросился въ глаза панъ Филиппъ, школьный педель, прямой начальникъ „калафактора“ Михалки и школьнаго сторожа Яна Капистрана. Панъ Филиппъ былъ небольшого роста, худой, жилистый, съ кривыми ногами, но сильный, какъ лошадь. Онъ долго служилъ въ австрійской кавалеріи, участвовалъ во многихъ походахъ, много разъ былъ раненъ и, какъ говорилъ, больше пролилъ крови на поляхъ сраженія, чѣмъ у него осталось. Трудно было опредѣлить его возрастъ: на видъ лѣтъ тридцать слишкомъ, но могло быть и больше пятидесяти. Лицо его было сѣрое, темное, обрамленное бакенбардами. Его тѣсный мундиръ представлялъ какіе-

то лохмотья; онъ носилъ суконные штиблеты выше колѣнъ, отлично умѣлъ свистѣть, пользуясь дуплами порченныхъ зубовъ, какъ отверстіями кларнета. Школьная молодежь трепетала передъ нимъ. Его большіе черные глаза, пронизывавшіе до костей, пугали каждаго изъ нихъ.

Панъ Филиппъ умѣлъ сѣчь разными способами. Однихъ до крови съ перваго удара, другихъ до тридцати ударовъ хлесталъ почти безъ боли. Извѣстно было, что тѣхъ, кого ненавидитъ, онъ сѣчетъ „по вѣнски", медленно, съ ужасными антрактами и страшными ударами. Тогда-то онъ и насвистывалъ свои мелодіи, тогда-же снималъ съ шеи цвѣтной шарфъ, разстегивалъ мундиръ, рубаху на груди и осторожно вынималъ изъ кармана часы-луковицу. При этомъ онъ смѣялся и что-то бормоталъ про себя, не то по-нѣмецки, не то по-польски. Панъ Филиппъ зналъ каждаго воспитанника, какъ свой собственный карманъ.

Онъ проходилъ теперь медленно мимо двери „поэтики", заглянулъ въ нее съ ужасной улыбочкой, ища кого-то глазами, и, замѣтивъ Рафаила, слегка чмокнулъ губами.

Потомъ отошелъ, подозвалъ къ себѣ Михалку, рябого парня съ вихрястой головой и плечами, какъ у каріатиды. Этотъ Михалка сталъ у двери, которая вела на лѣстницу. Панъ Филиппъ небрежно посвистывалъ, стоя у стѣны, скрестивъ руки и зажмуривъ глаза.

Рафаилъ догадался, что онъ и есть тотъ звѣрь, котораго они обходятъ. Ему стало холодно, и странно: ледяное спокойствіе медленно все разросталось въ немъ.

Между тѣмъ, въ классъ вошелъ одинъ изъ учителей и позвалъ Рафаила въ кабинетъ проректора. Войдя туда, преступникъ увидѣлъ оживленно разсуждавшій учительскій ареопагъ. Проректоръ приблизился къ Ольбромскому и, строго глядя ему въ глаза, спросилъ по-нѣмецки:

— Гдѣ ты былъ сегодня ночью съ Цедрой?

Рафаилъ молчалъ.

— Только искреннее раскаяніе и признаніе во всемъ еще можетъ смягчить твое наказаніе. Гдѣ вы были оба? Говори сейчасъ... Только это одно... Слышишь ты, что я говорю?

Вихрь лжи и тысячи мыслей носились въ головѣ виновнаго, но ни одна изъ нихъ не облеклась въ слово.

— Будешь ты отвѣчать? Мы все знаемъ. Гдѣ ты былъ сегодня ночью?

— На рѣкѣ.

Всѣ лица вытянулись и глаза раскрылись.

— На какой рѣкѣ?

— На Вислѣ.

— Что ты тамъ дѣлалъ?

— Ловилъ раковъ.

— Съ ума сошелъ! Зимой! Въ ледоходъ... Ты смѣешь еще издѣваться надъ нами, негодяй! Говори, что ты тамъ дѣлалъ?

— Плавалъ въ лодкѣ.

— Въ чьей?

Рафаилъ снова замолкъ и втянулъ голову въ плечи, точно вбирая въ себя все, что могъ бы сказать, и замыкая на ключъ.

— Кто кого подстрекалъ: ты Цедру, или онъ тебя?

Рафаилъ молчалъ.

— Кто кого подстрекалъ? слышишь?

— Слышу.

— Ну-съ?..

— Я его.

— Такъ ты его погубилъ: юноша умретъ. Отвѣчай: зачѣмъ ты вышелъ изъ дому ночью и почему потащилъ за собой его?

Внезапная гордость и бѣшенство вырвались изъ груди Рафаила. Что-то закипѣло въ немъ и прорвалось.

— Я вышелъ изъ дому и дѣлалъ то, что мнѣ нравилось!—сказалъ онъ громко и дерзко, обнаруживая улыбкой всѣ зубы.

— Тебѣ нравилось... Ага!.. — прохрипѣлъ проректоръ. — Тебѣ такъ нравилось... Погоди же, сейчасъ ты заговоришь иначе!

— Ничего не скажу вамъ, хотя-бы вы рѣзали меня въ куски!

— Скажешь!..—пробормоталъ начальникъ.

— Ни одного слова!

Возмущенный проректоръ едва могъ нащупать ручку двери. Онъ открылъ дверь и пискливымъ голосомъ крикнулъ въ корридоръ:

— Филиппъ!

Въ то же мгновенье Рафаилъ, какъ змѣя, проскользнулъ за его спиной и крупными шагами отошелъ въ противоположный конецъ длиннаго корридора. Тамъ онъ остановился въ глубокой оконной нишѣ. За нимъ не торопливо шелъ Филиппъ, а немного далѣе, стуча каблуками сапожищъ, громадный Михалка. Изъ каждой классной комнаты смотрѣли горящіе глаза учениковъ, но учителя разбѣжались по классамъ и заперли двери въ корридоръ. Остался только проректоръ съ педелями. Когда Филиппъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, Рафаилъ вытащилъ изъ кармана длинный складной ножъ въ костяной оправѣ, дорогую память дяди Нардзевскаго, незамѣтно открылъ его и, пригнувшись, ждалъ.

— Не лучше ли по добру?.. — тихо сказалъ Филиппъ, ласково улыбаясь. — Отсчитаю мягкую тридцатку и fertig. Честное слово, мягкихъ тридцать—и шабашъ.

— Ну, подходи, ангелъ, подходи...

Педель замѣтилъ ножъ, зеленая блѣдность покрыла его лицо, страшное бѣшенство сверкнуло въ глазахъ.

— Съ ножомъ... — шепнулъ онъ проректору и велѣлъ своему помощнику обойти съ другой стороны.

— Прочь отъ меня, хамы: кишки изъ васъ выпущу! — проворчалъ Рафаилъ сквозь зубы.

Въ то же мгновенье Михалка, сопя, двинулся на него и протянулъ лапы. Проректоръ, наблюдавшій сцену въ нѣкоторомъ отдаленіи, увидѣлъ блескъ клинка и кровь, но ножъ тотчасъ же былъ выхваченъ Михалкой: онъ одной рукой отбросилъ его далеко въ сторону, а другою, изъ которой лилась кровь, держалъ обѣ руки преступника. Филиппъ набросилъ на эти руки, сдавленныя какъ будто клещами, петлю изъ своего шарфа. Но быстрымъ движеніемъ Рафаилъ вырвался и, сдѣлавъ громадный прыжокъ, успѣлъ еще нанести кулакомъ такой ударъ Михалкѣ въ переносицу, что огромный мужичина грохнулся навзничь. Рафаилъ перескочилъ черезъ него, какъ черезъ бревно, толкнулъ на бѣгу въ животъ проректора и помчался по корридору. Но прежде, чѣмъ онъ добѣжалъ до двери, его догналъ проворный Филиппъ и схватилъ за талію.

Въ тотъ же моментъ огорченный проректоръ увидѣлъ ихъ барахтающимися на полу, а черезъ минуту маленькая головка и горло Филиппа очутились во власти Рафаила. Изъ носовъ у обоихъ лилась кровь, изо рта бѣжала пѣна, на курткахъ, жилеткахъ, рубахахъ висѣли клочья. Одинъ разъ педель успѣлъ освободиться и съ безумными глазами, облитый кровью, яростно кинулся въ борьбу. Приближался и Михалко съ окровавленными руками, и Янъ Капистранъ. Уже они готовы были овладѣть Рафаиломъ, какъ онъ однимъ прыжкомъ очутился въ корридорѣ. Всѣ стекла посыпались изъ двери, хлопнувшей съ страшной силой. За бѣглецомъ кинулись въ погоню, не обращая вниманія на проректора, который плачевнымъ голосомъ уже требовалъ, чтобы остановились. Въ одно мгновенье дверь была сорвана съ петель. Филиппъ догналъ Рафаила въ вестибюлѣ, но проворный юноша, какъ раненный кабанъ, однимъ ударомъ въ високъ свалилъ преслѣдователя съ ногъ. Филиппъ поднялся съ затуманенными глазами, съ окровавленнымъ ртомъ, обезумѣвшій, ища взглядомъ Рафаила.

Но его уже не было ни въ вестибюлѣ, ни на крыльцѣ, ни во дворѣ. Скоро онъ и совсѣмъ исчезъ изъ города.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

МОИМЪ БРАТЬЯМЪ.

Порой мнѣ кажется, что будто я въ пустынѣ,
Отдѣлена отъ міра страшнымъ рвомъ,
И тонетъ голосъ мой въ безсмысленной пучинѣ,
И замолкаю я въ отчаяньи нѣмомъ.
Какъ ни борюсь, до васъ мой не доходитъ голосъ,
Среди людей—на свѣтѣ я одна;
Взгляну на васъ—и дыбомъ встанетъ волосъ:
Толпою мертвыхъ я окружена!

Мнѣ кажется, что если, въ изступленьи,
Я буду плакать, громко звать
И биться головой въ слѣпомъ ожесточеньи,
Иль васъ о помощи смиренно умолять,
Просить у васъ, просить у неба
Меня отъ гибели спасти,—
Вы не нашли-бъ кусочка хлѣба
Отъ вашихъ лишковъ принести!

Что если бъ родина подъ игомъ застонала,
И лучшій цвѣтъ ея дѣтей
Въ борьбѣ увялъ, и трепетала
Вселенная отъ мерзостей людей,—
Живые мертвецы, въ васъ не было-бъ участья,
Не встрепенулся-бъ жалкій умъ,
И не встревожилъ бы животнаго вамъ счастья
Кровавой сѣчи бранный шумъ!

Что если бы Христосъ-Спаситель
Явился на землѣ средь насъ,
Своею кровью Искупитель
Насъ искупилъ еще бы разъ,—

Слѣпой народъ за вожаками
Поднялъ бы руку на него,
И вы—предатели сердцами—
Опять распяли бы его!

Мнѣ кажется, что если бы средь васъ
Нежданное внезапно вдругъ свершилось,
Разверзлось небо, и пронесся трубный гласъ,
Земля сіяніемъ небеснымъ озарилась,
Раздался бы божественный глаголъ,
Наполнивъ чуднымъ откровеньемъ
Высоты горъ и тихій долъ,—
Вы улыбнулись бы съ презрѣньемъ.

Что если бы огонь съ небесъ сорвался,
Какъ возвращенный Прометей,
И властнымъ мстителемъ примчался
Въ среду ничтожную людей,
То пламень тотъ, могучъ и свѣтелъ,
Сжигая все, какъ грозный духъ,
Сердца изъ камня въ васъ бы встрѣтилъ,
И на груди у васъ потухъ!

М. Соболева.

Ницца.

— Ты ждалъ, прости, я должна была совершенно переодѣться.

Она поцѣловала его и сѣла, указывая ему мѣсто подлѣ себя очень спокойнымъ жестомъ, потому что вошелъ лакей наливать чай.

Однако, она не могла сидѣть спокойно, поминутно вставала, подходила къ буфетамъ и приносила цѣлыя массы разнообразнѣйшихъ лакомствъ и ставила передъ нимъ.

На ней былъ блѣдно-желтый шелковый пеньюаръ съ очень широкими рукавами, отдѣланными кружевами цвѣта крэмъ, рядами бирюзы, и стянутый въ таліи золотымъ шнуркомъ.

Роскошные волосы были свернуты на затылкѣ въ большой греческій узелъ, сколотый брилліантовыми гребешками.

То-же самое брилліантовое колье, которое было на ней въ театрѣ, сверкало и теперь на открытой шеѣ всѣми цвѣтами радуги. Прелестныя руки поминутно показывались изъ рукавовъ до самыхъ плечъ.

Она была страшно привлекательна, но Боровецкій уже не чувствовалъ этого и вполовину; онъ отвѣчалъ односложно, торопливо пилъ чай и хотѣлъ удалиться, какъ можно скорѣе.

Новость, которую онъ узналъ, жгла его, какъ огнёмъ.

Люси дрожала отъ волненія, гнала взглядомъ ненависти лакея, который ползалъ, какъ сонный, и, не имѣя возможности броситься на шею Карлу, сжала его руку съ такой силой, что онъ едва не крикнулъ отъ боли.

— Что съ вами?—спросила она, замѣтивъ его замѣшательство.

— Я счастливъ!—прошепталъ онъ по-французски.

Они начали разговаривать, но разговоръ поминутно обрывался, какъ старое тряпье, когда его сильнѣе натягиваютъ.

Ей мѣшалъ лакей, а ему нетерпѣніе и усиліе, которое онъ употреблялъ, чтобы сидѣть здѣсь теперь, когда онъ владѣлъ такой важной тайной, въ такой моментъ, когда пошлина повышалась съ восьми копѣекъ до двадцати пяти.

— Не перейти ли намъ въ будуаръ?—проговорила она тихо послѣ чая.

И она такъ смотрѣла на него дивно блестящими глазами, такъ странно горѣли ея пурпуровыя губы, что Боровецкій, который всталъ, чтобы проститься, наклонилъ голову и послѣдовалъ за нею.

Онъ не могъ противиться ея красотѣ.

Какъ только они остались одни, она снова завладѣла имъ своей горячей страстностью, но только на мгновеніе; въ то время, какъ она цѣловала его съ невыразимымъ восторгомъ, падала передъ нимъ на колѣни, обнимала, повторяла слова безъ смысла, въ которыхъ прорывалась ея страсть, и бе-

зумствовала, охваченная собственной любовью,—онъ думалъ о хлопчатой бумагѣ, думалъ, гдѣ можетъ быть Морицъ, откуда взять денегъ на покупку хлопчатой бумаги.

Онъ отвѣчалъ ей поцѣлуями и ласками, бросая по временамъ слова горячей любви, но дѣлалъ это почти машинально, больше въ силу привычки къ подобнымъ положеніямъ, чѣмъ отъ сердца, которое было занято совершенно другимъ.

Люси же, не смотря на все свое безумство, сознавала инстинктомъ чувственныхъ людей, что между ними есть какая-то помѣха,—и доводила до крайней степени напряженія свое чувство, какъ будто за себя и за него, охватывала его всемъ обаяніемъ влюбленной женщины, рабыни-женщины, которая даже принимаетъ удары отъ своего властелина съ крикомъ радости, женщины, для которой величайшее счастье завоевать себѣ любовника силою, насиліемъ, властью своего темперамента.

Наконецъ, она побѣдила.

Боровецкій забылъ о фабрикѣ, о хлопчатой бумагѣ, о пошлинахъ, обо всемъ на свѣтѣ и отдавался этой любви съ полнымъ самозабвеніемъ людей, холодныхъ по внѣшности, умѣющихъ и въ мелкихъ обстоятельствахъ жизни совершенно владѣть собой.

Онъ поддавался урагану и съ наслажденіемъ, полнымъ возбуждающаго любопытства, позволилъ ему овладѣть собой.

— Люблю тебя,—повторяла она поминутно.

— Люблю,—отвѣчалъ онъ и чувствовалъ въ это мгновеніе, что первый разъ въ жизни совершенно искренно произноситъ это слово, наиболѣе лживое изъ всего человѣческаго словаря.

— Напиши мнѣ это, мой дорогой, напиши,—просила она съ дѣтскимъ упорствомъ.

Боровецкій вынулъ визитную карточку и, цѣлуя ея чудные, голубые, какъ фіалки, глаза и ея горячія губы, написалъ: „Люблю тебя, Люси".

Она выхватила карточку изъ его рукъ, прочла, поцѣловала нѣсколько разъ и спрятала за корсажъ, но, немного погодя, вынула, чтобы опять читать и цѣловать поочередно то карточку, то его.

Всматриваясь въ гербъ на карточкѣ, Люси спросила:

— Что это?

— Мой гербъ.

— Что онъ значитъ?

Онъ объяснилъ ей, какъ умѣлъ.

— Ничего не понимаю,—сказала она,—впрочемъ, это совсѣмъ для меня не важно.

— Что-же для тебя важно?

— Любить тебя.

Она поцѣловала его въ губы.

— Видишь, я ничего не знаю, а тебя люблю, въ этомъ мой умъ, зачѣмъ мнѣ больше?

Они долго сидѣли такъ, въ безконечной тишинѣ ночи, въ будуарѣ, сквозь стѣны и обои котораго не проникалъ извнѣ никакой шумъ, погруженные въ самихъ себя, въ любовь, окутанные какимъ-то облакомъ восторга, среди одуряющей атмосферы, наполненной ароматами, звуками поцѣлуевъ, шопотомъ безсвязныхъ, жгучихъ словъ, шелестомъ шелка. Рубиново-изумрудный свѣтъ мерцалъ все слабѣе, матовыми тонами, которые таинственно переливались на обояхъ и на мебели, вздрагивали въ оживавшемъ на мгновеніе свѣтѣ, какъ будто ползали по комнатѣ, разливались и мертвѣли въ сгущавшейся темнотѣ, среди которой только какъ-то странно блестѣлъ Будда, а надъ нимъ глядѣли съ павлиныхъ перьевъ глаза, все печельнѣе и все таинственнѣе.

IV.

Было почти четыре часа, когда Боровецкій вышелъ на улицу.

Кучеръ, не дождавшись, уѣхалъ.

Вѣтеръ гудѣлъ и ударялъ въ лужи съ такою силой, что грязь брызгала на заборы и на узкую тропинку, замѣнявшую тротуаръ.

Боровецкій вздрогнулъ, охваченный этимъ холоднымъ, сырымъ вѣтромъ.

Онъ стоялъ мгновеніе передъ домомъ, ничего не видя, кромѣ блестѣвшей грязи, черныхъ, грандіозныхъ зданій вдали и фабричныхъ трубъ, выступавшихъ на сѣромъ, мутномъ фонѣ неба, по которому мчались съ быстротой тучи, напоминавшія разорванныя кипы хлопчатой бумаги.

Онъ былъ ошеломленъ и, облокотившись на заборъ, старался собрать свои мысли. Лай собакъ за заборомъ, наконецъ, отрезвилъ его и нарушилъ ту удивительную тишину, какая охватываетъ человѣка послѣ сильныхъ волненій.

— Куровскій навѣрно уже спитъ,—подумалъ недовольно Боровецкій, вспоминая, что хотѣлъ идти къ нему въ „Грандъ-Отель“ послѣ театра.—Не пришлось бы только мнѣ за это удовольствіе поплатиться фабрикой,—прошепталъ онъ и быстро пошелъ, уже не обращая вниманія на грязь и ямы.

Только на Петроковской улицѣ онъ нашелъ извозчика и велѣлъ ему гнать лошадь къ гостиницѣ.

— А телеграмма,—вскрикнулъ онъ, внезапно вспомнивъ, и еще разъ перечиталъ ее при свѣтѣ фонаря.—Поворачивай и поѣзжай прямо по Петроковской. Можетъ быть, онъ уже дома,—думалъ онъ о Морицѣ, и волненіе снова охватило его.

Онъ велѣлъ извозчику на всякій случай остановиться и быстро позвонилъ.

Ему долго не отворяли, и это такъ раздражало его, что онъ оборвалъ звонокъ и дергалъ изо всей силы дверь, пока, наконецъ, ни появился Матвѣй.

— Панъ Морицъ дома?

— Пошелъ на шабашъ, навѣрно, жиды не отпустили...

— Панъ Морицъ дома, отвѣчай?—закричалъ Боровецкій въ бѣшенствѣ, потому что Матвѣй былъ совершенно пьянъ и шелъ за нимъ со свѣчей, раздѣтый, съ закрытыми глазами и съ лицомъ въ крови и синякахъ.

— Панъ Морицъ, говорите? панъ Морицъ, ага!

— Скотина!—крикнулъ онъ, ударивъ его изо всей силы.

Матвѣй ударился лицомъ въ дверь, въ которую только что вошелъ Боровецкій.

Морица не было, Баумъ спалъ, одѣтый, съ папиросой въ зубахъ, на большой кушеткѣ въ столовой.

На столѣ, на полу, на буфетѣ стояло множество пустыхъ бутылокъ и тарелокъ, а труба самовара была обернута зеленой длинной вуалью.

— Ого! Антка была, весело поиграли... Максъ! Максъ!—закричалъ онъ, встряхивая его.

Максъ даже не дрогнулъ, спалъ самымъ спокойнымъ образомъ и отчаянно храпѣлъ.

Боровецкій, раздраженный напрасными попытками разбудить его и, желая всетаки узнать, гдѣ Морицъ, схватилъ Макса за плечи и поставилъ на полъ.

Максъ, обозлившись, схватилъ стулъ и бросилъ его изо всей силы на столъ.

— Получай, зеленая обезьяна, не буди!—онъ опять развалился на кушеткѣ, натянулъ на себя сюртукъ, закуталъ имъ голову и заснулъ.

— Матвѣй!—крикнулъ почти съ отчаяніемъ Карлъ, видя, что Макса не добудишься.

— Матвѣй!—крикнулъ онъ вторично, подходя къ передней.

— Сейчасъ иду, мигомъ, пане директоръ, свѣча у меня гдѣ-то затерялась и ищу, ищу ее, иду, — бормоталъ онъ сквозь сонъ, разбитымъ, пьянымъ голосомъ, напрасно стараясь подняться съ пола, гдѣ заснулъ, свалившись отъ удара Боровецкаго.

Онъ всталъ на колѣни и опять упалъ ничкомъ на полъ, размахивая руками, какъ будто плавалъ.

Боровецкій поднялъ его, привелъ въ столовую, поставилъ къ печкѣ и спросилъ:

— Гдѣ ты напился? Я сколько разъ обѣщалъ тебѣ, что какъ только напьешься, то выброшу тебя къ чорту! Слышишь, что я говорю?

— Слышу, пане директоръ, слышу... говорите, панъ Морицъ,—бормоталъ онъ, напрасно силясь сохранить равновѣсіе.

— Кто это разбилъ тебѣ рожу? Ты похожъ на свинью.

— Мнѣ кто разбилъ рожу? мнѣ, ваша милость... никто не разбилъ, мнѣ никто не можетъ разбить, потому что я бы, ваша милость... кости переломалъ, морду расшибъ, и было бы „фертигъ", на глянцъ... холера.

Боровецкій, видя, что съ пьянымъ ни до чего не договоришься, принесъ графинъ, придержалъ Матвѣя одной рукой и вылилъ ему воду на голову.

Матвѣй барахтался, вырывался, но немного отрезвился и, вытирая рукавомъ посинѣвшее, залитое кровью лицо, смотрѣлъ безсмысленными глазами.

— Былъ панъ Морицъ?—терпѣливо продолжалъ спрашивать Боровецкій.

— Былъ.

— Куда поѣхалъ?

— Отвезти ту черную дѣвчонку и потомъ въ „Гранду".

— Кто здѣсь былъ?

— Разные господа были: панъ Байнъ, панъ Герцъ и еще другіе жиды. Я и Агафья отъ пана инженера готовили ужинъ.

— И ты нализался, какъ свинья? Кто это такъ избилъ тебя?

— Никто меня не билъ.

Онъ невольно пощупалъ свое лицо и голову и вскрикнулъ отъ боли.

— А откуда же у тебя эти раны, а?

— Да это... былъ и панъ Морицъ, и эта черная обезьяна, и тотъ горбатый, и другіе жиды.

— Говори, сейчасъ, гдѣ ты напился, и кто тебя билъ?—крикнулъ Карлъ съ бѣшенствомъ.

— Я не пьянъ, и никто меня не билъ. Я пошелъ за пивомъ для господъ, а въ шинкѣ были товарищи отъ французовъ и поставили bier... Поставилъ и я. Ну, поставили они разъ, и я разъ. Потомъ пришли люди изъ нашей бѣлильни, поляки, наши деревенскіе, поставили и они bier—ладно; поставилъ и я. Они поляки, и я полякъ: значитъ, они ставили—и я ставилъ. Но я не пьянъ, ваша милость... ей Богу, я такъ трезвъ, что если ваша милость хочетъ, я дыхну... провѣрьте.

Боровецкій переодѣвался въ своей комнатѣ и не слушалъ, но Матвѣй продолжалъ:

— Потомъ пришли отъ стараго пана Баума ткачи и валяльщики. Начали пить съ ними, — мы ставили, а нѣмцы, подлый народъ, ставить не хотѣли. Ну, я одного такъ легонько ткнулъ пальцемъ, онъ и грохнулся на землю, а другой меня кружкой по головѣ. Я и этого легонько ткнулъ пальцемъ, онъ тоже грохнулся на землю, а нѣмцы схватили меня за глотку. Я не дрался: знаю, что вы, пане, этого не любите; я слушаю моего пана, — не дрался. Но когда одинъ ухватилъ меня за волосы, а другіе за глотку, да еще одинъ смазалъ по рожѣ, я подумалъ: жаль мнѣ пиджака, который вы, пане, подарили, говорю: пусти меня, а онъ меня ножомъ подъ ребро. Ну, я его башкой объ стѣну, онъ тамъ и остался. Товарищи помогли, и было „фертигъ", на глянцъ. Я не дрался, только ткнулъ легонько пальцемъ курица устояла бы, а эта свинья уже лежитъ. Слабый въ ногахъ народъ, пане, очень слабый народъ — эти нѣмцы. Я легонько пальцемъ ткнулъ, а онъ уже „forbeit", на землѣ!

Онъ бормоталъ все сонливѣе и, вытянувъ впередъ руку, указательнымъ пальцемъ показывалъ, какъ онъ ткнулъ.

— Иди спать,—крикнулъ Боровецкій, потушилъ свѣчу, проводилъ его въ кухню и поѣхалъ искать Морица.

„Викторія" была заперта, „Грандъ-Отель" тоже.

— Панъ Куровскій уже спитъ?—спросилъ онъ швейцара.

— Совсѣмъ не былъ сегодня; мы приготовили комнату, а онъ не пріѣхалъ.

— Панъ Вельтъ былъ у васъ вечеромъ?

— Былъ съ дамами и съ паномъ Кономъ, потомъ поѣхали въ „Аркадію".

Боровецкій отправился въ Аркадію, на Константиновскую улицу, но тамъ никого не оказалось.

Онъ объѣхалъ еще нѣсколько трактировъ, въ которыхъ обыкновенно развлекалась лодзинская молодежь, но нигдѣ не нашелъ его.

— Гдѣ эта обезьяна скрылась?—думалъ онъ раздраженно и вдругъ крикнулъ извозчику:—Поѣзжай туда, гдѣ медъ пьютъ, знаешь? Если тамъ его нѣтъ, то нигдѣ ужъ нѣтъ.

— Сейчасъ будемъ тамъ, пане!

Извозчикъ стегнулъ лошадь. Пролетка запрыгала по мостовой, покрытой страшными выбоинами.

Боровецкій ругался, скрежеталъ зубами и, чтобы успокоить раздраженіе, отъ котораго такъ дрожалъ, что не могъ

закурить папиросы, началъ напряженно думать объ хлопчатобумажной аферѣ.

— Бауэръ дорого продалъ эту телеграмму Цукеру. Какая странная женщина,—перешелъ онъ къ воспоминаніямъ о Люси и погрузился въ нихъ.

Онъ зналъ ее два года, но не обращалъ на нее вниманія, потому что былъ занятъ Ликертовой, кромѣ того, о ней говорили, что она также безконечно глупа, какъ красива.

Ему давно было извѣстно, что онъ обратилъ на себя ея вниманіе: она давала понять это взглядами и усиленными приглашеніями, которыми онъ никогда не пользовался. Она бывала вездѣ, гдѣ только разсчитывала встрѣтиться съ нимъ.

Сплетня, которою въ Лодзи съ увлеченіемъ и съ замѣчательнымъ искусствомъ занимаются преимущественно мужчины, уже начинала кое-что разнюхивать и разглашать, но быстро прекратилась, потому что Боровецкій держался вдалекѣ, поглощенный въ послѣдніе мѣсяцы планами основанія фабрики.

Онъ лично зналъ Цукера, стараго тряпичника, превратившагося въ послѣдніе десять лѣтъ въ милліонера-фабриканта. Цукеръ началъ свою карьеру въ Лодзи со скупки ни на что не нужныхъ фабрикамъ тряпокъ, обрывковъ бумаги, хлопчатобумажной пыли, которой всегда достаточно въ ткацкихъ и въ сукнострижныхъ отдѣленіяхъ.

Онъ ненавидѣлъ его за издѣлія, подражавшія въ рисункахъ и цвѣтахъ издѣліямъ фирмы Бухгольца, въ сущности же самаго низкаго сорта, которыя продавались дешево и дѣлали невозможной всякую конкурренцію.

Онъ зналъ, что у Ликертовой нѣтъ любовника, во-первыхъ, потому, что она еврейка, а во-вторыхъ, въ городѣ, гдѣ всѣ, начиная съ милліонеровъ и кончая малѣйшимъ гвоздикомъ въ громадной промышленной машинѣ, должны всецѣло отдаваться этой работѣ,—вообще чрезвычайно мало профессіональныхъ донжуановъ и очень мало обманутыхъ женщинъ.

Къ тому же, если бы что случилось, то уже кто-нибудь разболталъ бы.

— Есть ли у Цукеровой какая-нибудь душа? — думалъ онъ, разбирая ея дикую, неудержимую страстность. — Но зачѣмъ я туда залѣзъ, да еще теперь! Къ чорту любовь! привязать такое ядро къ ногамъ, когда основываешь фабрику въ кредитъ!

И тѣмъ не менѣе онъ задумался, искалъ въ себѣ слѣдовъ любви къ ней, убѣждалъ себя, что любитъ ее искренно, что увлекла его любовь, а не простая чувственная буря здороваго организма.

— Какъ бы то ни было, игра стоитъ свѣчъ,—подумалъ онъ.

Извозчикъ повернулъ и остановился на самомъ углу Спацеровой улицы, возлѣ синагоги.

V.

Ресторанъ, въ который пріѣхалъ Боровецкій за Морицомъ, находился тутъ же, за синагогой, въ глубинѣ двора, окруженнаго съ трехъ сторонъ, точно каменными ящиками, четырехъ-этажными флигелями, а съ четвертой—маленькимъ садикомъ, отгороженнымъ зеленой рѣшеткой и притиснутымъ къ задамъ громадныхъ красныхъ стѣнъ какой-то фабрики.

Маленькій одноэтажный флигелекъ стоялъ въ глубинѣ, у самой стѣны и сверкалъ освѣщенными окнами, черезъ которыя доносились крикливые голоса, похожіе на ревъ ословъ.

— Ого! тутъ цѣлая банда,—подумалъ онъ, входя въ длинную, низкую залу, до того переполненную дымомъ сигаръ, что въ первый моментъ, среди синеватаго облака, пестрѣвшаго золотыми кругами газовыхъ огней, никого нельзя было различить.

Нѣсколько десятковъ человѣкъ толпились вокругъ длиннаго стола, кричали, смѣялись и пѣли, что́, въ соединеніи со звономъ тарелокъ и рѣзкимъ дребезжаніемъ стекла, производило такой шумъ, что чуть не дрожали стѣны.

Вдругъ водворилась тишина, и охрипшій, пьяный голосъ запѣлъ:

Агата! Здѣсь пріютъ любимый нашъ! Агата!
Агата! Я тебя цѣлую наотмашь! Агата!
Агата! Ты за это пива дашь! Агата!

— Агата!—ревѣла толпа на всѣ лады, заглушая Бумъ-Бума, бывшаго композиторомъ и солистомъ этой глупой пѣсни. Онъ напрасно выкрикивалъ слѣдующія строфы, никто его не слушалъ и всѣ выли:

— Агата! Агата! Бумъ-Бумъ, ля, ля, ля! Агата! Тра-ля-ля-ля! Агата! Ципъ-ципъ-ципъ, Агата!

Въ тактъ реву стали стучать палками по столу, кружки летѣли въ стѣны или разбивались объ печь; нѣкоторымъ и этого казалось мало: они стучали стульями объ полъ и, точно обезумѣвъ, съ закрытыми глазами пѣли:

— Агата! Агата!

— Господа, ради Бога, пощадите, вы привлечете полицію,—началъ умолять перепуганный хозяинъ.

— Вы должны молчать: мы платимъ! Барышня, прошу дать кружку пива.

— Эй, Бумъ-Бумъ, спойте-ка! — кричали Буму, который, поправляя пенснэ обѣими руками, стоялъ въ другой комнатѣ передъ буфетомъ.

— Пищи, Бумъ-Бумъ, я все равно не слышу,—бормоталъ одинъ, лежа на столѣ, который былъ заставленъ бутылками вина и коньяку, кофейниками, глиняными бутылками отъ портера, кружками и осколками стекла.

— Агата! Агата! — визжалъ вполголоса какой-то конторщикъ, сонный, пьяный, и колотилъ палкой по столу.

— Ну, и лодзинское развлеченіе,—подумалъ Карлъ, ища глазами Морица.

— Директоръ! Господа, фирма Бухгольцъ, Германъ и К°! Значитъ, мы всѣ въ сборѣ. Барышня, каждому коньячку!— кричалъ какой-то высокій и толстый нѣмецъ ломаннымъ польскимъ языкомъ.

Онъ сдѣлалъ размашистый жестъ, хотѣлъ еще что-то сказать, но у него подкосились ноги и онъ упалъ на диванъ, стоявшій за его спиной.

— Да, компанія веселая!

— Полный комплектъ буршей.

— Мы всегда такъ: если пить, то солидарны, а работать— ни чорта не выходитъ.

— О, да, солидарны, какъ говоритъ тотъ, ну, какъ его... тотъ, что сказалъ: „рука съ рукою, мы въ общихъ цѣпяхъ!..“

— Опояшемъ брюхо...—вмѣшался кто-то изъ публики.

— Молчать! Бродягамъ, собакамъ и людямъ отъ Шаи входъ запрещается! Запишите это, господинъ редакторъ, — кричалъ кто-то, обращаясь къ высокому, худому блондину, меланхолически сидѣвшему по серединѣ комнаты; его большіе глаза блуждали по стѣнамъ съ гравюрами.

— Морицъ, у меня къ тебѣ очень важное дѣло, — шепнулъ Карлъ, присаживаясь къ Вельту и Леону Кону, которые пили вдвоемъ.

— Нужно денегъ, возьми бумажникъ, — шепнулъ Морицъ, подставляя карманъ сюртука,—или подожди, пойдемъ въ буфетъ. Чортъ возьми, я пьянъ, — бормоталъ онъ, силясь держаться прямо.

— Не присядетъ-ли панъ директоръ? Выпьемъ, а? водочка есть, коньячокъ, а?—говорилъ Леонъ.

— Дайте мнѣ ѣсть, я голоденъ, какъ волкъ.

Кельнерша принесла горячихъ сосисокъ: ничего больше не было въ буфетѣ.

Боровецкій началъ ѣсть, не обращая вниманія на всю

компанію, которая, раздѣлившись на группы, пьянствовала и галдѣла.

Тутъ была почти исключительно лодзинская молодежь, типичная молодежь изъ конторъ и магазиновъ, съ небольшою примѣсью фабричныхъ техниковъ и спеціалистовъ другихъ профессій.

Бумъ-Бумъ, хотя и былъ совершенно пьянъ, сновалъ по залѣ, ударяя ладонью по кулаку, поправлялъ пенснэ, пилъ со всѣми и по временамъ подходилъ къ молодому человѣку, спавшему въ креслѣ, и кричалъ ему на ухо:

— Кузенъ, не спи!

— Zeit ist Geld! Чей счетъ? — кричалъ тотъ, открывая глаза и стуча автоматически кружкой объ столъ...

— Женщина? Оставьте, пожалуйста, kein Gescheft—быть женщиной, совсѣмъ плевое дѣло, — говорилъ со смѣхомъ всѣмъ извѣстный въ Лодзи Феликсъ Фишбинъ.

— Я—человѣкъ, самый настоящій человѣкъ,—голосилъ кто-то въ другомъ углу.

— Не хвастайтесь! Вы грубая поддѣлка подъ человѣка,— смѣялся Феликсъ.

— Пане Фишбинъ, вы вѣдь китовый усъ *), и ваше дѣло не стоитъ даже соломы.

— Пане Вейнбергъ, вы... ну, вы сами знаете, и всѣ мы знаемъ, кто вы такой, ха, ха, ха!

— Бумъ-Бумъ, спой маюфесъ **): жиды ссорятся.

— Кенигъ, ты мой другъ, но я съ грустью вижу, что ты становишься все глупѣе. Твоя голова уже тонетъ въ брюхѣ. Я за тебя очень боюсь. Господа! онъ такъ жирѣетъ, что скоро ему не хватитъ собственной шкуры, чтобы въ ней помѣстится... хо, хо!

Раздался общій смѣхъ, но Кенигъ молча продолжалъ пить пиво и всматривался въ газовые огни осовѣвшими глазами, сидя безъ сюртука, съ разстегнутымъ воротомъ.

— Вернемся, докторъ, къ вопросу о женщинахъ,—говорилъ Феликсъ, обращаясь къ сосѣду, который сидѣлъ, опустивъ голову на грудь, то покручивая свѣтлые усики, то нервно подергивая отвороты сюртука.

— Хорошо, это важный вопросъ, хотя бы съ точки зрѣнія соціально-психологической.

— Тутъ нѣтъ никакого вопроса. Знаете ли вы хоть одну порядочную женщину?

— Пане Феликсъ, вы пьяны! Что вы говорите! Я покажу вамъ въ Лодзи больше сотни самыхъ прекрасныхъ,

---

*) Игра словъ: „Фишбинъ"—значитъ по-польски китовый усъ.

**) Еврейская пѣсня.

самыхъ честныхъ и самыхъ умныхъ женщинъ,—оживился докторъ, подпрыгивая на стулѣ и быстро дергая отвороты сюртука.

— Вѣроятно, все ваши паціентки: вы должны ихъ хвалить.

— Съ точки зрѣнія соціально-психологической то, что вы говорите, является...

— Со всѣхъ точекъ зрѣнія — правда, тысячу разъ правда. Вы докажите мнѣ, что не такъ.

— Вѣдь я говорю вамъ...

— Мнѣ нужны факты! Я человѣкъ положительный, пане Высоцкій, позитивистъ... Барышня, дайте кофе и шартрезу!

— Хорошо, хорошо! Сейчасъ представлю вамъ факты: Боровская, Амзель, Бибрихъ, ну, что?

— Ха, ха, ха, считайте дальше!

— Вы не смѣйтесь, это порядочныя женщины,—говорилъ докторъ, волнуясь.

— Откуда вы знаете? Вы брали ихъ на коммиссію? — цинично спросилъ Феликсъ.

— Я упустилъ изъ виду самыхъ выдающихся, вродѣ Цукеровой и Волькмановой.

— Этихъ не считайте: одну мужъ держитъ взаперти, а другая не имѣетъ времени выглянуть на свѣтъ: за три года у нея четвертый ребенокъ.

— А Кештерова? Гросгликъ? Что вы о нихъ скажете?

— Ничего не скажу.

— Вотъ, видите, — кричалъ докторъ, раскраснѣвшись и покручивая усики.

— Я человѣкъ положительный, потому ничего и не скажу: зачѣмъ принимать въ разсчетъ безобразныхъ женщинъ? это такой дрянной товаръ, что его не взялъ бы на коммиссію даже Леонъ Конъ, который беретъ все.

— А я принимаю ихъ въ разсчетъ и ставлю даже въ первомъ ряду. У нихъ, кромѣ органической порядочности, есть еще этика.

— Этика? это что за товаръ? Кто имъ занимается?

— Феликсъ, ты сказалъ „вицъ“ на сто процентовъ, — крикнулъ черезъ столъ Леонъ Конъ, апплодируя.

Докторъ больше не возражалъ, пилъ горячій кофе, налитый ему Феликсомъ, встряхивалъ отвороты, пряталъ рукавчики и, наконецъ, обратился къ сидѣвшему рядомъ сосѣду, который пилъ молча и поминутно вытиралъ краснымъ фуляровымъ платкомъ свои очки.

— Вы, господинъ адвокатъ, такого же мнѣнія о женщинахъ, какъ панъ Феликсъ?

— Фи! то-есть... видите-ли... какъ бы это объяснить..

гм...—онъ махнулъ рукой, сдѣлалъ глотокъ пива и закурилъ папиросу, всматриваясь въ горящую спичку.

— Я спрашиваю, что вы думаете о женщинахъ?—приставалъ къ нему докторъ, желая выступить на ихъ защиту.

— Видите-ли, милостивый государь, я ничего не думаю, я только пью пиво,—махнулъ тотъ презрительно рукой и погрузился въ кружку, которую поставила передъ нимъ кельнерша.

Онъ пилъ долго, потомъ такъ же долго обтиралъ бѣлую пѣну рѣдкихъ усовъ, которые рыжей щетиной спускались на его губы.

— Вы укажите мнѣ честную женщину, я пошлю ей шелку отъ Шмидта и Фитце, шляпу отъ m-me Gustave, чекъ на какой-нибудь изъ банковъ, съ подписью Гросглика, и потомъ я вамъ разскажу интересныя вещи, — снова смѣялся Феликсъ.

— Вы разсказывайте объ этомъ на Балутахъ *), тамъ, можетъ быть, вамъ повѣрятъ и будутъ цѣнить ваше мнѣніе, но мы васъ немного знаемъ, пане Феликсъ.

— Что это? редакторъ пускаетъ шпильки?

— Немудрено: вы такъ паясничаете, что даже крахмалъ съ вашей рубашкѣ сыплется,—отвѣтилъ кто-то за редактора, который, разсердившись, ушелъ въ буфетъ.

— Кузенъ, не спи!—крикнулъ Бумъ.

— Zeit ist Geld! Чей счетъ?—проговорилъ дремавшій, стуча кружкой объ столъ, хотѣлъ поднести ее къ губамъ, но не донесъ: рука опустилась, кружка съ пивомъ упала на землю, но онъ не замѣтилъ этого, только повернулся бокомъ въ креслѣ, закрылъ лицо салфеткой и заснулъ.

— Чего панна хочетъ? Пусть прекрасная панна скажетъ,—шепталъ Леонъ Конъ, пытаясь поцѣловать кельнершу.

— Оставьте меня въ покоѣ, пустите меня,—говорила она и сильно рванулась.

— Зачѣмъ панна рвется, я плачу̀ и дѣлаю, что хочу, я Конъ, Леонъ Конъ!

— Что мнѣ до вашей фамиліи, пустите меня, — закричала она громко.

— Ну, иди къ чорту! Schmelz! — бросилъ онъ презрительно ей вслѣдъ и началъ снимать сюртукъ и жилетъ.

— Морицъ! Довольно пьянствовать, пойдемъ домой, есть важное дѣло, — шепталъ Карлъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, но пьяный Морицъ, закрывъ лицо руками, сидѣлъ, ничего не сознавая, и на все отвѣчалъ одно:

---

*) Предмѣстье Лодзи, гдѣ живетъ много нищаго народа и воровъ.

— Я Морицъ Вельтъ, Петроковская, 75, первый этажъ. Идите къ чорту!

— Пане Конъ, у меня къ вамъ маленькое дѣло, — прошепталъ Боровецкій.

— Сколько вамъ нужно?

Леонъ чмокнулъ языкомъ, щелкнулъ пальцами и вынулъ бумажникъ.

— Вы быстро оріентируетесь,—улыбнулся Боровецкій.

— Я вѣдь Леонъ Конъ! Сколько?

— Завтра вамъ скажетъ Морицъ, я хотѣлъ только обезпечить себя. Благодарю васъ.

— Вся моя касса, весь мой кредитъ—въ вашемъ распоряженіи.

— Очень вамъ благодаренъ. Срокъ не долѣе трехъ мѣсяцевъ.

— Зачѣмъ говорить о срокѣ? Между друзьями такіе пустяки не имѣютъ значенія...

— Дай мнѣ содовой,—бормоталъ Морицъ.

Когда ему принесли воду, онъ началъ пить прямо изъ сифона.

— Шубе, скажи по-правдѣ, во сколько обходится тебѣ твоя Юзя?—шепталъ кто-то за спиной Карла.

— Дорогой товаръ, если хочешь купить сейчасъ.

— Подожду аукціона, подожду. Но скажи, во сколько тебѣ она обходится, въ Лодзи говорятъ тысячу въ мѣсяцъ.

— Можетъ быть, тысячу, можетъ быть, пять, я не знаю.

— Ты не платишь?

— Плачу и много плачу—векселями. За квартиру заплатилъ векселемъ, за мебель векселемъ, за модистку векселемъ, за все векселемъ. Пока не знаю, сколько выйдетъ, вотъ обанкрочусь, узнаю, сколько захотятъ взять за сто. Теперь еще ничего не извѣстно.

— Знаешь, это геніально!

— Слышите, пане Конъ, что говорятъ сзади?

— Слышу, слышу. Большая подлость, но очень умная, о, какая умная!

— Ты хочешь, чтобы я ѣхалъ домой?—спросилъ Морицъ.

— Да, немедленно, очень важное дѣло.

— Наше дѣло?

— Наше; неслыханно важное дѣло, неслыханно.

— Если дѣло, то я почти трезвъ. Пойдемъ.

Карлъ вышелъ, ведя подъ руку Морица, который качался и не могъ сохранить равновѣсія. За ними сквозь открытыя двери хлынулъ потокъ пѣсенъ, криковъ и разлился по тихому, темному двору и замеръ въ ночной темнотѣ.

Въ Лодзи уже свѣтало, черныя трубы мелькали все бо-

лѣе свѣтлыми красками, крыши блестѣли при свѣтѣ блѣдной зари.

Морозъ затянулъ грязь, покрылъ кое-гдѣ лужи слоемъ льда, а мостки надъ сточными канавами и деревья обильнымъ инеемъ.

Чувствовалось, что будетъ хорошая погода.

Морицъ всею грудью вдыхалъ холодный, свѣжій воздухъ и все больше приходилъ въ себя.

— Знаешь, я не помню, чтобы когда-нибудь такъ напивался. Не могу себѣ простить: въ головѣ шумитъ, какъ въ самоварѣ.

— Дамъ тебѣ чаю съ лимономъ; и ты протрезвишься. Я приготовилъ такой сюрпризъ, что ты захочешь вторично напиться отъ радости.

— Интересно, что такое.

Тотчасъ по пріѣздѣ, уже не будя Матвѣя, который спалъ на колѣняхъ передъ плитой, положивъ на нее голову,—Карлъ налилъ воды въ самоваръ и зажегъ газъ.

Морицъ совсѣмъ отрезвился, обливъ себѣ голову холодной водой. Выпивъ затѣмъ нѣсколько стакановъ чаю, онъ почувствовалъ себя совсѣмъ бодрымъ.

— Ну, я „фертигъ". Чортъ возьми, мнѣ безобразно холодно.

— Максъ!—кричалъ, между тѣмъ, Карлъ, тряся изо всей силы Баума, по Максъ не обращалъ на него вниманія и только сильнѣе натягивалъ сюртукъ на голову.

— Спитъ, какъ убитый! Впрочемъ, я такъ спѣшу, что не стану ждать его. Прочти, Морицъ, внимательно эту телеграмму, только не смотри на адресъ, — предупредилъ Боровецкій.

— Да я ничего не понимаю,—она шифрованная!

— Ну, сейчасъ прочту тебѣ.

И онъ началъ читать, медленно, очень отчетливо, подчеркивая цифры и числа.

Морицъ совершенно отрезвился: при первыхъ же словахъ онъ вскочилъ со стала и сталъ поглощать глазами и всѣмъ своимъ существомъ содержаніе телеграммы. Когда Карлъ кончилъ и посмотрѣлъ на него торжествующимъ взглядомъ, Морицъ стоялъ неподвижно, подавленный мыслями, нѣсколько разъ насаживалъ на носъ пенснэ, которое не держалось, и улыбался такъ нѣжно, какъ-будто передъ нимъ была любимая женщина. Онъ нервно дернулъ свою прекрасную бороду и, наконецъ, торжественно произнесъ:

— Знаешь, Карлъ, у насъ уже есть будущность, у насъ есть крупные капиталы. Эта телеграмма стоитъ сто тысячъ рублей или, въ крайнемъ случаѣ, пятьдесятъ. Мы мо-

жемъ поцѣловаться по случаю такого торжества! Какая афера, ахъ, какая афера!—И онъ подвинулся къ Боровецкому, желая, въ самомъ дѣлѣ, искренно расцѣловать его.

— Оставь, Морицъ! Намъ нужны теперь деньги, а не поцѣлуи.

— Вѣрно; ты правъ: намъ теперь нужно денегъ и денегъ.

— Чѣмъ больше мы купимъ, тѣмъ больше заработаемъ.

— И что будетъ твориться въ Лодзи! Ай, ай! Если объ этомъ знаетъ Шая или Бухгольцъ, и если они успѣютъ сдѣлать закупки, какъ всѣ запищатъ! Откуда ты выдралъ эту телеграмму?

— Это моя тайна и награда,—онъ улыбнулся, вспомнивъ Люси.

— Твоя тайна—капиталъ. Однако, это странно.

— Что?

— Я не ожидалъ отъ тебя, Карлъ, говорю это совершенно искренно, — не ожидалъ, чтобы ты былъ способенъ, имѣя въ рукахъ такое дѣло, дѣлиться съ нами.

— Значитъ, ты не зналъ меня.

— Знаешь, послѣ этого факта я еще меньше понимаю тебя,—и онъ смотрѣлъ на него такъ, какъ-будто подозрѣвалъ какой-то подвохъ: онъ не могъ понять, какъ можно добровольно уменьшать свои барыши.

— Я аріецъ, а ты семитъ, этимъ все объясняется.

— Не вижу объясненія, не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Только то, что я хочу составить капиталъ, но для меня міръ не замыкается даже милліонами, а ты всю цѣль жизни видишь въ собираніи денегъ. Ты любишь деньги ради денегъ и пріобрѣтаешь ихъ, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, не заботясь о средствахъ.

— Каждое средство хорошо, если оно дѣйствительно.

— Это и есть семитская философія.

— Наплевать мнѣ на все. Не арійская и не семитская философія, а просто купеческая.

— Ну, довольно. Поговоримъ объ этомъ когда нибудь въ другой разъ. Я потому дѣлюсь съ вами, что вы мои компаньоны и старые товарищи. Даже моя амбиція требуетъ, чтобы я оказалъ услугу друзьямъ.

— Дорогая амбиція.

— Ты оцѣниваешь ее?

— Вѣдь все оцѣнивается.

— Во сколько-же ты цѣнишь наши старыя пріятельскія отношенія?

— Не смѣйся, если я скажу тебѣ, что твою дружбу я могъ бы перевести на рубли, потому что, благодаря ей, бла-

годаря тому, что мы живемъ вмѣстѣ, у меня тысячъ на двадцать больше кредита. Говорю тебѣ это совершенно искренно.

Боровецкій отъ души расхохотался, глубоко удовлетворенный словами Морица.

— То, что я дѣлаю, сдѣлалъ бы и ты, сдѣлалъ бы и Баумъ.

— Сомнѣваюсь, Карлъ, очень на счетъ Макса: онъ умный человѣкъ, — купецъ... Но что касается меня, я бы сдѣлалъ это съ величайшимъ удовольствіемъ.

Онъ сталъ поглаживать бороду и надѣвать пенснэ, чтобы скрыть выраженіе глазъ и рта, которое говорило совсѣмъ другое.

— Ты шляхтичъ, ты настоящій von Боровецкій.

— Максъ! Вставай, соня! — кричалъ Карлъ надъ самымъ ухомъ Баума.

— Не буди меня!—ревѣлъ въ бѣшенствѣ, размахивая ногами, Максъ.

— Не брыкайся, а вставай, есть важныя новости.

— Зачѣмъ ты его будишь Карлъ?—тихо шепнулъ Морицъ.

— Вѣдь мы втроемъ должны посовѣтоваться...

— Почему бы намъ не устроить это дѣло вдвоемъ?

— Нѣтъ, мы сдѣлаемъ его втроемъ, — холодно сказалъ Боровецкій.

— Да и я говорю то же самое! Мы могли бы составить планъ безъ него, а когда онъ встанетъ, проспится, мы скажемъ! Мы составляемъ въ Лодзи брилліантовую компанію.

Онъ бѣгалъ по комнатѣ все быстрѣе, говорилъ о будущихъ барышахъ, сыпалъ цыфрами, присаживался на минуту къ столу, бралъ въ обѣ руки стаканъ съ чаемъ и пилъ; онъ такъ волновался, что его пенснэ постоянно падало въ стаканъ; съ бранью Морицъ вытиралъ его о полы сюртука и опять бѣгалъ, или, наклонясь надъ столомъ, чертилъ на клеенкѣ колонны цыфръ, которыя тотчасъ стиралъ пальцемъ.

Между тѣмъ Баумъ успѣлъ выспаться, всталъ, выругался на нѣсколькихъ языкахъ, выпилъ огромное количество чаю, съѣлъ всѣ остатки ужина, какіе нашелъ на тарелкахъ, закурилъ короткую англійскую трубку и, поглаживая свою небольшую лысину, проворчалъ:

— Ну, чего вамъ нужно? Говорите скорѣй, а то мнѣ хочется спать.

— Не захочешь, когда узнаешь.

— Не мели вздора!

Карлъ прочелъ ему телеграмму.

Морицъ изложилъ планъ, который былъ очень простъ: достать денегъ, много денегъ, тотчасъ ѣхать въ Гамбургъ, купить, сколько можно, сырой хлопчатой бумаги и транспор-

тировать ее въ Лодзь, прежде чѣмъ войдетъ въ силу законъ о повышенной пошлинѣ и тарифѣ. И, конечно, продать все съ возможно большимъ барышомъ.

Баумъ долго думалъ, записывалъ что-то въ записной книжечкѣ, курилъ трубку и, наконецъ, вытряхнувъ пепелъ на блюдечко, сказалъ:

— Запишите за мной десять тысячъ, больше я не могу дать. Спокойной ночи!

Онъ всталъ со стула, чтобы лечь.

— Погоди же! Мы должны столковаться. Еще успѣешь выспаться.

— Чортъ васъ побери съ вашими совѣщаніями. Ахъ, эти поляки! Въ Ригѣ цѣлыхъ три года мнѣ приходилось мало спать, потому что по цѣлымъ ночамъ совѣщались у меня... и въ Лодзи то же самое.

Онъ съ неудовольствіемъ сѣлъ и началъ набивать трубку.

— Морицъ, ты сколько даешь?

— Тоже десять тысячъ. Я не раздобуду больше.

— Значитъ, и я столько же.

— Убытки и барыши поровну.

— Но кто изъ насъ поѣдетъ?—спросилъ Баумъ.

— Можетъ ѣхать только Морицъ, потому что онъ понимаетъ дѣло: его спеціальность.

— Хорошо, я поѣду. Сколько дадите сейчасъ?

— У меня есть пятнадцать рублей, могу прибавить еще брилліантовое кольцо, которое ты заложишь у тетки, — она дастъ тебѣ больше, чѣмъ мнѣ,—сказалъ съ ироніей Максъ.

— У меня съ собой сейчасъ... 400 рублей, я могу дать изъ нихъ 300 рублей.

— Кто поручится за тебя Баумъ?

— Я дамъ наличными.

— Я же, если не раздобуду во время наличныхъ, дамъ векселя съ хорошимъ поручительствомъ.

Водворилось молчаніе. Максъ положилъ голову на столъ и смотрѣлъ на Морица, который быстро что-то писалъ и разсчитывалъ. Карлъ медленно ходилъ по комнатѣ и нюхалъ дорогіе духи въ изящномъ флаконѣ.

Давно начался день, и сквозь окна, закрытыя гипюровыми занавѣсками, пробивался бѣлый утренній свѣтъ, отъ котораго блѣднѣлъ свѣтъ лампы и свѣчей, горѣвшихъ въ большихъ бронзовыхъ канделябрахъ.

Безконечная тишина, воскресная тишина Лодзи, разливалась по городу. Отдаленный грохотъ извозчичьей пролетки разносился, какъ громъ, по затвердѣвшей грязи въ пустой, какъ будто вымершей, улицѣ.

Карлъ открылъ форточку, чтобы подышать немного свѣжимъ воздухомъ, и выглянулъ на улицу.

Иней покрывалъ мостовую и крыши и искрился, какъ брилліанты, на солнцѣ, которое поднялось гдѣ-то далеко за Лодзью, за фабриками; трубы, подобно густому, угрюмому лѣсу, вырѣзывались своими могучими, суровыми профилями на фонѣ золотисто-голубого неба.

— А если не выговоритъ дѣло?—спросилъ Карлъ, отходя отъ окна.

— Ну, тогда мы будемъ въ убыткѣ, и больше ничего,—проворчалъ равнодушно Максъ.

— Мы можемъ понести тройную потерю: капитала, прибыли, а можетъ быть, и фабрики.

— Это невозможно,—крикнулъ Максъ, ударяя кулакомъ по столу. — Мы должны ее имѣть. Я не могу больше выносить отца. И долго-ли протянетъ мой фатеръ? Еще годъ — два—и его съѣдятъ зятья и обглодаетъ Цукеръ: онъ вѣдь уже началъ глодать, поддѣлываетъ наши цвѣтныя одѣяла и продаетъ ихъ на 50% дешевле; живьемъ ѣстъ насъ. Я не способенъ быть батракомъ для чужихъ. Мнѣ уже тридцать лѣтъ, я долженъ жить для себя!

— И я говорю, что невозможно. Фабрику такъ или иначе, но мы должны имѣть. Я тоже больше не выдержу у Бухгольца.

— Вы трусите?—спросилъ Морицъ.

— Естественное опасеніе: можемъ потерять все.

— Ты, Карлъ, не можешь погибнуть ни въ какомъ случаѣ: съ твоей спеціальностью, съ твоей фамиліей, съ твоимъ von, съ твоей наружностью ты всегда можешь получить милліонъ, хотя бы съ дочкой Мюллера въ придачу.

— Не говори вздора: у меня невѣста, которую я люблю.

— Это ничему не мѣшаетъ: можно имѣть сразу двухъ невѣстъ и обѣихъ любить, а жениться на третьей, у которой есть деньги.

Карлъ ничего не отвѣтилъ: ему вспомнилась панна Мада и ея наивное щебетаніе; онъ ходилъ по комнатѣ, а Максъ сидѣлъ на столѣ, курилъ трубку и болталъ длинными ногами, подставляя лицо лучамъ солнца, которое пробивалось въ окна и бросало длинную золотую полосу на него и на черную голову Морица, сидѣвшаго на другомъ концѣ стола.

— Если вы боитесь риска, я вамъ дамъ совѣтъ, или, вѣрнѣе, скажу, что это дѣйствительно рискованно. Что, если объ этомъ дѣлѣ знаетъ уже вся хлопчато-бумажная Лодзь? Что, если въ Гамбургѣ я застану ихъ всѣхъ? Или, благодаря большому спросу, хлопчатая бумага начнетъ слишкомъ подниматься въ цѣнѣ?

— А если въ Лодзи намъ некому будетъ продавать ее? тогда что?

— Оставимъ ее для своей фабрики и заработаемъ еще больше,—замѣтилъ Максъ, подставляя подъ солнечные лучи одно ухо.

— Но есть исходъ. Можно заработать и безъ риска.

— Какимъ образомъ?—спросилъ Карлъ, подходя къ Морицу.

— Отдайте мнѣ все дѣло. Я вамъ дамъ по пяти или хоть по десяти тысячъ отступного, при томъ наличными baresgeld, чрезъ нѣсколько часовъ.

— Свинья!—пробормоталъ Максъ.

— Оставь, Максъ, онъ предлагаетъ по дружбѣ.

— Конечно, по дружбѣ, потому что если я потеряю, то вы всетаки можете имѣть фабрику, а если заработаете, то вамъ это не повредитъ.

— Не будемъ терять времени на пустые разговоры; нужно ложиться спать. Покупку совершимъ вмѣстѣ, на общій рискъ, а ты, Морицъ, поѣдешь сегодня въ Гамбургъ.

— Пусть представитъ гарантію, а то онъ купитъ за наши деньги, а потомъ скажетъ, что купилъ для себя. Онъ способенъ на это!

— Значитъ, наша дружба и мое слово ни чорта не стоятъ? что ты говоришь, Максъ?—вскрикнулъ возмущенно Морицъ.

— Твое слово—золото, дружба—хорошій вексель, но обезпеченіе ты всетаки дай: такова коммерція.

— Мы устроимъ такъ, что Морицъ купитъ и тотчасъ вышлетъ большой скоростью, наложеннымъ платежомъ.

— А какже я могу быть увѣреннымъ, что вы меня не выключите изъ компаніи?

— Свинья!—крикнулъ глубоко оскорбленный Максъ, ударяя кулакомъ по столу.

— Тише, Максъ, онъ правъ: мы сейчасъ составимъ письменный договоръ, который потомъ сдѣлаемъ нотаріальнымъ.

Они написали договоръ, съ большимъ количествомъ пунктовъ, гдѣ все предвидѣлось.

— Ну, теперь мы стоимъ на реальной почвѣ. Сколько вы дадите мнѣ за хлопоты?

— Сейчасъ — обычныя коммиссіонныя за покупку, а послѣ—столкуемся.

— Дайте мнѣ сейчасъ сколько нибудь. Я представлю вамъ подробный счетъ расходовъ, которые сдѣлаю въ Гамбургѣ, и потерь по моей агентурѣ, которой за это время я не могу заниматься.

— Свинья!—снова сказалъ Максъ и повернулся другой щекой къ солнцу.

— Максъ, ты мнѣ сказалъ три раза: свинья, а я отвѣчу тебѣ только разъ: дуракъ! Ты помни, что намъ предстоитъ не романъ, не супружеская жизнь, а афера. Я самъ надулъ бы даже Господа Бога, если бъ было возможно, а ты говоришь мнѣ: свинья за то, что я хочу слѣдующаго мнѣ по праву. Спроси Карла, правъ ли я?

— Пошелъ къ чорту, провались!

— Ну, успокойтесь, не ссорьтесь... Ты, Морицъ, ѣдешь курьерскимъ, ночью?

— Да.

— Но только, милые мои, помните, что ни сегодня, ни завтра, никогда никто не долженъ знать, откуда мы получили извѣстіе о хлопчатой бумагѣ.

— Развѣ мы знаемъ что-нибудь?

— Тайна втроемъ перестаетъ быть тайной.

— Ложитесь спать. И ты, Карлъ, не буди уже меня. Давай, Морицъ, хоть поцѣлуемся на прощанье, до отъѣзда вѣдь не увижу тебя. Ну, будь здоровъ, дружище, и не надуй насъ, — говорилъ онъ шутливо, искренно цѣлуя Морица; не смотря на постоянныя ссоры и брань, они любили другъ друга.

— Развѣ тебя кто-нибудь обманетъ!—проворчалъ Морицъ какъ будто съ сожалѣніемъ.

— Да, ты добрый малый, но отъ тебя за версту пахнетъ жуликомъ.

Было уже больше двѣнадцати, когда Карлъ проснулся.

Солнце свѣтило прямо въ окна и заливало своимъ блескомъ всю комнату, меблированную съ изысканной роскошью.

Матвѣй, умытый, разодѣтый по праздничному, вошелъ на цыпочкахъ.

— Есть что нибудь?—спросилъ Карлъ, потому что часто ночью Бухгольцъ присылалъ разныя распоряженія.

— Съ фабрики нѣтъ ничего, но есть изъ Курова съ письмомъ. Ждутъ съ утра.

— Пусть посидятъ, принеси письмо, а имъ дай чаю. Ты уже протрезвился?

— На глянцъ, пане директоръ.

— Вижу: привелъ лицо въ порядокъ.

Матвѣй опустилъ глаза и началъ переступать съ ноги на ногу.

— Если еще разъ напьешься, больше не показывайся мнѣ.

— Больше этого не будетъ! — Матвѣй ударилъ себя въ грудь.

— Голова у тебя не болитъ?

— Нѣтъ, но мнѣ очень обидно. Я очень прошу васъ:

разрѣшите мнѣ, мой дорогой пане... какъ собака, буду служить вамъ за это.

— Что же разрѣшить тебѣ?—спросилъ съ любопытствомъ Боровецкій, продолжая одѣваться.

— Пересчитать ребра тѣмъ швабамъ, которые такъ отдѣлали меня.

— Какой ты мстительный!..

— Нѣтъ, я не мстительный, но не прощу ни обиды, ни своей пролитой католической крови.

— Да дѣлай что угодно, лишь бы еще лучше не разукрасили твоей физіономіи.

— Ужъ я имъ сдѣлаю такую протраву, что никто ея не смоетъ,—проговорилъ Матвѣй, стиснувъ зубы отъ внезапной злобы, которая вдругъ овладѣла его сердцемъ, и синяки его сдѣлались пунцовыми.

Карлъ пошелъ будить товарищей.

Ихъ уже не было.

— Матвѣй, господа давно ушли?

— Панъ Баумъ всталъ въ девять часовъ, телефонировалъ домой, чтобы прислали лошадей, и сейчасъ же уѣхалъ.

— Ну, ну, чудеса!

— А панъ Морицъ вышелъ въ одиннадцать часовъ. Велѣлъ мнѣ уложить дорожный саквояжъ и отнести къ ночному курьерскому поѣзду.

— Позови-ка пріѣхавшихъ изъ Курова.

Боровецкій чувствовалъ себя больнымъ, потиралъ виски, въ головѣ было тяжело, по тѣлу пробѣгала нервная дрожь. Ему не хотѣлось сидѣть, но онъ съ отвращеніемъ думалъ и о томъ, что нужно двинуться съ мѣста.

Происшествія минувшей ночи: театръ, ложи, Люси, трактиръ, телеграмма, Морицъ и Баумъ мелькали въ его мозгу, какъ въ туманѣ, и исчезали, оставляя послѣ себя тоску и усталость.

Онъ засмотрѣлся на изящную маленькую вазу, съ прекраснымъ золотымъ рисункомъ, на золотистыя лиліи на фонѣ яркаго пурпура хрусталя, сквозь который просвѣчивало солнце и бросало кроваво-оранжевую тѣнь на шелковую цвѣта кремъ скатерть.

— Красивыя сочетанія,—думалъ онъ, но ему уже надоѣло смотрѣть.

— Благословенно имя Господне!—раздался чей-то голосъ.

Онъ повернулся и увидѣлъ вошедшихъ крестьянъ.

— Это вы изъ Курова? Есть письмо отъ барышни?

Онъ протянулъ руку и замѣтилъ, что она пожелтѣла.

— Есть, дай-ка, мать, вельможному пану,—сказалъ серьезно мужикъ въ бѣломъ кафтанѣ, вышитомъ по швамъ черной

тесьмой, въ штанахъ съ поперечными красными, бѣлыми и зелеными полосами, въ красной жилеткѣ съ мѣдными пуговицами и съ красной ленточкой вмѣсто пояса; онъ стоялъ, выпрямившись у двери, прижималъ къ груди барашковую шапку и смотрѣлъ своими синими глазами на Боровецкаго, по временамъ откидывая движеніемъ головы гриву льняныхъ волосъ, которые падали на его старательно выбритое лицо.

Женщина вынула изъ тряпочки пакетъ и подала Карлу. Онъ быстро пробѣжалъ письмо и спросилъ:

— Васъ зовутъ Соха?

— Такъ точно, Соха. Говори, мать, — шепнулъ мужикъ, толкнувъ локтемъ жену.

— Вѣрно, онъ прозывается Соха, а я его жена, и мы пришли просить у вельможнаго пана работы на фабрикѣ и...— она остановилась, посматривая на мужа.

— Правильно, работы; говори, мать, по порядку.

— Отецъ и барышня пишутъ мнѣ о вашемъ несчастьи. Вы погорѣли?

— Погорѣли; разскажи, мать, какъ было.

— А вотъ какъ, вельможный пане, я разскажу по совѣсти, какъ на исповѣди. Наша хата рядомъ съ усадьбой, на краю деревни. Земли мой мужикъ купилъ всего два морга и двадцать пять прентовъ, которые продалъ намъ отецъ вельможнаго пана за триста злотыхъ. Пропитаться этимъ нельзя. Картофель былъ свой, корова тоже, свинья, лошадь была,— мой старикъ занимался извозомъ и возилъ разныхъ людей на желѣзную дорогу, иной разъ, случалось, даже за рубль. А меня барышня постоянно приглашала къ себѣ то для стирки, то для выдѣлки холста, то—когда телилась корова. Святая барышня! нашего Валека такъ обучила, что мальчикъ читаетъ и печатное, и писанное, обѣдню знаетъ прекрасно и ксендзу Симеону прислуживаетъ за обѣдней. А мальчишкѣ всего десятый годъ,—она остановилась, чтобы вытереть носъ фартукомъ и осушить заслезившіеся отъ полноты чувствъ глаза.

— Правда, моему сыну Валеку десятый годъ; говори, мать, въ точности,—шепнулъ серьезно мужикъ.

— Конечно, десятый, не то на Рождество, не то на Успеніе Пресвятой Богородицы.

— Говорите скорѣе, у меня нѣтъ времени,—сказалъ Боровецкій, который, хотя скучалъ во время этого безпорядочнаго разсказа и мало слушалъ, но сидѣлъ терпѣливо, зная, что крестьяне любятъ прежде всего выговориться вдоволь, и дѣлалъ это главнымъ образомъ потому, что они были изъ Курова.

— Говори мать, что еще осталось: вельможный панъ спѣшитъ.

— И вотъ по милости Божьей и по добротѣ барышни, и потому, что старикъ имѣлъ лошадь и зарабатывалъ, а иногда удавалось продать то курицу, то поросенка, то гуся или малость молока, масла, яицъ,—жилось намъ не худо. Вся деревня завидовала, что мы первые въ усадьбѣ, что насъ барышня уважаетъ, что въ хатѣ образа красивые, въ золотыхъ рамахъ, и одежда всегда въ порядкѣ, и не деремся мы, потому что барышня всегда говоритъ, что это грѣхъ; а такъ какъ мой мужикъ и у ксендза Симеона часто бывалъ и возилъ его на желѣзную дорогу, то за все это намъ мстили. И хуже всѣхъ была Петрова, у которой земля рядомъ съ нашей. Такая сварливая, что ей не разъ ксендзъ съ амвона напоминалъ. Ничего не помогало, постоянно только лѣзла драться со мной. И такая дрянь, — по всей деревнѣ лаяла, что я будто со двора выношу кашу, а мой мужикъ крадетъ сѣно изъ помѣщичьихъ стоговъ... Пусть проклятый языкъ у нея отсохнетъ, если мы что-нибудь брали!.. Да и не только говорила!

— Что же она еще сдѣлала?—спросилъ онъ съ отчаяніемъ, потому что, ободренная его благосклоннымъ взглядомъ, женщина распространялась все больше и больше.

— Изъ-за нея мы и погорѣли. Дѣло было сосѣдское, часто случается: мои гуси перешли на ея поле, потравы не было — только пощипали малость травы, а эта сука зачумленная затравила ихъ собаками. Чтобъ ей издохнуть безъ покаянія! Пропало пять гусей, отъ собаки. Сколько я плакалась, даже трудно сказать. Старикъ пріѣхалъ, я ему разсказываю, онъ мнѣ и говоритъ: съ такой ничего не подѣлаешь, нужно побить ее хорошенько.

— Правда, я сказалъ; говори дальше, мать.

— Избила я ее по совѣсти, натрепала за косы, которыя у нея, какъ у вѣдьмы; вымазала навозмъ, истоптала ногами. А она потомъ у меня поросенка убила. Мы пошли судиться. Пусть разсудятъ, кто правъ, кто виноватъ!—вскрикнула женщина, поднявъ руки.

— А когда же она васъ подожгла?

— Я не говорю, что она, а только изъ-за нея, потому, когда мы сидѣли въ судѣ, прибѣгаетъ служитель и говоритъ: „Соха, у васъ хата горитъ!“ Господи Боже! мнѣ будто кости кто перебилъ, съ мѣста двинуться не могла.

— Ну, довольно, я понимаю. А теперь вы хотите найти работу на фабрикѣ?

— Такъ, такъ, вельможный пане! Потому что теперь мы

стали нищими, все у насъ сгорѣло: и хата, и сѣновалъ, все, теперь остается только милостыню просить.

Она начала истерически плакать, а мужикъ продолжалъ стоять серьезно, всматриваясь въ Боровецкаго, откидывая тѣмъ же движеніемъ головы свою гриву, которая поминутно падала ему на глаза и лицо.

— Знаете вы кого-нибудь въ Лодзи?

— Есть тутъ изъ нашихъ мѣстъ: Антекъ Михайловъ... разскажи, мать, все по порядку.

— Есть то есть; только неизвѣстно, гдѣ ихъ искать.

— Зайдите ко мнѣ, Соха, во вторникъ, въ часъ. Я найду вамъ работу. Матвѣй!—крикнулъ онъ лакею,—пріищи имъ квартиру и позаботься о нихъ.

Матвѣй смотрѣлъ недовольно и презрительно.

— Ну, ступайте съ Богомъ, а во вторникъ приходите.

— Придемъ. Говори, мать!

Женщина наклонилась къ ногамъ Карла и, обнимая ихъ, проговорила:

— А вотъ отъ послѣдней курицы, которая сгорѣла, я собрала десятокъ яицъ, примите, вельможный пане, на здоровье, даю ихъ отъ всего сердца,—и она положила узелокъ къ его ногамъ.

— Правда, пусть будутъ на здоровье,—сказалъ мужикъ и тоже поклонился въ ноги.

— Ну, хорошо, благодарю васъ, придите во вторникъ.

Онъ пошелъ въ другую комнату.

— Что за пещерные люди! какіе-то пережитки, — думалъ онъ, ходя нѣсколько взволнованный, потомъ сѣлъ и началъ читать письмо отъ невѣсты.

„Мой дорогой панъ Карлъ!

Отъ души благодарю за послѣднее письмо, которое доставило дѣдушкѣ большое удовольствіе, а меня растрогало и привело въ восторгъ. Какой вы добрый! съ нарочнымъ прислали цвѣты...“

Карлъ насмѣшливо улыбнулся: цвѣты онъ получилъ отъ любовницы въ такомъ количествѣ, что не зналъ, что съ ними дѣлать, и послалъ невѣстѣ.

„Какія прелестныя розы! вѣрно, не лодзинскія? а можетъ быть, дорогой мой панъ выписалъ ихъ изъ Ниццы, какъ прошлый разъ? Это было бы мнѣ и пріятно, и очень грустно, потому что я не могу отвѣтить вамъ чѣмъ-нибудь столь же прекраснымъ. Знаете, онѣ даже сегодня, спустя двѣ недѣли, совсѣмъ свѣжія, — это удивительно. Правда, я очень берегу ихъ, хотя нѣтъ ни одного листочка, котораго бы я не коснулась губами, говоря: люблю. Да... дѣдушка смѣется надо мной и говоритъ, что напишетъ вамъ объ

этомъ, но лучше я сама признаюсь... Вы не разсердитесь, правда?..“

— Анка, моя дорогая!—прошепталъ онъ, охваченный волненіемъ, и просвѣтленными глазами началъ читать дальше:

„На счетъ денегъ уже устроено: онѣ лежатъ въ Коммерческомъ Банкѣ, въ вашемъ распоряженіи, потому что я велѣла записать ихъ на ваше, то-есть, на наше имя...“

— Золотая дѣвушка!

„Когда-жъ будетъ ваша фабрика? Я съ такимъ нетерпѣніемъ, жду ее, такъ хочется увидѣть моего дорогого пана въ роли фабриканта! Дѣдушка сдѣлалъ себѣ даже свистокъ, чтобы будить имъ насъ, сзывать на завтраки и обѣды.

„Вчера былъ у насъ панъ Адамъ Ставскій,—помните его? вы, кажется, были съ нимъ въ одной гимназіи. Онъ разсказывалъ очень интересные и смѣшные случаи изъ вашей жизни. Отъ него я въ первый разъ узнала, что мой милый панъ Карлъ пользовался успѣхомъ у женщинъ уже въ гимназіи. Но дѣдушка рѣшительно отрицаетъ это и говоритъ, что панъ Адамъ лгунъ отчаянный. Кому прикажете вѣрить?

„Панъ Адамъ все потерялъ, имѣніе его продано; скоро онъ собирается ѣхать въ Лодзь, зайдетъ и къ вамъ“.

— Еще одинъ кисляй! — подумалъ Боровецкій съ неудовольствіемъ.

„У него есть какой-то проектъ важнаго изобрѣтенія, и онъ увѣренъ, что, благодаря ему, составитъ въ Лодзи капиталъ“.

— Идіотъ! не первый и не послѣдній.

„Надо кончать письмо, глаза слипаются, и дѣдушка говоритъ, что пора спать. Спокойной ночи, король мой, золотой мой, спокойной ночи! Завтра напишу больше. Спокойной ночи.

Анка“.

Въ припискѣ она еще разъ горячо просила заняться подателями письма.

— Деньги есть, это хорошо, это очень хорошо! Двадцать тысячъ рублей! Золотая дѣвушка! Безъ колебаній отдаетъ свое приданое.

Онъ еще разъ прочиталъ письмо и спряталъ его въ конторку.

— Золотая, добрая, самоотверженная дѣвушка, но... Зачѣмъ существуетъ это „но“, чортъ возьми! — онъ топнулъ ногой и началъ безсмысленно разбирать кучи бумагъ на столѣ.

— Да, добрая, можетъ быть, самая лучшая изъ всѣхъ, какихъ я знаю, но... но въ сущности какое мнѣ до нея дѣло?.. Развѣ я ее люблю? Развѣ я ее когда-нибудь любилъ?

Нужно искренно поставить этотъ вопросъ,—думалъ онъ, вспоминая всѣ подробности.

— Лошади пана Бухгольца пріѣхали за вами, пане директоръ,—объявилъ Матвѣй.

Боровецкій сѣлъ въ карету и отправился къ Бухгольцу.

Бухгольцъ жилъ въ самомъ концѣ города. Въ большомъ паркѣ, граничившемъ съ одной стороны со стѣнами фабрикъ, которыя возвышались надъ нимъ, стоялъ одноэтажный домъ-дворецъ, построенный въ стилѣ „лодзинско-берлинскаго“ ренесанса, съ пузатыми башнями на углахъ, съ цѣлымъ рядомъ роскошныхъ мансардъ, съ террасой на крышѣ, обведенной желѣзной баллюстрадой.

Группа большихъ печальныхъ березъ бѣлѣла на главномъ газонѣ у подъѣзда. Тропинки были посыпаны угольнымъ порошкомъ и извивались, какъ ленты чёрной саржи, среди обвязанныхъ соломой розъ и южныхъ деревьевъ, которыя, словно часовые, окружали большой четыреугольный газонъ, на углахъ котораго стояли четыре статуи, закутанныя на зиму въ куски бумазейной матеріи, порыжѣвшей отъ дождей и морозовъ.

Въ одномъ концѣ парка, у красныхъ стѣнъ фабрики, сквозь низкіе кусты и деревья, блестѣли на солнцѣ окна оранжереи.

Паркъ имѣлъ печальный и заброшенный видъ.

Лакей въ черной ливреѣ открылъ Боровецкому большую дверь въ переднюю съ большимъ ковромъ и увѣшанную фотографіями фабрикъ, группами рабочихъ и планами имѣнія Бухгольца.

Четыре двери вели вглубь квартиры, а узкая желѣзная лѣстница—въ мансарды.

Большой желѣзный фонарь въ готическомъ стилѣ, висѣвшій у потолка, разсѣвалъ мягкій свѣтъ, который тусклыми, точно выцвѣтшими пятнами падалъ на темный коверъ и обитыя деревомъ стѣны.

— Гдѣ баринъ?

— Наверху, въ кабинетѣ.

Лакей шелъ впереди, приподнимая портьеры, открывая двери, а Боровецкій медленно слѣдовалъ за нимъ по великолѣпнымъ съ тяжелой меблировкой комнатамъ, почти совершенно темнымъ отъ спущенныхъ занавѣсей. Кругомъ была полная тишина: звуки шаговъ замирали въ коврахъ.

Торжественная, холодная внушительность царила въ квартирѣ; мебель стояла въ темныхъ чехлахъ, зеркала, большія люстры, канделябры, даже картины на стѣнахъ были завѣшены и тонули въ темнотѣ; блестѣли лишь бронзовыя украшенія маіоликовыхъ печей да позолота лѣпныхъ потолковъ.

— Herr von Боровецкій! — торжественно объявилъ лакей въ одной изъ комнатъ, гдѣ у окна, въ глубокомъ креслѣ, съ чулкомъ въ рукѣ сидѣла мадамъ Бухгольцъ.

— Gut morgen, Herr Боровецкій,—обратилась она къ нему, вынула спицу и протянула руку какимъ-то автоматическимъ движеніемъ.

— Gut morgen, мадамъ,—онъ поцѣловалъ ея руку и пошелъ дальше.

— Каналья! Каналья!—закричалъ за нимъ попугай, уцѣпившись когтями за подоконникъ.

Госпожа Бухгольцъ погладила его, дружелюбно улыбнулась кучѣ воробьевъ, которые суетились на деревьяхъ подъ окнами, посмотрѣла въ солнечную даль и снова взялась за чулокъ.

Бухгольцъ сидѣлъ передъ большой печью изъ зеленыхъ данцигскихъ изразцовъ, съ великолѣпными орнаментами, и поправлялъ безпрестанно дрова своей неразлучной палкой.

— Здравствуйте! Каналья, кресло барину,—крикнулъ онъ лакею, который стоялъ у дверей, слѣдя за каждымъ движеніемъ фабриканта.

Карлъ сѣлъ рядомъ, спиной къ стѣнѣ.

Бухгольцъ поднялъ на него свои ястребиные красные глаза и довольно долго пронизывалъ его своимъ взоромъ.

— Я боленъ,—проговорилъ онъ, указывая на ноги, закутанныя въ бѣлую фланель и лежавшія на табуретѣ противъ огня, точно двѣ штуки матеріи.

— Все ревматизмъ?

— Да, да,—хрипѣлъ Бухгольцъ, и какая-то болѣзненная конвульсія искривила его сѣро-желтое круглое лицо.

— Жаль, что вы не уѣхали на зиму въ Санъ-Ремо или куда-нибудь на югъ.

— Никакой пользы не было бы, я только порадовалъ бы Шаю и всѣхъ тѣхъ, которымъ хочется, чтобы я издохъ какъ можно скорѣе... Каналья, поправь! — крикнулъ онъ лакею, показывая на свою ногу, сползавшую съ табурета.—Осторожно! осторожно!—закричалъ онъ.

— Я думаю, немногимъ хотѣлось бы вашей смерти, очень немногимъ, пожалуй, даже никому въ Лодзи, я увѣренъ, что никому.

— Что вы мнѣ разсказываете! всѣ хотятъ, чтобы я умеръ, всѣ, и потому именнно я на зло буду еще долго жить; вы думаете, у меня нѣтъ завистниковъ?

— У всякаго они есть.

— Сколько Шая далъ бы за мою смерть, какъ вы думаете?

— За ваше банкротство, если бы оно было возможно, онъ далъ бы очень, очень много, не смотря на свою скупость.

— Вы думаете?—шепнулъ Бухгольцъ, и глаза его сверкнули ненавистью.

— Вся Лодзь это знаетъ.

— Онъ и тогда надулъ бы кого-нибудь: заплатилъ бы фальшивыми деньгами или ничего не стоющими векселями. Каналья...—онъ опустилъ голову на грудь, на старый ватный халатъ, съ заплатами на локтяхъ, и засмотрѣлся на огонь.

Боровецкій, опытный въ раболѣпной субординаціи передъ лицомъ милліонеровъ, не осмѣливался говорить и терпѣливо ждалъ, пока начнетъ хозяинъ.

Онъ разсматривалъ кабинетъ, обитый темно-вишневымъ шелкомъ съ широкимъ золотымъ бордюромъ. Нѣсколько грубыхъ нѣмецкихъ гравюръ висѣло по стѣнамъ. Громадная конторка краснаго дерева стояла въ углу между двумя окнами, прикрытыми экранами изъ цвѣтныхъ стеколъ. Линолеумъ подъ паркетъ, покрывавшій полъ кабинета, былъ сильно истоптанъ.

— Я слушаю васъ,—проворчалъ рѣзко Бухгольцъ.

— Мы говорили о Шаѣ.

— Оставимъ это... Каналья! пусть явится сюда Гамеръ. Мнѣ черезъ пять минутъ нужно принимать пилюли, а этого шута еще нѣтъ!.. Вы знаете вчерашнія новости?

— Слышалъ, панъ Кнолль говорилъ мнѣ въ театрѣ.

— Вы бываете въ театрѣ?

Его глаза заблестѣли презрительной злобой.

— Я не понимаю вашего вопроса.

— Правда, вы полякъ, вы von,—лицо фабриканта искривилось, какъ будто отъ смѣха.

— Вѣдь и вы бываете въ театрѣ.

— Я называюсь Бухгольцъ, пане von Боровецкій. Я могу бывать вездѣ, гдѣ мнѣ нравится, — поднявъ голову, посмотрѣлъ онъ высокомѣрно.

— Тутъ виноваты театры: вмѣсто того, чтобы быть только для нѣкоторыхъ людей, они открываются для всѣхъ, кто только можетъ купить себѣ мѣсто, — проговорилъ Боровецкій и не могъ удержать иронической улыбки.

— Я васъ не слушаю, — крикнулъ Бухгольцъ и такъ злобно ударилъ палкой въ горящія дрова, что искры посыпались въ комнату.

— Простите, я ухожу, — сказалъ раздраженный послѣдними словами Боровецкій, вставая со стула.

— Сидите, сейчасъ будетъ обѣдъ. Тутъ нечего обижаться... Вѣдь вы знаете, какъ я васъ цѣню, вы исключительный полякъ. Кнолль разсказывалъ вамъ обо всемъ?

— О послѣднихъ банкротствахъ.

— Да, да... Онъ уѣхалъ по важному дѣлу, и я прошу

васъ замѣнить его на все время отсутствія. Моррисъ замѣнитъ васъ въ печатнѣ.

— Хорошо... Что касается Морриса, то это очень способный человѣкъ.

— И глупый. Садитесь же! Я люблю поляковъ, но съ ними совсѣмъ нельзя разговаривать: изъ-за каждаго пустяка обижаются и сейчасъ воротятъ носъ. Langsam, пане Боровецкій, langsam, вы не забывайте, что вы—мой человѣкъ.

— Вы слишкомъ часто напоминаете мнѣ объ этомъ, чтобы я могъ хоть на минуту забыть.

— Вы считаете это лишнимъ? — спросилъ Бухгольцъ, смотря на него съ добродушной улыбкой.

— Все зависитъ отъ того, съ кѣмъ имѣешь дѣло.

— Я вамъ далъ лошадей и заставилъ васъ править ими безъ кнута и безъ возжей.

— Сравненіе, само по себѣ, недурное, только оно не очень примѣнимо ко всѣмъ намъ, работающимъ у васъ.

— Я не примѣняю его къ вамъ и къ нѣкоторымъ вашимъ, понимаете, — нѣкоторымъ товарищамъ, а только къ черной рабочей массѣ...

— И рабочая масса тоже люди.

— Скоты, скоты!—крикнулъ онъ, ударяя изо всей силы палкой по табурету.—Вы не смотрите на меня такъ: я могу это говорить, потому что кормлю ихъ.

— Да, но они достаточно работаютъ за вашъ кормъ.

— Я имъ даю заработокъ, они должны цѣловать мнѣ ноги, если бы не я, то чтó было бы съ ними?

— Они нашли бы работу гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, — отвѣтилъ Боровецкій, чувствуя, какъ имъ начинаетъ овладѣвать злоба.

— Издохли бы съ голода, пане Боровецкій, какъ собаки, подохли бы.

Боровецкій не возражалъ: онъ былъ раздраженъ глупымъ высокомѣріемъ Бухгольца, который вообще представлялъ исключеніе между лодзинскими фабрикантами по своему уму и образованію.

— Пане, я уже шелъ къ вамъ съ пилюлями, когда меня встрѣтилъ Августъ,—сказалъ вошедшій докторъ.

— Тише! Еще цѣлыхъ двѣ минуты. Подожди! — бросилъ Бухгольцъ рѣзко доктору, который немного смутился такимъ пріемомъ, но покорно замеръ въ нѣсколькихъ шагахъ у дверей и смотрѣлъ испуганнымъ, безпокойнымъ взглядомъ въ лицо Бухгольца, который, всматриваясь въ старые серебряные часы, сидѣлъ молча и нахмурившись.

— Ты, Гамеръ, смотри! я тебѣ плачу и хорошо плачу,— сказалъ онъ немного погодя, не отрывая глазъ отъ часовъ.

— Пане!

— Бухгольцъ говоритъ: тише! — сказалъ тотъ съ удареніемъ и уставился на него глазами. — Я пунктуаленъ: если мнѣ сказали принимать пилюли черезъ часъ, то я принимаю ихъ черезъ часъ... Вы, должно быть, очень здоровы, пане Боровецкій, это видно по вашему лицу.

— Да, я такъ здоровъ, что если бы поработалъ еще въ печатнѣ года два, то навѣрно получилъ бы чахотку. Меня уже предостерегали доктора.

— Два года! много можно напечатать товара за два года... Гамеръ, давай!

Гамеръ съ благоговѣніемъ отсчиталъ пятнадцать гомеопатическихъ пилюлекъ на протянутую ладонь Бухгольца.

— Скорѣй! ты стóишь не меньше хорошей машины, а шевелишься слишкомъ медленно,—пробормоталъ онъ и проглотилъ пилюли.

Лакей подалъ ему на серебряномъ подносѣ стаканъ съ водой запить лѣкарство.

— Онъ заставляетъ меня глотать мышьякъ,—это какой-то новый способъ лѣченія... Посмотримъ, посмотримъ...

— Я уже вижу большое улучшеніе въ вашемъ здоровьи, пане.

— Тише, Гамеръ, никто не спрашиваетъ тебя...

— Давно вы это принимаете?—спросилъ Боровецкій.

— Уже третій мѣсяцъ онъ отравляетъ меня. Можешь идти, Гамеръ!—бросилъ высокомѣрно фабрикантъ.

Докторъ поклонился и вышелъ.

— Мягкій человѣкъ вашъ докторъ: у него нервы будто закутаны ватой,—разсмѣялся Боровецкій.

— Я ему даю вату для нервовъ въ видѣ денегъ. Я хорошо плачу.

— По телефону спрашиваютъ, здѣсь ли панъ Боровецкій? что мнѣ сказать?—объявилъ въ дверяхъ дежурный, приближенный Бухгольца.

— Позволите подойти къ телефону?—спросилъ Боровецкій.

Бухгольцъ небрежно кивнулъ головой.

Карлъ спустился внизъ, въ домашнюю контору Бухгольца.

— Боровецкій. Кто у телефона?—спросилъ онъ, прислушиваясь.

— Люси. Люблю тебя!—донеслись до его уха ослабленные разстояніемъ звуки.

— Сумашедшая!—шепнулъ онъ, иронически улыбаясь.— Добраго утра.

— Приди вечеромъ въ восемь часовъ. Никого не будетъ. Приди. Жду тебя! Слушай: цѣлую тебя, до свиданья.

Дѣйствительно, ему послышался звукъ поцѣлуя.

Телефонъ замолкъ.

— Сумасшедшая! Тяжело будетъ съ ней. Отъ нея нелегко отдѣлаешься,—думалъ онъ, возвращаясь наверхъ, и былъ скорѣе раздраженъ, чѣмъ обрадованъ этимъ оригинальнымъ доказательствомъ любви.

Бухгольцъ, утопая въ креслѣ, положилъ палку на колѣни и перелистывалъ какую-то толстую, наполненную цыфрами брошюру, которая, повидимому, заинтересовала его, такъ какъ онъ поминутно хваталъ нижней губой коротко остриженные усы, или, на фабричномъ жаргонѣ, „сосалъ носъ",—что было признакомъ большого безпокойства.

Цѣлая куча бумагъ лежала возлѣ него на столѣ и только что полученная почта, которую онъ обыкновенно просматривалъ самъ.

— Помогите мнѣ разсортировать письма, пане Боровецкій, замѣните пана Кнолля; кстати я хочу и развлечь васъ немного.

Боровецкій вопросительно взглянулъ.

— Вы увидите, какія и о чемъ пишутъ мнѣ письма.

Онъ положилъ брошюру за спину.

— Давай, каналья!

Лакей собралъ бумаги со стола и сложилъ у него на колѣняхъ.

Бухгольцъ съ необыкновенной быстротой просматривалъ конверты, бросая ихъ черезъ плечо лакею.

— Контора!

Лакей въ воздухѣ подхватывалъ большіе конверты, снабженные названіями фирмъ.

— Кнолль! Письма съ адресомъ зятя.

— Фабрика!

На этихъ конвертахъ стоялъ адресъ фирмы для передачи служащимъ на фабрикѣ.

— Центральная контора! Желѣзнодорожныя накладныя, заказы, счета, трассы.

— Печатня! Прейскуранты красокъ, образчики цвѣтовъ на тонкихъ картонахъ и крашеные образцы рисунковъ.

— Больница! Письма въ фабричную больницу и къ докторамъ.

— Меріенгофъ! Въ управленіе имѣній...

— Особо!

Это были сомнительныя письма, которыя попадали на конторку къ Бухгольцу или забирались Кноллемъ.

— Осторожно, каналья! — махнулъ назадъ палкой Бухгольцъ, услышавъ, что одно письмо упало на полъ, и опять продолжалъ бросать рѣзко и отрывисто, отдавая приказанія.

Лакей едва успѣвалъ ловить конверты и опускать ихъ въ отверстія шкафа съ соотвѣтствующими надписями: письма по трубамъ падали внизъ, въ домашнюю контору, откуда ихъ тотчасъ развозили или разносили.

— А теперь будемъ развлекаться!—сказалъ Бухгольцъ, кончивъ разборку; на колѣняхъ у него осталось нѣсколько писемъ разныхъ форматовъ и цвѣтовъ.—Возьмите и читайте!

Карлъ разорвалъ конвертъ, украшенный вензелемъ, и вынулъ письмо, пахнувшее фіалками и написанное изысканнымъ женскимъ почеркомъ.

— Читайте, читайте,—говорилъ Бухгольцъ, видя, что Боровецкій стѣсняется.

„Ясновельможный пане!

„Ободренная вашей славой и благоговѣніемъ, съ какимъ всѣ несчастные произносятъ ваше имя, я осмѣливаюсь умолять васъ о помощи, и тѣмъ смѣлѣе обращаюсь, что знаю, что такой высокоуважаемый человѣкъ, какъ вы, не оставитъ безъ отвѣта моей просьбы, какъ никогда не оставляетъ безъ покровительства и помощи человѣческой нищеты, сиротскихъ слезъ, страданій и несчастій. Извѣстно всему краю ваше доброе сердце, извѣстно: Богъ знаетъ, кому даетъ милліоны!

— Ха, ха, ха!—смѣялся фабрикантъ тихо и такъ искренно, что почти захлебывался отъ смѣха.

„Насъ преслѣдовали несчастья: градъ, моръ, огонь—и довели насъ до крайняго разоренія, до того, что теперь мой мужъ доживаетъ свои дни въ параличѣ.

— Пусть сдохнетъ!—бросилъ онъ рѣшительно и серьезно.

„А я съ четырьмя дѣтьми умираю отъ голода. Вы поймете ужасъ моего положенія, ужасъ настоящаго моего шага, который дѣлаю я, воспитанная въ другой сферѣ, женщина изъ хорошаго общества: я должна унижаться, и не для себя, потому что я скорѣе умерла бы отъ голода, но ради моихъ невинныхъ дѣтокъ!..“

— Довольно, надоѣло. Въ концѣ концовъ, чего она хочетъ?

— Денегъ на открытіе лавочки въ количествѣ тысячи рублей, — отвѣтилъ Карлъ, быстро прочитавъ остальную часть письма, составленнаго все въ томъ же плаксиво-дѣланномъ стилѣ.

— Въ огонь!—распорядился кратко Бухгольцъ.—Читайте дальше.

Теперь слѣдовало тщательно написанное письмо какой-то вдовы чиновника, у которой было шесть человѣкъ дѣтей и сто пятьдесятъ рублей пенсіи. Она просила отдать на ком-

Южные горнопромышленники и потребители.

I.

Доктора говорятъ, что при нѣкоторыхъ болѣзняхъ самая трудная задача для врача заключается въ томъ, чтобы заставить организмъ паціента принять и переварить необходимое для него цѣлебное средство. Діагнозъ представляется непогрѣшимымъ, лѣкарство найдено и все бы, кажется, хорошо: одна бѣда,—больной не можетъ принимать того прекраснѣйшаго средства, которое навѣрно излѣчило бы его отъ злого недуга. Согласитесь, что трудно въ такомъ случаѣ ручаться за успѣхъ лѣченія, а положеніе врача нельзя не признать затруднительнымъ, а подчасъ и трагическимъ.

Конечно, собираясь говорить о горнопромышленникахъ, я не предполагаю задаваться медицинскими вопросами; но возможность подобныхъ положеній въ лѣчебной практикѣ невольно припомнилась мнѣ, когда я прочиталъ сообщеніе о созывѣ въ Петербургѣ весною этого года особаго съѣзда, цѣль котораго заключается въ изысканіи путей и средствъ къ поднятію въ Россіи потребленія желѣза. Долгое время предполагалось, что слабое развитіе производства желѣза есть одно изъ серьезныхъ бѣдствій нашей родины. Умноженіе числа чугунно-плавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ серьезно разсматривалось, какъ одно изъ могучихъ средствъ къ поднятію благосостоянія Россіи, въ особенности земледѣльческихъ классовъ населенія, которые потому именно и находились въ такомъ печальномъ положеніи, что долгое время не имѣли въ рукахъ въ достаточномъ количествѣ ни *русскихъ* плуговъ, ни *русскаго* гвоздя, ни *русской* шины. Въ этомъ положеніи черпались чуть-ли не главнѣйшіе аргументы для защиты всѣхъ покровительственныхъ мѣропріятій и неумѣренныхъ поощреній, обходящихся населенію въ десятки и сотни милліоновъ. „И мнѣ такъ же, какъ и всякому другому, дорога каждая

мужицкая копѣйка—но что дѣлать? Нужны жертвы, нужны," *)—восклицалъ на нижегородскомъ промышленномъ съѣздѣ маститый ученый, всею силою своего авторитета ставшій на защиту крайняго протекціонизма—и жертвы приносились, да, кажется, и будутъ еще приноситься щедрою рукою, вопреки всѣмъ робкимъ возраженіямъ, слышавшимся по этому поводу со стороны обывателя.

Желѣзные заводы, подъ благотворнымъ для нихъ вліяніемъ всякихъ „воздѣйствій" и „поощреній", росли, какъ грибы послѣ дождя, и ежегодное увеличеніе производства металла на десятки милліоновъ пудовъ шумно привѣтствовалось, какъ прекраснѣйшій результатъ жертвъ. Все шло превосходно, шло такъ, что даже самые ярые протекціонисты могли только потирать руки отъ удовольствія и мечтали о наступленіи въ Россіи золотого вѣка... Увы, теперь уже доподлинно извѣстно, что суровая дѣйствительность разбила эти мечты въ прахъ! Своего желѣза теперь у насъ много, желѣзо упало въ цѣнѣ чуть не вдвое, а сбыть его некуда! И вотъ является необходимость въ цѣломъ рядѣ покровительственныхъ мѣръ, направленныхъ уже не къ развитію желѣзнаго дѣла, а къ тому, чтобы помочь сбыту продуктовъ пышно расцвѣтшаго на почвѣ покровительства желѣзнаго производства. Первоначально предполагалось, что, когда мы понастроимъ достаточно своихъ заводовъ, то явится возможность думать о пониженіи пошлинъ, такъ какъ заводы окрѣпнутъ настолько, что будутъ въ состояніи выдерживать иностранную конкурренцію; на самомъ же дѣлѣ оказалось, что именно теперь пришлось принимать спеціальныя мѣры къ тому, чтобы, напримѣръ, казенныя учрежденія всѣ свои заказы давали, даже по болѣе дорогимъ цѣнамъ, исключительно русскимъ, а не иностраннымъ заводамъ, или создавать особыя условія, которыя открыли бы сбытъ русскому желѣзу въ судостроительномъ дѣлѣ и созывать отдѣльный съѣздъ, имѣющій задачей изысканіе средствъ къ распространенію среди населенія того металла, котораго оно не хочетъ или не можетъ покупать. Покровительство *производству* волею судебъ замѣнилось покровительствомъ *распространенію*. Первое, по мнѣнію теоретиковъ вопроса, казалось, должно было окончиться именно тогда, когда ему на смѣну неожиданно является второе. Когда же окончится послѣднее—покажетъ, вѣроятно, только будущее, такъ какъ теоретическихъ предсказаній по этому поводу пока, кажется, не имѣется.

Одинъ изъ первыхъ внѣшнихъ симптомовъ перехода къ этой новой стадіи покровительства, былъ довольно ярко отмѣченъ на послѣднемъ съѣздѣ горнопромышленниковъ юга Россіи, закончив-

*) Цитирую на память, но ручаюсь за общій смыслъ и тонъ восклицанія.

шемъ свои засѣданія въ декабрѣ прошлаго года. Чуткіе къ настроенію разныхъ „сферъ“ горняки съумѣли и на этотъ разъ свои чаянія облечь въ весьма привлекательную форму, такъ что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ихъ начинанія нельзя было не привѣтствовать, какъ новый шагъ въ развитіи горнаго дѣла на югѣ Россіи. Мы говоримъ о не мало въ свое время нашумѣвшемъ докладѣ относительно участія земствъ въ распространеніи среди населенія желѣза и машинъ. Особая коммиссія съѣзда, какъ извѣстно, разсматривала вопросъ о развитіи дѣятельности земскихъ складовъ. Къ обсужденію вопроса были приглашены заинтересованные въ дѣлѣ земцы, а предварительно былъ собранъ обширный матеріалъ, полученный путемъ сношенія съ земскими управами. И въ самомъ докладѣ, и при его обсужденіи было высказано немало суровыхъ замѣчаній по адресу нашихъ заводовъ, мало заботящихся о массовомъ потребителѣ и ничего не дѣлающихъ для изученія мѣстныхъ нуждъ и особенностей мѣстнаго рынка, рядомъ съ этимъ отмѣчалась серьезная и постепенно прогрессирующая работа земскихъ складовъ по проведенію въ массы металла и желѣзныхъ издѣлій. Общій тонъ и заключенія коммиссіи, преній на съѣздѣ и рѣчей на ежегодно устраиваемомъ горняками обѣдѣ носилъ характеръ предупредительной заботливости о нуждахъ обывателя, сочувствія земской работѣ и какъ бы нѣкотораго, со стороны съѣзда, самооправданія по поводу того, что важнѣйшій вопросъ о снабженіи желѣзомъ населенія такъ долго оставался безъ вниманія. Не авторъ этихъ строкъ, конечно, будетъ удивляться такому обороту дѣла. Еще два года назадъ, говоря на страницахъ „Русскаго Богатства“ о „тяжеломъ годѣ“ нашей южной промышленности и указывая на то, какъ мало горняки обращаютъ вниманія на вольную продажу, я говорилъ, что именно этотъ „вольный“ рынокъ съ его медленно, но неизбѣжно развивающимся потребленіемъ долженъ былъ бы давно привлечь вниманіе южныхъ заводовъ. Надо думать, что переживаемый годъ заставитъ г.г. заводскихъ воротилъ серьезно оглянуться на эту сторону дѣла. На съѣздѣ 1900 года уже слышались рѣчи, въ которыхъ проглядывало признаніе первостепенной важности обывательскаго рынка. Если это предположеніе оправдается, то можно будетъ сказать, что кризисъ пережитъ не даромъ, что въ результатѣ нашей промышленностью будетъ сдѣланъ серьезный шагъ впередъ“....

И вотъ теперь, оцѣнивая по существу тѣ постановленія съѣзда, которыя вызваны упомянутымъ докладомъ, я поневолѣ задаюсь старымъ вопросомъ: заставили ли нашихъ южныхъ горняковъ пережитые тяжелые годы серьезно подумать о неизбѣжности перехода отъ производства на казну и на крупныхъ заказчиковъ къ производству на обывателя? и можно ли разсчитывать, что они въ самомъ дѣлѣ собираются дружно приняться за необ-

ходимую для такого перехода трудную работу? Долженъ признаться, что имѣющіяся въ моемъ распоряженіи данныя не даютъ мнѣ основаній для того, чтобы на этотъ вопросъ отвѣтить утвердительно. Напротивъ того, не смотря на всѣ авансы послѣдняго южнаго горнаго съѣзда по отношенію къ земству, не смотря даже на всѣ суровыя обличенія за прошлое, раздававшіяся по адресу нашихъ южныхъ заводовъ по поводу ихъ инертности и неумѣнія приспособиться къ потребностямъ обывателя, я въ числѣ постановленій съѣзда не вижу ни одного, которое давало бы основаніе предполагать, что со стороны самихъ заводовъ будетъ сдѣлано что либо серьезное для распространенія желѣза среди населенія. Въ самомъ дѣлѣ, центральнымъ докладомъ по этому дѣлу несомнѣнно былъ указанный уже докладъ г. Шимановскаго, „о продажѣ желѣза и желѣзныхъ издѣлій при посредствѣ земскихъ складовъ". Оставляя въ сторонѣ сказанныя по поводу его болѣе или менѣе красивыя рѣчи и фразы, посмотримъ, каковы оказались постановленія съѣзда по этому вопросу? Съѣздъ рѣшилъ ходатайствовать: во 1-хъ, о томъ, чтобы процентъ по ссудамъ, выдаваемымъ государственнымъ банкомъ земствамъ на покупку желѣза, былъ бы пониженъ до 4; во 2-хъ, самое существенное—чтобы въ государственномъ банкѣ была бы введена новая операція—учетъ удостовѣреній, которыя земства будутъ выдавать русскимъ заводамъ въ принятіи отъ нихъ на земскіе склады машинъ и желѣза; въ 3-хъ, о продленіи срока храненія на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ заводскихъ издѣлій, предназначенныхъ на земскіе склады и въ 4-хъ—о повсемѣстномъ, по возможности частомъ, устройствѣ выставокъ орудій и машинъ съ командированіемъ за *счетъ казны* на выставки спеціалистовъ въ качествѣ свѣдущихъ людей для ознакомленія населенія съ машинами и объ отпускѣ *казною* земствамъ ссудъ, предназначенныхъ для выдачи на этихъ выставкахъ премій и наградъ. Какъ видитъ читатель, здѣсь нѣтъ ни одного постановленія, требующаго какихъ либо матерьяльныхъ жертвъ или моральныхъ усилій отъ самихъ заводовъ и ихъ распорядителей. Даже спеціалисты, выясняющіе прелесть русскихъ машинъ, должны быть отъ казны; даже не выражено готовности принять участіе хотя бы въ установленіи выставочныхъ наградъ и премій! А вѣдь подобные расходы, не Богъ вѣсть какіе крупные, казалось, должны были бы быть приняты на свой счетъ заинтересованною стороною, т. е., либо металлургическими и желѣзодѣлательными заводами, либо вообще съѣздомъ горнопромышленниковъ! Но главнѣйшимъ изъ перечисленныхъ ходатайствъ несомнѣнно является второе, объ учетѣ государственнымъ банкомъ земскихъ удостовѣреній въ принятіи отъ заводовъ товаровъ на земскіе склады. Слѣдуетъ отмѣтить, что мы ни въ одномъ изъ сообщеній объ интересущемъ насъ засѣданіи съѣзда не встрѣтили какихъ либо намековъ на

то, что отвѣтственность передъ банкомъ за покрытіе полученной ссуды согласились бы принять на себя заводы. Должно, слѣдовательно, предполагать, что эту отвѣтственность, по мнѣнію съѣзда, надлежитъ возложить на то учрежденіе, которое удостовѣреніе выдаетъ, т. е. на земство. При такомъ условіи комбинація, придуманная гг. горнозаводчиками, могла бы оказаться для нихъ дѣйствительно не безвыгодной. Заводы освобождаютъ себя отъ всякихъ хлопотъ по устройству складовъ и агентуръ, вся тяжесть и рискъ этого дѣла ложится на земства, а, въ видахъ развитія дѣла, г.г. горнопромышленники, съ своей стороны, хлопочутъ, чтобы государственный банкъ снабжалъ земства для покупки желѣза должными средствами на возможно льготныхъ условіяхъ. Мало того, что земства, согласно этому остроумному проекту, должны съ помощью средствъ, данныхъ государствомъ, безъ участія заводовъ, создать склады для торговли желѣзомъ и машинами—коммиссія, занявшаяся этимъ вопросомъ подъ предсѣдательствомъ инженера Шимановскаго (который является, какъ уже сказали, и авторомъ доклада), позаботилась и о томъ, чтобы заводы, по сдачѣ товаровъ на складъ, могли на выгодныхъ условіяхъ, путемъ учета земскаго удостовѣренія, *немедленно получить за товаръ деньги изъ государственнаго банка*? Если мы припомнимъ, что при продажѣ желѣза со своего склада производитель, по условіямъ нашей торговли, чаще всего получалъ бы платежъ долгосрочными векселями, которые далеко не всегда удобно и дешево учитываются, то, сравнительно съ этимъ обычнымъ способомъ торговли, проектируемая съѣздомъ поставка металловъ и машинъ на земскіе склады несомнѣнно оказалась бы для г.г. металлурговъ очень удобною!

Все это, какъ видите, придумано очень хорошо. Вполнѣ, конечно, въ порядкѣ вещей, что съѣздъ, какъ собраніе представителей русскихъ коммерческихъ предпріятій, хлопочетъ о наивыгоднѣйшемъ устройствѣ своихъ дѣлъ за счетъ казенныхъ ссудъ; мы даже не станемъ отрицать того, что путемъ подобныхъ мѣропріятій можно было бы до извѣстной степени развить продажу желѣза, но трудно понять, гдѣ же здѣсь тѣ рѣшительные шаги *горнопромышленниковъ* на встрѣчу потребностямъ населенія и нуждамъ земства, о которыхъ въ разныхъ рѣчахъ и статьяхъ столько было говорено и писано? Принимаютъ ли г.г. заводчики въ этомъ дѣлѣ въ какомъ бы то ни было отношеніи на себя рискъ и иниціативу? Ни въ какомъ! Можно ли изъ этихъ постановленій съѣзда сдѣлать заключеніе о рѣшимости ихъ приложить къ дѣлу личную энергію? Ничуть не бывало! Они просто указываютъ казнѣ новый способъ „поощренія потребленія“ и ничего больше.

Но кромѣ тѣхъ удобствъ и выгодъ, которыя для горныхъ

заводовъ могли бы проистечь отъ осуществленія разсматриваемаго проекта непосредственно, нельзя забывать и нѣкоторыхъ другихъ его послѣдствій.

На первомъ мѣстѣ здѣсь, конечно, слѣдуетъ поставить облегченіе для земствъ покупки именно *русскаго* металла и русскихъ издѣлій. До сихъ поръ, какъ извѣстно, земскія учрежденія часто говорили о желательности пониженія таможенныхъ пошлинъ на иностранный металлъ и издѣлія и даже нерѣдко, и не совершенно безрезультатно, пытались пробить брешь въ сплошной стѣнѣ нашего протекціонизма. Сложеніе пошлинъ съ большихъ молотилокъ и сельско-хозяйственныхъ локомобилей произошло не безъ ихъ вліянія. И вотъ теперь, если бы проекты горнаго съѣзда осуществились, оказалось бы, что земства могутъ вести торговлю *русскимъ* металломъ за счетъ льготныхъ ссудъ отъ казны, а производить закупку *иностранныхъ* продуктовъ имъ приходилось бы на свои средства. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣлъ продажа русскаго желѣза и машинъ представила бы для земства, сравнительно съ продажей иностраннаго металла, значительныя выгоды и удобства, послѣдствіемъ чего весьма вѣроятно явилось бы ослабленіе противопротекціонистскихъ тенденцій земства. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, т. е., какъ средство превратить земскія учрежденія изъ антагонистовъ въ союзниковъ, проектъ г. Шимановскаго долженъ быть признанъ за весьма ловкій и остроумный ходъ южнаго горнаго съѣзда. И нѣкоторыя земства сразу же отнеслись съ извѣстнымъ недовѣріемъ къ новымъ вѣяніямъ среди нашихъ горнопромышленниковъ и къ ихъ ласковымъ по адресу земства рѣчамъ. Такъ, тамбовское губернское собраніе именно теперь сочло нужнымъ поставить вопросъ объ освобожденіи заграничнаго желѣза отъ пошлинъ; такое рѣшеніе вполнѣ понятно: оказывается, напр., что въ 1900 году, не смотря на всѣ поощрительныя по отношенію къ русскому желѣзному производству и машиностроенію мѣры, количество русскихъ, проданныхъ изъ земскихъ складовъ Тамбовской губ., крупныхъ машинъ и орудій, составляетъ лишь 49,6 % общей суммы продажи; на долю же иностранныхъ издѣлій приходится 50,4%. Естественно, что земство чисто земледѣльческой губ., усматривая въ такомъ соотношеніи доказательства неспособности русскихъ заводовъ конкуррировать съ иностранными, хлопочетъ о томъ, чтобы его населеніе было избавлено отъ необходимости приплачивать крупныя суммы въ видѣ пошлины на иностранныя издѣлія. Справедливость требуетъ, однако, отмѣтить, что не всѣ губерніи слѣдуютъ примѣру Тамбовской; екатеринославское губернское земство, напротивъ, постановило поддержать ходатайства съѣзда. Не объясняется ли это тѣмъ, что большинство южныхъ заводовъ расположено именно въ этой губерніи?

II.

Въ виду такихъ противоположныхъ въ данномъ случаѣ мнѣній, было бы, быть можетъ, небезынтересно остановиться на вопросѣ, чего же собственно могутъ ожидать земства отъ заводовъ и заводы отъ земскихъ складовъ? Насколько интересы заводовъ и земствъ на самомъ дѣлѣ могутъ оказаться солидарными и въ чемъ между ними можно ожидать противорѣчій?

При разсмотрѣніи этого вопроса, конечно, должны быть совершенно оставлены въ сторонѣ разныя громкія фразы „о новой эрѣ взаимныхъ отношеній земствъ и заводовъ", „о жертвахъ заводовъ въ интересахъ населенія" и проч. и проч. Все это, конечно, лишь „цвѣты краснорѣчія", умѣстные лишь въ преніяхъ или, еще лучше, на съѣздномъ обѣдѣ. На практическую же постановку вопроса, конечно, они не могутъ имѣть никакого вліянія.

Тамъ, гдѣ земство сочло бы возможнымъ взять на себя посредническую роль въ дѣлѣ распространенія металловъ и орудій среди населенія, оно должно было бы, само собой разумѣется, заботиться о томъ, чтобы доставить нужные населенію предметы по возможности *дешево*, на возможно *льготныхъ* условіяхъ и возможно *высшихъ качествъ*. Происхожденіе издѣлій для земства въ сущности безразлично. Каждый же заводъ, конечно, заинтересованъ въ томъ, чтобы земскій складъ продавалъ исключительно его произведенія въ *возможно большемъ количествѣ*, по возможно болѣе *высокимъ цѣнамъ*, при наивозможно *скорѣйшемъ полученіи* съ покупателя *денегъ*. Перечисленныя условія для завода и земства не только не тождественны, но прямо таки противоположны, и примирить ихъ дѣло далеко не легкое. Если бы земскій складъ могъ продавать издѣліе какого-либо *одного* завода, играть какъ бы роль его агентства, тогда еще, ради расширенія сбыта, предприниматель могъ бы предоставить земству и его покупателямъ и болѣе низкія цѣны, и другія льготы. Но врядъ ли можно допустить мысль, чтобы земство приняло на себя обязательство распространять произведенія какого нибудь *одного* завода. Напротивъ, оно должно относиться совершенно одинаково ко *всѣмъ* заводамъ и ставить имъ всѣмъ совершенно одинаковыя условія. Но можно ли думать, что какой нибудь русскій заводъ дѣйствительно будетъ серьезно заботиться о развитіи дѣла, на которомъ его конкурренты будутъ пользоваться такими же льготами, какъ онъ самъ? Мы положительно отказываемся вѣрить въ такое идиллическое отношеніе къ дѣлу; напротивъ, если этотъ видъ торговли приметъ серьезные размѣры, то мы готовы были бы допустить, что сильный заводъ рядомъ съ подобными складами

устроить ради усиленной конкурренціи свое собственное агентство. Не даромъ же чуть-ли не одновременно съ послѣднимъ съѣздомъ основано то общество для торговли желѣзомъ и желѣзными издѣліями, которое въ сущности представляетъ собою синдикатъ многихъ южныхъ заводовъ. Мнѣ возразятъ, что продажа желѣза и желѣзныхъ издѣлій черезъ земскіе склады можетъ принять такіе широкіе размѣры, что отдѣльные заводы должны будутъ поневолѣ поставить сношенія съ земскими складами на одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ среди своихъ торговыхъ операцій, т. е. другими словами, что господами торговаго положенія сдѣлаются земства, а не заводы. Не заглядывая въ далекое будущее, мы смѣло утверждаемъ, что еще на многіе годы подобная мысль останется совершенно утопической. Для поясненія сказаннаго взглянемъ на нѣкоторыя цифры. Оказывается, напр., что въ такой хлѣбородной губерніи, какъ Ставропольская, въ 1901 г. было въ ходу 124,000 различныхъ усовершенствованныхъ земледѣльческихъ орудій, при чемъ число это сравнительно съ предшествующимъ годомъ поднялось на *14.000* штукъ. Первое мѣсто между этими орудіями занимали плуги, которыхъ числилось у всего населенія до 74.000. Считая даже, что взятый нами годъ не принадлежалъ на Сѣверномъ Кавказѣ къ числу особенно благопріятныхъ, все же мы не можемъ опредѣлить годовую потребность въ усовершенствованныхъ орудіяхъ для Ставропольской губерніи выше 18—20 тысячъ штукъ. Харьковское губернское земство, успѣхи котораго въ желѣзной торговлѣ оказываются исключительными, продало въ 1901 году желѣза на полмилліона руб., т. е., даже по нынѣшнимъ низкимъ цѣнамъ, не болѣе 300—350 *) тысячъ пудовъ. Безспорно,—это крупныя цифры; но для выясненія ихъ истиннаго значенія въ данномъ дѣлѣ надо же сравнить ихъ съ цифрами, выражающими производительность заводовъ. Припомнимъ, напримѣръ, что еще на нижегородской выставкѣ Рязанское товарищество выставило образецъ плуга, выпущеннаго съ завода, если мнѣ не измѣняетъ память, чуть-ли не въ милліонѣ экземпляровъ. Лишь 3—4 наиболѣе слабыхъ изъ южныхъ заводовъ производятъ по $1^1/_2$—2 милліона пудовъ желѣза, производительность же другихъ исчисляется въ предѣлахъ 4—12 милліоновъ, и говорятъ, что они могутъ произвести чуть-ли не вдвое больше. Изъ сопоставленія приведенныхъ цифръ ясно, что не только уѣздный, но даже отдѣльный губернскій земскій складъ не можетъ представить для завода въ смыслѣ торговомъ такой величины, за которой могъ

---

*) А если въ томъ числѣ значительное количество падастъ на долю дорогого *кровельнаго* желѣза, то эти цифры должны быть еще значительно сокращены. Къ сожалѣнію, у насъ въ рукахъ нѣтъ подробныхъ земскихъ данныхъ по этому вопросу.

бы остаться въ сколько нибудь серьезномъ случаѣ рѣшающій голосъ. Напротивъ, заводъ всегда сможетъ поставить въ этомъ дѣлѣ свои условія, которымъ земскій складъ будетъ вынужденъ подчиниться. Такое положеніе могло бы нѣсколько измѣниться въ пользу земствъ лишь въ томъ случаѣ, если бы они сплотились между собой и образовали бы, положимъ, союзныя бюро для закупки дѣйствительно крупныхъ количествъ металла и машинъ на обширные районы въ нѣсколько губерній. Но ожидать осуществленія этой идеи, если бы она и оказалась примѣнима на практикѣ, намъ, конечно, придется еще очень долго. Въ настоящее время, какъ думаемъ мы на основаніи всѣхъ приведенныхъ соображеній, ни одинъ земскій складъ не можетъ имѣть для желѣзныхъ и машиностроительныхъ заводовъ такого значенія, ради котораго заводъ серьезно поступился бы своими выгодами и традиціями. Первая роль здѣсь несомнѣнно остается еще за заводомъ.

Но въ такомъ случаѣ, спроситъ читатель, зачѣмъ же было поднимать южному горному съѣзду вопросъ о взаимныхъ торговыхъ отношеніяхъ земствъ и заводовъ? Объясненіе этого факта мнѣ представляется крайне простымъ. Никакихъ существенныхъ уступокъ или рѣшительныхъ дѣйствій съ своей стороны горнопромышленники не обѣщаютъ, а выиграть могутъ много: во первыхъ, они надѣются, какъ уже сказано, въ нѣкоторыхъ земствахъ найти поддержку, и мы знаемъ уже, что они, хотя бы относительно екатеринославскаго земства, не ошиблись, во 2-хъ, они пріобрѣли возможность громко говорить о томъ, что они идутъ на встрѣчу земству и потребителю, а это, конечно, можетъ для нихъ быть въ извѣстныхъ случаяхъ въ Петербургѣ крайне полезно; въ 3-хъ, они хлопочутъ о томъ, чтобы имъ была предоставлена возможность путемъ учета земскихъ удостовѣреній немедленно реализировать деньги, причитающіяся за сданныя земству желѣзо и машины. А это обстоятельство для нашихъ заводовъ, обыкновенно нуждающихся въ оборотныхъ средствахъ, имѣетъ весьма большое значеніе и представляетъ огромныя удобства, тѣмъ болѣе, что по проекту горняковъ рискъ операціи, какъ кажется, предполагается полностью оставить на земствѣ. Въ настоящее время земскіе склады, ограниченные въ средствахъ, могли бы расширить свою дѣятельность только путемъ коммиссіонной продажи, расплачиваясь съ заводами постепенно, по мѣрѣ того, какъ находящіеся на складѣ предметы дѣйствительно находятъ покупателя. При проектируемомъ же порядкѣ дѣло приняло бы совсѣмъ иной оборотъ: какъ только издѣліе сдано на складъ, заводъ немедленно изъ государственнаго банка могъ бы получить его стоимость, если не всю, то въ очень большой части; а когда эти издѣлія найдутъ дѣйствительнаго покупателя, и какъ будетъ произведенъ разсчетъ съ банкомъ въ

томъ случаѣ, если покупателя на товаръ вовсе не найдется—это уже другой вопросъ. Вотъ въ этомъ послѣднемъ пунктѣ, по нашему мнѣнію, и заключается истинный смыслъ „новаго шага“ южнаго горнаго съѣзда, „впервые“, по выраженію нѣкоторыхъ ораторовъ, „протянувшаго руку земству“. Все остальное только цвѣты краснорѣчія, весьма искусно нанизанные на эту тему составителемъ доклада г. Шимановскимъ. А что въ докладахъ съѣзда подчасъ нелегко выяснить самую сущность дѣла, такъ сказать, его остовъ, и освободить его отъ различныхъ второстепенныхъ прикрасъ, хотя и серьезныхъ по внѣшней формѣ, тому можно найти не мало примѣровъ, и я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести одинъ изъ нихъ. Два года назадъ, когда цѣны на желѣзную руду и уголь уже стремительно падали, тотъ же самый г. Шимановскій прочелъ принятый съѣздомъ докладъ, въ которомъ подробно высчитывалось, что *себѣ-стоимость*, разныхъ сортовъ чугуна, *безъ прибыли*, для южныхъ заводовъ должна быть опредѣлена въ 52 — $55^1/_2$ к. и ни на грошъ меньше. Однако, не прошло и $1^1/_2$ лѣтъ,—какъ хорошо устроенные заводы юга стали продавать чугунъ не безъ прибыли (хотя и небольшой), по 39 — 42 коп. за пудъ. Очевидно, что въ этомъ докладѣ, дружно привѣтствованномъ горнопромышленниками, даже самыя цифры служили для болѣе яркой окраски тѣхъ же „цвѣтовъ краснорѣчія“, а суть дѣла сводилась лишь къ тому, чтобы для предстоявшаго тогда при министерствѣ финансовъ совѣщанія по возможности усилить и умрачнить картину кризиса, вызваннаго паденіемъ цѣнъ на металлъ.

III.

Если вопросъ о распространеніи желѣза среди населенія при посредствѣ земскихъ складовъ обратилъ на себя, сравнительно съ другими докладами послѣдняго харьковскаго горнаго съѣзда, особое вниманіе прессы, то для самихъ горнопромышленниковъ „гвоздемъ“ ихъ разсужденій оказался на этотъ разъ совсѣмъ другой пунктъ программы, а именно вопросъ „о мѣрахъ къ устраненію затрудненій, переживаемыхъ желѣзною и желѣзнорудною промышленностью“. По странному стеченію обстоятельствъ докладывать этотъ вопросъ пришлось тому же самому г. Шимановскому, который излагалъ передъ съѣздомъ и проектъ ходатайства о мѣрахъ распространенія желѣза черезъ земскіе склады. Но въ данномъ случаѣ въ докладѣ слышались уже совсѣмъ другія ноты и въ жаркихъ дебатахъ, отнявшихъ у съѣзда болѣе двухъ засѣданій, звучали уже совсѣмъ иные мотивы. Было ясно, что здѣсь дѣло касалось дѣйствительно насущнѣйшихъ интересовъ крупныхъ горныхъ дѣльцовъ, задѣвало за живое всѣхъ

присутствующихъ и, при обсужденіи его, страсти разгорались настолько, что риторическія фразы минутами забывались и неприкрашенная дѣйствительность рельефно выступала наружу. Сущность дѣла сводится къ слѣдующему. По мнѣнію особой коммиссіи*), разсматривавшей данный вопросъ программы, положеніе южной желѣзной промышленности невыносимо. Цѣны пали ниже цеховой стоимости производства. Онѣ оказываются будто-бы *даже ниже заграничныхъ*, и если населеніе при этихъ условіяхъ не покупаетъ металла, то это происходитъ не потому, что металлъ дорогъ, а потому, что рынокъ не можетъ его воспринять; количество поглощаемаго ежегодно страною желѣза постепенно падаетъ. Въ 1899 г. оно равнялось 216 мил. пудовъ; въ 1900 г.—205, въ 1901 г. лишь 195 милліонамъ пудовъ (замѣтимъ отъ себя, что это годы сокращенія казенныхъ заказовъ). Отсюда для коммиссіи ясно, что единственнымъ средствомъ помочь злу является *нормированіе самаго производства*. Достигнуть этого, конечно, было бы возможно при посредствѣ того „общества для продажи издѣлій русскихъ металлургическихъ заводовъ**)“, которое недавно открыло дѣйствія въ Харьковѣ. Но бѣда въ томъ, что не всѣ заводы къ обществу примкнули. Не вошли въ него, именно, нѣкоторые изъ тѣхъ заводовъ, которые обезпечены казенными заказами по опредѣленнымъ цѣнамъ и которые, слѣдовательно, имѣя обезпеченную работу, могутъ спокойно смотрѣть на то, какъ ихъ конкурренты, вынужденные ниже и ниже спускать цѣны, постепенно идутъ къ разоренію; эти счастливцы надѣются, быть можетъ, на то, что впослѣдствіи, когда необезпеченные заказами заводы будутъ вынуждены сойти со сцены, они монополизируютъ рынокъ и будутъ брать съ потребителя двойныя деньги.

Такое печальное положеніе дѣлъ, по мнѣнію коммиссіи, объясняется системою распредѣленія казенныхъ заказовъ, безъ торговъ, опредѣленнымъ заводамъ по фиксированной цѣнѣ. Если-же была бы допущена при поставкахъ на казну *свободная конкурренція*, то всѣ одинаково почувствовали бы тяжесть положенія, и строптивые металлурги, теперь не идущіе на общее дѣло, были бы вынуждены примкнуть къ „обществу для продажи издѣлій русскихъ металлургическихъ заводовъ“, и все пошло бы хорошо. Другимъ радикальнымъ средствомъ для необходимаго, по ея мнѣнію, „нормированія“ производства коммиссія считаетъ уменьшеніе числа

---

*) Не имѣя въ рукахъ подлиннаго доклада, излагаю дѣло по южнымъ газетамъ.

**) Общество это, участниками котораго являются крупные заводы, имѣетъ, какъ извѣстно, цѣлью захватить въ свои руки всю торговлю желѣзомъ, производимымъ южными заводами. Въ сущности, это нѣкоторое видоизмѣненіе тѣхъ «общихъ конторъ» по торговлѣ желѣзомъ, о которыхъ говорилось въ «Русск. Бог.» за прошлый годъ въ статьѣ «Что говорятъ горнопромышленники».

металлургическихъ заводовъ путемъ *выкупа* ихъ, съ цѣлью закрытія, отъ владѣльцевъ, либо средствами правительства, либо подъ контролемъ правительства организованнымъ трестомъ.

Я нарочно довольно подробно остановился на этомъ удивительномъ докладѣ, который даже большинству горнопромышленниковъ не могъ не показаться, говоря мягко, чрезмѣрно откровеннымъ. Нѣтъ надобности, конечно, особенно глубоко вдумываться въ его содержаніе для того, чтобы понять, что подъ предлогомъ спасенія гибнущей промышленности здѣсь идетъ рѣчь о томъ, какъ бы вырвать изъ рукъ болѣе почему то счастливыхъ конкуррентовъ казенные заказы. Ради этого признается даже польза той самой „свободной конкурренціи", которой въ другихъ случаяхъ такъ боятся наши заводчики. Еще интереснѣе, быть можетъ, оказывается здѣсь утвержденіе коммиссіи, — что цѣны на металлъ у насъ теперь иногда ниже заграничныхъ. Но если это такъ, то къ чему же служитъ наша таможенная охрана? Почему такъ дорожатъ ею горные заводы? Если коммиссія была такъ увѣрена въ силахъ нашихъ металлурговъ и въ высокихъ достоинствахъ технической постановки дѣла на южныхъ заводахъ, то почему бы ей не заявить открыто о возможности той же свободной конкурренціи не только съ русскими, но и съ иностранными заводами? Но верхомъ остроумія въ измышленіяхъ коммиссіи является проектъ покупки съ цѣлью закрытія, при содѣйствіи правительства, тѣхъ заводовъ, которые не желаютъ примкнуть къ синдикату. Передъ такою безграничною развязностью становишься въ тупикъ, не находя подходящихъ эпитетовъ для ея характеристики. Неужели же въ самомъ дѣлѣ у авторовъ этой своеобразной мысли хотя бы на мгновеніе явилось представленіе о возможности ея осуществленія? Такая картина была бы дѣйствительно любопытна: казна, облагая неселеніе тяжелымъ бременемъ ради развитія промышленности, принимаетъ систему усиленнаго протекціонизма; когда же эта система принесла плоды и основалось такое количество заводовъ, что продажная стоимость продуктовъ понизилась, то казна, на средства того же населенія, способствуетъ покупкѣ заводовъ трестомъ, имѣющимъ цѣлью брать съ населенія болѣе высокія цѣны! Поистинѣ слѣдуетъ признать, что такая ни съ чѣмъ не сообразная идея могла зародиться лишь въ воображеніи, до послѣдней степени избалованномъ, скажу болѣе, — развращенномъ чрезмѣрными подачками и поощреніями.

Отмѣтивъ эти выдающіяся по своей курьезности черты доклада, остановимся еще и на нѣкоторыхъ характерныхъ моментахъ преній. Какъ и слѣдовало ожидать, они достигли рѣдкой степени страстности и напряженія, такъ какъ затронутый вопросъ непосредственно касался кармана. Одну группу ораторовъ, конечно, составляли счастливцы, получившіе безъ конкурренціи

по порядочнымъ цѣнамъ заказы отъ казны,—къ другой группѣ примыкали тѣ, кто надѣялся, благодаря своей экономической силѣ, при свободныхъ торгахъ на казенные заказы отбить ихъ отъ счастливыхъ соперниковъ. Первые ссылались на исторію дѣла; они указывали что на югѣ есть три-четыре старѣйшихъ завода, бравшіе и съ казны, и съ населенія въ первый моментъ возникновенія южной горной промышленности произвольно высокія цѣны; эти счастливцы успѣли, не смотря на выдачу бѣшеныхъ 40%-ныхъ дивидендовъ, погасить всѣ свои долги и стоимость имущества и, благодаря этому, теперь, при свободныхъ торгахъ на казенные заказы, имѣютъ возможность ненормально спустить цѣны, чтобы побить заводы позднѣйшаго происхожденія, которые работаютъ уже при нормальныхъ условіяхъ. Уничтоживъ такимъ образомъ врага, они впослѣдствіи опять начнутъ брать съ казны и съ населенія двойныя цѣны. А между тѣмъ, въ удешевленіи металла, идущаго на вольный рынокъ, и заключается залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ нашей металлургіи.—Кому теперь какое дѣло до того, что было 10—15 лѣтъ назадъ,—возражали на это сильные заводы. Можетъ быть, теперь мы и въ состояніи работать на казну дешевле всѣхъ, это другой вопросъ, но казна должна отдать свои заказы болѣе дешевымъ поставщикамъ. Если слабые будутъ побиты на торгахъ, то тѣмъ лучше—они войдутъ въ нашъ синдикатъ, и мы тамъ сумѣемъ уже для общей пользы „нормировать“ производство. Думать же о томъ, что можно жить „вольнымъ“ рынкомъ, который, будто бы, расширится подъ вліяніемъ пониженія цѣнъ, по меньшей мѣрѣ странно! Потребленіе желѣза въ странѣ *не ростетъ, а падаетъ;* народъ малокультуренъ и бѣденъ; ему *не на что покупать желѣза, и если земство думаетъ отпускать металлъ обывателю въ долгъ, то оно не получитъ за него денегъ.* Укажемъ, между прочимъ, что это послѣднее замѣчательное признаніе сдѣлано бывшимъ директоромъ одного изъ богатѣйшихъ и лучшихъ заводовъ юга Каменскаго, И. И. Ясюковичемъ. Это мнѣніе авторитетнаго практика, высказанное съ достойными сочувствія прямотою и откровенностью, невольно обращаетъ на себя вниманіе. Неужели же въ дѣйствительности дѣла нашей желѣзной промышленности обстоятъ такъ плохо? Неужели же всѣ жертвы, принесенныя страною на ея развитіе, послужили лишь къ созданію нѣсколькихъ заводовъ, нужныхъ только для удовлетворенія потребностей казны? Трудно представить себѣ, чтобы какой-нибудь заязятый врагъ нашей металлургіи высказалъ ей болѣе рѣзкое, болѣе безпощадное осужденіе, въ устахъ же одного изъ наиболѣе видныхъ въ этой области дѣльцовъ, эти слова получаютъ, такъ сказать, сугубое значеніе... конечно, если предполагать, что они не сказаны просто въ пылу полемическаго задора, вызвавшаго вообще не мало такихъ замѣчаній, какихъ, связанные обычной

съѣздной дисциплиной, горнопромышленники, вѣроятно, не высказали бы въ другое время. Такъ, одинъ изъ ораторовъ заявилъ, что предложеніе свободной конкурренціи на казенные заказы равносильно предложенію *задавить мелкихъ промышленниковъ*. Г. Гужонъ утверждалъ, что на казенныхъ заказахъ 6 изъ 24 заводовъ въ прошломъ году получили 8.680,000 р. преміи. Гдѣ же тутъ кризисъ?—спроситъ непосвященный читатель. Но вѣдь русскія понятія о кризисѣ всегда отличаются нѣкоторой своеобразностью, иллюстраціей къ чему могутъ служить хотя бы нѣкоторыя цифры, относящіяся къ самому критическому 1891 г. Ю. Днѣпровскій (Каменской), заводъ далъ въ этомъ году 20% дивиденда при общей прибыли до 3.000.000 р. и увеличилъ свой основной капиталъ на $1^1/_2$ милліона. Юзовскій и Южно-бельгійскій заводъ дали каждый свыше $2^1/_4$ милліоновъ прибыли, заводъ Гартмана 1.300,000 и т. д. Послѣ просмотра подобныхъ цифръ какъ-то странно звучитъ рѣчь, закончившая то бурное засѣданіе, о которомъ мы только что говорили, рѣчь, предлагавшая съѣзду громко заявить, что *спасеніе металлургіи* заключается не въ казенныхъ заказахъ, а въ *солидарности производителей*.

Въ концѣ концовъ съѣздъ не могъ не признать, что коммиссія, разрабатывавшая вопросъ о нуждахъ желѣзной промышленности, хватила, что называется, черезъ край. Пришлось думать о смягченіи ея выводовъ, и на другой день, когда уже страсти успѣли немного поостынуть, были приняты резолюціи, говорившія, во 1-хъ, о необходимости „нормировать производство“; во 2-хъ, о приглашеніи къ участію въ распредѣленіи казенныхъ заказовъ представителей южнаго горнаго съѣзда; въ 3-хъ, о невыдачѣ казенныхъ заказовъ заводамъ, работающимъ на иностранномъ металлѣ (значитъ, не смотря на *кризисъ*, есть еще и такіе! чѣмъ же эта аномалія вызвана?) и, въ 4-хъ, о томъ, чтобы казенные заводы не выступали конкуррентами частныхъ. Это послѣднее пожеланіе, сводившееся къ тому, чтобы казна устранила отъ участія въ поставкахъ на *казну*, ей же, *казнѣ*, принадлежащіе заводы, отзывается даже нѣкоторой наивностью, которой и была дана надлежащая отповѣдь со стороны представителей министерства внутреннихъ дѣлъ и путей сообщенія.

Чтобы закончить настоящія замѣтки по этому боевому для южнаго съѣзда вопросу, мы считаемъ не лишнимъ еще остановиться на одномъ представленіи, съ которымъ, по словамъ „Нов. Вр.“, комитетъ общества для содѣйствія русской промышленности и торговли обратился къ государственному контролеру, какъ разъ незадолго до обсужденія этого вопроса на съѣздѣ. Въ виду слуховъ о томъ, что правительство намѣрено для поддержанія желѣзодѣлательныхъ заводовъ произвести заказы по цѣнамъ заранѣе фиксированнымъ, а не установленнымъ свободной конкур-

ренціей, комитетъ общества счелъ своимъ долгомъ высказать, что, во времена угнетеннаго положенія промышленности, не слѣдуетъ принимать такихъ искусственныхъ мѣръ, которыя, въ сущности, только усиливаютъ неблагопріятныя послѣдствія кризиса. Такого рода мѣры, по мнѣнію комитета, а) безъ пользы для дѣла временно поддержитъ неспособные къ жизни заводы; б) дадутъ возможность нѣкоторымъ заводамъ спустить ниже нормальной цѣну желѣза въ вольной продажѣ, что убьетъ заводы, не получившіе заказовъ и в) противорѣчатъ въ корнѣ основнымъ принципамъ охранительной системы: онѣ не поощряютъ внутренней конкурренціи, а убиваютъ ее. Въ этихъ аргументахъ нельзя, конечно, не видѣть значительнаго сходства съ аргументами „сильныхъ заводовъ" на съѣздѣ. Случайное-ли это совпаденіе? Мы не имѣемъ отвѣта на этотъ вопросъ. Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть, что высказываясь по данному дѣлу, комитетъ почтеннаго общества не остановился еще на вопросѣ о томъ, насколько совмѣстно съ покровительственной системой и необходимой для успѣшнаго ея дѣйствія свободной внутренней конкурренціей учрежденіе синдикатовъ, трестовъ и т. п. союзовъ предпринимателей, въ какомъ бы видѣ они не образовались, хотя бы въ видѣ обществъ для торговли металломъ.

IV.

Я не считаю возможнымъ заключить эти бѣглыя замѣтки, не коснувшись еще нѣкоторыхъ, затронутыхъ на послѣднемъ харьковскомъ горнопромышленномъ съѣздѣ вопросовъ, которые представляютъ извѣстный интересъ, частью для характеристики дѣятельности этого учрежденія, частью по самой серьезности дѣла. Однажды я уже имѣлъ случай говорить на этихъ страницахъ о томъ глубокомъ внутреннемъ антагонизмѣ, который замѣчается между различными группами производствъ, представляемыхъ харьковскими горняками; тогда я коснулся, однако, только промышленности Донецкаго района. Но горнопромышленники этого края все же связаны между собой, если не чувствомъ истинной солидарности, то чувствомъ хотя бы внѣшняго приличія. Самое существованіе съѣзда основано на фикціи общности задачъ и условій всего горнаго дѣла Екатеринославско - Донскаго района, и полное забвеніе этой фикціи для членовъ съѣзда почти невозможно. Другое дѣло, если на съѣздъ попадетъ представитель какого либо иного района. По отношенію къ нему оказывается возможнымъ отбросить всякія стѣсненія. Примѣромъ подобнаго именно положенія можетъ служить посѣщеніе съѣзда представителями кавказской марганцевой промышленности. Россія, какъ извѣстно, одна изъ странъ, весьма

богатыхъ марганцевыми рудами. Пока разрабатываются два мѣсторожденія—въ Закавказьѣ и около Никополя. Первое богаче, второе расположено удобнѣе и какъ по мѣсту нахожденія, такъ и по личнымъ отношеніямъ предпринимателей довольно близко примыкаетъ къ Донецкому бассейну. До сихъ поръ Россія вывозитъ заграницу, преимущественно въ Англію, около 25 милліоновъ пудовъ марганцевой руды, вмѣсто того, чтобы вывозить готовый ферромарганецъ, для изготовленія котораго мы, казалось бы, имѣемъ всѣ данныя въ видѣ прекрасныхъ рудъ и удовлетворительнаго, а теперь, по причинѣ кризиса, и дешеваго угля и кокса. Представители кавказскихъ предпринимателей заявили на съѣздѣ свои нужды: во-первыхъ, на нихъ крайне тяжело ложится провозъ по Чіатурской вѣтви Закавказской ж. дор., гдѣ взимаютъ $7^1/_2$ коп. за провозъ на разстояніи 43-хъ верстъ—тарифъ неслыханный для такого дешеваго матерьяла, какъ руда. (Въ Поти руда стоитъ менѣе 20 коп. пудъ). Во-вторыхъ, кавказцы не могутъ построить на берегу моря завода для выплавки ферромарганца, такъ какъ русскій уголь и коксъ можетъ быть доставленъ туда лишь по слишкомъ высокой цѣнѣ. Они просятъ о разрѣшеніи ввозить спеціально для цѣлей производства ферромарганца дешевый иностранный уголь съ возвратомъ налагаемой на него пошлины. Нечего и говорить, что послѣдній пунктъ программы былъ дружно отвергнутъ харьковскимъ съѣздомъ, большинство котораго состоитъ изъ представителей угольныхъ предпріятій, такъ сказать взросшихъ подъ благодатнымъ покровомъ высокаго таможеннаго обложенія. Но и первый вопросъ получилъ на съѣздѣ постановку крайне своеобразную. Противъ пониженія тарифа на перевозку кавказскихъ рудъ по Чіатурской желѣзной дорогѣ возстали никопольскіе рудовладѣльцы, для которыхъ удешевленіе кавказской руды вовсе не желательно. Для развитія же выплавки ферромарганца считается необходимымъ лѣтъ на 5 установить уплату казною вывозныхъ премій за каждый отправленный за границу пудъ металла въ размѣрѣ отъ 15 до 30 коп. Но откуда взять средства на выдачу премій? Источникъ находится весьма просто: изъ тѣхъ суммъ, которыя казна получаетъ за провозъ руды по ненормально высокому тарифу на Чіатурской вѣтви. Самую выплавку придется, конечно, вести на донецкихъ угляхъ гдѣ-либо на заводахъ, расположенныхъ въ Екатеринославской губ., руду эти заводы будутъ получать изъ Никополя или съ Кавказа,—преміи же за вывозимый металлъ заводчики Донецкаго бассейна будутъ получать за счетъ высокихъ провозныхъ платъ, уплачиваемыхъ кавказскими рудопромышленниками. Понятно, что эти послѣдніе остались при „особомъ мнѣніи“. Съѣздъ, однако, не рѣшился поддерживать именно этотъ проектъ поощренія ферромарганцеваго производства, а постановилъ представить въ Петербургъ на усмотрѣніе министерствъ всѣ сдѣланные на съѣздѣ съ

„этою цѣлью предложенія, не входя въ ихъ оцѣнку. Всѣ они сводятся къ извѣстной премировкѣ ввоза, къ наложенію пошлинъ на вывозимую руду и къ пониженію желѣзнодорожныхъ тарифовъ,—но ничего по курьезности равнаго только что изложенному проекту между ними не встрѣчается.

Что касается собственно углепромышленниковъ, то ихъ доклады, въ общемъ, въ этомъ году не представили ничего интереснаго: тѣ же обычныя сѣтованія на угнетенное положеніе угольнаго рынка; тѣ же указанія на необходимость ради нуждъ угольнаго дѣла поддержать металлургію, тѣ же ходатайства о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ въ разныхъ направленіяхъ и, между прочимъ, о прямомъ пути къ балтійскимъ портамъ наконецъ—то же обычно преувеличенное исчисленіе избытка предположеннаго къ добычѣ угля надъ ожидаемымъ потребленіемъ. Но на этотъ разъ такой избытокъ исчисляется уже не въ 100 милліоновъ пудовъ, какъ то было въ прошломъ году, а въ цѣлыхъ 112 милліоновъ; но эта устрашающая цифра получена тѣмъ же старымъ пріемомъ: ожидаемое потребленіе угля сравнивается не съ *дѣйствительной* его добычей за предыдущій годъ, а съ тѣми количествами, которыя отдѣльные шахтовладѣльцы считали бы желательнымъ добыть на своихъ шахтахъ. Но такъ какъ желанія ихъ въ этомъ отношеніи всегда выше дѣйствительной потребности въ углѣ, то, очевидно, цифру въ 112 милліоновъ безъ особаго труда можно было бы поднять еще на 10, 20, если хотите, на 50 милліоновъ, и это нисколько не измѣнило-бы истиннаго положенія дѣлъ. Любопытно отмѣтить, что въ то время, какъ съѣздъ, т. е. углепромышленники in corpore все еще только толкуютъ о необходимости въ виду переполненія рынка приступить къ вывозу угля за границу, отдѣльные предприниматели, судя по газетнымъ сообщеніямъ, уже направили нѣкоторыя партіи угля не только въ Европу, но и въ Америку.

Остановимся еще на тѣхъ пунктахъ разсужденій съѣзда, которые касаются рабочихъ. Здѣсь мы сталкиваемся прежде всего съ тѣмъ же злосчастнымъ проектомъ объ обязательномъ страхованіи углепромышленныхъ предпріятій отъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими, о которомъ уже столько писано и говорено. И хорошія, и слабыя стороны этого проекта столько разъ были указаны прессой, что я считаю возможнымъ не возобновлять ихъ въ памяти читателя. Отмѣчу только, что это симпатичное въ общихъ чертахъ дѣло опять-таки не рѣшено, и вина въ этомъ промедленіи, надо отдать справедливость, падаетъ не на съѣздъ, а на разные внѣ съѣзда и выше его стоящіе тормазы. Не то придется сказать по вопросу о правильной постановкѣ врачебной помощи. Съ годъ назадъ начальникъ горнаго управленія юго-восточной Россіи, г-нъ Вагнеръ, внесъ на заключеніе съѣзда проектъ пра-

вилъ объ устройствѣ врачебной помощи на горныхъ предпріятіяхъ въ Области Войска Донскаго. Проектъ этотъ былъ выработанъ особымъ съѣздомъ врачей, служащихъ на горныхъ разработкахъ. Суть его сводилась, съ одной стороны, къ предъявленію извѣстныхъ минимальныхъ требованій къ горнозаводскимъ больницамъ, съ другой—къ болѣе самостоятельной постановкѣ врачебнаго персонала и къ образованію особыхъ заводско-санитарныхъ коммиссій, въ которыхъ врачъ долженъ былъ быть предсѣдателемъ, а завѣдующій рудникомъ (или его замѣститель) лишь членомъ. Понятно, что проектъ этихъ правилъ не могъ быть встрѣченъ съѣздомъ особенно дружелюбно. Разсмотрѣніе его было отложено до осени 1902 года, и теперь гг. горнопромышленники не оставили въ проектѣ камня на камнѣ. Такъ, напр., обязательный наемъ врачей, для обезпеченія ихъ положенія, по долгосрочнымъ контрактамъ отвергнутъ; санитарныя коммиссіи опредѣленнаго состава подъ предсѣдательствомъ врача замѣнены коммиссіями изъ лицъ, назначаемыхъ управляющимъ заводомъ лишь съ участіемъ врача. Пріемъ женщинъ и дѣтей въ рудничныя больницы признанъ необязательнымъ, хотя таковыя и могутъ быть принимаемы, почему желательно имѣть для нихъ бѣлье. Объ обязательномъ же устройствѣ отдѣльныхъ женскихъ палатъ въ постановленіяхъ съѣзда ничего не говорится. Этихъ примѣровъ, смѣемъ думать, достаточно, чтобы выяснить, какого рода переработкѣ подвергся проектъ врачебныхъ правилъ на съѣздѣ, и мы не можемъ не раздѣлить глубокаго сожалѣнія, которое выразилъ г. Вагнеръ по поводу того, что гг. горнопромышленники такъ отрицательно отнеслись къ попыткѣ представителей правительственнаго горнаго надзора серьезно улучшить санитарную и медицинскую обстановку на горныхъ заводахъ и рудникахъ восточной части Донецкаго бассейна.

Сѣверянинъ.

Новыя книги.

Сочиненія С. А. Пушкина. Редакція П. А. Ефремова. Изд. А. С. Суворина. Т. т. I—IV, Спб. 1903.

Въ то время, какъ на русскомъ языкѣ выходитъ цѣлая серія роскошно иллюстрированныхъ изданій иностранныхъ классиковъ, и немало представителей искусства и науки отдаютъ этому дѣлу свой трудъ, мы не можемъ до сихъ поръ дождаться—не говоримъ уже классическаго, но просто-таки удовлетворительнаго изданія величайшаго изъ нашихъ поэтовъ. Случится это, должно быть, тогда только, когда за дѣло примется нѣмецъ!..

Отъ новаго изданія Пушкина, во главѣ котораго сталъ извѣстный своими прежними библіографическими работами П. А. Ефремовъ, можно было ожидать и требовать очень-многаго, хотя бы уже въ виду назначенной за него довольно высокой цѣны (12 р. по подпискѣ). Быть можетъ, эта сравнительная дороговизна вполнѣ оправдывается такими несомнѣнными достоинствами изданія, какъ превосходная бумага и не менѣе превосходный шрифтъ, но подписчики разсчитывали, конечно, на нѣчто иное: согласно печатному анонсу, они надѣялись получить „все, появившееся до сихъ поръ въ печати съ именемъ Пушкина", но серьезно и внимательно „провѣренное и исправленное",—словомъ, вполнѣ надежный, болѣе или менѣе дефинитивный текстъ Пушкина. Можно было также надѣяться, что изданіе будетъ изобиловать, если не иллюстраціями къ сочиненіямъ великаго поэта, то, по крайней мѣрѣ, портретами его самого и близкихъ ему людей. Къ сожалѣнію, надежды эти приходится назвать далеко не сбывшимися...

Въ чемъ, собственно, должна состоять редакціонная задача болѣе или менѣе идеальнаго изданія такого поэта, какъ Пушкинъ?

Извѣстно, что большая часть его произведеній была напечатана (и даже не одинъ разъ) еще при его жизни, многое подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ. Было бы ошибочно, однако думать, что этимъ уничтожается значеніе сохранившихся авторскихъ рукописей. Помимо того, что рукописи очень важны въ смыслѣ выборки и провѣрки варіантовъ, нерѣдко онѣ могутъ играть и болѣе серьезную роль. Не далѣе, какъ въ 1887 г., П. О. Морозовъ, разбирая тетради публ. библіотеки, отыскалъ три новыхъ стихотворенія Пушкина, мимо которыхъ прежніе изслѣдователи проходили безъ вниманія. Теперь уже врядъ-ли, конечно, возможны такія цѣнныя открытія въ старыхъ, общедоступныхъ собраніяхъ автографовъ, но любопытныя находки отдѣльныхъ стиховъ и оттѣнковъ мысли дѣлаются и по сіе время. Всякому знакомы, напр., еще по школѣ, стихи изъ „Мѣднаго Всадника":

И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова.

Когда-то стихи эти вовсе не пропускались цензурой. Теперь, разбирая рукописи, г. Ефремовъ убѣдился, что и позже они возстановлены были не вполнѣ, и что второй стихъ читался первоначально:

Померкла старая Москва,—

чтеніе не только болѣе красивое, но и болѣе соотвѣтствующее

слѣдующему затѣмъ сравненію. Возстановлять правильное чтеніе искаженныхъ при жизни поэта стиховъ библіографамъ придется, вѣроятно, еще не разъ, но еще большее значеніе рукописи имѣютъ для посмертныхъ произведеній Пушкина, обнародованныхъ уже внѣ его наблюденія: ихъ искажала не только цензура (даже дружеская—Жуковскаго), но и простая небрежность переписчиковъ и издателей. Цѣлыхъ полвѣка печатался, напр., безсмысленный стихъ „Завѣшенъ *брегъ тѣнистыхъ волнъ*“ (при невозможной рифмѣ „волнъ“ и „водъ“), пока тому же г. Ефремову не удалось прочесть правильно: „Завѣшенъ *былъ тѣнистый входъ*“. Этихъ примѣровъ, вѣроятно, достаточно, чтобы читатель оцѣнилъ важность и интересъ подлинныхъ пушкинскихъ рукописей. Но дѣло обслѣдованія ихъ состоитъ не въ механической только считкѣ съ печатнымъ текстомъ: тутъ нуженъ еще и тонкій художественный вкусъ, и ясный критическій взглядъ, и, наконецъ, величайшая библіографическая добросовѣстность, гарантирующая отъ излишняго увлеченія „открытіями“... Одному человѣку, разумѣется, не такъ легко обладать всѣми этими качествами, и задача классическаго изданія Пушкина успѣшнѣе всего могла бы быть разрѣшена дружными усиліями цѣлой группы опытныхъ лицъ. Къ сожалѣнію, идея эта пока, очевидно, невыполнима, разъ такое даже авторитетное учрежденіе, какъ академія наукъ, принуждена была поручить свое изданіе Пушкина одному лицу (Леониду Майкову), за смертью котораго изданіе и остановилось на первомъ томѣ...

Новое изданіе г. Суворина не оправдало, прежде всего, той законной надежды публики, что обѣщанная имъ „провѣрка“ текста будетъ сдѣлана на основаніи знакомства со *всѣми*, доступными общему пользованію, рукописями Пушкина: г. Ефремовъ ознакомился съ ними лишь „насколько то было ему доступно“ (удобно?), какъ глухо заявляетъ онъ въ коротенькомъ и во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворительномъ предисловіи. Такимъ образомъ, оказывается, имъ были оставлены безъ вниманія всѣ подлинныя рукописи московскаго музея (онъ довѣрился списку Анненкова, небрежное, почти преступное отношеніе котораго къ бумагамъ Пушкина констатируетъ самъ же г. Ефремовъ); не провѣрены имъ и нѣкоторые автографы публ. библіотеки; безъ достаточной тщательности прочитанъ и первопечатный текстъ, а въ результатѣ такого отношенія къ дѣлу—масса хронологическихъ и иныхъ ошибокъ и неточностей, уже отмѣченныхъ критикою...

Какимъ же, однако, рукописнымъ матеріаломъ пользовался г. Ефремовъ? Объ этомъ онъ предпочитаетъ почему то умолчать въ предисловіи къ I тому, обѣщая „всѣ безъ исключенія поправки и измѣненія, допущенныя въ нынѣшнемъ изданіи, подробно указать и разъяснить въ примѣчаніяхъ“, имѣющихъ по-

явиться въ заключительномъ (восьмомъ) томѣ. Ключъ ко всему смыслу своей работы г. Ефремовъ удерживаетъ, такимъ образомъ, при себѣ, и работа, доведенная лишь до половины, является во многихъ отношеніяхъ загадочной. Приходится и намъ говорить пока лишь объ отдѣльныхъ, бросающихся въ глаза, странностяхъ. Такъ, новое изданіе задается, повидимому, научной, историко-литературной цѣлью (иначе для чего-жъ бы возстановлять непріятную для современнаго глаза орфографію 20-хъ годовъ?), а между тѣмъ лицейскія стихотворенія Пушкина оно помѣщаетъ не въ первоначальномъ ихъ—дѣйствительно лицейскомъ—видѣ, а въ позднѣйшей передѣлкѣ Пушкина, уже автора „Бориса Годунова", оправдываясь наивнымъ соображеніемъ, что въ такомъ, молъ, видѣ желалъ видѣть ихъ въ печати самъ поэтъ. Врядъ-ли можно назвать это научнымъ пріемомъ... Необходимы были, во всякомъ случаѣ, подстрочные варіанты. Но къ подстрочнымъ выноскамъ г. Ефремовъ питаетъ какой-то преувеличенный страхъ; пестрота различныхъ шрифтовъ представляется ему такимъ большимъ зломъ, что всѣ редакціонныя примѣчанія и пр. онъ рѣшилъ выдѣлить въ отдѣльный (заключительный) томъ, хотя для читателя было бы, конечно, несравненно удобнѣе имѣть эти примѣчанія, если ужъ не въ подстрочныхъ сноскахъ, то въ концѣ каждаго тома. Та же боязнь „пестроты" заставила г. Ефремова продѣлать очень странную вещь съ „Евгеніемъ Онѣгинымъ". Черновые наброски этого романа (среди которыхъ, несомнѣнно, есть и очень удачные стихи) онъ принялъ за вполнѣ „отдѣланныя строфы", не внесенныя поэтомъ въ текстъ лишь по какимъ-то неизвѣстнымъ, быть можетъ, временнымъ соображеніямъ; отнести ихъ въ „общія примѣчанія" почтенному библіографу было жаль, а напечатать петитомъ внизу текста мѣшала принципіальная боязнь „пестроты". Какъ было поступить? Г. Ефремовъ придумалъ удивительный исходъ: онъ напечаталъ эти наброски въ текстѣ романа (тѣмъ же самымъ шрифтомъ), съ тою лишь разницей, что изъ общаго ряда стиховъ они выступаютъ вправо... на одну букву! А что въ большинствѣ случаевъ это, дѣйствительно, лишь черновые, не отдѣланные и *отброшенные* поэтомъ отрывки (за малыми исключеніями,—напр., IX и XIII строфы I пѣсни)—смѣемъ въ этомъ увѣрить г. Ефремова: въ одномъ мѣстѣ (IV т., 42 стр.) встрѣчается, напр., подрядъ шесть мужскихъ рифмъ! Конечно, только огромное эстетическое чутье, а не какое-нибудь временное соображеніе, заставило также Пушкина выкинуть VIII—IX строфы седьмой главы; г. Ефремовъ теперь ихъ возстановляетъ... Плохая услуга Пушкину! Впечатлѣніе читателей, впервые знакомящихся съ великимъ романомъ, конечно, будетъ сильно ослаблено и разжижено введеніемъ въ текстъ нѣсколькихъ сотенъ лишнихъ и блѣдныхъ стиховъ...

Въ текстѣ „Бориса Годунова“ помѣщенъ первый листъ рукописи съ такимъ заглавіемъ: „Комедія о настоящей бѣдѣ московскому государству и пр. Писано бысть *Алексашкою* Пушкинымъ“. Зачѣмъ это?.. Самъ же г. Ефремовъ оговаривается въ примѣчаніи, что въ письмѣ къ кн. Вяземскому Пушкинъ измѣнилъ это заглавіе: „Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ“. Если передъ кн. Вяземскимъ Пушкинъ не желалъ выступать въ домашнемъ халатѣ, то тѣмъ болѣе—передъ публикой. Для простой шутки, для минутнаго каприза поэта достаточно было бы бѣглаго упоминанія въ общихъ примѣчаніяхъ. Но такова ужъ слабость г. г. библіографовъ—они до смѣшного любятъ носиться съ своими воробьиными открытіями!

Лицейская „Пѣсня“ Пушкина („О, Делія драгая“), извѣстная до сихъ поръ по списку Илличевскаго или, вѣрнѣе, Гаевскаго, кончалась такъ:

И быстро часъ любви
Летитъ,—я весь горю желаньемъ,
Спѣши, о Делія, свиданьемъ,
Пади въ объятія мои!

Для 13—14 лѣтняго отрока недурно. Но вотъ г. Ефремову посчастливилось найти въ пражскомъ музеѣ автографъ этого стихотворенія съ такимъ концомъ:

И быстро часъ любви
Летитъ,—и быстро исчезаетъ,
И счастіе съ нимъ улетаетъ,
Лети жъ въ объятія мои!

Трудно опредѣлить, насколько это лучше или хуже; вопросъ, во всякомъ разѣ, совершенно неважный... Но г. Ефремовъ въ такомъ восторгѣ отъ своего „открытія“, что, подробно сообщая о немъ въ предисловіи (въ томъ самомъ предисловіи, гдѣ обойдены молчаніемъ многіе существеннѣйшіе вопросы), называетъ почему-то первоначальное чтеніе „свинцовыми заплатками Илличевскаго“...

Трудно одобрить (съ художественной точки зрѣнія) нѣкоторые изъ выбранныхъ новымъ изданіемъ варіантовъ,—напр., въ такомъ общеизвѣстномъ стихотвореніи, какъ „къ морю“ (вм. прежняго: „Гдѣ капля блага, тамъ на стражѣ иль *просвѣщенье*, иль тиранъ“—„иль *самовластье*, иль тиранъ“). Не всегда удачны и собственные домыслы почтеннаго редактора. Въ неразборчиво написанныхъ стихахъ:

Не вѣровалъ я (*граціямъ*) донынѣ,
Мнѣ (*видъ*) тройной казался все мудренъ;
Но вижу васъ—и, вѣрой озаренъ,
Молюсь тремъ граціямъ въ одной богинѣ—

вмѣсто слова „видъ“ слѣдовало, по всей вѣроятности, прочесть „богъ“.

Необходимо, въ заключеніе, отмѣтить два чисто внѣшнихъ и, тѣмъ не менѣе, очень важныхъ недостатка новаго изданія: отсутствіе алфавитныхъ указателей въ концѣ каждаго тома и хронологическихъ датъ вверху каждой страницы. Желая отыскать нужное вамъ стихотвореніе, вы принуждены теперь рыться (нерѣдко безуспѣшно) въ нѣсколькихъ томахъ; открывъ случайно какое-нибудь стихотвореніе, вы не видите, къ какому году оно относится, и опять должны терять время на розыски. Что эти послѣдніе вообще не легки въ новомъ изданіи, показываетъ хотя бы такой маленькій примѣръ: въ отдѣлѣ поэмъ 1822 г. подъ заголовкомъ „Эпическіе отрывки", помѣщены стихотворенія: „Не сѣтуйте, красавицы мои" и „Поговоримъ о странностяхъ любви"... Спрашивается,—что въ нихъ „эпическаго"?!

Изданіе украшено двумя превосходной работы портретами Пушкина.

В. Н. Майковъ. Сочиненія. 2 т. Изд. Фукса. Кіевъ.

Валеріану Майкову больше везетъ у критики, чѣмъ у публики; правда, и критики къ нему не сплошь благосклонны, а гг. Иванъ Ивановъ, Протопоповъ и Волынскій и совсѣмъ неблагосклонны, но они, по крайней мѣрѣ, знаютъ его; читатели же рѣшительно не хотятъ его знать.

Можно объ этомъ жалѣть, но нельзя закрывать глаза на то, что здѣсь есть доля основательности. Майковъ былъ больше ученымъ теоретикомъ, чѣмъ талантливымъ писателемъ; онъ умеръ слишкомъ рано, чтобы развернуться и доказать, что способенъ исполнить возлагаемыя на него надежды. Ему удалось бросить мимоходомъ нѣсколько критическихъ отзывовъ, вѣрность и значеніе которыхъ оцѣнили лишь значительно позже. Но критика не была его настоящимъ призваніемъ, и онъ чувствовалъ это. „Я никогда не думалъ быть критикомъ въ смыслѣ оцѣнщика литературныхъ произведеній,—говорилъ онъ въ письмѣ къ Тургеневу,—я чувствовалъ всегда непреодолимое отвращеніе къ сочиненію отрывочныхъ статей. Я всегда мечталъ о карьерѣ ученаго и до сихъ поръ нимало не отказался отъ этой мечты". Онъ видѣлъ въ томъ, что онъ называлъ критикою, лишь „единственное средство заманить публику въ сѣть интереса науки", заставить ее читать въ критическомъ отдѣлѣ „Отечественныхъ Записокъ" тѣ ученые трактаты, которые остались бы неразрѣзанными въ отдѣлѣ „Наукъ". Онъ былъ популяризаторомъ, а интересъ къ такому писателю неминуемо падаетъ, когда становится общеизвѣстнымъ — или отвергается, какъ заблужденіе—то, что онъ старался сдѣлать общедоступнымъ. Такихъ страницъ слишкомъ много въ собраніи критическихъ отзывовъ и экономическихъ разсужденій Майкова. Въ обширныхъ низахъ читающей публики у насъ еще много читателей, которымъ онъ можетъ

быть интересенъ и полезенъ, но, кажется, его сочиненія доживаютъ послѣдніе дни своей литературной жизни.

Но и наканунѣ своего перехода въ исторію, когда лишь спеціалистъ остановится на нихъ, какъ на мелкомъ и любопытномъ эпизодѣ въ судьбахъ русской общественности, сочиненія Валеріана Майкова способны задѣть вниманіе тѣми или иными подробностями. Не разъ указывали въ литературѣ на его удачные отзывы о Тютчевѣ, Искандерѣ, Достоевскомъ; необходимо отмѣтить его здравыя эстетическія воззрѣнія и правильную оцѣнку, данную имъ школьной схоластической поэтикѣ, — дожившей, не смотря на уничтожившее ея основы научное движеніе, до нашихъ дней. За полвѣка до „исторической поэтики“ А-ра Веселовскаго онъ жаловался на то, что „у насъ до сихъ поръ господствуетъ теорія краснорѣчія и піитика *отвлеченныя*, которыя излагаютъ ученіе о свойствахъ краснорѣчія вообще, о родахъ того и другого, объ ораторѣ и поэтѣ“, но нѣтъ ученія *историческаго*, „между тѣмъ, какъ абстрактная піитика, абстрактная прозаика изъ него же и должны выходить... между тѣмъ, какъ это движеніе родовъ и видовъ краснорѣчія и поэзіи составляетъ, по нашему глубокому убѣжденію, настоящую теорію того и другого“. Ему ставили въ заслугу то, что онъ оцѣнилъ „Двойника“, когда Бѣлинскій называлъ эту повѣсть Достоевскаго „нервической чепухой“. Однако, похвалы Майкова были настолько слабо обоснованы, что и теперь — черезъ полвѣка рѣшающаго времени—мнѣніе Майкова нельзя считать господствующимъ; воплощенная въ терзаніяхъ Голядкина „анатомія души, гибнущей отъ сознанія разрозненности частныхъ интересовъ въ благоустроенномъ обществѣ“, не находитъ особенно горячихъ цѣнителей даже въ тѣхъ, кто нынѣ готовъ въ каждое слово Достоевскаго вкладывать все содержаніе пережитой послѣ него работы мысли. Самъ Майковъ отдавалъ свое воззрѣніе на судъ времени. „Если намъ скучно было читать „Двойника“, не смотря на невозможность не сочувствовать созданію Голядкина, то въ этомъ — замѣчаетъ онъ—всетаки нѣтъ ничего удивительнаго: анализъ не всякому сносенъ; давно-ли анализъ Лермонтова многимъ кололъ глаза, давно-ли въ поэзіи Пушкина видѣли какое-то нестерпимое начало?“ Эти времена прошли давно и безъ возврата, психологическій анализъ, болѣзненно тонкій и любительски изысканный, сдѣлался родной стихіей литературы и читателей, — а о возведеніи „Двойника“ въ рангъ первоклассснаго произведенія все не слышно. Майковъ, очевидно, ошибся. Но и здѣсь, второстепенный критикъ и остроумный теоретикъ, онъ сумѣлъ бросить мысль, которую слѣдовало бы связать съ его именемъ. Одни считаютъ у насъ Достоевскаго замѣчательнымъ реалистомъ, другіе великимъ мистикомъ, и еще не такъ давно г. Мережковскій открывалъ Америку примиряющаго синтеза, указывая, что

Достоевскій одновременно и реалистъ, и мистикъ. А Валеріанъ Майковъ, между прочимъ, говорилъ объ этомъ любопытномъ соединеніи съ полной ясностью и опредѣленностью послѣ двухъ-трехъ вещей Достоевскаго — въ 1846 году. „Въ этомъ произведеніи,—говоритъ онъ о „Двойникѣ“,—авторъ такъ глубоко проникъ въ человѣческую душу, такъ безтрепетно и страстно вглядѣлся въ сокровенную машинацію человѣческихъ чувствъ, мыслей и дѣлъ, что впечатлѣніе, производимое чтеніемъ „Двойника“, можно сравнить только съ впечатлѣніемъ любознательнаго человѣка, проникающаго въ химическій составъ матеріи. Что, кажется, можетъ быть положительнѣе химическаго взгляда на дѣйствительность? А между тѣмъ, картина міра, просвѣтленная этимъ взглядомъ, всегда представляется человѣку облитою какимъ-то мистическимъ свѣтомъ. Сколько мы сами испытали и сколько могли заключить о впечатлѣніяхъ большей части поклонниковъ таланта г. Достоевскаго, въ его психологическихъ этюдахъ есть тотъ самый мистическій отблескъ, который свойственъ вообще изображеніямъ глубоко-анализированной дѣйствительности“. Послѣднее особенно интересно; нѣтъ, стало быть, никакого внѣшняго „сопоставленія“ мистическаго и реальнаго, о которомъ говоритъ г. Мережковскій, и ужъ навѣрное нѣтъ ихъ „контраста“,—наоборотъ, есть ихъ взаимная зависимость: одно слѣдствіе другого; въ анализѣ мысль доходитъ до неразложимаго, которое естественно взываетъ къ ирраціональному.

Было бы пріятно, чтобы читатели оцѣнили эти частности и обратились къ Майкову; но надеждъ на это немного.

Кнутъ Гамсунъ. Драма жизни. Книгоиздательство «Скорпіонъ» **Москва**, 1902.

Нѣмецкій литературный справочникъ сообщаетъ о Гамсунѣ, что послѣ успѣха его реальнаго „Голода“, норвежскій писатель обратился къ символизму, который особенное значеніе имѣетъ въ его драматическихъ произведеніяхъ. И въ самомъ дѣлѣ—это наиболѣе выдающаяся и наиболѣе ясная ихъ черта: символизмъ манерный, грубый, показной, мы сказали бы—наивный, если бы онъ не былъ дѣланный,—если можно такъ выразиться—и мы думаемъ, что можно—символизмъ мелочей. Сначала „Драма жизни“ Гамсуна производитъ впечатлѣніе произведенія вполнѣ реальнаго. Это—тотъ стиль, въ которомъ были достигнуты величайшія побѣды истиннаго символизма,—символизма, отличающаго всякое дѣйствительно художественное произведеніе. Какъ извѣстно, никакой реализмъ не мѣшаетъ „Гамлету“ говорить читателямъ не только объ ограниченной трагедіи датскаго принца, но и о безконечномъ разнообразіи жизненныхъ явленій, сгущенномъ въ этомъ образѣ. Это символизмъ en grand. Сравненіе уяснитъ дѣло

Въ зодчествѣ есть творчество, которое воплощается въ большихъ, крупныхъ, основныхъ формахъ; увидишь Акрополь или Пантеонъ или Кельнскій соборъ—и никогда они своими большими, ясными очертаніями не умрутъ въ памяти, никогда не смѣшаются ни съ чѣмъ инымъ. Но есть и иная архитектура; за границей часто можно видѣть, какъ выстроютъ домъ изъ рода тѣхъ ящиковъ для жилья, которые нѣмецкое остроуміе называютъ Miethskasernen; вчернѣ это въ самомъ дѣлѣ казарма. И вотъ въ одинъ прекрасный день телѣга съ фабрики привозитъ къ этому холодному, прозаичному, неуклюжему остову груду готовыхъ украшеній. Ихъ расклеиваютъ по надлежащимъ мѣстамъ, смазываютъ, закрашиваютъ—и стильное сооруженіе готово. Стиль опредѣляется по фабричному прейсъ-куранту; можно изъ казармы сдѣлать готикъ, можно барокъ, можно ренессансъ, можно и сецессіонъ. Въ послѣднюю зиму такъ дѣлали и въ Петербургѣ: и окна, и двери въ нѣкоторыхъ старыхъ домахъ изъ старыхъ честныхъ четыреугольныхъ дыръ обратились въ ничѣмъ не вызванные круги, полукруги и овалы. Публика уже набила себѣ глазъ и съ удовольствіемъ говоритъ: вотъ, и у насъ—постройки въ новомъ стилѣ.

Въ такомъ же новомъ стилѣ написана драма Гамсуна—и ему та же цѣна. Мы назвали его манеру символизмомъ подробностей; онъ тоже написалъ обыкновенную драму и понаклеилъ на нее декадентскія завитушки. Но въ сущности это даже и не символизмъ. Символизмъ, даже и плохой, есть всетаки нѣчто художественное, ибо предполагаетъ за сжатой поэтической картиной множественность и глубину ея значеній. Здѣсь этого нѣтъ; здѣсь мѣсто символа занимаетъ аллегорія: вмѣсто того, чтобы сказать что нибудь прямо, говорятъ иносказательно; это не поэзія, а проза, и читатель относится къ такому произведенію не какъ къ источнику мыслей, чувствъ и настроеній, а какъ къ ряду загадочныхъ картинокъ. Читая „Иліаду“, „Орлеанскую дѣву“, „Дворянское гнѣздо“, читатель, захваченный процессомъ мысли, часто задаетъ себѣ вопросъ: „что это значитъ“,—но ему не приходится копаться надъ загадками, дешифрировать загадочныя картинки: нарисованъ кустъ — спрашивается, гдѣ Наполеонъ? онъ знаетъ, что дѣло не въ томъ, что нарисовано или сказано, а въ той загадкѣ, которая гдѣ-то спрятана. Онъ наведенъ на мысль, что въ кустѣ надо искать Наполеона—и, понатужившись, найдетъ его. И тогда онъ уже непремѣнно будетъ видѣть Наполеона — только Наполеона, ничего кромѣ него. А въ художественномъ, истинно символическомъ произведеніи, или, вѣрнѣе, сквозь него—можно и должно видѣть многое.

Такъ какъ Гамсунъ слишкомъ достаточно позаботился объ этомъ, мысль, вложенная имъ въ пьесу, ясна. Жизнью правятъ безсмысленныя и непонятныя силы; всѣ ея событія—случайныя комбинаціи явленій природы и нашихъ темныхъ импульсовъ.

Среди нихъ половые на первомъ планѣ. Одинъ законъ уравниваетъ—уравниваетъ механически, не осмысливая—всю эту иррацiональную игру: законъ справедливости,—грубой, мстящей, никого, ни дѣйствующихъ лицъ, ни зрителей, не удовлетворяющей. Трудно повѣрить: эта справедливость—совсѣмъ какъ въ старой мистерiи, гдѣ среди дѣйствующихъ лицъ значились Гордость, Доброта, Мiрская жизнь и т. п.—олицетворена авторомъ въ видѣ старика Тю, прозваннаго „Справедливость"; ему иногда подаютъ крону, но въ общемъ съ нимъ не чинятся; въ третьемъ дѣйствiи онъ ходитъ въ башмакахъ задомъ напередъ, и потому дѣйствiе заканчивается тѣмъ, что онъ падаетъ; при этомъ читатель обязанъ подумать: въ жизни тоже справедливость часто спотыкается. Въ заключенiе второго акта и потомъ въ концѣ пьесы на пустой сценѣ остается Тю—и „стоитъ одинъ, высокiй стройный, съ фуражкой въ рукахъ". Мистическую фуражку, тоже, вѣрно, слѣдуетъ понимать иносказательно, но въ какихъ смыслахъ—неизвѣстно.

Психологiя такихъ художественныхъ прiемовъ представляется намъ довольно ясной; она коренится въ несоотвѣтствiи между средствами выраженiя и запасомъ переживанiй, подлежащихъ выраженiю. Хочется высказать, да нечѣмъ—вотъ и прибѣгаютъ къ такимъ способамъ, которые кромѣ автора никому ничего не говорятъ.

Московскiе „скорпiоны", обогатившiе нашу литературу переводомъ неудачной драмы Гамсуна, очевидно, нашли, что пьеса недостаточно непонятна; поэтому среди дѣйствующихъ лицъ значатся безъ объясненiй „лестадiанецъ" и „квены". Переводчики хотятъ, чтобы драма была непонятна безъ энциклопедическаго словаря; едва ли это входило въ намѣренiя автора.

Н. Телешовъ. Повѣсти и разсказы. М. 1902 г.

Литературную физiономiю г. Телешова можно опредѣлить нѣсколькими словами. Онъ полонъ добрыхъ намѣренiй, сердце у него горячее и отзывчивое, въ особенности на дѣтское горе; пишетъ онъ, лукаво не мудрствуя, пристально въ житейскiя отношенiя не всматривается и чаще всего принимаетъ ихъ такими, какъ они представляются большинству людей; на всѣхъ и на все онъ глядитъ неизмѣнно добродушными глазами, такъ что о любомъ изъ многочисленныхъ лицъ, дѣйствующихъ или говорящихъ въ его произведенiяхъ, можно сказать: „добрый малый" и даже въ самомъ худшемъ случаѣ, — „дрянь человѣкъ, а, впрочемъ, добрый малый". Большинство этихъ добряковъ усердно играетъ въ карты, ужинаетъ въ клубахъ, предается угарному веселью на ярмаркахъ, заводитъ мимоходомъ легкiе амуры, вообще живетъ въ полное свое удовольствiе, и если что заставляетъ ихъ иногда призадуматься и ощутить въ своей груди дви-

женіе серьезнаго человѣческаго чувства, то это почти исключительно какая-нибудь незамѣтная дѣтская драма, нечаянно вторгшаяся въ ихъ безпечальное житье. Эта тема съ особенной теплотой разработана въ „Маленькомъ романѣ“, хотя необходимо оговориться, что онъ бы значительно выигралъ, если бы былъ еще меньше. Вь извѣстной мѣрѣ это относится и къ разсказу „Сухая бѣда“, въ которомъ разгулявшійся богатый купчикъ,— „широкая натура“,—ненарокомъ губитъ два, если не дѣтскія, то, во всякомъ случаѣ, полудѣтскія существованія,—дѣвушки-подростка и молодого полудикаго чуваша, — и надо добавить, что именно эти двѣ фигуры наиболѣе удались автору. Цѣликомъ посвящены ребячьему горю три небольшіе очерка изъ жизни переселенцевъ: „Домой“, „Нужда“ и „Елка Митрича“. Въ „Ошибкѣ барина“ рѣчь идетъ объ участи незаконнаго ребенка. Въ „Жертвахъ жизни“,—произведеніи болѣе чѣмъ странномъ по замыслу,— выведенъ маніакъ неудачникъ, преслѣдуемый мыслью о роковомъ статистическомъ законѣ, по которому жизнь требуетъ точно опредѣленнаго числа жертвъ; рѣшивъ, что нужно заставить другого „пополнить печальную цифру жизни“, чтобы не погибнуть самому, онъ ни съ того, ни съ сего топитъ въ морѣ „кудряваго мальчишку, общаго любимца, будущаго счастливчика“... Довольно, однако. Мы не будемъ распространяться ни о „Дуэли“, написанной для доказательства безсмысленной жестокости поединковъ и ровно ничѣмъ не отличающейся отъ тысячи другихъ „сочиненій“ на ту же тему, ни о „Счастливцѣ“, въ которомъ живописуется блаженная слѣпота мужей, не замѣчающихъ „невѣрности“ своихъ женъ. Ограниченность того запаса идей, съ которымъ г. Телешовъ приступилъ къ художественному изображенію жизни, слишкомъ очевидна для того, чтобы нужно было подробнѣе иллюстрировать этотъ выводъ.

Е. Дюрингъ. Высшее женское образованіе и университеты. Переводъ Дм. Ройтмана. СПБ. 1902.

Главный интересъ книги Дюринга для русскаго не въ томъ, что онъ говоритъ о женскомъ образованіи, а въ критикѣ строя германской школы, съ которой была скопирована, и при томъ довольно неудачно, и русская школа. Взгляды Дюринга на высшее женское образованіе либо стали въ нашей интеллигенціи ходячими, либо врядъ ли могутъ быть признаны удачными, какъ, напр., мысль о необходимости для женщинъ, какъ элемента вновь выступающаго на поприще культурной жизни, особаго, отдѣльнаго отъ мужчинъ образованія, или же утвержденіе, что „лучшему женщина можетъ научиться только отъ женщины“ (Дюрингъ противъ допущенія мужчинъ къ преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ). Гораздо интереснѣе самое построеніе идеала

новой школы (которая съ такимъ же успѣхомъ могла бы быть мужской, какъ и женской) и критика школы существующей. Гимназіи Дюрингъ считаетъ анахронизмомъ, который давно долженъ былъ бы уже исчезнуть. Для русскаго читателя безспорно интересны яркія характеристики, которыя даетъ Дюрингъ псевдоклассицизму средней и высшей школы. „Такъ какъ въ университетахъ, говоритъ Дюрингъ, — юриспруденцію и медицину считаютъ нужнымъ изучать съ косичкой изъ древнихъ языковъ за плечами, то гимназіи и служатъ для этого соотвѣтственной подготовительной ступенью, потому что только тамъ и учатъ заплетать эту косичку". Еще болѣе сурово относится Дюрингъ къ псевдоклассицизму въ университетахъ.

„Лохмотья среднихъ вѣковъ,—говоритъ онъ,—образуютъ главное украшеніе, отличающее университетскую ученость отъ современной науки, принявшей болѣе естественный видъ. Заключенные въ рамки средневѣковаго церковнаго и авторитетнаго существованія, университеты приняли отъ церкви и посильно сохранили до сего дня латынь, какъ священную завѣсу отъ невѣжественнаго народа. Конечно, уже въ прошломъ столѣтіи они должны большею частью устранить латинскія лекціи, но и тогда послѣднія уже запоздали на пару столѣтій. Духъ свободной науки уже въ 16 вѣкѣ пользовался языками новыми, а ученые цехи снова сдѣлались тормазомъ, и въ этомѣ пунктѣ, задерживая безъ всякой нужды естественный прогрессъ науки. Нынѣ латынь остается отчасти въ видѣ церемоніала, но отчасти (*и это серьезное зло*) является помѣхой, какъ основа обученія". Дюрингъ указываетъ на псевдоклассицизмъ въ университетской постановкѣ изученія права, благодаря которому юристъ затрачиваетъ пропасть времени на изученіе пандектовъ. За университетскими классиками филологами Дюрингъ не признаетъ даже знанія античнаго міра; быть можетъ, не безъ основанія онъ называетъ ихъ „мнимыми знатоками древности". Дюрингъ возражаетъ также противъ преувеличенія цѣнности античной культуры; здѣсь онъ впадаетъ, можетъ быть, даже въ нѣкоторую крайность, но трудно не согласиться съ его мнѣніемъ, что „ради непристойныхъ шутокъ Аристофана вовсе не годится тратить десятки лѣтъ на греческія экзерциціи". Лучшимъ у грековъ, по мнѣнію Дюринга, было пластическое искусство, „но, къ счастью, замѣчаетъ онъ, ихъ статуи ни слова не говорятъ по-гречески". Признавая такъ называемое классическое образованіе въ гимназіяхъ „дрессировкой въ древнихъ языкахъ", Дюрингъ высказываетъ убѣжденіе въ томъ, что „могущественные индустріальные классы, въ которыхъ пульсируетъ кровь новой жизни, добьются, наконецъ, ниспроверженія загородокъ изъ древнихъ языковъ". Псевдоклассицизмомъ не ограничиваетъ Дюрингъ свои нападки на школу, главнымъ образомъ, на университетъ, онъ не менѣе горячо нападаетъ на цеховую замкнутость ученыхъ, на

недостатки лекціонной системы и т. д. Иногда вражда къ существующему университетскому строю приводитъ Дюринга къ крайностямъ, и одному злу онъ предпочитаетъ еще худшее (такъ, напр., указавъ на непотизмъ, царящій среди ученой корпораціи и ведущій къ замѣщенію каѳедръ ничтожествами, Дюрингъ склоняется въ пользу бюрократическаго порядка замѣщенія ихъ), но въ общемъ критика университетскаго строя, загроможденнаго пережитками средневѣковья, является у Дюринга сильной и правильной. Архаичной школьной системѣ Дюрингъ противополагаетъ самообразованіе и предлагаетъ свою схему таковаго. Схема эта, конечно, можетъ быть оспариваема, но ей нельзя отказать въ цѣльности и продуманности. Въ общемъ книга Дюринга безспорно интересна для всякаго, кому приходится думать о вопросахъ образованія, даже парадоксы его наводятъ на мысли, а старые кумиры на глиняныхъ ногахъ рѣзкая логика Дюринга разбиваетъ безъ всякой пощады.

В. Вартаньянцъ. Гл. Успенскій и Гоголь и ихъ отношеніе къ крѣпостному строю. Критическій этюдъ. Тифлисъ. 1902.

Брошюра г. Вартаньянца въ довольно блѣдной, надо сознаться, юбилейной литературѣ о Гоголѣ по затронутымъ ею вопросамъ является одной изъ наиболѣе живыхъ. Мысль сопоставить Гоголя съ Успенскимъ и выяснить разницу отношенія этихъ двухъ великихъ русскихъ писателей къ одному изъ крупнѣйшихъ золъ современной Гоголю и захваченной Успенскимъ русской дѣйствительности, сама по себѣ обѣщаетъ бросить лучъ свѣта не только на личность обоихъ писателей, но и на представляемый каждымъ изъ нихъ моментъ. До извѣстной степени брошюра г. Вартаньянца выполняетъ эту задачу, но только до извѣстной степени. Г. Вартаньянцъ прежде всего самъ осложнилъ свою и безъ того очень сложную задачу, введя въ кругъ сравненія, кромѣ Гоголя и Успенскаго, Щедрина, Достоевскаго и Толстого. Не говоря уже о трудности дать что нибудь основательное при такихъ рамкахъ работы на двадцати восьми страницахъ, г. Вартаньянцъ очень затемнилъ вопросъ, объединивъ Гоголя съ Достоевскимъ и Толстымъ въ одну группу писателей моралистовъ, яко бы одинаково относившихся къ крѣпостному строю и формамъ общественнаго строя. Этимъ писателямъ г. Вартаньянцъ противопоставляетъ не только Успенскаго, Щедрина и Бѣлинскаго, но и Лермонтова, объ отношеніи котораго къ *формамъ* общественнаго строя судить почти невозможно. Сближеніе Гоголя съ Л. Толстымъ г. Вартаньянцъ простираетъ и на кризисъ, пережитый каждымъ изъ названныхъ писателей; кризисъ Толстого и Гоголя представляется нашему автору вполнѣ аналогичнымъ, съ той только разницей, что Толстой пользуется до настоящаго времени завиднымъ здоровьемъ, тогда какъ Гоголь не пережилъ кризиса. Такая упорно

проводимая аналогія съ Толстымъ въ значительной степени ослабляетъ тѣ вѣрныя замѣчанія, которыя мы находимъ въ брошюрѣ Вартаньянца о Гоголѣ. Какъ бы ни относиться къ Толстому, аналогія между нимъ и Гоголемъ является только кажущейся и могла быть выдвигаема только тогда, когда характеръ эволюціи міросозерцанія Толстого еще не выяснился. Не надо быть приверженцемъ ученія Толстого, чтобы видѣть, что неукротимый анализъ мысли Толстого, разрушающій всякую догму, безусловно враждебный современному строю, діаметрально противоположенъ преданности Гоголя-человѣка современной ему дѣйствительности и разъ усвоенной догмѣ. Толстой, какъ мыслитель, весь исканіе, Гоголь, какъ мыслитель—олицетворенный застой.

Что касается до характеристики самого Гоголя, то она является у г. Вартаньянца, если не особенно новой, то удачной и яркой.

Гоголя-мыслителя г. Вартаньянцъ считаетъ выразителемъ дворянскаго консервативнаго слоя современнаго ему общества. Его идеи, его міросозерцаніе—идеи и міросозерцаніе старой дореформенной Россіи, которая „никогда не выдвигала болѣе крупнаго, религіозно убѣжденнаго и чистаго защитника своихъ основъ", и тѣмъ не менѣе никто изъ писателей до Гоголя не наносилъ этой старой Россіи такого сильнаго удара. Причиной такого явленія г. Вартаньянцъ считаетъ одинаковую у Гоголя и Успенскаго честность отношенія къ литературѣ и одинаковое пониманіе задачъ реальнаго искусства. Разница въ міросозерцаніи заставила одного изъ этихъ двухъ „совѣстливыхъ" писателей пройти мимо крѣпостного права, не замѣтивъ его, а другого сдѣлаться печальникомъ за народъ. „Какъ моралистъ, говоритъ г. Вартаньянцъ, Гоголь безспорно сознательно клеймилъ общественныя язвы. Но какъ у соціолога, творчество Гоголя было вполнѣ безсознательно. Сознательно Гоголь отстаивалъ крѣпостное право. Безсознательно онъ наносилъ этому крѣпостному праву самыя чувствительные и непоправимые удары". Взглядъ на Гоголя, какъ исключительно на моралиста, чуждаго интереса къ общественнымъ вопросамъ, взглядъ не новый и, какъ показала работа С. А. Венгерова, появившаяся въ минувшемъ году на страницахъ „Русскаго Богатства", далеко не безспорный, но если сравнивать Гоголя съ Успенскимъ, то сознательная гражданственность послѣдняго безспорно совершенно затемняетъ инстинктивную, не перешедшую въ область ясно сознанныхъ идей гражданственность Гоголя, и г. Вартаньянцъ совершенно правъ, видя въ этомъ отношеніи въ двухъ писателяхъ-реалистахъ прямыхъ антиподовъ. Характеристика Гл. Успенскаго, какъ гуманнѣйшаго изъ русскихъ беллетристовъ, и въ тоже время писателя, проникнутаго пониманіемъ взаимоотношенія между личностью и общественнымъ строемъ, не представляя ничего новаго, написана тепло

и живо. Вообще брошюра г. Вартаньянца является, если не однимъ изъ болѣе драгоцѣнныхъ, то однимъ изъ наиболѣе искренно принесенныхъ вѣнковъ на могилу двухъ великихъ писателей. Она полна любви къ нимъ и къ тому, что въ нихъ хорошаго, любви, которая передается читателю. Не удовлетворяя читателя эскизностью работы, г. Вартаньянцъ приковываетъ, однако, мысль къ поставленному имъ вопросу и заставляетъ вдуматься въ суть души и творчества двухъ писателей, столь различныхъ и все же сходныхъ между собой.

В. М. Дорошевичъ. Сахалинъ (Каторга). Ч. I, II. М. 1903 г.

Г. Дорошевичъ провелъ на Сахалинѣ $3^1/_2$ мѣсяца спеціально для изученія современной каторги. Въ результатѣ передъ нами огромная книга въ 600 стр. крупнаго формата. Это не изслѣдованіе въ обычномъ значеніи этого слова; это скорѣе живая иллюстрація къ тому, о чемъ такъ много писалось въ мѣстной и общей печати объ этомъ своеобразномъ уголкѣ Россіи; это Сахалинъ въ лицахъ и сценахъ, въ общемъ написанныхъ ярко, картинно, сильно, и потому производящихъ сильное впечатлѣніе. Г. Дорошевичъ большой мастеръ выхватывать изъ жизни отдѣльные типы, картинки, сцены, и превращать ихъ въ небольшія, почти крошечныя по размѣрамъ, но часто значительныя по содержанію, миніатюрныя комедіи, драмы, трагедіи. На Сахалинѣ онъ нашелъ для себя благодарный матеріалъ, самъ по себѣ напрашивавшійся наблюдателю. Не всѣ „миніатюры“ автора одинаково выдержаны въ художественномъ отношеніи: есть много неудачныхъ, перерисованныхъ, присочиненныхъ, да и вообще манера автора часто слишкомъ ужъ фельетонна; но много и такихъ, которыя нарисованы правдиво, сильно, искусно и оставляютъ глубокое впечатлѣніе. Укажемъ хотя-бы „Корсаковскій лазаретъ“, „Каторжный театръ“, „Добровольно слѣдующіе“, „Шкандыба“, „Отцеубійца“, „Монте-Карло“, „Наемные убійцы“, „Интеллигентъ“, „Душевнобольные“, уже не говоря объ отдѣльныхъ мѣткихъ, художественныхъ штрихахъ, разбросанныхъ щедрой рукой по всей книгѣ и придающихъ ей яркій, сильный колоритъ. Но, конечно, не въ художественной сторонѣ центръ тяжести этой книги, а въ самомъ матеріалѣ, ею изображаемомъ, матеріалѣ, который самъ по себѣ въ самомъ сыромъ видѣ представляетъ собою уже нѣчто ужасное и способенъ вызывать въ наблюдателѣ самыя разнообразныя эмоціи, начиная съ ужаса, отвращенія, негодованія, и кончая жалостью и, наконецъ, умиленіемъ передъ чудесно на самомъ днѣ ада спасенной и взращенной искрой Божіей. Автору удалось вызвать эти эмоціи, и въ этомъ его наибольшая заслуга. Правда, эти эмоціи рѣдко ведутъ къ непосредственнымъ результамъ и дѣйствуютъ съ убійственной медленностью, но въ концѣ

концовъ онѣ дѣйствуютъ, и поэтому необходимо почаще ихъ вызывать...

Книгу г. Дорошевича особенно интересно разсмотрѣть при свѣтѣ исторіи Сахалина.

Злой ироніей является эта книга надъ колоссальными жертвами, принесенными для того, чтобы создать величайшую въ мірѣ пенитенціарную колонію! Пенитенціарная колонія—это великая школа исправленія и возрожденія преступныхъ общественныхъ элементовъ. Кто же на Сахалинѣ является руководителями этой труднѣйшей изъ всѣхъ школъ? Г. Дорошевичъ уже не нашелъ наиболѣе славныхъ изъ этихъ педагоговъ, увѣковѣченныхъ его предшественниками: они уже унесены исторіей. Онъ нашелъ уже посредственности, но только относительно, потому-что и они могли бы украсить персоналъ „Мертваго дома“. За немногими счастливыми исключеніями, все, что есть негоднаго, невѣжественнаго, нелѣпаго, отброснаго въ разныхъ уголкахъ нашего обширнаго отечества, все это находитъ себѣ радушный пріютъ на педагогическомъ поприщѣ школы каторжныхъ.

Тутъ и знаменитые забайкальцы, дѣти каторжныхъ или смотрителей каторжныхъ тюремъ, тутъ и разная мелкота вродѣ ротныхъ фельдшеровъ, быстро дѣлающихъ здѣсь карьеру, тутъ и россійскія темныя личности, вродѣ Бестужева, обѣгавшіе весь свѣтъ въ поискахъ воли своимъ разнузданнымъ инстинктамъ и въ послѣднемъ этапѣ прибитые къ сахалинскимъ берегамъ, люди, которые сами о себѣ говорятъ, что только случай не привелъ ихъ сюда въ качествѣ каторжанъ; тутъ, наконецъ, и люди безразличные, быстро усваивающіе атмосферу каторжной аракчеевщины и сведенные къ общему уровню. Идеалъ этихъ людей—нажива, произволъ и тѣлесныя наказанія. Ихъ злѣйшіе враги—люди, напоминающіе имъ о законности и гуманности. На службѣ они разыгрываютъ укротителей „мерзавцевъ“, дома они непрочь продавать этимъ „мерзавцамъ“ спиртъ или квитанціи на спиртъ изъ казенной лавки. Каковы должны быть эти педагоги, если ихъ жены въ своихъ салопахъ вопятъ о необходимости тѣлесныхъ наказаній и смертныхъ казней. Каковы должны быть малоинтеллигентные руководители каторги, если находятся врачи, какъ г. С., который изъ всѣхъ лѣкарствъ знаетъ только терминъ „взбрызнуть“, или какъ г. Д., записывающій въ симулянты и, слѣдовательно, подлежащіе наказанію, чуть ли не всякаго паціента.

Не трудно себѣ представить, какова должна быть школа, управляемая такими руководителями. Тюрьма — этотъ первый этапъ мнимаго исправленія—представляетъ, по счастливому мѣстному выраженію, удачно усвоенному и авторомъ, атмосферу навоза и крови, атмосферу, въ которой человѣкъ окончательно теряетъ все то, что онъ еще успѣлъ сохранить хорошаго изъ сво-

его прошлаго. Забитый розгами и всяческимъ глумленіемъ, изнуренный непосильной подневольщиной и хроническимъ недоѣданіемъ, потерявшій вѣру въ себя, въ людей и какую-бы то ни было надежду на освобожденіе, развращаемый тиранніей профессіональныхъ преступниковъ, человѣкъ „въ здравомъ умѣ и твердой памяти“ впадаетъ въ хроническое безуміе sui generis, безуміе цинизма. Трагедія этого ужаснаго вида безумія со страшной ясностью выражена въ трехъ словахъ того каторжнаго, который, когда авторъ попытался остановить однажды потокъ его бѣшеннаго богохульства и невѣроятнаго цинизма, на моментъ оторвавшись отъ своей обычной психологіи, въ отчаяніи восклицаетъ: „Ахъ, баринъ, ума я рѣшился!..“

И вотъ, когда такой человѣкъ, безумный и убогій, безъ силъ, безъ энергіи, безъ воли, потерянныхъ въ годы каторги, кончаетъ свой срокъ, его съ голыми руками отправляютъ въ тайгу и велятъ ему стать колонизаторомъ ея, т. е., принять на себя трудъ, передъ которымъ спасовали бы самые энергичные, свободные, бодрые тѣломъ и душой европейскіе колонизаторы Сѣв. Америки. И это при страшной скудости природы, при неблагопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, при полномъ отсутствіи зимнихъ заработковъ, ибо лучшіе и дѣйствительно цѣнные дары Сахалина, рыбныя ловли и угольныя копи, безконтрольно отданы разнымъ проходимцамъ, естественно предпочитающимъ работать корейцами, китайцами и всякими другими безотвѣтными элементами, чѣмъ требовательными насчетъ платежа поселенцами. Неудивительно, что въ этихъ насильственно созданныхъ селеніяхъ колонизаторы убиваютъ другъ друга за алтынъ, и даже исключительные счастливцы, которые тѣмъ или инымъ путемъ, иной разъ съ самыми неимовѣрными усиліями, создали себѣ хозяйственное благополучіе, безъ оглядки, при первой же возможности, спѣшатъ покинуть эти страшныя мѣста, гдѣ каждый часъ имъ грозитъ смерть отъ руки бѣдствующаго сосѣда.

Но есть сотни людей, настоящихъ, повидимому, счастливцевъ, которые свободны отъ ужасовъ каторги и поселенія: это такъ называемые богадѣльщики — люди, сознательно нанесшіе себѣ тяжкое увѣчье, членовредительство, калѣки, старики, живущіе на казенномъ иждивеніи, въ такъ называемыхъ богадѣльняхъ. Рисуемыя авторомъ картины этихъ счастливыхъ убѣжищъ представляютъ нѣчто умопомрачительное по той глубинѣ паденія, до которой можетъ быть доведенъ человѣкъ. Единственное чистое учрежденіе, рисуемое авторомъ, на которомъ можно отдохнуть душой, это... убѣжище помѣшанныхъ... Но оставимъ то ужасное, которое такъ густо сконцентрировалъ авторъ въ своей картинѣ.

Не то удивительно, что люди падаютъ при такихъ ужасныхъ условіяхъ, а удивительно и такъ много говоритъ въ пользу человѣческой природы то, что люди и при этихъ условіяхъ умудря-

ются сохранить и питать въ себѣ искру Божію. Никакія мученія, никакія издѣвательства и глумленія, никакія лишенія не въ состояніи, повидимому, искоренить лучшихъ сторонъ человѣческой природы. Среди обширнаго калейдоскопа падшихъ, то тутъ, то тамъ появляются люди, которые не только сохранили искру Божію, но и способны на протестъ, на страданіе за нее. Вотъ бывшіе грабители-убійцы, Шапошниковъ и Шкандыба, превратившіеся въ настоящихъ мучениковъ справедливости, адвокатовъ каторги. Вотъ бывшіе убійцы, которые, среди атмосферы навоза и крови, создаютъ секту дѣятельной любви къ ближнему. Вотъ юноша, налагающій на себя руки послѣ грубаго оскорбленія, нанесеннаго ему начальникомъ. Вотъ старикъ, отбывшій полныхъ 50 лѣтъ каторги и принявшій несмѣтное число плетей, кнутовъ и розогъ, кротость и чистота котораго способны вызвать умиленіе...

Къ сожалѣнію, авторъ слишкомъ мало подчеркнулъ эту сторону психики обитателей Сахалина. Его больше, повидимому, привлекали яркія, кричащія стороны паденія человѣка... Быть можетъ, поэтому онъ и проглядѣлъ ту сѣрую невидную массу, то настоящее большинство каторги, въ которой дѣйствительный центръ трагедіи. Исключительныхъ, закоренѣлыхъ извергов даже на Сахалинѣ самый ничтожный процентъ, и то еще вопросъ, дѣйствительно-ли они такіе „породистые“, какъ ихъ представляетъ себѣ авторъ.

Вся остальная масса—это люди случайные, жертвы стеченія обстоятельствъ, или изъ люда, которымъ стоитъ только руку протянуть, чтобы вернуть имъ равновѣсіе. А сколько между ними истинно хорошихъ людей и даже юридически ни въ чемъ неповинныхъ. Правда, авторъ упоминаетъ объ этой массѣ въ своей искусственной классификаціи каторги (Иваны, Храпы, Жиганы и т. д.), когда говоритъ о такъ называемой шпанкѣ или „на время взятыхъ отъ сохи“, но говоритъ о ней, впадая въ пренебреженіе, въ которомъ слышенъ голосъ отцовъ каторги, разныхъ Ивановъ, Храповъ и т. д. А между тѣмъ, въ ней-то и весь вопросъ. Если бы авторъ понялъ это, онъ не искалъ бы спасенія въ тѣхъ центральныхъ тюрьмахъ, которыми онъ рекомендуетъ замѣнить Сахалинъ.

Еще въ другомъ отношеніи авторъ заслуживаетъ серьезнаго упрека. Не ограничившись изображеніемъ отрицательныхъ сторонъ сахалинской каторги, онъ задался цѣлью проникнуть и въ болѣе глубокіе уголки, въ психику преступнаго человѣка. Его опыты въ этомъ родѣ выразились въ цѣломъ рядѣ портретовъ выдающихся преступниковъ, которыхъ авторъ заставляетъ передъ собою выворачивать свое нутро. Эти портреты претендуютъ на самую подлинную автентичность. Герои названы своими настоящими именами, ихъ рѣчи, жесты, наружность—все выдается за подлинное, списанное съ натуры.

Но мы рекомендуемъ относиться къ нимъ съ величайшей осторожностью. Даже о наиболѣе правдивыхъ изъ нихъ можно сказать, при наибольшей снисходительности, что это моментальныя фотографіи, настолько искусно заретушированныя и раскрашенныя, что трудно сказать, гдѣ кончается портретъ и гдѣ начинается фантазія автора. И слишкомъ уже часто этотъ ретушъ является чѣмъ-то похожимъ на простое измышленіе. Авторъ самъ себя жестоко выдалъ въ двойственномъ портретѣ Паклина. Рисуя типичнѣйшій моментъ его психологіи, именно, рѣшительный моментъ, заставившій П—на покончить съ ограбленнымъ архимандритомъ, не смотря на нелюбовь его къ кровавымъ расправамъ, авторъ въ одномъ мѣстѣ (т. I, 84) устами героя говоритъ: „Нѣтъ, такъ и не могъ его уговорить (не кричать). „Рѣжь!"—сказалъ я товарищу. Тотъ его ножемъ по горлу", а въ другомъ мѣстѣ (т. II, 155), тотъ же П—нъ говоритъ: „Когда подошелъ къ укладочкѣ, старикъ поблѣднѣлъ весь... рванулся изъ рукъ, глаза страшные сдѣлались. *Такое меня омерзеніе взяло: вѣдь вотъ какъ человѣка жадность обуяла.* Я его ножомъ по горлу и хватилъ". И, конечно, не П—нъ повиненъ въ этихъ важныхъ противорѣчіяхъ, а авторъ, которому понадобилось въ разныхъ мѣстахъ напечатать два фельетона о немъ. Въ какомъ изъ нихъ авторъ ближе къ правдѣ или, быть можетъ, въ обоихъ одинаково далекъ отъ нея, трудно сказать. Но бываетъ еще хуже. Легкое, небрежное отношеніе къ исповѣдямъ своихъ героевъ и пристрастіе къ эффектамъ доводятъ иногда автора до настоящей клеветы на мертвыхъ. Такъ, онъ изображаетъ эффектную сцену, какъ „опаснѣйшій" преступникъ Негель, по окончаніи своей исповѣди, настолько былъ потрясенъ своими воспоминаніями, что разразился страшными рыданіями. Авторъ долженъ былъ ласково успокаивать его въ своихъ объятіяхъ, и даже самъ начальникъ тюрьмы умилился. Казалось бы, тутъ-то настоящая правда. Между тѣмъ, отъ начала до конца вся исповѣдь не только наглая ложь, но еще возмутительная клевета на благородную жертву гнуснаго звѣрства. Онъ, этотъ убійца 17-ти лѣтней симпатичной женщины, нагло обвиняетъ убитую въ томъ, что она выманивала у него деньги, систематически соблазняя его отплатой своими ласками, и, наконецъ, своимъ коварствомъ довела его до кровавой расправы... Между тѣмъ, гнусное убійство это совершилось на самомъ Сахалинѣ, автору отлично была извѣстна репутація убитой и ея мужа, репутація людей, которые должны были вызвать самое глубокое сочувствіе автора, репутація, на которую не посмѣли бы бросить ни малѣйшей тѣни даже самые низкіе люди Сахалина, потому что вся каторга, въ томъ числѣ убійца въ особенности, находили въ этой семьѣ покровительство и защиту. Исторія этого ужаснѣйшаго преступленія детально была извѣстна д-ру Лобасу, который былъ такъ

близокъ къ автору. И тѣмъ не менѣе эффектный моментъ мнимаго припадка раскаянія оказался для г. Дорошевича интереснѣе и дороже, чѣмъ память и честь безвременно погибшей благородной и чистой 17-ти лѣтней женщины, гнусно оклеветанной ея убійцей.

Вообще, авторъ мало церемонится не только съ мертвыми, но и съ живыми. Въ одномъ изъ своихъ очерковъ онъ въ самомъ „высокомъ" стилѣ рисуетъ самоотверженный пріѣздъ на Сахалинъ за своимъ женихомъ одной интеллигентной дѣвушки-піанистки и жалѣетъ, что она, достойная могучаго стиха автора „Русскихъ женщинъ", воспѣта его бѣдной прозой. И вотъ этой, чуть-ли не героинѣ, которой онъ посвятилъ такую эффектную страницу, полную сочувствія и преклоненія, онъ преподноситъ жесткій, грубый финальный аккордъ. А стоитъ-ли эта жизнь, сирѣчь человѣкъ, ради котораго она принесла свою жертву, достойна-ли она этой жертвы? Подумалъ-ли авторъ о томъ, что значитъ для названной имъ женщины прочитать печатно такой вопросъ о самомъ дорогомъ для нея человѣкѣ?

Еще одинъ примѣръ непростительной жесткости. Авторъ описываетъ гостепріимство, оказанное ему г. Л., человѣкомъ 25 лѣтъ тому назадъ совершившимъ громкое преступленіе. Въ награду за это гостепріимство онъ описываетъ его, называя полной фамиліей, и въ заключеніе помѣщаетъ его семейную карточку, подаренную ему, вѣроятно, не для публичнаго опозоренія. И это дѣлается, зная, что у Л. въ Россіи интеллигентная старушка-мать, что жена г. Л. во всякомъ случаѣ такой же незапятнанный человѣкъ, какъ и самъ авторъ, и у этого человѣка, быть можетъ, въ Россіи найдутся родные, друзья, знакомые. Наконецъ, на какомъ основаніи вновь, спустя десятки лѣтъ, вторично карать человѣка, отбывшаго всѣ земныя кары, когда общество всѣ разсчеты съ нимъ покончило навсегда?..

Иллюстрирована книга богато, но неудачно, со слишкомъ одностороннимъ подборомъ типовъ, и притомъ крайне небрежно: подъ многими карточками (напр., Позульскаго) начертаны непринадлежащія имъ фамиліи, а это очень важно, разъ уже придается значеніе физическому типу преступника.

Грѣхи автора,—грѣхи газетнаго фельетониста, человѣка минуты, съ сильнымъ рефлексомъ, но слабымъ, неразборчивымъ анализомъ, но грѣхи эти приходится отодвинуть на задній планъ передъ заслугой честнаго, правдиваго изображенія великаго зла Сахалина.

Людвигъ Кржививцкій. Психологическія расы. Опытъ психологіи народовъ. Пер. съ польскаго Р. В. Кржививцкой, подъ редакціей автора. 1902 г.

Книга г. Кржививцкаго трактуетъ о чрезвычайно важныхъ во-

просахъ. Авторъ не только пытается разрѣшить великій вопросъ о генезисѣ психической индивидуальности этническихъ аггрегатовъ (свою книгу онъ и называетъ въ подзаголовкѣ „Опытомъ психологіи народовъ"), но и храбро устанавливаетъ широкіе законы исторіи и соціологіи, прогресса и регресса, жизни и смерти народовъ. Къ сожалѣнію, въ небольшой книгѣ, лежащей передъ нами, гораздо больше претенціозности, чѣмъ дѣйствительно научнаго содержанія. Въ сущности, она представляетъ собою краткое изложеніе воззрѣній нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей по антропогеографіи и антропологіи, воззрѣній, особенно симпатичныхъ автору и имъ болѣе или менѣе обработанныхъ, освѣщенныхъ и доведенныхъ до ихъ логическаго конца.

Если оставить въ сторонѣ афористическія разсужденія автора о методѣ изученія психологическихъ явленій, не въ мѣру длинныя и весьма спорныя выдержки изъ нѣкоторыхъ сочиненій по антропогеографіи, и, наконецъ, многочисленные противорѣчивые афоризмы, которые трудно разобрать въ краткой рецензіи, то положенія автора вкратцѣ сводятся къ слѣдующему. Первымъ (по крайней мѣрѣ, въ изложеніи Државицкаго) важнѣйшимъ факторомъ индивидуальныхъ особенностей той или другой психически-единой группы является среда въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е., не только климатъ, устройство поверхности, природныя хозяйственныя условія существованія, но и создающіяся на этомъ базисѣ производственныя отношенія, соціальныя учрежденія и т. д. Всѣ эти условія, объединяемыя авторомъ терминомъ онезологическихъ, дѣйствуютъ, какъ и въ мірѣ органическомъ вообще, преимущественно путемъ подбора. Психика группы въ такой же мѣрѣ является, по выраженію автора, отвѣтомъ на условія среды, какъ и физическія ея особенности. Всѣ индивиды, психика которыхъ идетъ въ разрѣзъ съ требованіями среды, погибаютъ, и, наоборотъ, выживаютъ только психически сильные для данной среды, образуя, такимъ образомъ, то, что авторъ называетъ „психической расой". Это подборъ положительный, гарантирующій группѣ психически сильный составъ и, слѣдовательно, условія жизни и прогресса.

На ряду съ положительнымъ дѣйствуетъ, особенно въ позднѣйшихъ стадіяхъ, подборъ отрицательный, лишающій группу, наоборотъ, наиболѣе одаренныхъ индивидовъ. Такъ дѣйствовали войны, гоненія, революціи и, наконецъ, въ новѣйшее время капиталистическія условія, создающія подборъ выносливыхъ, терпѣливыхъ, пассивныхъ и, наоборотъ, устраняющія съ поля жизни элементы бурные, оригинальные, нетерпѣливые, богатые иниціативой. Другимъ факторомъ, на который, впрочемъ, авторъ только намекаетъ, является индивидуальность, т. е., тѣ стихійныя уклоненія въ отдѣльныхъ особяхъ, которыя (уклоненія) на первичныхъ ступеняхъ, по мнѣнію автора, должны играть значительную роль, въ виду

особенно сильнаго давленія индивидовъ на окружающихъ въ малочисленныхъ обществахъ, а также въ виду будто-бы того, что выдающіеся индивиды въ такихъ обществахъ обыкновенно являются обладателями большого количества женъ. Но надъ всѣми факторами доминируетъ факторъ физико-антропологическій.

Вмѣстѣ съ Лапужемъ, г. Кржизицкій принимаетъ, что каждой группѣ однородной въ физико-антропологическомъ отношеніи, т. е., обладающей извѣстной формой головы, соединяемой съ тѣмъ или другимъ цвѣтомъ волосъ и глазъ, или иными какими-нибудь постоянными морфологическими признаками, присущи разъ навсегда опредѣленныя, рѣшающія психическія черты, напр., типу длинноголоваго блондина свойственна энергія и предпріимчивость, короткоголовому брюнету пассивность и осторожность и т. д. Одни типы, такимъ образомъ, являются разъ навсегда избранными двигателями жизни, это—такъ называемые эвгенисты, другіе—пассивными жнецами того, что сѣютъ эвгенисты. А такъ какъ всякая этническая группа представляетъ собою результатъ скрещиванія различныхъ антропологическихъ типовъ, то тайны судебъ каждой такой группы нужно искать въ томъ или другомъ количественномъ распредѣленіи въ ней типовъ эвгенистическихъ и пассивныхъ. Общество, богатое первыми, будетъ прогрессировать, скудное въ этомъ отношеніи—дряхлѣетъ и умираетъ. Римъ, Греція Франція, Польша и т. д. процвѣтали, пока въ нихъ было достаточно длинноголовыхъ блондиновъ. Но когда, благодаря войнамъ революціямъ, междоусобіямъ, энергичные блондины постепенно погибли, арену исторіи заняли безталанные и пассивные короткоголовые, и началось паденіе. Только насчетъ Польши авторъ категорически открещивается отъ утвержденія Лапужа, будто гибель ея связана съ гибелью блондиновъ. Понятно, что философія исторіи упрощается крайне. Cherchez le dolichocéphale, cherchez le brachiocéphale, voila la cause. Своего рода cherchez la femme. Изъ этой философіи исторіи естественно получается весьма мрачная соціальная философія. A la longue блондины-эвгенисты, какъ наиболѣе рвущіеся къ борьбѣ элементы, естественно погибаютъ, и, такимъ образомъ, фатально вымираетъ все духовное богатство народа, и начинается его моральная гибель. Въ наше время этотъ гибельный процессъ усугубляется еще, съ одной стороны, условіями капиталистическаго строя, требующаго отъ народныхъ массъ не индивидуальныхъ добродѣтелей и талантовъ, а дисциплинированной машинообразной пассивности, съ другой—гуманностью нашей цивилизаціи, всячески оберегающей всѣ слабые элементы и дающей имъ возможность безпрепятственно плодить себѣ подобныхъ. Изъ этого положенія нѣтъ исхода: ни реформы въ учрежденіяхъ, ни просвѣщеніе не въ состояніи спасти общество, потому-что ни учрежденія, ни просвѣщеніе не въ состояніи возсоздавать расовыхъ эвгенистовъ, фатально погибаю-

щихъ въ нашей цивилизаціи. Но въ самый послѣдній моментъ авторъ находитъ еще спасеніе, именно въ антропотехникѣ: нужно поставить родъ человѣческій въ такія же условія размноженія, въ какихъ „это дѣло поставлено въ образцовыхъ садахъ и хлѣвахъ“, гдѣ стихійный подборъ замѣняется сознательнымъ производствомъ эвгенистовъ. Какъ примирить этотъ ultimum refugium автора съ его же правовѣрнымъ марксизмомъ, знающимъ, какъ извѣстно, нѣкоторые другіе пути спасенія человѣчества, мы рѣшительно не понимаемъ, развѣ авторъ отчаялся въ самомъ марксизмѣ. Но еще болѣе непримиримъ рецептъ г. Крживицкаго съ его же положеніемъ о фатальности гибели эвгенистовъ при капиталистическомъ строѣ. Чего ради антропотехника будетъ плодить эвгенистовъ, разъ капиталистическія условія не только въ нихъ не нуждаются, но еще фатально устраняютъ ихъ съ поля жизни? Но мы не будемъ, впрочемъ, останавливаться на этихъ странныхъ философствованіяхъ автора, онѣ для насъ не совсѣмъ новы, нѣчто подобное мы слышали у Бэджгота, Нордау и, наконецъ, даже у Ничше.

Мы не станемъ также останавливаться теперь на общихъ положеніяхъ книги, въ частности на смутномъ и противорѣчивомъ ученіи о психической расѣ. Скажемъ только, что своими экстравагантностями авторъ въ значительной мѣрѣ обязанъ своему чрезмѣрному пристрастію къ соблазнительно-упрощеннымъ формуламъ, — грѣхъ, столь обыкновенный въ наше время. Насколько авторъ любитель всякихъ формулъ и обобщеній, какъбы они ни были произвольны и до наглядности наивны, достаточно привести два, три примѣра изъ отдѣла „мезологіи“. Характеризируя, по Демолену, населеніе Франціи по отдѣльнымъ территоріямъ, въ зависимости отъ среды, авторъ безъ малѣйшей критики принимаетъ такія положенія, какъ: „Провансъ (страна *фруктовыхъ садовъ.* Гец.) создаетъ централистовъ, переселенцы *изъ мѣстностей, гдѣ занимаются разведеніемъ винограда,* склоняются къ нивеллирующимъ принципамъ абсолютнаго равенства“ (стр. 45). Что это, какъ не наивная формула: территорія фруктовыхъ садовъ создаетъ централистовъ, а территорія виноградниковъ — приверженцевъ абсолютнаго равенства? Далѣе, о горцахъ Альпъ и Пиринеевъ читаемъ: „*Какъ вездѣ въ горахъ* (курс. нашъ) семья, состоящая изъ множества брачныхъ паръ, представляетъ *всеобщую* форму быта: въ такой семьѣ одинъ управляетъ, другіе повинуются“ (стр. 41). Полная произвольность этого обобщенія очевидна для всякаго, сколько-нибудь знакомаго съ этнографіей: достаточно вспомнить типичнѣйшихъ горцевъ нашего Кавказа, Хевсуровъ, у которыхъ сыновья сейчасъ послѣ женитьбы получаютъ полный выдѣлъ, и, наоборотъ, большія семьи и задруги въ степныхъ мѣстахъ. Если объ европейцахъ можно позволить себѣ подобныя произвольно-

сти, то объ африканцахъ и самъ Богъ велѣлъ. Среди длиннѣйшей (на 30 стр.) характеристики африканскихъ народовъ по территоріямъ, по Превилю, мы находимъ такіе, напримѣръ, образчики. Обитатели „скудныхъ степей", готентоты, характеризуются „сохраненіемъ общей связи между лицами, происходящими отъ общихъ предковъ, привязанностью къ традиціи, проявляющейся во множествѣ обрядовъ при рожденіи, бракѣ и погребеніи и авторитетомъ старцевъ" (92 стр.) Не нужно быть этнографомъ, чтобы знать, что подобныя черты (родовой строй, авторитетъ старцевъ, погребальные обряды, и т. д.) общи для всякаго первобытнаго народа на извѣстной стадіи развитія, а между тѣмъ подобными произвольными чертами авторъ характеризируетъ свои особыя психическія расы (горныя, степныя, рѣчныя и т. д.)! На ряду съ легковѣрнымъ отношеніемъ къ формуламъ, авторъ большой поклонникъ статистическихъ рядовъ, посредствомъ которыхъ такъ удобно было-бы учесть психику народовъ. Къ чему такой учетъ приводитъ, можно видѣть изъ цитируемой и весьма одобряемой авторомъ таблицы нѣкоего Матіаса, который, изслѣдовавъ (?) 241 мальчика въ возрастѣ 4—17 лѣтъ, нашелъ среди нихъ: музыкантовъ—2, съ поэтическими способностями — 1, феминистовъ (?)—1, хвастуновъ—5, дураковъ (неспособныхъ и неразвитыхъ)—9, неповоротливыхъ и лѣнтяевъ—16, математиковъ — 1, скупыхъ —1, сладострастныхъ — 9, обжоръ—9, ловкихъ—15, злыхъ — 18 и т. д. Г. Крживицкому кажется, что методомъ г. Матіаса можно сдѣлать многое; скорѣе всего думается — множество ошибокъ, въ родѣ классическихъ приговоровъ учителей Ньютона, Гегеля, Бѣлинскаго и т. д., признавшихъ своихъ учениковъ дефектными въ тѣхъ именно областяхъ, въ которыхъ впослѣдствіи они завоевали себѣ славу.

Это все, конечно, курьезы, но весьма характерные для книги, претендующей на разрѣшеніе серьезныхъ научныхъ и соціальныхъ вопросовъ, при томъ вопросовъ жгучихъ, къ которымъ автору подобало бы относиться скорѣе съ величайшей осторожностью, чѣмъ съ той легкой парадоксальностью, которая весьма придется по сердцу адептамъ легкаго пессимизма и расовыхъ предразсудковъ.

В. В. Къ исторіи общины въ Россіи. (Матеріалы по исторіи общиннаго землевладѣнія). М. 1902.

Новая книга г. В. В. не является совершенною новинкою въ литературѣ. Большая часть вошедшихъ въ составъ этой книги статей была первоначально напечатана авторомъ въ журналѣ „Русская Мысль" за 1898—1901 гг. и въ настоящемъ отдѣльномъ изданіи онѣ лишь дополнены нѣсколькими новыми очерками. Собранныя вмѣстѣ, эти статьи заключаютъ въ себѣ рядъ любо-

пытныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній по исторіи общиннаго землевладѣнія среди удѣльныхъ крестьянъ различныхъ мѣстностей Россіи въ теченіе послѣднихъ годовъ XVIII-го и первой половины XIX-го вѣка. Пользуясь дѣлами мало разработаннаго архива главнаго управленія удѣловъ, авторъ подробно разсказываетъ о началѣ передѣловъ земель на сѣверѣ Россіи—въ Вологодской и Архангельской губерніяхъ, сообщаетъ свѣдѣнія, довольно, впрочемъ, отрывочныя, о болѣе позднемъ возникновеніи передѣловъ среди удѣльныхъ крестьянъ другихъ сѣверныхъ и восточныхъ губерній и о характерѣ простой общины, существовавшей на земляхъ удѣльныхъ крестьянъ различныхъ мѣстностей въ первой половинѣ XIX столѣтія, передаетъ происходившіе до 1830 года случаи уравненія земель между селеніями удѣльныхъ крестьянъ и наконецъ, излагаетъ исторію двухъ сложныхъ или волостныхъ общинъ на удѣльныхъ земляхъ Саратовской и Московской губерній. Изъ четырехъ главъ книги г. В. В., посвященныхъ этимъ темамъ, особенный интересъ представляетъ первая, вводящая въ научный оборотъ наиболѣе свѣжій и важный матеріалъ, но не мало интересныхъ свѣдѣній разбросано и по другимъ главамъ. Что касается тѣхъ комментаріевъ, какими авторъ сопровождаетъ свой пересказъ архивнаго матеріала, то они не отличаются большой сложностью и цѣнностью. Будучи сторонникомъ того взгляда, согласно которому современная община съ ея уравнительнымъ землепользованіемъ является продуктомъ не владѣльческаго или правительственнаго вліянія, а естественной эволюціи народнаго землевладѣнія, авторъ и въ собранныхъ имъ фактахъ относительно порядка возникновенія передѣловъ на земляхъ удѣльныхъ крестьянъ ищетъ исключительно подтвержденія указаннаго взгляда даже въ тѣхъ случаяхъ, когда эти факты рисуютъ совершенно другую картину. Особенно ярко такой характеръ комментаріевъ и выводовъ автора выступаетъ въ статьѣ о началѣ передѣловъ на сѣверѣ Россіи. Авторъ самъ указываетъ, что для осуществленія передѣловъ въ этой мѣстности „понадобилось вмѣшательство правительства“ (8). Это вмѣшательство имѣло весьма дѣятельный характеръ. Первоначальнымъ толчкомъ къ возникновенію въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го вѣка передѣловъ среди дворцовыхъ, впослѣдствіи удѣльныхъ, крестьянъ Вологодской и Архангельской губерній послужили распоряженія администраціи казенныхъ имѣній, позднѣе поддержанныя и вновь образованной удѣльной администраціей. Послѣдняя сперва обнаруживала было нѣкоторыя колебанія въ этомъ вопросѣ, но уже очень скоро усвоила себѣ вполнѣ опредѣленную и рѣшительную политику, не только рекомендуя крестьянамъ введеніе передѣловъ по мірскимъ приговорамъ, но и настаивая на „понужденіи къ постановленію таковыхъ общесогласныхъ приговоровъ“ (22—3). Въ случаѣ обнаруженія недовольныхъ послѣ передѣла порою предписывалось

даже „таковыхъ, какъ бунтовщиковъ и возмутителей общаго спокойствія, заковавъ въ кандалы, держать подъ стражею", и это распоряженіе не всегда оставалось лишь на бумагѣ (17, 41—3). Преслѣдуя такую политику, департаментъ удѣловъ руководствовался, главнымъ образомъ, тѣмъ мотивомъ, что „повинности платятся съ ревизскаго числа душъ, слѣдовательно, самая справедливость обязываетъ, чтобы каждый поселянинъ и землями, и угодьями воспользовался по мѣрѣ того числа душъ, за которыя онъ очищаетъ повинности". Этотъ мотивъ фискальныхъ интересовъ получалъ для удѣльной администраціи тѣмъ большее значеніе, что за удѣльными крестьянами она не признавала никакого права собственности на находившіяся въ ихъ распоряженіи земли, категорически утверждая, будто всѣ документы, на которыхъ основывалось такое право, „уничтожаются законами" (19—20). Тѣмъ не менѣе, среди крестьянъ передѣлы прививались не сразу и часто для приступа къ нимъ требовалось нѣсколько послѣдовательныхъ распоряженій, при чемъ мѣстами крестьяне на первыхъ порахъ прибѣгали къ компромиссамъ, въ видѣ, напримѣръ, сохраненія многоземельными домохозяевами своихъ участковъ подъ условіемъ принятія на себя платежа податей за малоземельныхъ (29). Всѣ указанные факты въ глазахъ автора, однако, какъ бы теряютъ свое значеніе передъ тѣмъ обстоятельствомъ, что часть удѣльныхъ крестьянъ обращалась къ администраціи съ просьбами о производствѣ передѣловъ, и въ виду одного этого обстоятельства онъ въ своемъ послѣднемъ выводѣ рѣшительно утверждаетъ, что „осуществленіе идеи уравнительнаго пользованія землей среди удѣльныхъ крестьянъ сѣверныхъ губерній было достигнуто, благодаря настойчивому требованію уравненія со стороны малоземельнаго большинства домохозяевъ" (60). Подобнымъ же образомъ авторъ и въ другихъ частяхъ своей книги нерѣдко черезъ чуръ поспѣшно отожествляетъ дѣйствія удѣльной администраціи съ желаніями и дѣйствіями крестьянскихъ обществъ. Но во всякомъ случаѣ несомнѣнную заслугу г. В. В. составляетъ обстоятельное изложеніе тѣхъ интересныхъ матеріаловъ, на которыхъ онъ основываетъ свои выводы.

Очеркъ всеобщей исторіи. Составилъ М. Коваленскій. М. 1902.
Русская исторія. Составилъ М. Коваленскій. М. 1902.

Первая изъ названныхъ книгъ г. Коваленскаго успѣла уже вызвать нѣсколько сочувственныхъ отзывовъ журнальной критики. Съ своей стороны мы не рѣшились бы, однако, присоединиться къ такого рода отзывамъ. Русская учебно-педагогическая литература, несомнѣнно, крайне небогата хорошими учебниками исторіи, пригодными для школьнаго употребленія, но книги г. Кова-

ленскаго едва-ли способны заполнить этотъ пробѣлъ и оказать сколько-нибудь существенную услугу нашей школѣ.

Первая изъ этихъ книгъ, по словамъ ея составителя, „предназначается частнымъ образомъ для повторенія курса исторіи въ старшихъ классахъ“ средней школы (1). Въ соотвѣтствіи съ такою цѣлью вся книга носитъ характеръ связнаго конспекта. Но рамки этого конспекта поставлены авторомъ очень широко. На протяженіи 220 страницъ своей книги онъ даетъ изложеніе всей всеобщей (древней, средней и новой) и русской исторіи, при чемъ касается самыхъ различныхъ ея сторонъ. Правда, внѣшняя политическая исторія, и въ частности анекдотическая ея сторона, такъ усердно эксплуатируемая въ большинствѣ нашихъ учебниковъ, не занимаетъ особенно виднаго мѣста въ книгѣ г. Коваленскаго, и въ этомъ заключается несомнѣнное достоинство послѣдней. Тѣмъ не менѣе и учебникъ г. Коваленскаго далеко не отличается цѣлесообразнымъ подборомъ матеріала. Напротивъ, матеріалъ, внесенный въ этотъ учебникъ, чрезвычайно разнообразенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ далеко не всегда расположенъ съ надлежащею равномѣрностью. Удѣляя въ своей книгѣ нѣсколько строкъ описанію важнѣйшихъ событій и политическихъ учрежденій и характеристикѣ важнѣйшихъ явленій соціальной, экономической и умственной жизни, г. Коваленскій одновременно находитъ возможнымъ вводить въ текстъ учебника спеціальныя экскурсіи въ область философіи, изящной литературы, музыки, живописи, скульптуры, медицины и т. д. Порою такія экскурсіи сводятся у него къ простому списку именъ, порою же принимаютъ довольно значительные размѣры. Такъ, изъ сорока страницъ, отведенныхъ въ книгѣ на всю русскую исторію, нѣсколько страницъ посвящено пересказу романовъ Тургенева и Толстого. Не обидѣлъ г. Коваленскій и другихъ русскихъ беллетристовъ. Изложеніе литературной дѣятельности Лѣскова занимаетъ въ учебникѣ ровно столько же мѣста, сколько изображеніе крестьянской реформы 1861 г., изложеніе дѣятельности Писемскаго—вдвое болѣе. На ряду съ этимъ у г. Коваленскаго не нашлось мѣста для сколько-нибудь ясной и точной характеристики экономическаго положенія русскихъ крестьянъ въ эпоху крѣпостного права. Подобное смѣшеніе разнороднаго матеріала и выдвиганіе менѣе важныхъ свѣдѣній за счетъ болѣе важныхъ проходитъ черезъ всю разбираемую книгу и, благодаря ему, она въ концѣ-концовъ является для читателя не столько тщательно обдуманнымъ конспектомъ важнѣйшихъ историческихъ явленій, сколько пестрымъ перечнемъ именъ и фактовъ.

Съ указанною особенностью въ учебникѣ г. Коваленскаго соединяется еще одна, имѣющая не менѣе неблагопріятныя послѣдствія и сводящаяся къ серьезной небрежности изложенія. Такая небрежность сказывается и въ нерѣдкихъ фактическихъ

ошибкахъ, и въ крайней подчасъ неясности и наивности общихъ опредѣленій автора, порою заставляющей даже сомнѣваться въ основательности знакомства съ тѣми явленіями, о которыхъ онъ ведетъ рѣчь. Чтобы не оставить это утвержденіе голословнымъ, приведемъ нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ разныхъ мѣстъ учебника. На первой же страницѣ его авторъ, сказавъ, что главнымъ занятіемъ на древнемъ Востокѣ было земледѣліе, продолжаетъ: „при такихъ условіяхъ земля считается главнымъ богатствомъ, и кто владѣетъ землей или руководитъ необходимымъ для земледѣлія орошеніемъ полей—получаетъ всю власть въ свои руки; такъ было и на древнемъ Востокѣ; если же развивается торговля, то первое мѣсто занимаютъ купцы; такъ было у финикіянъ“ (5). Нѣтъ надобности, конечно, доказывать, что подобное опредѣленіе остается чрезмѣрно общимъ, а понятое буквально, рѣшительно противорѣчитъ истинѣ. На слѣдующей страницѣ авторъ вновь утверждаетъ, что финикійскіе города „управлялись самыми важными и богатыми купцами“ (6); въ дѣйствительности находящіяся въ распоряженіи историковъ свѣдѣнія не даютъ права на такое утвержденіе. Говоря о религіи персовъ, г. Коваленскій находитъ для нея крайне простое объясненіе. „Для персовъ,— замѣчаетъ онъ, — борьба съ природой была труднѣе, чѣмъ для другихъ восточныхъ народовъ. Потому и о богахъ они думали, что они въ вѣчной борьбѣ“ (8). Съ этимъ можетъ поспорить въ простотѣ и оригинальности развѣ слѣдующее объясненіе, даваемое г. Коваленскимъ роли пророковъ среди еврейскаго народа: „многіе (евреи) думали, что достаточно исполнять заповѣди (Моисеева) закона, что большаго отъ нихъ нельзя и требовать; но пророки твердили, что этого мало, и строго судили грѣхи народа, призывая на него въ наказаніе гнѣвъ Божій“ (9). Нѣтъ недостатка въ рискованныхъ утвержденіяхъ и неясныхъ опредѣленіяхъ у г. Коваленскаго и тогда, когда онъ излагаетъ исторію древней Греціи и Рима. Соціальному строю греческихъ городовъ и римской республики въ учебникѣ удѣлено лишь нѣсколько туманныхъ фразъ, неспособныхъ дать читателю сколько-нибудь ясное понятіе, но за то авторъ находитъ мѣсто для опредѣленій греческой и римской философіи, хотя эти опредѣленія въ свою очередь не отличаются большою содержательностью. Такъ, авторъ утверждаетъ, что „философія, признающая дѣйствительность, какъ она есть, называется реализмомъ“ (19). Римляне, по словамъ г. Коваленскаго, „въ философіи занимались только вопросами нравственности и рѣшали ихъ по ученіямъ греческихъ философовъ — стоиковъ, находившихъ высшее счастье въ сознаніи исполненнаго долга, и эпикурейцевъ, ставившихъ выше всего удовольствіе“ (29). Не болѣе посчастливилось, впрочемъ, въ изложеніи г. Коваленскаго и другимъ фазисамъ развитія философской мысли. Въ XVIII вѣкѣ, говоритъ, напр., онъ, „философы во имя ра-

зума отвергали старый порядокъ, доказывая, что онъ не можетъ быть оправданъ разумомъ, или обличали его во имя сердца, во имя любви и состраданія къ несчастнымъ жертвамъ этого порядка; первые были раціоналисты, вторые — филантропы. Тѣ и другіе твердо вѣрили въ силу добра и разума, въ силу просвѣщенія, и потому ихъ философія получила названіе просвѣтительной или философіи просвѣщенія". Двумя страницами ниже авторъ такъ характеризуетъ Руссо: „не имѣя достаточнаго умственнаго образованія, онъ не могъ быть раціоналистомъ; за то онъ былъ въ своихъ сочиненіяхъ филантропомъ. Во имя попранныхъ правъ самодержавнаго сердца, во имя утраченной простоты и свободы, онъ отвергалъ самую образованность, обвиняя ее въ порчѣ нравовъ". Еще черезъ три десятка страницъ г. Коваленскій утверждаетъ, что „въ XVIII вѣкѣ личность скорбѣла объ ограниченности человѣческаго познанія, о недоступности полной истины уму человѣка" (127, 129 — 30, 166). Не свободно отъ ошибокъ содержаніе и другихъ частей учебника. Говоря о распространеніи христіанства среди варваровъ, авторъ увѣряетъ, будто „всѣ германцы приняли христіанство изъ Рима", за исключеніемъ однихъ вестготовъ, которые „сперва приняли" аріанство (37). Остается лишь удивляться, какимъ образомъ авторъ могъ забыть, что аріанство было распространено среди очень многихъ германскихъ племенъ. Англійскій парламентъ при Плантагенетахъ, по словамъ автора, состоялъ „изъ слабой палаты лордовъ и сильной палаты общинъ" (83), но, къ сожалѣнію, авторъ не объясняетъ, въ чемъ сказывалась эта „слабость" верхней палаты. Если вѣрить г. Коваленскому, Елизавета „окончательно ввела лютеранство" въ Англіи, а Іаковъ II „прямо потребовалъ отъ англиканцевъ перехода въ католицизмъ" (97, 118). Исторію банка Лоу во Франціи г. Коваленскій излагаетъ слѣдующимъ образомъ: „по предложенію шотландца Лоу были устроены банки и выпущены бумажныя деньги; но Лоу выпустилъ ихъ больше, чѣмъ сколько можно было размѣнять на золото, и все предпріятіе лопнуло" (134 — 5). Польское liberum veto, по объясненію автора, заключалось въ томъ, что „каждый посолъ и каждый шляхтичъ могъ сказать: „не позволямъ" и однимъ этимъ словомъ остановить „рѣшеніе" сейма (171).

Приведемъ еще нѣсколько примѣровъ изъ русской исторіи. Въ русскихъ земляхъ X—XII вв., по словамъ автора, „никакого правильнаго порядка въ устройствѣ вѣча не было", и „потому при князьяхъ все вѣче потеряло почти всякое значеніе" (63). Такимъ образомъ, г. Коваленскій лишаетъ вѣче „всякаго значенія" какъ разъ въ ту эпоху, когда въ дѣйствительности оно пріобрѣло прочное значеніе. Говоря о преобразованіи городского самоуправленія Екатериною II, авторъ находитъ возможнымъ лишь сказать, что „въ городахъ были учреждены думы изъ шести

лицъ (шестигласныя думы)“ и забываетъ даже упомянуть объ общихъ думахъ (194). Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г., по словамъ автора, были созданы „земскія собранія изъ выборныхъ отъ всѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ губерніи или уѣзда, безъ различія сословій“ (201). Эта неудачно редактированная фраза какъ будто даетъ право заключить, что въ земскихъ собраніяхъ по положенію 1864 г. крестьяне-общинники не имѣли участія. Немного ниже авторъ рѣшительно увѣряетъ, будто по положенію 1884 г. „крестьяне-общинники потеряли право участія въ земствѣ“ (205). Однако, названное положеніе, подвергнувъ крестьянское представительство въ земскихъ учрежденіяхъ разнообразнымъ и весьма существеннымъ ограниченіямъ, все же не уничтожило его совершенно. Характеризуя „крайнюю или радикальную партію въ литературѣ 60-хъ годовъ, съ Добролюбовымъ и Чернышевскимъ во главѣ“, авторъ говоритъ о послѣднихъ, что они „цѣнили въ литературѣ ея воспитательное вліяніе, отрицая въ ней все другое“. Въ 70-хъ годахъ, по его словамъ, „журналомъ нигилистовъ было „Русское Слово“, въ которомъ писали Чернышевскій (sic) и Писаревъ“ (202—3, 205). Немногимъ удачнѣе, впрочемъ, и другія замѣчанія г. Коваленскаго по поводу какъ русской, такъ и всеобщей литературы.

Такимъ образомъ, сжатость изложенія, далеко не всегда къ тому же свободнаго отъ фактическихъ ошибокъ и серьезныхъ пробѣловъ, не устраняетъ въ книгѣ г. Коваленскаго ни чрезмѣрной пестроты матеріала, ни туманныхъ и подчасъ не въ мѣру наивныхъ объясненій. Эти особенности разбираемой книги, на нашъ взглядъ, дѣлаютъ ее мало пригодной къ роли учебника исторіи въ старшихъ классахъ гимназіи. Что касается второй книги того же автора, рекомендуемой имъ, какъ „руководство и пособіе“ по русской исторіи, то она представляетъ собою ни болѣе, ни менѣе, какъ дословную перепечатку изъ первой книги главъ, посвященныхъ Россіи, за исключеніемъ лишь трехъ главъ, трактующихъ объ „интеллигенціи“ 40-хъ, 60-хъ и 70-хъ годовъ, и главы о новѣйшей литературѣ. Въ качествѣ самостоятельнаго учебника эта книжка чрезмѣрно коротка, и мы съ своей стороны не можемъ сказать, для какой цѣли она предназначена.

Проф. Р. Випперъ. Учебникъ древней исторіи. Съ рисунками и историческими картами. Второе изданіе. Москва 1902 г.

Въ общемъ учебникъ г. Виппера написанъ просто, обдуманно и удобопонятно. Но, желая его распространенія, мы считаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимымъ отмѣтить кое-какія встрѣчающіяся въ немъ неточности и неясности. На стр. 1-ой рѣчь идетъ о свайныхъ постройкахъ, причемъ авторъ ничего не говоритъ о томъ, что именно могло побудить первобытное человѣчество съ оче-

видными усиліями строиться не просто на землѣ, а на сваяхъ Вѣдь этотъ вопросъ прежде всего можетъ (и долженъ) явиться въ дѣтской головѣ,—и разъ уже рѣчь зашла объ этнологическомъ фактѣ,—совершенно необходимо было упомянуть объ объясняющей его теоріи.

На стр. 7-ой читаемъ (все о первобытныхъ людяхъ): „мужчина былъ охотникъ и скотоводъ, женщина *первая* (курсивъ нашъ) занялась землею". Откуда узналъ это почтенный историкъ и что дало ему право говорить это о всемъ первобытномъ населеніи Европы? На той же страницѣ есть еще и слѣдующее: „Гдѣ мужъ рѣдко являлся домой, жена становилась госпожей дома... Въ такихъ семьяхъ родство считалось только по матери... Но бывало и такъ, что мужъ бралъ въ свои руки все хозяйство... Отецъ забиралъ себѣ большую власть... Въ такихъ семьяхъ родство считали только по отцу". Выходитъ, значитъ, что съ незапамятныхъ временъ были семьи перваго и второго типовъ,—а это невѣрно, этимъ скрадывается тотъ колоссальный фактъ, что материнское право *предшествовало* праву отцовскому. Гораздо лучше было-бы совсѣмъ не касаться первобытной культуры, чѣмъ не считаться съ характернѣйшими ея чертами. Историческая часть учебника начинается на 12-ой страницѣ разсказомъ о Вавилонѣ и Египтѣ. Для чего понадобилось посвятить общее изложеніе (подъ общимъ же заголовкомъ) этимъ государствамъ, ведшимъ совершенно самостоятельную жизнь въ теченіе долгаго ряда вѣковъ и выработавшимъ каждое свою самобытную культуру? Для вящей путаницы съ 17-ой страницы къ египтянамъ и вавилонянамъ присоединяются еще ассиріяне, и дальше изложеніе идетъ безъ упоминанія, къ кому изъ этихъ трехъ народовъ именно относится излагаемое. Напр., неопытный читатель можетъ подумать, что и древнѣйшіе ассиріяне за разными товарами „пускались очень далеко иногда въ море", тогда какъ они были, особенно въ первыя свои времена, повидимому, типично-сухопутнымъ народомъ. На стр. 22 говорится: „вавилоняне думали, что боги родились изъ земли и перешли въ небо", а нѣсколькими строчками далѣе: „солнце и мѣсяцъ стали считать божествами несравненно болѣе могучими, чѣмъ мелкіе духи, сидящіе въ предметахъ и летающіе надъ землей". Въ какихъ же отношеніяхъ находятся въ вавилонской религіи боги-свѣтила къ раньше названнымъ богамъ? Далѣе: „вавилоняне назвали солнце Вааломъ". Это невѣрно: они называли его „самасъ" (или „шамашъ"), а Баалъ или Бэлъ—это третій членъ первой вавилонской „троицы", верховный устроитель міропорядка, господинъ земли. Только перейдя на западъ (въ Финикію) слово Баалъ получило сабеистическое значеніе.

На стр. 46-ой (въ разсказѣ о Греціи) дѣти могутъ неправильно понять такую фразу: „почти каждый такой городъ съ десяткомъ

деревень да полоской берега былъ независимъ и управлялся самъ собою". Слово „десятокъ" можетъ быть понято въ слишкомъ точномъ смыслѣ *исчисленія* деревень, что, конечно, было бы невѣрно. (Не забудемъ, что учебникъ, очевидно, предназначается для младшаго школьнаго возраста).—На стр. 58-ой непосредственно послѣ словъ: „Ѳемистоклъ умеръ",—слѣдуетъ параграфъ: „Периклъ" и слова: „дѣло Ѳемистокла въ Аѳинахъ сталъ продолжать болѣе осторожный и сдержанный человѣкъ, Периклъ". Какое „дѣло"? И почему пропущенъ (не говоря уже о Кимонѣ) демократическій законодатель Эфіальтъ? Аѳинскій V-ый вѣкъ такъ переполненъ событіями и явленіями огромной важности, что уже изъ-за исторической перспективы нельзя совершенно обходить молчаніемъ цѣлыя его десятилѣтія. Наконецъ, никогда Ѳемистоклъ и Периклъ не могутъ быть сочтены аналогичными дѣятелями настолько, чтобы одного называть „продолжателемъ" другого. Такъ какъ авторъ, кромѣ того, употребляетъ (стр. 61) такія выраженія, какъ „теперь, ко времени Ѳемистокла и Перикла", то учащійся можетъ окончательно укрѣпиться въ заблужденіи, что эпоха Ѳемистокла и эпоха Перикла совпадаютъ.—На стр. 81-ой при описаніи конца пелопоннезской войны читаемъ: „такъ кончилась аѳинская держава, простоявшая 75 лѣтъ". Авторъ, конечно, имѣетъ въ виду *гегемонію* Аѳинъ, ибо *государство* аѳинское просуществовало самостоятельно вплоть до 338 года. Но и гегемонія ихъ длилась вовсе не 75 лѣтъ, а гораздо меньше.

Исторія Рима изложена доступно и задумана удачно и цѣлесообразно. Но и здѣсь проскользнули кое-какія неясности. На стр. 97-ой говорится объ угнетенномъ состояніи плебеевъ въ древнемъ Римѣ, а черезъ строчку ни съ того, ни съ сего прибавлено: „плебеи стали изъ своей среды выбирать ходатаевъ и вожаковъ, трибуновъ",—которые ихъ защищали и даже въ случаѣ нужды силою останавливали арестъ плебеевъ противъ самого консула. Ни слова не сказано, *какъ* плебеи добились трибуната, этого перваго облегченія своей участи. Какъ это угнетенный, безправный классъ „*сталъ*" выбирать столь могущественныхъ уполномоченныхъ? Безъ эпизода со „священной горой", безъ упоминанія о борьбѣ никакъ тутъ не обойдешься... На стр. 100 не безъ удивленія читаемъ: „у римлянъ былъ замѣчательный обычай строить укрѣпленный лагерь со рвомъ, валомъ, стѣнами и бойницами. Лагерь строили при всякой остановкѣ, даже на одну ночь". Т. е. окапывались рвомъ, если останавливались всего на одну ночь, а вовсе не строили тогда стѣнъ и бойницъ; фраза построена очень неясно. На стр. 126—7 говорится лишь о союзѣ Цезаря съ Помпеемъ; о Крассѣ не упоминается такъ же, какъ не упоминается самое слово „тріумвиратъ".—Три съ половиною страницы (132 — 135) обозначены заголовкомъ: „Принцепсъ и народъ. Зрѣлища". Изъ нихъ 1/2 страницы (даже ме-

нѣе) посвящено отношеніямъ принцепса къ народу, а остальное мѣсто (3 стр.)—римскимъ зрѣлищамъ. Такой масштабъ тѣмъ болѣе подверженъ критикѣ, что самой-то конституціи принципата отведено немного болѣе одной страницы текста (130—31).

Чрезвычайно удался автору конецъ учебника, разсказъ о послѣднихъ вѣкахъ имперіи и о нашествіяхъ варваровъ. Да и вообще, не смотря на указанныя неясности, книга, повторяемъ, удовлетворяетъ своему назначенію. Обильныя и умѣло подобранныя иллюстраціи, конечно, только увеличиваютъ ея цѣнность.

„Промышленность и здоровье". Вѣстникъ профессіональной гигіены, фабричнаго и санитарнаго законодательства. Подъ ред. **А. В. Погожева**.

Въ концѣ прошлаго года сталъ выходить на русскомъ языкѣ журналъ, посвященный спеціально „разработкѣ вопросовъ по улучшенію условій труда въ санитарномъ, экономическомъ и техническомъ отношеніи". Что подобное изданіе идетъ навстрѣчу одной изъ назрѣвшихъ потребностей русской жизни — объ этомъ нѣтъ надобности распространяться. Быстрое развитіе фабрично-заводской промышленности, наблюдаемое въ послѣднія 10 — 15 лѣтъ, выдвигаетъ на очередь рядъ вопросовъ, разработка которыхъ въ общей прессѣ по многимъ причинамъ невозможна. Поставивъ себѣ цѣлью „знакомить съ экономической дѣйствительностью, указывать на необходимость мѣропріятій, способствующихъ оздоровленію промышленности въ широкомъ смыслѣ слова, давать практическія указанія тѣмъ, кто желаетъ, но почему-либо затрудняется проводить такія мѣропріятія", журналъ въ каждой книжкѣ даетъ обзоръ фактовъ и мѣропріятій изъ области гигіены и общественной экономіи, слѣдитъ за развитіемъ иностраннаго законодательства по охранѣ труда, приводитъ узаконенія, разъясненія и обязательныя постановленія по охранѣ труда въ Россіи, ведетъ хронику вспомогательныхъ учрежденій для рабочихъ, даетъ справки и указанія по запросамъ, поступающимъ въ редакцію и пр. Изъ отдѣльныхъ статей, помѣщенныхъ въ первыхъ трехъ книжкахъ, отмѣтимъ: В. А. Левицкаго, „Санитарныя условія шляпнаго промысла", Д. П. Никольскаго, „Къ характеристикѣ горнозаводскаго дѣла на Уралѣ", Р. Н. Шора, „Санитарно-экономическія условія кирпичнаго производства при устьѣ р. Тосны", Е. М. Дементьева, „Женскій фабричный трудъ въ Россіи", проф. К. Гартмана, „Развитіе санитарной техники въ Германіи", Zacher, „Страхованіе рабочихъ въ Европѣ", Ф. Гольдштейна, „Дѣтскій трудъ въ Швейцаріи", О. Бужанскаго, „О вліяніи формъ промышленности на положеніе труда".

Привѣтствуя это новое начинаніе и пожелавъ ему преодолѣть тѣ препятствія, съ которыми ему, безъ сомнѣнія, придется считаться, мы не можемъ вмѣстѣ съ тѣмъ не указать на основ-

ной недостатокъ, бросающійся въ глаза при разсмотрѣніи вышедшихъ книжекъ журнала: мы говоримъ о преобладаніи санитарной точки зрѣнія надъ экономической и сравнительно сырого матеріала надъ разработаннымъ. Работы по фабричной санаторіи и гигіенѣ могутъ найти себѣ мѣсто на страницахъ медицинскихъ изданій, которыхъ у насъ выходитъ не мало, тѣмъ болѣе, что для *средней* публики онѣ не представляютъ особаго интереса. Иное дѣло — *экономическія* условія жизни рабочихъ; это область почти не затронута у насъ неоффиціальной литературой. Правда, изученіе фабрично-заводскаго быта наталкивается у насъ на неодолимыя препятствія; но и помимо *непосредственнаго* изученія дѣйствительности журналъ могъ бы взять на себя почтенную задачу—разработать въ общедоступномъ изложеніи весь накопившійся оффиціальный и неоффиціальный матеріалъ по вопросу о положеніи труда въ Россіи,—матеріалъ, разбросанный по разнымъ спеціальнымъ изданіямъ, недоступнымъ для средняго читателя. Сводка этого матеріала представляетъ не малый трудъ, непосильный для отдѣльнаго лица по многимъ причинамъ—внутреннимъ и внѣшнимъ. Организовать это дѣло приличествовало бы больше всего такому именно изданію, которое поставило себѣ спеціальной цѣлью разработку вопросовъ, касающихся условій труда.

Сверхъ того, намъ кажется, что журналъ можетъ имѣть raison d'être въ томъ лишь случаѣ, если онъ будетъ осуществлять намѣченныя имъ задачи въ формѣ, доступной для большой публики: спеціалистъ можетъ пользоваться тѣми же источниками, откуда черпаетъ свой матеріалъ и редакція журнала; „средней" же публикѣ нельзя подносить неудобоваримое сырье.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала *не продаются*. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Собраніе сочиненій ***Макса Нордау***. Т. XI. Переводъ съ нѣм. подъ ред. В. Н. Михайлова. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе, 12 томовъ, 5 р., съ дост. и перес. 6 р.

Собраніе сочиненій ***Эрнеста Ренана***. Т. X. Переводъ съ франц. подъ ред. В. Н. Михайлова. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе, 12 томовъ, 5 р., съ дост. и перес. 6 р.

Собраніе сочиненій ***Элизы Ожешко***. Т. XII. Переводъ съ польск. подъ ред. С. С. Зелинскаго. Изданіе Б. К.

Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе, 12 томовъ, 4 р., съ дост. и перес. 5 р.

Шелли. Полное собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Въ 3-хъ томахъ Т. I. Изданіе т-ва «Знаніе». Спб. 1903.

Собраніе сочиненій ***Георга Брандеса.*** Переводъ съ датск. подъ ред. М. В. Лучицкой. Т. XI. Изданіе Б. К. Фукса. Кіевъ. 1902. Ц. за все изданіе, 12 томовъ, 5 р., съ дост. и перес. 6 р.

Вячеславъ Ивановъ. Кормчія звѣзды. Книга лирики. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Символистъ. Басни. Изданіе кн. магазина «Трудъ». Житоміръ. 1903.

Бенедиктъ. На жизненномъ базарѣ. Юмористическія стихотворенія. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Изданія т-ва «Знаніе». Спб. 1903. ***Ив. Бунинъ.*** Стихотворенія. Т. II. Ц. 1 р.—***Лонгфелло.*** Пѣснь о Гайаватѣ. Съ 399 рис. Переводъ И. А. Бунина. Ц. 2 р.

Тита Макція Плавта комедія Путаница. Съ лат. перевелъ И. Холоднякъ. Изданіе А. С. Суворина (Дешевая библіотека). Спб. 1902. Ц. 15 к.

Морисъ Метерлинкъ. Мона Ванна. Пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ Анс. Чеботаревской. Изданіе С. Скирмунта. М. 1903. Ц. 30 к.

Спартакъ. Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ ***Елизаветы Гадмеръ.*** Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Германъ Баръ. Апостолъ. Драма. Переводъ съ нѣм. Е. Эгертъ. М. 1903. Ц. 75 к.

А. В. Амфитеатровъ. Сказочныя были. Изданіе И. В. Райской. Спб. 1903 Ц. 1 р.

А. Е. Заринъ. Спиритъ. Романъ въ 6-ти главахъ. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Вацлавъ Сѣрошевскій. Въ сѣтяхъ. Повѣсть съ иллюстрац. 2-е изданіе магазина «Книжное дѣло». Спб. 1903. Ц. 80 к.

А. А. Измайловъ. Рыбье слово. Повѣсти и разсказы. Изданіе П. П. Сойкина. Спб. Ц. 1 р.

А. М. Ѳедоровъ. Разсказы. Кн. II. Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Изданія т-ва «Знаніе». Спб. 1903. ***М. Горькій.*** Разсказы. Т. I, 5-е изданіе; т. II, 6-е изданіе; т. III, 7-е изданіе; т. IV, 6-е изданіе; т. V, 5-е изданіе. Ц. 1 р. за томъ.—Мѣщане. 5-е изданіе. Ц. 60 к.—На днѣ. 8-е изданіе. Ц. 60 к.—***Леонидъ Андреевъ.*** Разсказы. Т. I, 5-е изданіе. Ц. 1 р. — ***А. Купринъ.*** Разсказы. Т. I. Ц. 1 р.— ***Семенъ Юшкевичъ.*** Разсказы. Ц. 1 р.—***Н. Телешовъ.*** Разсказы. Ц. 1 р.—***А. Серафимовичъ.*** Разсказы. Ц. 1 р.—***Евгеній Чириковъ.*** Пьесы. Ц. 60 к.—Разсказы. Т. I, 4-е изданіе; т. II, 3-е изданіе; т. III, 2-е изданіе. Ц. 1 р. за томъ.—***Ив. Бунинъ.*** Разсказы, т. I. 2-е изданіе. Ц. 1 р.

И. Стешенко. И. П. Котляревскій, авторъ украинской «Энеиды». (Критическая біографія). Кіевъ. 1902. Ц. 30 к.

Н. А. Рубакинъ. Знаменитые русскіе работники. Разсказы о русскихъ людяхъ. Книжки I и II. Изданіе С. Б. Синани. Симферополь. 1903. Ц. 18 к. за книжку.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. III. (Вып. 23, 24, 25). Ц. 1 р. 25 к.

Графическая грамотность. Руководство для преподавателей и самообученія. Составлено художн. ***А. Комаровой.*** Спб. 1902. Ц. 30 к.

I. Эрастовъ. Искусство чтенія. Практическій курсъ логическаго и выразительнаго чтенія для преподаванія и изученія. Съ предисловіемъ В. Н. Давыдова. Изданіе Ѳ. И. Митюрникова. Спб. 1903. Ц. 1 р.

К. Мазуринъ. Методологія пѣнія. Т. II, вып. I. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Д. Зеленинъ. Пѣсни деревенской молодежи. Изданіе Вятскаго губернскаго статистическаго комитета. Вятка. 1903.

Большая энциклопедія. Словарь общедоступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія. Подъ редакціей С. Н. Южакова. Издатели: Библіографическій институтъ (Мейеръ) и т-во «Просвѣщеніе». Вып. 101—110. Спб. 1903. Ц. 50 к. вып.

Эразмъ Роттердамскій. Похвала глупости. Переводъ съ лат. съ введеніемъ и примѣч. проф. П. Н. Ардашева. 2-е изданіе. Юрьевъ. 1903. Ц. 1 р.

«Рядъ книжекъ историко-соціологическихъ». ***Софья Вайнштейнъ.*** Госпожа Сталь, мыслитель переходной эпохи. Съ предисловіемъ проф. А. Трачевскаго. Изданіе картографическаго заведенія А. Ильина. Спб. 1902. Ц. 1 р. 25 к.

Михаилъ Москаль. Два пути къ счастью. Христіанство и соціализмъ. М. 1903. Ц. 25 к.

Л. Шестовъ. Достоевскій и Нитше (Философія трагедіи). Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Г. Файгингеръ. Ницше какъ философъ. Переводъ съ нѣм. П. Шутякова.

Изданіе С. Скирмунта. М. 1903. Ц. 30 к.

Николай Катаевъ. Къ вопросу о теоріи соціальнаго развитія. (Въ виду недавняго увлеченія утописскимъ фатализмомъ). Изданіе С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. М. 1903. Ц. 80 к.

А. Лоріа. Соціологія. Ея задача направленія и новѣйшіе успѣхи Переводъ съ нѣм. перевода подъ редакціей Ю. Д. Филиппова. Изданіе т-ва «Общественная Польза». Спб. 1903. Ц. 60 к.

С. И. Гальперинъ. Обзоръ соціологической литературы за 1901 годъ. Екатеринославъ. 1902.

М. Богословскій. Областная реформа Петра Великаго. Провинція 1719—27 гг. Изданіе императорскаго о-ва исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1902. Ц. 2 р. 50 к.

Историческіе очерки и разсказы ***С. Н. Шубинскаго.*** 4-е изданіе. Съ 80 портретами и иллюстраціями. Спб. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II. ***В. И. Семевскаго.*** Т. I. Изданіе 2-е. Спб. 1903. Ц. 3 р. 50 к.

Э. Лависсъ. Основные моменты политической исторіи Европы. Перевелъ П. Д. Первовъ. 2-е изданіе. М. 1903.

Н. Карѣевъ. Главныя обобщенія всемірной исторіи. Учебное пособіе для средняго образованія. Съ историч. картами. Спб. 1903. Ц. 80 к.

Анри Мишель. Идея государства. Критическій очеркъ исторіи соціальныхъ и политическихъ теорій во Франціи со времени революціи. Спб. 1903. Ц 2 р. 50 к.

Фердинандъ Грегоровіусъ. Исторія города Рима въ средніе вѣка. Перевелъ М. П. Литвиновъ, Т. I. Съ портрстомъ автора и 79 иллюстраціями. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

П. Д. Боборыкинъ. Вѣчный городъ (Итоги пережитаго). М. 1903. Ц. 1 р.

Очерки Крыма. ***Ев. Маркова.*** 3-е изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Съ 257 картинами и рис. Спб. 1902. Ц. 5 р.

Дм. Янчевецкій. У стѣнъ недвижнаго Китая. Изд. П. А. Артемьева. Спб. 1903. Ц. 8 р.

Е. Швидченко (Б. Быстровъ). Святочная хрестоматія. Литературно-музыкально-этнографическій сборникъ для семьи и школы. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціей В. Харузина. Вып. II. Семья и родъ. Спб. 1903. Ц. 2 р.

Въ странѣ восходящаго солнца. Очерки и замѣтки о Японіи. ***Григорія де-Воллана.*** Съ рис. Спб. 1903.

М. Лацарусъ. Этика юдаизма. Переводъ съ нѣм. И. К. Брусиловскаго и Г. Л. Полинковскаго подъ редакціей М. Г. Моргулиса и Я. Л Сакера съ приложеніемъ статьи о М. Лацарусѣ А. Г. Горнфельда. Изданіе одесскаго отдѣленія о-ва распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Одесса. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Жители крайняго сѣвера (Эскимосы). Составилъ ***П. Д. Первовъ.*** Изданіе И. И. Кудряшова. М. 1903. Ц. 15 к.

Н. Новомбергскій. По Сибири. Сборникъ статей по крестьянскому праву, народному образованію, экономикѣ и сельскому хозяйству. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

М. А. Князева. Природа. Первыя понятія по землевѣдѣнію. Подъ редакціей В. Д. Соколова. Изданіе кн. магазина С. Курнина и К°. М. 1902. Ц. 35 к.

Географическія чтенія. Азія и Африка. Переводъ съ англ. Съ 35 рис. въ текстѣ. М. 1903. Ц. 30 к.

Книгоиздательство П. П. Гершунина и К°. Спб. 1902. ***Н. А. Рубакинъ.*** Чудо на морѣ. Разсказъ американскаго моряка. Съ 10 рис. Ц. 15 к.—Разсказы о жаркой странѣ. Приключенія въ странѣ рабства. Съ рис. Ц. 40 к.—Приключенія среди черныхъ дикарей. Съ рис. Ц. 50 к.—Докторъ Гассанъ. Приключенія въ Алжирѣ и Сахарѣ. Ц. 35 к.—Путешествія на край свѣта. Съ рис. Ц. 50 к.—Въ невѣдомыя страны. Разсказы о замѣчательныхъ путешествіяхъ разныхъ временъ и народовъ. Съ рис. Ц. 50 к.—На необитаемомъ островѣ. Съ рис. Ц. 40 к.—Среди мусульманъ. Съ 63 рис. Ц. 65 к.—На плавающихъ льдинахъ по Ледовитому океану. Съ рис. Ц. 35 к.—Вѣчная слава. Историческая хроника изъ временъ борьбы нидерландовъ за свою независимость. Съ рис. 2-е изданіе. Ц. 75 к.—***А. В. Мезьеръ.*** Черный Спартакъ. Изъ былыхъ дней острова Санъ-Доминго. Ц. 50 к.

Книгоиздательство П. П. Гершунина. Спб. 1902. Общеобразовательная библіотека. I. Успѣхи біологіи въ XIX в. ***Оскара Гертвига.*** Переводъ съ нѣм. Б. Я. Эммануила подъ ред., съ предисловіемъ и примѣчаніями Л. Е. Оболенскаго. Ц. 25 к.—II. Вильямъ Гладстонъ. ***Д. Брайса.*** Переводъ съ англ. А. Я. Гальперина подъ ред.

съ прим. Л. Е. Оболенскаго. Ц. 25 к.—III. ***Германъ Гауптманъ***. Бобровая шуба. Красный пѣтухъ. Переводъ Б. Эммануила. Ц. 50 к.—IV. ***Л. Е. Оболенскій***. Научныя основы красоты и искусства. Ц. 75 к.—V. ***Бьернстерне-Бьернсонъ***. Пауль Ланге и Тора Парсбергъ. Переводъ съ норв. О. А. Аносовой. Ц. 35 к.—VI. ***Германъ Зудерманъ***. «Родина». «Да здравствуетъ жизнь!» Переводъ Б. Эммануила. Ц. 75 к.—VII. ***Аренсъ***. Успѣхи химіи въ XIX в. Перевелъ и дополнилъ С. Л. Цинбергъ. Ц. 25 к.—VIII. Интеллигентные пролетаріи во Франціи. Переводъ съ франц. С. Познера. Ц. 60 к.—IX. ***Ю. Пирсторжъ***. Женскій трудъ и женскій вопросъ. Переводъ съ нѣм. В. Б. Либина. Ц. 50 к.—X. ***Бар. А. фонъ-Зибольдъ***. Эпоха великихъ реформъ въ Японіи. Перевела А. Мезьеръ. Ц. 35 к.—XI. ***М. Ю. Гольдштейнъ***. Основы философіи химіи. Ц. 75 к.—XII. ***Г. Адлеръ***. О безработицѣ. Переводъ съ нѣм. Ц. 60 к.

Изданія К. И. Тихомирова. М. 1902. ***В. Мацкевичъ***. Чахоточныя коровы. Разсказы. Ц. 5 к.—***Дм. Старицынъ***. Крестьянское хозяйство. 2-е изданіе. Ц. 5 к.—***Ѳ. П. Кукиловъ***. Хорошіе люди. Сельско-хозяйственные разсказы. Кн. первая. Ц. 20 к.—***В. Мацкевичъ***. Дурная болѣзнь. Разсказъ. Ц. 4 к.—***В. Мацкевичъ***. Спасайте утопающаго. Ц. 4 к.—***В. Н. Спасскій***. Простые способы накоплять и сберегать влагу. Ц. 5 к.—***В. Н. Спасскій***. Воздѣлываніе шафрана и употребленіе его. Ц. 5 к.

В. Азанчевскій. Опытъ рѣшенія проблемы о произвольномъ вліяніи на полъ потомства. Популярное изложеніе новой гипотезы. Спб. 1903. Ц. 50 к.

Іог. М. Гинтервальднеръ. Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Переводъ подъ редакціей и съ приложеніемъ статьи проф. Э. Ю. Петри. Антропологическія коллекціи и наблюденія. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1903. Ц. 2 р.

А. А. Чеглокъ. Родная природа. Звѣри, птицы и гады Россіи. 12 разсказовъ изъ жизни животныхъ. Съ 15 рис. Спб. 1903. Ц. 1 р.

Женщина-врачъ ***М. И. Покровская***. О жертвахъ общественнаго темперамента. Спб. 1902. Ц. 50 к.—По подваламъ, чердакамъ и угловымъ квартирамъ Петербурга. Спб. 1903. Ц. 60 к.

Женскій вопросъ въ связи съ новымъ закономъ «о незаконнорожденныхъ». ***Евгеніи де-Турже Туржанской***. Смоленскъ. 1902.

Статистическій обзоръ современнаго положенія казачьихъ войскъ. Съ приложеніемъ картограммы и многихъ діаграммъ. Изданіе «Вѣстника казачьихъ войскъ». Спб. 1903.

А. Скворцовъ. Основы экономики земледѣлія. Часть II. вып. 2-й. Спб. 1903. Ц. 2 р. 50 к.

В. А. Молчанскій. Больной вопросъ (Посвящается многимъ домовладѣльцамъ). Изданіе 2-е В. К. Таценко. Кіевъ. 1903. Ц. 20 к.

Нѣсколько соображеній о Грозненскомъ нефтяномъ мѣсторожденіи. ***И. Н. Стрижова***. Владикавказъ. 1902.

Торфетъ. Система В. И. Галэцкаго. Варшава. 1903.

Мочка льна въ мочилахъ и механическая обработка его. Съ 16 табл. чертежей и рис. Составилъ ***Э. Клюге***. Изданіе К. И. Тихомирова. М. 1902. Ц. 40 к.

Иллюстрированный сіонистскій альманахъ. 1902—1903 г. Съ 7 иллюстр. и 18 портр. Редакторъ-издатель А. А. Фрейденбергъ. Кіевъ. 1902. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Geschichte der russischen Literatur von Dr. ***Georg Polonskij***. (Sammlung Göschen). Leipzig. 1902. Pr. 80 Pf.

Anthologie des poétes russes, traduits en vers français par ***Olga Lanceray***. Спб. 1903. Ц. 1 р. 50 к.

Un russe. La Russie et la Finlande. Le point de vue russe. Paris. Pr. 10 centimes.

Къ воспоминаніямъ М. А. Антоновича о Некрасовѣ.

Въ „Журналѣ для всѣхъ" напечатаны воспоминанія М. А. Антоновича о Некрасовѣ. Воздавъ Некрасову должное, какъ высокоталантливому поэту и умному и энергичному редактору, г. Антоновичъ переходитъ къ послѣднимъ днямъ „Современника", возрожденію „Отечественныхъ Записокъ" и къ эпизоду своего и г. Жуковскаго разрыва съ Некрасовымъ и Елисеевымъ. Я позволю себѣ остановиться на этомъ послѣднемъ моментѣ. Я былъ въ то время начинающимъ писателемъ, а въ редакцію „Отечественныхъ Записокъ" вступилъ и гораздо позже. Поэтому лично отъ себя не могу внести никакихъ поправокъ или дополненій къ воспоминаніямъ г. Антоновича. Не считаю нужнымъ возвращаться и къ оцѣнкѣ роли Некрасова во всей этой исторіи. Но г. Антоновичъ затрагиваетъ дорогую мнѣ память Г. З. Елисеева, а я имѣю возможность предложить читателю собственное мнѣніе на этотъ счетъ покойника. Эта возможность налагаетъ на меня соотвѣтственную обязанность. Въ своихъ литературныхъ воспоминаніяхъ я, говоря о Некрасовѣ и потомъ о Елисеевѣ, не воспользовался этою возможностью, не желая ворошить мелкія дрязги давно минувшихъ дней. Но разъ г. Антоновичъ ихъ коснулся, я прошу читателя выслушать и голосъ Елисеева. Пройдутъ года, и, вѣроятно, немногіе, не станетъ и насъ съ г. Антоновичемъ, и какъ будутъ утилизированы имѣющіеся въ моемъ распоряженіи матеріалы, я не знаю. Поэтому пускаю ихъ въ ходъ теперь же.

Вотъ что пишетъ г. Антоновичъ:

„Мы, сотрудники, остались такимъ образомъ (послѣ закрытія „Современника") какъ раки на мели, безъ дѣла. Въ общемъ интересѣ мы дали слово дѣйствовать дружно, *сообща, всею артелью, не запродаваться никуда въ одиночку, а сразу, гуртомъ* *). Въ этомъ соглашеніи Салтыковъ не участвовалъ и, кажется, даже не зналъ о немъ. Вполнѣ полагаясь на своихъ сотоварищей и вѣрно разсчитывая на то, что разъ артель гдѣ-нибудь пристроится, и я буду пристроенъ,—я беззаботно отправился за границу и пробылъ тамъ довольно долго. Спустя нѣсколько времени, мои товарищи по „Современнику" сообщили мнѣ, что у Некрасова есть планъ изда-

*) Курсивъ, какъ и ниже, мой. *Н. М.*

вать какой-то журналъ, но что онъ не желаетъ принимать въ этотъ журналъ всю нашу артель, а хочетъ взять только кого-нибудь одного, и для этого обращался ужъ то къ г. Пыпину, то къ г. Ю. Жуковскому, но они *не согласились идти въ одиночку и, дѣйствуя сообща, предложили Некрасову* такія условія, на которыя онъ не соглашался. Переговоры съ ними велись довольно долго, но не привели ни къ чему. Наконецъ, товарищи огорошили меня извѣстіемъ, что Некрасовъ соединился съ Краевскимъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", что *Елисеевъ отбился отъ артели* и вступилъ въ сепаратное соглашеніе съ этими союзниками. Эта комбинація казалась намъ чудовищною, неестественною, невозможною. Соединяются два полюса, два отъявленныхъ врага, личныхъ и литературныхъ, два журнальныхъ соперника, два ожесточенныхъ конкуррента, и связующимъ звеномъ между ними служитъ *нашъ* Елисеевъ. Не хотѣлось вѣрить такому химерическому союзу. Особенно я не хотѣлъ вѣрить, чтобы Елисеевъ рѣшился на такой шагъ, не посовѣтовавшись со мною или хоть не увѣдомивши меня объ немъ. Однако, скоро оказалось, что этотъ союзъ, эта невозможная комбинація состоялась. Явилось объявленіе объ изданіи „Отечественныхъ Записокъ", въ которомъ было напечатано чернымъ по бѣлому, что въ нихъ будутъ помѣщаться стихи Некрасова и статьи Елисеева. Это чудо поразило насъ и поставило втупикъ, не смотря на то, что мы были уже нѣкоторымъ образомъ предупреждены о немъ.

„Особенно смущало насъ при этомъ и наводило насъ на разныя подозрѣнія то, что Некрасовъ не хотѣлъ взять всей нашей артели, а взялъ съ собою въ журналъ Краевскаго только одного изъ нашихъ. Мы рѣшили, что въ журналѣ появятся пѣсни уже на перестроенной лирѣ, и въ немъ будетъ проводиться контрабанда Краевскаго подъ флагомъ Некрасова и Елисеева; что принципіальныхъ уступокъ со стороны Краевскаго не можетъ быть; что журналъ будетъ пѣть въ унисонъ съ „Голосомъ", этимъ „куринымъ эхомъ", какъ прозвалъ его Салтыковъ. Мы поэтому были увѣрены, что Елисеевъ не будетъ имѣть вліянія въ журналѣ и что онъ взятъ, такъ сказать, для фирмы, для вывѣски, для символическаго указанія на то, что въ „Отечественныхъ Запискахъ" будетъ нѣчто, напоминающее о „Современникѣ". *И предчувствія наши подтверждались первыми книжками „Отечественныхъ Записокъ" новой редакціи.*—Меня лично этотъ инцидентъ поразилъ въ самое чувствительное мѣсто, порвалъ дорогую сердечную связь. Съ Елисеевымъ я былъ въ болѣе близкихъ, болѣе дружественныхъ отношеніяхъ, чѣмъ съ остальными товарищами, былъ очень привязанъ къ нему, и мы всегда дѣйствовали заодно, сообща, вмѣстѣ работали въ „Очеркахъ", вмѣстѣ, общими силами поддерживали „Вѣкъ"; во всякихъ вопросахъ и спорахъ были на одной сторонѣ. И вдругъ послѣ всего этого другіе товарищи всегда

держали меня au courant всѣхъ своихъ литературныхъ и журнальныхъ плановъ и переговоровъ и, наконецъ, мы всею артелью поступили въ одинъ несчастный журналъ, — а онъ, не сказавши и не написавши мнѣ ни единаго слова, оставилъ артель и вступилъ въ сепаратную сдѣлку. Этого я бы скорѣе могъ ожидать отъ другихъ товарищей, а отъ него никогда. И однако же...

„Подъ живымъ, неотразимымъ впечатлѣніемъ отъ всѣхъ указанныхъ инциндентовъ, движимые всякими сомнѣніями и опасеніями, и поддаваясь влеченію взволнованнаго, возмущеннаго и оскорбленнаго чувства, мы съ Ю. Г. Жуковскимъ рѣшились издать извѣстную полемическую брошюру противъ Некрасова: „Матеріалы для характеристики современной русской литературы. I. Литературное объясненіе съ Н. А. Некрасовымъ. М. А. Антоновича. II. Post-scriptum. Содержаніе и программа „Отечественныхъ Записокъ“ за прошлый годъ. Ю. Г. Жуковскаго“. Эта брошюра въ свое время надѣлала много шуму и возбудила сильное неудовольствіе противъ насъ со стороны защитниковъ Некрасова, ставившихъ намъ въ безчестіе нашу брошюру“.

Свою статью г. Антоновичъ оканчиваетъ такъ: „Я откровенно сознаюсь, что мы ошиблись относительно Некрасова: онъ не измѣнилъ себѣ и своему дѣлу, но продолжалъ вести его горячо, энергично и успѣшно,—за что ему слава, честь и вѣчная память въ лѣтописяхъ русской литературы“. Но г. Антоновичъ находитъ, что и онъ съ г. Жуковскимъ, по крайней мѣрѣ, заслуживаютъ снисхожденія, и безпристрастные люди должны признать, что „не обладая даромъ пророчества и предвидѣнія, они имѣли достаточно основанія поступать въ данный моментъ такъ, какъ они поступали“.

Повинную голову и мечъ не сѣчетъ. Я только о Елисеевѣ, по скольку онъ затрагивается воспоминаніями г. Антоновича.

Прежде всего отмѣчу одно странное недоразумѣніе. Г. Антоновичъ говоритъ, что сотрудники „Современника“, послѣ закрытія этого журнала, сложились въ „артель“, „дали слово дѣйствовать дружно, сообща“, „не запродаваться никуда въ одиночку, а сразу, гуртомъ“. Г. Антоновичъ не перечисляетъ этихъ сотрудниковъ поименно, а говоритъ только, что Елисеевъ „отбился отъ артели“, одинъ Елисеевъ, а г. Жуковскій остался въ ея составѣ, вслѣдствіе чего и выступилъ совокупно съ г. Антоновичемъ въ обличительно-полемической брошюрѣ. Между тѣмъ, во второй, принадлежащей перу г. Жуковскаго, части этой брошюры, между прочимъ, читаемъ: „Годъ спустя (послѣ закрытія „Современника“) г. Некрасовъ счелъ нужнымъ возобновить со мною знакомство; рѣчь шла о новомъ журналѣ и я объяснилъ ему совершенно прямо все, на что онъ можетъ разсчитывать съ моей стороны. Я объяснилъ ему, что не соглашусь на прежнюю роль, на прежнее положеніе, что если я составлю въ его журналѣ

отвѣтственное лицо передъ публикой, то я буду сообразно мѣрѣ моего въ немъ участія хозяиномъ не только литературной его части, но и *его доходовъ*“ (стр. 127). И далѣе, обзывая „фиглярствомъ“ содержаніе первыхъ номеровъ „Отечественныхъ Записокъ“, г. Жуковскій писалъ: „Не допустить этого фиглярства можно было только будучи хозяиномъ самаго журнала, наравнѣ съ г. Некрасовымъ. Этого-то положенія я требовалъ и это-то мое требованіе не могло уже войти въ разсчетъ г. Некрасова, а потому и послужило *настоящей причиной разрыва*“. (194). И еще дальше: „Я дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ *лично отъ себя и только за себя*, не думая при этомъ устраивать никакихъ новыхъ порядковъ въ литературѣ и новыхъ издательскихъ основаній, которыя до меня совершенно не касаются, а ограждалъ *только себя* отъ старыхъ“ (196).

Итакъ, во-первыхъ: „истинной причиной разрыва“ были совсѣмъ не грѣхи Некрасова, а его отказъ предоставить г. Жуковскому половину доходовъ; во-вторыхъ, г. Жуковскій никакой артели въ виду не имѣлъ, а дѣйствовалъ лично отъ себя и только за себя. И когда теперь г. Антоновичъ утверждаетъ, что гг. Пыпинъ и Жуковскій „не согласились идти въ одиночку“, то ему, очевидно, измѣняетъ память, ибо въ 1869 году г. Жуковскій бокъ-о-бокъ съ нимъ, подъ одной съ нимъ обложкой утверждалъ противное: онъ, по крайней мѣрѣ, соглашался, только на условіи половинныхъ доходовъ съ журнала.

Это подтверждаетъ и Елисеевъ въ анонимной статьѣ „Отвѣтъ на критику“, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ за 1869 г. Ниже я приведу болѣе подробный разсказъ Елисеева объ этомъ дѣлѣ, найденный мною въ его посмертныхъ бумагахъ. Теперь же обращу вниманіе читателя на соображенія и предчувствія г. Антоновича съ товарищами насчетъ перемѣны фронта тѣхъ изъ сотрудниковъ „Современника“, которые вошли въ редакцію возрожденныхъ Некрасовымъ „Отечественныхъ Записокъ“. „Предчувствія наши,—говоритъ г. Антоновичъ—подтверждались первыми книжками „Отечественныхъ Записокъ“ новой редакціи“. Къ сожалѣнію, г. Антоновичъ не указываетъ, что именно въ этихъ первыхъ книжкахъ подтверждало его съ товарищами предчувствія. Въ брошюрѣ „Матеріалы“ и т. д. какъ г. Антоновичъ, такъ и г. Жуковскій обдавали содержаніе „Отечественныхъ Записокъ“ великолѣпнымъ презрѣніемъ. Тутъ было и „фиглярство“, и разное другое, но собственно перемѣна фронта усматривалась только въ умолчаніи о Краевскомъ, подъ фиктивномъ редакторствомъ котораго „Отечественныя Записки“ первое время выходили. Ну, а это было, конечно, не указаніе на перемѣну фронта, а просто кляуза. На всякій случай напомню названія главныхъ статей первыхъ четырехъ номеровъ: стихотворенія Некрасова—„Притча о киселѣ“, „Выборъ“,

„Судъ“, „Осторожность“, „Пропала книга“, „Сватъ и женихъ“, „Эй Иванъ!“ „Стихотворенія, посвященныя русскимъ дѣтямъ“; поэма А. Жемчужникова „Сны“; романъ Марка Вовчка „Живая душа“; романъ Гирса „Старая и юная Россія“; разсказы и очерки Щедрина „Новый Нарцизъ“, „Старый котъ на покоѣ“, „Письма изъ провинціи“; очеркъ Г. И. Успенскаго „Будка“; повѣсть В. Крестовскаго (псевдонима) „Два памятные дня“; статьи: Елисеева „Производительныя силы Россіи“, „Наказъ императрицы Екатерины“, „Крестьянскій вопросъ“; П. Л. Лаврова „Дидро и Лессингъ“, Костомарова „Новые документы, относящіеся къ исторіи сѣверо-западной Руси“, А. М. Скабичевскаго „Новое время и старые боги“, Д. И. Писарева „Старое барство“ и пр.

Все это было, можетъ быть, очень слабо, очень плохо съ тогдашней точки зрѣнія г. Антоновича, но я рѣшительно сомнѣваюсь, чтобы онъ могъ указать въ этомъ спискѣ хоть одну вещь, которая оправдывала бы его и его товарищей „предчувствія“...

Теперь приведу отрывки изъ посмертныхъ бумагъ Елисеева. Къ сожалѣнію, только отрывки, какъ по общимъ условіямъ всякихъ мемуаровъ, требующихъ извѣстнаго времени для опубликованія, такъ и по чисто техническимъ условіямъ рукописей Елисеева. Почеркъ у него былъ отвратительный; часть его бумагъ переписана рукой его жены, весьма безпечной насчетъ грамматики, часть—другой, мнѣ незнакомой рукой, съ пропусками очевидно неразобранныхъ словъ и фразъ; многихъ страницъ недостаетъ, за то есть повторенія.

Послѣ закрытія „Современника“ Некрасовъ уѣхалъ изъ Петербурга. Живя въ деревнѣ, онъ было сталъ опять подумывать о журналѣ, о чемъ писалъ и Елисееву. Потомъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и сообщалъ, что отъ мысли о журналѣ отказался, и думаетъ издавать, какъ въ старые годы, сборники. „Въ концѣ 1867 г.,—пишетъ Елисеевъ, — Некрасовъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ и, заявившись ко мнѣ, сказалъ, что онъ, вмѣсто предположеннаго имъ сборника, будетъ издавать журналъ, что есть всѣ данныя надѣяться на успѣхъ, что прежніе сотрудники „Современника“, съ которыми онъ видѣлся, согласны въ немъ участвовать, и пригласилъ меня на слѣдующій день къ себѣ для обсужденія разныхъ вопросовъ по устройству новаго журнала, при чемъ и сообщилъ мнѣ, что этимъ новымъ журналомъ будутъ „Отечественныя Записки“, которыми, какъ намъ всѣмъ было извѣстно, давно уже тяготился Краевскій, занятый изданіемъ „Голоса“, и съ удовольствіемъ готовъ былъ отдать ихъ въ аренду, тѣмъ болѣе, что они не доставляли ему почти никакого дохода. Извѣстіе, что мы, бывшіе сотрудники „Современника“, будемъ работать въ бывшемъ органѣ Краевскаго, который мы такъ часто осмѣивали и третировали на всевозможные лады, сначала меня немного смущало. Но потомъ я подумалъ: что-жъ тутъ дурного, что мы отнимаемъ

органъ у противной намъ партіи и превращаемъ въ органъ своей партіи? Тутъ мы не только ничего не проигрываемъ, напротивъ — пріобрѣтаемъ. Надо только устроить дѣло такъ, чтобы мы стали въ немъ вполнѣ независимыми отъ собственника журнала. Когда на другой день въ назначенный часъ я пришелъ къ Некрасову, тамъ было уже нѣсколько человѣкъ. Кромѣ Некрасова, были М. Е. Салтыковъ, Д. И. Писаревъ. Кто былъ еще—не помню. М. А. Антоновичъ не могъ быть, ибо былъ въ то время за границей. Былъ ли А. Н. Пыпинъ, не могу сказать. Ю. Г. Жуковскій въ своемъ Postscriptum'ѣ къ „Литературному объясненію" г. Антоновича съ Некрасовымъ говоритъ, что онъ въ этомъ собраніи не былъ. И надобно этому вѣрить. Еще до прихода моего началась рѣчь о томъ: брать ли въ аренду „Отечественныя Записки", и всѣ на это согласились, согласился и я. Согласились и на то, чтобы „Отечественнымъ Запискамъ" при новой редакціи дано было направленіе „Современника". Затѣмъ пошелъ вопросъ о томъ, кого выбрать отвѣтственнымъ редакторомъ „О. З." Оказалось, что нельзя было надѣяться, чтобы утвердили кого-нибудь изъ бывшихъ сотрудниковъ „Современника"... Послѣ этого возникъ вопросъ о томъ, нельзя ли остаться подъ отвѣтственной редакціей Краевскаго. Возможность эта прежде мнѣ никогда не приходила въ голову. Ибо имя Краевскаго было въ то время такъ скомпрометировано въ литературныхъ кружкахъ, и при этомъ едва ли оно въ какомъ-нибудь журналѣ подвергалось большему осмѣянію и глумленію, чѣмъ въ „Современникѣ", что мысль о томъ, чтобы сотрудники „Современника" могли очутиться подъ редакціей Краевскаго, являлась contradictio in re, чистымъ безсмысліемъ... Я прямо и рѣшительно сказалъ, что это чистая нелѣпость, это совсѣмъ невозможно! Вслѣдъ за мною и М. Е. Салтыковъ, котораго, вѣроятно, еще до моего прихода Некрасовъ соглашалъ на такую комбинацію, энергически заявилъ: „Это въ самомъ дѣлѣ чортъ знаетъ что! Надо бросить!" Взялъ шапку и хотѣлъ уйти".

Некрасовъ убѣдилъ, однако, протестующихъ тѣмъ соображеніемъ, что Краевскій будетъ отвѣтственнымъ редакторомъ всего на нѣсколько мѣсяцевъ, пока пріищется другой, подходящій редакторъ, и что съ Краевскаго можно взять обязательство не вмѣшиваться въ дѣло.

„Послѣ этого,—продолжаетъ Елисеевъ, — возникъ вопросъ о четвертакѣ, о которомъ доселѣ не упоминалось во время переговоровъ. Г. Жуковскій (на описанномъ собраніи не присутствовавшій Н. М.) объявилъ, что онъ согласенъ участвовать въ журналѣ только въ томъ случаѣ, когда прибыль журнала будетъ дѣлиться на двѣ половины: одна отдаваться ему, другая Некрасову. Но такъ какъ то или другое количество чистой прибыли зависитъ отъ того или другого количества расходовъ по журналу, то онъ

требовалъ, чтобы ему не только открыты были всѣ эти расходы въ предварительной смѣтѣ годового бюджета и въ годовой повѣркѣ по окончаніи года, но чтобы ему предоставлено было право соглашаться и не соглашаться на эти расходы при самомъ ихъ производствѣ, такъ что онъ могъ положить veto на напечатаніе каждой статьи, на количество оплачиваемаго за нее гонорара, на наемъ каждаго разсыльнаго, котораго онъ призналъ бы лишнимъ и т. д."

Елисеевъ ничего этого не зналъ. Некрасовъ сообщилъ ему объ этихъ условіяхъ г. Жуковскаго лишь при слѣдующихъ обстоятельствахъ:

„Разъ Некрасовъ пріѣзжаетъ ко мнѣ и настоятельно зоветъ ѣхать вмѣстѣ съ нимъ на совѣщаніе объ „Отечественныхъ Запискахъ" къ А. М. Унковскому, гдѣ, дескать, будетъ и Жуковскій. Я долго отказывался отъ поѣздки, говорилъ, что дѣло обойдется и безъ меня, что я впередъ согласенъ со всѣмъ, на чемъ порѣшатъ они съ Жуковскимъ, но Некрасовъ продолжалъ настаивать. Наконецъ, я согласился, и мы поѣхали. Когда мы пришли, Жуковскій былъ уже тамъ. Некрасовъ началъ съ того, что прямо сказалъ Жуковскому, что если онъ, Некрасовъ, и согласится съ нимъ, Жуковскимъ, издавать журналъ съ тѣмъ, чтобы чистая прибыль дѣлилась между ними двоими поровну, то все же надо впередъ опредѣлить, изъ кого составить редакцію и кто будетъ оплачивать ея членовъ. На это Жуковскій отвѣтилъ, что онъ согласенъ, чтобы въ составъ редакціи вошли Пыпинъ и Антоновичъ, и чтобы трудъ ихъ по редакціи оплачивался. „А какъ же Елисеевъ?—спросилъ Некрасовъ,—вѣдь онъ тоже въ составѣ редакціи". „Если вамъ угодно,—отвѣчалъ Жуковскій,—можете оплачивать его изъ своей доли, но я его не имѣлъ въ виду". Эти слова, сказанныя Жуковскимъ въ моемъ присутствіи, такъ поразили меня, такъ показались мнѣ невѣроятными, что если бы мнѣ передавалъ ихъ самъ Некрасовъ и при этомъ клялся и божился, что онъ слышалъ ихъ отъ Жуковскаго, я никогда бы ему не повѣрилъ".

Затѣмъ Некрасовъ рѣшительно отказался отъ условій, предложенныхъ г. Жуковскимъ, и послѣдній, вмѣстѣ съ г. Пыпинымъ, вошелъ въ составъ редакціи только что основаннаго Тибленомъ „Современнаго Обозрѣнія", изъ которой, впрочемъ, тотчасъ же оба и вышли.

Какъ видитъ читатель, показаніе г. Антоновича о томъ, что Елисеевъ „отбился отъ артели",—не вѣрно, да и едва ли артель существовала. Во всякомъ случаѣ и г. Жуковскій, и Елисеевъ одинаково показываютъ, что „настоящей причиной разлада" былъ вопросъ о доходахъ и что г. Жуковскій дѣйствовалъ „лично отъ себя, и только за себя".

Въ запискахъ Елисеева есть еще одна очень пикантная

подробность, но я ее приводить не буду. Мнѣ вовсе не весело занимать читателя этими старыми дрязгами. Но существуетъ исторія, и если она когда нибудь займется эпизодомъ возрожденія „Отечественныхъ Записокъ", такъ пусть же ею будетъ услышанъ голосъ не одного г. Антоновича.

Ник. Михайловскій.

Проблемы совѣсти и чести въ ученіи новѣйшихъ метафизиковъ.

Проблемы идеализма. Сборникъ статей подъ ред. П. И. Новгородцева. Изд. Московскаго психологическаго общества. М. 1903.

Для философіи, по крайней мѣрѣ, въ специфическомъ значеніи этого слова, я чужой человѣкъ. Правда, обучаясь въ семинаріи и проходя положенный по программѣ „обзоръ философскихъ ученій", я умѣлъ довольно свободно обращаться со всякаго рода „субстанціями", „абсолютами", „императивами" и другими подобными для непосвященнаго человѣка жупелами. Съ увлеченіемъ и развязностью неофита я любилъ, бывало, потолковать о сущности вещей, о первоначальной причинѣ бытія и объ его конечной цѣли. Давно это было. Въ послѣдующіе годы заниматься „умозрѣніемъ" мнѣ уже не приходилось. Въ роли земскаго статистика и публициста, я долженъ былъ считаться съ самыми конкретными фактами дѣйствительности и лишь надъ ними оперировать мыслью. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ,—ни тогда, когда я мыслью старался обобщить жизнь, ни тогда, когда я мысль пытался реализировать въ жизни, — мнѣ не приходилось прибѣгать къ услугамъ метафизики. Когда я подсчитывалъ безземельныхъ, бездомовыхъ и безлошадныхъ, стараясь найти причины обездоленнаго состоянія громадной массы людей, то мнѣ и въ голову не приходило, что я имѣю дѣло съ „проявленіемъ абсолюта", съ „живою ризою Божества" *). За цифрами и фактами дѣйствительности я видѣлъ слезы, я слышалъ рыданія. Съ ними въ непосредственную связь я ставилъ и тотъ „властный, категорическій, суровый и неумолимый голосъ" — голосъ совѣсти, какой слышатъ въ своей душѣ люди. О томъ, что тутъ замѣшанъ еще абсолютъ съ его предвѣчными цѣлями, — у меня и въ мысляхъ не было. Судьба всегда черезчуръ близко ставила меня къ жизни и,

*) Проблемы идеализма, стр. 36.

можетъ быть, поэтому я оказываюсь теперь столь чуждымъ умозрительной философіи.

Да, для философіи я чужой человѣкъ. Жизнь научила меня тому, чему не хотѣла и не могла научить сохранившая схоластическія тенденціи школа. Я научился преклоняться передъ научнымъ знаніемъ и его методами, передъ критической мыслью и ея результатами. Но къ метафизикѣ и умозрѣнію я привыкъ уже относиться равнодушно-скептически. За протекшіе годы я растерялъ даже тотъ жалкій багажъ, которымъ надѣлила меня семинарія. Философскія ученія, обзоръ которыхъ мнѣ былъ преподанъ, потускнѣли въ моей памяти. Я позабылъ философскую терминологію и потерялъ охоту разсуждать о сущности всего сущаго.

И вотъ теперь мнѣ приходится коснуться философской темы, только что разсмотрѣнной цѣлымъ синклитомъ отечественныхъ философовъ. Можетъ быть, это дерзость съ моей стороны, но я не могу оставаться равнодушнымъ къ тому, какъ они ставятъ и разрѣшаютъ „проблемы идеализма". „Хлынувшая на насъ идеалистическая волна" — слишкомъ важный въ общественной жизни фактъ, чтобы онъ могъ остаться внѣ поля зрѣнія публицистики. Общественная потребность, которая сказалась въ немъ, слишкомъ серьезна, чтобы, не будучи даже философомъ, оставаться безразличнымъ къ тѣмъ формамъ, въ какихъ она будетъ искать и найдетъ себѣ удовлетвореніе. Въ качествѣ публициста, заинтересованнаго въ успѣхахъ жизни, я и рѣшаюсь оспаривать новыя потуги и возможные успѣхи метафизики.

Какъ я уже сказалъ, у меня нѣтъ ни желанья, ни умѣнья оперировать, подобно адептамъ новаго міросозерцанія, „по ту сторону позитивнаго научнаго знанія" и тѣмъ болѣе „за границами умопостигаемаго". Забираться въ туманныя сферы метафизики и религіи я и не думаю. Проблемы идеализма на землѣ возникли и, казалось бы, здѣсь же, а не въ „потустороннемъ" мірѣ нужно искать и средствъ для удовлетворенія выдвинувшей ихъ потребности. Объ этомъ только я и буду говорить въ своей замѣткѣ.

I.

„Хлынувшая на насъ идеалистическая волна" для насъ, сторонниковъ достаточно опредѣленнаго и достаточно опредѣлившагося міросозерцанія, не была неожиданностью. Даже въ эпоху самаго сильнаго увлеченія русскаго интеллигентнаго общества экономическимъ матеріализмомъ, отстаивая значеніе идеальнаго фактора въ исторіи, мы предвидѣли не только возможность, но и неизбѣжность этой волны. „Жалокъ тотъ,—говоритъ теперь намъ г. Булгаковъ, — кто въ наше время неспособенъ видѣть сіяніе абсолютнаго нравственнаго идеала въ сердцахъ людей, отдаю-

щихъ себя на помощь пролетаріату въ его борьбѣ за человѣческое достоинство, умѣющихъ жить и умирать за дѣло свободы, кто не усмотритъ его въ скучныхъ и прозаическихъ параграфахъ фабричнаго закона или въ уставѣ рабочаго союза". Такими жалкими мы никогда не были. Мы видѣли сіяніе идеала въ жизни, мы видѣли его въ сердцахъ даже тѣхъ, кто упорно отказывался дать ему мѣсто въ своемъ міропониманіи. Для насъ всегда было „очевидно, что на голомъ классовомъ интересѣ... нельзя основать великаго историческаго движенія" *); мы всегда утверждали, что многое въ прошломъ, многое въ настоящемъ и еще больше въ ожидаемомъ нами будущемъ нельзя объяснить и обосновать механическимъ развитіемъ производительныхъ силъ и стихійною борьбою экономическихъ классовъ. Предпосылки, изъ которыхъ исходятъ представители „философскаго идеализма", для насъ не новы; проблемы, которыя они ставятъ, мы уже знали.

Болѣе неожиданнымъ на первый взглядъ можетъ показаться другое обстоятельство. Среди представителей философскаго идеализма, по крайней мѣрѣ, среди принявшихъ участіе въ сборникѣ московскаго психологическаго общества, мы встрѣчаемъ еще недавнихъ и при томъ довольно видныхъ приверженцевъ экономическаго матеріализма. „Новое критическое направленіе,—объясняетъ намъ г. Бердяевъ,—выдѣляетъ здоровые и жизненные элементы марксизма и содеиняетъ ихъ съ философскимъ и этическимъ идеализмомъ". Оставляя въ сторонѣ вопросъ, гдѣ именно теперь находятся и куда уйдутъ „здоровые и жизненные" элементы марксизма, мы имѣемъ, такимъ образомъ, передъ собою фактъ нѣкоторой преемственности двухъ и при томъ радикально противоположныхъ міросозерцаній. Я думаю, однако, что это не простая случайность. Эту эволюцію матеріализма вплоть до крайняго идеализма можно было предвидѣть и слѣдовало ожидать.

„Марксизмъ, какъ философское міропониманіе,—говоритъ тотъ же г. Бердяевъ,—раздѣляетъ всѣ грѣхи эволюціонизма и особенно свидѣтельствуетъ о необходимости этическаго идеализма". Такимъ образомъ, уже въ силу своей чрезмѣрной односторонности, марксизмъ неизбѣжно долженъ былъ вызвать идеалистическую реакцію, увлекшую даже его сторонниковъ. Соглашаясь съ этой мыслью г. Бердяева, я не могу, однако, признать правильной его ссылку на эволюціонизмъ, какъ основной въ этомъ случаѣ грѣхъ марксизма. Я иду дальше и утверждаю, что „марксистское пониманіе исторіи" нельзя, какъ это дѣлаетъ г. Бердяевъ, „признать высшей формой соціологическаго эволюціонизма". Марксизмъ, предлагая „монистическій взглядъ" на исторію, не вносилъ и не пытался внести единство въ пониманіе всего міра. Для соціоло-

*) Проблемы идеализма, стр. 26.

гической доктрины въ этомъ еще нельзя видѣть упрека. Но изучая историческіе факторы, марксизмъ не поставилъ ихъ связь съ біологическими и, такимъ образомъ, не объяснилъ ихъ происхожденія. Безъ этого же, даже какъ соціологическое ученіе, его нельзя признать вполнѣ эволюціоннымъ.

Будучи далекимъ отъ „высшей формы соціологическаго эволюціонизма" въ своихъ отправныхъ точкахъ, марксизмъ еще менѣе можетъ претендовать на это высокое званіе въ томъ конечномъ пунктѣ, до котораго достигаетъ его „взглядъ" на исторію. Всецѣло подчиняя въ прошломъ и настоящемъ „сознаніе" „бытію", онъ предвидитъ, однако, въ будущемъ полное господство перваго надъ послѣднимъ. Я разумѣю тотъ пресловутый „прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы", который, по мнѣнію марксизма, совершитъ человѣчество въ дальнѣйшей, доступной его предвидѣнію исторіи. Само собой понятно, что такіе прыжки не могутъ быть уложены въ рамки эволюціонной теоріи.

Между тѣмъ, въ этомъ безусловно революціонномъ (не съ соціально - политической, а съ соціологической точки зрѣнія) пунктѣ марксистской философіи и крылась неизбѣжность той реакціи, которая наградила теперь насъ метафизическимъ идеализмомъ. Такъ или иначе, но нужно было указать менѣе рискованный и болѣе вѣрный путь изъ царства необходимости въ царство свободы, изъ міра причинности, которой опредѣлялись судьбы человѣчества въ прошломъ и опредѣляются въ настоящемъ, въ міръ цѣлесообразности, который откроется для него въ будущемъ.

Эта потребность давно уже сознана марксизмомъ. Въ неотложности ея онъ убѣдился немедленно, какъ только приступилъ къ „переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей" и, въ частности, какъ только сдѣлалъ попытку разрѣшить вопросъ о роли личности въ исторіи и дать свою теорію нравственности. Было бы, можетъ быть, интересно въ подробностяхъ прослѣдить тѣ уступки, которыя марксизмъ шагъ за шагомъ дѣлалъ и дѣлаетъ идеализму, — эту медлительную, но тѣмъ болѣе неуклонную его эволюцію. Я отмѣчу въ этомъ случаѣ лишь то положеніе, которое заняли въ марксистскомъ ученіи сравнительно поздно появившіеся на сценѣ „идеологи". Пока „сознаніе" опредѣляется „бытіемъ", эти идеологи, казалось бы, должны играть въ жизни очень странную роль. Въ лучшемъ случаѣ они могли бы обобщать интересы, которые свойственны классамъ въ настоящемъ. Между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше, марксизмъ надѣляетъ ихъ предвидѣніемъ будущаго и при томъ подчасъ очень отдаленнаго. Въ частности, идеологи пролетаріата, какъ оказывается, могутъ не только формулировать наличные интересы своего класса, но и вводить въ разсчетъ не только не сознанные еще пролетаріатомъ, но и не имѣющіе непосредственнаго отношенія къ нему, какъ къ экономическому классу, обще-

человѣческіе интересы. Напомнимъ хотя бы идею національной и религіозной терпимости, къ которой такъ чутки идеологи, и которая такъ часто чужда бываетъ рабочимъ массамъ, а то и прямо идетъ въ разрѣзъ съ ихъ наличными интересами. Встрѣчаясь съ такимъ взглядомъ на роль идеологіи, становишься подъчасъ прямо втупикъ, чѣмъ же, въ концѣ концовъ, опредѣляется исторія: исключительно ли борьбою экономическихъ классовъ или въ числѣ многихъ другихъ факторовъ и предвидѣніями идеологовъ? И чѣмъ же въ такомъ случаѣ эти послѣдніе отличаются отъ той интеллигенціи, историческое значеніе которой такъ усердно старались свести на нѣтъ русскіе марксисты? Впрочемъ, слово „интеллигенція“ уже вошло въ лексиконъ марксизма даже его теоретиковъ. Правда, она у нихъ фигурируетъ чаще всего съ эпитетомъ классовая, но со стороны марксистовъ-практиковъ до насъ неоднократно уже долеталъ голосъ по адресу и той разночинной интеллигенціи, которая еще недавно такъ высмѣивалась „русскими учениками“.

Медлительный путь въ сторону идеализма, какимъ идутъ „догматики“, очевидно, показался черезчуръ томительнымъ для тѣхъ, кто былъ воспріимчивѣе ихъ къ критикѣ. Медлить послѣднимъ было тѣмъ труднѣе, что спѣшить съ уступками заставляла не только теорія, но и практика жизни. „Тамъ и здѣсь,—говоритъ г. Новгородцевъ,—совершались глубокіе процессы жизни, предвозвѣщавшіе грядущее творчество новыхъ формъ. Снова чувствовалось вѣяніе созидательнаго духа исторіи. Мысль невольно призывалась къ тому, чтобы думать о задачахъ и призваніи личности, чрезъ которую совершается прогрессъ исторіи. Отъ прошлаго она обращалась къ будущему“ *). И вотъ, нѣкоторые критическіе марксисты, не долго думая, сочли за лучшее теперь же сдѣлать неизбѣжный для нихъ „прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы“. Чтобы облегчить себѣ эту операцію, они побросали очень много цѣннаго изъ своего багажа и, въ частности, ту частичку научнаго эволюціонизма, которая была съ ними. Прыжокъ они сдѣлали огромный. Совершивъ его, они оказались „по ту сторону позитивнаго знанія“, въ дебряхъ метафизики.

II.

Отправною точкою своихъ изысканій представители философскаго идеализма взяли „непроходимую—какъ полагаетъ г. Бердяевъ,—въ предѣлахъ эмпирической дѣйствительности и науки пропасть между сущимъ и должнымъ“. Считая напередъ положительное знаніе неспособнымъ заполнить эту пропасть или хотя бы по-

*) Проблемы идеализма, стр. 242.

строить мостъ черезъ нее, они утверждаютъ, что „бытіе и долженствованіе могутъ быть сведены къ единству только на почвѣ „метафизики". Только тамъ, въ сверхъ-опытномъ мірѣ, по ихъ мнѣнію, могутъ найти себѣ примиреніе причинность и цѣлесообразность, а вмѣстѣ съ тѣмъ, стало быть, истина и справедливость, познаніе и дѣятельность. Такимъ образомъ, не случайно и не по ошибкѣ, а преднамѣренно и по доброй волѣ г. Булгаковъ со товарищи оказались въ „потустороннемъ" мірѣ.

Освободивъ свою мысль отъ обязанности пользоваться научными методами и предавшись чистому умозрѣнію, новые философы съ удивительною легкостью рѣшаютъ сложныя и важныя проблемы, которыя жизнь и мысль поставили передъ ними. „Если мы признаемъ,—говоритъ г. Булгаковъ,—что исторія есть раскрытіе абсолюта, то тѣмъ самымъ мы уже признаемъ, что въ исторіи не царитъ случайность или мертвая закономѣрность причинной связи, здѣсь есть лишь закономѣрное развитіе абсолюта. Причинная закономѣрность исторіи получаетъ значеніе только средства для цѣлей абсолюта.... Вмѣстѣ съ тѣмъ мы признаемъ, что въ исторіи есть живая и разумная сила, идущая дальше нашихъ намѣреній и ихъ направляющая.... Вотъ истинная теорія прогресса,—восклицаетъ онъ,—нужна ли еще другая"!

Дѣйствительно, чего лучше! Стоитъ только признать абсолютъ и все остальное пойдетъ, какъ по маслу. „Очевидно,—немедленно прибавляетъ г. Булгаковъ,—что доказательство этого рода ученія не можетъ быть сдѣлано опытнымъ путемъ, оно всецѣло лежитъ въ метафизикѣ". Гдѣ же безсильно окажется умозрѣніе, тамъ поможетъ вѣра, ибо „вѣрить можно даже въ то, что не только недоказуемо, но и не можетъ быть сдѣлано вполнѣ понятнымъ разуму" (стр. 6).

Рѣшеніе, которое предлагаетъ г. Булгаковъ, не единственное въ сборникѣ, но оно можетъ считаться типическимъ для представителей „самаго молодого изъ выступившихъ у насъ философскихъ міросозерцаній". Источникъ нравственнаго этузіазма, какой свойственъ людямъ, — а отысканіе его и составляетъ одну изъ важнѣйшихъ проблемъ, — всѣ они видятъ, въ сущности, въ томъ же „вѣчномъ сіяніи абсолюта", въ „религіозномъ проникновеніи его велѣніями", какъ и г. Булгаковъ. Не всѣ они доходятъ до „границъ умопостигаемаго", но въ чемъ бы они ни находили „утерянное Божество",—въ идеалистическомъ ли пантеизмѣ à la абсолютъ г. Булгакова, или въ синтезѣ идеи „богочеловѣка" и „человѣкобога", какъ обозначаетъ свою „точку зрѣнія" г. Бердяевъ—всѣ они, выражаясь языкомъ послѣдняго, „постулируютъ сверхъ-эмпирическій идеальный міръ", какъ источникъ „независимой отъ опыта, абсолютной идеи должнаго".

Соваться въ этотъ міръ, гдѣ нѣтъ мѣста доводамъ опытнаго знанія, а подчасъ и доводамъ разума, какъ было уже заяв-

лено вначалѣ, у меня нѣтъ намѣренія. Я предпочитаю встрѣтиться съ представителями философскаго идеализма въ концѣ ихъ изысканій, когда съ своихъ заоблачныхъ высотъ они вновь возвращаются на грѣшную землю. Въ томъ пунктѣ, гдѣ „отвлеченные интересы мысли“ встрѣчаются со „сложными вопросами жизни“, легче и проще всего убѣдиться, дѣйствительно ли для разрѣшенія послѣднихъ такъ „необходимъ свѣтъ философскаго идеализма“, какъ это утверждаютъ въ предисловіи къ сборнику его составители.

Багажъ, съ которымъ возвращаются изъ своихъ умозрительныхъ экскурсій представители философскаго идеализма, на первый взглядъ представляется очень цѣннымъ и подкупающимъ въ пользу самаго молодого изъ міросозерцаній. Г. Бердяевъ, напримѣръ, приноситъ намъ, какъ основную идею этики, „идею личности и ея развитія къ совершенству“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и требованіе ея правъ на самоопредѣленіе и развитіе, для чего прежде всего, конечно, „должно быть на незыблемыхъ основаніяхъ утверждено основное условіе уваженія къ человѣку и духу—свобода“. Въ багажѣ г. Новгородцева мы находимъ для этого требованія „фундаментъ, который незыблемъ для временныхъ разочарованій и преходящихъ неудачъ“, найденныя имъ въ „естественномъ правѣ“, которое въ силу своего моральнаго идеала то или другое исторически-неизбѣжное явленіе можетъ объявить нравственно негоднымъ. Г. Булгаковъ утверждаетъ, что онъ несетъ съ собою „нравственную силу и религіозный энтузіазмъ“ для „практическихъ требованій современнаго соціальнаго движенія“. Даже при г. П. Г. имѣется „стойкость убѣжденій“, какую выработалъ „не только въ борьбѣ съ противниками, но и съ самимъ собой“ его единомышленникъ П. Б. Струве.

Я сильно сомнѣваюсь, однако, чтобы опредѣленное отношеніе къ современнымъ правовымъ и экономическимъ проблемамъ, поскольку проявляютъ таковое представители философскаго идеализма, было найдено ими дѣйствительно на метафизическихъ высотахъ. Я думаю даже, что „живая и радостная вѣра въ силу истины и крѣпость добра“ почерпнута ими отнюдь не въ „сверхъэмпирическомъ мірѣ“.

Въ самомъ дѣлѣ, вернемся на нѣсколько минутъ къ знакомому уже намъ абсолюту г. Булгакова, къ абсолюту, который, по его словамъ, идетъ дальше нашихъ намѣреній и для цѣлей котораго наши поступки являются лишь средствомъ. Но вѣдь цѣлей абсолюта мы не знаемъ и знать не можемъ. „Знать разумъ всего сущаго, говоритъ по этому поводу тотъ же г. Булгаковъ, понимать „и въ полѣ каждую былинку, и въ небѣ каждую звѣзду“ доступно лишь всевѣдѣнію Божію“. Откуда же беретъ г. Булгаковъ „отрадную увѣренность, что все доброе и разумное, въ концѣ концовъ, восторжествуетъ“? Не въ томъ ли только

разумѣ,—чисто человѣческомъ разумѣ,—которымъ самъ г. Булгаковъ надѣлилъ своего абсолюта?

Повѣримъ, однако, г. Булгакову на слово, что абсолютъ есть разумъ и ужъ въ силу этого въ концѣ концовъ онъ приведетъ міръ къ торжеству истины и справедливости. Но вѣдь этому абсолюту, какъ утверждалъ Гегель и какъ подтверждаетъ г. Булгаковъ, свойственно „лукавство". „Богъ дозволяетъ людямъ дѣйствовать на основаніи ихъ собственныхъ интересовъ и страстей, но то, что оказывается въ результатѣ этого, представляетъ выполненіе его намѣреній, которыя отличаются отъ непосредственныхъ намѣреній тѣхъ лицъ, которыми онъ пользуется". Имѣютъ ли въ такомъ случаѣ какую либо нравственную цѣну даже самые высокія намѣренія и самые героическіе поступки и чѣмъ они лучше самыхъ низкихъ намѣреній и самыхъ подлыхъ поступковъ? Вѣдь при посредствѣ тѣхъ и другихъ съ равнымъ успѣхамъ осуществляются конечныя цѣли абсолюта. Не имѣемъ-ли мы права сказать въ этомъ случаѣ, что абсолютъ г. Булгакова „способенъ убить всякую энергію и всякій нравственный энтузіазмъ", т. е. обратить противъ него самого тотъ упрекъ, который онъ дѣлаетъ по адресу позитивной науки?

Свое ученіе въ этомъ пунктѣ г. Булгаковъ сближаетъ, и не безъ основанія, съ марксизмомъ. Послѣдній тоже знаетъ „лукавство". Развитіе производительныхъ силъ или какое-то иное „лукавство экономическаго базиса" посредствомъ борьбы экономическихъ интересовъ неуклонно ведетъ человѣчество къ всеобщему благополучію. Утверждая это, марксизмъ видитъ, однако, въ этомъ лукавствѣ доступную нашему изученію закономѣрность, а не цѣпь отдѣльныхъ событій, которыя для насъ „навсегда останутся ирраціональными". Въ возможности „предвидѣнія" событій, къ чему такъ презрительно относится г. Булгаковъ, заключается хоть маленькая зацѣпка для творческой дѣятельности личности, хоть маленькій питатель энергіи и энтузіазма. Лукавый же абсолютъ г. Булгакова дѣйствительно всякую „дѣятельность превращаетъ въ нравственную лотерею", съ точки зрѣнія „конечной цѣли" всего мірозданія, можетъ быть, и безпроигрышную, но въ предѣлахъ нашей жизни и даже громадныхъ историческихъ эпохъ совершенно случайную.

Безразличное отношеніе къ „сложнымъ вопросамъ жизни" метафизика неизбѣжно поселяетъ не только въ сердцахъ, но и головахъ своихъ адептовъ. „Исторія, говоритъ она устами преуспѣвшаго въ ней г. Булгакова, есть раскрытіе и выполненіе одного творческаго и разумнаго плана... Поэтому все, что только было и будетъ въ исторіи, все это необходимо для раскрытія этого плана, для цѣлей разума. Въ этомъ смыслѣ получаетъ свое полное значеніе вѣщее слово Гегеля: „все, что дѣйствительно, то разумно, а что разумно, то дѣйствительно"... „Это, по словамъ,

г. Булгакова, самая великая и важная проблема не только метафизики исторіи, но и всей нравственной философіи. Здѣсь должно быть дано „оправданіе добра“, которое должно вмѣстѣ съ тѣмъ явиться оправданіемъ зла, зла въ природѣ, въ человѣкѣ, въ исторіи. Философія должна показать внутреннее безсиліе зла, его призрачность, его—страшно сказать—конечную разумность“.

Мы имѣемъ, такимъ образомъ, дѣло съ міросозерцаніемъ, которое *должно* оправдывать добро, которое *можетъ* оправдать зло, и при томъ не съ точки зрѣнія причинности, а съ точки зрѣнія цѣлесообразности,—съ міросозерцаніемъ, которое, въ конечномъ счетѣ, добро и зло признаетъ въ равной мѣрѣ разумными. Нужно ли говорить, что такое пониманіе исторіи не способно дать сколько нибудь цѣнныхъ указаній для жизни, въ особенности въ эпоху острой борьбы грядущаго добра съ отживающимъ зломъ, которую мы переживаемъ. Пусть г. Булгаковъ съ своей метафизикой подождетъ до новаго періода застоя и тогда предложитъ людямъ свое утѣшеніе, что „все дѣйствительное разумно“. Сейчасъ-же мы полны протеста противъ зла, и метафизика насъ не обманетъ. Нѣтъ, не все разумно!—и въ этомъ сознаніи насъ и окружающихъ насъ самый лучшій залогъ конечнаго торжества правды, самый вѣрный предвозвѣстникъ „грядущаго творчества новыхъ формъ“, самый важный источникъ доступнаго намъ энтузіазма.

Самому г. Булгакову „страшно сказать“ послѣднее слово, до котораго онъ дошелъ въ своемъ умозрѣніи. Это жизнь шлетъ ему свое послѣднее предостереженіе о той пропасти, до которой онъ дошелъ въ своихъ изысканіяхъ,—о пропасти нравственнаго безразличія и общественнаго индиферентизма. И если онъ еще не свалился въ нее, если у него дѣйствительно имѣются опредѣленныя отношенія къ „практическимъ требованіямъ современнаго соціальнаго движенія“ и „нравственный энтузіазмъ“, чтобы принять въ этомъ движеніи активное участіе, то, право, не изъ метафизики онъ ихъ почерпнулъ, а совсѣмъ изъ другого источника и, въ частности, можетъ быть, изъ тѣхъ самыхъ общественныхъ наукъ, которыя, по собственному его признанію, „въ наше время являются какъ-бы спеціально призванными, чтобы оріентировать въ дѣйствительности и освѣщать добро и зло въ соціальной жизни“.

Г. Булгакову, какъ мы видѣли, „страшно“ заглянуть въ открывающуюся передъ нимъ пропасть. Между тѣмъ, пока онъ не вернулся на землю, есть только одно средство, чтобы избѣжать ея и онъ, повидимому, не прочь имъ воспользоваться. Возможно, что онъ постарается проникнуть въ сокровенныя цѣли абсолюта и перешагнетъ для этого „границы умопостигаемаго“. Сохранить „душу живу“ въ трясинѣ мистики труднѣе, однако, чѣмъ въ

дебряхъ метафизики. Не будемъ, впрочемъ, предрѣшать будущаго.

III.

Г. Булгаковъ—прямолинейный человѣкъ. Отъ „экономизма" черезъ „агностицизмъ" онъ прямымъ путемъ дошелъ до „идеализма" и, попавъ въ область метафизики, также прямикомъ претъ къ своему абсолюту. Другой представитель философскаго идеализма — г. Бердяевъ — болѣе остороженъ и въ раскрытіи своей „абсолютной идеи должнаго" предпочитаетъ извилистый путь, съ многочисленными зигзагами, крутыми поворотами и малозамѣтными на первый взглядъ, но тѣмъ не менѣе очень значительными — до 180° — закругленіями. Трудно поэтому сказать, что можетъ дать въ концѣ концовъ для сложныхъ вопросовъ жизни послѣдовательное развитіе его ученія. Я затруднился бы даже предугадать, дождемся ли мы когда-нибудь съ его стороны послѣдовательности и не предпочтетъ ли онъ безъ конца блуждать между двумя полюсами нравственной метафизики. Я могу поэтому отмѣтить лишь нѣкоторыя точки, до которыхъ онъ доходитъ теперь въ своихъ умозрительныхъ блужданіяхъ.

Со своимъ „богомъ" г. Бердяевъ располагается внутри человѣка и уже отсюда рѣшаетъ проблемы нравственной жизни. Съ точки зрѣнія „богочеловѣка", „идеальной личности" онъ относится свысока къ „личности эмпирической", къ грѣшному человѣку земли, „въ которомъ пеструтъ смѣсь красоты съ уродствомъ, высокаго съ низкимъ". Отстаивать человѣческую личность поэтому „не значитъ отстаивать все ея многоразличное эмпирическое содержаніе". Также свысока онъ относится и къ грѣховной землѣ, съ ея радостями и страданіями. „Цѣль, которую ищетъ этика, говоритъ онъ,—не есть эмпирическое счастіе людей, а ихъ идеальное нравственное совершенство".

Въ чемъ же состоитъ, однако, это идеальное нравственное совершенство? „Абсолютный идеалъ нравственнаго совершенства, говоритъ намъ г. Бердяевъ, не можетъ быть конкретно выраженъ въ терминахъ опыта". Между тѣмъ, по стольку лишь, по скольку онъ пользуется указаніями человѣческаго опыта, его „совершенство" и имѣетъ отношеніе къ очереднымъ и вѣковѣчнымъ задачамъ жизни. Въ предѣлахъ же метафизики ничего иного, кромѣ „сліянія человѣка съ Божествомъ", онъ придумать не въ состояніи.

Въ своемъ стремленіи къ этому „послѣднему этапу на длинномъ пути, на которомъ эмпирическій міръ есть лишь небольшой кусокъ", человѣческая личность нуждается, конечно, въ свободѣ. Въ обоснованіи этого требованія г. Бердяевъ и видитъ

главную практическую заслугу своей метафизики. Не можемъ ли и мы найти въ этомъ оправданіе ея претензіямъ на участіе въ рѣшеніи сложныхъ вопросовъ жизни?

Не будемъ, однако, обольщаться словами и вспомнимъ, что свободы бываютъ разныя. Какой же свободы требуетъ для личности метафизика г. Бердяева? „Свобода,—говоритъ онъ въ концѣ своей статьи,—не отрицательное понятіе, какъ это утверждаютъ буржуазные мыслители, для которыхъ она есть только отсутствіе стѣсненій, свобода понятіе положительное, она синонимъ всего внутренняго духовнаго творчества человѣческой личности... Быть свободнымъ человѣкомъ — значитъ сознать свою нравственно-разумную природу, выдѣлить свое „нормальное“, идеальное „я“ изъ хаоса случайнаго эмпирическаго сцѣпленія фактовъ... И я думаю, что можно поставить знакъ тожества между внутренней нравственной свободой и тѣмъ духовнымъ „я“, которое мы положили въ основаніе этики“.

Итакъ, мы имѣемъ „знакъ тожества“ между „внутренней свободой“ и тѣмъ идеаломъ, къ раскрытію котораго зоветъ насъ метафизика. Опредѣлить x, какимъ оставался для насъ этотъ идеалъ, теперь уже не трудно, такъ какъ уравненіе, въ которое вставилъ его г. Бердяевъ, очень просто. О „внутренней свободѣ“ мы много наслышаны. Всѣ прелести ея особенно подробно выясняли намъ за послѣдніе годы, между прочимъ, „Московскія Вѣдомости“, настойчиво противополагавшія эту „истинную“ свободу той призрачной, которую выдумали „лжелибералы“ и которая состоитъ въ „отсутствіи стѣсненій“. „Сознавать свою нравственно-разумную природу и выдѣлить свое идеальное „я“ изъ хаоса случайнаго эмпирическаго сцѣпленія фактовъ“, какъ не безъ основанія утверждала и утверждаетъ реакціонная газета, можно всюду, даже въ тюрьмѣ и въ рабствѣ. „Внутренняя свобода“ тѣмъ и хороша, что она доступна всякому, нищему не меньше, чѣмъ милліонеру.

Чувствуя близость звѣриныхъ объятій, г. Бердяевъ дѣлаетъ рѣзкій поворотъ въ сторону „отсутствія стѣсненій“. „Можно-ли примирить, — съ гнѣвнымъ пафосомъ восклицаетъ онъ,—внутреннее самоопредѣленіе личности, ея нравственную свободу и признаніе за ней абсолютной цѣнности съ внѣшнимъ гнетомъ, съ эксплуатаціей ея другими людьми и цѣлыми группами, съ поруганіемъ ея человѣческаго достоинства общественными учрежденіями?.. Какія идейныя оправданія могутъ быть приведены въ защиту точки зрѣнія реакціонеровъ и мракобѣсцевъ, жрецовъ грубаго насилія, что можетъ уменьшить ихъ страшную вину передъ человѣческимъ духомъ и ослабить справедливое возмездіе?“

Напрасно, однако, такъ горячится г. Бердяевъ и не ему бы накладывать „клеймо позора“ на „тѣхъ, которые нагло и без-

застѣнчиво совмѣщаютъ въ себѣ безобразное противорѣчіе,—признаніе за человѣческимъ духомъ безусловной цѣнности, съ одной стороны, и оправданіе гнета, эксплуатаціи и нарушенія элементарныхъ правъ человѣка — съ другой". За объясненіемъ этого общественнаго зла, которому г. Бердяевъ, не въ примѣръ г. Булгакову, отказывается дать нравственное оправданіе, онъ отсылаетъ насъ къ исторіи. Послѣдняя же совершенно опредѣленно говоритъ намъ, что „идейныя оправданія" реакціонеры и мракобѣсцы всегда находили себѣ въ метафизикѣ, даже въ томъ самомъ пунктѣ ея, изъ котораго исходитъ г. Бердяевъ.

Въ самомъ дѣлѣ, постулируя „идеальную личность", какъ нѣчто напередъ данное, независимое отъ эмпирической личности и не выводимое изъ нея, г. Бердяевъ собственными руками закладываетъ „незыблемый фундаментъ" для того ученія, которое „человѣческій духъ безусловной цѣнности" противополагаетъ эмпирическому человѣку съ многоразличнымъ его содержаніемъ. „Радикальную идею абсолютнаго долженствованія, понимаемаго „спиритуалистически", не только исторически, но и логически можно связать „съ закрѣпленіемъ самыхъ возмутительныхъ, самыхъ реакціонныхъ формъ сущаго". Изъ противоположенія „духа" и „плоти" вполнѣ естественно вытекаетъ тотъ пассивный аскетизмъ, который надѣляетъ человѣка безразличнымъ отношеніемъ къ элементарнымъ правамъ его личности. „Идеальное нравственное совершенство", съ точки зрѣнія „богочеловѣка", легко найти и въ „нирванѣ". „Бороться за свое естественное право, — говоритъ г. Бердяевъ, — есть дѣло чести каждаго человѣка". Это, конечно, вѣрно, но, оставаясь на почвѣ метафизики, съ еще большимъ успѣхомъ можно постулировать прямо противоположный „нравственный императивъ".

Изъ признанія напередъ данной „идеальной личности", какъ „самоцѣли и абсолютной цѣнности", возможны и другіе выводы. Голая идея, даваемая метафизикой, не то, что презираемый г. Бердяевымъ „голый фактъ", съ какимъ имѣетъ дѣло эмпирія. Съ идеей безъ содержанія легко продѣлывать всевозможные зигзаги мысли, и этою возможностью широко пользуется прекрасно усвоившій грацію всевозможныхъ поворотовъ г. Бердяевъ.

Мы уже говорили, что для этики г. Бердяева „эмпирическое счастіе людей" не имѣетъ значенія. „Служить удовольствію и счастію Петра и Ивана и даже всѣхъ Петровъ и Ивановъ на свѣтѣ, по его мнѣнію, не имѣетъ никакой нравственной цѣны... Да и къ тому же, если постыдно для человѣка посвятить жизнь собственному наибольшему удовольствію, то не менѣе постыдно обратить себя въ орудіе чужого наибольшаго удовольствія". Важно не счастіе рода человѣческаго, а его „нравственное идеальное совершенство". При этомъ, какъ „самоцѣль и абсолютная цѣнность", личность, по мнѣнію философа, имѣетъ „этиче-

скій приматъ надъ обществомъ". Это значитъ, между прочимъ, что „борьба за соціальность, т. е. за форму общественнаго сотрудничества, этически всегда подчинена борьбѣ за гуманность, т. е. борьбѣ за человѣка".

Въ послѣднемъ выводѣ для насъ, знакомыхъ съ теоріей борьбы за индивидуальность, мало, конечно, новаго и, казалось бы, нѣтъ ничего страшнаго. Наши читатели, быть можетъ, помнятъ слова, написанныя 25 лѣтъ тому назадъ Н. К. Михайловскимъ: „Мѣриломъ достоинства всякаго союза—партіи, кружка, семьи, націи и пр.—долженъ служить интересъ личности... Значитъ, во всѣхъ политическихъ вопросахъ вы сдѣлаете фокусомъ своего размышленія интересы не націи, не государства, не общины, не провинціи, не федераціи, а — личности". Мы готовы, такимъ образомъ, идти дальше г. Бердяева и признать не только этическій, но и соціологическій приматъ личности. Но личность для насъ — не голая идея, а нашъ ближній, имѣющій всецѣло эмпирическое происхожденіе.

Когда же въ центрѣ вселенной становится „богочеловѣкъ" г. Бердяева, для котораго эмпирическое счастье окружающихъ его людей не имѣетъ значенія, то за ближняго намъ становится нѣсколько страшно. Этотъ „богочеловѣкъ" обнаруживаетъ недвусмысленное поползновеніе сдѣлаться „человѣкобогомъ". Въ качествѣ таковаго дѣломъ своей чести онъ можетъ сдѣлать уже не созерцаніе „своей нравственно разумной природы", не нирвану, а осуществленіе своихъ „божескихъ" правъ за счетъ окружающихъ. И этому не можетъ воспрепятствовать г. Бердяевъ съ своей метафизикой. Напротивъ, онъ заранѣе санкціонируетъ всѣ акты „человѣкобога", объявляя „войну обыденной традиціонной морали". „Въ человѣкѣ,—говоритъ онъ,—есть безумная жажда жизни, интенсивной и яркой, жизни сильной и могучей, хотя бы своимъ зломъ, если не добромъ. Это необыкновенно цѣнная жажда жизни и пусть она лучше опьяняетъ человѣка, чѣмъ отсутствуетъ совсѣмъ. Это Богъ Діонисъ даетъ о себѣ знать, тотъ самый, которому Ницше воздвигъ такой прекрасный памятникъ во всѣхъ своихъ твореніяхъ".

Я не поклонникъ обыденной традиціонной морали и думаю, что ей, дѣйствительно, можно и должно объявить войну. Но чтобы предпринять эту борьбу, казалось бы, нужно имѣть кое-что положительное, а не только жажду жизни „хотя бы своимъ зломъ, если не добромъ". Иначе „философская этика" г. Бердяева легко можетъ оправдать все—отъ входящаго нынѣ въ моду демоническаго босячества, до давно уже утратившаго свой поэтическій ореолъ, но все еще живучаго въ насъ самодурства.

Между тѣмъ, этого положительнаго элемента и не заключаетъ въ себѣ та голая „идея абсолютнаго долженствованія", съ которою балансируетъ г. Бердяевъ.

IV.

Люди,—по крайней мѣрѣ, въ лучшія минуты своей жизни, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей,—сознаютъ свой долгъ принимать активное участіе въ борьбѣ за общее благо и за собственное человѣческое достоинство. Вотъ „голый фактъ", какой даетъ эмпирическая дѣйствительность. Объяснить происхожденіе этого долга, раскрыть внутреннее его содержаніе и найти источникъ вѣры и энтузіазма, какой вносятъ люди въ исполненіе его велѣній—таковы проблемы, которыя поставили передъ собой представители философскаго идеализма. Говоря кратко,—это проблемы совѣсти и чести Мы видѣли, какъ неудачно они разрѣшаютъ свою задачу. Объяснить происхожденіе совѣсти и чести они въ сущности отказываются, такъ какъ „постулируютъ", т. е. требуютъ, чтобы мы признали безъ доказательства сверхъ-эмпирическій міръ и сверхъ-опытное происхожденіе нравственнаго долга. Наполнить сколько нибудь опредѣленнымъ содержаніемъ „пустую форму абсолютнаго долженствованія", оставаясь на почвѣ метафизики, они оказываются безсильными. Г. Булгаковъ прямо признается, что въ этомъ пунктѣ „вступаетъ въ свои права положительная наука". Наконецъ, вмѣсто вѣры въ свои силы и нравственнаго энтузіазма къ своему дѣлу, метафизическіе абсолюты способны поселить въ сердцахъ и умахъ людей лишь безразличное отношеніе къ добру и злу и индиферентное или „сверхчеловѣческое" отношеніе къ сложнымъ вопросамъ жизни. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія цѣлей, ради которыхъ г.г. философы предприняли свою метафизическую экскурсію, ее никакъ нельзя признать удавшеюся.

Еще труднѣе, быть можетъ, оправдать ее съ точки зрѣнія причинъ, которыя побудили новыхъ приверженцевъ идеализма переступить границы положительнаго знанія. Въ самомъ дѣлѣ, вернемся къ отправной точкѣ ихъ изысканій и посмотримъ, дѣйствительно ли пропасть между „бытіемъ" и „долженствованіемъ" въ предѣлахъ позитивной науки представляется непроходимой.

Возьмемъ два-три факта изъ „сущаго". Земля движется вокругъ солнца, изъ года въ годъ съ удивительнымъ постоянствомъ совершаетъ она свой путь по эллипсису, ни на минуту не опаздывая въ своемъ бѣгѣ, ни на іоту не уклоняясь въ сторону. Камень, брошенный вверхъ, достигнувъ извѣстной точки, неизмѣнно падаетъ опять на землю. Зажженная свѣча, внесенная въ безвоздушное пространство, немедленно гаснетъ. Всѣ эти факты воспринимаются нашимъ сознаніемъ съ точки зрѣнія ихъ причинности. Встрѣчаясь съ ними, наша мысль знаетъ только одинъ вопросъ: почему? почему земля движется? почему камень па-

даетъ? почему свѣча гаснетъ? Дикарь могъ бы заподозрить въ данномъ случаѣ у земли, камня и свѣчи какія либо намѣренія; мы же, искусившіеся въ положительной наукѣ, знаемъ, что вопросъ о цѣли въ данномъ случаѣ былъ бы вопросъ праздный.

Между тѣмъ, представьте себѣ, что земля, камень, свѣча одарены сознаніемъ. Тѣ же самыя явленія не воспринимали ли бы они въ иной формѣ, чѣмъ мы, не какъ сущее, а какъ должное? Не сознавала ли бы земля, что она *должна* двигаться? камень, что онъ *долженъ* упасть? свѣча,—что она *должна* погаснуть? Законы инерціи, тяготѣнія и химическаго сродства не отозвались ли бы въ ихъ сознаніи такимъ же властнымъ и суровымъ голосомъ, какъ и всякій иной „категорическій императивъ?“ Результаты актовъ, всецѣло обусловленныхъ внѣшними причинами, не представились ли бы имъ своего рода цѣлями, къ которымъ они должны стремиться? Любопытно, что даже въ нашемъ сознаніи мы допускаемъ элементъ „долга“ въ указанныхъ явленіяхъ. Мы говоримъ не только, что то или иное изъ этихъ явленій совершится, но и то, что земля „должна“ двигаться, камень „долженъ“ упасть, свѣча „должна“ погаснуть. Въ этомъ „долженъ“, „должна“, конечно, нѣтъ ничего метафизическаго. Въ данномъ случаѣ для насъ совершенно ясно, какимъ образомъ категорія сущаго смѣняется категоріей должнаго. Ретроспективная работа сознанія вскрываетъ причины сущаго, въ проспектѣ же мысль провидитъ результаты должнаго. Причинность и цѣлесообразность въ этомъ случаѣ лежатъ на одной линіи, только въ разныхъ направленіяхъ.

Само собой понятно, что между „долгомъ“, который сознавала бы земля, и нравственнымъ долгомъ, какой сознаемъ мы, лежитъ дистанція огромнаго размѣра. Но вѣдь и во всѣхъ иныхъ отношеніяхъ между космическимъ, физическимъ и химическимъ міромъ, съ одной стороны, и біологическимъ, психическимъ и соціальнымъ, съ другой, лежитъ не меньшее разстояніе. Позитивная наука не теряетъ, однако, надежды проложить путь между ними и то, что ею уже сдѣлано для этого, ставитъ эту надежду внѣ сомнѣній. На всемъ протяженіи сущаго и должнаго эволюціонная теорія уже поставила свои вѣхи. Внѣ этого огромнаго пространства, охваченнаго позитивной наукой, лежатъ лишь первоначальная причина и конечная цѣль бытія. Вся жизнь, всѣ сложные вопросы жизни, какіе могутъ встать передъ человѣчествомъ, находятся въ этихъ предѣлахъ, за ними же начинается недоступное нашему пониманію небытіе. Умножить вѣхи эволюціонной теоріи, найти нить развитія жизни отъ атома до высшихъ проявленій человѣческаго духа, связать цѣпью причинности всѣ явленія міра, продолжить эту нить и эту цѣпь въ будущее до самыхъ отдаленныхъ и высокихъ цѣлей,—такова благородная и благодарная задача, которая стоитъ передъ чело-

вѣческой мыслью. Эта задача всецѣло лежитъ въ мірѣ эмпиріи, и метафизика тутъ не поможетъ.

Вернемся, однако, къ „должному“ и посмотримъ, какъ оно сказывается въ болѣе сложныхъ явленіяхъ жизни.

Мы—въ мірѣ клѣтокъ, въ которомъ біологи ищутъ теперь тайну органической жизни. Заглянемъ въ микроскопъ, съ которымъ работаютъ они. На часовомъ стеклышкѣ налита морская вода, въ которой плаваютъ яйца и сперматозоиды иглокожихъ. „Яйцо одѣто въ нѣжную студенистую удобопроницаемую оболочку... Тутъ же, подъ микроскопомъ, плаваетъ множество сперматозоидовъ... Словно влекомые какою-то таинственной силой, цѣлой гурьбой направляются они, усиленно работая своими жгутами, къ поверхности яйца и обступаютъ его со всѣхъ сторонъ. Но вотъ одинъ, наиболѣе юркій и энергичный, далеко опередилъ всѣхъ остальныхъ. Еще мгновенье, и онъ достигаетъ цѣли, тѣмъ болѣе, что само яйцо какъ бы идетъ навстрѣчу его стремленіямъ: протоплазма яйца образуетъ небольшой бугорокъ, который выступаетъ по направленію къ сперматозоиду. Послѣдній упирается головкой въ студенистую оболочку яйца, работаетъ усиленно своимъ хвостикомъ, достигаетъ до воспринимающаго холмика и, наконецъ, внѣдряется въ яйцо. Какъ разъ въ это самое время на поверхности всего яйца образуется тоненькая перепонка... Эта перепонка защищаетъ яйцо отъ вторженія въ него остальныхъ сперматозоидовъ: они остаются за бортомъ, тогда какъ ихъ болѣе счастливый товарищъ продолжаетъ идти все дальше и дальше вглубь яйца...“ *) Такова, по наблюденію біологовъ, картина „пролога“ къ оплодотворенію, въ результатѣ котораго является одноклѣтный зародышъ, долженствующій затѣмъ развиться въ сложный организмъ.

Какая сила заставляетъ сперматозоиды (мужскіе зародыши) стремиться къ яйцу (женской сѣмянной клѣткѣ), что заставляетъ эту послѣднюю раскрывать свои объятія для одного изъ нихъ и препятствовать доступу всѣхъ остальныхъ,—мы еще не знаемъ. Это нерѣшеная еще проблема біологіи. Несомнѣнно, однако, что рано или поздно наука вскроетъ дѣйствующія въ этомъ случаѣ причины и—кто знаетъ?—можетъ быть, сведетъ ихъ въ концѣ концовъ къ тѣмъ же законамъ тяготѣнія и химическаго сходства, дѣйствіе которыхъ для насъ совершенно ясно было въ ранѣе приведенныхъ примѣрахъ. Каковы бы ни были эти причины, во всякомъ случаѣ комплексъ ихъ для сперматозоида и яйцевой клѣтки имѣетъ значеніе „категорическаго императива“. Послушные его велѣнію, они стремятся, какъ къ должному, къ той цѣли, которая подъ микроскопомъ представляется намъ въ видѣ одноклѣтнаго зародыша и которая пріобрѣтаетъ потомъ видъ сложнаго

*) В. В. Лункевичъ. Нерѣшенныя проблемы біологіи. Р. Б. 1902 г. № 12.

организма. Размѣры проявляемой клѣтками активности и внѣшній видъ ихъ дѣйствій таковы, что не только дикарь, но и образованный человѣкъ, пока онъ не проникъ въ причины происходящаго передъ нимъ процесса, способенъ увидѣть въ яйцѣ и сперматозоидѣ живыя существа и заподозрить цѣлесообразность въ ихъ движеніяхъ. „Самое названіе Spermatozoon, т. е. „сѣменное животное“,—говоритъ по этому поводу г. Лункевичъ,—показываетъ, что сперматозоидъ дѣйствительно считался за крошечное, вполнѣ самостоятельное животное“.

Мы еще далеки отъ нравственнаго долга, но несомнѣнно, что вѣха, около которой мы сейчасъ находимся, указываетъ путь въ интересующемъ насъ направленіи. Идя дальше, мы попадаемъ въ малоизслѣдованную еще, но безусловно доступную наукѣ область инстинктовъ и безсознательныхъ влеченій и движеній. Вѣко, закрывающее нашъ глазъ въ случаѣ грозящей ему опасности; индюкъ, при видѣ врага распускающій хвостъ и растопыривающій перья; самка, упорно сидящая на яйцахъ; волчица, защищающая своихъ дѣтенышей,—все это факты изъ сущаго, подлежащіе изученію въ ихъ причинахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ—это акты должнаго, заключающіе въ себѣ несомнѣнный элементъ цѣлесообразности. Мы знаемъ, что причины производятъ въ этомъ случаѣ свое дѣйствіе при посредствѣ того же нервнаго аппарата, который служитъ и для нравственно-разумной дѣятельности человѣка; мы знаемъ, что цѣли, которыя достигаются при помощи инстинктовъ, иногда бываютъ почти тождественны съ тѣми, которыя ставитъ и нравственность. Мы уже близки къ нравственному долгу.

Послѣдній мы находимъ только въ области сознательной и разумной жизни. Эта жизнь, конечно, также глубоко-причинна, какъ и все сущее; вмѣстѣ съ тѣмъ она высоко-цѣлесообразна, какъ ничто другое изъ должнаго. Само собой понятно, что не все, лежащее въ предѣлахъ сознанія и не все совершающееся при участіи мысли, составляетъ предметъ нравственнаго долга. Къ содержанію послѣдняго мы обратимся нѣсколько ниже. Сейчасъ же вернемся назадъ и посмотримъ, какъ измѣнялось „должное“ на разныхъ ступеняхъ жизни, съ которыми мы имѣли дѣло.

Причины, которыя заставляютъ камень падать и свѣчу гаснуть, очень просты и несложны. Вмѣстѣ съ тѣмъ результатъ ихъ дѣйствія наиболѣе неизбѣженъ. И если должное гдѣ нибудь имѣетъ „абсолютный“ характеръ, то именно тамъ—на низшихъ, неорганическихъ ступеняхъ сущаго. Непосредственныя причины, побуждающія сперматозоидъ стремиться къ соединенію съ яйцевой клѣткой, намъ неизвѣстны, но несомнѣнно, что онѣ очень разнообразны и сложны. Выше мы упомянули, что, можетъ быть, представится возможность свести ихъ къ тѣмъ же законамъ, которые имѣютъ мѣсто и въ неорганическомъ мірѣ; едва ли нужно пояснять, однако, что это можно сдѣлать будетъ не иначе, какъ при

посредствѣ цѣлаго ряда другихъ звеньевъ изъ цѣпи причинности. Вмѣстѣ съ умноженіемъ и усложненіемъ причинъ измѣняется и характеръ акта, являющагося въ результатѣ ихъ дѣйствія. Если земля неуклонно и неизмѣнно (въ доступныхъ нашему наблюденію предѣлахъ) движется по своей орбитѣ, то далеко нельзя того же сказать про движенія клѣтки. Въ движеніяхъ послѣдней заключается цѣлый рядъ возможностей, а самый результатъ отнюдь не представляется чѣмъ-то неизбѣжнымъ. Употребляя философскіе термины, мы можемъ сказать, что, вмѣстѣ съ усложненіемъ причинъ, категорія должнаго осложняется категоріей возможнаго. Чѣмъ выше ступень жизни, тѣмъ сложнѣе дѣйствующія въ послѣдней причины, тѣмъ разнообразнѣе доступныя ей возможности. Тамъ, гдѣ начинается область сознательной жизни, предѣлы возможности столь уже широки, что является новая, неизвѣстная безсознательной жизни, возможность выбора между ними, т. е. мысль и чувство, комбинируя, обобщая и пополняя комплексъ причинъ, которыми опредѣляется предстоящій актъ, получаютъ среди нихъ рѣшающее значеніе. Такимъ образомъ, сознаніе, въ которомъ причинность преломляется въ цѣлесообразность, осложняетъ должное еще однимъ элементомъ. Участіе мысли и чувства опредѣляетъ, что изъ всѣхъ возможностей человѣкъ стремиться осуществить наиболѣе желательную.

Въ понятіи нравственнаго долга мыслятся всѣ три категоріи, т. е. не только должное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возможное и желательное. И ни одна изъ этихъ категорій не имѣетъ сверхъопытнаго происхожденія.

V.

Я нѣсколько увлекся и, можетъ быть, черезчуръ долго задержалъ вниманіе читателей на „пустой формѣ“ нравственнаго долженствованія. Между тѣмъ, какъ я уже говорилъ, несравненно важнѣе внутреннее содержаніе послѣдняго, раскрыть которое тщетно пытаются метафизики. Я думаю,что и въ этомъ отношеніи указанія опытнаго знанія могутъ быть несравненно плодотворнѣе чистаго умозрѣнія. Попытаемся во всякомъ случаѣ отмѣтить нѣкоторыя „вѣхи“, поставленныя уже наукой для пытливой мысли.

Каковы бы ни были причины, опредѣляющія собою дѣятельность организованнаго существа, онѣ всегда сказываются въ немъ въ формѣ той или иной потребности. На высшихъ ступеняхъ органическаго міра потребности очень многочисленны и разнообразны. Среди потребностей, свойственныхъ человѣку, мы находимъ уже столь различныя, какъ потребность въ воздухѣ и пищѣ, съ одной стороны, и стремленіе къ истинѣ и жажда нравствен-

наго подвига,—съ другой. Откуда взялось это многоразличіе потребностей и, въ частности, какимъ образомъ возникли высшія изъ нихъ?

Вопросъ о происхожденіи и эволюціи потребностей, къ сожалѣнію, до сихъ поръ остается малоизслѣдованнымъ. Какъ бы то ни было, кое-какія указанія на этотъ счетъ мы уже имѣемъ. Наука знаетъ двѣ основныхъ потребности, свойственныхъ органическому міру на всѣхъ его ступеняхъ. Это, съ одной стороны, потребность самосохраненія, съ другой—потребность сохраненія рода или вида. Если хотите, это даже одна потребность,—потребность самосохраненія въ пространствѣ и во времени, потребность въ безсмертіи, осуществляемая лишь въ двухъ формахъ: въ возможномъ продленіи, съ одной стороны, индивидуальной жизни, съ другой—видовой. Съ эволюціонной точки зрѣнія въ происхожденіи этихъ потребностей нѣтъ ничего метафизическаго. Изо всѣхъ клѣтокъ, какія могли образоваться въ мірѣ, изо всѣхъ возможныхъ скопленій этихъ клѣтокъ, въ силу естественнаго отбора, могли получить распространеніе лишь тѣ клѣтки и тѣ скопленія ихъ, которыя по своему строенію были способны къ самосохраненію и размноженію. Всѣ остальныя соединенія, если они не были столь прочны, какъ неорганическія тѣла, неизбѣжно должны были быть мимолетны.

Такимъ образомъ, потребность сохраненія индивида и рода должна была получить мѣсто въ жизни вмѣстѣ съ возникновеніемъ органическаго міра, на самыхъ первыхъ ступеняхъ его, т. е. задолго до появленія сознанія. По своему происхожденію эта потребность, несомнѣнно, глубоко причинна, т. е. обусловлена опредѣленнымъ сочетаніемъ элементовъ и силъ; съ другой стороны, она вполнѣ цѣлесообразна. Тамъ же, „до сознанія“, началась и эволюція потребностей.

Общее направленіе эволюціи въ органическомъ мірѣ, какъ извѣстно, заключается въ усложненіи жизни. При этомъ происходятъ два параллельныхъ и тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ процесса: съ одной стороны, происходитъ умноженіе и дифференціація органовъ, съ другой—умноженіе и дифференціація ихъ функцій. Привлекать внѣшнее предопредѣленіе, разумную волю абсолюта для объясненія такого именно направленія въ развитіи жизни наука не встрѣчаетъ надобности. Она близка уже къ тому, чтобы дать ему механическое истолкованіе. Работы Дарвина и его преемниковъ бросили во всякомъ случаѣ достаточный лучъ свѣта на происхожденіе видовъ, различающихся своими органами и ихъ функціями.

Для насъ важно въ данномъ случаѣ отмѣтить, что не только всякое измѣненіе въ морфологическомъ строеніи организма неразрывно связано съ измѣненіемъ его физіологическихъ функцій, но и, наоборотъ, всякая перемѣна, какая вносится въ от-

правленія организма извнѣ, неизбѣжно почти сказывается на его строеніи. Благодаря этому, происходитъ то, что средства, которыми пользуется организмъ для удовлетворенія своихъ потребностей, измѣняя его строеніе, постепенно становятся для него цѣлями новыхъ потребностей. Для сохраненія сложнаго организма наиболѣе благопріятнымъ по тѣмъ или инымъ причинамъ оказался, напримѣръ, обмѣнъ веществъ. Важнѣйшими средствами для такого обмѣна на извѣстной ступени органическаго міра явились дыханіе и питаніе. Возникновеніе и развитіе соотвѣтствующихъ органовъ имѣло, однако, своимъ послѣдствіемъ то, что какъ потребность въ воздухѣ, такъ и потребность въ пищѣ получили для живого существа самостоятельное значеніе. Если бы обмѣнъ веществъ сталъ происходить совершенно инымъ путемъ, то указанныя потребности всетаки исчезли бы не сразу и не прежде, чѣмъ атрофировались бы служащіе для нихъ органы. Движеніе — это только средство для добыванія пищи и для активной и пассивной самозащиты; снабженный мускулатурой организмъ испытываетъ, однако, потребность въ движеніяхъ, какъ въ чемъ-то такомъ, что само по себѣ доставляетъ удовольствіе. Знаніе для человѣка это прежде всего средство въ борьбѣ за существованіе; на извѣстной ступени развитія оно дѣлается, однако, самодовлѣющею цѣлью и стремленіе къ истинѣ является одной изъ важнѣйшихъ потребностей человѣческаго духа. Эти примѣры превращенія средствъ въ цѣли можно было бы продолжить до безконечности. Такъ какъ для одной и той же цѣли могутъ служить многоразличныя средства, то уже въ этомъ одномъ можно было бы найти достаточную причину для умноженія и дифференціаціи потребностей.

Послѣднія, какъ мы уже сказали, всегда сопряжены съ соотвѣтствующими измѣненіями въ самомъ организмѣ, въ его клѣткахъ, въ ихъ сочетаніи. Такъ какъ каждая клѣтка и каждое сочетаніе клѣтокъ, въ силу указанныхъ выше причинъ, обладаетъ потребностью самосохраненія, то для живого существа въ цѣломъ эта потребность отнюдь не ограничивается однимъ фактомъ существованія; она заключается въ сохраненіи организма со всѣми его наслѣдственными и благопріобрѣтенными особенностями. Стремиться къ сохраненію своей личности со всѣми ея силами, способностями и потребностями, стремиться къ сохраненію ея въ настоящемъ и будущемъ, пользоваться для этого всѣми доступными средствами и, стало быть, всѣми возможностями для дальнѣйшаго ея развитія, — это, если хотите, дѣйствительно, „естественное",—и при томъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, — право человѣка. Ничего метафизическаго, сверхъопытнаго или сверхъ-естественнаго въ его происхожденіи и содержаніи нѣтъ. Не отъ „абсолюта" оно происходитъ, а изъ тѣхъ элементовъ силы и матеріи, которые скомбинированы въ чело-

вѣческомъ организмѣ; не сліяніе съ извѣстнымъ божествомъ имѣетъ оно своею цѣлью, а сохраненіе личности и неразрывно связанное съ нимъ ея дальнѣйшее развитіе. Основная потребность къ сохраненію индивида и вида, проникающая буквально весь организмъ, является, такимъ образомъ, источникомъ всѣхъ „императивовъ",—отъ безсознательныхъ влеченій до идеальныхъ стремленій, — какія свойственны человѣку; оно же даетъ направленіе и содержаніе всей какъ инстинктивной, такъ и сознательно-разумной жизни личности.

Обособившіяся и получившія самостоятельное значеніе потребности могутъ, однако, оказаться въ противорѣчіи съ другими потребностями и въ концѣ концовъ сдѣлаться даже гибельными для индивида или вида. Потребность въ пищѣ можетъ развиться до обжорства и привести организмъ къ гибели. Удовлетвореніе полового чувства можетъ занять не подобающее мѣсто въ жизни и не только оттѣснить другія потребности на задній планъ, но и расшатать всю нервную организацію. Не только чрезмѣрное развитіе той или иной потребности, но и употребленіе ненадлежащихъ средствъ для удовлетворенія можетъ сказаться такими же гибельными послѣдствіями для организма. Употребленіе опія, табаку или алкоголя въ цѣляхъ нервнаго возбужденія можетъ укоренить потребность въ нихъ и, такимъ образомъ, вмѣсто увеличенія жизнеспособности организма, повести къ ослабленію ея. Изъ всѣхъ такихъ противорѣчій особенно легко возникаютъ и особенное значеніе имѣютъ тѣ, которыя возможны между двумя развѣтвленіями основной потребности, — между потребностью самосохраненія и потребностью сохраненія вида. Сохраненіе и развитіе жизни, такимъ образомъ, не представляетъ изъ себя чего-то прямолинейнаго, предопредѣленнаго, абсолютно-неизбѣжнаго; оно осложнено цѣлымъ рядомъ возможностей, среди которыхъ на ряду съ такими, которыя способны обезпечить личности безсмертіе, встрѣчаются и такія, которыя теперь или въ потомствѣ могутъ привести ее къ гибели. Сдѣлать выборъ между этими возможностями, устранить противорѣчіе между потребностями, достигнуть гармоническаго ихъ сочетанія, — и составляетъ основную задачу нравственно-разумной жизни. Въ біологическомъ мірѣ, въ особенности на низшихъ его ступеняхъ, та же цѣль достигается механически, путемъ атрофированія органовъ, гибели индивидовъ, деградаціи и даже исчезновенія цѣлыхъ видовъ. Въ дальнѣйшемъ вырабатываются инстинкты, удерживающіе даже самыхъ кровожадныхъ звѣрей отъ взаимнаго пожиранія или научающіе травоядное животное отличать ядовитыя растенія отъ безвредныхъ. На высшей же ступени органическаго міра, въ человѣкѣ, — гдѣ цѣнность жизни достигаетъ своего максимума, къ выполненію той же задачи привлекаются

новые факторы, — мысль и чувство. На стражѣ цѣлости личности и общества здѣсь стоятъ уже честь и совѣсть.

Послѣднія, конечно, не представляютъ изъ себя чего-либо неподвижнаго, закоченѣвшаго въ своей формѣ или въ своемъ содержаніи. Вмѣстѣ съ развитіемъ духовной жизни отдѣльнаго человѣка, вмѣстѣ съ поступательнымъ ходомъ исторіи всего человѣчества эволюціонируютъ честь и совѣсть. Какъ и въ остальныхъ частяхъ своей статьи, я позволю себѣ отмѣтить здѣсь лишь общее направленіе, въ которомъ совершается эта эволюція.

Когда въ дракѣ человѣкъ съ остервенѣніемъ отвѣчаетъ на удары другихъ людей, то въ этомъ актѣ мы еще не увидимъ проявленія чувства чести. Когда мать, слѣдуя инстинкту, кормитъ своего ребенка, то мы не станемъ еще ея дѣяніе квалифицировать, какъ выполненіе нравственнаго долга. И пѣтухи вѣдь дерутся, и волчицы выкармливаютъ своихъ дѣтенышей. Однако, такимъ же точно актамъ при нѣкоторыхъ условіяхъ мы склонны давать и нравственную оцѣнку. Если тотъ же человѣкъ,—допустимъ, въ той же обстановкѣ, — наноситъ ударъ въ защиту своей личности, одушевленный идеей ея неприкосновенности, то мы не усомнимся признать, что въ немъ говоритъ чувство чести. Если мать, имѣющая возможность уклониться отъ выполненія трудной обязанности, тѣмъ не менѣе, сознавая свою нравственную отвѣтственность передъ потомствомъ, выполняетъ лежащій на ней долгъ, то мы не откажемъ ей въ признаніи извѣстной нравственной силы. Для того, чтобы тѣ или иные акты мы квалифицировали какъ выполненіе долга чести или долга совѣсти, необходимо, такимъ образомъ, чтобы имъ сопутствовала нѣкоторая обобщающая мысль, нѣкоторая идея.

Сила чувства, заставляющая людей выполнять свой долгъ, можно думать, остается неизмѣнной. Во всѣ времена находились люди, которые во имя долга чести или совѣсти шли на подвигъ и даже на смерть. Можно думать, что императивъ инстинкта въ этомъ отношеніи не менѣе даже властенъ, чѣмъ велѣніе сознательнаго чувства. Но идея, сопутствующая этому чувству, отнюдь не остается неизмѣнной ни въ своемъ объемѣ, ни въ своемъ содержаніи. Она-то и эволюціонируетъ въ человѣкѣ и въ человѣчествѣ.

Идея чести не всегда и не вездѣ покрывала и покрываетъ всего человѣка. Понятіе о физической неприкосновенности и притомъ, главнымъ образомъ, со стороны жизни и здоровья личности, нужно думать, вначалѣ исчерпывала, а для многихъ и сейчасъ исчерпываетъ, идею чести. Лишь позднѣе, расширяясь и углубляясь, послѣднее охватываетъ понятіе о душевной неприкосновенности всей личности со всѣми ея силами и потребностями. Каждый изъ насъ знаетъ людей, которые не перенесутъ удара, но которые стерпятъ грубое слово или другое какое-либо еще

болѣе тонкое насиліе. Я думаю, что даже въ людяхъ съ высоко развитымъ чувствомъ чести, послѣднее защищаетъ сейчасъ далеко не всю ихъ личность со всѣмъ богатствомъ ея внутренняго содержанія. Вполнѣ возможно, что наши потомки не захотятъ мириться съ очень многимъ изъ того, въ чемъ мы теперь не видимъ ничего для себя оскорбительнаго.

Съ другой стороны, идея чести не всегда и не вездѣ покрывала и покрываетъ всякаго человѣка. Нужно ли напомнить въ этомъ случаѣ такъ долго господствовавшую и доселѣ не утратившую своего значенія идею національной, сословной и всякой иной групповой чести? Идея общечеловѣческой чести несомнѣнно въ исторіи явилась позднѣе и не пріобрѣла еще господствующаго положенія въ умахъ и тѣмъ болѣе въ сердцахъ современнаго человѣчества. Воплотить ее въ жизни—предстоитъ будущему. Точно также и идея совѣсти не брала и не беретъ подъ свою защиту всего человѣка и тѣмъ болѣе всякаго человѣка. Сердцамъ многихъ близка и понятна нужда ближняго въ хлѣбѣ, но имъ не понятна потребность того же ближняго, напримѣръ, въ знаніи. Чувство совѣсти не позволитъ многимъ равнодушно отнестись къ страданіямъ окружающихъ людей, но оно глухо у нихъ къ страданіямъ и воплямъ тѣхъ, которыхъ не видно глазу и не слышно уху. Есть люди, которые принимаютъ близко къ сердцу нужды современности и которымъ чужды интересы будущаго. Почти каждый сознаетъ свой долгъ работать на пользу своей семьи, очень многіе—на пользу своей мѣстности, сравнительно немногіе—на пользу государства и единицы лишь—на пользу человѣчества. Семья, родъ, племя, нація, государство, человѣчество—вотъ совершенно ясные этапы, которыми въ исторіи шло развитіе идеи совѣсти. Этапы эти намѣчаютъ столь опредѣленное направленіе, что сомнѣваться въ конечномъ торжествѣ правды на землѣ не приходится.

Да, мы можемъ имѣть „отрадную увѣренность, что все доброе и разумное въ концѣ концовъ восторжествуетъ и непобѣдимо", ибо это торжество—результатъ развитія всей жизни, для насъ же—это дѣло нашей чести и совѣсти. И ни къ какимъ абсолютамъ за подкрѣпленіемъ этой увѣренности мы не обратимся.

Я не задавался цѣлью рѣшать проблемы совѣсти и чести во всемъ ихъ объемѣ и во всей ихъ сложности. Для этого нужны конечно, не мои силы и не мои знанія. Моя задача была скромнѣе. Какъ публицистъ, я считалъ своимъ долгомъ напомнить, что эти проблемы на землѣ возникли и здѣсь же, а не въ „потустороннемъ" мірѣ нужно искать и рѣшеніе имъ. Въ мѣру своихъ знаній и умѣнья я постарался намѣтить лишь общую линію для такихъ поисковъ. Возможно, что нѣкоторыя отмѣченныя мною

„вѣхи“ стоятъ въ сторонѣ отъ той дороги, которую проложитъ въ концѣ концовъ положительное знаніе. Но я не сомнѣваюсь что общее направленіе пути, на которомъ люди найдутъ разрѣшеніе сложнымъ вопросамъ мысли и жизни, останется то же: отъ неорганическаго міра, отъ явленій, происходящихъ въ космической и химической сферѣ, они будутъ идти прямымъ путемъ до самыхъ сложныхъ проявленій человѣческаго духа. Какъ-бы ни былъ путь длиненъ, однако, на всемъ своемъ протяженіи,—я увѣренъ,—онъ ни разу не выйдетъ за предѣлы эмпирической дѣйствительности.

Я готовъ идти дальше и признать, что положительная наука ни сейчасъ, ни въ ближайшемъ будущемъ не способна дать стройную и вполнѣ законченную систему міропониманія. Это ея конечная цѣль, къ которой она подойдетъ лишь послѣ многихъ недоумѣній, недомолвокъ и ошибокъ. Отрѣшившись отъ научныхъ методовъ и предавшись чистому умозрѣнію, можно, конечно, и сейчасъ построить „цѣлый чудный городъ, съ башнями, дворцами“. И если бы гг. философы занялись этимъ на досугѣ, ради „отвлеченныхъ интересовъ мысли“, то я, пожалуй, ничего не имѣлъ бы противъ. Но вѣдь ихъ метафизика претендуетъ на участіе и даже руководство въ рѣшеніи „сложныхъ вопросовъ жизни“, которыхъ такъ много и которые такъ остры сейчасъ. Вотъ почему, обращаясь къ читателю, мнѣ хочется повторить ему слова Надсона:

Милый другъ, не вѣрь сіяющимъ обманамъ:
Этотъ городъ—призракъ; онъ тебѣ солжетъ,—
Онъ тебя пронижетъ вѣтромъ и туманомъ,
Онъ тебя холоднымъ мракомъ обоймετъ.
Милый другъ, не рвись усталою душою
Отъ земли, порочной родины твоей—
Нѣтъ, трудись съ землею и страдай съ землею
Общимъ тяжкимъ горемъ братьевъ и людей.

Только оставаясь въ мірѣ дѣйствительности, и можно найти правду жизни и силу для нравственнаго подвига, къ которому такъ властно зоветъ сейчасъ долгъ чести и совѣсти.

А. Пѣшехоновъ.

Политика.

Сенатскіе выборы во Франціи.—Борьба политическихъ партій во французскомъ парламентѣ.—Рѣчь Жореса и ея отклики.—Австро-Венгерское соглашеніе (аусглейхъ).

I.

Годъ 1903 начался во Франціи сенатскими выборами, происходившими въ тридцати семи департаментахъ 4 янв. (22 дек. 1902 по ст. ст.), въ томъ числѣ въ трехъ колоніальныхъ (Алжиръ, Гваделупа, О-ва Соединенія) и въ четырехъ не очередныхъ по случаю смерти четырехъ сенаторовъ. Хотя весеннія законодательные выборы 1902 года и очень близки еще къ намъ, тѣмъ не менѣе и новый опросъ избирателей, послѣ восьми мѣсяцевъ кипучей дѣятельности новаго правительства, представлялъ высокій политическій интересъ.

Извѣстно, что французскіе сенаторы избираются не непосредственно всеобщею подачею голосовъ, но избранниками этого всенароднаго голосованія, депутатами палаты, членами генеральныхъ совѣтовъ и членами муниципальныхъ совѣтовъ, эти же послѣдніе составляютъ около девяти десятыхъ всего числа сенатскихъ избирателей. Такой составъ сенатскихъ избирателей подалъ поводъ еще Гамбеттѣ назвать сенатъ собраніемъ французскихъ общинъ, при чемъ мелкія общины (деревни) являются по сравненію съ крупными (городами) несоразмѣрно вліятельнѣе. Однажды, на этихъ страницахъ я уже приводилъ тому такой примѣръ: департаментъ Сены, гдѣ Парижъ, имѣетъ около 800 сенатскихъ избирателей при трехъ съ лишнимъ милліонахъ жителей, а департаментъ Пюи-де-Домъ при едва полумил. жителей имѣетъ болѣе 1.000 сенатскихъ избирателей. Пюи-де-Домъ имѣетъ гораздо меньше жителей, но гораздо больше общинъ. Это дѣлаетъ сенатъ не только собраніемъ французскихъ общинъ, но и представительствомъ по преимуществу французской деревни. Настроеніе городской Франціи, конечно, отражается на сенатскихъ выборахъ, но болѣе того отражается настроеніе Франціи деревенской. Иначе говоря, сенатскіе выборы всегда нѣсколько консервативнѣе, чѣмъ настроеніе французскаго народа въ его цѣломъ.

Сенатъ возобновляется по частямъ, по одной трети и черезъ каждые три года, такъ что полномочія сенатора длятся девять лѣтъ. Теперь очередь серіи А. (по алфавиту отъ департамента Ain до деп. Gard) и вышеназванныхъ колоній. Предстояло избрать 94 сенатора, да еще 4 по случаю кончины въ четырехъ

департаментахъ другихъ серій, всего девяносто восемь, при чемъ къ избирательнымъ урнамъ призывалось (не считая колоній) свыше тридцати тысячъ уполномоченныхъ французскаго народа. Изъ 30.439 избирателей явилось на выборы 30.233, такъ что только 206 отсутствовало. Это показываетъ, съ какимъ огромнымъ интересомъ относилась нація къ голосованію 4 января, на которомъ, какъ и на общихъ законодательныхъ выборахъ весною 1902 года, борьба шла между тремя группами: союзомъ лѣвыхъ (демократы, радикалы и соціалисты), союзомъ правыхъ (роялисты и націоналисты) и правою республиканскою (респ. либералы и прогрессисты).

Тридцать тысячъ избирателей выбирали по одному, по два и не больше, какъ по пяти сенаторовъ каждый, такъ что число поданныхъ голосовъ нѣсколько превышало (не считая Гваделупы и Reunion) 77 тысячъ. Эти голоса распредѣлились слѣдующимъ образомъ:

I. Союзъ лѣвыхъ:		
Демократы	11.607	
Радикалы	27.640	
Соціалисты	4.216	=43.463
II. Союзъ правыхъ:		
Роялисты	6.092	
Націоналисты	427	= 6.519
III. Правая республиканская:		
Либералы	4 533	
Прогрессисты	21.179	=25.712
Итого противниковъ соврем. радикальнаго правительства.		=32.231
Сторонниковъ		43.463
Всего		75.694

Нѣсколько сотъ голосовъ потерялись на неизвѣстныхъ именахъ. Изъ правой республиканской назвавшіе себя либералами довольно близки націоналистамъ, а прогрессисты заключаютъ очень разнообразные элементы отъ близкихъ націоналистамъ до близкихъ демократамъ, отъ голосующихъ всегда и неизмѣнно противъ правительства до голосующихъ большею частью за правительство и не переходящихъ въ составъ правительственной партіи лишь по личнымъ связямъ съ вождями такъ называемыхъ прогрессистовъ. Таковъ составъ этой группы сенаторовъ. Таковъ, конечно, и составъ группы ихъ избирателей. Если, однако, и эту колеблющуюся группу цѣликомъ зачислить въ оппозицію, то все же побѣду радикальнаго правительства должно признать одною изъ самыхъ блестящихъ и знаменательныхъ въ лѣтописяхъ французскаго парламентаризма. Избиратели рѣшительно одобрили антиклерикальную дѣятельность министерства и категорически осудили оппозицію.

Изъ числа девяносто восьми сенатскихъ мѣстъ, которыя предстояло замѣстить 4 янв. шестьдесятъ шесть были заняты сторонниками министерства (изъ союза лѣвыхъ) и сорокъ два противниками (7 роялистовъ и 35 республик. правой). Голосованіе дало слѣдующіе результаты:

Союзъ лѣвыхъ:		
Демократы	21	
Радикалы и рад.-соц.	48	= 69
Союзъ правыхъ:		
Роялисты	7	
Націоналисты	1	= 8
Республиканская правая:		
Либералы	2	
Прогрессисты	19	= 21

Союзъ лѣвыхъ выигралъ 13 мѣстъ, союзъ правыхъ пріобрѣлъ одно мѣсто, а правая республиканская потеряла четырнадцать мѣстъ. 69 сторонниковъ и 29 противниковъ радикальнаго министерства послали въ сенатъ избиратели своимъ голосованіемъ 4 января.

Три года тому назадъ, когда уже произошелъ расколъ республиканской партіи, а у власти стояло министерство В. Руссо, опиравшееся на то же большинство союза лѣвыхъ, въ январѣ 1900 года происходили выборы въ сенатъ департаментами серіи С. Тогда было выбрано 60 сенаторовъ союза лѣвыхъ и 38 оппозиціи (включая и прогрессистовъ), такъ что, складывая эти два голосованія, мы получимъ для 196 избраній—129 сторонниковъ союза лѣвыхъ и 67 противниковъ. Министерство Комба можетъ, повидимому, быть спокойно за свое положеніе въ сенатѣ.

Изъ частностей разбираемыхъ выборовъ надо отмѣтить немногое. Министръ президентъ Комбъ выбранъ въ двухъ мѣстахъ (въ Нижней Шарантѣ переизбранъ и вновь выбранъ на Корсикѣ); министръ финансовъ Рувье, бывшій до сихъ поръ въ палатѣ, переходитъ въ сенатъ, избранный сенаторомъ отъ департамента Приморскихъ Альпъ (Ницца); Ганото (Hanotaux), бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетахъ Мелина, забаллотированъ въ деп. Aisne; въ деп. Sarthes, гдѣ Кавеньякъ состоитъ предсѣдателемъ генеральнаго совѣта и депутатомъ палаты, избранъ сторонникъ правительства и противникъ націонализма Лешевалье (546 голосовъ противъ 330 за либерала д-ра Маскараля, котораго поддерживалъ Кавеньякъ). Слѣдуетъ прибавить, что Комбъ выбралъ представительство отъ Нижней Шаранты, такъ что корсиканскіе избиратели были немедленно созваны. Они выбрали извѣстнаго друга Гамбетты Ранка. Въ 1900 г. забаллотированіе его на сенатскихъ выборахъ націоналисты торжествовали, какъ круп-

ную побѣду. Ранкъ убѣжденный противникъ націонализма, прекрасный ораторъ, съ крупнымъ авторитетомъ.

II.

Франція можетъ поздравить себя съ знаменательнымъ днемъ 4 января. Еще знаменательнѣе, что великая нація не успокоивается на лаврахъ, но продолжаетъ неустанно и непрерывно съ все возрастающею энергіей борьбу съ все еще сильными элементами реакціи и обскурантизма. Съ возобновленіемъ засѣданій парламента возобновилась и борьба, нѣкоторые эпизоды которой не мѣшаетъ здѣсь отмѣтить.

Мы не останавливаемся здѣсь на новыхъ дебатахъ и голосованіяхъ по вопросу о борьбѣ правительства съ клерикализмомъ. Настроеніе обѣихъ палатъ въ этомъ отношеніи и въ прошлую сессію совершенно выяснилось, а теперь парламентъ только подтвердилъ это категорически-заявленное отношеніе. Оппозиція, однако, не ограничилась критикою правительственной политики по клерикальному вопросу. Она аттаковала его по вопросамъ финансовой политики и по вопросамъ политики внѣшней. Это распространеніе боевой линіи возвысило борьбу партій до борьбы основныхъ принциповъ исторической жизни человѣчества, и съ этой точки зрѣнія нѣкоторые эпизоды парламентскихъ битвъ въ Парижѣ пріобрѣтаютъ крупное значеніе не для однихъ французовъ.

Въ засѣданіи палаты депутатовъ 19 (6) янв., посвященномъ обсужденію бюджета, Поль Дешанель, бывшій президентъ палаты, произнесъ рѣчь объ общей политикѣ радикальнаго правительства. Этой рѣчи давно ждали и многіе полагали, что Дешанель сумѣетъ объединить всю оппозицію, правую республиканскую и правую роялистскую, и явится отнынѣ ея вождемъ. Другіе надѣялись, что Дешанель, напротивъ того, сумѣетъ примирить правую республиканскую съ лѣвыми, за исключеніемъ крайней лѣвой, и создасть изъ прогрессистовъ, демократовъ и радикаловъ большинство, одинаково враждебное крайней правой и крайней лѣвой. Дешанель началъ свою рѣчь указаніемъ на довольно печальное положеніе финансовъ (бюджетъ заключенъ съ дефицитомъ) и формулировалъ свое отношеніе къ этому печальному положенію изреченіемъ, давно уже формулированнымъ (кажется, еще Неккеромъ): „Faites bonne politique, je vons ferai bonnes finances“, a bonne politique ораторъ видитъ единственно въ республиканскомъ сосредоточеніи на почвѣ умѣренно-республиканскихъ принциповъ съ исключеніемъ крайней лѣвой изъ правительственныхъ партій. Высказавъ это пожеланіе, Дешанель перешелъ къ вопросамъ политики внѣшней, надѣясь именно на этой почвѣ поселить раздоръ

въ средѣ союза лѣвыхъ, въ составѣ которыхъ именно по вопросамъ внѣшней политики существуетъ болѣе всего разногласій, и очень существенныхъ, принципіальныхъ. Такъ еще недавно Жоресъ, вождь парламентскихъ соціалистовъ и вице-президентъ палаты, одинъ изъ руководящихъ личностей въ союзѣ лѣвыхъ, опубликовалъ статью, въ которой настаивалъ на необходимости оставить мысль о реваншѣ и объ обратномъ отвоеваніи Эльзасъ-Лотарингіи. Не только демократы, но и значительное число радикаловъ никогда не одобрятъ этой программы. Еще недавно Клемансо заявилъ въ сенатѣ, что онъ не можетъ примириться съ отторженіемъ Эльзасъ-Лотарингіи. Жоресъ, однако, не остановился на этомъ заявленіи. Онъ прибавилъ, что не считаетъ тройственный союзъ враждебнымъ миру и Франціи, при чемъ скептически отнесся къ франко-русскому союзу. Эти-то разногласія въ средѣ правительственнаго большинства и пожелалъ эксплуатировать Дешанель въ своей рѣчи 19 янв. Онъ рѣзко осудилъ „новую школу“, которая соглашается отречься отъ Эльзасъ-Лотарингіи, одобряетъ заключенный спеціально противъ Франціи тройственный союзъ и не одобряетъ спасительный для Франціи союзъ франко-русскій. Онъ взывалъ къ патріотизму и предлагалъ всѣмъ истиннымъ республиканцамъ разорвать съ этою „новой школой“ и сплотиться въ интересахъ отечества и республики. Жореса въ засѣданіи не было, и онъ отвѣчалъ въ слѣдующемъ 20 янв., которое было посвящено запросу націоналистовъ Лази и Дежанта объ соціалистической и антимилитарной пропагандѣ въ арміи.

Послѣ рѣчей интерпеллянтовъ, указывавшихъ на пропаганду космополитизма и соціализма въ средѣ арміи и упрекавшихъ правительство за союзъ съ этими пропагандистами, вредными отечеству и арміи, слово получилъ Жоресъ, отвѣчавшій болѣе Дешанелю, чѣмъ блѣднымъ рѣчамъ интерпеллянтовъ. Ораторъ началъ съ указанія, что именно не на національной, а на интернаціональной почвѣ постепенно выросло историческое явленіе, которое прежде казалось фантазіей, а теперь представляется реальнымъ фактомъ. Это новое незамѣтно выросшее и несомнѣнно нынѣ существующее историческое явленіе есть *дѣйствительно прочный миръ*. Эта прочность мира, которую не Франціи-же подобаетъ колебать, не наноситъ Франціи ни ущерба, ни униженія, а въ соблюденіи и охраненіи прочности и устойчивости мира Франція не можетъ и не должна видѣть признаковъ своего упадка или даже слабости. Только три вещи ведутъ къ слабости націй, именно: лицемѣріе, косность и отсутствіе идеаловъ. Именно нынѣшняя свободная демократическая Франція этими недостатками не страдаетъ. Она теперь, какъ и раньше во всю необозримую длину своей исторіи, исполнена вѣрою въ свои идеалы, которые растутъ и крѣпнутъ, открывая новые свѣтлые горизонты.

Она постепенно, но твердо идетъ по пути осуществленія этихъ идеаловъ. Она искренно въ нихъ вѣритъ и нелицемѣрно имъ служитъ. Она хочетъ и должна быть искреннею и нелицемѣрною во всѣхъ отношеніяхъ, въ дѣлахъ національныхъ и въ дѣлахъ интернаціональныхъ. Нѣтъ, стало быть, никакихъ основаній плакаться на упадокъ и слабость Франціи. Можно смѣло этого не опасаться.

Громы аплодисментовъ не только *всей* лѣвой, но и почти всей правой республиканской покрыли это мѣсто рѣчи, совершенно разрушивъ дешанелевскія хитросплетенія, послѣ словъ Жореса обнаружившія свою явную фальшь. „Маску долой"! какъ бы звучали слова оратора и всѣ увидѣли, что маска упала. И не только съ физіономіи Дешанеля, но и съ глазъ многихъ и многихъ. Эти „многіе", которые завтра снова надѣнутъ маску и снова изъ за мечты реванша станутъ фальшивить, сегодня подъ неотразимымъ обаяніемъ нелицемѣрной правды, бурно аплодировали оратору и были исполнены желанія, чтобы ихъ дорогая и любимая Франція была всегда далека отъ лицемѣрія, косности и паденія идеаловъ.

Тридцать два года длится въ Европѣ миръ, продолжалъ Жоресъ послѣ перерыва, сдѣланнаго упомянутою замѣчательной оваціей. Въ первый разъ въ исторіи Европы миръ не былъ нарушенъ столь продолжительное время, и Франція надѣется на продолжительную устойчивость мира и впредь. Тому причиною существованіе двухъ могущественныхъ союзовъ, которые оба желали и желаютъ мира. При этомъ надо замѣтить, что это желаніе сохранить миръ растетъ и съ той, и съ другой стороны, въ средѣ тройственнаго союза такъ же, какъ и франко-русскаго. Далѣе Жоресъ дѣлаетъ историческое отступленіе, чтобы показать истинное значеніе тройственнаго союза. Онъ былъ заключенъ не для новаго разгрома Франціи, а чтобы сдѣлать неоспоримыми печальные для Франціи плоды послѣдней войны. Наступательнаго характера противъ Франціи тройственный союзъ не имѣлъ, а теперь и еще менѣе того. „Зачѣмъ бы Германіи въ настоящее время искать добрыхъ, даже сердечныхъ отношеній съ Франціею, если бы она питала вражду? Зачѣмъ бы Италіи, только что возобновившей тройственный союзъ, заявлять, что этотъ союзъ не имѣетъ аггресивныхъ цѣлей?" Тройственный союзъ не угрожаетъ миру, но ему не угрожаетъ и союзъ франко-русскій. „Принципіально я ничего не имѣлъ противъ этого союза,—продолжалъ Жоресъ,—я думаю, что огромное политическое и соціальное различіе, существующее между двумя странами, не должно вліять на наше отношеніе къ этому факту. И здѣсь мы имѣемъ дѣло съ союзомъ, исключительно оборонительнымъ, предназначеннымъ охранять миръ въ Европѣ. Не надо, однако, переоцѣнивать значеніе этого союза. Въ періодъ 1870—1892 гг. Франція безъ союза

сумѣла возстановить свои силы, вернуть себѣ подобающее значеніе и расширить свою колоніальную имперію. Союзъ съ Россіей, который долженъ былъ насъ спасать, заключенъ былъ тогда, когда мы уже доказали, что можемъ спасти себя сами". Здѣсь оратора снова прерываютъ долго несмолкающіе апплодисменты на скамьяхъ всей лѣвой и большей части республиканской правой. Націоналистъ Мильвуа кричитъ, обращаясь къ Жоресу: „Вы навлекаете бѣдствіе на страну своими словами". „Бѣдствіе навлекаетъ только тотъ,—возражаетъ Жоресъ,—кто сѣетъ недоразумѣнія и поддерживаетъ недомолвки, изъ которыхъ вырастаетъ преувеличеніе и страсти (*апплодисменты налѣво*). Націоналисты пытаются изъ франко-русскаго союза сдѣлать орудіе внутренней политики, чего мы не допустимъ. Великая французская революція провозгласила идею мира и отвергла войну. И нынѣ этотъ завѣтъ осуществился: въ Европѣ воцарился продолжительный и прочный миръ. Въ его устойчивость можно вѣрить вполнѣ. Конечно, Франція при этомъ испытываетъ вполнѣ законное страданіе. Она потерпѣла серьезный ущербъ, который былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нарушеніемъ права и справедливости (*общее одобреніе*). Мы никогда не признаемъ торжества силы надъ правомъ (*общее одобреніе*), но исправленіе и разрѣшеніе долженъ принести миръ, основанный на общемъ разоруженіи. Этимъ путемъ и эльзасъ — лотарингцы снова обрѣтутъ отечество (*одобреніе слѣва*). Прошлыя войны, которыя вела Франція, не исключая и войны 1870 г., выказали много героизма и оставили огромное наслѣдство славы, которое позволяетъ намъ безъ всякаго смущенія закрыть жестокую книгу войнъ". Далѣе Жоресъ протестовалъ противъ обвиненія, будто онъ болѣе другъ иностранцевъ, чѣмъ французовъ; въ заключеніе горячо высказался за національную терпимость и солидарность, которыя провозглашены великою французскою революціею. Вся лѣвая и многіе изъ правой республиканской горячо и долго апплодировали Жоресу, который могъ себя поздравить съ несомнѣннымъ крупнымъ успѣхомъ.

Послѣ нѣсколькихъ возраженій—со стороны Рибо, который утверждаетъ, что тройственный союзъ имѣлъ наступательный характеръ, слово получаетъ военный министръ генералъ Андрэ, чтобы отвѣтить интерпеллянтамъ Лази и Дежанту, что ихъ свѣдѣнія несправедливы, и въ арміи нѣтъ той пропаганды противъ исполненія ею долга, который указываютъ интерпеллянты. Пропаганда же идеи мира въ арміи нисколько не противорѣчитъ ея призванію, которое и заключается въ томъ, чтобы защищать миръ. Нѣкоторую опасность представляетъ лишь обнаруженная клерикальная пропаганда въ арміи, но онъ, военный министръ, уже вошелъ въ соглашеніе съ министромъ президентомъ о мѣрахъ противъ этой пропаганды. Министръ также находитъ, что современное законодательство не обезпечиваетъ совершен-

наго равенства тягостей военной службы для всѣхъ слоевъ населенія, возлагая больше тягостей на болѣе бѣдные классы. Новый военный уставъ, уже находящійся на разсмотрѣніи сената и вводящій двухгодичный срокъ службы, вмѣстѣ съ тѣмъ призванъ устранить всѣ неравенства.

Послѣ этой рѣчи генерала Андрэ, пренія были заключены и на голосованіе было поставлено предложеніе интерпеллянта Дежанта о порицаніи правительству и отвергнуто большинствомъ 371 голоса, противъ 68 (въ меньшинствѣ республиканская правая не приняла участія), а затѣмъ одобреніе правительству принято большинствомъ 453 противъ 37 (въ меньшинствѣ почти одни націоналисты, такъ какъ и большинство роялистовъ воздержалось; въ большинствѣ же заключается и значительная часть республиканской правой). Исходъ засѣданія надо считать крупнымъ успѣхомъ радикальнаго правительства. Попытка же разъединить союзъ лѣвыхъ на почвѣ внѣшней политики потерпѣла полную неудачу. Не союзъ праваго и лѣваго центра, какъ то выдвигали Дешанель, Рибо и другіе вожди праваго центра, а попрежнему союзъ всѣхъ лѣвыхъ является господствующей комбинаціею современнаго политическаго положенія во Франціи.

III.

Рѣчь Жореса и ея крупный успѣхъ въ палатѣ имѣютъ большое политическое значеніе не для одной Франціи. Въ Германіи она произвела сильное впечатлѣніе и, вѣроятно, принесетъ свои плоды на іюльскихъ выборахъ въ рейхстагъ, ослабивъ и въ Германіи націонализмъ и шовинизмъ, какъ къ тому же она стремится и во Франціи. Съ этой стороны можно только привѣтствовать ея успѣхъ. Но было бы опасно вполнѣ довѣриться тому оптимизму, который сказался въ рѣчи Жореса.

Прежде всего, въ самомъ ли дѣлѣ цивилизованный міръ тридцать два года наслаждался миромъ? И правда ли, что никогда раньше онъ не зналъ столь продолжительнаго мирнаго періода? За эти тридцать два года (1871—1903 гг.) была большая война между Россіей и Турціей въ 1877—78 гг. Допустимъ, однако, что эта война велась съ варварскимъ государствомъ, какъ и война Греціи съ Турціей 1897 года, какъ и война всей Европы съ Китаемъ... А война между Испаніей и Соединенными Штатами? А трехлѣтняя война Англіи съ бурами? Такимъ образомъ, утвержденіе Жореса надо сильно сузить. Можно только сказать, что между *христіанскими* державами Европы не было войны тридцать два года (хотя всѣ эти державы вели войны и съ христіанскими и съ нехристіанскими государствами другихъ частей свѣта), да и то куда нибудь придется спрятать сербо-болгарскую

войну 1886 года. Итакъ, *великія* христіанскія державы Европы не воевали *между собою* съ 1871 года до настоящаго времени, но великія христіанскія державы Европы не воевали между собою также съ 1815 до 1854 гг., т. е. тридцать девять лѣтъ... Значитъ и утвержденіе, что Европа впервые вкушаетъ столь продолжительный миръ тоже не можетъ быть принято. Или надо считать сербо-турецкую войну 1876, русско-турецкую 1877—1878 гг., сербо-болгарскую 1886 г. и греко-турецкую 1897 г. за европейскія войны, и тогда миръ въ Европѣ длится едва пять лѣтъ! Или же не надо считать греческаго возстанія, русско-турецкой войны 1828—1829, бельгійско-голландской войны 1831 и австро-сербской 1849, какъ происходившихъ не между великими державами Европы, но тогда въ продолжительности мира нѣтъ ничего безпримѣрнаго. Очень знаменательно, конечно, что стоящія во всеоружіи великія державы Европы тридцать два года сохранили между собою миръ, но не слѣдуетъ преувеличивать значеніе этого факта и строить на немъ оптимистическія гипотезы.

Въ своей знаменитой книгѣ „Исторія цивилизаціи въ Англіи“ (мы цитируемъ по русскому переводу проф. К. Бестужева-Рюмина и Н. Тиблена, Спб., 1864), Бокль въ 1855 году (въ эпоху восточной войны) писалъ, между прочимъ: „... съ развитіемъ цивилизаціи устанавливается противовѣсіе (воинственности) и воинственный жаръ умѣряется побужденіями, которыя доступны только образованному народу. Но у народовъ, у которыхъ разумъ не развитъ, такое равновѣсіе невозможно; хорошій примѣръ этому представляетъ настоящая война (восточная 1854—1856). Особенность военной борьбы, въ которую и мы (англичане) вовлечены, состоитъ въ томъ, что она произошла не отъ столкновенія интересовъ странъ образованныхъ, а отъ разрыва между Россіей и Турціей, двумя наименѣе образованными государствами, остающимися теперь въ Европѣ. Фактъ этотъ весьма замѣчателенъ. Для характеристики современнаго общественнаго состоянія въ высшей степени важно, что миръ, безпримѣрно продолжительный, прерванъ не такъ, какъ прежде, ссорою между двумя образованными народами, но нападеніемъ необразованной Россіи на еще болѣе необразованную Турцію. Прежде вліяніе просвѣщенныхъ и, слѣдовательно, мирныхъ привычекъ, постоянно возрастая, всетаки было такъ слабо, что даже въ самыхъ образованныхъ странахъ не могло сдерживать старыхъ воинственныхъ обычаевъ; вдругъ появлялась страсть къ завоеваніямъ, пересиливала нерѣдко всѣ остальныя чувства и заставляла такія великія страны, какъ Франція и Англія, нападать другъ на друга подъ малѣйшимъ предлогомъ и искать случая удовлетворить мстительной зависти, съ которою каждая изъ нихъ смотрѣла на развитіе благосостоянія сосѣда. Но теперь развитіе такъ сильно, что оба

народа, отложивъ злостную и раздражительную зависть, соединились въ общемъ дѣлѣ и обнажили мечъ не для эгоистическихъ цѣлей, а для защиты цивилизаціи... Вотъ главное отличіе настоящей войны отъ предыдущихъ. То, что миръ могъ продолжаться сорокъ лѣтъ и потомъ былъ прерванъ не враждою между образованными странами, какъ прежде, а честолюбіемъ одного государства, которое могущественно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, необразованно, вотъ одно изъ многихъ доказательствъ того, что нерасположеніе къ войнѣ есть утонченность, свойственная народу, умственно развитому“ (стр. 146). Прерываю цитату, потому что цитированнаго вполнѣ достаточно для пониманія того строя идей, на которыя Бокль опиралъ наступившую будто бы уже полвѣка тому назадъ невозможность войнъ между образованными народами. Однако, исторія ближайшихъ пятнадцати лѣтъ опровергла эти оптимистическія предвидѣнія знаменитаго англійскаго мыслителя, заливъ Европу кровью въ злой борьбѣ между самыми образованными народами: франко-австрійская война 1859, австро-прусское нападеніе на Данію 1864, австро-прусская война 1866 и, наконецъ, ужасная франко-германская борьба 1870—1871 гг.

Бокль имѣлъ основанія для своихъ предвидѣній, и вполнѣ справедливыя основанія, но онъ преувеличилъ нѣсколько ихъ значеніе, придалъ имъ императивный характеръ. Тоже слѣдуетъ сказать и теперь о предвидѣніяхъ Жореса. Они имѣютъ основаніе, но не слѣдуетъ преувеличивать ихъ значенія. Сила мирныхъ стремленій въ настоящее время очень возрасла и до сихъ поръ оказалась достаточною, чтобы вооруженные съ ногъ до головы народы воздерживались отъ нападенія, но утверждать, что такъ будетъ и впредь, покуда является гипотезой вѣроятнаго будущаго, только вѣроятнаго, безъ непреложности. Неблагопріятныхъ признаковъ не мало.

Миръ между великими державами Европы продержался тридцать два года, главнымъ образомъ, потому, что обѣ комбинаціи, тройственный союзъ и франко-русскій, равносильны. Оффиціально франко-русская комбинація существуетъ съ 1892 года, одиннадцать лѣтъ, но въ сущности она безъ оформленія въ трактатѣ уже проявлялась и раньше. Замышляя нападеніе на Россію, Бисмаркъ сдерживался въ своихъ намѣреніяхъ, потому что имѣлъ за спиною Францію, а до 1878 года и Италію. Съ другой стороны, въ Петербургѣ это отлично понимали и никогда не позволили бы разгромить Францію. Это было въ собственныхъ интересахъ Россіи, и кн. Горчаковъ, конечно, отлично это понималъ. Въ 1875 году онъ, какъ говорятъ, остановилъ предполагавшееся будто бы нападеніе нѣмцевъ на еще неоправившуюся Францію. Объ этомъ инцидентѣ столько говорилось и его столько эксплуатировали съ партійными цѣлями, что всей правды никто не знаетъ. Что-то въ этомъ родѣ, однако, было, и Россія въ этомъ

случаѣ, не рискуя своей будущностью, не могла поступить иначе. „Сильная Франція намъ необходима"—говорилъ кн. Горчаковъ. Въ 1875 году Австрія еще была враждебна Пруссіи, а Италія была еще дружна съ Франціей. Бисмаркъ не могъ рисковать ссорой съ Россіей. Эти обстоятельства мало-по-малу измѣнились. Успѣхи Россіи въ 1877—78 гг. заставили Австрію сблизиться съ Германіей, чему много содѣйствовало консервативное англійское министерство Биконсфильда, которое повліяло и на Италію. Криспи съѣздилъ въ Берлинъ и былъ здѣсь соблазненъ Бисмаркомъ. Такъ, въ 1879 году выросъ, наконецъ, тройственный союзъ, къ которому должна была присоединиться и Англія, но въ самой Англіи Биконсфильдъ былъ низвергнутъ, а Гладстонъ взялъ иниціативу англо-франко-русской комбинаціи, просуществовавшей недолго, но сразу повелительно остановившей планы Бисмарка. Между тѣмъ, Франція возстановила свои силы, и нападеніе и на нее, и на Россію, при увѣренности, что въ обоихъ случаяхъ встрѣтишь обѣ страны, стало очень рискованнымъ для тройственнаго союза, который, вдобавокъ (особенно Италія), еще не закончилъ тогда своихъ вооруженій. А затѣмъ подоспѣлъ и формальный франко-русскій союзъ. Таковы были причины продолжительнаго мира, причины, очень неустойчивыя. Непредусмотрительность кн. Горчакова въ 1875 году, неудача Гладстона на выборахъ въ 1880 году, нѣсколько болѣе раннее возвращеніе къ власти англійскихъ торіевъ и многое другое, могло вызвать пожаръ который залилъ бы кровью весь цивилизованный міръ, захвативъ по пути и весь не цивилизованный міръ. Равновѣсіе двухъ международныхъ комбинацій и мирная политика Англіи,—вотъ двѣ главныя причины, что великія державы Европы не передрались между собою въ эти три десятилѣтія послѣ того, какъ два предыдущихъ десятилѣтія самымъ безпощаднымъ образомъ бились другъ съ другомъ. Распаденіе одного изъ союзовъ (вовсе не невозможное), или присоединеніе Англіи къ одной изъ комбинацій (а за нею стоятъ теперь Америка и Японія) могли бы создать то нарушеніе равновѣсія, при которомъ война станетъ возможною и вѣроятною. Покуда это мало вѣроятно, но и не очень невѣроятно; а тѣ поспѣшныя вооруженія, о которыхъ въ послѣднее время то здѣсь, то тамъ проскальзываютъ извѣстія, не очень ободрительнаго свойства. Есть основаніе надѣяться, что гроза пройдетъ мимо, но она не исчезла съ нашего горизонта. Она бродитъ вокругъ насъ. Можетъ невзначай и набрести.

Не въ этомъ оптимизмѣ, однако, значеніе рѣчи Жореса, а въ той смѣлости, съ которою онъ предложилъ съ парламентской трибуны отказаться разъ навсегда отъ намѣренія *отвоевать* Эльзасъ-Лотарингію, а также въ томъ, что, не смотря на это, его рѣчь заслужила одобреніе значительнаго контингента палаты. Если это

мнѣніе станетъ господствующимъ во Франціи, шансы общей европейской войны станутъ прямо ничтожными, но за то едва ли не возрастутъ шансы столкновенія въ восточной Европѣ. Не имѣя у себя за спиною Франціи, тройственный союзъ получилъ бы больше свободы дѣйствія, если только и самъ онъ не распался-бы къ тому времени. Когда рѣчи, подобныя только что анализированной рѣчи Жореса, начнутъ произноситься и будутъ сочувственно встрѣчаться и въ парламентахъ Берлина и Рима, будетъ близокъ часъ распаденія и тройственнаго союза.

IV.

Въ послѣдній день 1902 года, 31 декабря, состоялось, наконецъ, соглашеніе между первыми министрами Австріи и Венгріи, уже семь лѣтъ безуспѣшно ведшими переговоры. Не всегда ихъ вели нынѣшніе премьеры, австрійскій Керберъ и венгерскій Коломанъ Селль. До Селля переговоры велъ Банфи, а до Кербера—Боденъ, Тупъ, Виндишгрецъ, и всѣ съ одинаковымъ неуспѣхомъ, не смотря на внимательное и дѣятельное посредничество престарѣлаго императора и короля. И теперь это посредничество сыграло свою крупную роль, но еще болѣе того,—новый германскій таможенный тарифъ. Передъ такою экономическою угрозою надо было забыть раздоры и сомкнуть ряды для парированія занесеннаго удара. Министры это поняли, и соглашеніе состоялось. Поймутъ ли въ той же мѣрѣ парламенты и утвердятъ-ли новый аусглейхъ?

Вмѣстѣ съ аусглейхомъ, какъ уже упомянуто, выработанъ обоими министрами и новый таможенный тарифъ, долженствующій обезпечить экономическую жизнь страны отъ потрясенія, которое могло бы явиться послѣдствіемъ новаго германскаго таможеннаго тарифа.

Сущность аусглейха именно въ этомъ таможенномъ соглашеніи, но къ нему прибавлено и нѣсколько другихъ важныхъ финансовыхъ соглашеній: пересмотрѣно положеніе объ австро-венгерскомъ банкѣ; сдѣланы важныя дополненія къ законодательству о валютѣ денежной; регулированы желѣзнодорожные тарифы; устранено двойное обложеніе тѣхъ же товаровъ въ Австріи и Венгріи и пр. Доли расходовъ въ общеимперскомъ бюджетѣ остались прежнія: Австрія 70%, Венгрія 30%. Центръ тяжести, какъ сказано, въ новыхъ тарифныхъ ставкахъ.

Удвоеніе тарифа на сельскохозяйственные продукты въ Германіи должно сильно отразиться на доходахъ сельскаго хозяйства въ Венгріи, странѣ, по преимуществу, земледѣльческой. Тотъ кризисъ крупнаго сельскаго хозяйства, который являлся причиною новаго германскаго таможеннаго законодательства, оди-

наково тяготѣетъ надъ всѣмъ старо-культурнымъ міромъ, Австро-Венгріей въ томъ числѣ. И здѣсь крупное хозяйство подавлено конкурренціей заокеанскихъ новокультурныхъ странъ. Новый германскій таможенный тарифъ наноситъ новый ударъ. Избытки сельскохозяйственнаго производства Австро-Венгрія (главнымъ образомъ Венгрія) вывозила въ Германію, гдѣ теперь настолько вздорожаютъ сельскохозяйственные продукты, что собственное германское сельское хозяйство найдетъ выгоднымъ расширить производство и замѣнить привозный хлѣбъ и привозное мясо собственными продуктами. Только продавая значительно дешевле, можно въ нѣкоторой степени этого не допустить, но какъ же тогда сводить концы съ концами, когда и теперь это очень трудно, не всегда возможно? Разореніе смотритъ прямо въ глаза. Въ Австріи, однако, значительно развита обрабатывающая промышленность, отчасти благодаря дешевому хлѣбу... Если эта промышленность согласится платить дороже за жизненные продукты, то венгерскіе помѣщики могутъ быть спасены. Керберъ отъ имени австрійцевъ согласился спасти венгерскихъ помѣщиковъ, но съ тѣмъ, чтобы венгерскіе крестьяне соотвѣтственно дороже платили австрійскимъ промышленникамъ за ихъ фабрикаты. Высокіе таможенные тарифы на сельскохозяйственные продукты и высокіе таможенные тарифы на фабрикаты,—въ этомъ сущность новаго аусглейха. Австрійскіе рабочіе будутъ платить дороже за жизненные припасы, венгерскіе крестьяне—за фабрикаты, а эта двойная приплата образуетъ тѣ милліоны, которые, раздѣленные между австрійскими фабрикантами и венгерскими помѣщиками, будутъ называться прибылью промышленности и рентою землевладѣнія, хотя будутъ созданы исключительно этимъ новымъ аусглейхомъ... Онъ, этотъ новый аусглейхъ, очень остроумно разрѣшилъ столь долго неразрѣшимыя разногласія. Онъ нашелъ тѣхъ, кто заплатитъ за соглашеніе.

Кромѣ общихъ ставокъ, законопроектъ, какъ и германскій таможенный тарифъ, предусматриваетъ возможность заключенія торговыхъ договоровъ и для этого указываетъ пониженныя минимальныя ставки. По общему, по минимальному и по нынѣ дѣйствующему тарифу таможенныя ставки представляются слѣдующія (въ кронахъ съ метр. центнера):

	Дѣйствующій тарифъ.	По новому аусглейху: Общій	Минимальный
Пшеница	3,50	7,5	6,30
Рожь	3,50	7,0	5,80
Ячмень	1,75	4,0	2,80
Овесъ	1,70	6,0	4.80
Маисъ	1,10	4.0	2,80

Такимъ образомъ, общій тарифъ законопроекта приблизительно

утраиваетъ прежнія ставки, а минимальный всетаки удваиваетъ. Овощи и фрукты по дѣйствующему тарифу не обложены, а теперь проектируется взиманіе 2,20 кронъ съ метр. центнера. Австрійская крона равна франку, а метрическій центнеръ равенъ 100 килограммамъ, т. е., говоря въ круглыхъ цифрахъ, предполагается взимать: по 50 к. за пудъ пшеницы (миним. — 40 коп.), 46 коп. за рожь (мин. 37 к.), овесъ—37 коп. (миним. 30 к.), за ячмень и маисъ—по 30 к. (миним. 18 коп.). Иначе говоря, предположено по общему тарифу взимать свыше 50% цѣны продукта, а по минимальному около 40%. Южнымъ сосѣдямъ Австро-Венгріи, сербамъ и румынамъ, ввозящимъ свои продукты въ Австрію, есть тутъ о чемъ подумать. Придется имъ подумать и о продуктахъ скотоводства, которые они вывозили въ значительномъ количествѣ въ Австрію, такъ какъ и здѣсь проектируется огромное повышеніе, именно за штуку скота: за быка—22 р. 50 коп. (вмѣсто—12½), за корову—11 р. 50 к. (вмѣсто—3 р.), за свинью—8 р. (вмѣсто — 3 р.), за лошадь — 37 р. 50 к. (вмѣсто 8 р. 50 к.) и т. д. Сербія снабжала Австрію преимущественно свиными продуктами; Румынія—рогатымъ скотомъ и бараниной; лошадей австрійцы закупали болѣе въ Россіи. Надо къ этому прибавить, что по требованію Венгріи въ аусглейхъ вошло постановленіе о болѣе строгомъ ветеринарномъ надзорѣ на границѣ, что тоже увеличиваетъ стоимость привоза продуктовъ скотоводства. Словомъ, аусглейхъ къ новому году былъ очень хорошенькимъ подаркомъ для венгерскихъ помѣщиковъ.

За этотъ подарокъ должны уплатить потребители фабрикатовъ, на которые тоже повышены пошлины и въ размѣрѣ, столь же неумѣренномъ. Вотъ нѣкоторыя ставки по наиболѣе важнымъ продуктамъ (при чемъ мы приводимъ пошлины на высшіе сорта, а на низшіе въ новомъ, какъ и въ прежнемъ тарифѣ, устанавливается нѣкоторое пониженіе въ строгомъ соотвѣтствіи, однако, съ пошлиною на 1 сортъ). Цѣна указана въ кронахъ съ метрическаго центнера:

	Тарифъ.	
	Новый	Дѣйствующій
Хлопокъ	45,0	38,0
Бум. тюль	440,0	380,9
„ ткани	800,0	714,3
Канаты	18,0	11,9
Шерст. товаръ	200,0	119,0
Ковры	180,0	119.0
Шелк. издѣлія	1.400,0	1.190,8
Обувь	145,0	83,3
Ножевой товаръ	175,0	119,0
Чугунныя издѣлія	40,0	20,2
Паров. машины	40,0	20,2
Электр. машины	72,0	35,7
Золот. и серебрян. издѣлія	3.000,0	714,3
Инструменты	1.100,0	714,3

и такъ далѣе.

Дроби во второмъ столбцѣ произошли отъ того, что прежній тарифъ былъ изданъ въ гульденахъ, а теперь для сравненія съ новымъ переведенъ тоже въ кроны.

Въ этихъ цифрахъ исчисляется подарокъ венгерскихъ помѣщиковъ австрійскимъ фабрикантамъ въ отвѣтъ на подарокъ, о которомъ мы говорили выше. Аусглейхъ состоялся, такимъ образомъ, на счетъ трудящагося населенія обѣихъ половинъ имперіи и къ общему удовольствію обѣихъ договаривающихся сторонъ. „Борьба была упорная,—говорилъ въ палатѣ Коломанъ Селль,—и теперь окончена, но такъ окончена, что нѣтъ побѣжденнаго. Обѣ стороны могутъ себя поздравить съ побѣдой!“ Воистину могутъ поздравить и себя, и другъ друга...

Послѣ германскаго таможеннаго тарифа, теперь является такой же боевой австро-венгерскій, отчасти направленный противъ Германіи, но еще болѣе того противъ странъ, вывозящихъ сырье. Въ этомъ смыслѣ аусглейхъ имѣетъ крупное международное значеніе, не только политическое, но прямо соціальное, значительно усиливая ту экономическую смуту, которую долженъ внести въ жизнь человѣчества германскій таможенный тарифъ. Послѣдній имѣетъ значеніе для Россіи, Австро-Венгріи и Италіи, по преимуществу. Новый же австро-венгерскій задѣваетъ Россію и Италію менѣе, но представляется огромною угрозою балканскимъ странамъ. Обсужденіе новаго тарифа въ обѣихъ палатахъ и его одобреніе дадутъ намъ, конечно, случай еще возвратиться къ этому вопросу, одному изъ самыхъ существенныхъ и кардинальныхъ въ современной жизни историческаго человѣчества.

Изъ другихъ дѣлъ, волновавшихъ общественное мнѣніе въ послѣднее время, видное мѣсто занимаетъ македонскій вопросъ. Извѣстно, что Австро-Венгрія и Россія выработали текстъ реформъ и представили Блистательной Портѣ, которая увѣдомила упомянутыя державы, что проектъ ихъ она принимаетъ. Подробности проекта еще неизвѣстны, а потому и бесѣду о нихъ отлагаемъ до обнародованія подлиннаго оффиціальнаго документа о составѣ предположенныхъ реформъ.

С. Южаковъ.

Человѣкъ съ причудой.

(*Письмо изъ Англіи*).

I.

Изъ моего клуба я получилъ слѣдующее извѣщеніе: „Двадцатаго ноября состоится лекція миссисъ Г. Ивэнсъ (вице-президентъ *Лиги Раціональнаго Платья*) — „Должны-ли лэди носить панталоны?“. Иллюстраціи при помощи волшебнаго фонаря. Предсѣдательствуетъ лэди Г. (основательница и президентъ *Лиги Раціональнаго Платья*). Миссъ Томкинсъ (дѣйствительный членъ *Лиги Раціональнаго Платья*) прочтетъ: „И мои впечатлѣнія“. Начало въ девять часовъ. Мужчины могутъ явиться“. Нашъ клубъ, носящій вычурное греческое названіе, именуется въ газетахъ всегда „Обществомъ реформаторовъ“. Въ одномъ изъ вечернихъ изданій какъ-то появилась даже иллюстрированная замѣтка о клубѣ. Художникъ не пожалѣлъ въ картинкахъ бородъ мужчинамъ и пышныхъ шевелюръ — дамамъ, но насколько мнѣ извѣстно, чистый феминизмъ въ программу клуба не входитъ, и лэди Г. членомъ его не состоитъ. Лэди Г. я зналъ по имени, по судебному процессу. Она каталась какъ-то на велосипедѣ за городомъ и остановилась въ деревенской гостиницѣ. Такъ какъ лэди Г. была въ „раціональномъ костюмѣ“, т. е. въ панталонахъ, то шокированная трактирщица не пустила ее въ дамскую комнату. Въ видахъ общественной пользы, лэди Г. привлекла трактирщицу къ суду на основаніи закона временъ короля Эдуарда III Плантагенета, обязывающаго содержателей гостиницъ на большихъ дорогахъ впускать проѣзжихъ, если тѣ готовы заплатить. Трактирщица оказалась упорная и пошла на процессъ. Она заявила, что лэди Г. явилась къ ней „въ неприличномъ костюмѣ“, поэтому пріѣзжей предложено было пойти въ „общую“, гдѣ пьютъ и курятъ всѣ проѣзжіе. Если лэди Г. еще разъ явится въ „такомъ костюмѣ“, то она, трактирщица, опять не пуститъ ее въ дамскую. Судья рѣшилъ дѣло въ пользу трактирщицы. Феминистки тогда собирали подписки для петиціи въ парламентъ о санкціи „раціональнаго костюма“. Не могу сказать теперь доподлинно, была-ли подана петиція или нѣтъ. Знаю только навѣрное, что синей книги по этому поводу нѣтъ. Лэди Г., на основаніи процесса, представлялась мнѣ всегда почему-то блазированной молодой аристократической дамой въ родѣ тѣхъ, которыя часто выступаютъ въ великосвѣтскихъ бракоразводныхъ

дѣлахъ. Имена же миссисъ Ивэнсъ и миссъ Томкинсъ я слышалъ въ первый разъ; но рѣшилъ непремѣнно пойти на конференцію ихъ.

Наша обычная клубная публика, которую можно застать тамъ каждый день, мнѣ хорошо извѣстна. Когда бы я ни пришелъ, я увѣренъ, что въ той или другой комнатѣ навѣрное найду непремѣнныхъ посѣтителей. Въ числѣ ихъ, конечно, розовый, какъ херувимъ, предсѣдатель клуба, лордъ Р., на котораго въ верхней палатѣ смотрятъ какъ на антихриста. Когда онъ внесъ билль о разводѣ, лордъ-канцлеръ не только предложилъ отвергнуть его проектъ въ первомъ же чтеніи, но посовѣтовалъ выразить еще порицаніе (что противъ обычаевъ) лорду Р. за „скандальный, гнусный и распутный планъ", стремящійся къ уничтоженію „священнѣйшаго союза". Только озлобленіемъ лорда-канцлера объясняются его слова. Въ дѣйствительности, въ биллѣ нѣтъ ничего „скандальнаго, гнуснаго и распутнаго". Въ настоящее время бракъ въ Англіи расторгается при нарушеніи одною изъ сторонъ супружеской вѣрности (если развода ищетъ жена, то она должна, кромѣ того, доказать, что мужъ жестоко обращается съ ней). Въ своемъ биллѣ лордъ Р. предлагаетъ расторженіе брака въ случаѣ нарушенія супружеской вѣрности, жестокаго обращенія, осужденія одного изъ супруговъ въ каторжныя работы на срокъ не меньшій, чѣмъ три года, психической болѣзни, добровольнаго соглашенія обѣихъ сторонъ, если супруги живутъ отдѣльно другъ отъ друга уже три года. Вотъ, кажется, все содержаніе страшнаго билля, который привелъ въ такое негодованіе лорда-канцлера. Повидимому, лордъ Р. принимаетъ „удары стрѣлъ враждующей фортуны" легко, если судить по цвѣтущимъ щекамъ и по вѣчной улыбкѣ.

Я нахожу также всегда „адвоката безъ процессовъ". Такихъ въ Англіи много. Одни изъ нихъ промышляютъ тѣмъ, что выискиваютъ процессы о нарушеніи обѣщанія жениться (breach of promise) и ведутъ ихъ исполу. Читатели, желающіе знать, что это за процессы, должны вспомнить дѣло миссисъ Бардль противъ мистера Пиквикка. Такія дѣла можно найти чуть-ли не въ каждомъ номерѣ англійской газеты. Другіе „адвокаты безъ процессовъ" записываются въ „Лигу Подснѣжника", гдѣ ихъ берутъ подъ свое покровительство дамы, насаждающія консерватизмъ, имперіализмъ и лоялизмъ. „Пока что" молодые адвокаты агитируютъ, а далѣе имъ даютъ обѣщаніе „имѣть ихъ въ виду", когда понадобятся чиновники для Индіи или другой колоніи, гдѣ нѣтъ самоуправленія. Молодой адвокатъ изъ нашего клуба не занимается выискиваніемъ процессовъ о нарушеніи обѣщанія жениться и не обиваетъ пороговъ у дамъ изъ лиги „Подснѣжника": онъ пишетъ стихи. Кажется, Сафиръ замѣтилъ, что поэты подобны дынямъ: и тѣ, и другія начинаютъ нравиться послѣ

того, какъ предварительно *полежатъ на солнцѣ*. Адвокату-поэту, конечно, пришлось бы познакомиться съ соломой, если бы не обезпеченныя средства. Неизбѣжной посѣтительницей является также дама съ восторженнымъ лицомъ, въ эксцентричномъ восточнаго покроя платьѣ. Она заинтересовалась японской литературой и изучила въ совершенствѣ японскій языкъ. Въ прошломъ году дама исчезла изъ клуба и не появлялась тамъ тринадцать мѣсяцевъ. Оказывается, она ѣздила въ Японію, чтобъ лично познакомиться съ Фокузавой, сочиненія котораго привели ее въ восторгъ. Она привезла съ собою экземпляръ „Сейо Джиджо" съ собственноручной надписью автора, коллекцію горныхъ ландшафтовъ Кано Мото-Нобу и Шиво-Кава Бунрина, да удивительную шелковую матерію, расшитую колосьями и журавлями, въ которую одѣвается съ тѣхъ поръ. Скоро въ клубѣ дама прочтетъ докладъ о другомъ своемъ любимомъ авторѣ—Тсубоючи Юзо. Когда мы изучаемъ какой-нибудь народъ, мы находимъ въ немъ свои черты. А такъ какъ человѣкъ любитъ самого себя, то, узнавъ въ другомъ народѣ самого себя—начинаетъ любить и этотъ народъ. Національная ненависть основана на незнаніи. Она — остатокъ того времени, когда языкъ другого народа былъ для насъ родъ лая; когда мы всѣхъ иностранцевъ считали нѣмыми. Дама, изучивъ японскій языкъ, стала восторженной японофилкой. Я ее засталъ въ клубѣ въ бесѣдѣ съ смуглымъ джентльмэномъ, въ бѣлой чалмѣ, — ученымъ индусомъ, пріѣхавшимъ изъ Калькуты, чтобы работать въ Британскомъ музеѣ.

Въ англійскомъ клубѣ вы вольны дѣлать, что хотите. Если желаете, можете заговорить съ сосѣдомъ, хотя бы даже и не представленнымъ вамъ; если нѣтъ, можете молчать, забраться съ ногами въ глубокое кресло, дремать или изучать публику. Лекція еще не начиналась. Рядомъ со мною, у огня, бесѣдовали двое. Одинъ—шарообразный, лысый джентльмэнъ съ выраженіемъ на лицѣ, которое говорило: „ну-ка, скажите смѣшное, и я сейчасъ захохочу". Дѣйствительно, хохоталъ джентльмэнъ (чиновникъ изъ county council) постоянно. Собесѣдникъ его былъ другого типа: очень высокій, очень худощавый, съ густой шевелюрой и глухимъ серьезнымъ басомъ.—Лекція о раціональномъ платьѣ—что? — гудѣлъ онъ. — Вотъ недѣли четыре тому назадъ другая феминистка, миссисъ Спрингфильдъ, читала у насъ докладъ и доказывала, что мужья обязаны платить жалованье своимъ женамъ за то, что онѣ возятся съ хозяйствомъ. Мужья эксплуатируютъ трудъ своихъ женъ,—доказывала докладчица. Если бы они не были женаты, они, конечно, платили бы жалованье тѣмъ, кто велъ бы ихъ хозяйство. Но трудомъ своихъ женъ они пользуются даромъ. Если мужъ и даетъ своей женѣ иногда деньги, то считаетъ это подаркомъ, а не жалованьемъ. Миссисъ Спринг-

фильдъ призывала всѣхъ женъ устроить стачку противъ мужей съ цѣлью добиться опредѣленнаго жалованья. Она требовала, чтобы парламентъ опредѣлилъ, какая часть заработка мужа должна принадлежать женѣ. Докладъ вызвалъ много замѣчаній, нервныхъ и шуточныхъ, дѣльныхъ и вздорныхъ.

— Докладчица совершенно права,—взволнованно замѣтила одна изъ публики,—законъ обязанъ опредѣлить, сколько жалованья долженъ платить мужъ своей женѣ. Я знаю случаи, когда мужъ не давалъ никогда денегъ женѣ. И когда ей необходимо было полкроны, пришлось обратиться къ прислугѣ.

— А я знаю случай,—такимъ же взволнованнымъ голосомъ прервалъ одинъ изъ слушателей,—когда жена отбирала у мужа весь заработокъ и оставляла ему только шесть пенсовъ на конку. Шарообразный лысый господинъ захохоталъ такъ, что закашлялся.

— Ну, я бы предложилъ докладчицѣ такой вопросъ,—сказалъ онъ, наконецъ, когда оправился. — Согласенъ. Семейный очагъ основывается на денежномъ уговорѣ. Но какъ же быть въ такомъ случаѣ: если я недоволенъ службой домохозяйки, я разсчитываю ее. Могу ли я дать разсчетъ женѣ, если я нахожу, что она не стоитъ положеннаго ей жалованья?— Шарообразный джентельмэнъ опять захохоталъ, закашлялся и сталъ хлопать жирной, пухлой рукой себя по колѣну. Улыбнулся и собесѣдникъ.

— Докладчицѣ возражали по существу, — сказалъ онъ. — Ей сказали, что ея проектъ вноситъ въ семью нежелательный коммерческій характеръ. Далѣе, докладчица принимаетъ нынѣшнее общество и нынѣшнюю семью за нѣчто фиксированное, вѣковѣчное. Тѣ ненормальности, на которыя справедливо указываетъ она въ своемъ проектѣ, уничтожатся не тогда, когда парламентъ обяжетъ мужа платить женѣ жалованье, а тогда, когда женщина будетъ независима, когда откроется широкое общественное примѣненіе какъ мужского, такъ и женскаго труда.

— А гдѣ же теперь докладчица?

— О, проектъ это ея причуда, ея *hobby*. Отъ него она откажется не такъ скоро. Теперь она объѣзжаетъ провинцію и въ женскихъ рабочихъ клубахъ пропагандируетъ стачку всѣхъ женъ противъ мужей съ цѣлью добиться жалованья.

Вотъ раздался звонокъ, возглашавшій начало лекціи. Вмѣсто блазированной, молодой свѣтской барыни, какъ я представлялъ себѣ лэди Г.—я увидалъ почтенную уже даму, съ рѣзкими чертами лица. Рядомъ съ ней сидѣла докладчица, маленькая, круглая, краснощекая, сардонически улыбающаяся дама. Какъ она, такъ и предсѣдательница были одѣты по послѣдней модѣ, а не въ „раціональныхъ костюмахъ“. Безпрерывно улыбаясь, докладчица стала читать бойко и отчетливо по тетрадкѣ. „Кому приходилось только возвращаться въ скверную погоду съ покупками, вмѣстѣ съ ребенкомъ, — начала она, — та согласится, что женское платье

крайне нераціонально. Нужно держать покупки, поддерживать шлейфъ платья и въ то же время вести за руку ребенка. Положеніе дѣлъ ухудшается еще, когда нужно взобраться на омнибусъ". А велосипедъ? Катаніе на немъ сопряжено съ серьезной опасностью для женщины, если она носитъ обыкновенное платье, а не „раціональное". Стоитъ только подолу запутаться въ колесѣ, какъ велосипедъ опрокинется. Неудобство и неприличіе женскаго костюма такъ очевидны, что женщины давнымъ давно отказались бы отъ него, если бы не мужчины. У нихъ испорченъ вкусъ. Они желаютъ видѣть въ женщинѣ игрушку. Въ силу этого, они возстаютъ противъ раціональныхъ костюмовъ. Въ газетахъ, въ юмористическихъ листкахъ, въ лекціяхъ и даже въ проповѣдяхъ мужчины преслѣдуютъ женщинъ, имѣвшихъ смѣлость принять раціональный костюмъ. На улицѣ они подговариваютъ мальчишекъ гнаться за женщинами, если онѣ показываются въ панталонахъ. Кто не знаетъ, что судья высказался за глупую трактирщицу, обидѣвшую почтенную основательницу лиги—лэди Г.

Докладчица напоила свою рѣчь ядомъ. Она призывала всѣхъ женщинъ подъ стягъ феминистокъ и рекомендовала большую стачку. Послѣдовали иллюстраціи. На экранѣ волшебнаго фонаря, прежде всего, появилась необыкновенно толстая дама, въ очень открытомъ платьѣ, какое, по англійскому обычаю, носятъ на всѣхъ вечерахъ. Съ дамой, нагнувшись къ ней черезъ спинку стула, бесѣдуетъ джентльмэнъ во фракѣ. Повидимому, онъ занятъ созерцаніемъ плечъ толстой дамы. Вторая картина изображала даму, возвращающуюся въ ненастье съ покупками. Платье поднято до колѣнъ, подъ мышкой — пачки и узлы, въ одной рукѣ—зонтикъ, въ другой—шлейфъ и ручка ребенка. На третьей картинкѣ изображалась дама, зацѣпившаяся подоломъ за гвоздь и падающая внизъ головой съ лѣстницы. И такъ далѣе. Каждая картинка краснорѣчиво возвѣщала о несчастьяхъ, проистекающихъ отъ ношенія нераціональнаго платья. Наконецъ, двѣ послѣднія картинки изображали эпоху реформъ. На первой выступила миссисъ Фанни Блумеръ, первая американка, появившаяся въ сороковыхъ годахъ на улицахъ Бруклина въ турецкихъ шароварахъ и въ короткой юбкѣ нѣсколько ниже колѣнъ... Послѣдняя картинка завершала все. Она показывала члена „Лиги раціональнаго платья" въ широкихъ шароварахъ до колѣнъ, въ башмакахъ и чулкахъ, въ курткѣ, съ мужскимъ воротничкомъ, въ галстукѣ и въ мужской шляпѣ. Нужно сознаться, что взрывы хохота сопровождали часто появленіе той или другой экцсентричной картинки.

— Знаете ли вы общественное положеніе докладчицы? — спросилъ я сосѣда.—Профессіональный ли она лекторъ, или нѣтъ?

— Нѣтъ; у ней всего только одна лекція. Это—ея hobby (причуда). Сама она жена банкира.

И эта лекція навела меня на мысль поговорить съ читателями о „причудахъ“ вообще, такъ какъ, мнѣ кажется, не смотря на свою эксцентричность, а порой—незначительность, онѣ имѣютъ серьезное общественное значеніе.

II.

Предо мною лежитъ 191-ое изданіе извѣстной, кажется, въ Россіи книги сэра Джона Лэббока, теперь лорда Авербюри—„The Pleasures of Life“ (Прелести жизни). Сочиненіе это имѣло колоссальный успѣхъ въ Англіи. Нѣкоторое представленіе объ немъ читатель получитъ, если я скажу, что знаменитый трудъ того же автора „Первобытная культура“, вышедшій въ шестидесятыхъ годахъ и доставившій Лэббоку міровую извѣстность—появился теперь всего лишь шестымъ изданіемъ (по тысячѣ экземпляровъ въ заводѣ), „Начало Цивилизаціи“ выдержала тоже только шесть изданій, „Объ умѣ и инстинктѣ животныхъ“—семь изданій и т. д. Объясняется ли поразительный успѣхъ „Pleasures of Life“—яркой оригинальностью труда? Нѣтъ, книга состоитъ, главнымъ образомъ, изъ выписокъ изъ различныхъ авторовъ. Путемъ цитатъ Лэббокъ пытается доказать, что человѣкъ очень счастливъ уже тѣмъ, что живетъ. Для доказательства этого положенія Лэббокъ перечисляетъ всѣ радости, которыя человѣкъ встрѣчаетъ въ жизни: удовольствіе, доставленное сознаніемъ выполненнаго долга, наслажденіе, полученное отъ чтенія лучшихъ произвденій человѣческаго генія, прелести дружбы, путешествія и семейнаго счастья, наслажденіе научными изысканіями, затѣмъ—любовь, искусство, поэзія, музыка, прелести природы и т. д. Каждая страница, каждая строчка дышетъ такимъ восторженнымъ оптимизмомъ, что, не смотря на крайнюю наивность тона и примитивность разсужденій,—читатель обезоруженъ. Въ самомъ дѣлѣ, что сказать по поводу такого мѣста: „Я часто слышалъ толки про неблагодарность и эгоизмъ людей,—говоритъ Лэббокъ. — Не знаю, быть можетъ потому, что я очень счастливъ,—но я никогда не испытывалъ ужасовъ этого жестокаго бича“.

„Въ дѣйствительности, мы гораздо богаче, чѣмъ считаемъ себя!—наивно восклицаетъ лордъ Авербюри въ другомъ мѣстѣ.— Мы часто слышимъ о стремленіи людей владѣть чѣмъ нибудь. Люди завидуютъ крупнымъ землевладѣльцамъ и считаютъ величайшимъ счастьемъ имѣть большія помѣстья. Но очень часто, какъ говоритъ Эмерсонъ, если вы обладаете землей, земля обладаетъ вами. Къ тому же, не видимъ ли мы тысячи акровъ, которыя, въ высшемъ смыслѣ, принадлежатъ намъ всѣмъ? Выгоны, дороги, тропинки, берегъ моря, безконечное пространство нашей имперіи, столь богатой видами,—не принадлежитъ ли это намъ всѣмъ? Мы всѣ, сами того не сознавая, крупные землевладѣльцы.

„Если мы нуждаемся въ чемъ-нибудь, такъ это не въ помѣстьяхъ, а въ умѣньи наслаждаться ими. У землевладѣльца есть заботы; ему нужно охранять, работать, тогда какъ пейзажъ принадлежитъ, безъ всякаго труда, каждому, имѣющему глаза, чтобы созерцать его. Кингсли называлъ верещаки возлѣ Иверсли своимъ „зимнимъ садомъ“. Онъ не думалъ сказать, что холмы принадлежатъ ему одному, а имѣлъ въ виду идеальный смыслъ. Такимъ самымъ образомъ верещаки принадлежатъ всякому“.

Вся книга Лэббока проникнута такимъ же оптимизмомъ, а положенія развиваются такъ же наивно и примитивно. Вы видите, это разсужденіе на тему, что „я бояринъ, если болѣю по всѣмъ“. Мнѣ припоминается старинная книга, въ кожаномъ переплетѣ,—съ краснымъ обрѣзомъ, изданная Гаріенъ, Любіенъ и Поповымъ, попавшаяся мнѣ въ руки на глухомъ ленскомъ станкѣ, подъ Якутскомъ. Въ станціонной избѣ было холодно, вонько и угарно. Объякутѣвшіе ямщики распухли отъ голода. Внизу, подъ угоромъ, на Ленѣ, крутила мятель. Пришлось ждать до утра. Я раскрылъ книгу съ краснымъ обрѣзомъ. Это было разсужденіе о добродѣтели, переведенное суконнымъ языкомъ. „Зачѣмъ мнѣ пажити? По что злато и почести? Лучше я удалюсь подъ сѣнь деревьевъ, и на лонѣ природы буду наслаждаться добродѣтелью“,—читалъ я. Книга лорда Авербюри, въ сущности, варіація на эту же тему. Я могъ бы добавить, что въ справочной книгѣ „Who's is Who“ за 1903 г. значится, что лордъ Авербюри—глава богатаго банкирскаго дома „Robarts, Lubbock and C°“, и что у него три тысячи акровъ земли, принадлежащихъ ему не только въ „высшемъ смыслѣ“. Но этимъ я отнюдь не желаю набросить тѣнь на искренность почтеннаго автора. Джонъ Лэббокъ пользуется глубокимъ и вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ всѣхъ партій въ Англіи. Я хотѣлъ только сказать, что для того, чтобы понять успѣхъ наивной книги Лэббока, нужно стать на англійскую точку зрѣнія. Въ этой книгѣ все зависитъ отъ „Я“, отъ того всесильнаго „I“, которое англичанинъ пишетъ съ большой буквы и ставитъ въ центрѣ мірозданія. Англичанинъ за наивными разсужденіями, которыя кажутся намъ столь прописными и шаблонными, усмотрѣлъ въ книгѣ Лэббока нѣчто другое: прославленіе *я*, доказательства, что нѣтъ преградъ, которыя могли бы остановить человѣка, когда онъ дѣйствительно разумно захочетъ чего-нибудь. Книга Лэббока говоритъ англичанину, что есть великое наслажденіе въ трудѣ, въ усиліи, въ борьбѣ, въ процессѣ преодолѣванія препятствій. Это могучее, настойчивое „I“ покончило много лѣтъ тому назадъ съ внѣшними препятствіями, съ которыми еще считаются на континентѣ. *Я* англичанина подчинило эти препятствія всецѣло своему контролю. Теперь приходится ему бороться только за личное счастье. Энергіи въ немъ такъ много, что далеко не весь запасъ ея исчерпывается

въ погонѣ за личнымъ благосостояніемъ. Остается еще излишекъ. „Когда даже англичанинъ не работаетъ,—говоритъ восторженный французскій наблюдатель *),—ему необходима дѣятельность: онъ будетъ тогда играть въ футболъ, въ крокетъ, грести, свершитъ опасное восхожденіе на гору, единственно для того, чтобы испытать удовольствіе въ преодолѣніи препятствій". Лэббокъ разсказываетъ, что одинъ восточный путешественникъ присутствовалъ на партіи въ *футболъ*. Онъ очень удивился, узнавъ, что многіе изъ играющихъ люди очень богатые. „Почему же они не наймутъ кого-нибудь, чтобы сдѣлать за себя работу?"—спросилъ путешественникъ. Взгляды англичанъ (вѣрнѣе, англо-саксовъ) и другихъ народовъ на дѣятельность далеко не одинаковы. Всѣ знаютъ восточное изреченіе: „Сидѣть лучше, чѣмъ ходить, лежать лучше, чѣмъ сидѣть". Англо-саксонецъ принялъ бы это изреченіе только наоборотъ: „ходить лучше, чѣмъ сидѣть". И книга Лэббока потому такъ популярна въ Англіи, что учитъ, что, борясь, человѣкъ платитъ не „долгъ", а осуществляетъ счастье...

Выше указано уже, что послѣ достиженія удовлетворенія первоначальныхъ потребностей жизни, у англичанина остается еще значительный запасъ энергіи. Въ „замѣткахъ объ Англіи" Монтескье отмѣчаетъ только одно проявленіе энергіи: „il faut à l'Anglais un bon dîner, une fille, de l'aisance; comme il n'est pas répandu, et qu'il est borné à cela, dés que sa fortune se délabre, et qu'il ne peut plus avoir cela il se tue ou se fait voleur" (Oeuvres complètes, tome V, p. 284). Помимо этого, остается еще энергія, которая и проявляется въ „hobby", въ „причудахъ". Характеръ этихъ „причудъ" зависитъ, конечно, всецѣло отъ степени интеллектуальнаго развитія индивидуума. Имѣть мое „hobby" обязательно для всякаго англичанина. Это можно видѣть, между прочимъ, по справочной книгѣ „Who's Who". Это—альманахъ въ 1500 страницъ, выходящій каждый годъ и содержащій біографіи всѣхъ выдающихся дѣятелей момента. Въ каждой замѣткѣ обязательно прибавлено „hobby" знаменитости. Напр., мы узнаемъ, что „business" лорда Авербюри (Лэббока) банковыя операціи, а „hobby" его—„естественно-историческія изысканія и путешествія". У другого „hobby"—строить игрушечныя желѣзныя дороги. Третій—свершаетъ восхожденія на всѣ горы, четвертый—коллекціонируетъ. „Books are my hobby" (моя причуда—чтеніе книгъ),—сказалъ мнѣ страховой агентъ, заглянувшій ко мнѣ, чтобъ убѣдить меня застраховаться въ его компаніи. Я приведу нѣсколько примѣровъ.

Въ ненастный осенній день я заглянулъ въ одинъ изъ лондонскихъ парковъ: подъ деревомъ, гдѣ перекрещивались двѣ аллеи, я увидѣлъ небольшую толпу мужчинъ и женщинъ, слушав-

---

*) Edmond Demolins, «A quoi tient la superiorité des Anglo-Saxons».

шихъ молодого оратора, блѣднаго, бритаго, съ гнилыми зубами. Ораторъ, по обычаю, стоялъ безъ шляпы, и холодныя капли дождя падали постоянно ему на макушку, гдѣ тщательно приглаженные волосы сильно порѣдѣли. Такъ какъ день былъ воскресный, то я принялъ оратора за corner preacher, т. е. за проповѣдника, толкующаго на свой ладъ Библію. Къ нимъ я уже успѣлъ присмотрѣться, но меня заинтересовало знамя, стоявшее рядомъ съ ораторомъ и изображавшее парящаго орла, вокругъ шеи котораго обвилась змѣя. Я подошелъ.

— Джентльмэны,—говорилъ болѣзненный ораторъ съ гнилыми зубами,—мы смиренно несемъ все то, что намъ взвалятъ на плечи, черезъ крутыя горы. Обливаясь потомъ, мы вздыхаемъ: увы! жизнь тяжела! Но тяжела она потому, что человѣкъ слишкомъ терпѣливъ. Подобно верблюду,—сказалъ великій Ницше,—онъ сгибаетъ колѣни и дозволяетъ нагружать на свою спину громадныя тяжести. До тѣхъ поръ, покуда человѣкъ мыслитъ,—онъ свободенъ. Нѣтъ ничего болѣе противнаго, чѣмъ видъ рабовъ, голосящихъ о свободѣ. Глупцамъ, не смѣющимъ пикнуть, твердятъ про „декларацію правъ“ и про „великую хартію“!

Раса альтруистовъ—неизбѣжно будетъ расой рабовъ. Народъ, состоящій изъ свободныхъ людей, долженъ состоять изъ эгоистовъ. Вы, глупцы, которыхъ эксплуатируютъ! Если вы не станете горды, какъ этотъ орелъ, и мудры, какъ змѣя, вы никогда не вступите въ царство справедливости!

Подъ сосѣднимъ деревомъ раздалось нѣсколько нестройное пѣніе гимна: то „церковная бригада“ начала свою службу подъ открытымъ небомъ.

— Они твердятъ про блаженство мира!—саркастически воскликнулъ ораторъ съ гнилыми зубами.—Джентльмэны! если нужны гимны, то молитесь не о мирѣ, а о хорошей, большой, кровопролитной войнѣ. Война—причина всѣхъ высшихъ добродѣтелей въ человѣкѣ. Миръ порождаетъ глупцовъ и пороки. Война создаетъ героевъ.

Я въ первый разъ встрѣчалъ англійскаго ницшеніанца, проповѣдующаго при томъ же эгоизмъ буквально на стогнахъ и торжищахъ. Другой молодой человѣкъ, обходя всѣхъ, предлагалъ пріобрѣсти журналъ: „Орелъ и змѣя“, съ такимъ же изображеніемъ на заглавномъ листкѣ, какъ и на знамени. Журналъ этотъ представляетъ тетрадку въ 16 страницъ небольшого формата. При небольшомъ даже опытѣ видно было, что это—продуктъ „hobby“. „*Орелъ и змѣя*,—прочелъ я,—двухмѣсячный журналъ, посвященный эгоистической философіи и соціологіи. Цѣль его—доказать, что въ соціальной наукѣ альтруизмъ равносиленъ проклятію, а эгоизмъ—спасенію. Въ борьбѣ эксплуатируемые одержатъ верхъ только тогда, когда станутъ дѣйствовать, какъ „ego“. Всѣ, интересующіеся вопросомъ, должны не-

медленно же пріобрѣсти книгу „The Philosophy of Egoism“, въ которой излагается все ученіе великаго Ничше“. Подъ заголовкомъ „Въ развѣдкахъ за врагомъ“ помѣщена слѣдующая выдержка изъ Ницше: „Когда солнце подошло къ полдню, Заратустра внезапно съ удивленіемъ взглянулъ наверхъ. Ибо услыхалъ онъ надъ головой рѣзкій клекотъ большой птицы. И вотъ усмотрѣлъ онъ орла, описывавшаго въ воздухѣ широкіе круги. И подъ нимъ, свернувшись кольцомъ, висѣла змѣя, не какъ добыча, а какъ другъ... Это—мои животныя,—сказалъ съ сердечной радостью Заратустра.—Самое гордое животное подъ солнцемъ и самое мудрое отправились на развѣдки... Пусть мои животныя ведутъ меня“. За этой замѣткой, поясняющей значеніе виньетки, слѣдуетъ коротенькое литературное сообщеніе. „Послѣ годовъ труда,—говоритъ Джонъ Генри Макей,—я закончилъ жизнеописаніе Макса Штирнера. Послѣ годовъ упорной работы *я* могу дать теперь книгу въ нѣсколько сотъ страницъ вмѣсто тѣхъ пяти строчекъ (въ томъ числѣ три лживыя), въ которыхъ до сихъ поръ излагалась жизнь великаго мыслителя. Въ первой главѣ *я* излагаю раннюю молодость Штирнера, во второй—его годы ученія. Все это *я* возстановилъ самъ. У меня для руководства было лишь нѣсколько датъ. Картина принимаетъ болѣе яркій характеръ въ третьей главѣ, гдѣ *я* рисую кругъ „свободныхъ“, въ которомъ Штирнеръ вращался въ Берлинѣ. *Я* нашелъ, что это единственный клубъ, къ которому принадлежалъ великій философъ. Въ дальнѣйшей главѣ *я* разсматриваю безсмертный трудъ „Der Einzige und sein Eigenthum“, а въ заключеніе *я* излагаю десять послѣднихъ лѣтъ жизни Макса Штирнера, когда его уже забыли и оставили умирать въ бѣдности“. Даже по кокоротенькой замѣткѣ видно, что авторъ высоко ставитъ *я*.

Покуда я разсматривалъ журналъ, возникъ споръ между молодымъ человѣкомъ и толстымъ джентльмэномъ изъ „церковной бригады“. Начало я пропустилъ, поглощенный чтеніемъ. Очевидно, толстый проповѣдникъ негодовалъ, что редакторъ „Орла и змѣи“ ставитъ *я* на первый планъ.

— Джентльмэны! Я сейчасъ докажу вамъ неопровержимо, что тотъ человѣкъ подъ деревомъ говоритъ наглую, подлую ложь, когда расписываетъ значеніе *я*,—горячился проповѣдникъ изъ „Церковной бригады“, стуча кулакомъ одной руки по ладони другой, какъ бы приколачивая каждое слово.—Кромѣ *я*, есть еще *Онъ*. Слушайте и смотрите сюда (Джентльмэнъ вытащилъ изъ жилетнаго кармана ножикъ). Что это такое? „Перочинный ножикъ!“—отвѣтите вы и будете правы. А что вы еще скажете по поводу этого ножика? „Черенокъ у него черепаховый“. И вы опять скажете святую истину. Что же вы можете сказать и по поводу клинковъ, и по поводу черенковъ? Джентльмэны, не правда ли, вы скажете: „какъ искусенъ тотъ мастеръ, который ихъ

сдѣлалъ. Какъ *онъ* (джентльмэны, замѣтьте это мѣстоименіе!) знаетъ свое дѣло". Теперь смотрите: предъ вами не ножикъ, а нѣчто гораздо болѣе сложное—деревья, солнце, небо, наконецъ, человѣкъ, ораторствующій умныя или глупыя вещи. Не приходитъ ли въ голову, какъ великъ *Онъ* (а не *я*), который сотворилъ все это!—Толстый проповѣдникъ съ торжествующимъ видомъ побѣдителя вызывающе смотрѣлъ на молодого оратора. Тотъ ограничился, однако, сентенціознымъ замѣчаніемъ: „величайшимъ врагомъ свободы является не тиранъ, а довольный рабъ". Диспутъ закончился неожиданно. Вмѣшался человѣкъ въ длинномъ синемъ сюртукѣ, съ черной палочкой въ рукахъ, сторожъ сада.

— Джентльмэны,—началъ онъ,—я долженъ напомнить вамъ, что наступили сумерки, и по правиламъ мы обязаны запереть паркъ. Митинги, поэтому, должны быть прекращены.

Съ молодымъ ораторомъ мнѣ пришлось вскорѣ не только встрѣтиться опять, но даже познакомиться. Началось дѣло Бэдборо. Англичане удивительный народъ. Они покончили давнымъ давно съ жгучими общественными вопросами, разрѣшеніе которыхъ во многихъ мѣстахъ на континентѣ — еще впереди. Англичанинъ, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, пожимаетъ только плечами, когда слышитъ, что на континентѣ во многихъ мѣстахъ приходится еще обходиться безъ такихъ прерогативъ, которыя онъ искони считаетъ столь же необходимыми для человѣка, какъ вода, воздухъ или хлѣбъ. Въ то же время онъ останавливается предъ такими вопросами личной жизни, которые давнымъ давно разрѣшены уже на континентѣ. Сюда относится та группа вопросовъ, которую разрѣшала въ своихъ романахъ Жоржъ Зандъ. Въ Англіи можно открыто проповѣдывать не только въ печати, но на первомъ перекресткѣ самую смѣлую политическую или теологическую теорію. Можно доказывать, что Эдуардъ VII—урзурпаторъ, и что законный преемникъ Карла I— королева Марія III, принцесса Баварская. Можно проповѣдывать „секуляризмъ", „агностицизмъ", „анархизмъ", словомъ, что угодно. Но самый смѣлый реформаторъ не рѣшится высказать мысль, что можетъ быть любовь, не скрѣпленная прежде, для вѣрности, хотя бы въ канцеляріи магистрата, если уже не пасторомъ. Въ англійской литературѣ, въ силу этого взгляда, цѣлая категорія явленій трактуется по заранѣе установленному шаблону. Противъ романистовъ, осмѣливающихся отступить отъ шаблона, поднимается цѣлая буря. Быть можетъ, читатели вспомнятъ мою статью о Грэнтъ - Аллэнѣ, помѣщенную года два тому назадъ въ *Русскомъ Богатствѣ*. Тамъ я излагалъ исторію романа „Woman who did". Драмы Зудермана невозможны на англійской сценѣ. Романы Толстого, не смотря на громадный авторитетъ нашего великаго писателя въ Англіи, считаются „неприличными"! Въ

Англіи можно погубить репутацію самаго популярнаго дѣятеля, если найдется газета, которая раскроетъ его совершенно интимную жизнь, не имѣющую никакого отношенія къ общественной дѣятельности. Нагляднымъ примѣромъ является судьба Парнелля. Является ли эта пуританская нетерпимость результатомъ особой, исключительной чистоты? Кто слѣдилъ внимательно за бракоразводными процессами въ Англіи, конечно, этого не скажетъ. Въ этой интимной области англичане не хуже, но и не лучше своихъ сосѣдей на континентѣ. Какъ бы тамъ ни было, въ результатѣ получается слѣдующее. На континентѣ люди, придерживающіеся крайнихъ взглядовъ, соединяются въ сообщества для пропаганды какой нибудь смѣлой политической доктрины. Въ Англіи это можетъ каждый сдѣлать открыто, на перекресткѣ. И здѣсь крайніе реформаторы соединяются для того, чтобы проповѣдывать законность любви, не освященной пасторомъ. Такую задачу имѣли журналы: „Adult“ и „University Magazine“, появившіеся въ 1898 г. Второй журналъ скоро расширилъ свою задачу. Редакція открыла складъ книгъ, въ которыхъ такъ или иначе трактовался указанный вопросъ. Противъ журналовъ составилась коалиція клэрджимэновъ и агентовъ сыскной полиціи (Scotland Yard). И вотъ послѣдняя разъ нагрянула въ книжный складъ University Magazine въ поискахъ за скабрезной литературой (единственный родъ печатныхъ произведеній, воспрещенныхъ въ Англіи). Агенты сыскной полиціи плохіе литературные критики, хотя это дѣло довольно часто поручается имъ и на континентѣ. Они забрали ученыя произведенія извѣстнаго врача Гавелока Эллиса, какъ „безнравственную, распутную и безстыдную литературу“ и заодно присоединили завѣдующаго складомъ—молодого журналиста Бэдборо. Разсчетъ клэрджимэновъ и сыскной полиціи былъ тотъ, что Бэдборо никому неизвѣстенъ; такимъ образомъ, наказавъ его, дадутъ острастку другимъ; въ то же время, не поднимутся рычаги страшной машины, которой имя общественное негодованіе. Разсчетъ не оправдался. Узнавъ, что Бэдборо арестованъ за распространеніе его книгъ, Гавелокъ Эллисъ потребовалъ привлеченія къ суду. Меньше всего сыскная полиція хотѣла сдѣлать это. Гавелокъ Эллисъ—человѣкъ извѣстный, членъ многихъ ученыхъ обществъ. Въ Лондонѣ сейчасъ же образовалась „Лига защиты свободы печати“. Въ ней приняли участіе выдающіеся общественные дѣятели. Въ Англіи всѣ вольности крѣпки не писанной конституціей, а готовностью гражданъ отстаивать свои права, если на нихъ свершается покушеніе. На одномъ изъ митинговъ, устроенныхъ „Лигой“ съ цѣлью собрать необходимыя деньги для защиты Бэдборо, я познакомился съ редакторомъ и издателемъ журнала „Орелъ и змѣя“. Онъ оказался чиновникомъ министерства внутреннихъ дѣлъ Гекторомъ Фьюстеромъ. Прежде его отецъ, отставной военный, выхлопо-

талъ ему офицерскій патентъ въ Бирмѣ. Но молодой человѣкъ не вынесъ жизни подъ тропиками. Онъ заболѣлъ тамъ индійской лихорадкой, потерялъ всѣ зубы и волосы, вышелъ въ отставку и поступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ. „Орелъ и змѣя“ было его—„hobby“. Съ тѣхъ поръ, какъ я слышалъ Фьюстера въ паркѣ, онъ успѣлъ выпустить новый номеръ. „Великолѣпный видъ представляютъ эготисты и альтруисты, спѣшащіе со всѣхъ сторонъ для защиты Бэдборо,—читалъ я.—Нужна большая сумма денегъ, чтобы заплатить адвокатамъ. Поэтому, мы настойчиво убѣждаемъ тѣхъ, которые еще не пожертвовали,—сдѣлать взносъ; а тѣхъ, которые уже дали, — дать еще. Ничего другого не остается. Хозяева положенія пустили свою машину противъ насъ“.

Я уѣхалъ на мѣсяцъ изъ Англіи и все время не читалъ газеты. Когда возвратился, я встрѣтился съ Гекторомъ Фьюстеромъ въ Британскомъ музеѣ.

— Ну, какъ дѣло Бэдборо?—спросилъ я.

— Онъ—трусъ и въ немъ нѣтъ ни на фартингъ готовности бороться,—получилъ я въ отвѣтъ.—Поднявшіе дѣло испугались общественнаго движенія. Оставить преслѣдованіе они не могли. Продолжать дѣло—значило для нихъ потерпѣть большое пораженіе. И вотъ Scotland Yard придумалъ исходъ. Сыскная полиція купила Бэдбора. Она предложила ему деньги и выгодное мѣсто. Въ день суда, на вопросъ: „признаете ли вы себя виновнымъ?“—Бэдборо, неожиданно для защиты, отвѣтилъ такъ:

— Да, я виновенъ. По молодости, невѣжеству и неопытности я былъ вовлеченъ въ соблазнъ другими и продавалъ безнравственныя книги. Я каюсь въ этомъ и прошу прощенія.

Сыскная полиція, представлявшая обвиненіе, заявила, что прощаетъ преступника и отказывается отъ преслѣдованія.

— Бэдборо не только трусъ, но и дуракъ: онъ не понялъ, что для него же *выгоднѣе* было бы не продавать себя полиціи за грошъ,—закончилъ Фьюстеръ.

— Ну, а какъ идетъ вашъ журналъ?

— Я издалъ послѣдній нумеръ. У меня теперь новое „hobby“,—русскій языкъ. Въ послѣднемъ номерѣ я вамъ рекомендую просмотрѣть статью „Symposium“.

Рекомендованная мнѣ статья состояла изъ отвѣтовъ пріятелей на слѣдующіе вопросы, поставленные редакторомъ: 1) Въ какой степени пропаганда эготизма можетъ содѣйствовать соціальной реформѣ? 2) Не вѣрно ли то, что въ борьбѣ противъ притѣснителей угнетенные одержатъ побѣду тогда, когда станутъ дѣйствовать каждый отдѣльно, какъ самостоятельныя единицы, словомъ, когда проявятъ свое *его*? „Въ отвѣтъ на ваши вопросы,—писалъ одинъ изъ пріятелей,—могу только выразить удивленіе по поводу того, что журналъ, такъ настойчиво пропагандирующій

эготизмъ, въ то же время преклоняется предъ Ницше, Эммерсономъ и другими).

(Я пользуюсь Эмерсономъ и Ницше, какъ хозяинъ своими рабами,—отвѣчалъ на это въ выноскѣ редакторъ.—Я пользуюсь ими только въ такой степени, въ какой они помогаютъ мнѣ осуществлять самого себя. Я распространяю ихъ ученіе, потому что мнѣ доставляетъ удовольствіе видѣть, какъ другіе осуществляютъ самихъ себя. Я не скрываю отъ самого себя, что это—видъ благороднаго эготизма. Всѣ неблагородныя формы эготизма я оставляю другимъ).

Истинный эготизмъ заключаетъ въ себѣ отрицаніе всѣхъ авторитетовъ и полное пренебреженіе къ мнѣнію и интересамъ другихъ. Но такое положеніе практически невозможно, развѣ только мы очутимся, какъ Робинзонъ Крузо, на пустынномъ островѣ. Даже герой Дефо нашелъ животныхъ, явившихся объектомъ его симпатій (такъ какъ Робинзонъ нашелъ, что ему *выгодно* симпатизировать живымъ существамъ,—отвѣчаетъ на это въ примѣчаніи редакторъ,—то альтруизмъ его, въ сущности, тотъ же эгоизмъ).

Гекторъ Фьюстеръ, дѣйствительно, увлекся изученіемъ русскаго языка. Не знаю, какимъ образомъ ему попалась въ руки „Исторія государства Россійскаго“ Карамзина. Спотыкаясь на каждомъ шагу, преодолѣвая незнакомыя слова, а еще чаще незнакомыя формы выученныхъ уже глаголовъ въ ихъ неопредѣленномъ наклоненіи, Фьюстеръ одолѣлъ Карамзина. Какъ практичный человѣкъ, онъ рѣшилъ утилизировать затраченный трудъ и... написалъ „History of Russia“ (Исторія Россіи) по Карамзину. Получился большой томъ въ 500 страницъ, изданный въ 1902 г. солидной фирмой. На обложкѣ значится, что трудъ составленъ не по англійскимъ компиляціямъ, а по *русскимъ* первоисточникамъ. Это обстоятельство оцѣнено прессой. Какъ видите, русскимъ историкомъ въ Англіи такъ же легко сдѣлаться, какъ у насъ написать книгу о „прошломъ, настоящемъ и даже *будущемъ* Китая“, не зная ни языка, ни страны.

III.

Если нуженъ классическій примѣръ того, какъ мѣняются иногда „hobby“, нужно отправиться въ любой изъ четверговъ на засѣданіе „Теософическаго общества“. По всей вѣроятности, будетъ говорить не молодая уже дама, съ помятымъ лицомъ, съ глубокими и сильными складками отъ крыльевъ носа къ угламъ рта. Эти характерныя складки, нѣсколько потускнѣвшіе глаза, да нервныя, частыя подергиванія плечомъ какъ будто говорятъ: „Все это пустяки; вы только меня слушайте!“ А слушать порой

бываетъ дѣйствительно любопытно; вы никогда съ увѣренностью не знаете, о чемъ именно будетъ сообщать дама. Въ теченіе сравнительно короткаго времени она увлекалась—ботаникой, „Силой и Матеріей“ Бюхнера, „секуляризмомъ“, соціализмомъ, нео-мальтузіанствомъ, четвертымъ измѣреніемъ, „кармой“, „астральными тѣлами“, устройствомъ академіи въ Бенаресѣ для изученія окультическихъ наукъ; въ настоящій моментъ, если не ошибаюсь, дама занята выясненіемъ родственной связи, существующей между теософіей и имперіализмомъ. Въ антрактахъ между этою нѣсколько пестрой дѣятельностью дама путешествовала, взбиралась на Гималай и писала трактаты о загробной жизни, о трэдъ-юніонизмѣ, о щекотливыхъ практическихъ подробностяхъ нео-мальтузіанства, о „Багавадъ Гита“ и великой „суами“—Блаватской.

Дама съ этимъ пестрымъ формуляромъ—Энни Безантъ, имя которой, во всякомъ случаѣ, извѣстно и у насъ.

Безантъ теперь лѣтъ за пятьдесятъ. Англійскія справочныя изданія помѣщаютъ, какъ общее правило, годъ рожденія только мужчинъ. По происхожденію она принадлежитъ къ богатымъ среднимъ классамъ. Двадцати лѣтъ она вышла замужъ за священника англиканской церкви Безанта. Трудно представить себѣ большій контрастъ, чѣмъ тотъ, который существовалъ между супругами. Безантъ былъ чистенькій, аккуратный, заурядный „клэрджимэнъ“, довольный собой, своимъ приходомъ, своей церковью и своими проповѣдями. Въ часы досуга, въ видѣ „hobby“, онъ занимался сочиненіемъ трактата объ истинномъ благочестіи. Жена была нервная, порывистая, очень красивая молодая женщина, увлекавшаяся ботаникой. Она получила даже премію за маленькое сочиненіе объ орхидеяхъ. Затѣмъ ботаника надоѣла миссисъ Безантъ. На континентѣ ей попалась книга Бюхнера „Natur und Geist“, которая произвела на нее сильное впечатлѣніе. Увлекающаяся Безантъ сдѣлалась ревностной матеріалисткой и, возвратясь въ Англію, засѣла за переводъ „Kraft und Stoff“. Въ одной и той же „studio“ ректорскаго дома, за однимъ столомъ супругъ писалъ трактатъ объ истинномъ благочестіи, а жена съ умиленіемъ переводила Бюхнера. Семейное согласіе, и безъ того нарушенное, не могло укрѣпиться такими разнородными симпатіями. И въ 1873 г., пройдя бурные и шумные пороги англійскаго бракоразводнаго процесса, Энни Безантъ развелась съ мужемъ. Ей тогда было около 25 лѣтъ. Въ матеріальномъ отношеніи она была вполнѣ обезпечена, и первымъ дѣломъ, вырвавшись на свободу, она окунулась съ головой въ „секуляристское“ движеніе. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мы видимъ ее уже вице-предсѣдателемъ „Національнаго общества секуляристовъ“. Основателемъ „секуляризма“ въ Англіи нужно считать Джэкоба Голіока; объ этомъ онъ самъ разсказываетъ въ своей

интересной, хотя нѣсколько многорѣчивой автобіографіи („Sixty Years of an Agitator's Life"). „Я началъ задумываться надъ тѣмъ,—разсказываетъ Голіокъ,—что необходима простая теорія этическихъ обязанностей, которая спасла бы отъ индиферентизма все увеличивавшійся классъ мыслящихъ людей. Существовавшую догматическую метафизику они считали или туманной, или невѣрной. Мнѣ казалось, что дѣлать добро—хорошо. Если то начало, о которомъ говоритъ догматическая метафизика, существуетъ, оно зачтетъ добро въ заслугу. Если же нѣтъ, то добро—самое лучшее, что можетъ сдѣлать человѣкъ на землѣ. Оно хорошо для насъ, потому что даетъ нравственное удовлетвореніе. Хорошо оно и для другихъ, потому что приноситъ имъ пользу... Наука—единственное начало, на которое мы можемъ вполнѣ положиться. Я составилъ нѣсколько практическихъ нравственныхъ правилъ, которыя были бы обязательны для всѣхъ и осуществимы въ обыденной жизни... Нѣтъ ничего выше истины,—заявлялъ я вначалѣ. Секуляризмъ долженъ ускорить наступленіе царства человѣческаго... Всѣ эти правила я изложилъ въ книжкѣ „Principles of Secularism". Я исходилъ изъ положенія,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Голіокъ,—что человѣкъ можетъ судить о томъ, пригоденъ ли ему для жилья домъ, даже если не знаетъ имени архитектора. Если человѣку позволяютъ жить въ домѣ и не требуютъ съ него квартирной платы, то онъ, изъ признательности, обязанъ держать домъ въ порядкѣ. Такимъ домомъ для насъ является этотъ міръ, нашъ пребывающій градъ. Мы знаемъ, что требуется для достиженія здоровья, благосостоянія и личной обезпеченности. Все это совершенно не зависитъ отъ того, каково происхожденіе міра... Вотъ въ чемъ заключается секуляризмъ *).

Секуляризмъ существуетъ до сихъ поръ. По характерной особенности англичанъ, ученіе, являющееся какъ будто бы отрицаніемъ догматизма, превратилось въ одну изъ трехсотъ англійскихъ сектъ.

„Секта, отрицающая сектантство", раздѣляется теперь на два толка: южный — „National Secular Society" и сѣверный—„North of England Secular Federation". Во главѣ обоихъ толковъ стоятъ женщины. Нѣкоторымъ примиреніемъ между обоими толками является ежегодникъ „Secular Annual". „Секуляризмъ" не удовлетворилъ Эни Безантъ. Она нашла его слишкомъ прѣснымъ, мелкимъ и шаблоннымъ. И вотъ она перешла къ болѣе крайнему крылу, во главѣ котораго стоялъ тогда Чарльзъ Брэдло, приводившій въ ужасъ „миссисъ Гранди". Клэрджимэны изображали его не иначе, какъ діаволомъ-искусителемъ, апокалипсическимъ звѣремъ и призывали на его голову небесные громы, не забывая, въ то же время, взывать къ земнымъ. Брэдло, скончавшійся

*) Sixty years of an Agitators Life, v. II, p. p. 292—294.

лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, оставилъ слѣдъ въ эволюціи англійскаго общества. Онъ былъ сперва солдатомъ, потомъ—клэркомъ въ адвокатской конторѣ, затѣмъ сталъ журналистомъ и проповѣдникомъ раціонализма. Онъ издалъ рядъ брошюръ подъ псевдонимомъ „Иконокластъ“ и основалъ газету „National Reformer“. Въ 1880 г. его избрали въ радикальномъ Нортгэмптонѣ въ парламентъ. Это событіе стало историческимъ: отъ Брэдло потребовали присягу въ парламентѣ, что новый каммонеръ отказался дать. Произошла бурная сцена, занимающая въ парламентской исторіи мѣсто рядомъ съ дракой въ 1893 г. или съ безпорядками, произведенными ирландцами въ 1902 г. Брэдло велѣли удалиться изъ залы, если онъ не желаетъ присягать, а когда онъ не захотѣлъ исполнить это, нѣкоторые коммонеры набросились на него съ кулаками и стали тащить за волосы и за шиворотъ. Палата не признала выборовъ; но Нортгэмптонъ вторично подалъ голосъ за Брэдло, который опять отказался присягать по старой формѣ. И Брэдло побѣдилъ: форму присяги измѣнили. Въ парламентѣ, между прочимъ, Брэдло не ужасалъ никого своими рѣчами. Онъ оказался обыкновеннымъ радикаломъ. Къ нему быстро привыкли и даже полюбили. Одинъ изъ видныхъ дѣятелей торійской партіи сказалъ какъ то, что въ Англіи слово „Революція“ пишется безъ буквы „Р“ (эволюція). Дѣйствительно, самыя радикальныя, революціонныя событія свершаются здѣсь мирнымъ, эволюціоннымъ путемъ, при томъ же въ сравнительно короткое время. За проповѣдь своего „секуляризма“ Голіокъ въ свое время попалъ въ тюрьму. Въ своемъ „манифестѣ“ къ избирателямъ (Голіокъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ пытался неудачно выступить парламентскимъ кандидатомъ въ Бирмингэмѣ)—онъ отмѣчаетъ, что былъ послѣднимъ, котораго въ Англіи посадили въ тюрьму за проповѣдь религіозной реформы *). Брэдло за свой раціонализмъ былъ въ 1880 г. изгнанъ изъ парламента; а теперь вліятельная и сильная „лига“ возникла для борьбы съ рецидивомъ грубаго догматизма. Я говорю о „Rational Press Association“, возникшей въ 1901 г. и располагающей, повидимому, безграничными средствами. За короткій срокъ существованія она издала рядъ книгъ, цѣной въ 16 коп. каждая. То—не жиденькія брошюрки, выходившія въ семидесятыхъ годахъ изъ-подъ пера „Иконокласта“, а въ восьмидесятыхъ издававшіяся „Саладиномъ“. „Rationalist Press Association“ перепечатываетъ въ дешевомъ изданіи капитальныя произведенія, какъ „Лекціи и изслѣдованія“ Гексли, „Піонеры Эволюціи“—Эдуарда Клодда, „Міровая загадка“ Геккеля и пр. Капитальный трудъ Грэнтъ Аллэна прежде стоилъ 18 шил., т. е. 9 руб. „Ассоціація“ перепечатала его цѣликомъ и выпустила за 16 коп. „Агностицизмъ“, проповѣдуемый

*) «Sixty years», etc., v. II, p. 43.

этими изданіями, гораздо болѣе крайняго характера, чѣмъ „секуляризмъ“ Голіока. Изъ этой серіи книгъ, выпущенныхъ „Ассоціаціей“, въ особенности любопытенъ трудъ „Современная наука и современная мысль“, Самуэля Лэнга (Modern Science and Modern Thought). Предъ нами книга, являющаяся, какъ плодъ „hobby“. Самуэль Лэнгъ, скончавшійся недавно въ преклонномъ возрастѣ, юристъ по образованію и крупный желѣзнодорожный администраторъ по профессіи. Онъ былъ директоромъ нѣсколькихъ желѣзныхъ дорогъ въ Англіи, потомъ очень долго министромъ финансовъ въ Индіи, затѣмъ членомъ парламента, далѣе—предсѣдателемъ двухъ желѣзно-дорожныхъ ътрестовъ (Railway Debenture Trust и Railway Share Trust). Дѣлецъ, повидимому, онъ былъ удивительный. Въ теченіе одного года, напр., въ министерство поступило 330 желѣзнодорожныхъ биллей и 240 проектовъ. Всѣ они были детально анализированы, изслѣдованы и разобраны Лэнгомъ.

Въ свободные часы, въ видѣ „hobby“, Лэнгъ занимался точными науками. Въ глубокомъ возрастѣ (въ 78 лѣтъ), когда большинство стариковъ думаютъ только о халатѣ, глубокомъ креслѣ и ярко топящемся каминѣ,—Лэнгъ задумалъ написать рядъ книгъ, съ цѣлью популяризировать современныя данныя біологіи и геологіи и показать, какіе выводы можно изъ нихъ сдѣлать. Такимъ образомъ, появилась книга „Современная наука и современная мысль“, перепечатанная теперь „Ассоціаціей раціоналистовъ“. Лэнгъ не былъ самостоятельнымъ ученымъ-изслѣдователемъ, но трудъ получился у него такой основательный, что Гексли далъ о немъ самый лучшій отзывъ. Книга Лэнга интересна во всѣхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, это—серьезный и основательный трудъ, помогающій освобожденію умовъ отъ путъ догматизированной метафизики. Въ этомъ отношеніи онъ былъ бы умѣстенъ и у насъ, если, дѣйствительно, есть опасеніе, что мысль части русскаго общества устремится по „новому пути“. Во-вторыхъ, книга интересна въ психологическомъ отношеніи. Предъ нами вырисовывается типичный англичанинъ, съ смѣлымъ размахомъ въ одной области, узкій—въ другой, но всегда убѣжденный, что люди, прежде всего, должны научиться *хотѣть*. Если *Я* (полагаетъ Лэнгъ) дѣйствительно пожелаетъ, тогда всякія внѣшнія препоны безполезны. Прогрессъ заключается въ томъ, между прочимъ, чтобы *я* научилось разумно желать. Съ этой цѣлью необходимо, прежде всего, освободить разумъ отъ оковъ. И для этого, именно, Лэнгъ написалъ свою книгу. Авторъ выставляетъ на видъ, что завоеванія разума *окончательны*. „Нѣтъ ни одного вершка, завоеваннаго наукой, который былъ бы потомъ отнятъ обратно догматизированной метафизикой“ *). Разумъ внушаетъ намъ глубокій оптимизмъ.

---

*) Modern Science and Modern Thought, p. 85.

„Пессимизмъ, это евангеліе нищихъ духомъ и неудачниковъ, имѣлъ громадный успѣхъ на континентѣ, но не у насъ,—говоритъ Лэнгъ. Ученіе основано на фактѣ, что въ соотвѣтствіи съ всеобщимъ закономъ полярности, прогрессъ несетъ съ собою не одно только добро, но порождаетъ также и зло. Въ обществѣ простѣйшаго типа различіе между богатствомъ и бѣдностью, капиталомъ и трудомъ, культурой и невѣжествомъ не такъ ярко обозначено, какъ въ обществѣ высшаго вида. Судьба „варваровъ", падающихъ въ борьбѣ за существованіе, не такъ сурова, какъ людей, погибающихъ въ большихъ густо населенныхъ городахъ, гдѣ передъ глазами столько соблазновъ, которыхъ нельзя достигнуть... Вотъ субстанція философіи пессимизма,—увѣряетъ авторъ.—Она имѣетъ нѣчто общее съ буддизмомъ, по понятіямъ котораго личное существованіе—лишь болѣзненный сонъ и миражъ... Чтобы понять, какимъ образомъ подобная доктрина могла быть принята,—продолжаетъ нашъ авторъ,—мы должны вспомнить, что современная цивилизація наваливаетъ слишкомъ много работы на нервы и мозги и слишкомъ мало на другіе органы. Это создаетъ болѣзнь ума и тѣла, а въ особенности—страданія органовъ пищеваренія, отъ состоянія которыхъ, главнымъ образомъ, зависитъ ощущеніе здоровья и бодрости. Диспептикъ неизбѣжно склоненъ мрачно смотрѣть на окружающій міръ. Въ первобытныхъ обществахъ, кромѣ того, умственные недоноски погибаютъ, тогда какъ въ болѣе культурныхъ обществахъ ихъ поддерживаютъ, давая имъ, такимъ образомъ, оглашать воздухъ своими безполезными криками. Именно среди этихъ неприспособленныхъ, съ чрезмѣрно развитой нервной впечатлительностью и скверныхъ пищевареніемъ, мы находимъ пророковъ и учениковъ евангелія пессимизма,—по мнѣнію автора.—Они, по собственному опыту, знаютъ, что жизнь—зло, что страданія превышаютъ наслажденія и, поэтому, видятъ только одно спасеніе—въ прекращеніи жизни. Философскія и теологическія доктрины, подобно видѣніямъ на Брокенѣ, являются отраженіемъ насъ самихъ на расплывающемся туманѣ. Эти видѣнія одѣты въ такое же платье, какъ мы, и повторяютъ наши собственныя движенія. Для здороваго и сильнаго человѣка пессимистическій взглядъ на міръ совершенно невозможенъ. Если въ жизни ему выпала на долю нѣкоторая сумма счастья,—онъ инстинктивно отвергаетъ ученіе, гласящее, что существуютъ только тѣни, безъ лучей свѣта. Если сильный человѣкъ обладаетъ хоть средними умственными способностями, онъ сознаетъ, что страданія нужно или избѣгать предусмотрительно, или стоически выносить, или мужественно бороться съ нимъ; но, во всякомъ случаѣ, не бѣжать позорно предъ нимъ, свершивъ моральное или физическое самоубійство. Вотъ почему,—замѣчаетъ авторъ,—практическая, сильная англосаксонская раса никогда не

приметъ ученія писсимизма" *). Эти строки не всѣ отличаются, какъ видитъ читатель, особенной глубиной или оригинальностью, но за то онѣ крайне характерны, потому что въ нихъ отразилась цѣлая раса. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что въ заключительной главѣ книги (Practical Life) авторъ совѣтуетъ, прежде всего, культивировать свое *я*. Главная цѣль воспитанія, по мнѣнію Лэнга, вырабатывать уваженіе къ самому себѣ, ибо только тотъ человѣкъ, который уважаетъ свою личность,—можетъ уважать другихъ. Лакей и рабъ по рожденію, попавъ „въ господа", ведетъ себя по отношенію къ подчиненнымъ, какъ подобаетъ хаму и рабу.

„Быть можетъ, лучшимъ показателемъ самоуваженія въ индивидуумѣ или обществѣ является отношеніе къ женщинѣ. Грубость является тутъ вѣрнымъ показателемъ врожденной невоспитанности и некультурности, не смотря на весь внѣшній блескъ и лоскъ. Съ другой стороны, грубые пріискатели Бретъ-Гарта несомнѣнно джентльмэны, потому что ихъ отношенія къ женщинѣ отличаются рыцарскимъ благородствомъ. Крайне отраднымъ для человѣчества фактомъ является то, что съ прогрессомъ свободы и образованія—положеніе женщины все больше улучшается". Не смотря на узость многихъ взглядовъ, книга Лэнга производитъ бодрящее, свѣжее впечатлѣніе, хотя въ ней нельзя встрѣтить восторженныхъ гимновъ человѣку, какъ въ знаменитой книгѣ нѣмецкаго философа, напечатаной въ сороковыхъ годахъ съ той же цѣлью. Я приведу только одну тираду. „Любовь къ человѣку не должна быть производною обязанностью, а *первоначальною*. Ибо одна только любовь есть *истинная, святая, всемогущая сила*. Если человѣческая сущность есть *высочайшее существо* человѣка, то и практическая *любовь* къ человѣку должна *быть высочайшимъ* и первымъ *закономъ* человѣка. Ho mo homini Deus est: вотъ высшее практическое начало, исходный пунктъ всемірной исторіи. Отношеніе сына къ родителямъ, супруга къ супругѣ, брата къ брату, друга къ другу, вообще человѣка къ человѣку, словомъ: *нравственныя* отношенія сами въ себѣ, per se, суть отношенія религіозныя. Жизнь вообще, въ своихъ существенныхъ, субстанціальныхъ отношеніяхъ божественна".

IV.

Эни Безантъ стала ревностной помощницей Брэдло. А такъ какъ послѣдній, кромѣ „секуляризма", проповѣдывалъ еще новый взглядъ на причины бѣдности, то Безантъ тоже стала сторонницей новаго ученія—нео-мальтузіанства. Ее выбрали почетнымъ

*) Ib., p. 88—89.

членомъ „нео-мальтузіанской лиги". Подъ впечатлѣніемъ корана нео-мальтузіанскаго ученія — „The Fruits of Philosophy", она сама написала книгу „The Law of Population". О томъ, какое впечатлѣніе произвелъ на Безантъ коранъ новаго ученія, мы можемъ судить по слѣдующей выдержкѣ изъ „Law of Population": „Я закончила этотъ удивительный трудъ (Fruits of Philosophy), составляющій самый цѣнный вкладъ, который когда-либо былъ сдѣланъ въ сокровищницу человѣческой мысли. Я закрыла книгу, подавленная величіемъ предмета и манерой трактованія его. Мнѣ казалось, что авторъ величайшій благодѣтель человѣческаго рода. Подобнаго ему никогда еще не было" *). Въ чемъ же заключается, однако, сущность ученія нео-мальтузіанства? „Бѣдность, — учили Брэдло и Безантъ,—обусловливается только чрезмѣрнымъ размноженіемъ, поэтому она излѣчивается только соотвѣтственнымъ специфическимъ путемъ („Poverty is a *sexual* evib, depending on a sexual cause and admitting only a sexual cure" **). „Бѣдность можетъ быть уничтожена только тогда, когда соотношеніе между населеніемъ и источниками пропитанія уменьшится; но отнюдь не какимъ-либо другимъ путемъ. Единственный способъ устранить бѣдность заключается въ томъ, чтобы имѣть поменьше дѣтей". До сихъ поръ, какъ видите, „ученіе" совпадаетъ съ „законами", выставленными Мальтусомъ. Брэдло и Безантъ желали внести „коррективъ" въ ту часть ученія Мальтуса, гдѣ онъ рекомендуетъ поздніе браки. „Во многихъ мѣстахъ Англіи и въ нѣкоторыхъ графствахъ Шотландіи процентъ старыхъ дѣвушекъ очень высокъ, именно, 41%,—говоритъ Безантъ.—Въ Англіи теперь 1.407,225 незамужнихъ женщинъ въ возрастѣ отъ 20—40 лѣтъ и 359,969—старше сорока лѣтъ. Знающіе результаты и страданія вынужденнаго безбрачія, поймутъ значеніе этихъ цифръ" ***). „Великая ошибка Мальтуса заключалась въ томъ, — продолжаетъ Эни Безантъ, — что онъ, подобно другимъ моралистамъ своего времени, не зналъ страшныхъ бѣдствій, проистекающихъ отъ воздержанія... Есть, однако, путь преодолѣть это зло. Для каждаго возможна его доля пищи, досуга и любви" ****). Я не стану здѣсь касаться совершенно *практическаго* нео-мальтузіанства, который рекомендовался авторами. Какъ сильно увлекающійся человѣкъ и, на придачу, какъ англичанка, Эни Безантъ, додумавшись до важныхъ, какъ ей казалось, выводовъ, не могла ихъ не пропагандировать всѣми силами. Распространеніе новыхъ взглядовъ путемъ печати казалось ей слишкомъ медленнымъ. Въ ближайшее воскресенье Эни

*) Law of Population, p. 315.
**) Ibid., 341.
***) Ibid., p. 343.
****) Ibid., p. 345.

Безантъ отправилась на лондонскій форумъ, въ Гайдъ-Паркъ и здѣсь, подъ открытымъ небомъ, у Мраморной Арки, начала пропаганду практическаго нео-мальтузіанства. Въ результатѣ явился судебный процессъ. Безантъ и Брэдло привлекли къ суду по обвиненію въ произнесеніи „въ публичномъ мѣстѣ безнравственныхъ, безстыдныхъ и гнусныхъ рѣчей, имѣвшихъ цѣлью развратить, соблазнить и сбить съ вѣрнаго пути лояльныхъ, добродѣтельныхъ и благонравныхъ подданныхъ ея величества". Процессъ кончился ничѣмъ. Въ глубинѣ души англійскіе судьи убѣждены, что „практическое нео-мальтузіанство"—хорошій коррективъ къ ученію Мальтуса, которое до сихъ поръ имѣетъ здѣсь такое же сильное вліяніе на умы, какъ имѣло на Милля и Дарвина; но, признавая нео-мальтузіанство, здѣсь полагаютъ, что объ этомъ не слѣдуетъ говорить громко... Прежде, чѣмъ кончился, однако, процессъ, Эни Безантъ нашла новое „hobby". На немъ увлекающаяся и экспансивная дѣятельница умчалась далеко отъ практическаго нео-мальтузіанства.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ кризиса, въ англійскомъ пролетаріатѣ произошло сильное движеніе. Въ неизвѣстномъ тогда восточномъ Лондонѣ началось броженіе среди доковыхъ работниковъ. Въ газетахъ въ первый разъ заговорили про молодого „дикаго демагога", который въ южномъ Лондонѣ „проповѣдуетъ бунтъ и разрушеніе". Этотъ „демагогъ" — нынѣшній членъ парламента и вѣроятный министръ въ радикальномъ кабинетѣ—Джонъ Бэрнсъ. Въ восемьдесятъ третьемъ году началось прогрессивное движеніе среди интеллигенціи. Возникло общество, сознавшее, что старыя программы радикальной партіи теперь безполезны, и что необходимы коренныя перемѣны соціальнаго строя. Возникли „фабіанцы", которые тогда еще не были имперіалистами, какими стали во время войны. Первые памфлеты фабіанскаго общества произвели глубокое впечатлѣніе. „Въ Лондонѣ теперь 4.300,000 жителей,—говорилось въ одномъ изъ наиболѣе раннихъ памфлетовъ.—Изъ нихъ 300 тысячъ зарабатываютъ меньше 18 шил. въ недѣлю и поэтому живутъ въ состояніи хроническаго недоѣданія *).—Изъ восьми человѣкъ— одинъ умретъ въ рабочемъ домѣ. На каждыхъ 16 человѣкъ— одинъ нищій. 43 тысячи дѣтей приходятъ ежедневно въ народныя школы безъ завтрака. Тридцать тысячъ человѣкъ не имѣютъ

*) Русскому читателю нужно имѣть въ виду англійскую мѣрку. Заработокъ въ 35 руб. въ мѣсяцъ, гарантирующій мясо только разъ въ день—считается въ Англіи признакомъ великой бѣдности. Культура здѣсь высока и повысила понятіе о жизненномъ minimum'ѣ. То, что англичанину кажется «границей нищеты», на континентѣ казалось бы сравнительнымъ благоденствіемъ. Такъ оно и кажется выходцамъ изъ бѣдныхъ странъ Европы, съ низкой культурой, попадающимъ въ Лондонъ.

другого жилья, кромѣ „ночлежки" (doss-house) въ 4 пенса за ночь или пріюта при рабочемъ домѣ" (Fabian Tracts, № 10).

Между тѣмъ, процессіи безработныхъ увеличивались на улицахъ съ каждымъ днемъ, какъ теперь. Каждый день можно было видѣть громадныя процессіи голодныхъ, угрюмыхъ людей, идущихъ по улицамъ вслѣдъ за знаменемъ, на которомъ значилась профессія работниковъ. Газеты говорили про эти процессіи и про „человѣка со знаменемъ", т. е. опять про того же Джона Бэрнса. Въ началѣ осени тоже 1886 г. тори назначили большой митингъ въ Трафальгарскверѣ для выясненія массамъ значенія протекціонизма. Уже тогда началось движеніе, опредѣлившееся въ особенности теперь и имѣющее цѣлью цолльферейнъ. Бэрнсъ, Гайндмэнъ, Чэмпіонъ, Уильямсъ и др. ораторы устроили митингъ рядомъ. И въ результатѣ вся толпа бросила ораторовъ тори и послѣдовала за Бэрнсомъ. Онъ разсчитывалъ повести ее въ Гайдъ-Паркъ, чтобы тамъ устроить большую манифестацію. Но когда процессія проходила по аристократической улицѣ Пэльмэль, золотая молодежь, стоявшая въ окнѣ одного изъ великолѣпныхъ клубовъ,—стала глумиться надъ толпой. Въ окна знаменитаго консервативнаго клуба „Карлтонъ" полетѣли камни. Возбужденная толпа разгромила еще нѣсколько консервативныхъ аристократическихъ клубовъ.

Трудно описать тотъ переполохъ, который начался въ Лондонѣ. Вэстэндъ былъ охваченъ паникой. На другой день Джонъ Бэрнсъ, съ капиталомъ въ два пенса въ карманѣ, отправился искать какую-нибудь работу. Велико было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ мчавшихся мальчишекъ-газетчиковъ, размахивавшихъ громадными листами, на которыхъ значилось: „Джонъ Бэрнсъ во главѣ 60 тысячъ человѣкъ идетъ на Лондонъ!" *). Вечеромъ того же дня Бернса арестовали. Правительство не могло выставить никакихъ обвиненій, и присяжные вынесли Бернсу, произнесшему на судѣ блестящую рѣчь, оправдательный приговоръ. Этотъ процессъ создалъ популярность Бэрнса. А броженіе среди массъ увеличивалось и достигло кульминаціоннаго пункта 5 ноября 1886 г., въ „кровавое воскресенье", Bloody sunday. Правительство пожелало запретить митингъ работниковъ въ Трафальгарскверѣ. Произошло столкновеніе съ полиціей, при чемъ два человѣка были убиты. Джона Бернса, Конигэма Граама и еще другихъ арестовали. Испуганные „краснымъ призракомъ", банкиры Сити въ одинъ часъ подписали 800.000 руб. въ пользу безработныхъ восточнаго Лондона. За „кровавымъ воскресеньемъ" началось броженіе среди докеровъ, которое повело къ громадной стачкѣ. Все это выдвинуло рабочій вопросъ на первый планъ. Среди молодежи, принадлежавшей къ богатымъ

*) «Review of Reviews», февраль, 1886 г.

среднимъ классамъ, началось движеніе „въ народъ“, то по личному почину, то группами. Возникли первыя университетскія поселенія, занявшіяся немедленно же практической работой: изслѣдованіемъ положенія пролетаріата. Послѣдствіемъ этого движенія остались „культурные центры“, капитальныя коллективныя изслѣдованія въ родѣ „Labour and Life of the People“, изданное подъ общей редакціей Чарльза Бузса, да „политехникумы“. Обо всемъ этомъ мнѣ приходилось не разъ говорить въ „Русскомъ Богатствѣ“, въ моихъ первыхъ письмахъ изъ Англіи. Богатая молодежь шла тогда въ трущобы съ учеными цѣлями; другіе задавались религіозно-культурными цѣлями, какъ, напримѣръ, скончавшійся на дняхъ Квинтинъ Хоггъ. Третьи, наконецъ, искали въ трущобахъ новыхъ впечатлѣній, потому что Италія, Египетъ и Вэстъ-Индія пріѣлись и стали слишкомъ „common and vulgar“. Въ концѣ концовъ, хожденіе въ трущобы и временное поселеніе тамъ превратились въ модный спортъ, въ „hobby“ блазированныхъ аристократокъ. Мода на эту „причуду“ быстро прошла и замѣнилась воспитываніемъ змѣй; но, тѣмъ не менѣе, движеніе создало серьезныхъ и почтенныхъ изслѣдовательницъ, какъ миссъ Беатриса Поттеръ (теперь г-жа Веббъ), Марія Колетъ и др.

Модный спортъ создалъ новое слово „Sluming“, т. е. хожде-деніе въ трущобы.

„Sluming“ увлекло и Эни Безантъ. Она забросила и секуляризмъ, и нео-мальтузіанство и поселилась въ восточномъ Лондонѣ. Ей нужно было движеніе, агитація, волненіе, поэтому работа университетскихъ поселеній говорила очень мало ея сердцу. Среди „докеровъ“ работали уже Томъ Мэнъ и Бенъ Тилэтъ. Эни Безантъ нашла работницъ на спичечныхъ фабрикахъ. „Онѣ отличаются своимъ необыкновенно сильнымъ esprit de corps,—говоритъ изслѣдователь.—Всѣ работницы близко принимаютъ къ сердцу, если обидятъ кого-нибудь изъ подругъ. Живутъ онѣ общинами, искони существуютъ у нихъ „клубы“ для пріобрѣтенія платья и перьевъ для шляпъ. Безъ всякаго посторонняго вліянія у нихъ издавна существовалъ родъ трэдъ-юніона“ *). Работа на спичечныхъ фабрикахъ очень опасная, какъ извѣстно. Работницы подвержены отравленію фосфоромъ; этой болѣзни дѣвушки, занятыя на англійскихъ фабрикахъ, дали кличку „Phossy Jaw“. Въ одномъ изъ своихъ памфлетовъ Эни Безантъ такъ говоритъ объ этомъ отравленіи. „Женщины, изготовляющія спички изъ желтаго фосфора, начинаютъ скоро страдать зубной болью. Онѣ мало обращаютъ вниманія на первые симптомы, но съ теченіемъ времени боли увеличиваются. Опухаетъ челюсть, а затѣмъ и все лицо. Очень часто поражается также зрѣніе. Боли становятся мучительными. Одна изъ заболѣвшихъ говорила мнѣ, что боль эта

*) Labour and Life of the People, v. I, p. 437.

грызущая и рвущая. Челюсть постепенно зеленѣетъ, потомъ чернѣетъ, потомъ разрушается совершенно. Трупный запахъ такъ силенъ, что съ больной никто не можетъ жить въ одной комнатѣ. Послѣ мучительныхъ страданій наступаетъ смерть. Кости такъ насыщены фосфоромъ, что до и послѣ смерти челюсть свѣтится въ темнотѣ. И всѣ эти мученія выпадаютъ на долю работницы для того, чтобы на улицахъ возможно было продавать фосфорныя спички по ничтожной цѣнѣ". Памфлетъ весь написанъ съ большой силой и страстностью. Заработокъ женщинъ на спичечныхъ фабрикахъ очень не высокъ: 12% получаютъ— отъ 12—15 шил. въ недѣлю, 30% — отъ 10—12 ш., 27%—отъ 8—10 шил. Остальныя же—8, 6 и даже 4 шил. въ недѣлю. Небольшія стачки постоянно происходили среди работницъ. Такъ какъ esprit de corps среди нихъ сильно развитъ, то Безантъ организовала всѣхъ работницъ на лондонскихъ спичечныхъ фабрикахъ въ одинъ союзъ и убѣдила ихъ начать общую стачку съ цѣлью повысить заработную плату и улучшить условія труда. Въ исторіи англійскаго труда стачка эта извѣстна подъ именемъ „The great Match Strike". Въ 1889 г. она окончилась побѣдой работницъ; но Эни Безантъ это уже не интересовало. У ней къ этому времени появилось новое „hobby"—теософія. Въ концѣ 1889 г. переводчица Бюхнера и проповѣдница секуляризма присоединилась къ теософскому обществу и съ тѣхъ поръ работаетъ во славу его.

Мнѣ припоминается мое первое и послѣднее посѣщеніе лекцій, устроенныхъ „теософами". Читала Эни Безантъ о „Кармѣ".

— Насъ упрекали въ томъ, что теорія слишкомъ туманна и слишкомъ трудно понятна,—читала докладчица, облаченная въ широкое, бѣлое платье съ странными, должно быть, мистическими бантами.—Въ дѣйствительности же, теорія по плечу не только намъ, ученымъ, но и всѣмъ. И я вамъ сейчасъ же это докажу. Что такое Карма? Каждая мысль человѣческая, развиваясь, переходитъ во внутренній міръ и становится активной сущностью; она ассоціируется, или сростается, какъ можно было бы выразиться, съ начальной силой, то-есть, съ одной изъ полусознательныхъ силъ мірозданія. Она живетъ, какъ дѣйствующее понятіе, т. е. какъ порожденіе творчества разума, болѣе или менѣе продолжительное время. И эта продолжительность находится въ соотношеніи съ первоначальной интенсивностью мозговой дѣятельности, породившей мысль. Такимъ образомъ, мысль о добротѣ увѣковѣчивается, какъ активная, благотворная сила, а мысль о злѣ, какъ зловредный демонъ. Такимъ образомъ, проходя свой путь въ пространствѣ, человѣкъ безпрерывно населяетъ его своимъ собственнымъ міромъ, т. е. порожденіями своихъ прихотей, желаній, побужденій и страстей. И этотъ путь имѣетъ воздѣйствіе на всякій чувствительный и нервный организмъ,

приходящій въ соприкосновеніе съ нимъ. Воздѣйствіе зависитъ отъ динамической интенсивности организма. Буддисты называютъ это его *„сканда“*. Индусъ опредѣляетъ то же самое словомъ *Карма“*.

— Совершенно просто и вполнѣ научно!—слышу я позади громкій дамскій шопотъ. Должно быть, вслѣдствіе оккультической атмосферы, царящей въ залѣ теософскаго общества,—личность докладчицы начинаетъ мѣняться въ моихъ глазахъ. Я вижу бородатое лицо, длинную, черную мантію, остроконечный колпакъ, словомъ, мольеровскаго Сганареля, читающаго лекцію Жеронту.

— Пары, стремясь слѣва, гдѣ находится печень, направо, гдѣ лежитъ сердце, встрѣчаютъ по пути легкія, которыя мы называемъ по латыни *armyan*, соприкасаются съ мозгомъ, который мы по-гречески называемъ *nasmus*, и проникаютъ въ него черезъ полую вену, которую мы называемъ еврейскимъ терминомъ *cubile*. Эти пары выстилаютъ полости лопатки и смѣшиваются съ мокротами вогнутости грудобрюшной преграды. Ossabundus, nequies, nequer, potarinum, quipsa, milus. Вотъ причина, почему ваша дочь онѣмѣла!

Сганарель расплывается; вмѣсто него я опять вижу даму въ бѣломъ платьѣ съ мистическими бантами.

— Нужно ли объяснять вамъ, что такое *Майави Рупа*, или безформенное каузальное тѣло?—говоритъ она.—Но это ясно само собою. Во всякомъ случаѣ, слѣдующая таблица уяснитъ вамъ все.

И Эни Безантъ чертитъ мѣломъ таблицу, которую воспроизвожу здѣсь съ точностью.

Схема перерожденія мысли, или Атма:

Сушуптическій.		**Будда.**	проводникъ спиритуальное тѣло.
Девакалическій.		**Манасъ.**	проводникъ каузальное тѣло.
Психическій или астральный.	нижне психическій | высше психическій	Кäма-Манасъ. Кäма.	проводникъ тонкое тѣло.
Физическій.		**Линга-Шарира.** **Стула-Шарира.**	проводникъ грубое тѣло.

Я оборачиваюсь къ публикѣ и вижу затуманенные глаза и благоговѣніе къ таинственнымъ /\, которыми, какъ крышами, увѣнчаны всѣ буквы *a* незнакомыхъ словъ „атма“ „кама“, „манасъ“ и пр.

— Ахъ какъ научно и прекрасно!—слышу я восторженныя восклицанія. И дѣйствительность опять уплываетъ предо мной. Вмѣсто разряженныхъ дамъ и джентльмэновъ (посѣщать теософическія лекціи—крайне фешенебельное „hobby“) я вижу пригорюнившагося казака-поселянина изъ „Вія“, умиляющагося бурсацкому пѣнію кантатъ по латыни.

— Жинка! то, что поютъ школяры, должно быть очень разумное,—говоритъ онъ,—вынеси имъ сала и чего-нибудь такого, что у насъ есть.

Вмѣсто сала и вареннковъ, коллективный казакъ, т. е. фешенебельная публика, собравшаяся на лекцію Энни Безантъ, щедро жертвовала полкроны и кроны въ пользу распространенія по всей Британской имперіи догматовъ теософіи.

V.

Я упомянулъ выше про двухъ изслѣдователей, выдвинутыхъ въ восмидесятыхъ годахъ стремленіемъ въ народъ. Одинъ изъ нихъ Квинтинъ Хоггъ, другая—г-жа Беатриса Поттеръ (Веббъ). Квинтонъ Хоггъ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ былъ двадцатилѣтнимъ юношей, его отецъ стоялъ во главѣ громаднаго, очень богатаго индійскаго торговаго дома. Квинтинъ Хоггъ тогда только что окончилъ итонскую школу. Онъ заинтересовался жизнью „арабовъ“, т. е. лондонскихъ чистильщиковъ сапогъ, и, чтобы лучше познакомиться съ ними, самъ сталъ „арабомъ“. Скоро Хоггъ устроилъ для своихъ пріятелей-чистильщиковъ школу. Такимъ образомъ, было положено начало громаднаго учрежденія, существующаго теперь въ Лондонѣ—„политехникума“. „Поли“, какъ называютъ это учрежденіе, состоитъ изъ группы различныхъ школъ, общеобразовательныхъ и техническихъ, гимнастическихъ залъ, клубовъ и пр. „Политехникумъ“ объединяетъ нѣсколько тысячъ молодыхъ людей обоего пола. Онъ имѣетъ свое самоуправленіе, свой маленькій парламентъ. „Поли“ организуетъ кооперативныя поѣздки за границу: въ Швейцарію, Италію, Норвегію. Душой „Поли“ былъ до послѣдняго момента Квинтинъ Хоггъ. Онъ скончался на дняхъ отъ удара. У коронера выяснилось, что „hobby“, т. е. политехникумъ обошелся Квинтину Хоггу въ 3—4 милліона руб. Квинтинъ Хоггъ въ началѣ 90-хъ годовъ самъ сталъ во главѣ торговаго дома. Какъ англичанинъ, онъ отдался „дѣлу“ съ необыкновенной энергіей. Торговый домъ процвѣтаетъ. Но, какъ у англичанина, у него оставался еще запасъ энергіи, которая и отлилась въ „hobby“. Теперь политех-

никумъ уже прочно стоитъ. Смерть Квинтина Хогга не повлечетъ за собой распаденія этого крайне своеобразнаго организма, представляющаго маленькій микрокосмосъ Британской имперіи. Точно такъ же, какъ она состоитъ изъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ колоній, такимъ же образомъ „Поли" представляетъ федеративный союзъ самостоятельныхъ школъ и юношескихъ клубовъ.

Результатомъ хожденія Беатрисы Поттеръ въ народъ является ея крайне любопытный „Дневникъ изслѣдовательницы", помѣщенный сперва въ „Nineteent Century" (октябрь, 1888 г.) и перепечатанный впослѣдствіи въ „Problems of modern industry", въ сборникѣ статей, изданномъ супругами Веббами. „Покаянныхъ" нотъ русскій читатель здѣсь не найдетъ. Умная, талантливая писательница описываетъ, какъ она переодѣлась простой работницей и поступила въ мастерскую въ восточномъ Лондонѣ. Она описываетъ свой опытъ съ такой же точностью и объективностью, съ какой другой англичанинъ говоритъ о восхожденіи, въ видѣ „hobby", на Чимборазо. „Мастерская—длинная и неправильной формы комната, нѣсколько низкая и темная у входа, но въ противоположномъ концѣ освѣщенная большимъ окномъ въ потолкѣ. На видномъ мѣстѣ, въ рамкѣ, висѣли фабричныя правила. Близь дверей, въ недалекомъ разстояніи отъ газовой печки (служившей для разогрѣванія утюговъ), стояли два небольшихъ, но высокихъ стола для мастеровъ, которые утюжили платье. Черезъ всю мастерскую тянулся простой деревянный столъ съ планкой внизу для ногъ, съ деревянными же скамьями по обѣимъ сторонамъ, за которымъ работали мастерицы, нашивавшія пуговицы на панталоны и выметывавшія петли. Меблировку дополняли два стола, подъ окномъ въ потолкѣ. Тутъ работали шившія на машинѣ и жилетницы. Въ противоположномъ концѣ мастерской, черезъ открытую дверь, можно было видѣть кухню хозяйки. А за кухней, въ тѣсномъ дворикѣ, находился водопроводный кранъ и сливъ, которыми пользовались всѣ. Около тридцати женщинъ и дѣвушекъ толпились въ комнатѣ. Прибывшія раньше вѣшали свои шляпки и шали на гвозди, вбитые въ деревянную перегородку, отдѣлявшую лавку отъ мастерской. Такъ какъ гвоздей было мало, то прибывшія потомъ работницы просто бросали свое платье въ уголъ... Въ мастерской стоитъ гулъ отъ голосовъ, покуда каждая „рука" ищетъ свои нитки, иголки и наперстокъ. Всѣ дѣвушки—ирландки или англичанки, кромѣ шести хорошо одѣтыхъ молодыхъ лэди, дочерей хозяйки. Одна изъ нихъ—старшая работница, остальныя согнулись надъ жилетами. „Хозяйка" еще завтракала. Черезъ нѣсколько минутъ лѣниво вошли два молодыхъ парня, зажгли рожки газовой печки и приготовили утюги *)." Съ такой точ-

*) The Diary of an Investigator, «Problems» etc., p. 3—4.

ностью въ деталяхъ и объективностью описываетъ авторъ, богатая дѣвушка, только что окончившая университетъ, первый день своего хожденія въ народъ. И въ запискахъ Квентина Хогга о своемъ опытѣ въ роли „араба", и въ „дневникѣ" Поттеръ мы не видимъ ни одной знакомой намъ, русскимъ, черты. Авторы являются къ народу съ цѣлью, которую они опредѣлили себѣ заранѣе. Они желаютъ наблюдать, изслѣдовать и, если можно, принести пользу. Въ силу спокойнаго отношенія ни Хоггъ, ни Поттеръ не считаютъ массы носителями всѣхъ добродѣтелей, а себя—сгнившей, ни на что негодной интеллигенціей. Наоборотъ, они знаютъ, что имѣютъ нѣчто положительное, цѣнное, которымъ могутъ подѣлиться съ массами, съ пользой для послѣднихъ. Ни Хоггъ, ни Поттеръ не начали своей активной дѣятельности среди массъ вродѣ слѣдующей: „мы—ничтожество, мы—продуктъ гнили, мы — разложившаяся интеллигенція; вы же — носители всѣхъ добродѣтелей". Покаянное чувство дѣло очень хорошее, но каяться въ грѣхахъ нужно передъ самимъ собой и въ люди являться, когда человѣкъ выработалъ уже положительное, что можетъ дать другимъ. Видѣть, какъ человѣкъ плюетъ на самого себя, да плачетъ, - и тоскливо, и противно. Кромѣ того, зарождается сомнѣніе въ достоинствѣ того, съ чѣмъ явился оплевывающій самого себя.

Попытаюсь подвести итоги этимъ замѣткамъ и примѣрамъ. Читатель видѣлъ, какъ громадный запасъ энергіи въ англичанахъ не всецѣло поглощается „дѣломъ", подъ которымъ они подразумѣваютъ погоню за матеріальнымъ благосостояніемъ. Остается еще излишекъ, который уходитъ на „hobby", причуду. Каковъ бы ни былъ характеръ „hobby", будетъ ли то простое коллектированіе, путешествія, научныя занятія или изученіе массъ,—англичанинъ отдается ему такъ-же серьезно и съ такою же настойчивостью, какъ и „дѣлу", business.

Я возвращаюсь снова къ Лэнгу, о которомъ говорилъ выше. Онъ настоятельно доказываетъ въ своей книгѣ, являющейся результатомъ всей жизни, необходимость „business". „Возьмемъ такъ часто обсуждавшійся вопросъ о погонѣ за деньгами,—говоритъ онъ.—Поэты и романисты безъ устали обличаютъ „Auri sacra fames". Внѣ сомнѣнія, что когда въ этой погонѣ не знаютъ мѣры, она является богатымъ источникомъ преступленій. Даже въ смягченной формѣ она порождаетъ скаредность и безчестность и имѣетъ гибельное вліяніе, какъ на индивидуума, такъ и на націю, поклоняющуюся „всемогущему доллару". Но, съ другой стороны, желаніе или, точнѣе, необходимость „дѣлать деньги" имѣетъ громадное вліяніе на практическую жизнь въ цивилизованномъ обществѣ. При соблюденіи

извѣстныхъ условій, вліяніе это—здоровое и безусловно благодѣтельное. На низшихъ ступеняхъ развитія стремленіе къ деньгамъ заставляетъ человѣка работать, вмѣсто того, чтобы пребывать въ праздности. А это крайне важно, какъ для общества, такъ и для индивидуума. Лѣнтяй, къ какому бы обществу онъ ни принадлежалъ,—почти всегда—никуда не годный человѣкъ и очень часто дурной человѣкъ... Дальше. Необходимость зарабатывать деньги является удивительнымъ мѣриломъ дѣйствительной стоимости человѣка на міровомъ рынкѣ... Многіе, воображающіе себя государственными дѣятелями, добивающіеся высокихъ и прибыльныхъ постовъ потому, что случайно родились отъ знатныхъ родителей въ богатой обстановкѣ,—быстро убѣдились бы, что имъ красная цѣна 100—200 фун. въ годъ, если бы имъ пришлось самимъ пролагать себѣ путь въ жизни... Нужно всегда имѣть въ виду, что, при условіяхъ нынѣшней цивилизаціи, деньги означаютъ не только возможность жить, но также все то, что дѣлаетъ существованіе сноснымъ: здоровье, досугъ, независимость и возможность культурнаго развлеченія (т. е. „hobby")... Люди, гоняясь за деньгами, часто переходятъ границу. Поклоненіе золоту является прирожденнымъ грѣхомъ нашего времени и ведетъ къ снобизму и вульгарности. Но, съ другой стороны, деньги, честно заработанныя, даютъ возможность проявить свою *индивидуальность*" *).

Строки эти могутъ показаться избитой, прописной моралью; но это говоритъ симпатичный, честный. старый типичный англичанинъ, подводящій итогъ всей своей жизни и думающій дѣйствительно о благѣ согражданъ. Благосостояніе дало ему досугъ. Досугъ далъ возможность заняться „hobby" по душѣ. Старикъ имѣетъ основаніе полагать, что это „hobby" полезное другимъ, и онъ настоятельно рекомендуетъ добиваться обезпеченнаго досуга. „Hobby"—*результатъ рѣзко выраженной индивидуальности*, а такъ какъ англичанинъ цѣнитъ прежде всего въ человѣкѣ индивидуальность (онъ не даромъ пишетъ I (я) съ большой буквы), то уважаетъ также и „hobby", какъ бы эксцентрично оно ни было. Исторію Англіи дѣлали, по общераспространенному здѣсь мнѣнію, люди съ рѣзко выраженной индивидуальностью, люди съ „hobby". Добиваясь права выражать свою индивидуальность, они отстояли право личности, свободу слова и совѣсти. Такъ, по крайней мѣрѣ, скажетъ вамъ англичанинъ. Во всякомъ случаѣ, „hobby" не исключаетъ возможности жертвы и готовности на нее.

Діонео.

---

*) Modern Science und Modern Thought, p, 218. (Дешевое изданіе «Rationalist Press Association).

Наша текущая жизнь.

«Міръ Божій», октябрь 1902—февраль 1903.

Въ декабрьской книжкѣ „Міра Божія“ кончилась печатавшаяся цѣлый годъ статья г. Н. Котляревскаго о Гоголѣ. Для общаго впечатлѣнія читателю придется перелистовать сразу весь этюдъ и возвратиться къ уже знакомымъ частямъ. Заново перечитывая эту работу, лучше видишь ея общую архитектуру, расположеніе и взаимную пропорцію отдѣловъ, ея достоинства и недостатки. И вотъ, разсматривая трудъ г. Котляревскаго въ цѣломъ, нельзя не пожалѣть, что растянутость изложенія и нѣкоторая необработанность матеріала, высыпаемаго отъ времени до времени въ довольно неинтересномъ видѣ, значительно портятъ впечатлѣніе, остающееся отъ чтенія этого, во всякомъ случаѣ, добросовѣстнаго этюда *). Порою кажется, что авторъ писалъ эту работу, — главное значеніе которой должно было бы заключаться въ энергичномъ и рельефномъ изображеніи литературной физіономіи Гоголя на фонѣ общественныхъ и личныхъ условій его творчества, — черезчуръ кусками и по частямъ; и, разрабатывая ту или другую главу въ началѣ труда, самъ еще не зналъ, въ какой связи она будетъ находиться съ послѣдующими отдѣлами. И сама личность Гоголя, и роль его, какъ могучаго литературнаго новатора, черезчуръ затерты тѣми подробностями, которыя г. Котляревскій считаетъ нужнымъ сообщить читателю о предшественникахъ Гоголя и ихъ произведеніяхъ.

Спору нѣтъ, что этотъ послѣдній пріемъ самъ по себѣ не только не долженъ вызывать отрицательное отношеніе къ этюду г. Котляревскаго, но, наоборотъ, можетъ лишь способствовать интересу и значенію этой литературной работы. И, однако, здѣсь приходится соблюдать одно очень существенное условіе: не надо, чтобы подготовляющія и объясняющія части этюда о Гоголѣ занимали черезчуръ видное мѣсто сравнительно съ самой характеристикой отца нашего художественнаго реализма. Г. Котляревскій недостаточно соразмѣрилъ эту пропорцію и слишкомъ, если можно такъ выразиться, закрылъ литературно - историческими лѣсами тотъ памятникъ, который онъ задумалъ воздвигнуть Гоголю.

---

*) Это отчасти приходится сказать о новомъ, неконченномъ еще этюдѣ г. Котляревскаго: «Поэма Гоголя «Мертвыя души» и современная ей русская повѣсть въ февральской книжкѣ «Міра Божія».

Было бы, дѣйствительно, наивно при выясненіи значенія Гоголя прибѣгать исключительно, какъ это дѣлалось въ доброе старое время критики, къ чисто эстетической оцѣнкѣ и вырывать великаго художника изъ условій среды и непосредственныхъ литературныхъ вліяній, отозвавшихся на его творчествѣ. Геніальные писатели, какъ и геніальные люди вообще, не съ неба на насъ сваливаются; или, во всякомъ случаѣ, если и могутъ быть уподоблены чему-нибудь падающему съ неба, то развѣ благодатному дождю, который проливаетъ плодородіе и свѣжесть на землю, но взялся изъ нея же, составился изъ капель ея же ручьевъ, рѣкъ и морей. Словомъ, законность общественной точки зрѣнія, устанавливающей вліяніе на художника и соціальной среды, и его литературныхъ предшественниковъ, врядъ-ли нуждается теперь въ доказательствахъ, хотя зигзаги „бѣдной русской мысли" и могутъ еще приводить насъ къ оставленнымъ, казалось бы, навсегда этапамъ умственнаго развитія.

Но, разъ мы стоимъ на этой точкѣ зрѣнія, индивидуальность художника, за выясненіе которой мы взялись, должна, однако, являться все время центромъ нашего этюда, предполагая, разумѣется, что мы посвящаемъ свою работу, какъ уже было сказано, историко-литературной характеристикѣ избраннаго нами писателя, а не цѣлой эпохи, въ которую мы его самого вдвигаемъ лишь какъ отдѣльное, хотя и крупное звено. Можно было бы, пожалуй, понять пріемы г. Котляревскаго, если бы дѣло шло объ этюдѣ, названномъ, скажемъ, „Гоголь и его время" или что-нибудь въ этомъ родѣ. Но въ началѣ своихъ статей, г. Котляревскій, хотя и обѣщалъ намъ „изслѣдовать ту взаимную связь, которая объединяетъ творчество Гоголя съ творчествомъ предшествовавшихъ и современныхъ ему писателей", все же задался цѣлью прежде всего охарактеризовать самого Гоголя. Потому все, что выходитъ за предѣлы необходимаго литературно — историческаго объясненія индивидуальности писателя, только мѣшаетъ цѣльности этюда.

Это въ особенности видно на тѣхъ частяхъ работы г. Котляревскаго, въ которыхъ увлеченіе автора объясняющими подробностями заставляло его останавливаться слишкомъ долго на второстепенныхъ элементахъ вопроса. Если, говоря о Гоголѣ, какъ писателѣ повѣстей, г. Котляревскій счелъ, напр., нужнымъ посвятить полдюжины страницъ упоминанію о романахъ Марлинскаго, Загоскина, Лажечникова, Полевого, Масальскаго (августъ, стр. 22—27), когда было достаточно нѣсколькихъ фразъ для ихъ характеристики, то Гоголь, какъ драматургъ, внушилъ г. Котляревскому мысль вдаться въ еще большія подробности по поводу театра Хмѣльницкаго, кн. Шаховскаго, Квитки-Основьяненка и т. п. (сентябрь, стр. 153—167). Эти страницы читатель-неспеціалистъ пробѣжитъ, какъ намъ кажется, по возможности торопливо

и не безъ нѣкотораго нетерпѣнія, тѣмъ болѣе, что самъ г. Котляревскій при добросовѣстной передачѣ содержанія всѣхъ этихъ драмъ не можетъ, однако, замаскировать впечатлѣнія скуки, какое вызывается даже у профессіональнаго критика разсмотрѣніемъ догоголевскаго театра; у большой публики это настроеніе выразится соображеніями â la Онѣгинъ:

Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку:
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ,
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредитъ новизна...

Растянутыми же, но гораздо болѣе интересными покажутся читателю тѣ главы, въ которыхъ г. Котляревскій изображаетъ исторію созданія и вліяніе на публику, а отраженнымъ ударомъ и на самого Гоголя двухъ величайшихъ его произведеній: „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ (октябрь и ноябрь). Здѣсь если не рѣшенъ, то, по крайней мѣрѣ, довольно удачно поставленъ вопросъ о переломѣ въ творчествѣ геніальнаго художника, о тѣхъ

неуловимо тонкихъ психическихъ движеніяхъ, сопровождавшихъ въ душѣ автора ту борьбу, которую вели въ немъ его романтическое, сантиментально-религіозное міросозерцаніе, окрѣпшее за границей, и его талантъ реалиста-бытописателя, талантъ, который пока побѣдоносно выдерживалъ натискъ этого враждебнаго міросозерцанія, а затѣмъ сталъ дѣлать ему постепенныя уступки (ноябрь, стр. 208).

Мы сказали, что авторъ лишь ставитъ этотъ вопросъ о душевномъ кризисѣ, но не рѣшаетъ его. И причиною тому, какъ намъ кажется, его не совсѣмъ вѣрный взглядъ на характеръ той центральной пружины, измѣненіе въ игрѣ которой отразилось на ходѣ всего психическаго механизма Гоголя. Въ другомъ мѣстѣ г. Котляревскій говоритъ объ упомянутомъ кризисѣ, какъ объ окончательномъ результатѣ борьбы двухъ враждебныхъ элементовъ, при чемъ всѣхъ взяло „сантиментально-религіозное міросозерцаніе“. Этому исходу авторъ не удивляется; но что приковываетъ къ себѣ его вниманіе въ качествѣ „необычнаго“ явленія, такъ это

лишь та болѣзненность, съ какою этотъ процессъ совершался въ душѣ Гоголя. Поэтъ страдалъ, онъ былъ боленъ отъ этихъ душевныхъ волненій художника, не находящаго словъ для обступившихъ его мыслей и нависшаго надъ нимъ настроенія. Но эта болѣзненность и есть показатель совсѣмъ особой «пророческой» организаціи поэта, которая бываетъ вся потрясена и въ минуты наплыва восторга и въ минуты отлива, и Гоголь былъ подвижникъ своей религіозно-нравственной идеи и вѣрилъ, что онъ апостолъ. Вотъ почему онъ сталъ такъ самоувѣренно говорить со своими соотечественниками обо всемъ, объ ихъ обязанностяхъ въ отношеніи къ Богу, къ царю, къ родинѣ,

къ семьямъ, къ ближнему равному и ближнему рабу; и онъ очень сердился и сокрушался, когда увидѣлъ, что всѣ эти совѣты, которые онъ въ 1847 г. огласилъ въ печати какъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», не встрѣтили должнаго сочувствія (декабрь, стр. 106—107).

Слова о „пророческой организаціи поэта", о Гоголѣ, какъ „подвижникѣ религіозно-нравственной идеи", о Гоголѣ, какъ „апостолѣ", бросаютъ, по моему мнѣнію, ложное освѣщеніе на смыслъ совершавшагося съ Гоголемъ кризиса. Они заставляютъ предполагать въ Гоголѣ не только великаго художника, но выдающагося если не практика-моралиста, то писателя по нравственнымъ вопросамъ. Пора бы, однако, нашимъ литературнымъ критикамъ разъяснить это недоразумѣніе. Замѣтьте, я нисколько не думаю развѣнчивать славу Гоголя, какъ моральнаго проповѣдника, потому лишь, что его идеи въ этой области до сихъ поръ заставляютъ радостно биться сердца людей изъ „Московскимъ Вѣдомостей" и многоглаголать уста этихъ охранительныхъ Пифій. Можно развивать чудовищныя по своей отсталости мысли, доходить по пути идейной реакціи до самыхъ ужасающихъ парадоксовъ, и въ то же время быть сильнымъ и оригинальнымъ писателемъ въ области нравственно-политическихъ вопросовъ. Когда вы встрѣчаете, скажемъ, дифирамбы палачу подъ перомъ де-Местра, вы глубоко возмущены, васъ душитъ негодованіе. Но сама напряженость этого чувства показываетъ, что вы имѣете дѣло съ могучимъ писателемъ, который успѣлъ затронуть васъ за живое, возбудить во всемъ существѣ вашемъ страстное желаніе бороться съ глашатаемъ удушающаго авторитета въ обществѣ, противоставлять его аргументаціи вашу, его неумолимо іерархическимъ идеаламъ ваши идеалы личной отвѣтственности и свободнаго развитія. Таковъ удѣлъ дѣйствительно сильныхъ писателей: они вліяютъ на васъ или тѣмъ, что убѣждаютъ васъ, или тѣмъ, что вызываютъ въ васъ сильнѣйшее сопротивленіе ихъ ходу мысли.

Читайте, наоборотъ, назидательную словесность Гоголя-моралиста: да, это самоувѣренная, широковѣщательная, то гнѣвливая, то просто напыщенная риторика, облекающая въ звучные и порою далеко не безупречные періоды (дань великаго художника его романтическимъ вкусамъ) такія мысли, которыя являлись достояніемъ большинства тогдашнихъ рядовыхъ людей изъ такъ называемаго образованнаго общества, погрузившагося въ сонъ послѣ встряски 20-хъ годовъ. „Пророчество", „подвижничество" и „апостольство" Гоголя, — говорю, конечно, какъ и г. Котляревскій, отвлекаясь отъ реакціоннаго характера идей нашего моралиста, и останавливаясь лишь на ихъ, такъ сказать, абсолютной величинѣ,—выражаются даже съ литературной точки зрѣнія, не говоря уже объ идейной, въ крайне сѣрыхъ и избитыхъ наставленіяхъ, составлявшихъ формальный кодексъ нрав-

ственности бюрократически-крѣпостной Россіи и уже по тому самому не особенно возвышавшихся надъ уровнемъ дѣйствительности.

Подавляешь поэтому невольную улыбку, когда читаешь у самого Гоголя такой отзывъ о своемъ назидательномъ произведеніи:

Нѣтъ, въ книгѣ: «Переписка съ друзьями» какъ ни много недостатковъ во всѣхъ отношеніяхъ, но есть также въ ней много того, что не скоро можетъ быть доступно всѣмъ. Нечего утверждаться на томъ, что прочелъ два или три раза книгу: иной и десять разъ прочтетъ — и ничего изъ этого не выйдетъ *).

Приходится, наоборотъ, утверждать, вопреки этому мнѣнію Гоголя, что особенно вчитываться въ его книгу нечего уже на томъ основаніи, что эта книга была лишь слегка пріукрашенной копіей съ той громадной и печальной книги жизни, которую представляла Россія тридцатыхъ годовъ и ея общественно-политическая мораль. И если чувствуешь при чтеніи „Переписки“ порою раздраженіе, то не потому, что „пророкъ“ и „подвижникъ“ затрогивалъ бы васъ за живое какими-нибудь пародоксальными, но энергично выраженными взглядами, а потому, что морализирующій Гоголь переносилъ въ область идеала то, что на самомъ-то дѣлѣ окружало васъ въ жизни со всѣхъ сторонъ и давило своею пошлостью, однообразіемъ, силою рутины и традиціи. Лишь этимъ въ сущности можно объяснить и тотъ взрывъ негодующаго чувства, который диктовалъ Бѣлинскому его знаменитое письмо. Во-первыхъ, „Переписка“ была общественно-литературной злобой дня; и авторомъ отвѣтнаго письма былъ Бѣлинскій съ его безпокойнымъ и мучительно-нетерпѣливымъ служеніемъ личной и общественной правдѣ. Помните:

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,
Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли,
Кипѣлъ, горѣлъ—и быстро ты угасъ!

Или еще все того же страстно любившаго Бѣлинскаго поэта:

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,
Твой умъ кипѣлъ—и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно...
. . . .
Не думалъ ты, что стóишь ты вѣнца,
И разумъ твой горѣлъ, не угасая,
Самимъ собой и жизнью до конца
Святое недовольство сохраняя—
То недовольство, при которомъ нѣтъ

*) См. въ концѣ «Авторской исповѣди».

Ни самообольщенья, ни застоя,
Съ которымъ и на склонѣ нашихъ лѣтъ
Постыдно мы не убѣжимъ изъ строя...

Человѣку „святого недовольства“, который жилъ и боролся за идеалъ „волнуясь и спѣша“, именно и было обидно, что назидательная риторика Гоголя была въ сущности лишь реабилитаціей неподвижной дѣйствительности, пошлости и гнета самой жизни. И это чувство горькой обиды растравлялось въ Бѣлинскомъ еще тѣмъ обстоятельствомъ, что за такую реакціонную маниловщину взялся тотъ самый человѣкъ, въ которомъ „неистовый Виссаріонъ“ видѣлъ не только великаго художника, но передового дѣятеля новой пробуждавшейся къ сознательной жизни Россіи, нанесшей „Ревизоромъ“ и „Мертвыми душами“ такой жестокій ударъ Россіи бюрократической и крѣпостной. Если же взять самое „Переписку“ независимо отъ того значенія, которое она пріобрѣтала, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ своего появленія, то можно лишь поблагодарить судьбу, что книга дала поводъ написать Бѣлинскому одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ русскихъ политическихъ памфлетовъ; но къ морализирующему произведенію Гоголя придется отнестись какъ въ общемъ заурядной и напыщенно резонирующей вещи, не заслуживающей даже особаго негодованія.

„Пророкъ“, „апостолъ“ и „подвижникъ“ не возвысился здѣсь, собственно говоря, надъ обыкновеннымъ риторомъ,—и прежде всего потому, что рядомъ съ удивительнымъ художественнымъ талантомъ и наблюдательнымъ тонко юмористическимъ умомъ Гоголь обладалъ лишь незначительною способностью философскаго обобщенія или отвлеченнаго анализа. Какія бы „проникновенности“ ему ни подсовывали заднимъ числомъ наши охранители, на самомъ дѣлѣ Гоголь пасовалъ всякій разъ, когда надо было обосновать абстрактную идею, а не создать могучій художественный образъ или тонко юмористически схватить отношенія между двумя, повидимому, неоднородными предметами. И вотъ на помощь являлась риторика, которая заполняла его слабѣйшія юношескія произведенія изъ періода сантиментально-романтическаго творчества и которая прорывалась иногда даже въ наиболѣе зрѣлыхъ и выношенныхъ произведеніяхъ, отмѣченныхъ печатью глубокаго реализма.

Съ другой стороны, у Гоголя не было той цѣльности и силы характера, которая разливаетъ вокругъ себя волны психическаго движенія и дѣлаетъ изъ человѣка дѣйствительно „пророка“ и „апостола“, даже не смотря на умѣренное развитіе интеллектуальнаго элемента. Скрытность Гоголя, его неискренность, его порою чисто болѣзненная „симуляція“ являлись значительнымъ препятствіемъ для роли пламеннаго распространителя истины или того, что кажется таковой самому пропагандисту. Говоря

нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ о началѣ статьи г. Котляревскаго, я высказалъ даже сомнѣніе, насколько правдоискательство можетъ считаться центральнымъ пунктомъ личности великаго художника. Сравните хотя бы искреннее негодованіе правдоискателя Бѣлинскаго на отброшенное имъ міровоззрѣніе, на самого себя и все, написанное имъ въ предшествующій періодъ, съ многорѣчивыми и запутанными объясненіями Гоголя, который хочетъ связать фальшивою нитью единства свою прежнюю дѣятельность съ послѣдующею и доказать заднимъ числомъ, что въ сущности онъ и раньше былъ все тѣмъ же, но лишь на бѣду его не поняли окружающіе.

Даже то, что било могучимъ природнымъ ключомъ въ „Мертвыхъ душахъ", что вырывалось въ грандіозныхъ образахъ изъ потрясенной энтузіазмомъ души художника-реалиста, все это впослѣдствіи подъ перомъ автора „Переписки" превратилось въ исполненіе предначертаннаго морально-аскетическаго плана. Напримѣръ:

мнѣ хотѣлось попробовать, что скажетъ вообще русскій человѣкъ, если его попотчиваешь его же собственною пошлостью. Вслѣдствіе уже давно принятаго плана «Мертвыхъ Душъ», для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные. Эти ничтожные люди, однако жъ, ничуть не портреты съ ничтожныхъ людей; напротивъ, въ нихъ собраны черты тѣхъ, которые считаютъ себя лучшими другихъ, разумѣется только въ разжалованномъ видѣ изъ генераловъ въ солдаты. Тутъ, кромѣ моихъ собственныхъ, есть даже черты многихъ моихъ пріятелей, есть и твои. Я тебѣ это покажу послѣ, когда будетъ нужно; до времени это моя тайна. Мнѣ потребно было отобрать ото всѣхъ прекрасныхъ людей, которыхъ я зналъ, все пошлое и и гадкое, что они захватили нечаянно, и возвратить законнымъ ихъ владѣльцамъ. Не спрашивай, зачѣмъ первая часть должна быть вся — *пошлость*, и зачѣмъ въ ней всѣ лица до единаго должны быть пошлы: на это дадутъ тебѣ отвѣтъ другіе томы—вотъ и все! и т. д. *).

Разумѣется,—готовъ сказать Гоголю всякій искренно любящій великаго художника читатель,—разумѣется, ваши „ничтожные люди" были не „портретами съ ничтожныхъ людей", и именно потому, что вы геніальный реалистъ, но они были портретами съ цѣлыхъ общественныхъ категорій, типами дореформенной Россіи. Вы потому и стали вкладывать заднимъ числомъ мелкія моральныя цѣли въ вашу великую эпопею, что испугались ея колоссальнаго общественнаго значенія, что поняли, какимъ безповоротнымъ осужденіемъ она была для всего дорогого вамъ режима. Съ безконечнымъ сожалѣніемъ и краскою стыда за васъ читаешь, напр., такой вашъ послѣдующій отзывъ о „Мертвыхъ душахъ": онѣ, молъ,

исполнены промаховъ, анахронизмовъ, явнаго незнанія многихъ предметовъ; мѣстами даже съ умысломъ помѣщено обидное и задѣвающее, — авось

*) Изъ писемъ къ разнымъ лицамъ по поводу «Мертвыхъ Душъ».

кто-нибудь меня выбранитъ хорошенько и въ брани, въ гнѣвѣ выскажетъ мнѣ правду, которой добиваюсь. И хоть бы одна душа подала голосъ! А могъ всякъ. И какъ бы еще умно! Служащій чиновникъ могъ бы мнѣ явно доказать, въ виду всѣхъ, неправдоподобность мною изображеннаго событія, приведеніемъ двухъ-трехъ дѣйствительно случившихся дѣлъ, и тѣмъ бы опровергъ меня лучше всякихъ словъ и т. д. *).

Замѣтьте, Гоголь особенно недоволенъ въ этомъ письмѣ отзывами печати о его поэмѣ, той, очевидно, печати, которая устами Бѣлинскаго признала громадное, можно сказать, національное значеніе „Мертвыхъ душъ", какъ изображенія цѣлой страны. Онъ, Гоголь, желалъ бы, видите, „побольше критикъ, не со стороны литераторовъ, не со стороны людей, занятыхъ дѣломъ самой жизни". Но вотъ, „со стороны практическихъ людей, какъ на бѣду не отозвался никто"... Начинаемъ понимать, для чего понадобились автору „практическіе люди", всѣ эти „служащіе чиновники" и т. п. Ихъ роль должна была бы заключаться въ опроверженіи того „обиднаго и задѣвающаго", что Гоголь якобы „даже съ умысломъ" высказалъ въ художественныхъ образахъ о цѣлыхъ соціальныхъ группахъ, о всей странѣ, вызвавшей именно въ изображеніи Гоголя историческое восклицаніе Пушкина: „Боже, какъ грустна наша Россія!"

И мысленно видишь, какъ къ „пророческому" и „апостольскому" трибуналу автора „Переписки" идутъ одинъ за другимъ всѣ „служащіе чиновники" и прочіе герои „Ревизора" и „Мертвыхъ Душъ", всѣ эти Сквозники-Дмухановскіе, Ляпкины-Тяпкины, Шпекины, Чичиковы и Собакевичи. И всѣ наперерывъ докладываютъ, что Россія, изображенная Гоголемъ, есть въ сущности такая же игра ума, какъ и „необыкновенно-странное происшествіе", приключившееся съ коллежскимъ ассесоромъ Ковалевымъ, у котораго сбѣжалъ носъ. И городничій, молъ, отнюдь не считаетъ, будто брать взятки—„это уже такъ самимъ Богомъ устроено, и волтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ". И почтмейстеръ уже не распечатываетъ писемъ „не то чтобъ изъ предосторожности, а больше изъ любопытства". И Держиморда уже не „ставитъ всѣмъ, для порядка, фонари подъ глазами—и правому и виноватому". И Чичиковы не разъѣзжаютъ уже больше по бѣлу свѣту для покупки мертвыхъ крѣпостныхъ душъ. И Собакевичи превратились въ того идеальнаго и вмѣстѣ курьезнаго помѣщика изъ „Переписки", которой не потому заставляетъ крестьянъ „трудиться и работать", „чтобы ему нужны были деньги на удовольствія", а потому, что „Богомъ повелѣно человѣку трудомъ и пóтомъ снискивать себѣ хлѣбъ"; и въ доказательство даже „жжетъ предъ ними ассигнаціи, чтобы они видѣли дѣйствительно, что деньги тебѣ нуль", мужиковъ же не

*) Ibid.

бьетъ, но пробираетъ больше „словами изъ Св. Писанія“ да еще „мѣткими словами ругни при всемъ народѣ“, и т. д.

Словомъ, Гоголь, во второй, безплодный въ художественномъ смыслѣ и вредный во всѣхъ прочихъ смыслахъ, періодъ своей дѣятельности, лишь пытался реабилитировать заклейменную имъ же дореформенную Россію и подсовывалъ несуществовавшія раньше нравственныя задачи въ процессъ своего прежняго геніальнаго творчества. А собственный душевный кризисъ онъ не столько выставлялъ наружу, какъ дѣлаютъ настоящіе правдоискатели въ родѣ Бѣлинскаго, сколько старался стушевать фиктивною цѣльностью и однородностью задачъ и стремленій двухъ столь разныхъ періодовъ своего развитія. Если бы можно было прилагать терминъ политическаго словаря „ренегатъ“ къ такому ребенку въ политикѣ, какимъ никогда не переставалъ быть Гоголь—при томъ, какъ увидимъ ниже, переживавшій патологическій кризисъ,—то пришлось бы сказать, что у него была типичная черта этой разновидности людей: крайнее самомнѣніе и неизмѣнное любованье своей личностью въ различныя эпохи жизни, не смотря на исповѣданіе совершенно другого символа вѣры. Правдоискателю почти столь же ненавистна своя личность въ извѣстный, отброшенный позже моментъ развитія, какъ и сами идеи этой полосы: ренегатъ съ удовольствіемъ смотритъ на свое отраженіе въ зеркалѣ личныхъ воспоминаній. И смотритъ такъ главнымъ образомъ потому, что дорожитъ прежде всего своимъ я, а не идейнымъ значеніемъ личности, и старается усмотрѣть „черты любимаго лица“ сквозь несущественныя, по его мнѣнію, оболочки прежняго міровоззрѣнія,—замѣтьте, несущественныя лишь въ сравненіи съ сознаніемъ собственнаго величія, ибо за тѣ же самыя идеи онъ предаетъ анафемѣ всѣхъ своихъ бывшихъ единомышленниковъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Бѣлинскій невыносимо страдалъ всякій разъ, когда вспоминалъ о прежнихъ написанныхъ имъ „мерзостяхъ“: на то онъ правдоискатель. Наоборотъ, ренегатъ, перелистывая свою „книгу живота“, просматривая свой идейный послужной списокъ, обращается къ себѣ съ восклицаніемъ искренняго восхищенія:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша!

А если бываетъ припертъ къ стѣнѣ указаніемъ на общественное значеніе прежнихъ собственныхъ идей,—вѣдь живешь и дѣйствуешь не въ безвоздушномъ пространствѣ, а среди живыхъ же и дѣйствующихъ отчасти и подъ твоимъ вліяніемъ людей,—то неизмѣнно старается найти въ минувшемъ свое настоящее міровоззрѣніе in statu nascenti, и все раздраженіе за ренегатство переноситъ не на себя, а на своихъ бывшихъ друзей, которые всегда оказываются непонявшими его уже тогда, молъ, почти такихъ же идей. Онъ изображаетъ самимъ же собой того „чу-

жестранца молодого" изъ Лермонтова, который придетъ къ могилѣ своего прошлаго

> И скажетъ: отчего не понялъ свѣтъ
> Великаго, и какъ онъ не нашелъ
> Себѣ друзей, и какъ любви привѣтъ
> Къ нему надежду въ сердце не привелъ?
> Онъ былъ ея достоинъ...

Эта психологія „чужестранца молодого", или, попросту, Ивана непомнящаго родства по отношенію къ своей бывшей дѣятельности, дѣйствительно, характерна для ренегатовъ. И кому не приходилось слышать заявленія этихъ господъ, поистинѣ поражающія любовью къ своей собственной персонѣ, крайнею строгостью къ старымъ идейнымъ товарищамъ и неизмѣннымъ стремленіемъ доказать, что они въ сущности и раньше были почти такими же, да вотъ на бѣду никто не могъ тогда проникнуть въ глубину ихъ великой души. Раньше я уже сказалъ, что Гоголя, мало понимавшаго въ общественно-политической работѣ и бывшаго жертвой болѣзненнаго нервнаго кризиса, было бы въ извѣстномъ смыслѣ неумѣстно подводить подъ рубрику ренегата: по даннымъ нѣкоторыхъ біографовъ, онъ, напр., былъ крайне удивленъ тою страстностью, съ какою напалъ на него Бѣлинскій, указывая на вопіющее противорѣчіе между его прежней славной дѣятельностью и идеями „Переписки". Но приходится повторить, что у Гоголя было нѣчто общее съ психологіей типичныхъ ренегатовъ: это его самомнѣніе и его неполная искренность передъ самимъ собой въ смыслѣ оцѣнки происшедшаго въ душѣ кризиса. Я это все веду къ тому, чтобы оборвать одинъ по одному лепестки того букета, который г. Котляревскій счелъ долгомъ поднести Гоголю какъ „пророку", „подвижнику" и „апостолу", и который, по моему мнѣнію, не особенно заслуженъ авторомъ „Переписки".

Кризисъ, несомнѣнно, произошелъ, но я бы искалъ его въ болѣе низшихъ сферахъ психической организаціи, чѣмъ область „пророческихъ" и „подвижническихъ" стремленій души. Этотъ кризисъ мнѣ представляется слѣдующимъ образомъ. Темный, оставшійся намъ неизвѣстнымъ, по крайней мѣрѣ, въ деталяхъ процессъ нервно-мозгового характера надламывалъ и окончательно сломилъ великолѣпный художественный механизмъ творчества Гоголя: исчезли, значитъ, тѣ моменты „высшаго блаженства", которые онъ, по собственнымъ же словамъ, переживалъ въ прежній періодъ, въ періодъ нормальнаго упражненія его великой артистической силы и которые чрезвычайно скрашивали безпокойный и меланхоличный характеръ Гоголя. Онъ остался съ посредственными знаніями, съ разсудочными способностями, не представлявшими ничего чрезвычайно выдающагося и скорѣе слабо

работавшими въ области философскаго обобщенія, наконецъ, съ романтическо-мечтательными стремленіями и вкусами. На эту-то скрытную „симулирующую“, отъ природы грустно-настроенную натуру, лишившуюся своего лучшаго дара, великаго художественнаго генія, неблагопріятныя условія внутренняго органическаго процесса и тепличной заграничной жизни должны были подѣйствовать особенно разрушительнымъ образомъ. Съ Гоголемъ долженъ былъ произойти тотъ кризисъ, который рано или поздно подстерегаетъ такъ называемыхъ психастениковъ и который выражается по большей части не въ формѣ какой-нибудь idée fixe, мучительно преслѣдующей человѣка, но оставляющей вмѣстѣ съ тѣмъ собственно разсудочныя способности нетронутыми. Является тягостное верченіе субъекта, словно бѣлки въ колесѣ, въ кругу назойливыхъ идей, отдѣлаться отъ которыхъ больной не можетъ и даже въ извѣстномъ смыслѣ не хочетъ, такъ какъ воля и энергія обыкновенно подавлены, и которыя вызываютъ, однако, Сизифову работу оставшагося въ общемъ нормальнымъ разсудка, логически оперирующаго, но надъ какой - нибудь нелѣпѣйшей ассоціацей представленій. Я попрошу читателя припомнить, что я сказалъ о результатахъ работъ новѣйшихъ французскихъ психіатровъ при разборѣ „Мысли“ г. Андреева (въ сентябрьской книжкѣ „Русскаго Богатства“).

Нечего, напримѣръ, обращать особенное вниманіе на содержаніе того кошмарнаго ансамбля идей, который давитъ на сознаніе больного: что отличаетъ психастениковъ отъ другихъ разрядовъ душевно-больныхъ, такъ это безконечное самовопрошеніе или такъ называемая скрупулезность, вызывающая вѣчныя сомнѣнія, вѣчную аргументировку за или противъ извѣстнаго рѣшенія въ сферѣ idée fixe и въ то же время неспособность дѣйствительно выполнить или довести до конца извѣстный планъ. Одни паціенты снѣдаются идеями уничиженія и употребляютъ всевозможныя казуистическія уловки, чтобы доказать себѣ свое ничтожество. Другіе преслѣдуются мыслями о возможности совершить самоубійство или какое-нибудь преступленіе и проводятъ все время въ томъ, что казнятъ себя за такіе замыслы или же придумываютъ различные, по большей части комическіе планы подавленія этихъ якобы непреодолимыхъ стремленій, которыя на самомъ-то дѣлѣ, вслѣдствіе отсутствія воли у больныхъ, никогда почти не переходятъ въ рѣшительные акты. У третьихъ является манія безконечнаго самоусовершенствованія и отчаянія, вытекающаго изъ невозможности выполнить противорѣчивый въ самомъ себѣ проектъ. Еще иные проводятъ все время въ нескончаемыхъ метафизическихъ вопросахъ о Богѣ, мірѣ, душѣ, стараясь достигнуть до перваго звена въ цѣпи выковываемыхъ ихъ же воображеніемъ причинъ и слѣдствій; и это занятіе порою принимаетъ такой систематическій и вмѣстѣ безплодный характеръ, что

вызвало бутаду одного изъ извѣстныхъ современныхъ психіатровъ, который сказалъ однажды: „когда насмотришься этихъ вѣчныхъ вопрошателей, то не безъ грусти задаешься вопросомъ: да ужъ не представляетъ ли собой и сама философская спекуляція особую болѣзнь человѣческаго ума“.

Такимъ образомъ, не смущаясь превыспреннимъ порою характеромъ преслѣдующихъ идей, мы должны сводить ихъ на ненормальное органическое состояніе нервно-мозговой системы. И вспоминая безпрестанныя горделиво-аскетическія копанія Гоголя въ собственной душѣ, его вѣчныя и въ то же время туманныя жалобы на невозможность выполнить какъ слѣдуетъ свой „подвигъ“ служенія Богу, людямъ и отечеству, его уже прямыя описанія своего болѣзненнаго состоянія въ личныхъ письмахъ къ друзьямъ, крайній упадокъ его художественнаго творчества и связанныя съ этимъ упадкомъ мучительныя ощущенія безсилія, смѣнившія прежнія свѣтлыя минуты „высшаго блаженства“ - вспоминая все это, мы можемъ разсматривать Гоголя какъ типичнаго психастеника и свести „пророческія“, „апостольскія“ и „подвижническія“ стремленія его души къ резонерству болѣзненнаго самовопрошанія или „скрупулезности“, какъ называетъ это состояніе наука. Словомъ, причины кризиса, постигшаго безсмертнаго автора „Ревизора“ и „Мертвыхъ Душъ“, надо искать, повторяю, не столько въ высшихъ психологическихъ сферахъ, столкновеніи и замѣнѣ одного міровоззрѣнія другимъ, сколько въ гораздо болѣе, если можно такъ выразиться, низменномъ органическомъ или, вѣрнѣе, функціональномъ разстройствѣ нервнаго аппарата.

Можетъ быть, такое объясненіе покажется слишкомъ грубымъ и матеріальнымъ въ наше время, когда различные „новые пути“— розановскіе немножко правѣе, новгородцевскіе немножко лѣвѣе, но все же параллельно — ведутъ часть нашей интеллигенціи въ одинъ и тотъ же метафизическій Римъ. Но когда окончательно разсѣется чадъ, напущенный спиритуалистической кухней нашихъ алхимиковъ абсолюта, то окажется, что, какъ бы мы ни смотрѣли съ онтологической точки зрѣнія (прошу у читателей извиненія за этотъ страшный философскій терминъ) на самостоятельность души, въ практической жизни тѣсная зависимость духа отъ органическихъ процессовъ должна считаться такимъ же основнымъ положеніемъ, какъ неистребимость матеріи и постоянство силы въ природѣ. Не забудемъ, что уже у одного изъ величайшихъ метафизиковъ древности выведенъ на сцену въ философскихъ преніяхъ мыслитель, который дѣлаетъ необыкновенно эффектное и тонкое сравненіе тѣла съ лирой, а души съ издаваемымъ ею аккордомъ. Для того, чтобы звучала и была слышна намъ гармонія, надо, чтобы существовала лира съ ея струнами, и чтобы эти струны были цѣлы и натянуты.

Такъ натянуто и сдерживается наше тѣло, — продолжаетъ философъ, — тепломъ и холодомъ, сухостью и влажностью. Соединеніе же ихъ и гармонія составляютъ нашу душу, когда все это прекрасно и соразмѣрно соединено между собой. Но если душа наша есть нѣкотораго рода гармонія, то, очевидно, что, когда наше тѣло черезчуръ распускается или напрягается вслѣдствіе болѣзней и другихъ золъ, и душа наша должна немедленно же погибнуть, хотя и является самой божественной нашей частью, какъ погибаютъ и всѣ прочія гармоніи, исходящія отъ звуковъ голоса или искусственныхъ инструментовъ. Остальныя же части всякаго тѣла продолжаютъ еще существовать долгое время, пока не сгорятъ или не сгніютъ.

Я не думаю, конечно, выводить изъ этой аргументаціи и предшествовавшихъ разсужденій то заключеніе, что мы должны оставить въ сторонѣ всякое психологическое истолкованіе душевныхъ кризисовъ на томъ основаніи, что все это, молъ, лишь звукъ нашей тѣлесной лиры. Но, присматриваясь къ частному случаю Гоголя, я счелъ нужнымъ напомнить, что именно психическая эволюція нашего геніальнаго художника должна объясняться не столько изъ чисто идейнаго процесса столкновенія различныхъ духовныхъ стремленій, сколько изъ общей психастеніи, общаго функціональнаго ослабленія нервной системы, на почвѣ котораго выросла безплодная и глубоко печальная резонирующая „скрупулезность“ Гоголя. То былъ не столько психологическій процессъ смѣны одного міровоззрѣнія другимъ, сколько патологическій процессъ разсуждающей и даже порою широковѣщательной маніи.

Читая повѣсть г. Потапенко „Дуракъ“, помѣщенную въ послѣднихъ пяти книжкахъ „Міра Божія“ за прошлый годъ, я снова и снова вспоминалъ Гоголя, а именно его „Ревизора“. Если гоголевская комедія изображаетъ намъ главнымъ образомъ чиновническій міръ дореформенной Россіи, то повѣсть г. Потапенко переноситъ насъ въ современную бюрократическую среду. И вотъ напрашивается само собой сравненіе между двумя эпохами одного и того же міра,—съ той разницей, что у Гоголя дѣйствіе происходитъ въ глухой провинціи, откуда „хоть три года скачи, ни до какого государства не доѣдешь“, и между чиновниками средней руки, не поднимающимися выше ранга городничаго, тогда какъ г. Потапенко ведетъ насъ почти въ самые верхи столичной бюрократіи. Сравненіе двухъ концентрическихъ круговъ одной и той же среды и на разстояніи чуть не трехъ четвертей вѣка не лишено интереса, и прежде всего потому, что указываетъ на историческую устойчивость признаковъ въ опредѣленныхъ общественныхъ группахъ и корпораціяхъ. Замѣчу, мимоходомъ, что еще недавно, если не въ столицѣ, то въ одномъ изъ крупныхъ провинціальныхъ центровъ самая фабула „Ревизора“ была воспроизведена дѣйствительнымъ происшествіемъ съ комичной точностью и лишь черезчуръ рано оборва-

лась уголовнымъ преслѣдованіемъ героя, забывшаго о существованіи неизвѣстныхъ въ гоголевское время телеграфовъ и телефоновъ.

Вотъ въ краткихъ словахъ содержаніе довольно длинной повѣсти г. Потапенко. Жили-были въ провинціи два юноши, два кузена, сыновья двухъ братьевъ, отличавшихся характеромъ другъ отъ друга и передавшихъ свои особенности въ усиленномъ и сгущенномъ видѣ дѣтямъ. Старшій братъ, Николай Сергѣевичъ Любарцевъ, не блисталъ талантами и величіемъ души, но былъ снабженъ практическимъ умомъ и настойчивостью въ достиженіи обыкновенныхъ жизненныхъ цѣлей, благодаря чему не особенно старымъ человѣкомъ уже добрался до чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Младшій, Иванъ Сергѣевичъ Любарцевъ, наоборотъ, былъ гораздо способнѣе и живѣе, исполненъ общественныхъ стремленій, но перенесъ такую массу личныхъ неудачъ, что, наконецъ, угомонился и поддерживалъ семью службой на скромномъ мѣстѣ секретаря городской управы. Эти обѣ столь различныя натуры еще рельефнѣе прокинулись во второмъ поколѣніи. Сынъ безпокойнаго и живого Ивана Сергѣевича, Владиміръ, въ смыслѣ общественыхъ инстинктовъ и идейнаго кипѣнья, очень походилъ на отца, но былъ еще даровитѣе. Его двоюродный братъ, Петръ, наоборотъ, представлялъ собою образецъ умѣреннаго и аккуратнаго юноши, у котораго практическая жилка оттѣснила окончательно умственную сторону, такъ слабо выраженную, что даже среди родныхъ онъ пользовался репутаціей „глупаго“. Но такимъ „дуракамъ“ везетъ, какъ извѣстно, и въ русскихъ сказкахъ, гдѣ они неизмѣнно побѣждаютъ умниковъ, и въ русской дѣйствительности, гдѣ они тоже маху не даютъ.

Двоюродные братья ѣдутъ въ Питеръ. Владиміръ пишетъ молодую, незрѣлую, но очень талантливую и горячую статью о чиновничествѣ, которая производитъ цѣлую сенсацію въ обществѣ и среди затронутыхъ его перомъ сферъ, доставляетъ ему прочное положеніе въ редакціи напечатавшей ее газеты и даже наводитъ высшую бюрократію на мысль приручить эту полезную силу, предложивъ ему хорошее мѣсто. Но герой нашъ, желая сохранить независимость и свободу мнѣнія, отказывается отъ выгоднаго назначенія. Петръ же усердно начинаетъ культивировать связи съ важной чиновнической четой, приходившейся ему родней (жена сановника Коромыслова была изъ рода Любарцевыхъ), знакомится въ этомъ салонѣ съ полезными ему и вліятельными людьми бюрократіи, поступаетъ на службу, становится любовникомъ жены очень крупнаго администратора, женится на безобразной дочери послѣдняго и дѣлаетъ такую блестящую карьеру, что его судьба является предметомъ слѣдующаго заключительнаго діалога въ послѣднихъ строкахъ повѣсти:

— Такимъ образомъ, при извѣстномъ стеченіи обстоятельствъ, мой кузенъ можетъ дойти и до министра? — полюбопытствовалъ Владиміръ Любарцевъ.

Коромысловъ основательно подумалъ.

— Видите ли, — какъ-то не довольно рѣшительно отвѣтилъ онъ, — видите ли, я думаю, что всетаки... всетаки до этого не дойдетъ (декабрь, стр. 172).

Оставимъ сановника Коромыслова, хорошо знающаго свою среду, наединѣ съ своею совѣстью и „не довольною рѣшительностью“ отвѣта на вопросъ о томъ, до-куда окончательно можетъ подняться ловкій „дуракъ“, и посмотримъ не на крайнія, а на среднія явленія того міра, который захваченъ на сей разъ перомъ г. Потапенка. Я сказалъ уже, что сравненіе чиновныхъ сферъ на разстояніи трехъ четвертей вѣка указываетъ на значительную прочность основныхъ чертъ корпораціи. Дѣйствительно, за этотъ промежутокъ времени измѣнились внѣшнія формы бюрократическаго міра, появился культурный глянецъ на старомъ фонѣ,— не забудьте, что и само дѣйствіе совершается въ столицѣ. Но сущность, но основной ходъ механизма остались прежними; прибавились, пожалуй, развѣ новые пріемы отстаиванія себя въ борьбѣ за существованіе, какъ и подобаетъ современной ожесточенной конкурренціи, смѣнившей прежнія болѣе спокойные и традиціонные виды „кормленія“ чиновничества. Героевъ „Ревизора“ сближали, напримѣръ, вѣковыя окристаллизованныя формы взяточничества, основаннаго на молчаливомъ соглашеніи между участниками этого своеобразнаго хищническаго масонства. И лишь въ экстренные моменты ожиданія грозы, вродѣ ревизора, когда всякій старался выгородить себя, возможны были сцены взаимныхъ обличеній и попрековъ, на манеръ столкновенія между городничимъ и судьей, горячо принявшимися обсуждать, какія взятки болѣе безгрѣшны, въ видѣ-ли „борзыхъ щенковъ“, или „шубъ въ пятьсотъ рублей“ да „шалей супругамъ“. Героевъ современной бюрократіи связываютъ болѣе нервныя формы расхищенія въ видѣ произвольнаго полученія командировокъ, экстренныхъ воспособленій, дѣлецкаго участія въ дутыхъ предпріятіяхъ при посредствѣ широко развитаго альфонсизма съ женами начальниковъ, браковъ съ дочерями своихъ перезрѣлыхъ любовницъ и взаимной поддержки между членами разныхъ шалопайствующихъ свѣтскихъ братствъ, вродѣ балетомановъ, посѣтителей аристократическихъ вертеповъ разврата и т. п.,—словомъ, всего того, что не безъ юмора описываетъ размашистое перо г. Потапенка.

Вотъ какой, напримѣръ, происходитъ разговоръ между добродѣтельнымъ Владиміромъ и добродѣтельной супругой Коромыслова, почувствовавшими другъ къ другу большую дружбу и чуть-чуть не любовь:

...Вы видите, мой другъ, что я была права, когда старалась смягчить ваше негодованіе по поводу того, что вашъ кузенъ пользуется средствами

женщины. Вы узнали исторію карьеры моего мужа. Точно такую карьеру сдѣлалъ Вермутовъ, съ той только разницей, что его жена была безобразна. Это еще гаже, потому что здѣсь было хоть увлеченіе, а тамъ совсѣмъ ужъ грубый разсчетъ. То же самое сдѣлаетъ и вашъ кузенъ...

— Да, но у обоихъ этихъ героевъ былъ умъ, а у него этого нѣтъ.

— О, это не такъ ужъ необходимо. Повѣрьте, что это уже роскошь.., (октябрь, стр. 148).

Замѣтимъ кстати, что сцены, рисующія отношенія между двадцатилѣтнимъ Владиміромъ и тридцатилѣтней сановницей, принадлежатъ къ наиболѣе слабымъ въ повѣсти. Какъ извѣстно, положительные герои вообще не особенно удаются въ нашихъ романахъ; а г. Потапенко именно и хотѣлъ изобразить въ этомъ мірѣ отчаяннаго карьеризма, пошлости и глубокой безнравственности двухъ чистыхъ и благородныхъ субъектовъ. Всякій разъ, какъ нашъ авторъ сводитъ съ глазу на глазъ своихъ любимыхъ героя и героиню, оба они начинаютъ угощать другъ друга такими комплиментами и говорятъ — при этомъ такъ чувствительно - превыспренно,—что читатель, участвующій по волѣ г. Потапенка на этомъ rendez-vous, невольно припоминаетъ чету Маниловыхъ и ихъ характеристику Гоголемъ: „не смотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выражавшимъ совершенную любовь: „Разинь, душенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ". Само собою разумѣется, что ротикъ раскрывался при этомъ случаѣ очень граціозно".

Ну, вотъ и ротикъ Владиміра Ивановича, и ротикъ Анны Михайловны раскрываются постоянно съ такою граціей при ихъ нѣжныхъ свиданіяхъ, и столько они накладываютъ другъ другу словесныхъ сладкихъ кусочковъ, что, наконецъ, читатель не выдерживаетъ и съ радостью окунается въ міръ хищнической и развратной бюрократіи, лишь бы избѣжать томительныхъ сеансовъ этого общества взаимнаго обожанія, состоящаго изъ добродѣтельныхъ героя и героини. Вѣроятно, самъ чувствуя чрезмѣрную приторность этихъ паточныхъ объясненій, г. Потапенко благоразумно прекратилъ на этомъ сходство судьбы своихъ героевъ съ судьбой четы Маниловыхъ. Онъ не допустилъ окончательнаго сліянія обѣихъ прекрасныхъ душъ-сестеръ, и сама Анна Михайловна отказалась отъ скромнаго шалаша съ милымъ Владиміромъ въ пользу своихъ раззолоченныхъ апартаментовъ, увѣривъ влюбленнаго юношу, что она уже слишкомъ стара для его юнаго сердца, и что она предпочитаетъ быть его вѣрнымъ другомъ.

Отмѣтивъ слабую сторону новой повѣсти г. Потапенка, мы, однако, въ общемъ рекомендуемъ ее читателю, какъ довольно живую и мѣстами остроумную характеристику міра современныхъ

чиновниковъ, по новому продолжающихъ старыя традиціи героевъ „Ревизора".

Г. Потапенко нѣкоторыми сторонами своей повѣсти наводилъ насъ на мысль объ устойчивости основныхъ признаковъ въ извѣстныхъ категоріяхъ общества, разъ корпоративный духъ продолжалъ работать въ рамкахъ учрежденій, оставшихся по существу старыми: бюрократія гоголевской эпохи и бюрократія нашего времени представляютъ много общаго, не смотря на внѣшнее измѣненіе образа жизни, привычекъ и потребностей. У г. Тана, помѣстившаго въ ноябрьской книжкѣ „Міра Божія" повѣсть изъ жизни русскихъ въ Америкѣ подъ заглавіемъ „Авдотья и Ривка", мы встрѣчаемся съ обратной въ извѣстномъ смыслѣ темой: сравнительно быстрымъ измѣненіемъ даже прочныхъ, по-видимому, чертъ въ характерѣ людей, перенесенныхъ въ совершенно другую обстановку, особенно если новая среда гораздо культурнѣе прежней. Это, какъ извѣстно, замѣчается въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, которые уже успѣли ассимилировать и переварить въ интенсивно кипящемъ котлѣ своей жизни, по крайней мѣрѣ, 20 милліоновъ пришельцевъ (19.986,818 эмигрантовъ за восьмидесятилѣтіе 1821 — 1901 г.) и въ которыхъ, не смотря на присутствіе 15 проц. жителей, рожденныхъ внѣ территорій (10.250.063 чел. на 76.303.387 чел. всего населенія по переписи 1 іюня 1900 г.), второе поколѣніе уже совершенно американизируется, и даже первое измѣняетъ свои привычки, вкусы и идеи почти на глазахъ.

Живо, забавно и тепло г. Танъ рисуетъ намъ исторію превращенія русской Авдотьи и еврейки Ривки, эмигрировавшихъ изъ западной Россіи, въ полноправныхъ обитательницъ Новаго Свѣта. Со дня ихъ прибытія въ Нью-Іоркъ на переселенческомъ пароходѣ и въ теченіе шести лѣтъ, которые охватываетъ повѣсть г. Тана, великая республика неустанно работаетъ надъ измѣненіемъ и расширеніемъ привычекъ обѣихъ женщинъ и пріобщеніемъ ихъ къ болѣе высокой культурѣ новаго отечества. Постепенно Ривка преобразуется въ разбитную, съ шикомъ одѣтую американскую сигарницу; постепенно худая и жестоко битая мужемъ на родинѣ Авдотья уступаетъ мѣсто знающей себѣ цѣну нью-іоркской прислугѣ, которая полнѣетъ и молодѣетъ на почвѣ вольной республики, выучивается три раза въ недѣлю брать ванну, жить въ своей комнатѣ и откладывать деньги изъ жалованья въ банкъ. Порою наша баба вздыхаетъ, но больше теоретически, по своей далекой неприглядной деревнѣ, а чаще чувствуетъ себя сжившейся съ новой неизмѣримо болѣе человѣческой обстановкой.

Даже когда одинокое житье-бытье вызываетъ у нея кризисъ тоски по родинѣ, и она собирается ѣхать домой, вся взволно-

ванная письмомъ ея несчастнаго далекаго сынишки Витосика, то американская культура, крѣпко вцѣпившись въ нее, производитъ въ ея душѣ цѣлый рядъ бореній, приковывая ее къ мѣсту разнообразными нитями удобства, комфорта, прочно установившихся потребностей. И рада была Авдотья, когда испугавшаяся было ея отъѣзду хозяйка посовѣтовала ей выписать дѣтей въ Америку, пославъ имъ шифъ-карты (параходные билеты). Я позволю себѣ выписать очень недурную сценку неудавшихся сборовъ Авдотьи, когда она перекладываетъ вещи изъ своего набитаго теперь „всякимъ бабьимъ добромъ" сундука:

Когда Авдотья дошла до дна, она вдругъ увидѣла, что и шесть лѣтъ ея американской жизни тоже нельзя оттолкнуть въ сторону, какъ объѣденную арбузную корку. Изъ сундука какъ будто вылѣзла американская Addy, Russian woman и стала бороться съ той, съ бѣлорусской бабой Авдотьей изъ Краснаго.

Подъ шкапомъ были выдвижные ящики, которые были наполнены простынями и полотенцами, ибо Авдотья постепенно стала очень чистоплотной и мѣняла бѣлье три раза въ недѣлю. На умывальникѣ въ большой жестяной коробкѣ съ тисненнымъ узоромъ лежало мыло, зубной порошокъ и щетка и даже пудра въ особыхъ коробочкахъ. Авдотья вспомнила, что въ Красномъ спятъ на лавкѣ, покрываются зипуномъ или полушубкомъ, носятъ лапти, моются безъ мыла и живутъ въ избѣ съ тараканами, и вдругъ ей стало жалко этого хорошаго и безпечнаго житья. Воротнички и полотенца какъ будто ожили и не пускали ее назадъ черезъ океанъ. Она, однако, продолжала сидѣть и перебирать свои вещи (ноябрь, стр. 85).

Очевидно, и Авдотью изъ Краснаго захватывала понемногу и захватила та сравнительная „пріятность американской жизни" (pleasantness of american life), о которой говорятъ внимательные наблюдатели въ родѣ Брайса и которая чувствуется, по ихъ словамъ, даже и низшими классами населенія. И вотъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ упомянутаго временного кризиса Авдотья гуляла уже съ своими дѣтьми въ одномъ городскомъ паркѣ:

Если бы кто-нибудь стоялъ возлѣ этой новой семьи русскихъ переселенцевъ и прислушался къ ихъ разговору, онъ могъ бы разобрать, что Авдотья учитъ дѣтей говорить по-англійски, немилосердно коверкая, искажая слова и звуки, столь непривычные для восточно-европейскаго уха (Ibid, стр. 89), —

такъ заканчиваетъ г. Танъ свою интерено задуманную и недурно выполненную повѣсть объ „Авдотьѣ и Ривкѣ", которая однако, должна не мало терять въ глазахъ читателей, знакомыхъ съ извѣстнымъ разсказомъ г. Короленко „Безъ языка". Сходство сюжета будетъ невольно вызывать сопоставленія въ умѣ читающей публики, и этотъ процессъ сравненія окажется, конечно, не къ выгодѣ г. Тана.

„Болото" г. Куприна (въ декабрьской книжкѣ „Міра Божія"), какъ видно, находится неподалеку отъ Краснаго, гдѣ когда-то

проживала американизированная Авдотья. На этомъ болотѣ стоитъ изба лѣсника Степана, куда зашли со съемки землемѣръ Жмакинъ и студентъ Сердюковъ. Самъ лѣсникъ и его жена цѣлые годы страдаютъ отъ лихорадки; а дѣти ихъ мрутъ одинъ за другимъ среди міазмовъ болота. И вотъ какіе разговоры ведутся въ этой обстановкѣ, переносящей насъ своей ничтожной культурой чуть ли не къ человѣку свайнаго періода. Студентъ разспрашиваетъ хозяевъ насчетъ житья-бытья. Въ отвѣтъ жалобы на вѣчную хворость:

— ...Всѣ мы тутъ больные. И жена, и эти вотъ, и тѣ, что на печкѣ. Всѣ. Во вторникъ третье дитя хоронили... Конечно, мѣстность у насъ сырая, это главное. Трясемся вотъ, и шабашъ!..

— Лечились бы, — сказалъ, покачавъ головой, студентъ. — Зайди какънибудь ко мнѣ, въ Сердюковку, я хины дамъ.

— Спасибо, Миколай Миколаичъ, дай вамъ Богъ здоровья. Пробовали мы лечиться, да что-то ничего не выходитъ, — безнадежно развелъ руками Степанъ. — Трое, вотъ, конечно, умерли у меня... Главная сила, мокреть здѣсь, болото, ну а духъ отъ него тяжелый, ржавый.

— Отчего же вы не переведетесь куда-нибудь въ другое мѣсто?

— Чего-съ? Да, въ другое мѣсто, вы сказываете? — опять переспросилъ Степанъ. Казалось, онъ не сразу понималъ то, что ему говорятъ и съ видимымъ усиліемъ, точно стряхивая съ себя дремоту, направлялъ на слова Сердюкова свое вниманіе.—Оно бы, баринъ, чего лучше — перевестись. Да вѣдь все равно, кому-нибудь и здѣсь жить надо. Дача, конечно, аграматная, и безъ лѣсника никакъ невозможно. Не мы — такъ другіе. До меня въ этой самой сторожкѣ жилъ лѣсникъ Галактіонъ, трезвый былъ такой человѣкъ, самостоятельный... Но, конечно, похоронилъ сначала двоихъ ребятокъ, потомъ жену, а потомъ и самъ померъ. Я такъ полагаю, Миколай Миколаичъ, что это все равно, гдѣ жить. Ужъ Батюшка, Царь небесный, Онъ лучше знаетъ, кому гдѣ надлежитъ жить и что дѣлать (декабрь, стр. 59).

Студентъ умолкаетъ передъ этой неотразимой цѣльностью почти первобытнаго міровоззрѣнія, хотя его душу охватываетъ безконечное чувство жалости къ существамъ, слившимся, словно растенія сосѣдняго болота, съ условіями подавляющей ихъ природы. И ночью, страдая отъ безсонницы и прислушиваясь къ однообразному напѣву колыбельной пѣсни, которою больная мать укачивала больного же ребенка, онъ переносился мыслью въ далекія, повидимому, и, однако, столь похожія на эту современную безкультурность времена первыхъ проблесковъ человѣческой цивилизаціи:

Казалось, что именно такъ, хотя и безъ словъ, должны были пѣть загадочные и жалкіе полулюди на зарѣ человѣческой жизни, глубоко за предѣлами исторіи. Вымирающіе, подавленные ужасами ночи и своею безпомощностью, сидѣли они голые, въ прибрежныхъ пещерахъ, у первобытнаго огня, глядѣли на таинственное пламя и, обхвативъ руками острыя колѣна, качались взадъ и впередъ подъ звуки унылаго, безконечно долгаго, воющаго мотива (Ibid., стр. 62).

И эта грустная нота проникаетъ весь короткій разсказъ

г. Куприна, который, впрочемъ, не ограничивается изображеніемъ этого почти зоологическаго быта оторванныхъ отъ настоящаго человѣческаго общенія людей, но вкладываетъ въ уста студента страстное желаніе какъ-нибудь помочь этимъ „пасынкамъ цивилизаціи“, чтобы употребить выраженіе одного извѣстнаго соціолога. Еще вечеромъ, бродя по лѣсу, экспансивный молодой человѣкъ раздражалъ горячими рѣчами своего угрюмаго товарища по съемкѣ и то развивалъ взгляды на мужика, напоминающіе „Власть земли“ Успенскаго (см. въ особенности стр. 52—53), то, признавая подавленность крестьянства, выносящаго на своихъ плечахъ всю тяжесть общественной пирамиды, звалъ на помощь ему:

Ну, да, я знаю, мужикъ бѣденъ, невѣжественъ, грязенъ... Но дайте же ему вздохнуть. У него отъ вѣчной натуги грыжа, историческая, соціальная грыжа. Накормите его, вылечите, выучите грамотѣ, а не пришибайте его вашимъ четвертымъ измѣренеімъ. Потому что я твердо увѣренъ, что пока вы не просвѣтите народа, всѣ ваши кассаціонныя рѣшенія, румбы, нотаріусы и сервитуты будутъ для него мертвымъ словомъ четвертаго измѣренія! (стр. 53).

Читатель, я увѣренъ, съ интересомъ пробѣжитъ разсказъ г. Куприна, выгодно отличающійся среди современной безъидейности и декадентскихъ фіоритуръ своимъ жизненнымъ сюжетомъ и симпатіею къ тѣмъ, для кого исторія была до сихъ поръ жестокою мачихой.

Въ область современныхъ литературныхъ вкусовъ насъ, наоборотъ, вводитъ разсказъ г. Арцыбашева „Подпрапорщикъ Гололобовъ“, напечатанный въ декабрьской же книжкѣ „Міра Божія“. Нельзя сказать, чтобы это была безыдейная вещь; но въ самомъ выборѣ фабулы и особенно въ ея разработкѣ столько декадентскихъ и, за небольшими размѣрами таланта автора, вычурныхъ, порою до смѣшного вычурныхъ пріемовъ, что врядъ-ли этотъ психологическій этюдъ, дѣйствительно, тронетъ за живое здороваго средняго читателя... Я уже вижу улыбки на устахъ нашихъ непризнанныхъ геніевъ и слышу ихъ презрительный смѣхъ, когда при оцѣнкѣ ихъ литературныхъ тонкостей аппелируешь къ чувству нормальныхъ людей. Но должны же они понять, что даже съ ихъ точки зрѣнія искренность эстетическаго ощущенія является существеннымъ элементомъ въ вопросахъ искусства; и что если они ссылаются при оцѣнкѣ неуловимыхъ красотъ своихъ произведеній на тончайшіе же вкусы нѣсколькихъ эстетовъ изъ породы сверхчеловѣковъ, то и мы можемъ ссылаться на потребности изящнаго, ощущаемыя здоровымъ человѣкомъ средняго развитія. Оставимъ, однако, этотъ споръ, который можетъ вестись обѣими сторонами неопредѣленно долго, такъ какъ каждая ведетъ его въ разной плоскости.

Содержаніе разсказа составляетъ самоубійство нѣкоего очень

ограниченнаго, повидимому, молодого человѣка изъ военныхъ, который, однако, приходитъ къ рѣшенію покончить съ жизнью путемъ соображеній, поражающихъ своею неожиданною убѣдительностью гораздо болѣе его умнаго доктора, случайно зашедшаго къ подпрапорщику не задолго до его рокового акта. Видимая заурядность самоубійцы и противорѣчащая ей извѣстная сложность обосновки такого важнаго поступка напоминаютъ читателю сходную тему въ „Разсказѣ о Сергѣѣ Петровичѣ", составляющемъ одно изъ самыхъ первыхъ и слабыхъ произведеній г. Леонида Андреева. Но, кромѣ этого вліянія, на разсказѣ г. Арцыбашева отражаются и другія вліянія въ родѣ, напр., „таинственной многозначительности жизни" во вкусѣ Метерлинка или, наоборотъ, пошлости и банальности обыкновенныхъ сторонъ человѣческаго существованія во вкусѣ Чехова.

Само по себѣ самоубійство служило предметомъ частой разработки въ литературѣ всѣхъ странъ, и прежде всего потому, что мотивы его, не смотря на нѣкоторыя попытки философской классификаціи, могутъ быть очень различны и, стало быть, даютъ эффектную заключительную ноту къ всевозможнымъ человѣческимъ страстямъ и драматическимъ положеніямъ. Но привилегія декаденства или, если хотите, символизма заключается въ томъ, что, не довольствуясь самимъ характеромъ этого, по большей части ненормальнаго акта человѣческой воли, упомянутое литературное направленіе стремится подыскать для него и самый удивительный мотивъ. Почему, напр., рѣшаетъ покончить съ собой подпрапорщикъ Гололобовъ? Потому, что подавленъ ужасомъ смерти и, зная неизбѣжность конца для всего живущаго, до такой степени измученъ ожиданіемъ этого „смертнаго приговора", произнесеннаго природой, что рѣшается броситься навстрѣчу ему и хватается за спасительное дуло револьвера.

Не спорю, что въ принципѣ можно допустить существованіе и такого самоубійцы,—вѣдь сочинилъ же его г. Арцыбашевъ,—но все же, какое литературное значеніе имѣетъ эта поистинѣ престранная психологія, и при томъ, вѣроятно, ради большаго благоудивленія читателей, приписанная повидимому очень ограниченному человѣку? Для того, чтобы окончательно, что называется, добить читателей странностью мотивовъ самоубійцы, авторъ заставляетъ своего героя не только ужасаться для всѣхъ насъ неизбѣжной смерти, но съ неменьшимъ ужасомъ относиться и къ обыкновенному представленію о загробной жизни. Вотъ отрывокъ изъ діалога между умнымъ докторомъ, который въ сущности съ декадентско-символической точки зрѣнія долженъ казаться очень глупымъ, и между глупымъ подпрапорщикомъ, въ которомъ опять-таки съ этой точки зрѣнія должна пребывать высшая мудрость (начинаетъ въ нашей выдержкѣ докторъ):

— ...Развѣ вы знаете, что загробной жизни нѣтъ?

— Я этого не могу знать, — отвѣтилъ Гололобовъ и качнулъ головой. Но это все равно.

— Какъ все равно?

— Все равно: если нѣтъ, то духъ мой исчезнетъ, а если есть какая бы то ни было, то всетаки *мой* духъ исчезнетъ, — ударяя на словѣ «мой», подтвердилъ подпрапорщикъ.—*Я* исчезну. Будетъ-ли потомъ духъ мой святымъ въ раю или грѣшникомъ въ аду, или переселится въ другое существо, — я, именно *я*, мои пороки, привычки, смѣшныя и прекрасныя особенности, мои сомнѣнія, мой умъ, моя глупость, мой опытъ и мое незнаніе, все то, что было именно подпрапорщикомъ пѣхотнаго полка, человѣкомъ Гололобовымъ, все исчезнетъ. Будетъ что угодно, но не Гололобовъ (декабрь, стр. 127).

Надо думать, что на любителей декаденства и символизма эта многозначительность индивидуальной жизни, — дабы выражаться приблизительно ихъ языкомъ,—произведетъ потрясающее впечатлѣніе: въ самомъ дѣлѣ, какъ не заняться самоубійствомъ, когда даже безсмертіе суждено вамъ во образѣ святого или грѣшника, но—увы!—не во образѣ столь интересной индивидуальности „подпрапорщика пѣхотнаго полка“? Но намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, эти декадентскіе ураганы подъ сводами Гололобовскаго черепа представляются ни больше ни меньше, какъ выраженіемъ стремленій дикаря, который тоже желаетъ продолжать и на томъ свѣтѣ свою личную жизнь въ своей индивидуальной тѣлесности и со всѣми теперешними привычками на манеръ Надовесси, воспѣтаго Шиллеромъ:

Красной краски въ руки вложимъ,
Чтобъ, натершись ей,
Онъ явился краснокожимъ
И въ странѣ тѣней!..

И, однако, эти аспираціи, достойныя первобытнаго человѣка и подкрѣпленныя уже чисто декадентскимъ аппелированіемъ къ револьверной пулѣ, привели умнаго доктора въ состояніе, близкое къ сумасшествію. А когда его ночью внезапно позвали для осмотра застрѣлившагося, по его уходѣ, подпрапорщика, то онъ сталъ думать и говорить вещи, дѣйствительно странныя, судя по тому, какъ описываетъ его ощущенія г. Арцыбашевъ. Вотъ онъ у трупа и, вдругъ вспомнивъ „все, что характеризовало живого подпрапорщика Гололобова“, нашелъ, что „все это было такъ неизмѣримо прекрасно, такъ трогательно и мило.“ Потомъ

почему-то посмотрѣлъ на лакированные сапоги, которые недавно, на живыхъ и крѣпкихъ ногахъ подпрапорщика, такъ бойко выступали по лужамъ, а теперь неподвижно, страшно неподвижно лежали на бѣломъ чистомъ одѣялѣ кровати (стр. 137).

Констатировавъ эту „страшную неподвижность“ подпрапорщицкихъ сапогъ,—умному доктору, очевидно, было бы легче, если бы сапоги обладали свободой самопроизвольнаго дви-

женія,—онъ вдругъ „и зарыдалъ, и задрожалъ". Его напоили „теплой водой съ запахомъ хлѣба и дрожжей". Затѣмъ онъ оправился и, выйдя на улицу, сталъ прощаться съ позвавшимъ его приставомъ, при чемъ нашелъ, что голосъ у него „милый и живой", а самъ „приставъ прекрасный, интересный, живой человѣкъ". Посмотрѣлъ потомъ

на свои ноги и, точно первый разъ ихъ видя, едва не засмѣялся; такими милыми и прекрасными показались ему онѣ.

«Вотъ я о нихъ вовсе не думаю, а онѣ идутъ!» — подумалъ Владиміръ Ивановичъ (стр. 139).

Повстрѣчался съ собачонкой и тоже „радостно засмѣялся", „и еще никогда въ жизни неиспытанное имъ чувство при сознаніи, что онъ и собака смотрятъ другъ на друга... нахлынуло на него."

Наконецъ, сталъ думать: „я умру, разумѣется!"

И совершенно спокойно подумавъ эту послѣднюю мысль, Владиміръ Ивановичъ вслухъ проговорилъ:

— А надо когда-нибудь поѣхать рыбу ловить съ этимъ приставомъ!

А тутъ „взошло солнце", и авторъ, послѣ всѣхъ этихъ многозначительностей, подписался: М. Арцыбашевъ.

Признаюсь, если я почему остановился нѣсколько на этомъ разсказѣ, то потому, во первыхъ, что наши отечественные Метерлинки перещеголяли западноевропейскаго вдохновителя претенціозными фразами, въ которыхъ пустякамъ приписывается значеніе шекспировскихъ откровеній, а еще потому, что авторъ „Подпрапорщика Гололобова", не смотря на свою вычурную манеру, обладаетъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторымъ дарованіемъ и, если будетъ наблюдать жизнь и людей, оставивъ въ покоѣ навѣянныя и вычитанныя многозначительности, то дастъ читателямъ нѣчто болѣе интересное, чѣмъ всѣ эти „милые пристава" „чужіе сапоги" и „свои ноги", и „славныя собаки".

Съ „Глафириной тайной" г. Альбова, еще не конченной въ январьской и февральской книжкахъ „Міра Божія", мы переходимъ въ обыкновенный міръ, въ міръ облюбованныхъ г. Альбовымъ по преимуществу маленькихъ людей съ маленькими, но тѣмъ не менѣе существенными для нихъ интересами, радостями и горестями. Я жду конца, который, судя по завязкѣ, долженъ требовать не малаго искусства со стороны автора, и, признаться, нѣсколько боюсь за этотъ конецъ; во всякомъ случаѣ, повѣсть г. Альбова является пока удачной попыткой изобразить трагическое или, если хотите, траги-комическое, но вполнѣ возможное происшествіе, перевертывающее кверху дномъ обычное теченіе жизни двухъ семей маленькихъ людей. Я не хочу преувеличить

силу таланта г. Альбова, его надо, какъ бы то ни было, брать цѣликомъ, съ его недостатками, но и съ его небольшими, но дѣйствительными достоинствами, главное изъ которыхъ умѣнье живо рисовать то, что онъ видитъ предъ собой.

И на этотъ разъ авторъ не отрѣшился отъ своего „спиритуалистическаго направленія", какъ я назвалъ по поводу повѣсти „Сирота" его пристрастіе къ изображенію выпивокъ въ жизни сѣрыхъ русскихъ людей. Въ „Глафириной тайнѣ" онъ сдѣлалъ даже изъ алкоголя нѣчто вродѣ капризнаго божества, завязывающаго узелъ бѣдствія: въ этомъ узловомъ пунктѣ пересѣкаются подъ вліяніемъ коньяка и прочихъ питій орбиты двухъ совершенно самостоятельныхъ и крайне далекихъ одна отъ другой жизней. Судите сами. Нѣкій бухгалтеръ, служащій въ коммерческомъ обществѣ и бывшій все время, до завязки повѣсти, добродѣтельнымъ супругомъ и нѣжнымъ отцомъ, какъ-то послѣ получки жалованья вздумалъ кутнуть, а кутнувъ, рѣшилъ погулять по ночному Питеру и очутился на берегу канала. Это съ одной стороны. Съ другой стороны, въ этотъ каналъ, какъ разъ въ это время, бросилась, чтобъ утопиться, одна перезрѣлая и некрасивая дѣввца, старшая дочь хозяйки небольшой табачной лавочки,—бросилась подъ вліяніемъ унылой тягости своего неудачнаго существованія и недостаточнаго отзвука на эти страданія со стороны матери и младшей сестры. Добродѣтельный бухгалтеръ рѣшается вытащенную дѣвицу просушить и отвезти домой; но, завезя въ гостиницу, спаиваетъ, по добротѣ душевной, эту несчастную, трясущуюся въ лихорадкѣ, неудачницу, а свой хмѣль доводитъ почти до полной потери сознанія. Въ результатѣ—одна изъ такихъ сценъ, которыя, если вѣрить Шопенгауэру, „геній рода" съ отмѣннымъ злорадствомъ устраиваетъ между злополучными смертными, держащимися за иллюзіи личнаго существованія, вмѣсто того, чтобы откровенно совершить роковое сальтомортале въ Нирвану.

На слѣдующее отвратительное дождливое утро добродѣтельный бухгалтеръ просыпается съ невыносимой головной болью и сознаніемъ, что онъ совершилъ во всѣхъ смыслахъ нѣчто ужасное; крадучись, онъ убѣгаетъ отъ Глафиры — имя героини — и, какъ вихръ, устремляется домой, гдѣ его ждетъ начавшая разрѣшаться отъ бремени нѣжно любимая супруга. Глафира же, поднявшись послѣ исчезнувшаго спутника и смутно припоминая, что въ ея жизни случилось что-то, вмѣщающее въ себѣ и высшую мѣру человѣческихъ радостей, и высшую мѣру человѣческихъ горестей, пріѣзжаетъ домой окончательно больная и сваливается на постель въ припадкѣ жесточайшей тифозной горячки. И вотъ въ жизни этихъ до смѣшного случайно встрѣтившихся существъ оказывается общая полоса, по крайней мѣрѣ, общій пунктъ, который пересѣкли ихъ двѣ столь различныя доли.

И добродѣтельный бухгалтеръ, каясь въ своемъ великомъ грѣхѣ пріятелю, думаетъ крѣпкую думу о Глафирѣ, какъ бы узнать, что дѣлается съ ней, какъ бы помочь ей. И такую же думу думаетъ о своемъ промелькнувшемъ, какъ метеоръ, ночномъ спутникѣ, выздоравливающая Глафира, твердо увѣренная въ томъ, что придетъ онъ, этотъ невѣдомый человѣкъ, сыгравшій такую громадную роль въ ея сѣрой безпросвѣтной жизни, и что снова увидитъ она того, чей образъ она никакъ не въ состояніи вызвать въ цѣломъ, лихорадочно цѣпляясь лишь за его отдѣльныя черты: черныя волосы, черную бороду, пламенные черные глаза... На этомъ пока кончается „Глафирина тайна".

Не смотря на щекотливость сюжета, авторъ сумѣлъ до сихъ поръ избѣжать ненужнаго цинизма. И свѣжій человѣкъ будетъ читать эту повѣсть съ чувствомъ искренней симпатіи ко всѣмъ этимъ сѣрымъ зауряднымъ людямъ, въ жизни которыхъ такъ мало радостей, такъ много горестей, и самый трагизмъ горестей разведенъ въ мутной пошлости существованія.

Гораздо болѣе широкій общественный интересъ,—по крайней мѣрѣ, по замыслу,—представляютъ начавшіеся печататься съ февральской книжки „Міра Божія" отрывки изъ повѣсти въ письмахъ г-жи М. Крестовской „Женская жизнь". Начало ея было напечатано въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ" за 1895 г.; а сами эти отрывки являются, какъ замѣчаетъ въ предисловіи къ нимъ редакція, „болѣе или менѣе законченными эпизодами изъ обширнаго произведенія на исторической подкладкѣ, приготовляемаго авторомъ къ печати". Общее заглавіе отрывковъ „Изъ эпохи 60-хъ годовъ"; и если г-жа Крестовская справится надлежащимъ образомъ съ поставленной себѣ задачей, то у насъ будетъ крайне любопытный полуисторическій, если можно такъ выразиться, романъ изъ періода, который еще не окончательно отошелъ въ исторію, а связанъ съ нами нитями многихъ поставленныхъ тогда, но до сихъ поръ нерѣшенныхъ вопросовъ. Все дѣло лишь въ томъ, въ какой степени эта обширная задача по плечу автору; лично насъ беретъ сомнѣніе за г-жу Крестовскую. Обиднаго въ этомъ сомнѣніи для нея ничего нѣтъ: какихъ бы взглядовъ ни держаться на размѣры ея таланта, до сихъ поръ г-жѣ Крестовской наиболѣе удавалась личная психологія героевъ, да и то по преимуществу въ узкой сферѣ любви и вытекающихъ отсюда отношеній. Между тѣмъ, именно „эпоха 60-хъ годовъ" представляетъ собою время, столь наполненное крупными общественными событіями, что на одной личной психологіи героевъ тутъ далеко не уѣдешь. Мало помогутъ дѣлу и случайныя экскурсіи въ область общественно-политической жизни по поводу, скажемъ, личныхъ приключеній или чувствованій дѣйствующихъ лицъ.

Только постоянное,—внутреннее, конечно, а не внѣшнее, механическое проникновеніе романа коллективной психологіи различныхъ общественныхъ слоевъ и отраженіе этой психологіи на личномъ мірѣ героевъ въ состояніи дать читателямъ дѣйствительно интересное „обширное произведеніе на исторической подкладкѣ". Сумѣетъ ли авторъ,—выражаясь фигурально, тонкимъ ножомъ психологическаго анализа сдѣлать надлежащія просѣки, открыть широкія перспективы въ могучемъ лѣсу многочисленныхъ и крупныхъ событій, изъ которыхъ слагалась „эпоха 60-хъ годовъ"?

Г-жа Крестовская, впрочемъ, сама чувствовала, повидимому, несоотвѣтствіе избранной ею темы и характера своего литературнаго таланта. Прежде всего она остановилась на эпистолярной формѣ романа. Существуетъ, начиная съ древности, не мало романовъ, построенныхъ на фикціи переписки. Но, несомнѣнно, то не лучшіе романы. И если вы даже возьмете нѣсколько эпистолярныхъ романовъ, произведшихъ сильное впечатлѣніе на читающую публику, то они вращаются исключительно въ сферѣ чувствованій, аффектовъ, вопросовъ нравственности и страсти: припомните „Клариссу Горло" Ричардсона, „Новую Элоизу" Руссо, „Дельфину" г-жи Сталь или даже знаменитаго „Вертера" Гёте. Общественно-историческій романъ, требующій большей объективности, не особенно удачно укладывается въ рамки переписки, по самому характеру подчеркивающей личную сторону дѣйствующихъ лицъ; и выборъ именно этой формы г-жею Крестовской уже показываетъ, что центръ тяжести ея „обширнаго произведенія на исторической подкладкѣ" будетъ лежать въ психологіи героевъ.

Не менѣе знаменательно, что, остановившись на формѣ переписки, г-жа Крестовская заставляетъ, кромѣ того, переписываться женщинъ: „обыкновенную, хорошую русскую женщину" съ „горячо ею любимой двоюродной сестрой". Дѣйствительно, въ „эпоху 60-хъ годовъ" было немало и женщинъ, увлеченныхъ великимъ движеніемъ умовъ, но все же главную роль играли въ немъ мужчины. У насъ есть поэтому новое основаніе предполагать, что г-жа Крестовская предпочитаетъ остаться въ сферѣ анализа женскихъ чувствованій, какъ менѣе непосредственно отражавшихъ общественную жизнь бурнаго періода. Замѣтимъ кстати, что, не предрѣшая вопроса о степени умѣнья, съ какимъ авторъ разрѣшитъ свою трудную литературную задачу, мы можемъ уже въ самомъ началѣ отрывковъ констатировать тяготѣніе г-жи Крестовской къ психологіи чисто-женскихъ чувствованій. Изображая довольно живо впечатлѣніе, произведенное освобожденіемъ крестьянъ на современниковъ среди интеллигенціи различныхъ лагерей, дворянскаго сословія и самого народа, авторъ посвятилъ уже сплошь полъ листа анализу первой размолвки „хоро-

шей русской женщины" съ своимъ горячо любимымъ мужемъ. И при этомъ интересна сама почва размолвки: мужъ до такой степени поглощенъ изданіемъ журнала, что жена начинаетъ считать свою личную жизнь крайне неполною и упрекаетъ,—любя, правда, но все же упрекаетъ,—своего Владиміра въ томъ, что онъ черезчуръ пренебрегаетъ семейными радостями ради общественнаго дѣла. Можетъ-ли сквозь призму такого узко-женскаго настроенія отразиться въ достаточно чистомъ видѣ тогдашняя, шумная и исполненная и радостныхъ, и горестныхъ событій жизнь?

Въ томъ пока немногомъ, что далъ намъ авторъ, есть и недурныя страницы; но общее впечатлѣніе таково, что г-жа Крестовская нѣсколько мелко зачерпываетъ содержаніе изображаемой ею эпохи. Такъ, ею не безъ умѣнья схвачены различные оттѣнки настроенія, вызваннаго 19-мъ февраля въ самихъ же крестьянахъ, начиная отъ искренней радости молодыхъ и чуткихъ лицъ изъ крѣпостного сословія вплоть до озлобленнаго брюзжанья старыхъ дворовыхъ, зараженныхъ до мозга костей продолжительнымъ рабствомъ. Нѣкоторые разсказы бывшихъ крѣпостныхъ объ утонченномъ истязательствѣ развращенныхъ своею неограниченною властью господъ порою проникнуты сильнымъ, почти отвратительнымъ реализмомъ (см. на стр. 32—34 разсказъ о помѣщикѣ, который приказывалъ прикручивать къ дереву и обмазывать медомъ для привлеченія мухъ и пчелъ—пятки дворовыхъ дѣвокъ, отказавшихся чесать его собственныя). Съ другой стороны, и различное отношеніе къ реформѣ среди привилегированнаго сословія схвачено г-жею Крестовскою довольно живо, начиная съ дворянъ, которые со слезами восторга привѣтствовали загоравшуюся зарю новой жизни для народа, и кончая неумолимыми крѣпостниками, въ родѣ „бабушки" героини, которая вела себя хуже, чѣмъ Некрасовскій „Послѣдышъ" (вдохновившій здѣсь, повидимому, г-жу Крестовскую).

Но какъ только рѣчь заходитъ о болѣе сложныхъ отношеніяхъ, комбинація которыхъ придала такой трагическій конецъ движенію 60-хъ годовъ, такъ сейчасъ же авторъ начинаетъ выражаться неясно. Авторъ, напр., недурно очерчиваетъ психологію либеральныхъ лоялистовъ, которые въ порывѣ энтузіазма полагали, что теперь все дѣло только въ томъ, чтобы идти безостановочно все дальше и дальше, слѣдуя за прогрессивною властью:

> Сознаніе этой потребности, значитъ, назрѣло во всемъ обществѣ, а правительство, или вѣрнѣе государь, который не только не отстаетъ отъ общества, но идетъ даже впереди его, сознаетъ это не менѣе ясно, чѣмъ мы, а вѣдь въ этомъ вся сила (стр. 30).

За то г-жа Крестовская лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ характеризуетъ тотъ послѣдующій, скоро наступившій періодъ, когда это сотрудничество власти и общества кончилось,

и кончилось, повторяю, самымъ трагическимъ и печальнымъ образомъ. Говоря объ арестѣ молодого студента, Петра, сына ея любимаго дяди, гуманнаго, высоко образованнаго Семена, героиня такъ изливается своей подругѣ въ письмѣ:

Развѣ со временемъ съ ними (ея дѣтьми) не можетъ случиться того же, что случилось теперь съ Петромъ, или что-нибудь другое, такое же ужасное! Развѣ молодость, всегда пылкая и мятежная уже въ самихъ инстинктахъ своихъ, не будетъ проявляться и въ нихъ тѣми же вспышками роковыхъ увлеченій, борьбы и ошибокъ? Пусть все это будетъ только заблужденіями, хотя бы и такъ, но развѣ это спасетъ ихъ отъ чего-нибудь? Развѣ жизнь поневолѣ уже сама собою не столкнетъ ихъ со всѣмъ этимъ? Развѣ не захотятъ и они въ свой чередъ бороться потомъ за то, что будетъ казаться имъ тогда истиной и долгомъ ихъ, и, стремясь къ подвигамъ и жертвамъ, также безпощадно гибнуть? (стр. 63).

Сердцу матери дѣтей, которыя когда-нибудь подростутъ и будутъ тоже пытаться принимать участіе въ исторической жизни страны, дозволительно, разумѣется, брать эти вопросы лишь съ аффективной точки зрѣнія. Но отъ автора „обширнаго произведенія на исторической подкладкѣ“ ждешь болѣе серьезнаго отвѣта на вопросъ, въ чемъ лежала причина скоро наступившаго похмѣлья послѣ кратковременныхъ именинъ сердца на рубежѣ 50-хъ и 60-хъ годовъ.

Мы исчерпаемъ содержаніе беллетристическаго отдѣла „Міра Божія“ за полгода, если прибавимъ къ уже разсмотрѣннымъ нами вещамъ разсказъ г-жи Хинъ „Феноменъ“, помѣщенный въ январьской книжкѣ журнала. Это—не дурно, хотя и поверхностно разсказанная исторія скитаній по Питеру одной бѣдной еврейки, которая ищетъ протекціи для своего не по лѣтамъ прекрасно поющаго маленькаго сына и встрѣчаетъ самый возмутительный пріемъ какъ разъ среди своихъ соотечественниковъ, но соотечественниковъ, принадлежащихъ къ той кастѣ милліонеровъ - ренегатовъ, что, зажмуривая глаза отъ восхищенія, цѣлуетъ бьющую ее руку, поддѣлывается къ презирающей ее русской аристократіи, но за то вымещаетъ это презрѣніе на громадномъ трудящемся большинствѣ своего же злополучнаго народа.

Что касается до статей научнаго отдѣла, то, кромѣ уже указаннаго мною этюда г. Н. Котляревскаго о Гоголѣ, я обращу вниманіе читателей на продолженіе „Очерковъ по исторіи русской культуры“ г. П. Милюкова (ноябрь) и на начало „Обзора русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія“ г. Н. Рожкова (февраль). Въ своихъ очеркахъ, становящихся все болѣе интересными по мѣрѣ того, какъ мы придвигаемся къ современности, г. Милюковъ изображаетъ на сей разъ отраженіе въ русскомъ обществѣ того процесса революціонизированія политической мы-

сли, который шелъ во Франціи все ускоряющимся темпомъ накануне великаго переворота. Историкъ прослѣживаетъ вліяніе заграничныхъ передовыхъ идей на различные слои нашего общества и прежде всего на представителей интеллигентнаго меньшинства. Въ удачной параллели съ этимъ идейнымъ воздѣйствіемъ болѣе культурнаго запада на отсталый Востокъ г. Милюковъ разсматриваетъ усиленіе реакціонныхъ элементовъ въ правительствѣ Екатерины II какъ разъ подъ вліяніемъ великаго французскаго движенія.

Онъ останавливается на гоненіяхъ, направленныхъ властями, становившимися все болѣе и болѣе подозрительными, противъ передовыхъ людей этого времени, по прискорбной ироніи судьбы считавшихъ себя все еще выразителями прогрессивныхъ взглядовъ „сѣверной Семирамиды“ и полагавшихъ, что трагическій процессъ разрыва между правительствомъ и общественнымъ самосознаніемъ покоился лишь на „недоразумѣніи“. Стоитъ, молъ, разсѣять это недоразумѣніе, и разсѣять именно идейнымъ общеніемъ съ императрицей помимо всякаго „средостѣнія“, и надъ Россіей снова заблещетъ солнце правды и гражданственности не только съ попущенія, но съ одобренія великой женщины на тронѣ. Эти иллюзіи, не считавшіяся съ суровой дѣйствительностью, раздѣлялись въ большей или меньшей степени представителями тогдашней интеллигенціи, начиная отъ самыхъ умѣренныхъ по взглядамъ и кончая тѣми, которыхъ подозрительная реакція заклеймила страшнымъ по тѣмъ временамъ именемъ „якобинцевъ“. Такъ, если съ одной стороны очень благонамѣренный Кутузовъ писалъ Радищеву:

Ежели наша монархиня могла видѣть все то, что опредѣленные ею дѣлаютъ, вострепетало бы ея нѣжное человѣколюбивое сердце; гнѣвъ ея, справедливый гнѣвъ, постигъ бы сихъ нечеловѣковъ, злоупотребляющихъ ея довѣренностью. Я всегда скажу, безъ всякаго лицемѣрія: не монархиня причиною нашего притѣсненія, но одовѣренные частицею ея власти. Скажу и то, что *частію мы сами причиною сего.* Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ. *Для чего не прибѣгаемъ къ самой ней* и не стараемся пробиться сквозь лицемѣріе, ласкательство и ложь, окружающія ея престолъ (стр. 296—297),

если, говоримъ мы, благонамѣренный Кутузовъ ставилъ основною задачею русской интеллигенціи „пробиться къ самой ней“, то гораздо болѣе радикальный Радищевъ выполнялъ практически эту задачу, добиваясь, чтобы его „Путешествіе“ было прочитано императрицей. Увы! желаніе его исполнилось: Екатерина, дѣйствительно, прочла книгу, но положила вотъ какую резолюцію авторитетнаго критика: „скажите сочинителю, что я читала его книгу отъ доски до доски и, прочтя, усомнилась, не сдѣлано ли ему мною какой обиды“. Она нашла, что книга исполнена „криминальнаго намѣренія“, что это намѣреніе „на всякомъ листѣ видно, сочинитель наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ, ищетъ всячески и защищаетъ все возможное къ умале-

нію почтенія къ власти и властямъ, къ приведенію народа въ негодованіе противъ начальниковъ и начальства“ (стр. 304).

Укажу читателямъ еще на одну интересную сторону послѣдней главы въ „Очеркахъ“ г. Милюкова: это безподобное по своей спокойной ироніи изображеніе міровоззрѣнія первыхъ русскихъ націоналистовъ, если можно назвать такъ людей, переносившихъ въ жизнь разглагольствованія положительныхъ типовъ русской комедіи, а именно добродѣтельныхъ резонеровъ, „прямыхъ русаковъ“. Ихъ характерная черта состоитъ въ томъ, что, поверхностно ознакомясь съ Европой, они думаютъ поразить ее критикой изъ европейскихъ же книжекъ; и забывая, что уже самый фактъ существованія такихъ книжекъ указываетъ на сильную работу тамъ критической мысли, выводятъ, наоборотъ, отсюда то заключеніе, что, значитъ, и въ просвѣщенныхъ странахъ не лучше а, пожалуй, еще хуже, чѣмъ у насъ, а, стало быть, Россія первая страна въ мірѣ и намъ нечего трудиться надъ устраненіемъ печальныхъ особенностей ея отсталой эволюціи. Г. Милюковъ такъ изображаетъ настроеніе этихъ строгихъ критиковъ, видящихъ въ глазу сосѣда соломенку, а въ своемъ не замѣчающихъ бревна:

Впечатлѣнія, какихъ ожидаетъ русскій резонеръ отъ заграничнаго путешествія, заранѣе опредѣляются и предрѣшаются тѣмъ скептическимъ отношеніемъ къ европейской жизни, примѣръ котораго мы уже видѣли. Русскій туристъ этого типа—себѣ на умѣ; его не проведешь. Онъ твердо помнитъ ту аксіому, что «глупость есть своя у каждаго народа»; и очутясь за границей, онъ будетъ искать тамъ, прежде всего, не ума, а этой самой «глупости», этой оборотной медали европейской жизни (стр. 321).

Словомъ, точно читаешь, на разстояніи болѣе, чѣмъ сто лѣтъ, разсужденія г. Величко или кого-нибудь изъ перевертней патріотическаго „Новаго Времени“. Г. Милюковъ замѣчаетъ по этому поводу, что разсужденія резонеровъ русской комедіи сильно отличались этой огульной критикой всей западной цивилизаціи отъ взглядовъ представителей нашей передовой интеллигенціи, но за то находили отзвукъ въ

той замѣчательной по количеству общественной средѣ, къ которой обращалась театральная пьеса. Эта среда была, какъ мы видѣли, несравненно доступнѣе для распространенія націоналистическихъ тенденцій, чѣмъ новѣйшихъ идей, философскихъ и политическихъ (стр. 322).

Интересно, что лишь впослѣдствіи, въ слѣдующемъ вѣкѣ націонализмъ выработалъ свою теорію,—надо ли прибавлять, что опять-таки подъ вліяніемъ Запада, у котораго наши націоналистическіе мыслители заимствовали „метафизическую идею абсолютнаго народнаго духа“. Съ этимъ процессомъ выработки націоналистической доктрины и познакомитъ насъ, надѣемся, въ дальнѣйшихъ „Очеркахъ“ г. Милюковъ, который, впрочемъ, уже

вскрылъ однажды всю внутреннюю пустоту русскаго націонализма, особенно въ его послѣднихъ представителяхъ (см. его книгу „Изъ исторіи русской интеллигенціи").

Было бы еще рано судить объ „Обзорѣ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія" г. Рожкова: пока авторъ не далъ даже и полнаго печатнаго листа, напечатавъ въ февральской книжкѣ „Міра Божія" лишь введеніе и первую главу части первой, которая по плану автора должна заключать исторію Кіевской Руси съ VI-го до конца XII-го вѣка. Весь же „обзоръ" будетъ распадаться на пять періодовъ: кіевскій – уже начатый — періодъ; удѣльный, до половины XVI-го столѣтія; московскій, до конца XVII-го вѣка; „новый крѣпостной періодъ", до второй половины XIX-го вѣка; и, наконецъ, „новый пореформенный", еще „продолжающійся до сихъ поръ".

Какъ выполнитъ свою задачу г. Рожковъ, увидимъ. Но уже и теперь мы можемъ безъ особой ошибки предположить, что г. авторъ будетъ въ своемъ „Обзорѣ" дѣлать то, что онъ дѣлалъ въ своихъ статьяхъ „Городъ и деревня" и прочихъ трудахъ, а именно „исходить въ своемъ изложеніи изъ экономическихъ явленій, какъ основныхъ, и изъ нихъ объяснять явленія соціальныя и политическія". Я боюсь даже, что терминъ „соціологическая точка зрѣнія" будетъ въ представленіи автора почти всегда покрываться, какъ синонимомъ, „экономической точкой зрѣнія". На это уже имѣются нѣкоторыя указанія въ самомъ введеніи. Г. Рожковъ считаетъ „простымъ проявленіемъ научной робости" ту „теорію взаимодѣйствія", которая не рѣшается придавать такое исключительное значеніе одному какому-нибудь соціологическому фактору, каковое придается хотя бы экономикѣ нашими „учениками" („настоящими" или „ненастоящими", трудно рѣшить по нынѣшнимъ кашеобразнымъ временамъ). Г. Рожковъ, вѣроятно, возвысится надъ этой „научной робостью" и будетъ храбръ. Онъ уже и теперь настаиваетъ на „необходимости основного понятія, изъ котораго объяснялись бы всѣ явленія общественной жизни" и заканчиваетъ эти общія соображенія такъ:

Вопросъ заключается, слѣдовательно, не въ томъ, слѣдуетъ ли въ соціологіи гипостазировать какой-либо элементъ, а въ томъ, какой именно элементъ долженъ быть положенъ въ основу соціологическихъ построеній. Мы не преминемъ обратить надлежащее вниманіе на этотъ капитальный вопросъ (стр. 70).

Отложимъ и мы обсужденіе „точки зрѣнія" г. Рожкова до того времени, когда авторъ „обратитъ надлежащее вниманіе на этотъ капитальный вопросъ". Пока лишь замѣтимъ, что употребленіе слова „гипостазировать" чревато очень большими недоразумѣніями, особенно когда выше авторъ говоритъ о томъ, что,

молъ, и „въ физикѣ гипостазируется движеніе“. Въ свое время это уже было замѣчено г. Бельтову, который писалъ, впрочемъ, въ „не критическій“ еще періодъ русскаго марксизма и потому такихъ философическихъ жупеловъ, какъ „гипостазировать“, не употреблялъ...

Меня, впрочемъ, беретъ общее раздумье за нашихъ учениковъ. Не придутъ-ли они слишкомъ поздно съ доказательствами истинности „экономической“ теоріи, въ то время, какъ на всемъ Западѣ треплется и комментируется на всевозможные лады заявленіе ортодоксальнаго, казалось бы, марксистскаго органа „Die Neue Zeit“ насчетъ того, что, молъ, и самые вѣрные послѣдователи Маркса отказались теперь отъ многихъ даже немаловажныхъ пунктовъ своего міровоззрѣнія и отказались бы еще отъ большаго числа ихъ, не заведись безплодной и чисто-буржуазной критики, направленной противъ активнаго характера марксовскаго ученія.

А вѣдь въ этотъ разрядъ, кстати сказать, входятъ творенія именно тѣхъ „критиковъ“ и „идеалистовъ“ въ новгородцевскомъ стилѣ, которыхъ нынѣ осѣнила столь широкимъ жестомъ благословляющая десница г. А. Б. въ „Критическихъ замѣткахъ“ той-же февральской книжки журнала „Міръ Божій“, гдѣ помѣщена статья и г. Рожкова.

В. Г. Подарскій.

Хроника внутренней жизни.

I. Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1903 годъ.— II. Изъ засѣданій губернскихъ комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства.— III. Всеподданнѣйшій рапортъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ т. с. Зиновьева о ревизіи петербургскаго городского самоуправленія.—IV. Правительственныя сообщенія и распоряженія. — Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I.

За послѣднее время вопросъ о возможномъ характерѣ государственной дѣятельности въ ближайшемъ будущемъ получилъ въ нашей жизни особенно большое значеніе, особенно жгучій интересъ. На страницахъ хроники „Р. Богатства“ намъ приходилось уже отчасти отмѣчать тѣ пожеланія, какія высказывались на этотъ счетъ представителями болѣе или менѣе широкихъ круговъ русскаго общества въ уѣздныхъ комитетахъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельскаго хозяйства и въ земскихъ собраніяхъ минувшаго года. Въ настоящемъ мѣсяцѣ намъ предстоитъ побесѣдовать съ читателемъ о нѣсколькихъ заявленіяхъ, исходящихъ отъ правительства и касающихся того же самаго вопроса. Первое мѣсто въ ихъ ряду занимаютъ по своей важности общая роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1903 годъ и опубликованный вмѣстѣ съ нею всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ. На этихъ документахъ мы прежде всего и остановимся.

Общія цифры государственной росписи на текущій годъ свидѣтельствуютъ о продолжающемся возрастаніи доходовъ и расходовъ государства. Обыкновенныхъ доходовъ предположено къ поступленію въ 1903 г. 1.897.032.678 р., т. е., на 96,2 милліона рублей болѣе противъ смѣты прошлаго года. Съ другой стороны, обыкновенные расходы на текущій годъ исчислены росписью въ суммѣ 1.880.405.229 р., превышающей цифру обыкновенныхъ расходовъ прошлаго года на 104,4 милліона рублей. Такимъ образомъ, обыкновенный бюджетъ настоящаго года, по разсчетамъ росписи, долженъ быть сведенъ съ избыткомъ доходовъ надъ расходами въ суммѣ 16.628.449 р. Что касается итоговъ чрезвычайнаго бюджета, то они представляются въ иномъ видѣ. Сумма чрезвычайныхъ доходовъ, намѣченныхъ росписью къ поступленію въ текущемъ году, достигаетъ 2.500.000 р., превосходя соотвѣтствующую цифру прошлогодней смѣты на 700,000 р. Чрезвычайныхъ же расходовъ въ 1903 г. предположено на сумму 191.262.243 р., превышающую цифру такихъ же расходовъ про-

шлаго года на 20,6 мил. р. Если вычесть изъ названной суммы чрезвычайныхъ расходовъ текущаго года ожидаемые чрезвычайные доходы и излишки обыкновеннаго бюджета, то останется еще дефицитъ въ 172.134.794 р., который предполагается покрыть изъ свободной наличности государственнаго казначейства. Каково происхожденіе этой свободной наличности, мы увидимъ ниже. Пока же разсмотримъ нѣсколько подробнѣе только что отмѣченный фактъ возрастанія государственнаго бюджета.

Какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, общая сумма расходовъ государства въ текущемъ году должна достигнуть 2,071 милліона рублей, превысивъ цифру расходовъ прошлаго года на 126 милліоновъ рублей. Еще въ 1893 г. смѣтныя предположенія росписи не шли далѣе 1,040 милліоновъ рублей. Такимъ образомъ, всего за десять лѣтъ государственный бюджетъ возросъ на громадную сумму милліарда рублей. Отмѣчая этотъ фактъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, министръ финансовъ совершенно правильно объясняетъ такой колоссальный ростъ бюджета по преимуществу расширеніемъ сферы казеннаго хозяйства, выразившимся въ увеличеніи казенной желѣзнодорожной сѣти и во введеніи казенной продажи питей. „Тѣмъ не менѣе,—прибавляетъ авторъ доклада,—быстрое возвышеніе суммы бюджета свидѣтельствуетъ о весьма значительно возросшемъ удовлетвореніи государственныхъ потребностей, а постоянное, не смотря на это, превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами указываетъ на соотвѣтственное увеличеніе государственныхъ средствъ". Изъ года въ годъ совершающійся приростъ бюджета, несомнѣнно, говоритъ и о возростающемъ удовлетвореніи потребностей государства. Но, констатируя это обстоятельство, нельзя, конечно, считать безразличнымъ вопросъ о томъ, на какія именно потребности государства приходится главная доля такого роста, и какія изъ нихъ остаются сравнительно на второмъ планѣ.

До извѣстной степени отвѣтъ на этотъ вопросъ по отношенію къ текущему году можетъ быть найденъ путемъ сравненія цифръ его росписи съ росписью предшествовавшаго года. Обыкновенные расходы, исчисленные на 1903 годъ, какъ мы видѣли, превосходятъ такіе же расходы 1902 года на 104,4 милліона рубл. Но этотъ, самъ по себѣ весьма значительный, приростъ расходовъ далеко не равномѣрно распредѣляется между отдѣльными статьями бюджета. По одной изъ нихъ, именно по смѣтѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, въ росписи текущаго года наблюдается даже уменьшеніе расходовъ, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, на 125 тысячъ рублей. По всѣмъ же другимъ статьямъ бюджета въ настоящемъ году произошло увеличеніе расходовъ, по смѣтамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, выразившееся въ слѣдующихъ цифрахъ:

		Въ тысяч. рубл.
По смѣтѣ министерства финансовъ	на	34.212
» » » путей сообщенія	»	22.922
» » » морского	»	17.312
» » » военнаго	»	7.285
» » » внутреннихъ дѣлъ	»	6.530
» » » земледѣлія и госуд. имущ.	»	5.842
» » платежей по государственнымъ займамъ	»	4.507
» » министерства народнаго просвѣщенія	»	2.591
» » » юстиціи	»	1.992
» » вѣдомства государственнаго контроля	»	744
» » » синода	»	434
» » высшихъ государственныхъ учрежденій	»	130
» » министерства двора	»	93
» » вѣдомства государственнаго коннозаводства	»	23
Всего на		104.617

Итакъ болѣе половины (54,6%) прироста обыкновенныхъ расходовъ въ текущемъ году поглощается увеличеніемъ смѣтъ двухъ министерствъ, — финансовъ и путей сообщенія. Затѣмъ около четвертой доли (23,5%) этого прироста приходится на расширеніе смѣтъ морского и военнаго министерствъ. Въ общемъ увеличеніе расходовъ по смѣтамъ четырехъ названныхъ министерствъ и платежей по государственнымъ займамъ составляетъ 82,4% всего прироста расходной смѣты, тогда какъ еще въ прошломъ году расширеніе указанной группы расходовъ составляло лишь немногимъ болѣе 81% такого прироста. Послѣ указанной группы расходовъ первое мѣсто занимаетъ по размѣрамъ своего увеличенія смѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, на долю которой выпадаетъ 6,3% всего прироста обыкновенныхъ расходовъ текущаго года. Изъ шести съ половиною милліоновъ, на которые увеличена эта смѣта, полмилліона ассигновано на центральную администрацію и пять милліоновъ—на администрацію мѣстную. Такое значительное расширеніе расходовъ на административныя учрежденія министерства внутреннихъ дѣлъ стоитъ, можно думать, въ непосредственной связи съ производящимся увеличеніемъ штатовъ городской полиціи. Въ скоромъ времени нужно ожидать и новаго увеличенія расходовъ по министерству внутреннихъ дѣлъ, такъ какъ, по сообщеніямъ газетъ, въ немъ выработанъ проектъ усиленія сельской полиціи 35.000 стражниковъ, который для своего осуществленія потребуетъ 9.722.000 р. Если подсчитать все предположенное уже росписью на 1903 г. увеличеніе расходовъ на администрацію и судъ, включая въ эту рубрику смѣты министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, вѣдомства государственнаго контроля и высшихъ государственныхъ учрежденій, то окажется, что на указанную группу издержекъ приходится десятая доля всего прироста обыкновенныхъ расходовъ государства. Увеличеніе же всѣхъ остальныхъ расходовъ, вмѣстѣ взятыхъ, составляетъ лишь 7,6% прироста расходной

смѣты. При такихъ условіяхъ, очевидно, нѣтъ мѣста для особенно быстраго прогресса въ удовлетвореніи культурныхъ потребностей страны средствами государственнаго хозяйства, и проявленій подобнаго прогресса, дѣйствительно, незамѣтно въ данныхъ росписи за текущій годъ. Въ частности, все назначаемое ею увеличеніе смѣты министерства народнаго просвѣщенія достигаетъ лишь 2,5% общаго прироста обыкновенныхъ расходовъ. По отношенію къ названной смѣтѣ возможно даже констатировать извѣстное ослабленіе въ темпѣ роста расходовъ. Въ 1902 г. смѣта министерства народнаго просвѣщенія была увеличена на $3^1/_2$ милліона рублей. Въ росписи 1903 года она вновь увеличивается, но всего только на $2^1/_2$ милліона рублей, и такимъ образомъ даже тотъ, по существу весьма еще незначительный, размѣръ роста затратъ на народное образованіе, какимъ былъ ознаменованъ годъ министерства П. С. Ванновскаго, не удержанъ въ настоящемъ году.

Сдѣланныя до сихъ поръ замѣчанія позволяютъ заключить, что главную долю прироста государственныхъ расходовъ въ текущемъ году поглощаютъ тѣ самыя нужды и потребности, на которыя и въ теченіе ряда предшествовавшихъ лѣтъ государствомъ производились наибольшія затраты. Установивъ этотъ фактъ, мы должны уже ожидать, что и общее распредѣленіе расходовъ въ бюджетѣ 1903 года лишь повторитъ собою, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, бюджеты предшествующихъ лѣтъ. Дѣйствительно, вотъ въ какомъ видѣ обрисовывается расходный бюджетъ 1903 года цифрами росписи. На платежи по государственнымъ займамъ назначены 290,9 милл. р., составляющіе 14% всѣхъ, обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ, расходовъ государства въ этомъ году. Расходы по министерству иностранныхъ дѣлъ предположены въ 5,7 милл. р., по военному—въ 329,9 милл. р. и по морскому—въ 115,7 милл. р.; въ общей сложности издержки на нужды дипломатіи, арміи и флота должны, такимъ образомъ, составить 451,2 милл. р. или 21,8% всего бюджета. Еще болѣе крупными представляются расходы по министерству путей сообщенія, которые исчислены росписью въ суммѣ 458,4 милл. р. достигающей 22,1% всего бюджета. Слѣдующее мѣсто занимаютъ расходы по министерству финансовъ, равняющіеся 369,4 милл. р. или 17,8% бюджета. Наконецъ, сюда же нужно отнести и расходы по чрезвычайному бюджету, почти цѣликомъ предназначенные на нужды желѣзнодорожнаго строительства и достигающіе 191,2 милл. р. или 9,2% бюджета. Итакъ, на платежи по своимъ долгамъ и на нужды внѣшней обороны государство предназначаетъ въ текущемъ году 35,8% всего своего бюджета; на пути сообщенія, и въ томъ числѣ главнымъ образомъ на устройство и эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ, оно затрачиваетъ 31,2% бюджета; на нужды финансоваго вѣдомства предполагается затратить

сумму, равную 17,8% всѣхъ расходовъ государства. Взятые вмѣстѣ, перечисленные расходы составляютъ 84,9% всѣхъ затратъ государства и занимаютъ, слѣдовательно, въ бюджетѣ 1903 года совершенно такое же мѣсто, какое принадлежало имъ и въ бюджетѣ 1902 года. На удовлетвореніе всѣхъ другихъ потребностей страны остается только 15% государственнаго бюджета, и этотъ остатокъ въ свою очередь распредѣляется между отдѣльными вѣдомствами въ пропорціи, почти совершенно тожественной съ тою, какая существовала въ этомъ отношеніи и въ предъидущіе годы. Такъ, расходы по смѣтѣ министерства внутреннихъ дѣлъ составляютъ 4,8% общаго бюджета, расходы по смѣтѣ министерства юстиціи—2,4% бюджета и, стало быть, итогъ издержекъ на общую администрацію и судъ равняется 7,2% всѣхъ затратъ государства. Траты государства на всѣ остальныя вѣдомства представляются уже гораздо менѣе значительными: расходы по министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ составляютъ 2,4% общаго бюджета, по министерству народнаго просвѣщенія—1,9%, по синодальному вѣдомству—1,4%, по министерству двора—0,8%, по вѣдомству государственнаго контроля,—0,4%, и т. д.

Та картина, какая обрисовывается приведенными цифрами, несомнѣнно, „свидѣтельствуетъ о весьма значительно возросшемъ удовлетвореніи государственныхъ потребностей“, но она же какъ нельзя болѣе краснорѣчиво говоритъ и о томъ, что далеко не всѣ эти потребности удовлетворяются въ одинаковой степени. При практикуемомъ въ настоящее время порядкѣ государственнаго хозяйства главная масса средствъ, получаемыхъ государствомъ отъ населенія, изъ года въ годъ поглощается системою государственнаго кредита, организаціей внѣшней обороны страны и расходами на нужды желѣзнодорожнаго хозяйства и финансоваго вѣдомства. Всѣ другія потребности страны отодвинуты на задній планъ и чѣмъ больше принадлежащее имъ культурное значеніе, тѣмъ меньшимъ подчасъ является количество средствъ, удѣляемыхъ на ихъ удовлетвореніе. Особенно характерною въ этомъ отношеніи представляется та роль, какая принадлежитъ въ нашемъ государственномъ бюджетѣ расходамъ на нужды народнаго образованія.

Выше мы уже видѣли, что смѣта министерства народнаго просвѣщенія въ текущемъ году увеличена на нѣсколько меньшую сумму, чѣмъ въ прошломъ году. Такъ какъ, однако, и общій ростъ смѣтныхъ предположеній текущаго года нѣсколько отсталъ отъ такого же роста въ минувшемъ году, то названная смѣта сохранила свое прежнее положеніе среди другихъ частей бюджета: въ 1903 году она составляетъ, какъ составляла и въ 1902 г., 1,9 проц. общаго бюджета. Но въ эту цифру входятъ еще не всѣ затраты государства на дѣло народнаго образованія, такъ какъ подобныя

затраты производятся у насъ и другими вѣдомствами, помимо министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ, для того, чтобы получить сумму этихъ затратъ, нужно выбрать всѣ соотвѣтствующія части росписи и подсчитать ихъ общій итогъ. Къ сожалѣнію, подобный подсчетъ не можетъ претендовать на полную точность, благодаря тому, что въ смѣтѣ военнаго министерства расходы по учебной и технической части соединены вмѣстѣ въ одной и той же статьѣ, а въ смѣтѣ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ точно также слиты въ одной статьѣ расходы на ученыя, учебныя и образцовыя заведенія по лѣсной, сельско-хозяйственной и горной частямъ. Впрочемъ, для цѣлей сравненія такая неточность, равно сохраняющаяся въ обоихъ сравниваемыхъ случаяхъ, не имѣетъ большого значенія. Сопоставляя указанные въ росписи расходы различныхъ вѣдомствъ на образовательныя нужды въ 1902 и 1903 гг., мы найдемъ, что въ послѣднемъ такіе расходы понизились въ двухъ случаяхъ: по смѣтѣ синодальнаго вѣдомства — на 60,000 р. и по смѣтѣ министерства путей сообщенія—на 1.000 р. Расходы остальныхъ вѣдомствъ на образовательныя нужды въ текущемъ году по сравненію съ прошлымъ немного увеличились, при чемъ по отдѣльнымъ смѣтамъ это увеличеніе выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ: по смѣтѣ военнаго министерства — 924 тыс. руб., министерства государственныхъ имуществъ — 206 тыс. р., морского министерства—51 тыс. р., министерства внутреннихъ дѣлъ — 40 тыс. р., финансовъ—24 тыс. р. и юстиціи—3 тыс. р. Въ общемъ итогѣ сумма всѣхъ расходовъ государства на образовательныя цѣли, включая сюда и смѣту министерства народнаго просвѣщенія, въ настоящемъ году увеличилась на 3,8 милл. руб.: въ росписи 1902 г. эта сумма составляла 67,4 милл. р., въ росписи же 1903 г. она равняется 71,2 милл. руб. Совершающееся въ такихъ размѣрахъ возрастаніе затратъ на нужды народнаго образованія, конечно, нельзя признать особенно значительнымъ для страны съ 130-милліоннымъ населеніемъ, тѣмъ болѣе, что, если говорить не объ абсолютныхъ, а объ относительныхъ размѣрахъ этихъ затратъ, то въ текущемъ году придется констатировать даже не ростъ, а нѣкоторое пониженіе ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ прошломъ году ихъ сумма составляла 3,5 проц. всего бюджета, а въ настоящемъ году она достигаетъ лишь 3,4 проц. бюджета. Такимъ образомъ, въ текущемъ году на нужды народнаго образованія предназначается даже нѣсколько меньшая доля государственныхъ средствъ, чѣмъ въ минувшемъ году.

Только что указанный фактъ и самъ по себѣ достаточно краснорѣчивъ, но его значеніе выступитъ съ еще большею яркостью, если припомнить то освѣщеніе, какое придано было вопросу объ издержкахъ государства на народное образованіе представителями мѣстнаго общества въ уѣздныхъ комитетахъ о сель-

скохозяйственныхъ нуждахъ. Значительное большинство комитетовъ, какъ извѣстно, однимъ изъ главныхъ недостатковъ современнаго положенія Россіи признало печальное состояніе народнаго образованія и соотвѣтственно этому нашло нужнымъ заявить о настоятельной необходимости серьезнаго расширенія затратъ государства на образовательныя цѣли. Повидимому, однако, всѣ эти заявленія не привлекли къ себѣ сколько-нибудь серьезнаго вниманія руководителей государственной политики. Не бо́льшее вліяніе досталось и на долю сдѣланныхъ во многихъ комитетахъ заявленій о необходимости придать расходамъ государства болѣе производительный характеръ и облегчить чрезмѣрную тяжесть налоговаго бремени, лежащаго на массѣ населенія. Въ настоящемъ году остается неотмѣненнымъ даже то „временное“ повышеніе паспортныхъ, таможенныхъ и акцизныхъ налоговъ, которое установлено было во второй половинѣ 1900 года спеціально для покрытія вызванныхъ китайскими событіями расходовъ, и результаты котораго съ тѣхъ поръ успѣли уже превысить поставленную для нихъ цѣль. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще государственное хозяйство, какъ показываютъ разсмотрѣнныя цифры росписи, обѣщаетъ въ текущемъ году сохранить тотъ же самый характеръ, какой былъ присвоенъ ему въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ. Въ сопровождающемъ роспись докладѣ министра финансовъ сдѣлана и попытка доказать необходимость оставленія государственнаго хозяйства страны на однажды избранномъ для него пути.

„Къ государственнымъ финансамъ,—говоритъ авторъ названнаго доклада,—у насъ нерѣдко предъявляются преувеличенныя требованія. Въ неблагопріятныя времена подобныя требованія по необходимости выражаются рѣже и тише; но тѣмъ сильнѣе и рѣшительнѣе становится дружный напоръ на казну въ благополучное время. За послѣдніе годы дѣйствительное поступленіе обыкновенныхъ доходовъ неизмѣнно превышало у насъ сумму произведенныхъ обыкновенныхъ расходовъ, не смотря на исключительный ростъ бюджета. Въ теченіе этого времени создалась привычка къ благопріятному положенію финансоваго хозяйства и постепенно стало ослабѣвать сознаніе необходимости соблюденія экономіи въ государственныхъ расходахъ. Ходатайства о болѣе широкомъ удовлетвореніи самыхъ разнообразныхъ потребностей возбуждаются все настоятельнѣе, и въ то же время, порою изъ тѣхъ же круговъ, откуда возникаютъ эти просьбы, раздаются сѣтованія на высоту обложенія и предлагаются мѣры къ сокращенію и отмѣнѣ нѣкоторыхъ сборовъ“. Съ своей стороны, заявляя о полномъ своемъ сочувствіи „къ расширенію государственной дѣятельности увеличеніемъ отпускаемыхъ на это средствъ, а равно къ пониженію бремени налоговъ, особливо падающихъ на бѣдные классы населенія“, министръ финансовъ считаетъ, одна-

ко, нужнымъ напомнить ту простую истину, что „потребности безграничны, средства же для ихъ удовлетворенія ограничены". „При возбужденіи ходатайствъ,—говоритъ онъ,—нѣтъ особой надобности соразмѣрять нужды съ рессурсами; наоборотъ, при проведеніи въ жизнь новыхъ мѣропріятій это необходимо, въ противномъ случаѣ суровая дѣйствительность, въ формѣ дефицита, не замедлитъ сама напомнить о нарушенномъ равновѣсіи между удовлетвореніемъ потребностей и имѣющимися на это средствами". Въ виду этого „неизбѣжно дѣлать строгій выборъ между государственными нуждами" и, „лишь изыскавъ средства на неотложныя и самыя важныя потребности, возможно обращать остальные рессурсы на другое назначеніе".

На естественно возникающій вопросъ, какая же потребность всего настоятельнѣе для государства, цитируемый докладъ отвѣчаетъ: „очевидно, та, удовлетвореніе которой обезпечиваетъ самое существованіе государства, его внѣшнюю неприкосновенность". „Для этой цѣли, — говоритъ авторъ доклада, — населеніе несетъ личную повинность и уплачиваетъ большую часть налоговъ, получая взамѣнъ неоцѣнимое и не соизмѣримое ни съ какими матеріальными благами сознаніе того, что его семья, имущество и вся родная земля находятся въ безопасности отъ внѣшняго врага". Эта потребность внѣшней обороны, по словамъ министра финансовъ, имѣетъ для Россіи настолько существенное значеніе, что въ настоящее время „мы состоимъ подъ дѣйствіемъ желѣзнаго закона—обращать на удовлетвореніе культурныхъ потребностей лишь то, что остается послѣ покрытія расходовъ на оборону страны". Министру финансовъ, — продолжаетъ докладъ,—„крайне затруднительно, а большею частью и совершенно невозможно входить въ обсужденіе того, насколько тѣ или иныя мѣры необходимы для обороны страны; но разъ ихъ необходимость признана, на немъ лежитъ изысканіе средствъ. Отсюда проистекаетъ тяжелая обязанность принимать на себя починъ по установленію и увеличенію налоговъ, а также отклонять осуществленіе всѣхъ тѣхъ мѣропріятій, на которыя, за обезпеченіемъ вышеуказанной самой настоятельной государственной потребности, не достаетъ рессурсовъ".

Основное положеніе, на которомъ держится вся аргументація воспроизведенной нами части доклада министра финансовъ, само по себѣ едва-ли можетъ вызвать съ чьей-либо стороны серьезное противорѣчіе. Было бы, конечно, не только трудно, но и странно оспаривать то утвержденіе, что потребности государства могутъ быть безграничны, тогда какъ средства для ихъ удовлетворенія всегда болѣе или менѣе ограничены, и что поэтому при удовлетвореніи государственныхъ нуждъ необходимо производить между ними извѣстный выборъ по степени ихъ важности. Но то примѣненіе, какое получаетъ эта, сама по себѣ безспорная, истина

въ докладѣ министра финансовъ, врядъ ли можетъ быть признано вполнѣ правильнымъ и соотвѣтствующимъ истинному ея смыслу. Съ другой стороны и та характеристика, какая дана въ названномъ докладѣ „дружному напору на казну“, является черезчуръ суммарной и потому несовсѣмъ точной. По мнѣнію автора доклада, въ настоящее время ходатайства о болѣе широкомъ удовлетвореніи самыхъ разнообразныхъ потребностей возбуждаются съ особою настоятельностью главнымъ образомъ благодаря создавшейся въ послѣдніе годы „привычкѣ къ благопріятному положенію финансоваго хозяйства“. Нѣтъ сомнѣнія, что среди просьбъ, предъявляемыхъ къ казнѣ представителями нѣкоторыхъ общественныхъ круговъ, имѣются и такія, главнымъ, если не единственнымъ основаніемъ которыхъ служитъ представленіе о блестящемъ состояніи государственныхъ финансовъ, создавшееся, впрочемъ, не безъ прямого и дѣятельнаго участія самого финансоваго вѣдомства, настойчиво отожествлявшаго свою экономію въ производствѣ обыкновенныхъ расходовъ съ избыткомъ обыкновенныхъ доходовъ государства. Но тѣ ходатайства о болѣе широкомъ удовлетвореніи культурныхъ потребностей страны, съ какими выступила въ прошломъ году масса мѣстныхъ дѣятелей, ни въ какомъ случаѣ не принадлежали къ такого рода просьбамъ. Напротивъ, какъ намъ приходилось уже отмѣчать, въ основѣ упомянутыхъ ходатайствъ лежало глубокое убѣжденіе ихъ авторовъ въ томъ, что средства массы плательщиковъ податей истощены до послѣдней крайности и что печальные результаты такого положенія вещей могутъ быть предотвращены лишь рѣшительною перемѣною системы государственнаго хозяйства и обращеніемъ болѣе или менѣе значительной части государственныхъ средствъ на поддержку обнищавшей массы населенія и непосредственное удовлетвореніе ея культурныхъ потребностей. Въ виду такой постановки названныхъ ходатайствъ трудно, казалось бы, найти что-либо странное и въ томъ, подчеркиваемомъ докладомъ министра финансовъ, обстоятельствѣ, что изъ тѣхъ же круговъ, въ которыхъ возникаютъ эти ходатайства, „раздаются сѣтованія на высоту обложенія и предлагаются мѣры къ сокращенію и отмѣнѣ нѣкоторыхъ сборовъ“. Непосильное въ настоящей своей формѣ обложеніе легко могло бы потерять свою чрезмѣрную тяжесть при условіи болѣе правильнаго распредѣленія, которое переложило бы значительную долю налоговаго бремени на плечи болѣе состоятельныхъ классовъ. Такимъ образомъ „сокращеніе и отмѣна нѣкоторыхъ сборовъ“, падающихъ на наиболѣе нуждающіеся классы, не стоятъ еще ни въ какомъ непримиримомъ противорѣчіи съ расширеніемъ расходовъ государства на культурныя нужды населенія.

Такому расширенію препятствуетъ, однако, по словамъ цитированнаго доклада, „желѣзный законъ“, благодаря которому Рос-

сія можетъ „обращать на удовлетвореніе культурныхъ потребностей лишь то, что остается послѣ покрытія расходовъ на оборону страны“. До извѣстной степени можно, конечно, согласиться съ тѣмъ, что при существующихъ условіяхъ международнаго положенія значительное сокращеніе расходовъ на внѣшнюю оборону государства является трудно достижимымъ, а измѣненіе этихъ условій выходитъ за предѣлы собственно финансоваго хозяйства страны. Тѣмъ не менѣе дѣйствіе „желѣзнаго закона“, указываемаго въ докладѣ министра финансовъ, едва ли не преувеличивается послѣднимъ. Въ самомъ дѣлѣ, расходы на дипломатію, армію и флотъ еще въ 1901 г. составляли 23% государственняго бюджета, въ 1902 г.—21,9%, а въ 1903 г. они составляютъ уже 21,8% всего бюджета. Такимъ образомъ, хотя абсолютные размѣры расходовъ на внѣшнюю оборону страны и растутъ въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ чрезвычайно быстро, но этотъ абсолютный ростъ не является и относительнымъ. Напротивъ, доля государственнаго бюджета, удѣляемая на эти расходы, съ теченіемъ времени понемногу уменьшается. Но такое уменьшеніе не сопровождается соотвѣтственнымъ повышеніемъ затратъ на культурныя потребности, упорно остающихся на одномъ и томъ же, весьма невысокомъ, уровнѣ. Объясненіе этому послѣднему факту легко найти, обратившись къ другимъ частямъ росписи. Несравненно болѣе видное мѣсто, чѣмъ затраты на военныя нужды, занимаютъ въ ней расходы на казенное хозяйство. Напомнимъ, что въ то время, какъ дипломатическій и военный бюджетъ въ текущемъ году возросъ на 24,4 милл. р., поглотивъ 23% всей прибавки къ общей смѣтѣ, бюджетъ министерства финансовъ увеличился на 34,2 милл. р., а министерства путей сообщенія — на 22,9 милл. р., и въ общемъ на эти два министерства пришлось болѣе 54% всего увеличенія государственнаго бюджета. Съ другой стороны одна лишь цифра общаго расхода по министерству путей сообщенія превосходитъ сумму всѣхъ затратъ на нужды внѣшней обороны, достигая 22,1% общаго бюджета. Эта цифра, и сама по себѣ грандіозная, возрастетъ до 31,3% бюджета, если къ ней присоединить вполнѣ аналогичные съ нею чрезвычайные расходы, которые за послѣдніе годы обнаруживаютъ наклонность къ непрерывному росту. Въ 1901 г. они составляли 7% всего бюджета, въ 1902 г.—9%, а въ 1903 г. на нихъ предназначено уже 9,2% общаго бюджета. Главною же и, можно даже сказать, почти единственною цѣлью, которой служатъ у насъ расходы по чрезвычайному бюджету, являются нужды желѣзнодорожнаго строительства. Изъ 191,2 милліоновъ рублей, составляющихъ этотъ бюджетъ на 1903 годъ, лишь 10 милл. р. ассигнованы на вознагражденіе частныхъ лицъ и учрежденій за право пропинаціи и 2,5 милл. р. на выкупъ облигацій московско-ярославской желѣзной дороги, остальные же 178,8 милл. р. цѣликомъ предназна-

чаются на устройство новыхъ желѣзнодорожныхъ линій. При этомъ изъ названной суммы 166 милл. р. предположено обратить на постройку правительственныхъ линій, въ томъ числѣ 20,9 милл. р. на Кругобайкальскую дорогу и нѣкоторые другіе участки Сибирской желѣзной дороги, 32 милл. р. на Оренбургъ-Ташкентскую линію, 20 милл. р. на вторую Екатерининскую линію, 35 милл. р. на линію Бологое-Сѣдлецъ, 33 милл. р. на желѣзную дорогу С-Петербургъ-Вятка и 2 милл. р. на С.-Петербурго-Петрозаводскую дорогу, 10 милл. р. на Московскую окружную и болѣе 13 милл. р. на другія линіи. Сверхъ того, на выдачу ссудъ частнымъ обществамъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ предназначено болѣе 9 милл. р. и на вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкою Сибирской дороги,—3,4 милл. р. Сопоставленіе этихъ цифръ даетъ возможность вполнѣ опредѣленно отвѣтить на вопросъ о томъ, куда уходитъ главная доля прироста государственныхъ средствъ. Очевидно, удовлетвореніе культурныхъ потребностей населенія задерживается не столько ради нуждъ внѣшней обороны страны, сколько ради поддержанія и усиленія темпа желѣзнодорожнаго строительства.

Это обстоятельство придаетъ особенно важное значеніе вопросу о томъ, на какія средства производится такое строительство и какими результатами сопровождается оно для государственнаго хозяйства. Въ теченіе ряда лѣтъ громадные дефициты по чрезвычайному бюджету покрывались у насъ позаимствованіями изъ свободной наличности государственнаго казначейства, образовавшейся по преимуществу путемъ сокращенія обыкновенныхъ расходовъ и чрезмѣрно скромнаго исчисленія обыкновенныхъ доходовъ, дававшихъ, благодаря этому, къ концу года значительные излишки противъ смѣтныхъ назначеній. Но уже при составленіи росписи прошлаго года, финансовое вѣдомство предвидѣло возможность серьезнаго сокращенія получаемыхъ такимъ путемъ средствъ, и прибѣгло къ внѣшнему займу, включивъ въ запасъ свободной наличности государственнаго казначейства 127,2 м. р., вырученныхъ къ тому времени отъ реализаціи 4%-ой консолидированной ренты 1901 г. Правда, въ теченіе 1902 г. въ концѣ концовъ оказалось возможнымъ обойтись безъ расходовъ изъ средствъ, доставленныхъ этимъ займомъ. Къ 141,2 милл. р., составлявшимъ на 1 января 1902 г. собственно запасъ свободной наличности безъ упомянутаго займа, за одиннадцать первыхъ мѣсяцевъ этого года прибавилась еще сумма въ 85 милліон. р., на которую обыкновенные доходы превысили смѣтныя предположенія, и непредвидѣнныя смѣтою чрезвычайныя поступленія въ размѣрѣ 5,3 милл. р. Изъ составившейся такимъ образомъ суммы въ 231,5 милл. р. были покрыты, какъ предусмотрѣнные росписью 1902 года чрезвычайные расходы въ размѣрѣ 144 милл. р., такъ и произведенные сверхъ смѣты экстренные расходы въ 36,8 м. р.,

и къ 1903 году сохранился еще остатокъ въ количествѣ 50,7 м. р. Между тѣмъ, въ текущемъ году, какъ мы видѣли, на пополненіе дефицита по чрезвычайному бюджету требуется 172,1 милл. р. Можно, правда, ожидать, что и въ настоящемъ году обыкновенные доходы поступятъ въ количествѣ, значительно бóльшемъ противъ того, въ какомъ они занесены въ роспись, такъ какъ въ послѣдней они, по установившемуся въ практикѣ нашего финансоваго вѣдомства обыкновенію, исчислены съ извѣстнымъ превышеніемъ лишь надъ смѣтою, но не надъ дѣйствительнымъ поступленіемъ прошлаго года. И, однако, если даже предположить, что въ текущемъ году такой излишекъ поступленія обыкновенныхъ доходовъ противъ смѣтныхъ предположеній приметъ тѣ же размѣры, какихъ онъ достигъ въ минувшемъ году, онъ все же еще не сможетъ пополнить собою весь дефицитъ по чрезвычайному бюджету и на покрытіе этого дефицита придется, какъ предвидитъ и докладъ министра финансовъ, употребить нѣсколько десятковъ милліоновъ изъ суммы, доставленной упомянутымъ выше парижскимъ займомъ 1901 г. Такимъ образомъ продолженіе политики усиленнаго желѣзнодорожнаго строительства не только поглощаетъ всѣ средства, сберегаемыя въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ цѣною крайней экономіи въ удовлетвореніи важнѣйшихъ потребностей населенія, но и ведетъ къ новому и серьезному увеличенію того бремени задолженности, объ опасности котораго для страны такъ недавно еще считалъ нужнымъ предупреждать нынѣшній руководитель финансоваго вѣдомства.

Такова одна сторона этой политики. Но не менѣе интересна и другая ея сторона. Государство тратитъ на постройку желѣзныхъ дорогъ громадныя и изъ года въ годъ возрастающія суммы. Какъ добываются эти суммы и какихъ жертвъ онѣ требуютъ отъ населенія, мы только что видѣли. Но каковы результаты производимыхъ затратъ въ самомъ финансовомъ хозяйствѣ? Государственнымъ контролемъ не такъ давно были опубликованы свѣдѣнія, заключающія въ себѣ довольно полный отвѣтъ на такой вопросъ. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что въ 1900 г. казнѣ пришлось отпустить на покрытіе платежей по частнымъ желѣзнымъ дорогамъ 1,17 милл. р., тогда какъ эксплуатація казенныхъ желѣзнодорожныхъ линій принесла убытокъ 1,46 м. р.; въ общемъ итогѣ желѣзнодорожное хозяйство дало, стало быть, казнѣ убытокъ въ 2,6 милл. р. При этомъ особенно характернымъ является то обстоятельство, что названный убытокъ образовался благодаря новымъ желѣзнодорожнымъ линіямъ, поглотившимъ доходъ отъ старыхъ дорогъ. Еще въ 1896 г. казна получила отъ эксплуатаціи всей желѣзнодорожной сѣти прибыль въ 11,2 милл. р., а къ 1900 году эта прибыль смѣнилась уже убыткомъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ расширенія желѣзнодорожнаго

хозяйства, оно становится все болѣе убыточнымъ, и усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ уже въ настоящее время влечетъ за собою не увеличеніе прибыли, а ростъ убытковъ казны.

Невыгодное для массы населенія и несущее уже съ собою убытки для казны, усиленное желѣзнодорожное строительство является, однако же, могучимъ средствомъ для поддержанія крупной отечественной промышленности, по преимуществу металлургической, и въ этомъ обстоятельствѣ скрывается, повидимому, главная причина, въ силу которой такое строительство, и при наличности указанныхъ неблагопріятныхъ для него условій, не только не останавливается, но даже ведется въ еще болѣе ускоренномъ темпѣ. Энергично отражая всѣ ходатайства о болѣе широкомъ удовлетвореніи культурныхъ потребностей массы населенія указаніемъ на необходимость „строгой экономіи“ и опасность дефицита, финансовое вѣдомство, очевидно, не считаетъ возможнымъ столь же успѣшно противостоять „дружному натиску на казну“ съ другой стороны, представляемой крупными промышленниками. Точнѣе говоря, задержаніе роста расходовъ на культурныя потребности вызывается по преимуществу дѣятельной поддержкой, оказываемой изъ государственныхъ средствъ крупной промышленности. Правда, въ сопровождающемъ роспись 1903 года докладѣ необходимость такой поддержки какъ будто даже отвергается. Авторъ названнаго доклада, отмѣчая затрудненія, переживаемыя въ настоящее время русской промышленностью, вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что „по самому существу дѣла, если судить о немъ не по ближайшимъ экономическимъ результатамъ, а имѣть въ виду не очень отдаленное даже будущее, надлежитъ отнестись къ этимъ затрудненіямъ съ полнымъ спокойствіемъ“, такъ какъ „они сами въ себѣ носятъ условія своего прекращенія“. Затрудненія, испытываемыя въ настоящій моментъ главнымъ образомъ металлургическою промышленностью, сводятся къ стѣсненію сбыта и къ сильному пониженію цѣнъ. Но, по словамъ автора доклада,—„низкія цѣны дѣйствуютъ и будутъ дѣйствовать одновременно въ двухъ направленіяхъ для возстановленія нарушеннаго равновѣсія. Съ одной стороны, производство тѣхъ издѣлій, сбытъ которыхъ особенно затрудненъ, нѣсколько сожмется, при чемъ отдѣльныя нежизнеспособныя предпріятія неизбѣжно должны придти къ упадку, но большинство заводовъ приспособится къ достаточно выгодной работѣ не по прежнимъ, особенно высокимъ цѣнамъ, а по болѣе доступнымъ; разовьется производство предметовъ массоваго потребленія, въ которыхъ страна такъ нуждается; необходимость заставляетъ и будетъ заставлять организовать правильный сбытъ. Съ другой стороны, дешевыя цѣны на издѣлія несомнѣнно вызовутъ увеличеніе спроса. Предметы, пользоваться которыми народъ не могъ вслѣдствіе чрезмѣрной дороговизны, получатъ постепенно распространеніе среди массы

потребителей, а населеніе, разъ освоившись съ болѣе широкимъ пользованіемъ металлическими издѣліями, явится уже постояннымъ покупателемъ".

Приведенныя соображенія, казалось бы, не оставляютъ мѣста непосредственному вмѣшательству государства въ промышленный кризисъ, исключая лишь мѣропріятій, направленныхъ къ облегченію положенія рабочей массы, которая выноситъ на своихъ плечахъ главную тяжесть этого кризиса. На практикѣ, однако, мы не видимъ именно мѣропріятій послѣдняго рода. Промышленности же, которой въ теоріи рекомендуется выходить изъ кризиса собственными силами путемъ удешевленія производства и приспособленія его къ широкимъ рынкамъ сбыта, на дѣлѣ оказывается энергичная поддержка, не останавливаемая ни убытками казны, ни все явственнѣе проскальзывающей въ государственномъ бюджетѣ тѣнью дефицита. Постройка казною ряда новыхъ желѣзнодорожныхъ линій является однимъ изъ главныхъ видовъ такой поддержки. Въ началѣ января оффиціальная „Торгово-Промышленная Газета" уже сообщила, что, „въ виду затруднительнаго положенія металлургическихъ заводовъ между ними, на основаніи особо выработанныхъ правилъ, были въ концѣ истекшаго года распредѣлены казенные заказы на 57 милл. пудовъ рельсовъ съ распредѣленіемъ этихъ заказовъ на три года". Конечно, наличность подобныхъ заказовъ едва-ли способна послужить особенно сильнымъ толчкомъ къ пробужденію самодѣятельности среди нашихъ промышленниковъ. Но, съ другой стороны, не менѣе трудно ожидать отъ такого рода мѣръ и серьезной помощи промышленности въ ея нынѣшнемъ состояніи. Происхожденіе современнаго промышленнаго кризиса такъ глубоко коренится въ общихъ условіяхъ экономической жизни Россіи, этотъ кризисъ разроссся такъ сильно и широко, что его немыслимо остановить дальнѣйшими воспособленіями промышленности изъ государственныхъ средствъ, какъ бы далеко ни шли такія воспособленія. Если въ прошломъ политика оживленія промышленности за счетъ казны содѣйствовала истощенію средствъ населенія и въ значительной мѣрѣ подготовила собою нынѣшній кризисъ, то и въ будущемъ ея роль не можетъ существенно измѣниться. Такая политика можетъ принести извѣстныя, и подчасъ весьма значительныя, выгоды отдѣльнымъ лицамъ и предпріятіямъ, но въ области государственнаго и народнаго хозяйства она способна лишь увеличить и усложнить существующее уже разстройство. Тѣмъ не менѣе, какъ показываютъ цифры росписи, задача поддержанія промышленности и въ текущемъ году сохраняетъ видное мѣсто въ финансовой политикѣ, всецѣло сохраняющей свой протекціонный характеръ.

---

9 февраля въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" было напечатано: „Въ иностранной печати не перестаютъ появлятся сообщенія о томъ, будто Россія въ текущемъ году предполагаетъ заключить на одномъ изъ заграничныхъ рынковъ новый государственный заемъ.

Изъ государственной росписи на 1903 г. видно, что въ подобномъ займѣ не предстоитъ никакой надобности, такъ какъ всѣ потребности текущаго года, не только обыкновенныя, но и чрезвычайныя, съ избыткомъ покрываются предположенными и при томъ весьма осторожно исчисленными поступленіями доходовъ и наличностью свободныхъ средствъ государственнаго казначейства. Для устраненія же всякихъ недоразумѣній по поводу указанныхъ слуховъ, министръ финансовъ признаетъ необходимымъ заявить, что въ текущемъ году русскимъ правительствомъ не будетъ заключено государственнаго займа ни на одномъ изъ заграничныхъ рынковъ".

II.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы имѣли возможность отмѣтить тотъ фактъ, что значительная часть, если не большинство, уѣздныхъ комитетовъ о сельскохозяйственныхъ нуждахъ, высказываясь по поводу современной финансовой и экономической политики государства, признали ее стоящей въ рѣзкомъ противорѣчіи съ интересами сельскаго хозяйства, отъ котораго зависитъ благосостояніе главной массы населенія Россіи. Новая государственная роспись свидѣтельствуетъ, однако, что въ этой политикѣ не предвидится какихъ-либо существенныхъ измѣненій. Тѣмъ болѣе любопытнымъ представляется вопросъ о томъ, какое значеніе могутъ получить высказанныя уѣздными комитетами мнѣнія въ особомъ совѣщаніи о нуждахъ сельскаго хозяйства и какова вообще будетъ дальнѣйшая судьба этихъ мнѣній. До нѣкоторой степени такой вопросъ, повидимому, разрѣшается происходящими въ послѣднее время работами губернскихъ комитетовъ, въ которые перешли работы комитетовъ уѣздныхъ. На основаніи имѣющихся пока въ печати свѣдѣній нельзя еще, правда, подвести сколько-нибудь полный итогъ совѣщаніямъ губернскихъ комитетовъ, но все же эти свѣдѣнія даютъ возможность подмѣтить кое-какія характерныя черты той обстановки, въ которой проходятъ такія совѣщанія.

Прежде всего составъ членовъ въ губернскихъ комитетахъ оказался гораздо болѣе однороднымъ и поставленнымъ въ несравненно болѣе узкія границы, чѣмъ въ уѣздныхъ. Крестьяне, повидимому, почти нигдѣ не участвовали въ губернскихъ комитетахъ. Благодаря этому въ засѣданіяхъ послѣднихъ сословныя

и классовыя тенденціи могли выразиться съ большею яркостью и опредѣленностью, чѣмъ въ уѣздныхъ комитетахъ, гдѣ проявленіе подобныхъ тенденцій подчасъ невольно умѣрялось присутствіемъ чуждыхъ имъ общественныхъ элементовъ. Во многихъ мѣстностяхъ губернскіе комитеты и пошли, дѣйствительно, по пути обсужденія исключительно землевладѣльческихъ интересовъ, сознательно игнорируя всѣ тѣ пожеланія уѣздныхъ комитетовъ, которыя имѣли болѣе общій характеръ и касались болѣе широкихъ слоевъ населенія. Но и тамъ, гдѣ наличный составъ членовъ не обнаруживалъ желанія вступать на эту дорогу, губернскимъ комитетамъ не всегда удавалось удержать за собою ту почву общихъ вопросовъ, на которой въ громадномъ большинствѣ случаевъ стояли уѣздные комитеты. Мѣстами изъ за этого разыгрались даже конфликты, равносильные прекращенію дѣятельности комитетовъ.

Въ тульскомъ губернскомъ комитетѣ членамъ былъ предложенъ сводъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ по каждому пункту программы особаго совѣщанія, и обсужденіе вопросовъ допускалось только въ предѣлахъ этой программы, всякія же попытки членовъ выдвинуть иные вопросы, затронутые въ уѣздныхъ комитетахъ, встрѣчали со стороны предсѣдателя категорическій отказъ. Въ результатѣ такой постановки дѣла число участниковъ въ совѣщаніяхъ комитета стало быстро уменьшаться и къ концу его засѣданій упало съ 42 человѣкъ до 14-ти. Члены мѣстной губернской управы подали, однако, предсѣдателю комитета спеціальную записку, посвященную замолчаннымъ въ комитетѣ общимъ вопросамъ, съ просьбою направить ее въ особое совѣщаніе *). Нѣчто подобное имѣло мѣсто и въ харьковскомъ губернскомъ комитетѣ. Предсѣдатель послѣдняго, и. д. губернатора Гербель, въ засѣданіи 25 января, по словамъ мѣстныхъ „Губернскихъ Вѣдомостей“, сообщилъ, что „въ виду близости срока представленія работъ комитета въ особое совѣщаніе, онъ можетъ допустить къ обсужденію только тѣ вопросы, которые входятъ въ Высочайше утвержденную программу, докладъ же и записки по вопросамъ, въ ней не заключающимся, будутъ представлены имъ въ Петербургъ одновременно съ журналами засѣданій комитета“ **). Когда вслѣдъ затѣмъ предсѣдатель не допустилъ заслушанія доклада извѣстнаго земскаго дѣятеля Н. Н. Ковалевскаго: „Возрастающее оскудѣніе деревни, причины этого явленія и мѣры къ его устраненію“, г. Ковалевскій вышелъ изъ состава комитета, а на заключительномъ засѣданіи послѣдняго, по сообщенію газетъ, отсутствовали и всѣ земскіе дѣятели ***). Въ свою

*) «Р. Вѣдомости», 26 янв. 1903 г.

**) Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 1 февр. 1903 г.

***) «Нижег. Листокъ», 31 янв. и 2 февр. 1903 г.

очередь предсѣдатель бакинскаго губернскаго комитета первоначально допустилъ было къ обсужденію вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій на Кавказѣ, но затѣмъ измѣнилъ свое рѣшеніе, заявивъ, что „въ предложенной къ обсужденію программѣ нѣтъ вопроса о введеніи земскихъ учрежденій" *). Въ засѣданіяхъ уфимскаго комитета были изъяты изъ обсужденія всѣ предложенія бирскаго уѣзднаго комитета, нѣкоторыя предложенія стерлитамакскаго комитета и записки членовъ уфимскаго комитета Козлова, стерлитамакскаго—Георгіевскаго и двухъ членовъ белебеевскаго комитета **).

Подобный же инцидентъ прервалъ въ самомъ началѣ занятія тамбовскаго губернскаго комитета. Послѣ первыхъ двухъ его засѣданій, 11 и 12 января, шестнадцать членовъ его подали на имя предсѣдателя заявленіе, что они находятъ невозможнымъ принимать участіе въ занятіяхъ комитета. Въ этомъ заявленіи его авторы отмѣчали тотъ фактъ, что въ первыхъ двухъ засѣданіяхъ предложенія нѣкоторыхъ членовъ даже о простомъ оглашеніи постановленій, принятыхъ уѣздными комитетами, встрѣтили со стороны предсѣдателя категорическій отказъ. Между тѣмъ, ранѣе предсѣдателемъ комитета было заявлено, что при желаніи членовъ имъ могутъ быть доложены подлинные тексты журналовъ уѣздныхъ комитетовъ. Далѣе авторы заявленія указывали, что матеріалъ, предложенный губернскому комитету, составляетъ не сводъ мотивированныхъ постановленій уѣздныхъ комитетовъ, а лишь весьма односторонне и во многихъ случаяхъ невѣрно составленную выборку изъ журналовъ этихъ комитетовъ, при томъ большею частью по частнымъ вопросамъ. Въ этой выборкѣ вовсе не упоминается о тѣхъ условіяхъ жизни мѣстнаго населенія, которымъ уѣздные комитеты приписывали непосредственное вліяніе на современное положеніе сельскаго хозяйства, и которыя они, руководствуясь цикуляромъ предсѣдателя особаго совѣщанія на имя предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ, подвергали обстоятельному разсмотрѣнію. При такой постановкѣ работъ губернскаго комитета его члены лишены возможности исполнить возложенную на нихъ серьезную и отвѣтственную задачу. Изложенное заявленіе подписали: уѣздные предводители дворянства—тамбовскій — Петрово-Соловово, темниковскій — Новосильцевъ, моршанскій—Грудиновъ, предсѣдатель губернской земской управы Колобовъ, члены той же управы кн. Кугушевъ, Брюхатовъ, Кондыревъ и Баратынскій, предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ: козловской—Ушаковъ, борисоглѣбской—Измайловъ, тамбовской—Филипповъ, темниковской—Корольковъ, моршанской—Поповъ и губернскіе гласные С. Комсинъ, В. Комсинъ и М. Лю-

---

*) «Каспій». Цитируемъ по «Р. Вѣдомостямъ», 1 февр. 1903 г.

**) «СПБ. Вѣдомости», 31 янв. 1903 г.

бщинскій. Въ свою очередь губернскій предводитель дворянства кн. Челокаевъ также нашелъ безполезнымъ принимать участіе въ губернскомъ комитетѣ, о чемъ и извѣстилъ предсѣдателя послѣдняго особымъ письмомъ. Послѣ этого состоялось только одно заключительное засѣданіе комитета 13 января, въ которомъ участвовало лишь 14 членовъ, въ томъ числѣ одинъ уѣздный предводитель дворянства, два предсѣдателя уѣздныхъ земскихъ управъ и 11 чиновниковъ *). Аналогичную судьбу имѣлъ и тверской губернскій комитетъ. Изъ его состава также вышло 14 членовъ, въ томъ числѣ нѣсколько предводителей дворянства и нѣсколько земскихъ дѣятелей. О своемъ уходѣ они подали предсѣдателю комитета особое заявленіе, въ которомъ мотивировали этотъ уходъ тѣмъ обстоятельствомъ, что при наличныхъ условіяхъ работы въ губернскомъ комитетѣ члены его не имѣютъ возможности выполнить возложенную на нихъ правительствомъ задачу по долгу совѣсти и свободнаго убѣжденія **).

Всѣ эти инциденты являются не особенно благопріятнымъ предзнаменованіемъ для дальнѣйшей судьбы работъ уѣздныхъ комитетовъ о нуждахъ сельскаго хозяйства. Очевидно, въ очень многихъ случаяхъ эти работы дойдутъ до особаго совѣщанія, лишь пройдя черезъ своего рода фильтръ, который отдѣлитъ отъ нихъ, какъ ненужное и излишнее, все касающееся болѣе общихъ вопросовъ государственной жизни, и пропуститъ свободно по преимуществу тѣ пожеланія, которыя относятся къ техникѣ сельскаго хозяйства, либо имѣютъ въ виду исключительно интересы землевладѣльческаго класса. Правда, резолюціи уѣздныхъ комитетовъ и даже прочитанные въ нихъ доклады могутъ дойти до особаго совѣщанія, и не будучи заслушаны въ губернскихъ комитетахъ,—въ качествѣ частныхъ мнѣній и записокъ. Но въ этомъ послѣднемъ случаѣ они едва-ли могутъ разсчитывать на особенно внимательное отношеніе къ себѣ. При громадной массѣ матеріала, поступающей въ особое совѣщаніе, мнѣнія и проекты, не получившіе санкціи оффиціальныхъ органовъ этого совѣщанія въ провинціи, неизбѣжно отступятъ на задній планъ передъ указаніями, имѣющими такую санкцію.

III.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" недавно напечатанъ обширный по размѣрамъ и интересный по содержанію всеподданнѣйшій рапортъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ т. с. Зиновьева о произведенной имъ по высочайшему повелѣнію реви-

*) «Р. Вѣдомости», 17 янв. 1903 г.

**) «Р. Вѣд.», 1 февр. 1903 г.

зіи петербургскаго городского самоуправленія. Опубликованіе этого рапорта получаетъ особое значеніе въ виду того обстоятельства, что въ правительственныхъ сферахъ въ настоящее время, какъ извѣстно, предположено произвести новое преобразованіе городового положенія, при чемъ задуманная реформа должна прежде всего коснуться столичнаго самоуправленія. Дѣйствительно, рапортъ г. Зиновьева до извѣстной степени позволяетъ судить какъ о цѣляхъ, преслѣдуемыхъ проектируемымъ преобразованіемъ, такъ и о самомъ характерѣ послѣдняго. Не передавая во всѣхъ подробностяхъ содержанія этого документа, по всей вѣроятности, уже извѣстнаго нашимъ читателямъ изъ газетъ, мы остановимся все же на болѣе существенныхъ его частяхъ.

Авторъ рапорта начинаетъ свой обзоръ существующихъ порядковъ петербургскаго городского самоуправленія съ избранія гласныхъ думы. По напоминанію рапорта, уже „первые послѣдовавшіе за введеніемъ въ дѣйствіе городового положенія 1892 года выборы въ с.-петербургскую городскую думу оказались вполнѣ неудачными: вмѣсто 160-ти было выбрано лишь 55 гласныхъ“. „Причину этого,—прибавляетъ г. Зиновьевъ, — слѣдуетъ искать, повидимому, въ томъ, что новый законъ, совершенно правильно устранившій отъ участія въ выборахъ многочисленную толпу самыхъ мелкихъ торговцевъ и промышленниковъ, весьма мало заинтересованныхъ въ развитіи городского хозяйства, соединилъ всѣхъ остальныхъ избирателей, домовладѣльцевъ, въ одну общую группу“. Городская дума не согласилась, однако, на сдѣланное ей предложеніе производить выборы въ отдѣльныхъ избирательныхъ собраніяхъ по участкамъ города. Такіе выборы по участкамъ были установлены лишь особымъ высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся по докладу министра внутреннихъ дѣлъ, „и польза ихъ тутъ же сказалась значительно большимъ участіемъ въ выборахъ избирателей. Результатомъ выборовъ явилось образованіе думы почти исключительно изъ однихъ домовладѣльцевъ, чего, впрочемъ, и слѣдовало ожидать, такъ какъ громадное большинство избирателей принадлежитъ къ этому классу населенія. Нельзя не замѣтить, однако, — продолжаетъ авторъ рапорта,— что такое преобладаніе домовладѣльцевъ въ средѣ избирателей, если и вполнѣ совпадаетъ съ имѣвшеюся въ виду при введеніи городового положенія цѣлью предоставить участіе въ городскомъ управленіи лицамъ, непосредственно платящимъ городскіе налоги, то едва-ли удобопримѣнимо къ С.-Петербургу, гдѣ домовладѣльцы, вслѣдствіе преобладанія большихъ зданій, составляютъ слишкомъ ничтожную часть населенія, и предоставленіе избирательнаго права другимъ состоятельнымъ классамъ городского населенія было бы сообразно съ интересами городского хозяйства“.

Другимъ главнымъ недостаткомъ городского самоуправленія Петербурга г. Зиновьевъ считаетъ то обстоятельство, что въ этомъ самоуправленіи „совершенно не соблюдается мудрое указаніе закона“ о полномъ раздѣленіи распорядительной и исполнительной власти, изъ которыхъ первая должна принадлежать думѣ, а вторая управѣ. На практикѣ „городская управа совершенно утратила предоставленное ей закономъ значеніе единственнаго и, слѣдовательно, отвѣтственнаго исполнительнаго органа по завѣдыванію городскимъ хозяйствомъ. Всѣ важнѣйшія отрасли этого хозяйства, какъ-то: народное образованіе, больничное дѣло, общественное призрѣніе, водоснабженіе, освѣщеніе, пути сообщенія и т. д., — переданы въ непосредственное завѣдываніе особыхъ, многочисленныхъ по своему составу, исполнительныхъ коммиссій, не только свободныхъ отъ какого-либо подчиненія управѣ, но вполнѣ устранившихъ управу, благодаря численному своему преобладанію въ думѣ, отъ всякаго вліянія на ходъ дѣла по этимъ отраслямъ городского хозяйства“. Существованіе подобныхъ коммиссій, по мнѣнію г. Зиновьева, коренныиъ образомъ измѣняетъ роль управы, содѣйствуетъ развитію канцеляризма въ городскомъ управленіи и создаетъ разрозненность его исполнительныхъ органовъ и ослабленіе отвѣтственности каждаго изъ нихъ за свою дѣятельность. „При запутанности отношеній къ дѣлу управы и исполнительныхъ коммиссій трудно было указать, кто виноватъ въ допущеніи того или иного безпорядка, а между тѣмъ безпорядки были неизбѣжны уже потому, что члены исполнительныхъ коммиссій, совмѣщая съ возложенными на нихъ обязанностями по городскому общественному управленію часто весьма сложныя обязанности по своей профессіи или даже по государственной службѣ, вынуждены были слишкомъ полагаться на вольнонаемныхъ лицъ, которыя, благодаря развитію канцеляризма, получили также замѣтное преобладаніе и въ городской управѣ. Въ сущности, впрочемъ, и отвѣтственность передъ думой стала совершенно мнимой, благодаря тому, что сама дума, состоя въ большинствѣ изъ членовъ исполнительныхъ коммиссій, обратилась изъ органа контролирующаго въ органъ исполнительный. Крупные недочеты въ городскомъ хозяйствѣ, случаи которыхъ возможны даже и при лучшей организаціи городского общественнаго управленія, возбуждавшіе усиленные толки въ печати и обществѣ, вызывали въ думѣ только пренія, не приводившія ни къ какому результату. Примѣромъ этого можно привести закупку муки въ 1891 г. для продовольствія нуждающагося населенія, потопленіе Дворцоваго моста, неудачную постройку фильтровъ, постройку Алафузовской и Новознаменской больницъ, безпорядки по постройкѣ Троицкаго моста; всѣ эти громкія дѣла закончились одними рѣчами, виновныхъ же не оказалось“. Съ другой стороны, сосре-

доточеніе въ думѣ исполнительной власти создало, по словамъ рапорта, обремененіе думы массой дѣлъ, крайнюю продолжительность засѣданій и слабое посѣщеніе этихъ засѣданій гласными, въ свою очередь содѣйствовавшее развитію въ дѣятельности думы партійнаго направленія. Въ ея засѣданіяхъ „нерѣдко получали преобладаніе лица, преслѣдующія не интересы города, а интересы отдѣльныхъ группъ населенія“.

Переходя къ отдѣльнымъ отраслямъ городского хозяйства, г. Зиновьевъ рисуетъ крайне яркую картину того печальнаго состоянія, въ какомъ находится это хозяйство. „Безспорно удовлетворительной“ онъ признаетъ лишь постановку народнаго образованія въ столицѣ, при чемъ, отмѣчая непрерывный ростъ расходовъ города на это дѣло, значительное увеличеніе числа училищъ и не менѣе значительное поднятіе процента грамотныхъ дѣтей школьнаго возраста, вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ, что коммиссія по народному образованію ведетъ хозяйство училищъ „вполнѣ раціонально и экономно“. Но это и единственное свѣтлое пятно въ даваемой рапортомъ г. Зиновьева картинѣ. Всѣ остальныя стороны городского хозяйства онъ изображаетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Больницъ въ Петербургѣ черезчуръ мало и, благодаря этому, онѣ страдаютъ невѣроятной тѣснотой. При передачѣ больницъ, около 20 лѣтъ тому назадъ, въ вѣдѣніе города, „приходилась среднимъ числомъ одна кровать на 180 жителей, въ настоящее время одна кровать приходится лишь на 202 жителя. Если принять въ соображеніе, что добавленіе числа кроватей приходится исключительно на больницы для умалишенныхъ и сифилитиковъ, то окажется, что число кроватей для всѣхъ остальныхъ больницъ за 20 лѣтъ, не смотря на громадный приростъ населенія, нисколько не увеличилось. Тѣмъ не менѣе больничное управленіе достигло значительнаго уменьшенія отказовъ въ пріемѣ больныхъ, но это уменьшеніе получено большей частью лишь путемъ переполненія больницъ, доходящаго въ отдѣльныхъ случаяхъ до размѣровъ, несовмѣстимыхъ съ самыми скромными требованіями гигіены. Достаточно указать, что въ то время, когда медицинскій совѣтъ ставитъ для ночлежныхъ домовъ непремѣннымъ условіемъ размѣщенія полторы кубическихъ сажени на человѣка, въ нѣкоторыхъ палатахъ столичныхъ больницъ приходится на одного больного немного болѣе половины этого объема. Не смотря на протесты врачебнаго персонала, справедливо указывающаго на полную невозможность лѣченія при такихъ условіяхъ, палаты больницы св. Николая Чудотворца или помѣщенія для алкоголиковъ въ Обуховской больницѣ скорѣе напоминаютъ плохія тюрьмы, чѣмъ лѣчебныя заведенія“. Еще хуже помѣщенія больничной прислуги. „Почти во всѣхъ больницахъ далеко не имѣется кроватей на полный комплектъ прислуги, и

одна кровать приходится часто на двухъ лицъ, при чемъ не обращается даже вниманія на то, что ею будутъ пользоваться по очереди служителя изъ различныхъ заразныхъ отдѣленій. Въ одномъ изъ отдѣленій для женской прислуги Обуховской больницы приходится менѣе $^{2}/_{3}$ куб. сажени на человѣка, даже если считать пространство, занятое кроватями, сундуками, подушками и перинами; помѣщеніе для прислуги въ Петропавловской больницѣ еще въ 1887 г. признавалось врачебной администраціей совершенно негоднымъ, въ настояшее же время можетъ быть признано положительно опаснымъ. При такой обстановкѣ нечего и думать о пріученіи больничной прислуги къ опрятности, и больничные служителя переносятъ привычную имъ грязь и въ больничныя палаты". Зданія больницъ настоятельно требуютъ капитальнаго ремонта, и въ виду этого „особенно рѣзко бросается въ глаза то обстоятельство, что по счетамъ управы числится до сихъ поръ почти полностью свободнымъ милліонный кредитъ, предназначенный на улучшеніе дѣла призрѣнія больныхъ, по займу 1897 года".

Не лучше и положеніе санитарнаго дѣла въ столицѣ. По словамъ рапорта, „двѣ устроенныя санитарныя квартиры, предназначенныя для эвакуаціи населенія зараженныхъ квартиръ, обставлены крайне неудачно. На дворѣ одной помѣщается городской ассенизаціонный обозъ, другая выходитъ окнами на свалку навоза изъ скотобойни и содержится крайне неопрятно". Другія мѣропріятія по оздоровленію города представляются еще менѣе удовлетворительными. Практикуемый въ Петербургѣ способъ ассенизаціи „совершенно первобытенъ, и въ улучшеніи его городское управленіе не шло далѣе предположеній и опытовъ. Достаточно сказать, что всѣ сточныя воды, а также жидкія и отчасти твердыя нечистоты прямо спускаются въ рѣки и каналы путемъ цѣлой сѣти деревянныхъ сточныхъ трубъ, мало препятствующихъ просачиванію нечистотъ непосредственно въ почву. Ветхость этихъ трубъ и недостаточность ихъ ремонта причиняетъ чуть ли не ежегодно затопленіе сточными водами жилыхъ подвальныхъ помѣщеній, а иногда и улицъ. Твердые отбросы вывозятся на такъ называемыя свалки, которыя съ расширеніемъ города оказываются въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ жилыми помѣщеніями, но къ устройству болѣе удаленныхъ свалокъ до сихъ поръ мѣръ не принято". Что касается до благоустроенной канализаціи, то „хотя вопросомъ этимъ городское управленіе занято чуть ли не 30 лѣтъ, къ осуществленію ея ничего не сдѣлано". Точно также и дѣло снабженія населенія хорошей питьевой водой поставлено въ столицѣ неудовлетворительно. Городскіе фильтры далеко недостаточны, а „такія многолюдныя части города, какъ Васильевскій островъ, Петербургская и Выборгская стороны, продолжаютъ снабжаться вовсе нефильтрованной нев-

ской водой", хотя послѣдняя въ настоящее время уже крайне загрязнена.

Заключая свое обозрѣніе недостатковъ петербургскаго городского хозяйства, г. Зиновьевъ останавливается еще на хозяйственныхъ операціяхъ городского общественнаго управленія. „Способъ веденія этихъ операцій,—говоритъ онъ въ своемъ рапортѣ, — таковъ, что для расходовъ на сотни тысячъ рублей не представляется никакой возможности провѣрки. Крупныя постройки и подряды сдаются контрагентамъ безъ заключенія съ ними письменныхъ условій или же эти условія составляются уже послѣ приступа къ работамъ. Торги назначаются или безъ публикацій, или съ публикаціями, въ такой срокъ, что заранѣе можно предвидѣть, что на торги никто не явится, или же явятся только лица, особо о томъ предувѣдомленныя; не рѣдки случаи, когда стотысячные подряды сдаются безъ торговъ, съ ничтожной набавкой противъ смѣтной цѣны, или по конкурренціи между немногими, особо приглашенными предпринимателями, выборъ которыхъ, повидимому, ничѣмъ не обусловленъ. Все это факты, попадающіеся на каждомъ шагу въ с.-петербургскомъ городскомъ хозяйствѣ. Достаточно указать на дѣло о постройкѣ Троицкаго моста, при которой о милліонномъ подрядѣ на сооруженіе соединительной дамбы были сдѣланы публикаціи, появившіяся въ петербургскихъ газетахъ едва за недѣлю, а въ одесскихъ — даже наканунѣ дня торга". „Не предполагая,—прибавляетъ по этому поводу авторъ рапорта,—чтобы со стороны выборныхъ должностныхъ лицъ с.-петербургскаго городского общественнаго управленія могли быть допущены злоупотребленія, и относя всѣ ихъ недосмотры къ отсутствію административной опытности и строго выработаннаго порядка, я не могу, однако, скрыть, что настоящій порядокъ городскихъ хозяйственныхъ операцій даетъ легкую возможность крупныхъ злоупотребленій со стороны низшаго служебнаго персонала, имѣющаго, при установившемся канцелярскомъ способѣ веденія дѣлъ, значительное вліяніе на общій ходъ ихъ. Во всякомъ случаѣ вышеуказанная безпорядочность несомнѣнно влечетъ нерѣдко за собой крупные для городской казны убытки".

Такова даваемая рапортомъ г. Зиновьева картина дѣятельности городского самоуправленія и состоянія городского хозяйства Петербурга. Вполнѣ возможно, что при ближайшемъ разслѣдованіи нѣкоторыя детали этой картины должны будутъ значительно измѣнить свой смыслъ. За послѣдніе дни въ столичныхъ газетахъ уже и приводились нѣкоторыя, не лишенныя интереса въ этомъ отношеніи справки о затронутыхъ въ названномъ рапортѣ фактахъ дѣятельности отдѣльныхъ органовъ петербургскаго самоуправленія. Съ другой стороны трудно не видѣть преувеличенія въ утвержденіяхъ рапорта, будто тридцать лѣтъ тому назадъ го-

родское хозяйство столицы находилось на высшей ступени благоустройства, чѣмъ въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе въ общемъ заключающаяся въ рапортѣ г. Зиновьева характеристика современнаго состоянія городского хозяйства въ Петербургѣ, несомнѣнно, близка къ истинѣ. По существу своему эта характеристика не является и совершенно новою, такъ какъ большинство фактовъ, на которыхъ она основана, не разъ уже служило предметомъ обсужденія въ печати. Оффиціальный документъ въ этомъ случаѣ лишь воспроизводитъ давно повторявшееся въ прессѣ утвержденіе, что городское хозяйство Петербурга во многихъ отношеніяхъ ведется крайне неудачно и далеко не удовлетворяетъ потребностей населенія столицы. Но въ чемъ же причины такого печальнаго положенія вещей и гдѣ правильный выходъ изъ него?

Выше мы уже видѣли отчасти, какъ разрѣшается этотъ вопросъ въ рапортѣ г. Зиновьева. Авторъ рапорта усматриваетъ главныя причины неустройства, царящаго въ петербургскомъ городскомъ хозяйствѣ, частью въ самомъ составѣ думы, частью въ присвоеніи ею исполнительной власти и отсутствіи сосредоточенія послѣдней въ управѣ. Къ этимъ двумъ причинамъ онъ присоединяетъ еще третью—„отсутствіе контроля за городскими хозяйственными операціями“. Для такого контроля, по мнѣнію г. Зиновьева, недостаточно ежегодно выбираемыхъ думой ревизіонныхъ коммиссій, какъ недостаточно и „надзора администраціи на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ надзоръ этотъ установленъ городовымъ положеніемъ 1892 г.“. Такой надзоръ возложенъ на градоначальника и осуществляется имъ чрезъ посредство особаго столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія. Но градоначальникъ слишкомъ занятъ собственно полицейскими обязанностями и вынужденъ передавать руководство дѣятельностью особаго присутствія своему помощнику. Въ свою очередь другіе члены присутствія изъ чиновъ губернской администраціи также отвлекаются своими прямыми обязанностями и должны замѣнять себя второстепенными губернскими чинами, „а при такомъ составѣ присутствія,—продолжаетъ авторъ рапорта,—въ дѣйствіяхъ его легко могутъ встрѣчаться ошибки и недосмотры. Такія ошибки способствуютъ умаленію авторитета присутствія, и городское общественное самоуправленіе далеко не всегда подчиняется этому авторитету, особенно въ виду того, что постановленія присутствія по разномысліямъ градоначальника и городского управленія не всегда могутъ быть признаны правильными, какъ это и доказываетъ не рѣдкая отмѣна этихъ постановленій Правительствующимъ Сенатомъ“. Но кромѣ того, по словамъ рапорта, „градоначальникъ въ сущности можетъ слѣдить лишь за дѣятельностью распорядительнаго органа городского общественнаго управленія, т. е. думы, постановленія которой ему по закону сообщаются;

о дѣятельности исполнительныхъ органовъ онъ можетъ узнавать лишь путемъ ревизій, а для такихъ ревизій въ распоряженіи его не имѣется средствъ". Къ тому же „и ревизіи предупредить безпорядковъ не могутъ, а обнаруживаютъ ихъ въ то время, когда вредныя послѣдствія ихъ проявились".

Исходя изъ этихъ положеній, авторъ рапорта находитъ, что „крайне желательно установить постоянный, болѣе строгій и обладающій большими средствами контроль дѣйствій исполнительныхъ органовъ с.-петербургскаго городского общественнаго управленія", но вмѣстѣ съ тѣмъ „едва ли желательно создать его, по крайней мѣрѣ, на первое время, на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ онъ существуетъ для хозяйственныхъ операцій, производимыхъ административными учрежденіями". Контроль послѣдняго типа, „несомнѣнно, излишне стѣснитъ, особенно на первое время, непривыкшіе къ нему городскіе исполнительные органы и, вводя сразу строгій формализмъ, вызоветъ охлажденіе къ дѣятельности на поприщѣ городского общественнаго хозяйства иногда самыхъ лучшихъ силъ". Цѣль же проектируемаго контроля „должна состоять въ томъ, чтобы давать администраціи, на которой лежитъ надзоръ, а, слѣдовательно, отчасти и отвѣтственность за правильность городского хозяйства, осуществлять такой надзоръ фактически, предупреждая путемъ его тѣ отклоненія, которыя могутъ встрѣтиться въ дѣйствіяхъ исполнительныхъ органовъ городского общественнаго управленія. Контроль этотъ долженъ быть, если можно такъ выразиться, эластиченъ и не примѣняться одинаково сразу ко всѣмъ, большей частью мелочнымъ, распоряженіямъ по городскому хозяйству, а обращать преимущественное вниманіе, по указанію администраціи, на которую возложенъ надзоръ за этимъ хозяйствомъ, на тѣ операціи, за которыми по обширности и сложности ихъ необходимо слѣдить неотступно". Въ заключеніе авторъ рапорта высказываетъ „глубокое убѣжденіе" въ томъ, что отмѣченные имъ недостатки петербургскаго городского самоуправленія „обусловлены не основными началами, на которыхъ покоится строй городского управленія, но въ значительной степени тѣми отступленіями отъ этихъ началъ, благодаря которымъ с.-петербургская городская дума, состоящая къ тому же исключительно изъ представителей незначительнаго и при томъ далеко не всегда преслѣдующаго общественные интересы меньшинства населенія, т. е. домовладѣльцевъ, сосредоточила въ себѣ одновременно распорядительную, исполнительную и контролирующую власть". „Съ устраненіемъ этого недостатка,—говоритъ г. Зиновьевъ—если одновременно будутъ усилены средства администраціи по надзору за такимъ сложнымъ хозяйствомъ, каковымъ представляется въ настоящее время хозяйство столицы, можно разсчитывать на водвореніе въ немъ большаго порядка".

Итакъ, въ видахъ упорядоченія дѣятельности петербургскаго городского самоуправленія проектируются собственно три мѣры; нѣкоторое расширеніе состава городскихъ избирателей путемъ включенія въ ихъ число, помимо домовладѣльцевъ, и „другихъ состоятельныхъ классовъ населенія“, сосредоточеніе всей исполнительной власти въ рукахъ управы и передача контролирующей власти администраціи или, точнѣе говоря, такая организація административнаго контроля, при которой онъ простирался бы не только на постановленія думы, но и на всѣ дѣйствія исполнительныхъ ея органовъ. Несомнѣнно, такого рода мѣры явятся не столько отступленіемъ отъ основныхъ началъ городового положенія 1892 г., сколько дальнѣйшимъ и послѣдовательнымъ развитіемъ этихъ началъ. Другой вопросъ, однако, будетъ ли путь, направленный въ эту сторону, вести и къ улучшенію городского хозяйства. Мы получимъ возможность отвѣтить на этотъ вопросъ и вмѣстѣ съ тѣмъ больше уяснимъ себѣ смыслъ изложеннаго проекта, если присмотримся поближе къ входящимъ въ его составъ мѣрамъ.

Въ рапортѣ г. Зиновьева, какъ мы видѣли, отмѣчается несостоятельность дѣйствующаго порядка избранія городскихъ гласныхъ. Но критическія замѣчанія названнаго документа касаются по преимуществу формы избирательныхъ собраній и за предѣлами этого вопроса идутъ не особенно далеко. Авторъ рапорта признаетъ нормальнымъ и желательнымъ произведенное положеніемъ 1892 г. сокращеніе состава городскихъ избирателей и осуждаетъ лишь введенный этимъ закономъ порядокъ выбора гласныхъ въ одномъ общемъ собраніи,—для Петербурга, впрочемъ, уже отмѣненный. Быть можетъ, и это осужденіе слишкомъ рѣшительно. При наличныхъ условіяхъ выборы въ одномъ собраніи, пожалуй, имѣютъ за себя нѣкоторые серьезные доводы сравнительно съ системою избранія по участкамъ, при которой избиратели должны намѣчать себѣ кандидатовъ изъ ничтожнаго числа приписанныхъ къ данному участку лицъ. Но, какъ бы ни смотрѣть на этотъ частный вопросъ, трудно отрицать, что онъ совершенно теряетъ свое значеніе передъ другимъ, несравненно болѣе широкимъ и важнымъ вопросомъ о числѣ и составѣ избирателей. Самъ авторъ цитированнаго рапорта констатируетъ тотъ фактъ, что результатомъ рекомендуемыхъ имъ выборовъ по участкамъ при дѣйствіи Положенія 1892 г. явилось „образованіе думы почти исключительно изъ однихъ домовладѣльцевъ“. Иначе и не могло быть. Законъ 1892 г. сократилъ въ Петербургѣ число избирателей почти втрое, включивъ въ него лишь домовладѣльцевъ и купцовъ первой и второй гильдіи, въ громадномъ большинствѣ случаевъ также являющихся домовладѣльцами. Въ городѣ съ милліоннымъ населеніемъ носителями избирательнаго права оказались 6.000—8.000 человѣкъ. Можно ли уди-

вляться, что результатомъ такого порядка явилась „дума, состоящая исключительно изъ представителей незначительнаго и при томъ далеко не всегда преслѣдующаго общественные интересы меньшинства населенія, т. е. домовладѣльцевъ“? Но подобный составъ думы, во многихъ случаяхъ дѣлающій ее выразительницею интересовъ, далеко не тожественныхъ съ интересами большинства населенія, и послужилъ главною причиною современныхъ неурядицъ въ городскомъ хозяйствѣ, плохо и недостаточно обслуживающемъ нужды этого большинства.

Въ настоящее время для исправленія такихъ неурядицъ предполагается привлечь къ выбору гласныхъ и другіе состоятельные классы городского населенія. Поможетъ ли, однако, это лѣкарство противъ той болѣзни, лѣчить которую оно предназначено? Система выборнаго самоуправленія всецѣло основана на представительствѣ интересовъ и всякая выборная коллегія въ своей дѣятельности неизбѣжно болѣе или менѣе полно отражаетъ интересы своихъ избирателей. Сообразно этому дѣятельность самоуправленія направляется въ сторону „общественныхъ интересовъ“ въ прямой зависимости отъ того, насколько представлены въ немъ всѣ элементы, входящіе въ составъ даннаго общества. Но очевидно, что существующее въ области городского самоуправленія положеніе вещей не измѣнится сколько-нибудь существенно, если къ домовладѣльцамъ будутъ присоединены въ качествѣ избирателей другіе состоятельные классы населенія. Городское хозяйство и въ этомъ случаѣ останется попрежнему въ завѣдываніи ничтожнаго меньшинства населенія и попрежнему же представители этого меньшинства въ своихъ дѣйствіяхъ будутъ руководиться интересами, не всегда совпадающими съ нуждами большинства. „Состоятельные классы“ далеко не представляютъ собою совокупности лицъ, наиболѣе заинтересованныхъ въ правильномъ веденіи главныхъ отраслей городского хозяйства. Въ большинствѣ случаевъ послѣднее либо затрогиваетъ матеріальные интересы названныхъ классовъ лишь косвенно, либо даже ставитъ ихъ въ прямую противоположность съ интересами главной массы населенія. Съ другой стороны одинъ голый фактъ имущественной состоятельности самъ по себѣ еще не сообщаетъ обладающему такою состоятельностью лицу ни большаго безкорыстія, ни большей подготовленности къ общественному дѣлу. Въ виду этого отъ расширенія избирательнаго права исключительно въ предѣлахъ состоятельныхъ классовъ довольно трудно ожидать серьезныхъ и благотворныхъ перемѣнъ въ городскомъ хозяйствѣ. Послѣднее едва-ли радикально измѣнитъ свое направленіе до той поры, пока избирательное право останется привилегіей одной небольшой кучки, а не правомъ всѣхъ главныхъ группъ городского населенія.

Помимо числа и состава избирателей есть, однако, и другое

важное условіе правильнаго функціонированія самоуправленія, заключающееся въ степени предоставляемой послѣднему самостоятельности. Съ вопросомъ о предѣлахъ этой самостоятельности тѣсно связана вторая проектируемая въ рапортѣ г. Зиновьева мѣра, сводящаяся къ подчиненію власти городской управы избираемыхъ думою исполнительныхъ коммиссій. Утвержденіе рапорта, что существующій порядокъ дѣйствія такихъ коммиссій нарушаетъ предоставленное закономъ управѣ значеніе „единственнаго“ исполнительнаго органа городского самоуправленія, само по себѣ несовсѣмъ согласно съ истиной. Положеніе 1892 г. нигдѣ не называетъ управу единственнымъ исполнительнымъ органомъ думы. Напротивъ, третье отдѣленіе названнаго закона носитъ заголовокъ: „о городской управѣ и другихъ исполнительныхъ органахъ городского общественнаго управленія“. Согласно же статьѣ 103-й Положенія, „для ближайшаго завѣдыванія отдѣльными отраслями хозяйства и управленія могутъ быть назначаемы думами особыя лица, а въ случаѣ необходимости и особыя исполнительныя коммиссіи“, при чемъ „тѣ и другія, подчиняясь управѣ, дѣйствуютъ на основаніи инструкцій городской думы и вступаютъ въ отправленіе своихъ обязанностей съ разрѣшенія губернатора“. Въ Петербургѣ коммиссіи утверждаются градоначальникомъ и, разъ онѣ получили такое утвержденіе, ихъ существованіе, очевидно, покоится уже на твердомъ юридическомъ основаніи. Съ другой стороны не менѣе ясно, что исполнительныя коммиссіи, назначаемыя думой и дѣйствующія на основаніи ея инструкцій, передъ нею же должны и отвѣчать за соблюденіе этихъ инструкцій, а оговоренное въ законѣ подчиненіе коммиссій управѣ не можетъ быть полнымъ и скорѣе должно являться чисто внѣшнимъ признакомъ.

Находя для себя опору въ законѣ, существованіе городскихъ исполнительныхъ коммиссій, облеченныхъ извѣстною долей самостоятельности, вмѣстѣ съ тѣмъ вызывается прямою необходимостью. Такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло во всѣхъ большихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Петербургѣ. При отсутствіи подобныхъ коммиссій наличный составъ городской управы не имѣлъ бы здѣсь возможности справиться съ сложнымъ городскимъ хозяйствомъ и, слѣдовательно, пришлось бы прибѣгнуть къ значительному увеличенію этого состава. Едва-ли такая мѣра могла бы содѣйствовать ослабленію канцеляризма и уменьшенію расходовъ въ городскомъ самоуправленіи. Скорѣе она повела бы къ совершенно противоположнымъ послѣдствіямъ. При всемъ томъ совершенно вѣрно, что въ петербургской думѣ черезчуръ большая доля гласныхъ состоитъ членами исполнительныхъ коммиссій и что отношенія такихъ коммиссій къ управѣ почти вездѣ, а въ Петербургѣ въ особенности, представляются крайне запутанными. Но первое обстоятельство зависитъ отъ малочисленно-

сти петербургской думы, а второе имѣетъ свои особыя причины, коренящіяся въ томъ положеніи, какое занимаютъ современныя городскія управы по отношенію къ думамъ.

Законъ 1892 года признаетъ, правда, городскую управу исполнительнымъ органомъ думы, но въ то же время почти совершенно эмансипируетъ первую отъ вліянія второй. Члены управы, согласно этому закону, назначаются либо утверждаются администраціей, состоятъ на государственной службѣ и могутъ быть подвергаемы тою же администраціей различнымъ дисциплинарнымъ взысканіямъ, вплоть до удаленія отъ службы. Между тѣмъ, дума лишена возможности какого бы то ни было воздѣйствія на свою управу и можетъ лишь просить о преданіи послѣдней суду, при чемъ исполненіе или неисполненіе такого рода просьбъ зависитъ опять-таки отъ рѣшенія административныхъ учрежденій. Самыя постановленія думы, обладающей распорядительною властью, становятся обязательными для управы лишь съ момента утвержденія ихъ администраціей. Совершенно естественно, что при дѣйствіи такихъ условій городскія управы не только не являются исполнителями думской воли, но почти безусловно высвобождаются изъ-подъ власти думъ и, купивъ такое освобожденіе цѣною собственной самостоятельности, нерѣдко послѣ того встрѣчаютъ всѣ требованія и желанія большинства гласныхъ спокойнымъ пренебреженіемъ. Своего апогея такой порядокъ достигъ въ Петербургѣ при нынѣшнемъ городскомъ головѣ: г. Леляновъ, какъ извѣстно, упорно отмалчивается отъ всѣхъ обращенныхъ къ нему требованій думы, не менѣе упорно возводя свою волю въ законъ для городского самоуправленія, и эта несложная система дѣйствій имѣетъ блестящій успѣхъ. Вполнѣ понятно, однако, и то, что думы, поскольку въ нихъ еще живъ духъ самоуправленія, стремятся сократить районъ такихъ пріемовъ управы и, передавая отдѣльныя отрасли хозяйства въ вѣдѣніе исполнительныхъ коммиссій, вмѣстѣ съ тѣмъ старательно ограждаютъ послѣднія отъ вмѣшательства управы. Отъ ограниченія возможности практиковать подобный способъ дѣйствій, быть можетъ, и выиграетъ централизація городского управленія, но такой выигрышъ, несомнѣнно, будетъ достигнутъ на счетъ сохранившихся еще остатковъ думской самостоятельности и соотвѣтственно этому врядъ-ли отразится очень выгодно на общемъ ходѣ городского хозяйства. Поскольку послѣднее носитъ общественный характеръ и нуждается въ приливѣ свѣжихъ силъ, оно для своего успѣха безусловно требуетъ извѣстной самостоятельности.

Эта самостоятельность уже и закономъ 1892 г. предоставлена органамъ городского самоуправленія въ довольно узкихъ предѣлахъ, такъ какъ, по названному закону, губернское, а въ Петербургѣ столичное присутствіе, утверждая поста-

новленія думы, входитъ въ разсмотрѣніе не только законности, но и правильности ихъ. Въ настоящее время предполагается, однако, развить административный контроль еще далѣе, распространивъ его на дѣйствія всѣхъ исполнительныхъ органовъ думы. Такая мѣра мотивируется желаніемъ предупредить упущенія и злоупотребленія въ городскомъ хозяйствѣ. Насчетъ того, достигнетъ-ли она этой цѣли, могутъ быть различныя мнѣнія. Какъ ни какъ, наряду съ несомнѣнными случаями злоупотребленій въ городскомъ хозяйствѣ, можно указать, не выходя изъ сферы печатныхъ свѣдѣній, не меньшее число такихъ же случаевъ въ хозяйствѣ административныхъ учрежденій. Не нужно забывать при томъ, что дѣятельность органовъ самоуправленія болѣе открыта критикѣ печати и общества, нежели аналогичная дѣятельность администраціи. Но не можетъ быть разныхъ мнѣній о томъ, что предположенное усиленіе административнаго контроля ослабитъ возможность такой критики въ области городского хозяйства и вмѣстѣ съ тѣмъ, говоря словами рапорта г. Зиновьева, „вызоветъ охлажденіе къ дѣятельности на поприщѣ городского общественнаго хозяйства иногда самыхъ лучшихъ силъ“. „Эластичность“ проектируемаго контроля не помѣшаетъ этому. Скорѣе даже наоборотъ. Чѣмъ „эластичнѣе“ или, иначе говоря, чѣмъ субъективнѣе будетъ этотъ контроль, тѣмъ сильнѣе, быть можетъ, проявятся указанныя его послѣдствія. Въ свою очередь значеніе послѣднихъ не требуетъ подробныхъ комментаріевъ.

Въ общемъ осуществленіе изложеннаго проекта явится для городовъ рѣшительнымъ шагомъ къ замѣнѣ нынѣшняго ограниченнаго самоуправленія управленіемъ, построеннымъ по бюрократическому типу, съ предоставленіемъ извѣстной части мѣстнаго общества не столько распорядительнаго, сколько совѣщательнаго голоса. Насколько подобная реформа представляется уже предрѣшенною, сказать, конечно, трудно. Можно только замѣтить, что основныя причины неурядицъ въ современномъ городскомъ хозяйствѣ останутся во всякомъ случаѣ незатронутыми ею, такъ какъ эти причины могутъ быть устранены лишь путемъ расширенія сферы городского самоуправленія и установленія большей согласованности въ дѣйствіяхъ его органовъ.

IV.

За послѣдній мѣсяцъ опубликовано нѣсколько правительственныхъ распоряженій и сообщеній. Воспроизводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ. Съ 1 декабря 1902 года, какъ сообщено въ газетахъ *), въ Самарѣ, Витебскѣ, Двинскѣ, Кишиневѣ, Ярославлѣ,

*) «Р. Вѣдомости», 5 Февраля 1903 г.

Казани и Ригѣ возстановленъ общій порядокъ управленія. Срокъ дѣйствія Положенія объ усиленной охранѣ продолженъ еще на одинъ годъ въ Виленской губерніи, въ Могилевѣ, Гомелѣ, Минскѣ, Бѣлостокѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Юрьевѣ, Томскѣ, въ Полтавѣ, въ уѣздахъ Полтавской губерніи: Полтавскомъ, Константиноградскомъ, Переяславскомъ, Лубенскомъ и Кременчугскомъ, и въ Саратовѣ. Сверхъ того съ того же срока вновь объявлено на одинъ годъ Положеніе объ усиленной охранѣ во всей Саратовской губерніи.

Въ декабрьской книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ сообщалось уже о приговорѣ, вынесенномъ 9 ноября саратовской судебной палатой по дѣлу нѣсколькихъ лицъ, обвинявшихся по 2 ч. 252 ст. улож. о нак. за участіе въ произведенной 5 мая 1902 г. въ Саратовѣ демонстраціи. Какъ передаютъ теперь газеты *), приговоръ этотъ по кассаціонной жалобѣ защитниковъ нѣкоторыхъ подсудимыхъ, присужденныхъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь, 31 января текущаго года разсматривался уголовнымъ департаментомъ правительствующаго сената, который утвердилъ рѣшеніе палаты.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" 17 января было напечатано слѣдующее сообщеніе министерства юстиціи:

„6-го мая 1902 года на хуторѣ Тихорѣцкомъ, Кавказскаго отдѣла, Кубанской области, окончила жизнь самоубійствомъ содержавшаяся въ мѣстномъ арестномъ помѣщеніи румынская подданная Татьяна Иванова Золотова, 19 лѣтъ, обвинявшаяся въ кражѣ у городского судьи 3-го участка г. Симбирска, Добровольскаго, изъ желѣзнодорожнаго поѣзда, совершенной 1-го того же мая, а затѣмъ, 9-го мая, послѣ вскрытія и погребенія Золотовой, въ названномъ хуторѣ, толпою желѣзнодорожныхъ рабочихъ произведены были серьезные безпорядки. По поводу упомянутой выше кражи исправлявшій въ то время должность судебнаго слѣдователя 2-го участка Кавказскаго отдѣла, Пусеппъ, по сообщенію желѣзнодорожной жандармской полиціи, приступилъ 2-го мая къ производству предварительнаго слѣдствія по признакамъ преступленія, предусмотрѣннаго ст. 1651 улож. нак.

„Независимо отъ сего, 8-го мая, вслѣдствіе заявленія отца покойной о томъ, что Золотова лишила себя жизни подъ вліяніемъ насильственныхъ противъ нея дѣйствій чиновъ мѣстной хуторской полиціи, временно исполнявшій обязанности судебнаго слѣдователя упомянутаго выше участка, старшій кандидатъ на судебныя должности, Мантулинъ, началъ предварительное слѣдствіе о причинѣ смерти названной Золотовой. Вмѣстѣ съ симъ

*) «Право», 1903, №№ 7 и 8.

возбуждено было предварительное слѣдствіе и о безпорядкахъ, произведенныхъ рабочими послѣ погребенія Золотовой, при чемъ, по предложенію прокурора екатеринодарскаго окружнаго суда отъ 17-го мая минувшаго года, всѣ три вышепоименованныя слѣдствія были переданы для дальнѣйшаго производства и. д. судебнаго слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ екатеринодарскаго окружного суда, Алексѣеву.

„19-го іюня 1902 года въ № 164 газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости“ помѣщена была корресподенція изъ Царицына о томъ, будто бы 18 лѣтняя дочь чиновника Золотова сдѣлалась жертвой гнуснаго насилія со стороны проживающаго на станціи Тихорѣцкой судебнаго слѣдователя, который, затѣмъ приказавъ арестовать ее по мнимому обвиненію въ кражѣ, передалъ ее, уже опозоренную, на поруганье нижнимъ полицейскимъ чинамъ хутора, во власти коихъ несчастная дѣвушка находилась до 6-го мая, когда съ отчаянія рѣшилась отравиться карболовой кислотой.

„Приведенное сообщеніе относительно образа дѣйствій лицъ судебнаго вѣдомства вполнѣ опровергалось доставленными въ министерство юстиціи мѣстнымъ прокурорскимъ надзоромъ свѣдѣніями о результатахъ произведенныхъ по тремъ указаннымъ выше дѣламъ разслѣдованій. Однако, въ видахъ всесторонней провѣрки газетныхъ сообщеній и слуховъ относительно дѣйствій чиновъ судебнаго вѣдомства по дѣлу Золотовой, министръ юстиціи призналъ необходимымъ въ концѣ іюня 1902 г. командировать въ хуторъ Тихорѣцкій товарища прокурора с.-петербургской судебной палаты, статскаго совѣтника Заруднаго, для производства на мѣстѣ таковой провѣрки. Собранныя названнымъ должностнымъ лицомъ свѣдѣнія, а также данныя, добытыя какъ предварительными слѣдствіями по дѣлу Золотовой, такъ и разслѣдованіями, произведенными на мѣстѣ предсѣдателемъ и прокуроромъ екатеринодарскаго окружнаго суда, а равно и исправлявшимъ должность прокурора тифлисской судебной палаты, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Леммерманомъ, послужили основаніемъ для помѣщеннаго отъ министерства юстиціи въ № 199 газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости“ отъ 24 іюля 1902 года подробнаго разъясненія, въ коемъ изложены существенныя обстоятельства настоящаго дѣла.

„Между тѣмъ, и послѣ оглашенія означеннаго разъясненія газета „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и нѣкоторые другіе органы печати продолжали обсуждать дѣло Золотовой и высказывать различныя по поводу онаго мнѣнія, направленныя къ колебанію достовѣрности сообщенныхъ министерствомъ юстиціи свѣдѣній.

„Затѣмъ, въ августѣ минувшаго года въ производствѣ судебнаго слѣдователя 4-го участка гор. С.-Петербурга, возникло возбужденное по жалобѣ и. д. судебнаго слѣдователя Пусеппа

предварительное слѣдствіе по обвиненію имъ редактора газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости“ князя Ухтомскаго въ клеветѣ въ печати, выразившейся въ опубликованіи завѣдомо ложныхъ и позорящихъ честь и достоинство его, Пусеппа, свѣдѣній по дѣлу Золотовой. Слѣдствіе это, производящееся въ порядкѣ частнаго обвиненія, въ виду не состоявшагося примиренія между сторонами, продолжается и нынѣ не приведено еще къ окончанію.

„Что же касается упомянутыхъ выше предварительныхъ слѣдствій о причинѣ смерти Татьяны Золотовой и о кражѣ ею вещей изъ вагона, то слѣдствія эти уже окончены и опредѣленіемъ екатеринодарскаго окружнаго суда отъ 7-го января сего года прекращены въ порядкѣ, указанномъ ст. 277 уст. угол. суд., первое—за отсутствіемъ признаковъ преступнаго дѣянія, а второе—за смертью Татьяны Золотовой. Дѣло же о безпорядкахъ рабочихъ въ хуторѣ Тихорѣцкомъ заканчивается и въ непродолжительномъ времени будетъ направлено съ обвинительнымъ актомъ о преданіи суду лицъ, изобличенныхъ въ сихъ безпорядкахъ.

„Нынѣ въ № 15 газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости“ отъ 16-го текущаго января помѣщено письмо въ редакцію князя Михаила Андроникова и статья подъ заглавіемъ: „Нельзя молчать“, за подписью „Мечтатель“, въ которыхъ, между прочимъ, содержится категорическое указаніе на то, что Татьяна Золотова не сама отравилась карболовою кислотою, а была умышленно лишена жизни, чтобы „скрыть слѣды насилій нѣсколькихъ десятковъ лицъ, которыми она была замучена“, при чемъ „карболовую кислоту влили въ ротъ Золотовой уже мертвой“.

„Хотя означенныя указанія находятся въ полномъ противорѣчіи съ результатами произведенныхъ по настоящему дѣлу предварительныхъ слѣдствій и со всѣми другими имѣющимися въ распоряженіи министерства юстиціи подробными и тщательно провѣренными по сему дѣлу свѣдѣніями, министръ юстиціи тѣмъ не менѣе призналъ нужнымъ, въ цѣляхъ окончательнаго разслѣдованія приведенныхъ выше указаній на убійство Золотовой, предложить судебному слѣдователю по особо важнымъ дѣламъ с.-петербургскаго окружнаго суда, дѣйствительному статскому совѣтнику Бурцову, произвести предварительное слѣдствіе о насильственномъ лишеніи жизни Татьяны Золотовой, съ возложеніемъ особаго наблюденія за этимъ слѣдствіемъ на прокурора тифлисской судебной палаты, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Коваленскаго. По окончаніи этого предварительнаго слѣдствія, все производство по оному будетъ опубликовано“.

Въ той же газетѣ 6 февраля былъ напечатанъ слѣдующій приказъ по морскому вѣдомству отъ 1 февраля 1903 г., за № 17.

„По поводу одного изъ производившихся въ военно-морскомъ судебномъ вѣдомствѣ дѣлъ, осужденнымъ по этому дѣлу распространяется записка, въ которой указывается на допущенныя, будто бы, по дѣлу нарушенія закона и неправильности.

„Лично убѣдившись въ совершенной неосновательности и несправедливости нареканій, взводимыхъ въ упомянутой запискѣ на чиновъ военно-морского судебнаго вѣдомства, участвовавшихъ въ производствѣ означеннаго дѣла, считаю необходимымъ выразить одобреніе ихъ правильному и согласному съ закономъ образу дѣйствій по этому дѣлу.

Подписалъ: Генералъ-Адмиралъ *Алексѣй*".

Въ „Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ" напечатано такое сообщеніе: „Въ сообщеніи предсѣдателя правленія общества содѣйствія начальному образованію въ Курской губерніи курскому полиціймейстеру о предметахъ занятій общаго собранія членовъ названнаго общества, назначеннаго на 18-е сего января, между прочимъ, указано заслушаніе докладовъ по поводу 200-лѣтняго юбилея русской періодической печати, каковые доклады, какъ совершенно не относящіеся къ опредѣленной уставомъ дѣятельности общества, не подлежали заслушанію въ общемъ собраніи членовъ. На это обстоятельство исполняющимъ обязанности курскаго полиціймейстера, помощникомъ его Криштофомъ, не было обращено никакого вниманія и не только не было г. губернатору своевременно донесено о незаконности назначенныхъ къ обсужденію предметовъ занятій общаго собранія, но даже и о самомъ назначеніи этого собранія, вслѣдствіе чего состоялось чтеніе докладовъ, воспрещеніе которыхъ было обязательнымъ. За такое нерадѣніе по службѣ, г. губернаторъ, на основаніи 410 ст. улож. о наказан., объявляетъ помощнику курскаго полиціймейстера Криштофу строгій выговоръ" *).

Въ январьской книжкѣ нашего журнала приводилось сообщеніе „Вѣдомостей Одесскаго Градоначальства" о происходившихъ въ одесской тюрьмѣ 2 января безпорядкахъ, при которыхъ были убиты тюремною стражей одинъ арестантъ и солдатами—одна арестантка. Теперь та же газета въ дополненіе къ первой своей статьѣ сообщаетъ, что „пуля, которою убита арестантка въ женскомъ отдѣленіи тюрьмы, какъ выяснено произведенною при слѣдствіи экспертизою, была револьверная, а не ружейная" **). Та-

---

*) Цитируемъ по «Спб. Вѣдомостямъ», 2 февр. 1903 г.
**) Цитируемъ по «Южному Обозрѣнію», 20 янв. 1903 г.

кимъ образомъ сразившій арестантку Спвокову выстрѣлъ, повидимому, произведенъ былъ не солдатомъ.

Приведемъ еще распоряженія послѣдняго времени, касающіяся Финляндіи. Въ „Финляндской Газетѣ“ напечатанъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ финляндскому генералъ-губернатору, данный въ Петербургѣ 12 (25) января 1903 г.:

„Согласно повелѣнію Нашему, объявленному въ рескриптѣ отъ 19-го февраля (4-го марта), въ 1902 г. надлежало призвать 280 человѣкъ на дѣйствительную службу въ л.-гв. 3-й стрѣлковый финскій батальонъ. Между тѣмъ, къ вынутію жеребья изъ 26,284 призывныхъ явилось только 11,886 человѣкъ. Таковое уклоненіе подлежавшихъ призыву молодыхъ людей отъ исполненія возложеннаго на нихъ закономъ вѣрноподданническаго долга не должно остаться безъ взысканія. Вслѣдствіе сего, повелѣваемъ, не предавая суду уклонившихся отъ военной службы, принять слѣдующія мѣры: 1) состоящихъ на государственной службѣ въ правительственныхъ учрежденіяхъ уволить отъ оной въ порядкѣ, указанномъ въ Высочайшемъ постановленіи отъ 1-го (14-го) августа 1902 г.; 2) отъ подлежавшихъ въ 1902 году призыву, при поступленіи на государственную или общинную службу, требовать представленіе свидѣтельствъ объ явкѣ къ исполненію воинской повинности; 3) въ теченіе пяти лѣтъ не выдавать уклонившимся заграничныхъ паспортовъ; 4) при разрѣшеніи общинамъ и отдѣльнымъ лицамъ ссудъ и пособій изъ казенныхъ суммъ принимать въ соображеніе степень участія ихъ въ противодѣйствіи призыву; и 5) всѣхъ уклонившихся зачислить въ ополченіе. Затѣмъ, относительно доукомплектованія финскаго гвардейскаго батальона, Мы предоставляемъ вамъ привести въ исполненіе, на особо одобренныхъ Нами основаніяхъ, предложенныя вами мѣры. Съ тѣмъ вмѣстѣ, Мы признали за благо разрѣшить вамъ тѣхъ изъ призывныхъ 1902 г., которые исполнили свой долгъ и, по вынутіи жеребья, своевременно поступили въ войска, обратить, безъ зачисленія въ ополченіе, въ первобытное состояніе, по мѣрѣ заполненія уклонившимися отъ призыва штата л.-гв. 3-го стрѣлковаго финскаго батальона“.

Въ той же газетѣ напечатанъ слѣдующій приказъ по войскамъ финляндскаго военнаго округа:

„Вслѣдствіе упущеній, обнаруженныхъ въ призывѣ 1902 года, въ порядкѣ укомплектованія лейбъ-гвардіи 3-го финскаго стрѣлковаго батальона, Государю Императору 9-го января Высочайше благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть императорскому финляндскому сенату для укомплектованія поименованнаго батальона принять въ него всѣхъ, изъявившихъ добровольное желаніе поступить на службу, но не попавшихъ въ

число новобранцевъ, а затѣмъ разыскать и доставить на службу неявившихся новобранцевъ и довзыскать съ тѣхъ общинъ, гдѣ не было произведено жеребьеметанія, недоназначенныхъ воинскими присутствіями до установленной нормы людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Его Императорское Величество соизволилъ признать за благо предоставить мнѣ обратить въ первобытное состояніе безъ зачисленія въ ополченіе по мѣрѣ заполненія уклонившимися отъ призыва штата батальона тѣхъ изъ призывныхъ 1902 года, которые исполнили свой долгъ и по вынутіи жеребья своевременно въ него поступили. О таковой Монаршей волѣ, объявляя по Высочайше мнѣ ввѣренному округу, предписываю начальнику окружного штаба, какъ завѣдующему лейбъ-гвардіи 3-мъ стрѣлковымъ финскимъ батальономъ: 1) для наблюденія за дальнѣйшимъ ходомъ укомплектованія представлять мнѣ ежемѣсячно къ 1-му и 15-му числамъ о прибывшихъ на пополненіе батальона людяхъ, и изъ него увольняемыхъ съ распредѣленіемъ тѣхъ и другихъ по вышеупомянутымъ разрядамъ и 2) установить въ батальонѣ порядокъ обученія вновь прибывающихъ, и въ видахъ поддержанія его боевой подготовки представить соображенія о срокѣ допуска и размѣрѣ вызываемаго тѣмъ въ немъ сверхъ комплекта".

Помимо того въ истекшемъ январѣ опубликованы слѣдующія распоряженія, касающіяся перемѣнъ въ личномъ составѣ управленія по Великому Княжеству Финляндскому:

„Увольняется согласно прошенію, причисленный къ статсъ-секретаріату, гофмейстеръ Высочайшаго двора графъ Армфельтъ — отъ службы по статсъ-секретаріату, съ оставленіемъ гофмейстеромъ".

„Назначаются: референдарій-секретарь духовной экспедиціи хозяйственнаго департамента Императорскаго финляндскаго сената Бернлундъ—сенаторомъ и членомъ судебнаго департамента означеннаго сената и секретарь финляндской Его Императорскаго Величества канцеляріи Бергъ—куопіоскимъ губернаторомъ, оба съ 19-го декабря".

„Увольняются отъ службы, согласно прошеніямъ: куопіоскій губернаторъ Крогіусъ, совѣтникъ абосскаго гофгерихта Сереніусъ и ассесоръ того же гофгерихта Росендаль, всѣ трое съ 19-го декабря".

„Назначается главный инспекторъ главнаго управленія училищнаго вѣдомства въ Финляндіи, докторъ философіи Таваст-шерна — помощникомъ главнаго директора названнаго управленія".

„Увольняется отъ службы, согласно прошенію, главный почтъ-директоръ въ Финляндіи Лагерборгъ".

9 января ландсекретаремъ Нюландской губерніи, согласно новымъ правиламъ о службѣ чиновъ гражданскаго вѣдомства,

впервые назначенъ русскій уроженецъ, оберъ-офицеръ для порученій, при канцеляріи генералъ-губернатора, капитанъ Рейнботъ.

Наконецъ, 30 января состоялось Высочайшее повелѣніе объ увольненіи отъ службы, согласно прошеніямъ, губернаторовъ: або-бьернеборгскаго ген.-маіора Вильгельма Теодора фонъ Кремера, сенъ-михельскаго д. с. с. Леонарда-Фритіофа Мунка, вазаскаго—отставного полковника Фредрика-Геронимо Бьернберга и и. д. улеаборгскаго губернатора полковника Кнута-Густава-Элиса-Эдуарда Фуругельма.

Сообщая объ этомъ послѣднемъ фактѣ, оффиціальная „Финляндская Газета“ съ своей стороны комментируетъ его слѣдующимъ сообщеніемъ:

„На тайномъ собраніи 30-го октября въ Гельсингфорсѣ было, между прочимъ, рекомендовано всеобщее неповиновеніе должностныхъ лицъ велѣніямъ закона, не одобреннаго мѣстными главарями сепаратистской пропаганды. Было признано затѣмъ необходимымъ организовать такое движеніе въ краѣ, которое могло бы подѣйствовать на русскую правительственную власть и побудить, въ ущербъ ея достоинству, къ существеннымъ уступкамъ въ области объединительныхъ мѣропріятій. Составленіе новаго всенароднаго адреса-протеста было очевидно найдено нецѣлесообразнымъ, въ виду неудачи, постигшей адресы послѣднихъ лѣтъ. Но протестовать главари движенія всетаки нашли необходимымъ и протестъ, на этотъ разъ, долженъ былъ быть перенесенъ въ административныя и судебныя учрежденія края. Давленіемъ агитаторовъ мы объясняемъ то открытое сопротивленіе требованіямъ закона, которое съ особенною силою проявляется здѣсь въ послѣднее время. Сначала абоскій и выборгскій гофгерихты отказались исполнить законъ о новомъ порядкѣ возбужденія уголовнаго преслѣдованія за преступленія по должности, и затѣмъ всѣ четыре вышеназванные губернатора (пятый—ст. сов. Крогіусъ оставилъ службу и замѣненъ новымъ губернаторомъ, не вступившимъ къ этому времени въ должность), высказались противъ изданнаго Высочайшею властью и обнародованнаго еще въ 1901 году Императорскимъ финляндскимъ сенатомъ устава о воинской повинности. Поводомъ для демонстраціи со стороны послѣднихъ послужилъ циркуляръ генералъ-губернатора, въ которомъ излагались причины неудачи призыва прошлаго года.

„Начальникъ края, въ видахъ обезпеченія успѣха предстоящаго въ 1903 году призыва и въ устраненіе повторенія бывшихъ упущеній, рекомендовалъ губернаторамъ принять цѣлый рядъ предупредительныхъ мѣръ, какъ то: опровергать лично и при посредствѣ подчиненныхъ имъ должностныхъ лицъ распускаемые ложные по призыву слухи, озаботиться своевременнымъ составленіемъ и доставленіемъ въ подлежащія учрежденія призывныхъ списковъ, обезпеченіемъ составовъ воинскихъ присутствій

выборными лицами и надлежащими помѣщеніями, а также противодѣйствовать всѣми мѣрами насильственнымъ противъ призывныхъ дѣйствіямъ со стороны агитаторовъ, и, наконецъ, лично присутствовать при наборѣ". Въ отвѣтъ на этотъ циркуляръ почти одновременно, г.-м. фонъ-Кремеръ, полк. Фуругельмъ, д. с. с. Мункъ и отставной полковникъ Бьернбергъ вошли къ генералъ-губернатору съ обширными представленіями, въ которыхъ заявили, что неуспѣхъ призыва 1902 года объясняется не подстрекательствомъ революціонной партіи, а правовымъ сознаніемъ массы финскаго населенія, что уставъ о воинской повинности изданъ съ нарушеніемъ основныхъ законовъ Финляндіи и что поэтому финскій гражданинъ ему подчиняться не долженъ. Умиротвореніе же края, спокойствіе котораго нарушено было, по мнѣнію губернаторовъ, тѣмъ, что уставъ о воинской повинности изданъ въ порядкѣ Манифеста 3-го февраля 1899 года, можетъ быть достигнуто не иначе, какъ передачею означеннаго законоположенія на рѣшеніе сейма". О своемъ заключеніи названные губернаторы просили генералъ-губернатора довести до Высочайшаго свѣдѣнія, что, по словамъ „Финл. Газеты", и было исполнено.

За мѣсяцъ, истекшій со времени послѣдней нашей хроники, состоялось слѣдующее административное распоряженіе по дѣламъ печати:

15 января 1903 г.: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь допустить розничную продажу нумеровъ газеты „Биржевыя Вѣдомости", воспрещенную распоряженіемъ отъ 2 декабря 1902 года".

Сверхъ того, какъ сообщаютъ газеты *), книга В. М. Дорошевича „Сахалинъ" изъята изъ публичныхъ библіотекъ и читаленъ и воспрещена для продажи у офеней и торговцевъ на площадяхъ, базарахъ и т. п. Во Владимірѣ же губернскомъ книга г. Дорошевича была, по недоразумѣнію, временно изъята и изъ книжныхъ магазиновъ, но, въ виду сдѣланнаго разъясненія, возвращена обратно для продажи.

Главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати въ Финляндіи, по сообщенію „Финл. Газеты", за послѣднее время объявлены предостереженія слѣдующимъ газетамъ: „Helsingfors Posten"—„за предосудительную замѣтку" подъ заглавіемъ „Изъ солдатской жизни нѣмцевъ"; Vestra Finnland"—„за неумѣстное извращеніе истины" въ замѣткѣ „Подписка на газеты"; выходящей въ г. Або газетѣ „Sanomia Turusta"; выходящей въ Гельсингфорсѣ газетѣ „Uusi Suometar"—за помѣщенную въ № 35 отъ 12 февраля (30 января) передовую статью подъ заглавіемъ „Wastakkaiset käsitykset

*) «Владим. Газета». Цитируемъ по «Сарат. Дневнику», 1 февр. 1903 г.

nykyisestä asemastä", и газетѣ „Päivälehti"—„за помѣщенную въ № 19 отъ 24 января телеграмму подъ заглавіемъ „Wirkaero", передавшую распоряженіе правительства въ искаженномъ видѣ".

12 февраля 1903 года, на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ. (св. зак т. XIV, изд. 1890 г,), министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости".

В. Мякотинъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

На устройство школы имени **Гл. И. Успенскаго** въ д. Сябринцахъ, Новгородской губ., поступило:

Отъ Я. И. Николина, изъ Пассанаура	12 р.	— к.
„ Неизвѣстнаго	2 „	75 „
„ М. Могилянскаго, изъ Чернигова	1 „	— „
„ А. В. Бернштамъ изъ Кіева	10 „	— „
Итого . . .	25 р.	75 к.

А всего съ прежде поступившими 990 р. 25 к.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова**:

Отъ Я. И. Николина, изъ Пассануара . . .	12 р.	— к.
„ г-жи Меховой	10 „	— „
„ членовъ Ветлужскаго городского общ. собранія	42 „	— „
„ І. И. Годлевскаго, изъ Архангельска . .	1 „	— „
Итого . . .	65 р.	— „

А всего съ прежде поступившими 163 р. 80 к.

ОПЕЧАТКИ.

Въ № 1 „Русское Богатство" 1903 г. въ статьѣ Н. Е. Кудрина „Изъ Франціи" вкрались двѣ, искажающія смыслъ, опечатки:

		Напечатано:	*Надо:*
Страница 109,	строка 18 снизу	соціалиста	спеціалиста
» 126,	» 16 »	буддизма	іудаизма

Редакторы-Издатели: *Вл. Г. Короленко.* *Н. К. Михайловскій.*

Дозв. ценз. Спб., 26 февраля 1903 г. Типографія **Н. Н. Клобукова**, Пряжка, 3.

Благое общественное дѣло.

Непроглядны и тяжелы часто условія жизни тружениковъ. Большинству недоступны даже здоровыя жилища. Коморочныя и коечно-угловыя квартиры—это, поистинѣ, очень дорого оплачиваемыя трущобы, въ которыхъ, однако, вынуждены тѣсно ютиться съ семьями недостаточные люди труда. Въ такихъ, чрезмѣрно переполненныхъ, промозглыхъ, грязныхъ и смрадныхъ жилищахъ здоровье обитателей расшатывается, зарождаются заразныя болѣзни, возникаетъ и поддерживается пьянство, падаетъ нравственность дѣтей и взрослыхъ, ослабляются узы семьи — этой основы общественнаго строя, и постепенно надвигается ужасный бичъ человѣчества—вырожденіе физическое и нравственное.

Въ іюнѣ 1902 г. утвержденъ уставъ Товарищества устройства и улучшенія жилищъ для нуждающагося трудящагося населенія, съ ограниченною отвѣтственностью участниковъ суммою ихъ паевыхъ взносовъ. Возникающее учрежденіе не требуетъ отъ своихъ пайщиковъ благотвореній. Его дѣло не утопія: оно основывается на правильномъ коммерческомъ разсчетѣ. Опредѣляя вступной взносъ въ 2 руб., цѣнность пая въ 25 руб., и допуская разсрочку оплаты паевъ до 2 лѣтъ, уставъ предоставляетъ возможность участія въ Товариществѣ и малосостоятельнымъ лицамъ, а предназначая складочный капиталъ Товарищества на покупку земли и на постройки, онъ обезпечиваетъ его недвижимымъ имуществомъ, которое, въ свою очередь, обезпечиваетъ доходъ съ паевъ въ размѣрѣ до $4^1/_2\%$. Товариществу, дѣятельность котораго не ограничивается какою-либо мѣстностью, уставомъ предоставлены важныя права и, между прочимъ, право открывать учрежденія, способствующія улучшенію жизненной обстановки нуждающагося трудящагося населенія.

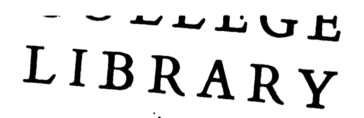
Въ 1890 г. въ Штутгартѣ общество содѣйствія улучшенію благосостоянія тружениковъ обратилось съ воззваніемъ къ жителямъ города. Вскорѣ было собрано по подпискѣ болѣе 400.000 марокъ изъ 3%, а въ 1901 г. на постройку рабочихъ жилищъ уже было затрачено до 5 милліон. мар. Неужели менѣе отзывчивыми окажутся русскіе люди? Вѣдь дѣло идетъ объ охранѣ семейной жизни, объ охранѣ здоровья, работоспособности и нравственности согражданъ — объ исполненіи нашего христіанскаго долга и долга передъ родной страной.

Растетъ населеніе, растетъ и тяжелая жилищная нужда. Вскорѣ Петербургъ будетъ праздновать свою двухсолѣтнюю годовщину. Пусть же наканунѣ ея болѣе обезпеченные **дѣятельно** задумаются надъ улучшеніемъ быта тѣхъ, чей упорный трудъ могущественно содѣйствуетъ увеличенію богатствъ страны.

Временноуполномоченныя собранія учредителей твердо вѣрятъ, что гуманитарныя и истинно патріотическія задачи Товарищества встрѣтятъ живое сочувствіе и содѣйствіе русскаго общества, отзывчиваго на все доброе.

Заявленія о желаніи вступить въ число членовъ Товарищества и оплата вступныхъ взносовъ (2 руб. съ лица) и паевъ (25 руб. пай) принимаются у нижепоименованныхъ временноуполномоченныхъ:

А. Б. Враскаго (Литейный, 24, отъ 6—7½ ч. веч); В. О. Губерта (Мойка, 85, Общ. охр. народн. здр., отъ 6—9 веч.); Е. М. Дементьева (ул. Жуковскаго, 6, ежедневно, исключая Пон. и Суб., отъ 10 до 12 ч. д.); Н. В. Дмитріева (Сергіевская, 34, отъ 10—1 ч. и отъ 5—7 ч. в.); Д. А. Дриль (Невскій, 166, отъ 9—12 ч. д.); П. А. Корсакова (Б. Конюшен. 27, Банкъ, отъ 10—12 ч. д.); Е. Д. Максимова (Николаевская, 38, Канцелярія Попечител., отъ 1—5 ч. д.); М. Н. Нижегородцева (Спасская, 6, Вторн. и Пятн. отъ 3½—5 ч. д.); А. Н. Никитина (Спасская, 7, и СПБ. Об. Вз. Кредита); Э. Г. Перримондъ (Николаевская, 70, отъ 10—11 ч. у. и отъ 6—7 ч. в.); В. А. де Плансонъ (Кирочная. 12, отъ 11—12 ч. д.); В. И. Покровскаго (В. О., 1 л., 54, отъ 9½—11 ч. у. и отъ 6—7½ ч. в.); В. Н. Пясецкаго (Загородный, 70, отъ 9—11 ч. у. и отъ 6—7 ч. в.); Л. Б. Скаржинскаго (В. О., у Биржи, въ зданіи Гл. Упр. Неокл. Сборовъ, отъ 2—5 ч. д.); А. А. Шумахера (Дмитровскій, 16 отъ 10—12 ч. у.); въ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ (Забалканскій, 33, библіотека, отъ 8—10 ч. в.); въ конт. журн. „Нива" (ул. Гоголя, 22), а также у Е. Н. Харламовой (Гатчина, Дворцовое Управленіе).


LIBRARY